

Борис КАГАРЛИЦКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ПЕРИФЕРИЙНАЯ ИМПЕРИЯ: ЦИКЛЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Понять прошлое означает быть
способным преодолеть его.
В конечном счете, речь идет
о том чтобы уметь изменить
настоящее.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР**

Борис КАГАРЛИЦКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

**ПЕРИФЕРИЙНАЯ
ИМПЕРИЯ:
ЦИКЛЫ РУССКОЙ
ИСТОРИИ**

МОСКВА

«АЛГОРИТМ»

2 0 0 9

Оформление серии *Б. Б. Протопопова*

Кагарлицкий Б. Ю.

К 12   Периферийная империя: циклы русской истории /
Б. Ю. Кагарлицкий. — М. : Алгоритм, Эксмо, 2009. —
576 с. — (Политический бестселлер).

ISBN 978-5-699-31149-1

Развитие общественной мысли в современной России идет по одному узкому пути: умами завладела «теория цивилизаций». Книга Сэмюэла Ф. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» как-то сразу вошла в моду, даже раньше, чем ее кто-либо успел прочитать. Ссылаться на нее могли сторонники противоборствующих политических взглядов — одни обещали возвращение России в лоно «европейской цивилизации», из которой она выпала не то в 1917 году, не то в XIII веке; другие, напротив, призывали охранять устои «русской» или «евразийской» цивилизации.

Между тем антиисторизм «цивилизационной школы» бросается в глаза при первом же ее соприкосновении с фактами. Само понятие цивилизации рассматривается как застывшее, «фундаментальное» — неизменное. Автор данной книги, историк и политолог Б. Кагарлицкий в противовес абстракциям, мифам и идеологическим спекуляциям «цивилизационной школы» доказывает, что Россия никогда не была страной, изолированной от мира. Русская история развивалась в полном соответствии с циклами мировой истории даже тогда, когда в России провозглашались изоляционистские идеологемы.

Работа Б. Ю. Кагарлицкого отличается научной основательностью, привлечением огромного количества фактического материала и охватывает весь период русской истории с древнейших времен до наших дней.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-699-31149-1

© Кагарлицкий Б. Ю., 2008
© ООО «Алгоритм-Книга», 2008
© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

Введение

ИСТОРИЯ КАК ПОЛИТИКА

«Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ничем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили», — горько констатировал выдающийся русский мыслитель XIX века Петр Чаадаев¹. Впрочем, подобный пессимизм не помешал ему же позднее заявить: «Я считаю наше положение счастливым, если только мы сумеем правильно оценить его; я думаю, что большое преимущество — иметь возможность созерцать целый мир со всей высоты мысли, свободной от необузданных страстей и жалких корыстей, которые в других местах мутят взор человека и извращают его суждения. Больше того: у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникающих в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великим трибуналом человеческого духа и человеческого общества»².

---

¹ Чаадаев П.Я. Полн. собр. сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1. С. 330.

² Там же. С. 534.

ПРЕДМЕТ И МЕТОД

В начале 90-х годов XX века Россия в очередной раз удивила мир стремительными и неожиданными переменами. Крах Советского Союза, мгновенное превращение видных деятелей коммунистической партии в ярых либералов, поразительно быстрая и легкая смена лозунгов правящими кругами, перебравшими весь набор политических идей от «возрожденного социализма» и «правового государства» до сильной исполнительной власти и российского национального возрождения — и все это за одно десятилетие.

В «спокойные» периоды людям начинает казаться, что прошлое не имеет к ним никакого отношения. Его надо изучать по учебникам и монографиям. Обострение политической борьбы заставляет каждого человека, порой против его собственной воли, «жить в истории» и «творить историю». И тогда мы неожиданно обнаруживаем, что НАШИ НАДЕЖДЫ И ИЛЛЮЗИИ, ОШИБКИ И УСПЕХИ — ТОЖЕ ЧАСТЬ ИСТОРИИ, ЧТО МЫ ОТВЕТСТВЕННЫ ПЕРЕД ПРОШЛЫМ ТАК ЖЕ, КАК И ПЕРЕД БУДУЩИМ. И мы обязаны понять значение накопленного опыта для сегодняшнего дня просто потому, что иначе мы рискуем ничего не понимать в своих собственных действиях.

Быть марксистом не в последнюю очередь как раз и значит осознавать непрерывность истории. Когда антикоммунистические силы одержали верх в Москве в августе-сентябре 1991 года, они первым делом принялись сносить памятники и переименовывать улицы, пытаясь изгнать из столицы призраков коммунистического прошлого и заселить ее новыми призраками — докоммунистическими. Но не тут-то было. Призрак так легко убить нельзя. И переименование улиц или городов дало обратный эффект, выявив, насколько идеи, слова, понятия, внедрившиеся в общественное сознание за десятилетия коммунистического режима, стали неискоренимой частью национальной культуры.

Все происходящее в стране могло бы показаться невообразимой и безвкусной фантасмагорией, если бы это не

было нашей собственной жизнью и судьбой. Политические ошибки в России всегда стоили невероятно дорого. Не для политиков, разумеется, а для страны. Поэтому, вглядываясь в прошлое, мы обычно становимся в позицию судей, если не прокуроров. Но поиски виновных в истории отнюдь не возвышают нас над событиями. Как раз напротив. В истории нет и не должно быть однозначных оценок и окончательных, не подлежащих обжалованию приговоров. Следовательно, мы должны не судить, а понимать.

Понять не значит простить. Понять прошлое означает быть способным преодолеть его. В конечном счете, речь идет о том, чтобы уметь изменить настоящее. Ради чего, собственно говоря, и существует история.

Увы, история всегда была тесно связана с политикой. С древних времен события прошлого использовались для обоснования амбиций правителей. Достаточно прочитать древние Хроники или труды Тита Ливия, чтобы понять, насколько взгляды на описываемые события зависимы от религиозных и политических воззрений повествователя. Позднее в Европе национальный миф, опиравшийся на исторические факты, сам становится основой государственной идеологии. Критика исторических мифов сама по себе стала мощным оружием революционеров с конца XVIII века. В марксистской традиции историзм и критический подход к обществу оказались неразделимо связаны.

Нигде в Европе не спорят так яростно о деятелях давно минувших дней, как у нас в стране. Оценки Ивана Грозного, Александра II или Петра I неотделимы от политической позиции автора. Все эти персонажи и символы все еще «здесь», с нами. О них говорят так, будто они только что вышли за дверь. Вся страна напоминает огромный дом с привидениями, которые незримо (а иногда и зримо) присутствуют среди участников современных событий. Прошлое оказывается напрямую связано с будущим, оно порой кажется участникам событий важнее настоящего. При этом история оказывается предельно идеологизирована и политизирована. Разумеется, здесь нет ничего исключительного. «Власть над прошлым» есть форма политического кон-

троля. Особенность России, однако, в том, что отсутствие сколько-нибудь развитых форм народного представительства сделало историю принципиально важной для легитимизации власти. Не имея возможности подтвердить свою законность честно полученным народным мандатом, сменяющие друг друга режимы и правительства принуждены были апеллировать к прошлому, к истокам.

Множество томов написано отечественными историками в жанре «поиска виноватого». Одни, со времен Карамзина, жалуются на татаро-монгольское нашествие XIII века, «задержавшее развитие страны», другие возлагают вину на революцию 1917 года или на большевиков, которые «столкнули Россию с правильного пути». «Славянофилы» обвиняют в бедах России Петра Великого, пожертвовавшего самобытностью ради западных веяний.

Можно искать объяснения всех бед в решении Владимира Красное Солнышко принять христианство от Византии, а не от Рима. Средневековые хронисты, правда, упоминают, что у князя Владимира были еще и другие варианты: например, принять иудаизм, что повергает в ужас сторонников теории «еврейского заговора».

«Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить...» — писал Тютчев. В самом деле, общие, «европейские» схемы, как правило, в России оказывались посрамленными. Но вот беда: попытки анализировать русскую историю с позиций национальной исключительности и «самобытности» проваливались столь же безнадежно.

На протяжении XIX века борьбу за русскую историю вели либеральная и славянофильская исторические школы. После краха Советского Союза эти же школы возродились в первоначальном виде, как будто не было ни опыта XX столетия, ни открытий археологии, ни «ревизионистской историографии» на Западе. «Западники» и «славянофилы» абсолютно едины в понимании русской истории как изолированной и «особенной», не подчиненной общей для других стран логике. Первые видят в этом странную аномалию, возникшую в силу ряда случайных обстоятельств — преодолеть это «ненормальное» положение дел должна просве-

щенная власть, готовая порвать с прошлым, а в случае необходимости и совершить ритуальное надругательство над народом и его культурой. Напротив, «славянофилы» верят в «особый путь» России, восторгаются ее своеобразием. Они холят и лелеют все, что может служить доказательством существования особой «православной» или «евразийской» цивилизации, все, что противопоставляет ее остальному миру.

Надо сказать, что представление о России, как о стране, чудесным образом существовавшей вне мировой истории и международной экономики, не чуждо и некоторым западным историкам. Никто иной, как Фернан Бродель, писал, что Московское царство представляло собой страну, которая «оставалась наполовину замкнутой в себе», жило, не особо нуждаясь во внешнем мире, ибо такая огромная держава — «сама по себе мир-экономика»¹. Основные события русской социально-экономической истории излагаются им без всякой связи с аналогичными процессами, происходившими в других странах. Так, возникновение крепостничества объясняется исключительно стремлением царя поддержать помещиков, от которых земледельцы могли разбежаться по бескрайним русским просторам². При этом от внимания выдающегося французского историка странным образом ускользает то, что ровно в то же время в других, не столь «просторных» странах Восточной Европы происходят очень схожие процессы, им же самим упомянутые.

В классическом исследовании Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» раздел о России на-

---

¹ Бродель Ф. С. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 3: Время мира. М.: Весь мир, 2007. С. 482.

² См. там же. С. 487. Вообще надо отметить, что русский раздел книги Броделя написан на удивление неряшливо, изобилует неточностями. Так, Иван Грозный, а не Иван III характеризуется как деятель «основавший и вылепивший новое московское государство» (с. 486). В другом месте указывается, что английская «Московская Компания» смогла «открыть дверь в Архангельск» (с. 481—482), тогда как на самом деле архангельский порт был открыт голландцами, не в последнюю очередь для того, чтобы создать конкуренцию англичанам.

столько лишен связи с другими частями этой работы, что возникает вопрос: зачем вообще нужно было включать Россию в книгу, посвященную развитию мирового рынка?

Между тем, история России просто не существует вне европейской и мировой истории. И не только в смысле хронологическом или географическом. Российская специфика и даже «уникальность» есть лишь своеобразное проявление общемировых процессов. Зачастую — проявление экстремальное. Но именно поэтому понимание русской истории — необходимое условие для осознания того, что творится в мире. И наоборот: без понимания мировой истории русское прошлое действительно превращается в цепочку нелепых загадок, которую, как говорил поэт, ни умом не понять, ни общим аршином не измерить. «Общий аршин» — вообще противоречие в определении, такая мера длины нигде, кроме России, не существовала. Но именно в этой поэтической оговорке отражена вся тупиковость культурно-исторических дискуссий о судьбе России.

«Уникальность» России действительно можно подтвердить ссылкой на множество фактов. Это страна, где, по выражению Петра Великого, «небывалое бывает». Но «уникальность» России объясняется не «загадочной славянской душой» и не отставанием от «передового Запада», а специфическим положением, которое наша страна занимала в мировой экономической системе. В русской истории нет ничего «неправильного» или загадочного. Но ее, как, впрочем, и историю любой другой страны, невозможно понять вне мирового развития.

ШКОЛА ПОКРОВСКОГО

К счастью, идеи «славянофилов» и «западников» — далеко не единственное, что было порождено русской исторической традицией. Революция 1917 года поставила под вопрос мифы официальной русской историографии. Само представление о русской культурной традиции обречено было на коренной пересмотр. В начале XX века, когда грядущие потрясения еще только предчувствовались, либераль-

ные публицисты писали, что народ, совершивший революцию, обречен родиться заново. Самосознание англичан и французов, их представления о себе были радикально изменены благодаря опыту революций.

Прошлое России неминуемо обречено было в первой четверти XX века стать объектом переосмысления, марксистской исторической критики. Лидером этой критики, в сущности, первым «ревизионистским историком» в современном понимании слова, стал Михаил Покровский. Ученик выдающегося либерального историка Ключевского, он пришел к выводу, что русское прошлое нуждается в радикальном переосмыслении, а марксистский анализ дает ключ к новому пониманию событий. Однако судьба «исторического ревизионизма», представленного в советской России «школой Покровского», оказалась незавидной. Его идеи были востребованы в годы революционного подъема. С того момента, как возглавляемая Сталиным бюрократия одержала верх над революционными фракциями, изменился и подход к истории.

Разгром «школы Покровского», умершего за пять лет до того, начался в недоброй памяти 1937 году и принял характер серьезной идеологической кампании. «Старые большевики», оказавшиеся на скамье подсудимых «Московских процессов», были приговорены к расстрелу, а теория Покровского была приговорена к исчезновению не только из учебных программ по истории, но и из общественной памяти. Уцелевшие ученики выдающегося историка подверглись репрессиям. Их умершего учителя обвинили в том, что его концепция «лишена чувства родины», а его труды отличает «игнорирование ленинско-сталинских указаний по вопросам истории»¹. В чем состояли эти указания (тем более — со стороны давно уже умершего Ленина), никто объяснить, естественно, не удосужился. Пропагандистская кампания, совершенно в стиле «Московских процессов», состояла в распространении совершенно нелепых и карикатурных обвинений, которые имели такое же отношение к действитель-

---

¹ Малая советская энциклопедия. М.: ОГИЗ РСФСР, 1939. С. 386.

ности, как и обвинения в шпионаже в пользу всех империалистических держав сразу, выдвинутые против «старых большевиков». Емельян Ярославский, придворный публицист Сталина, подвел итог разгрому, написав в «Правде», что взгляды уничтожаемой школы представляют собой «антимарксистские извращения и вульгаризаторство»¹.

Фактически после разгрома школы Покровского официальная историческая наука возвращается в лоно дореволюционной традиции. «Советский термидор» нуждался в собственных мифах. Перечень правителей, дополняемый описанием побед русской державы, чередуется с периодически повторяемыми жалобами на экономическую и культурную «отсталость». Советский период выглядит завершающим и триумфальным, ибо он знаменует продолжение побед на фоне преодоления отсталости. Коммунистическая партия воплощает итог тысячи с лишним лет развития России. История выполнила свою задачу и становится ненужной (страна лишь идет «от съезда к съезду», на которых счастливый народ докладывает партии о своих успехах). После разгрома «школы Покровского» в 1930-е годы советская историческая наука в основном вернулась к традиционным концепциям исследователей XIX века, лишь украсив их цитатами из Маркса, Ленина и Сталина.

В 1960-е годы, под влиянием общего духа перемен, царивших в обществе, возобновилась и полемика среди историков. Господствующие концепции начали подвергаться критике и переосмыслению, но продолжалось это недолго. С окончанием эпохи «оттепели» пресеклась и очередная историческая дискуссия. Спустя еще два десятилетия крах советской системы позволил благополучно убрать «марксистские» цитаты из учебников и академических монографий, ничего не меняя по существу.

Конечно, с крушением Советского Союза исторический официоз подвергся идеологической корректировке. Но изменено было лишь отношение к советскому периоду — из эпохи великих побед он превратился в череду «мрачных страниц прошлого». Иными словами, несмотря на все по-

¹ Правда. 12.01.1939.

литические перипетии, подход к досоветской истории (да и культурной традиции) оставался неизменным. Советские историки продолжали линию либеральных авторов XIX века, а писатели-антикоммунисты, осудив все советское, провозгласили возврат к либеральной традиции, убрав ставшие ненужными цитаты. Идеи, торжествовавшие в конце XIX века, оставались непоколебимо официальными и в начале XXI столетия. Социальная и экономическая история вообще оказались как бы вне поля зрения образованного общества. Не то чтобы по этим вопросам не выходило новых книг — новые исследования выходили, порой блестящие, — но они очень мало влияли на общие представления о прошлом, преобладавшие в массовом и даже в интеллигентском сознании.

Напротив, Покровский с самого начала формулировал свои идеи в жестком противостоянии с господствовавшими тогда в исторической науке идеями. Высоко оценивая сравнительно «нейтрального» Соловьева, он явно противопоставлял свои взгляды либеральным воззрениям на прошлое России и обещал реинтерпретировать русскую историю с материалистической точки зрения. Причем обращался Покровский прежде всего к читателю, «мозги которого не вывихнуты школьными учебниками истории»¹.

Официальная историография отплатила Покровскому той же монетой. Покровского фактически вычеркнули из общеупотребительного списка русских историков. Не случайно, что после отмены советской цензуры, когда в массовом порядке стали переиздаваться работы многочисленных дореволюционных историков, включая второстепенных и третьестепенных, работы Покровского так и оставались неизвестными широкой публике. В официальной школьной хрестоматии по русской истории Покровский — единственный, кому не уделено ни строчки, чье имя даже не упоминается!

Однако в чем все же состоит принципиальное различие? Дело в том, что для русской исторической традиции

---

¹ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке (от древнейших времен до конца XIX столетия). 7-е изд. Ч. 1. М.-Л.: 1929. С. 3.

оказалось характерно преувеличение роли внешнеполитических факторов, недооценка внешнеэкономических и крайне слабое понимание связи между первыми и вторыми. Попытка понять историю любой страны вне связи с историей человечества в целом обречена на провал. Попытка же анализировать русскую историю как некое самостоятельное и изолированное повествование могла привести только к возникновению конкурирующих мифов «западников» (верящих, будто все беды России — от недостаточного влияния Запада) и «славянофилов» (убежденных, что все несчастья происходят от избытка этого влияния). Как на самом деле построены отношения России с внешним миром, какова их природа и в чем причина их драматизма, остается и для тех и для других мистической загадкой, к которой они суеверно предпочитают даже не притрагиваться.

Ортодоксальный марксизм, в том виде, в каком он был воспринят русскими «легальными марксистами» начала XX века, отнюдь не исправил положения. История каждой страны рассматривалась в отдельности от мировых процессов, а развитие воспринималось как нечто вроде состязания бегунов, бегущих по параллельным дорожкам, но одновременно и в одном и том же направлении. Именно эти представления (противоречившие, кстати, не только диалектическим идеям Маркса, но и опыту русской революции) легли в основу официального советского марксизма времен Сталина. Отсюда, кстати, и классические образы риторики сталинизма — «догнать и перегнать Америку», «вперед, по пути к коммунизму» и т.д.

Петр Струве и другие либеральные идеологи «легального марксизма» вряд ли предполагали, что закладывают методологические основы для целой школы коммунистических пропагандистов и официальных историков, но сделанная ими «марксистская» прививка к либеральной исторической традиции оказалась на редкость эффективной. Вместо того чтобы применить критический метод к достижениям исторической мысли XIX века, официальная советская история свела свой марксизм к повторению тех самых идей, которые, с точки зрения Маркса, надлежало подвергать сомнению.

«ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ШКОЛА»

Восстановление традиций «школы Покровского» необходимо, по крайней мере, в интересах научной добросовестности и исторической справедливости. И все же простого возвращения к идеям Покровского уже недостаточно. Если господствовавшие в русской исторической науке концепции мало изменились за последние сто лет, то археология и архивные исследования заметно продвинулись. Одновременно «школа миросистемного анализа» в англоязычной социологической и исторической литературе дала нам важные идеи для понимания общественного развития. Парадоксальным образом, перечитывая Покровского под этим углом зрения, легко прийти к выводу, что переосмысление господствующих концепций русской истории должно быть даже еще более радикальным, чем у марксистского исследователя начала века.

Между тем, реальное развитие общественной мысли в посткоммунистической России пошло по совершенно иному пути. Крах советской идеологии не мог не породить серьезного кризиса и в общественных науках. Поскольку марксизм был поставлен вне закона, а бесконечно повторять тезисы столетней давности было уже невозможно, умами завладела «теория цивилизаций». Книга Сэмюэла Ф. Хантингтона «Столкновение цивилизаций»¹ как-то сразу вошла в моду, даже раньше, чем ее кто-либо успел прочитать. Ссылаться на нее могли сторонники противоборствующих политических взглядов — одни обещали возвращение России в лоно «европейской цивилизации», из которой она выпала не то в 1917 году, не то в XIII веке, другие, напротив, призывали охранять устои «русской» или «евразийской» цивилизации.

Основоположником цивилизационного подхода к истории принято считать Освальда Шпенглера. Однако еще до того, как им был написан знаменитый «Закат Европы»,

¹ Huntington S. The Clash of Civilizations. N.Y.: 1996.

похожие представления об истории были сформулированы консервативным русским мыслителем Николаем Данилевским. Книга Данилевского «Россия и Европа», опубликованная в 1871 году, когда русское общество понемногу оправлялось от шока, вызванного поражением в Крымской войне, проникнута неприязнью к «неблагодарному Западу», не умеющему оценить «великодушия» России. Данилевский особо подчеркивает, что врагом России являются не правительства, а именно народы, общество западных стран. Данилевский убежден, что во время Крымской войны «общественное мнение Европы было гораздо более враждебно к России, нежели ее правительственные и дипломатические сферы»¹. Все дело в глубокой неприязни, которую западная цивилизация, основанная на принципах «утилитарности» и «практической пользы», испытывает к русской цивилизации, воплощающей гармонию практического начала и высокой духовности. На Западе «нет места закону любви и самопожертвования»².

Напротив, Российская империя все делала наиболее нравственным образом, даже ее завоевательная политика была направлена исключительно на пользу покоряемых народов. «Никогда занятие народом предназначенного ему исторического поприща не стоило меньше крови и слез». Русский народ обижали и угнетали все. Сам же он не обидел

---

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Известия, 2003. С. 42. Любопытно, что в предисловии к этому изданию книги Данилевского его теории прямо противопоставляются марксистской концепции миросистемы. Причем преимущество «цивилизационного подхода» доказывается весьма своеобразно. Оказывается, миросистемный подход, обнаруживая периферийность России, вызывает пессимизм, тогда как идеи Данилевского настраивают русского человека на оптимистический лад. Жаль, что общественные теории оцениваются не по тому, насколько они правильно объясняют реальность, а по тому, какое настроение они вызывают у читателя. Нелишне, кстати, напомнить, что пессимизм и оптимизм — дело субъективное. Миросистемная теория вовсе не утверждает, будто страны периферии неизбежно обречены зависеть от Запада. Она лишь объясняет, почему они не могут решить собственные проблемы, не преобразуя миросистему в целом.

² Данилевский Н.Я. Цит. соч. С. 54.

никого. «Воздвигнутое им государственное здание не основано на костях попранных народностей. Он или занимал пустыри, или соединял с собой путем исторической, нисколько не насильственной ассимиляции такие племена, как чудь, весь, меря или как нынешние зыряне, черемисы, мордва, не заключающие в себе ни зачатков исторической жизни, ни стремлений к ней; или, наконец, принимал под свой кров и свою защиту такие племена и народы, которые, будучи окружены врагами, уже потеряли свою национальную самостоятельность или не могли более сохранять ее, как армяне и грузины. Завоевание играло во всем этом самую ничтожную роль, как легко убедиться, проследив, каким образом достались России ее южные окраины, слывающие в Европе под именем завоеваний ненасытимо алчной России»¹.

К моменту написания работы Данилевского как раз подошла к концу полувековая Кавказская война, сопровождавшаяся массовыми убийствами и «этническими чистками» черкесов, чеченцев и других народностей, не понимавших блага православной цивилизации. Точно так же и «раздел Польши, насколько в нем принимала участие Россия, был делом совершенно законным и справедливым, был исполнением священного долга перед ее собственными сынами, в котором ее не должны были смущать порывы сентиментальности и ложного великодушия»². Восстания же поляков и других покоренных народов объясняются исключительно их неблагодарностью и амбициями. А если в самой России многие с этим не согласны, то только потому, что под влиянием западного просвещения «крепко забились гуманитарные бредни в русские головы»³. К числу других бедствий, постигших русский народ, относятся, по его мнению, такие чуждые культурному национальному типу новации, как введение в обиход европейского платья, предоставление обвиняемому права на защиту и освобождение печати в конце 60-х годов XIX века.

---

¹ Данилевский Н.Я. Цит. соч. С. 45.

² Там же. С. 55.

³ Там же. С. 50.

Не только имперские завоевания, но и крепостное угнетение русских крестьян не вызывает у него осуждения. Данилевский прославлял русского православного чиновника так же, как Редьярд Киплинг миссию белого человека. Однако дремучий консерватизм Данилевского опирался на вполне серьезную методологическую основу — теорию «культурно-исторических типов», имеющих четкие законы развития. В этом смысле ничего нового со времени Данилевского не сказали под занавес XX века ни Сэмюэл Хантингтон, ни другие звезды «цивилизационной школы». Разница лишь в том, что каждый из них предлагает собственный список «цивилизаций» и собственную трактовку их различий.

Антиисторизм «цивилизационной школы» бросается в глаза при первом же ее соприкосновении с фактами. Само понятие цивилизации рассматривается как застывшее: «фундаментальное» — неизменное. На самом деле, «основным», неизменным кажется то, что сохранилось исторически, а не наоборот. При этом «цивилизации» постоянно меняются под воздействием внешних исторических — экономических, политических — факторов.

«Цивилизационный» подход оказался одинаково удобен для враждующих политических направлений. На Западе он стал в начале XXI века идеологией новых крестовых походов и оправданием неокOLONиализма. В XIX веке Киплинг прославлял «бремя белого человека», который несет на Восток достижения индустриальной цивилизации. Теперь передовые страны должны были привить «отсталому миру» ценности демократии, которые, оказывается, напрочь отсутствуют в мусульманской или «конфуцианской» культурах. Для этого не грех и оккупировать ту или иную отсталую страну и попользоваться ее ресурсами — до тех пор, пока местное население не «созреет» для демократии. Исламские фундаменталисты нашли в тех же концепциях дополнительное обоснование своей ненависти к «безбожному Западу». А русские националисты ссылались на Хантингтона для объяснения того, почему надо защищать православие и «святую Русь» от натиска «атлантической культуры», «исламской угрозы» и «китайского давления».

Преимущество «цивилизационного» подхода состоит именно в его ненаучности, в размытости и неопределенности понятий, которые можно выворачивать на любой лад. Разразившаяся на этой почве дискуссия о том, существует ли «евразийская» или «русская цивилизация», сама по себе показательна. Каждый участник спора придумывал собственные определения, в результате чего одних лишь толкований термина «евразийство» набралось великое множество.

Впрочем, главная проблема «цивилизационной школы» — не в размытости определений, а в нежелании считаться с историей и вообще с фактами. В этом смысле перед нами классический пример «идеологии» в понимании молодого Маркса, «ложного сознания», которое представляет собой набор устойчивых стереотипов, не поддающихся проверке практикой. «Цивилизация» здесь воспринимается как нечто устойчивое на протяжении столетий, некие культурные принципы, определяющие развитие народов на протяжении веков. Отсюда возникает уверенность, будто существует некий «западный» и «русский человек» вообще, вне конкретного политического, социального и экономического контекста. Культурные традиции, действительно, устойчивы. Но они эволюционируют. Их содержание формируется и меняется именно под влиянием истории, вместе с развитием общества. Сами по себе они — продукт этого развития, способ коллективного осмысления и фиксации результатов общественной эволюции. В результате, «цивилизации» и культуры переживают разительные метаморфозы.

Общеизвестно, что Макс Вебер видел в «конфуцианстве» (в отличие от «протестантской этики») культурный механизм, сдерживающий предпринимательство. А «поствеберовская» социология именно в конфуцианстве видит азиатский эквивалент «протестантской этики», обеспечивший успех Японии, Кореи и Китая на мировом рынке.

Был ли не прав Вебер? Отнюдь. В его эпоху конфуцианство функционировало как консервативная и традиционалистская идеология. Но вместе с модернизацией стран Дальнего Востока менялось и наполнение конфуцианской традиции. Ошибка состоит не в том, как трактуется та или иная

культура, а в том, что сани в данном случае ставятся впереди лошади. Не культура предопределила успех или поражение модернизации, а наоборот, успех или поражение модернизации предопределяет тот или иной вариант развития культуры. В этом смысле «консерватизм» или «радикализм» ислама во второй половине XX века тоже отнюдь не является чем-то унаследованным от времен Магомета. Ислам стал таким в результате неудачи модернизаторских попыток на Ближнем Востоке. Это своеобразное осмысление трагического опыта, реакция на череду неудач и унижений, пережитых арабским миром.

Легко заметить, что в эпоху политических и экономических успехов «исламская культура» была совершенно иной. Посмотрите на «европейскую цивилизацию» и «мусульманский Восток» в XI веке, в момент, когда начинаются Крестовые походы. Запад в это время закрыт, консервативен, враждебен к инновациям, милитаризован, агрессивен. «Франки» (так называли на Востоке всех западных европейцев) приходят в Константинополь, а потом и в Иерусалим толпой варваров, несущих сплошное разрушение. Вожди крестоносцев с трудом удерживают свое воинство от грабежей на территории «союзнической» Византии. Эти люди неграмотны и нечистоплотны. Они не знают элементарных вещей об устройстве мира, полны суеверий, жестоки. Напротив, Восток динамичен, толерантен, склонен к новациям, открыт. Именно поэтому на первых порах он терпит неудачу. Военный успех европейцев — результат более высокого уровня милитаризации. Но этот успех оказался недолговечен, ибо Восток, обладая технологическим перевесом и более динамичной социальной системой, вновь «переиграл» Запад в XIII—XIV веках¹.

Крестовые походы, разумеется, можно изобразить как столкновение систем или «цивилизаций». Получится очень похоже на XXI век, только роль «открытого общества» и «культуры просвещения» будет играть не Запад, а исламский мир.

---

¹ Блестящее описание Крестовых походов как столкновения западного варварства и восточного просвещения см.: Ali T. The Clash of Fundamentalisms. Crusades, Jihads and Modernity. N.Y., Verso, 2003.

Разумеется, происходит взаимопроникновение культур, но это не объясняет рывка Европы в XV веке. Крестовые походы открыли для Запада восточные знания и технологии, но еще не гарантировали успешного развития. Не случайно в военном плане они закончились неудачей, за которой последовало наступление Османской империи на Юго-Восточную Европу. И лишь в XVI веке западные страны, уже вступающие в эру буржуазного развития, останавливают натиск османских турок.

Восток в XVI веке не стал «консервативнее», скорее он стал восприниматься как консервативный на фоне головокружительного развития Запада. Что же случилось в Европе на рубеже XV и XVI столетий?

Можно сказать, что на исходе Средневековья произошла своего рода «цивилизационная мутация». Она началась с Крестовых походов. А затем Западная Европа переживает в XV—XVI веках Ренессанс и Реформацию, причем, в культурном плане Ренессанс значил, быть может, больше, чем Реформация. То, что европейская культура радикально изменилась, не вызывает сомнений. Вопрос в другом: почему? Пользуясь «культурологическими» методами, никаких объяснений найти невозможно, сколько бы ни копать в раннем Средневековье. Между тем ответ лежит на поверхности: причиной культурной трансформации является развитие буржуазных отношений. Неслучайно очаги культурной модернизации в средние века возникают именно там, где наблюдается наиболее динамичное развитие новой рыночной экономики, — в Италии и Нидерландах. Меняется жизнь, меняется повседневный опыт людей, меняется и их сознание.

МИРОСИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Марксистский взгляд на историю опирается на достаточно очевидные факты, в противовес абстракциям, мифам и идеологическим спекуляциям «цивилизационной школы». Однако сами марксистские исследователи, пытающиеся разобраться в происхождении европейского капитализма, делятся на два направления. Одна группа авторов обращает

внимание на технологическую революцию, развернувшуюся на Западе в XV—XVI веках, рост внутреннего рынка и формирование буржуазного типа производства. Города предъявляют повышенный спрос на продукцию села, натуральное хозяйство окончательно сменяется товарным, а это означает, что нужно менять всю экономическую организацию. В конечном счете, начинает меняться и сельское хозяйство, все более ориентирующееся на потребности рынка. Капитализм вырастает из развития феодализма.

С другой стороны, возникает подозрение, что весь этот бурный рост был вызван не только и не столько внутренней динамикой системы, сколько внешними толчками. Два события изменили лицо Европы в XIV и XV веках. Оба эти события воспринимались современниками вовсе не как начало новой эры, а как Божия кара и в любом случае беспрецедентное бедствие. Речь идет о Великой Чуме и о падении Константинополя.

Чума, уничтожив до трети европейского населения, создала спрос на наемную рабочую силу, в том числе и в деревне. Падение Византии предопределило торговый кризис и поиски новых морских путей, что привело к открытию Америки и путешествиям в Индию. Поток золота из Нового Света привел к «революции цен», когда золото утратило прежнюю покупательную способность, зато резко возрос спрос на товары. Это был, пожалуй, первый случай, практически подтвердивший будущую теорию Дж. М. Кейнса об инфляции как стимуле экономического роста. Колонизация Америки создала трансатлантическую экономику, в рамках которой и сложился капитализм.

Школа «миросистемного анализа», созданная Иммануилом Валлерстайном, Самиром Амином и Андре Гундером Франком, концентрирует свое внимание именно на этих глобальных процессах. Напрашивается, однако, вопрос: если бы не было сначала чумы, а затем падения Константинополя — неужели не было бы и европейского капитализма? Тем более что буржуазные отношения явно вызревали в Италии, Фландрии, Чехии и некоторых других частях Европы задолго до эпохи Великих географических открытий.

История, как известно, не знает сослагательного наклонения, и все же как быть, когда мы имеем дело с двумя различными, но равно убедительными объяснениями одного и того же процесса? Скорее всего, «внутреннее» развитие европейских городов и «внешний» толчок дополнили друг друга. В позднефеодальном Западе накапливался огромный творческий, технологический, а главное, социальный и организационный потенциал. Однако были нужны внешние стимулы, чтобы все эти силы внезапно вырвались на свободу¹.

В любом случае, без «великого перелома» XIV—XV веков капитализм не принял бы ту форму, в которой мы его знаем в Новой истории. Причем именно культурное оформление буржуазной цивилизации Запада в значительной мере было предопределено этими событиями.

Андре Гундер Франк в книге «*Re Orient*» пытается объяснить торжество Запада на протяжении Нового времени исключительно «случайным» стечением обстоятельств². Колумб случайно нашел Америку, там случайно оказалось много серебра, это случайно совпало с периодом экономического упадка в странах Азии и т.д.

«*Re Orient*» примечательна именно в том смысле, что показывает теоретическую ограниченность миросистемного анализа. Начав с демонстрации ограниченности ортодоксальных марксистских схем, сводящих историю экономики исключительно к «естественному» развитию производительных сил и производственных отношений, эта школа на определенном этапе обнаружила, что без понимания движу-

---

¹ Показательно, что Карл Маркс и Фридрих Энгельс в «Коммунистическом манифесте» также подчеркивают связь между формированием нового мира экономики и становлением капитализма: «Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для подымающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 425).

² Frank A.G. *Re Orient*. University of California Press, 1998.

щих сил социальной истории невозможно разобраться ни в развитии мировой торговли, ни в геополитике.

И в самом деле, средневековая Европа далеко отставала от Востока. Африканцы смеялись, увидев каравеллы португальцев, ибо они уже видели величественные суда китайского флота. Однако именно эти маленькие суденышки изменили всю мировую экономику и политику, тогда как Великий Китай, обладавший несравненно большими ресурсами, ничего революционного в ту эпоху не совершил. Восток отстал потому, что капитализм не смог сформироваться в рамках азиатской торговой цивилизации. Азиатский способ производства, который Маркс обнаружил в Китае, Египте и Индии, все же был реальностью, а не мифом. Государство было сильным, обеспечивало хозяйственное равновесие и поступательное развитие, которого не было в Европе. Благодаря этому в древности Китай опередил Запад на целую эпоху. Но отсутствие равновесия на Западе таило и огромные возможности. Историческое развитие — не линейный, а неравномерный процесс. Даже в XVII веке Европа все еще учится у Китая в плане технологии. Восток опережает Запад и по уровню грамотности, и по производительности труда, и по благосостоянию.

Но Запад развивается стремительно, а Восток стагнирует. Причина проста, и ее вполне убедительно показал все тот же Карл Маркс. На Западе торжествует капитализм, заставляющей безжалостно, но предельно эффективно мобилизовать все наличные человеческие и технологические ресурсы ради накопления. Восток же так и не превратил накопление торгового капитала в буржуазный способ производства.

Роль Великих географических открытий в истории капитализма огромна. И все же капитализм вызревал внутри феодализма естественным образом. Другое дело, что именно географическая экспансия западного мира сделала ВОЗМОЖНОСТЬ буржуазной эволюции в Западной Европе РЕАЛЬНОСТЬЮ. Все прото-буржуазные движения в Европе XIV—XV века терпели поражение — до начала великих географических открытий. Итальянский Ренессанс был, в сущ-

ности, первой буржуазной революцией — прежде всего, в сфере культуры и идеологии, но также и в области политики: неслучайно его теоретическое обобщение мы находим в «Государе» Макиавелли. Чешские гуситы были первым прототипом буржуазного национального движения — в богатой, развитой и процветающей Чехии. Идеология гуситов была прямой подготовкой Реформации, но гуситы были изолированы и побеждены, а спустя сто лет Реформация как пожар охватила всю Европу. Что изменилось за это время? Изменились внешние условия. Возможное стало действительным. Именно резкое расширение экономического мира дало шанс иного развития, резко изменив соотношение социальных сил в обществе, стимулировав появление новых технологий, рост буржуазных отношений вширь и вглубь.

Таким образом, реальный капитализм исторически сложился именно как миросистема и приобрел свои конкретные черты именно в процессе развития мироэкономики.

Буржуазные отношения существовали и до Великих географических открытий. Торговый капитал существовал задолго до того, но нигде не смог стать господствующей социальной силой. Италия XIV—XV веков зашла в тупик, не найдя перспектив для торговой экспансии. Именно открытия XV—XVI веков создали условия, когда эти отношения оказались экономически господствующими. А главное, великие открытия сделали, в конечном счете, необходимым превращение торгового капитала в промышленный. Переворот XV—XVI веков позволил высвободиться разрушительным и созидательным силам капитализма. А капитализм позволил Западу успешно реализовать уникальные социокультурные возможности, открывшиеся на рубеже Средневековья и Нового времени.

Сторонники традиционного марксизма с недоверием относились к «школе миросистемного анализа». Ведь, по их мнению, в работах этих исследователей капитализм предстает не как способ производства, а скорее как система обмена. В самом деле, мировая система, описанная в работах Валлерстайна и его последователей, выглядит, прежде всего, как иерархически организованная международная торгов-

ля. Однако на самом деле речь идет все-таки не о торговле как таковой, а о международном разделении труда. Международная торговля существовала задолго до возникновения капитализма. И лишь с того момента, как начало складываться мировое разделение труда, торговля стала играть ту решающую роль в накоплении капитала, которую отметил еще Карл Маркс.

Международное разделение труда неотделимо от производства. Разумеется, разделение труда появилось задолго до капитализма, но без него буржуазный порядок был бы невозможен. Форма, которую международное разделение труда начало приобретать уже в ходе Средневековья, предопределила социально-экономические, технологические и даже культурные процессы в целом ряде стран. Например, Византия, остро нуждавшаяся в сырье, поступавшем в Константинополь из Причерноморья и Киевской Руси, стимулировала развитие там соответствующих промыслов, затем распространение ремесел, воспроизводивших византийские технологии, и, наконец, распространение православного христианства. Такое же точное копирование было невозможно и бессмысленно в западноевропейских странах, не связанных разделением труда с греческой империей.

Еще более яркий пример — огораживание в Англии XVI века, когда тысячи крестьян были согнаны со своих земель, превращенных в пастбища для овец. Это было вызвано не внутренними потребностями тамошнего сельского хозяйства, а спросом на шерсть, порожденным бурным развитием текстильного производства во Фландрии. Перефразируя Томаса Мора, можно сказать, что овцы стали «пожирать людей» в Англии потому, что капитализм стал зарождаться в Нидерландах. Однако в самой Англии подобный спрос тоже привел к развитию буржуазных отношений, прежде всего в аграрном секторе¹.

---

¹ Здесь следует вспомнить Роберта Бреннера, одного из основных критиков Валлерстайна, подчеркивавшего, что именно аграрный капитализм, а не становление новой мировой системы лежал в основе ранних буржуазных революций.

Иными словами, благодаря международному разделению труда стали необходимы производственные и социальные процессы, которые в противном случае либо вообще не имели бы места, либо реализовались бы в совершенно иной форме, в иное время, а возможно, и в иной стране.

Капитализм возник одновременно как мировая экономическая система и как способ производства. Одно было бы невозможно без другого. Буржуазные производственные отношения не смогли бы развиваться и стать господствующими, если бы не было экономической системы, которая благоприятствовала этому. И напротив, если бы в «передовых» странах, ставших «центром» новой мировой системы, не сформировались новые производственные отношения, революционное преобразование мира было бы невозможно.

Ортодоксальный марксизм подчеркивает значение производственных отношений, тогда как «школа миросистемного анализа» доказывала, что решающую роль в развитии сыграла именно глобализация экономических связей, начавшаяся в конце XV века, создавшая возможность странам «центра» эксплуатировать дешевые ресурсы и труд «периферии». И в том и в другом случае речь идет о накоплении капитала. Ортодоксальный марксизм подчеркивает его внутренние источники, «миросистемная школа» — внешние. Соответственно, вставал вопрос о том, что такое капитализм: миросистема или способ производства?

Одно, впрочем, не исключает другого. Капитализм — это миросистема, основанная на буржуазном способе производства, но не сводимая к нему. Эффективная мобилизация внутренних ресурсов была необходима для успешной эксплуатации внешних. Именно поэтому быстро обуржуазившиеся Англия и Голландия выигрывают, а испанская империя с ее огромными владениями и богатствами, но все еще феодальными порядками проигрывает. Не имея достаточных внутренних условий для развития капитализма, Испания не смогла создать его в XVI—XVII веках, несмотря на огромные геополитические преимущества.

«ЦЕНТР» И «ПЕРИФЕРИЯ»

Эксплуатация «периферии» принимала разные формы на протяжении истории. Если ее конкретные формы хорошо известны социологам и экономистам, то глубинный механизм перераспределения оставался предметом острых дискуссий. Разделение капиталистической миросистемы на «центр» и «периферию» было предметом анализа на протяжении длительного времени (начиная с работ Розы Люксембург, заканчивая не только трудами Валлерстайна, Амина и др., но и книгами знаменитого финансового спекулянта Джорджа Сороса). Статистические данные, собранные на протяжении XIX—XX веков, показывают, что соотношение между зонами «периферии» и «центра» останется достаточно стабильным, хотя разрыв между «передовыми» и «отсталыми» странами по большинству показателей неуклонно увеличивается. Разрыв между «центром» и «периферией» великолепно иллюстрирован региональной экономической статистикой. Нет недостатка в исторических и статистических данных, подтверждающих глобальное перераспределение ресурсов в пользу богатых стран. И тем не менее, для экономистов и политиков нередко остается загадкой, как это происходит, что именно порождает и воспроизводит подчинение «периферии» по отношению к «центру».

Почему такое положение вещей неуклонно воспроизводится, несмотря на то, что не только капитализм меняет свою форму, но и отношения между странами подвержены изменениям?

Первоначально марксисты склонны были объяснять тяжелое положение стран периферии их колониальной зависимостью от Запада. В середине XX века именно такой подход предопределил стратегию деколонизации, которая, покончив с политическим контролем, должна была гарантировать и экономическую независимость. Однако опыт Латинской Америки показал уже в XIX столетии, что политическая независимость не позволяет странам периферии радикально изменить свое положение в мировой системе. Аналогичным

образом царская Россия демонстрировала явные черты периферийного общества, будучи не только независимым государством, но и влиятельной европейской державой.

Освободившись от европейских завоевателей, бывший «колониальный Восток» к 60-м годам XX века стал частью «третьего мира», слившись в экономическом смысле в единое целое со странами Латинской Америки, добившимися независимости еще в начале XIX столетия. Однако мировая иерархия от этого радикально не изменилась. Отныне доминирующее положение «центра» объясняли тем, что здесь сосредоточено индустриальное производство, в то время как периферия в мировом разделении труда берет на себя роль поставщика ресурсов. В 60-е годы XX века среди социологов и экономистов было принято говорить о «зависимости» бедных стран от богатого Запада. В свою очередь, освободительные движения выдвинули задачу индустриализации и модернизации (вдохновляющим примером здесь послужили первые советские пятилетние планы). Увы, индустриализация, несмотря на многие очевидные успехи, не решила проблемы. Тогда на первый план стала выдвигаться технологическая зависимость и способность Запада сосредоточить в своих руках стратегические монополии (на высокие технологии, оружие массового поражения, средства массовой информации и т.д.). Между тем даже создание индийской и пакистанской атомных бомб или арабской телекомпании «Аль-Джазира» не изменило глобальной экономической иерархии. Более того, после крушения коммунистического режима Россия и Украина, присоединившись к мировой экономике, явно демонстрировали все черты периферийного развития — несмотря на то, что уже обладали развитой промышленностью, унаследовали от СССР мощные вооруженные силы и передовую науку. Точно так же высокий уровень индустриализации и урбанизации не предотвратил деградацию Аргентины и Уругвая в конце XX века.

Много писалось и про «неэквивалентный обмен» между развитыми и развивающимися странами. Западные монополии, контролируя мировой рынок, диктуют ему цены на ресурсы, которые выкачиваются из стран периферии. По-

пыткой изменить ситуацию было создание картеля производителей нефти (ОПЕК), который сумел в первой половине 70-х резко изменить цены на топливо. Итогом был поток нефтедолларов, хлынувший на Ближний Восток и, отчасти, в Восточную Европу. Некоторые страны, обладавшие значительными запасами нефти и не слишком большим населением, сумели обогатиться. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы сделать эти страны частью капиталистического «центра», что с особой остротой выявилось во время войн, начатых Соединенными Штатами в Персидском заливе в 1991 и 2003 годах.

После краха Советского блока в 1989—1991 годах бывший коммунистический мир окончательно стал частью буржуазной миросистемы, причем большая его часть явно сблизилась со странами «третьего мира». К концу XX века изрядная часть периферийных стран была урбанизирована и индустриализована. Напротив, многие западные страны прошли через процессы деиндустриализации. Изрядная часть рабочих мест переместилась с «развитого» Севера на «отсталый» Юг. Но и от этого отношения Севера и Юга радикально не изменились. В конце XX века, наблюдая функционирование международных финансовых институтов, их критики продемонстрировали, что эксплуатация «периферии» и контроль над ней осуществляется через систему внешнего долга.

Дело в том, что неизменной оставалась тенденция к накоплению, концентрации и централизации капитала, лежащая в основе буржуазного способа производства. Централизация капитала в мировом масштабе приводит к формированию нескольких центров накопления, зачастую соперничающих между собой. Именно логика накопления и концентрации капитала ведет к тому, что он систематически перераспределяется в пользу мировых «лидеров». Даже резкий рост экономики на периферии не меняет положение дел радикальным образом. При известных обстоятельствах подъем производства в этих странах может даже ослабить их положение. Чем лучше страна работает, тем больше там возникает «свободный» или «избыточный» капитал, пе-

пераспределяющийся в пользу основных центров накопления. Конкретные формы международного разделения труда являются уже следствием этого глобального процесса. Эти формы меняются, а логика накопления остается.

Россия 90-х XX века годов в этом отношении демонстрирует весьма яркую картину, ибо на фоне масштабного кризиса, страна оказалась одним из финансовых «доноров» мировой экономики. Огромные средства были переведены в западную валюту, главным образом в американские доллары, и вывезены из страны. Показательно, что относительный подъем экономики России в начале 2000-х годов не изменил тенденцию — в относительно благополучный период 2000—2003 годов прямой и косвенный вывоз капитала из России оставался значительным.

Изменение формы эксплуатации и контроля сопровождает каждый новый этап эволюции капитализма. Но логика накопления капитала, централизации капитала остается неизменной. Открытая экономика, навязываемая странам «периферии», означает неизбежность перераспределения капитала в пользу «центра». Поэтому лишь Япония, сталинская Россия и страны Юго-Восточной Азии, сумевшие в разное время и разными способами «отделиться» от мирового рынка капиталов, сумели радикально изменить свое положение в глобальной иерархии.

Социальные процессы, разворачивавшиеся на периферии формирующейся капиталистической системы, естественно, отличались от того, что происходило в «центре». Еще в начале XX века Роза Люксембург подметила, что, втягиваясь в орбиту буржуазного развития, эти страны радикально преобразуются. Но их эволюция вовсе не повторяет механически процессы, происходящие на Западе. Роза Люксембург рассматривала колониальные и полуколониальные страны, вовлеченные в орбиту капиталистического развития. Феодалы или традиционные элиты обуржуазиваются, включаются в рыночный обмен, но не становятся капиталистическими. Если в «центре» торжествует свободный труд, то на периферии развивается работорговля, становящаяся важнейшим источником накопления капитала. Труд

рабов субсидирует и стимулирует развитие свободного труда (дешевое сырье и продовольствие, дополнительные капиталы обеспечивают бурный экономический рост в странах «центра»).

Процесс глобализации, о котором модно стало говорить в 90-е годы, не только не изменил положение дел, но, напротив, даже усугубил социальные противоречия в мировом масштабе. Ряд исследователей на рубеже XX и XXI веков утверждали, что отныне разрыв между бедными и богатыми странами сменяется противостоянием транснационального капитала и трудовых слоев в глобальном масштабе¹. Однако глобальное противостояние труда и капитала отнюдь не является новостью — именно о нем писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Коммунистическом манифесте». Точно так же школа миросистемного анализа никогда не утверждала, будто противоречия существуют только между странами. Социальные конфликты внутри каждого отдельного общества слишком очевидны, чтобы кто-то мог их игнорировать. Другое дело, что структура общества и характер социального конфликта в «центре» и на «периферии» разные. И главным отличием является то, что правящие круги в странах «центра» обладают большими ресурсами, что обеспечивает возможность для социального компромисса и формирования консенсуса. В результате политические системы Запада оказываются устойчивее, демократии — стабильнее, политические и избирательные процессы более «чистыми» и т.д. Не наличие «богатой демократической традиции» предопределяет устойчивость западной свободы, а напротив, неизбежная экономическая неустойчивость периферии делает невозможным формирование «богатых демократических традиций».

С этой точки зрения особенно существенно то, что происходит в России и Восточной Европе. Если Роза Люксембург рассматривала эволюцию колониального мира, то здесь

---

¹ В частности, можно сослаться на работы Уильяма Робинсона о транснациональной буржуазии. *Robinson, W. Transnational Conflicts: Central America, Social Change, and Globalization. London: Verso, 2003.*

мы видим общества, где, как и на Западе, началось зарождение буржуазных отношений. Более того, эти страны активно включаются в новое глобальное развитие (в отличие от значительной части Южной Европы, не вписавшейся в новую систему мироэкономических связей, а потому stagnирующей). Однако они интегрируются в мировую систему в качестве ее периферии. Буржуазное развитие оказывается подчинено совершенно иной логике, нежели на Западе. Экономический рост и развитие рынка приводят не к раскрепощению народа, а к его закреплению, буржуазия растет количественно, но одновременно деградирует ее деловая культура. В итоге Россия из «нормальной» европейской страны со своими особенностями превращается в «отсталое» общество, отчаянно пытающееся модернизировать себя, догоняя Запад и постоянно опаздывающее.

В отличие от «центра», представляющего более или менее чистый образец буржуазных отношений, «периферия» формирует свою собственную модель капитализма¹. Для этого капитализма характерно высокое, порой даже гипертрофированное, развитие рыночных связей при низком развитии буржуазных отношений непосредственно на производстве. Зерно, произведенное крепостными крестьянами Воронежской губернии, на мировом рынке продавалось точно так же, как и продукция свободных фермеров. Но сама деревня живет отнюдь не по законам буржуазного общест-

---

¹ В рамках школы миросистемного анализа развернулась дискуссия о «чистом» или «не чистом» капитализме. Если Роза Люксембург и большинство более поздних представителей этого направления подчеркивали наличие «некапиталистических» элементов в рамках миросистемы, то Иммануил Валлерстайн, напротив, призывает считать все эти отношения буржуазными на том основании, что они «вписаны» в капитализм. Подобный подход не позволяет видеть реальное противоречие системы, которая, с одной стороны, выигрывает от возможности использования несвободного труда и других «дешевых» методов эксплуатации людей и ресурсов, но, с другой стороны, эти отношения оказываются тормозом развития для периферийных стран, ставя местную буржуазию в заведомо двусмысленное и слабое положение (что и обнаружилось в ходе великих революций XX века).

ва. Рынок труда отсутствует. Итогом такого положения дел оказывается неспособность общества к инновациям (порой при огромном творческом потенциале), технологическая отсталость и зависимость от Запада, хроническая нехватка капиталов в промышленности, несмотря на изобилие сырья и рабочих рук, неспособность местной буржуазии самостоятельно превратить свои порой огромные средства в эффективные инвестиции. Деловой мир постоянно испытывает острую потребность в помощи государства или иностранных партнеров.

Россия никогда не была страной, изолированной от мира. Как бы ни тужились ревнители православного благочестия в XVII веке оградить страну от иноземного влияния, именно в это время экономические связи Московского царства с Западом поднялись на качественно новый уровень. В докапиталистическую эпоху торговля представляла собой обмен излишками между общинами или регионами. По мере развития буржуазного рынка торговля превращается в способ интеграции страны в миросистему, а производство, ранее обслуживавшее местные потребности, теперь подчинено внешнему спросу. Производство для рынка означает реорганизацию всей системы социальных связей в общине, даже если сама по себе община остается отнюдь не буржуазной. Торговля оказывается способом подчинения некапиталистического (по своей внутренней организации) производства логике капиталистического накопления.

В исторической концепции Покровского важное место занимает концепция торгового капитализма. Это ранняя форма буржуазного предпринимательства, развивающаяся в эпоху Великих географических открытий, все еще ограничена технологическими рамками традиционных технологий. Лишь индустриальная революция откроет перед капитализмом перспективы массового производства. Однако уже в XVI—XVII веках перевозка грузов требует централизации, высокого уровня управления и крупных инвестиций. Один корабль вмещает продукцию множества кустарных мастерских или крестьянских хозяйств.

В Западной Европе налаживается мануфактурное производство, но на периферии, откуда поступает прежде всего сырье, ситуация складывается иначе. Для эксплуатации мелкого производителя торговому капиталу оказывается необходим союз с крупным землевладельцем и сословным государством. С помощью насилия мелкого производителя подчиняют логике капиталистического накопления, включают в новое разделение труда. Показательно, что самому Покровскому не до конца ясно, почему подобный союз, который в той или иной форме наблюдается и на Западе, там оказывается недолговечным, тогда как в России удерживается практически до XX века. Ответом на этот вопрос является сравнение производственных задач «центра» и «периферии» в рамках складывающегося разделения труда. Мануфактурное производство сразу же показывает себя эффективным в обрабатывающей промышленности, тогда как в сырьевых и аграрных отраслях выгоднее сделать ставку на принуждение.

В результате интеграция России в мировую экономику сопровождается не ослаблением самодержавия, а его укреплением, не переходом к буржуазному земледелию, а усилением крепостничества. «В Мономаховой шапке ходил по русской земле именно торговый капитал, для которого помещики и дворянство были только агентами, были его аппаратом»¹. Именно этим объясняет Покровский хорошо известные примеры бесправия аристократии и дворянства перед лицом самодержца в XVIII веке, когда представителей привилегированного сословия не только гнали на войну и заставляли служить в правительственных учреждениях, но даже секли розгами. Разумеется, в тезисе Покровского есть некоторая полемическая заостренность. В конце концов, дворянство имело собственные интересы и способно было в том же XVIII столетии защитить их, устраивая государственные перевороты, в итоге которых оно так и добилось

---

¹ Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М.-Л., 1927. С. 10.

для себя «вольности». И все же значение торгового капитала и общемировых экономических процессов в русской истории невозможно переоценить.

Легко обнаружить, насколько каждая новая фаза в развитии европейской, а потом и глобальной экономики совпадала с переломными для России событиями. Это далеко не случайность. Великие преобразования XVI—XVII веков в Европе оборачиваются для Московского царства репрессиями Ивана Грозного и Смутным временем. Экономический бум XVIII столетия оказывается «золотым веком» дворянской России, эпохой величия и просвещения, основанного, впрочем, на безжалостной эксплуатации крестьян. В 60—70-е годы XIX века происходит новое революционное преобразование миросистемы. В России начинается «эра реформ». Кризис мирового капитализма в 1914—1918 годах оборачивается не только мировой войной, но и русской революцией, а Великая депрессия 1929—1932 годов сопровождается сталинской коллективизацией и т. д.

Сравнивая Россию с Англией, Покровский видит в Британской империи «счастливое» сочетание промышленного капитализма в метрополии и торгового капитализма, который «переместился в колонии»¹. Эту идиллию нарушила лишь революция и война за независимость в Северной Америке. Напротив, в России между двумя типами капитализма постоянно возникал конфликт, который заканчивался, как правило, не в пользу промышленного. Легко заметить, что в данном случае Покровский формулирует одно из главных различий между развитием капитализма в «центре» и на «периферии». Одно из главных преимуществ «центра» всегда состояло именно в способности разрешать свои противоречия, вынося их «вовне» — то есть на «периферию». То, что Покровский воспринимает как «английское своеобразие», на самом деле является общей исторической закономерностью.

---

¹ Покровский М.Н. Очерки по истории... С. 8.

Международное разделение труда и развитие мировой системы предполагают постепенный переход от торговли к производству. При этом, как показал еще Маркс, торговый капитал перестает быть самодостаточным, он начинает обслуживать накопление промышленного капитала.

Именно в этом превращении торгового капитала в производственный, а не в грабежах и насилиях суть описанного Марксом первоначального накопления. Неудивительно, что торговый капитал перемещается в колонии и зависимые страны, выкачивая оттуда ресурсы, создавая там новые рынки сбыта для промышленности. Центр все время требует от периферии новых ресурсов, новой продукции, все более сложной. Развитие периферии создает дополнительные возможности для ее эксплуатации, в том числе и финансовыми методами. Формирование мирового рынка капитала нуждается в развитии буржуазных структур в «отсталых» странах именно потому, что в противном случае возможности эксплуатации этих стран остаются крайне ограниченными. Националисты в отсталых странах, провозгласив лозунг модернизации, были уверены, что бросают вызов Западу. На самом деле модернизация «периферии» всегда была требованием Запада, его важнейшей целью. Другое дело, что эта модернизация должна была подчиняться глобальной логике накопления капитала.

Отношения «центра» и «периферии» видоизменяются с каждым циклом капиталистического развития.

КОНДРАТЬЕВСКИЕ ЦИКЛЫ

В середине 20-х годов XX века великий русский экономист Н.Д. Кондратьев, изучив статистические данные начиная с конца XVIII столетия, пришел к выводу о существовании «больших циклов» в развитии капитализма. Циклы эти неравномерны по времени и занимают обычно по 40—60 лет, но они воспроизводят одну и ту же динамику. Сначала наблюдается «повышательная волна» (производство, цены и прибыли устойчиво растут, кризисы оказываются неглубокими, а депрессии непродолжительными). Затем наступает «понижа-

тельная волна». Рост экономики неустойчив, кризисы становятся более частыми, депрессии затяжными¹.

Первый изученный Кондратьевым цикл начался в конце 80-х годов XVIII века вместе с промышленной революцией и завершился по окончании наполеоновских войн. После 1817 года в Европе наступает ухудшение конъюнктуры, экономическая депрессия сочетается с политической реакцией. Однако в 1844—1851 годах наступает перелом, сопровождающийся ростом революционного движения и всплеском вооруженных конфликтов. Окончательно новый экономический подъем оформляется к концу 50-х годов XIX века, после Крымской войны и последовавшего за ней промышленного кризиса. «Повышательная волна» продолжается до начала 70-х. Затем следует очередная эпоха экономических трудностей, завершающаяся к 90-м годам XIX века. Подъем, обозначившийся в конце XIX столетия, оказался недолговечен. С 1914 года явно проступают признаки нового спада. Уже в начале 20-х годов кондратьевские данные свидетельствуют о приближении большой депрессии, которая и обрушилась на мир в 1929—1932 годах.

---

¹ Среди марксистов теория Кондратьева нашла как горячих поклонников, так и категорических противников. Советские экономисты 20-х годов XX века в большинстве своем встретили ее в штыки, причем немалую роль в данном случае играло народническое прошлое Кондратьева, который, как и другой выдающийся экономист того времени, А.В. Чаянов, не мог считаться идеологически и методологически вполне «своим». В западном марксизме, напротив, теория «длинных волн» нашла поддержку. Она повлияла на концепции Иммануила Валлерстайна и Эрнеста Мандела. В Советском Союзе Кондратьев, погибший во время сталинских репрессий, был реабилитирован в середине 80-х годов XX века. Призывая коллег взять на вооружение теорию «длинных волн», известный советский экономист Станислав Меншиков отмечал, что «корни теоретических положений Кондратьева о длинных волнах лежат в марксизме» (Меншиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М.: Международные отношения, 1989. С. 23). С этим можно согласиться лишь частично. Выводы Кондратьева построены на обобщении эмпирического материала, что вполне возможно и без помощи марксизма. Иное дело, что объяснение природы длинных волн, действительно, требует обращения к марксистскому теоретическому арсеналу.

Обнаружив длинные циклы в мировой экономике, Кондратьев не смог четко объяснить, с чем они связаны. Наличие подобных волн развития — статистический факт, который становится лишь очевиднее по мере того, как в научный оборот попадают новые данные. Но что заставляет периоды относительного «подъема» сменяться столь же длительными периодами «застоя»?

Попытки механически предсказывать наступление очередной «кондратьевской волны» на основе хронологии неизменно приводили к анекдотическим результатам. Прогнозирование длинных волн современными экономистами порой напоминает астрологические «исследования»¹.

Главное в кондратьевских циклах не сроки, а фазы. Это история формирования, развития, а затем разложения сменяющих друг друга моделей капитализма. Именно поэтому любое прогнозирование циклов, основанное на хронологии, совершенно бессмысленно. Важно, в каком состоянии находится сама мировая система, а не то, «какое нынче тысячелетие на дворе».

---

¹ Даже если предположить, что все люди, родившиеся в определенный период времени, имеют между собой нечто сходное, мы все равно оказываемся не в состоянии ни объяснить это сходство, ни понять их будущее. Ссылка же на «влияние звезд» лишь выдает наше бессилие. Точно так же несостоятельна и попытка Андре Гундера Франка найти кондратьевские циклы в древней истории. Экономика Древнего Египта или Китая была, бесспорно, циклична, но смысл этих циклов объяснять надо не по Кондратьеву, а в соответствии с воззрениями библейского Иосифа: аграрное производство зависело от природных, климатических циклов, которые обрушивались на общество как бы «извне», в виде наводнений, засух, перенаселения, истощения почв и других бедствий, обобщенных в гениальном образе «тощих коров». Напротив, кондратьевские циклы предопределены внутренней логикой капиталистического развития, исчерпанием потенциала доминирующей технологической модели, пределами развития рынка и перенакоплением капитала. Мало того, что кондратьевские циклы оказываются неравномерны по времени (тем самым делая совершенно бессмысленными «хронологические» предсказания), но, что особенно важно, сам Кондратьев видел, насколько переход от одного цикла к другому оказывается сопряжен с потрясениями.

Сам Кондратьев не пытался ничего предсказывать, он лишь обобщал факты. «Перед началом повышательной волны каждого большого цикла, а иногда в самом начале ее наблюдаются значительные изменения в основных условиях хозяйственной жизни общества. Эти изменения обычно выражаются (в той или иной комбинации) в глубоких изменениях техники производства и обмена (которым, в свою очередь, предшествуют значительные технические изобретения и открытия), в изменении условий денежного обращения, в усилении роли новых стран в мировой хозяйственной жизни»¹.

По мнению Кондратьева, капитализм периодически проходит «реконструкцию». Меняется не только оборудование. Появляются новые действующие лица, меняется соотношение сил между игроками. Кондратьев объясняет подобные «реконструкции» капитализма необходимостью замены изношенного оборудования машинами нового поколения. Действительно, каждый кондратьевский цикл, так или иначе, связан с обновлением технологий. Однако нередко несколько поколений оборудования менялось в рамках одного цикла, и даже одной его фазы. Иное дело — технологический переворот, когда сменяется не просто оборудование, но вся производственная модель. Такие перевороты действительно сопровождают начало каждого нового цикла.

Но с чем связана смена технологической модели? Речь в данном случае идет не просто о необходимости замены старых машин новыми, но о том, что рыночный потенциал старой технологической модели оказывается исчерпан. Обновление основ производства, массовое внедрение нового оборудования не может не затронуть и социальной жизни. Эффективное использование изменившихся производительных сил оказывается невозможно без перемен в самом обществе. Потому «реконструкции» не могут быть чисто техническими. Они затрагивают общественный порядок, политическую жизнь, взаимоотношения между странами.

---

¹ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 199—200.

Новые технологии не только создают новые производства и меняют старые, но зачастую порождают и новые рынки. Еще Маркс отметил, что по мере развития и усложнения технической базы капиталистической экономики наблюдается тенденция нормы прибыли к понижению. Каждое новое поколение машин дороже предыдущего, расходы на их амортизацию увеличиваются, требуются более квалифицированные рабочие, а конкуренция заставляет снижать цены. В итоге норма прибыли неуклонно снижается.

«Хотя Маркс прямо и не говорил о длинных циклах, — отмечает известный советский экономист Станислав Меншиков, — но он подготовил основу для выделения в динамике капиталистического развития колебаний, отличных от среднесрочного экономического цикла, и указал на возможную их материальную основу»¹. Именно отмеченное автором «Капитала» понижение нормы прибыли оказывается ключом к пониманию длинных волн. На протяжении XX века экономисты постоянно спорили об этом тезисе Маркса, то приводя эмпирические данные, опровергающие автора «Капитала», то, напротив, статистически доказывая его правоту. Марксисты также отмечали, что именно снижающаяся норма прибыли толкает капиталистов на путь внешней экспансии (захват новых рынков, вооруженные конфликты и т.д.). Однако в большинстве случаев как-то упускалось из виду, что отмеченная Марксом тенденция относится к экономике с более или менее устойчивой отраслевой структурой.

«Могут утверждать, — пишет Меншиков, — что у Маркса нет завершенной теоретической модели, которая бы объясняла взаимодействие технического прогресса и нормы прибыли. Быть может, это и так, но Маркс, как минимум, предложил несколько важнейших элементов такой теории. Их мог использовать Кондратьев уже в 20-х годах»². Как только анализ автора «Капитала» применяется к технологически изменчивой системе, все становится на свои места.

---

¹ Меншиков С.М., Клименко Л.А. Указ. соч. С. 24.

² Там же. С. 33.

Всякий раз, когда возникает новая отрасль экономики, норма прибыли в ней оказывается невообразимо высокой (в значительной мере создавая иллюзию бурного и устойчивого роста). Именно поэтому на первых этапах технологические новации, революционизируя производство, не только не приводят к социальным и экономическим преобразованиям, но, напротив, стабилизируют сложившуюся систему господства, укрепляют позиции консервативных сил, демонстрируя, что экономический и социальный порядок эффективно работает. На самом деле технологические и прочие новации используются господствующими классами паразитически. Очень многие научные открытия и изобретения относятся к эпохам политической и культурной реакции. Однако довольно быстро норма прибыли начинает снижаться и в новых отраслях, причем даже быстрее, чем в традиционных. Это не значит, будто технологии перестают развиваться, но их развитие уже не создает качественно новых рынков. Исчерпание технологической модели порождает эффект перенакпления капитала. Именно в этот момент наступает кризис господствующего порядка — экономического, политического и социального. Итогом кризиса оказывается новая модель общества, действительно способная эффективно использовать накопленный технологический потенциал. Общество, по выражению Меншикова, «меняет кожу»¹.

Освоение новых рынков похоже на распахивание целины, когда без большого количества удобрений и усилий несколько лет можно снимать превосходный урожай. В моменты технологического переворота новые рынки возникают и по мере появления в продаже новых, ранее невиданных товаров. Но на следующем этапе повысить норму прибыли можно, лишь вовлекая в оборот капитализма новые территории, новые сферы жизни и новые массы людей. Именно поэтому, как обнаружил Кондратьев, для капитализма оказалось принципиально важным втягивание

¹ Меншиков С.М., Клименко Л.А. Указ. соч. С. 24.

в мировой рынок все большего числа стран, «расширение его орбиты»¹.

В этом смысле колониализм является для капитализма естественным спутником. Поразительным образом колониальная экспансия то затухает, то возобновляется вновь. После завоеваний XVI — начала XVII века Запад как будто сделал паузу, затем колонизация возобновилась в XVIII столетии, чтобы снова замереть к началу следующего века. Конец XIX столетия оборачивается «конкуренцией завоеваний» и «разделом мира». После деколонизации 50—60-х годов XX века кажется, что подобные порядки навечно ушли в прошлое. Но рубеж XX и XXI веков оказывается временем новых колониальных войн — если не по названию, то по сути. Подобное повторение, как показал Кондратьев, не случайно: «Совершенно ясно, что при капитализме вовлечение в оборот новых территорий исторически происходит именно в периоды обострения нужды стран старой культуры в новых рынках сбыта и сырья»².

Говоря о периодических реконструкциях капитализма, Кондратьев замечает, что их предпосылкой «является концентрация капитала в распоряжении мощных предпринимательских центров»³. На географическом уровне это автоматически вызывает перераспределение ресурсов между странами. В миросистеме усиливается давление «центра» на «периферию». Когда же очередная «реконструкция» в основном завершена, наблюдается, наоборот, «обилие «свободного» капитала и, следовательно, дешевизна его»⁴. Кризис перенакопления разрешается за счет того, что свободные средства перемещаются на периферию системы (создавая там иллюзию успешного развития). Возникает впечатление, будто благодаря свободной игре рыночных сил периферия, или хотя бы ее наиболее передовая часть, вот-вот догонит За-

---

¹ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 200.

² Там же. С. 211.

³ Там же. С. 219.

⁴ Там же.

пад. Но, увы, длится подобное счастье недолго, ибо подходит время очередной «реконструкции» и капитал начинает двигаться в противоположном направлении. Каждая большая «реконструкция капитализма» оборачивалась поражением, а то и катастрофой для периферии.

Капитализм цикличен в принципе, поскольку в этой системе и производство и потребление подчинены логике товарного обмена. Другое дело, что краткосрочные рыночные, конъюнктурные циклы, хорошо изученные экономистами уже в XIX веке, накладываются на гораздо более сложные и масштабные процессы социального, экономического и технологического развития. Точно так же и средние циклы, по выражению Кондратьева, «как бы нанизываются на волны больших циклов»¹.

Маркс писал о том, что развитие производительных сил общества требует периодического пересмотра производственных отношений. На протяжении истории технологическая основа капитализма менялась неоднократно. Паровая машина вытеснила мануфактуры, основанные на ручном труде, и водяные мельницы, электричество революционизировало промышленность на рубеже XIX и XX веков. Новая технологическая революция произошла в первой четверти XX века. Автомобили, конвейерная сборка, телефон и коммерческая авиация создали новую экономику. Возникшая в итоге модель получила позднее название «фордизма». Технологическая революция конца XX века была лишь еще одним этапом в этом процессе.

Между тем, каждое радикальное изменение технологии завершается сменой экономической, а порой и социально-политической модели капитализма. Эти процессы неизбежно накладываются на «обычные» рыночные циклы. Речь идет не только о «длинных волнах» экономического подъема и упадка, но и о чередовании периодов, когда капитал стремительно интернационализируется, с периодами «национального развития». Фазы господства финансового и торгового капитала сменяются фазами, когда доминиру-

---

¹ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 207.

ет промышленный. Периоды свободного рынка и сменяются эпохами государственного вмешательства.

Консервативные политические эпохи нередко сопровождаются бурным технологическим развитием, но, как правило, перемены затрагивают коммуникации, транспорт, связь и торговлю куда более, нежели производство. В это время финансовый и торговый капитал преобладает над промышленным, а глобальная экономика оказывается важнее национального рынка. Фазы «глобализации» и «локализации» отражают эту динамику: торговля и финансы всегда стремятся к максимальному расширению. Границы лишь сдерживают их. Но производство всегда локально. Рабочая сила должна воспроизводиться, людям надо где-то жить, они не могут находиться в постоянном движении. А мировая торговля не может расширяться бесконечно, тем более на фоне упадка внутреннего рынка. Государство приходит на выручку предпринимателям, гарантируя «защиту национальных интересов» и «социальную ответственность». Вопреки либеральной мифологии, именно на эти периоды приходится наиболее устойчивый экономический рост. Вольная торговля пиратской поры сменилась меркантилизмом, потом новой вакханалией свободного рынка, за которой неминуемо следовал очередной приступ протекционизма, и т. д.

Циклы спада и подъема совпадают с периодами революций и реакции. Кондратьев обнаружил, что «на периоды повышательных волн больших циклов приходится наибольшее количество важнейших социальных потрясений, как революционных, так и военных»¹. Ограничившись констатацией этого «эмпирического факта», великий экономист не стал подробно объяснять выявленную им закономерность. Однако ясно, что дело тут отнюдь не в простом совпадении. Описанные им циклы — не автоматический механизм, не «естественный» процесс, происходящий сам собой с такой же последовательностью и неизбежностью, как чередование времен года. Именно поэтому начало нового этапа всегда так трудно предсказывать. Для того чтобы начался

---

¹ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 205.

новый цикл роста, общество должно радикально измениться. Революции и реформы как раз и создают новую модель, на основе которой разворачивается экономический подъем. Исчерпание этой модели приводит экономику в фазу упадка, из которой оно выбирается, лишь пройдя через череду кризисов — к новым революциям и реформам.

Все это происходит в рамках капитализма. Но уже Великая Французская революция, с ее плебейской яростью, показала, что каждое такое потрясение чревато крушением всего капиталистического порядка. Революция выступает для капитализма механизмом модернизации, но она же представляет для него смертельную угрозу. Парижская Коммуна 1870 года продемонстрировала это еще явственнее, а 1917 год в России привел к первому, пусть и неудачному, социалистическому эксперименту.

РУССКАЯ СУДЬБА

То, что «длинные волны» капиталистического развития были впервые проанализированы именно в России, далеко не случайно. Достаточно сопоставить даты ключевых исторических событий отечественной истории с циклами мирового хозяйства, чтобы заметить совпадения. Это относится и к опричнине Ивана Грозного, и к Смутному времени, и к крепостному праву, и к крестьянской реформе, революции 1917-го, коллективизации, демонтажу Советского Союза и великой приватизации 90-х годов. Россия на протяжении XVII—XX веков постоянно догоняла Запад, постоянно опаздывала, и ее буквально захлестывало каждой новой экономической волной. Исторический анализ Покровского и экономические исследования Кондратьева не только порождены одной и той же страной и эпохой. Вместе они дают ключ к объяснению основных драм и трагедий русской истории.

«Длинные волны» мирового развития задали ритм социальных и политических перемен в России не в меньшей мере, чем в других частях мира. Только здесь все было еще драматичнее, порой — страшнее. Крутые повороты миро-

вой истории обращались здесь грандиозными потрясениями. «Все там безгранично — страдания и воздаяния, и жертвы, и чаяния...» — писал французский путешественник маркиз де Кюстин, посетивший Россию в 1839 году. «Страсти русских выкроены по мерке древних народов; все у них напоминает Ветхий завет: их чаяния, их муки велики, как их государство»¹. Эта страна показалась ему страшной, несчастной и великой, способной на невероятные достижения, которые, однако, будут куплены ценой народного счастья.

То, что поражало французского маркиза в XIX веке, было лишь прелюдией действительно грандиозных потрясений, наступивших в следующем столетии. Но ни катастрофы, переживаемые Россией, ни героические подвиги, здесь совершаемые, не были результатом какой-то особой, исключительной судьбы.

Драматизм русской истории именно в том, что здесь в крайней и трагической форме проявилось то, что происходило со всем человечеством. В этом смысле никакой особой «русской судьбы» нет и быть не может. Наша судьба — это судьба человечества.

---

¹ Записки о России маркиза де Кюстина. М., 1990. С. 127.

Глава I

СТРАНА ГОРОДОВ

Русь возникла позднее большинства европейских стран. И появилась она при довольно специфических обстоятельствах.

Русь родилась на «пути из варяг в греки». В Средние века путешествие по воде было и быстрее, и безопаснее. Корабли могли перевезти больше грузов, нежели конные повозки. Дороги были в ужасном состоянии, а кое-где их просто не было. К тому же путешествие по суше было небезопасно — морские штормы являлись не такой серьезной угрозой, как лесные разбойники, полудикие племена и феодальные дружины, постоянно готовые поживиться чужим добром.

Античный мир сложился вокруг Средиземного моря. Периферией средиземноморской экономики стало Черное море и непосредственно прилегающая к средиземноморским странам часть Атлантики. Археологические данные свидетельствуют о том, что уже в античные времена между населением Прибалтики и Причерноморья существовали контакты, которые осуществлялись главным образом по речным путям. Именно так в Римскую империю попадал балтийский янтарь, пользовавшийся там (как и все экзотическое) изрядным спросом¹.

В VII—X веках торговое мореплавание распространилось на Балтику. На юге до времен Крестовых походов про-

---

¹ См. Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур, Знак, 2007. С. 56.

должали господствовать византийцы, греки. На севере возникающая балтийская экономика была детищем викингов, или, как их называли на Руси, варягов.

Русь оказалась связующим звеном между двумя мирами-экономиками. Торговый корабль мог подняться из Черного моря вверх по течению Днепра. Мешали, конечно, днепровские пороги, но их довольно легко научились преодолевать. Дальше можно было вниз по течению северных рек спуститься в Балтику. Лишь небольшое пространство, располагавшееся посередине, не было приспособлено для транзитного пути — здесь корабли приходилось тащить по суше волоком, о чем до сих пор напоминает название Волоколамска (первоначально Волон Ламский).

Наряду с «путем из варяг в греки» существовал и волжский торговый путь. Купеческие караваны с персидскими товарами поднимались из Каспийского моря вверх по Волге, а затем двигались вверх по ее притокам. В Новгородской земле эти два пути сходились. Персидские и византийские товары поступали оттуда в Северную Европу¹.

В 862 году, согласно летописным свидетельствам, новгородская аристократия приглашает варяжского князя Рюрика с братьями Синеусом и Трувором на престол со словами: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами». Как говорит Карамзин, «слова

---

¹ Любопытно, что русские историки, опирающиеся, прежде всего, на данные летописей, придают основное значение именно торговле с Византией. Западные авторы, базирующиеся на русских источниках, также убеждены, что вся торговля велась с Константинополем, тогда как «связи с Востоком были спорадическими и изолированными» (*MacKenzie D., Curran M.W. A History of Russia, the Soviet Union and Beyond. 4th edition. Belmont, CA, 1993. P. 43*). В то же время скандинавские исследователи, базирующиеся на археологических данных, приходят к прямо противоположному выводу, что торговля Руси «велась с мусульманами в большей мере, чем с византийцами» (*Sawyer B., Sawyer P. Medieval Scandinavia. From Conversion to Reformation, circa 800—1500. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 1993. P. 146*). Дело в том, что византийские монеты в скандинавских кладах очень редки, а арабские многочисленны. Большое количество арабских монет обнаруживается и в русских кладах той же эпохи. На самом деле, очевидно, что «арабское» и «греческое» направления торговли были взаимодополняющими.

простые, краткие и сильные!» Короче говоря, варягам предлагают создать государство на Руси.

На протяжении второй половины XIX и всего XX века русские историки постоянно спорили по поводу «призвания варягов»; сторонники «норманнской теории» объясняли зарождение государственности влиянием западных соседей, а славянофилы и позднее официальные советские историки не только отвергали это влияние, но и пытались доказать, что Рюрика вообще не существовало. А если Рюрик и был, то уж Синеус и Трувор — точно вымысел, ошибка переписчика, неправильный перевод какого-то скандинавского изречения¹. Несмотря на ожесточенность, дискус-

¹ Методологической проблемой антинорманистской традиции в русской историографии был не сам факт упоминания Рюрика и других варягов в летописях, а то, что отсутствовал какой-либо критерий или принцип критики летописных сведений, кроме, разумеется, идеологического. Иными словами, если те или иные фрагменты летописи объявляются недостоверными просто на основании субъективных оценок историка, то с таким же успехом можно подвергнуть сомнению и любой другой фрагмент, в том числе и принципиально важный для формирования патриотической легенды. Что, собственно, и делали наиболее рьяные западники в конце XX века. С другой стороны, антинорманистам к концу XX века надо было что-то делать не только с летописными свидетельствами, но и с возрастающим количеством археологического материала, который эти свидетельства подтверждал. Не удивительно, что в рамках самой антинорманистской традиции возникли «ревизионистские» тенденции, призванные примирить идеологические установки с противоречащими им фактами. Наиболее ярким примером такого подхода является книга в.в.Фомина «Варяги и варяжская Русь», где признается факт «призвания», но отрицается скандинавское происхождение Рюрика и его команды. По мнению Фомина, «летописные варяги — выходцы с берегов Южной Балтии» (Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: «Русская панорама», 2005. С. 439). По всей видимости, происхождение Рюрика от предков нынешних латышей и литовцев все же менее обидно для национального самосознания, чем родственные связи со шведами и датчанами. Проблема в том, что если уж новгородским купцам потребовалось в IX веке звать к себе иноземную дружину, то для этого не было необходимости обращаться к «варварам» из Южной Балтии, ибо у них уже были к тому времени налаженные отношения со стремительно развивающимися скандинавскими обществами, существовавшими в экономическом симбиозе со славянскими торговыми факториями.

сия эта не имела никакого смысла. Ибо проблема не в том, какова была роль варягов, сколько их было, были ли они просто наемниками или пришли в Новгород в качестве военно-политической элиты. Проблема в том, почему именно в 60-е годы IX века новгородские лидеры вдруг неожиданно захотели наводить на своей земле «порядок», а уже в 882 году князь Олег, захватив Киев, создал государство, получившее название Русь.

Несколько столетий славянские и угро-финские племена существовали на территории нынешней Русской равнины и как-то обходились без государства. В IX веке вдруг ситуация резко меняется, и за 20 лет образуется мощная держава от Балтики до Черного моря, объединяющая под единой властью множество племен самого разного происхождения. Причем, держава эта оказывается на удивление стабильна и сохраняет относительную целостность по крайней мере до начала XII века — значительно дольше, чем, например, империя Карла Великого.

Потребность в государстве возникла стремительно, но не случайно. И вызвана она была отнюдь не только внутренним развитием Новгорода. Решающее значение имело другое. В IX—X столетиях в Европе заканчиваются «темные века». Запад вступает в эпоху экономического роста. Натуральное хозяйство начинает сдавать свои позиции, развивается товарная экономика. Это время первой географической и политико-экономической экспансии христианской Европы. Всего таких периодов на протяжении Средних веков было три: IX—X века, когда европейский мир резко расширяется на северо-восток, вбирая в себя Скандинавию и большую часть Восточной Европы; XII—XIII века — время Крестовых походов, строительства городов и замков, а также второй балтийской экспансии, когда на северо-востоке христианизируются и покоряются последние языческие племена — угро-финские, славянские и балтийские; наконец, XV—XVI века, время Великих географических открытий. Каждая из этих эпох оказалась переломной для истории России. Более того: она изменила характер, национальный состав и даже географию русского государства.

ВРЕМЯ НАВОДИТЬ ПОРЯДОК

Еще выдающийся историк С.М. Соловьев заметил, что невозможно объяснить развитие древнерусской торговли на основе экономических процессов, происходивших в самих славянских общинах. «Повсеместная почти одинаковость произведений в стране, обитаемой славянскими племенами, сильно препятствовала мене: что могли выменивать друг у друга поляне и северяне, древляне и дреговичи, кривичи и радимичи? Образ жизни их был одинаков, одинаковые занятия, одинаковые потребности, одинаковые средства к их удовлетворению: у древлян был хлеб, мед, воск, звериные кожи; то же было у полян и других племен»¹. По мнению Соловьева, торговля появляется лишь с приходом варягов, особенно с появлением княжеской дружины. Однако на самом деле дружина тоже опиралась на натуральное хозяйство. Она не покупала необходимые ей продукты, а «кормилась», собирала дань или попросту грабила аграрные общины (одновременно обеспечивая им защиту от набегов других таких же точно шаек). Феодальная вотчина, отмечает М. Покровский, даже в XIV—XV веках все еще была «самодовлеющим целым», мало связанным с внешним миром². Что же говорить о периоде IX—X веков?

---

¹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. М.: Мысль, 1988. С. 240—241.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен Т. 1. М.: Мир, без указания года. С. 95, 109. Вопрос о значении торговли в Киевской Руси был темой острых исторических дискуссий. Если Ключевский придавал ей принципиальное значение, то в советское время принято было подчеркивать аграрный характер древнерусской экономики. При этом показательно, что для советских авторов было важно продемонстрировать схожесть Руси и Западной Европы и тем самым лишний раз доказать единство исторического процесса. На самом деле вопрос состоит не в том, насколько массовым было распространение сельского хозяйства в Киевской Руси (нет сомнения, что именно земля кормила большинство населения), а в том, насколько было велико значение торговли и земледелия для образования государства. Средневековое земледелие само по себе просто не могло производить прибавочный продукт в таком количестве, чтобы поддерживать в течение длительного времени существова-

Официальные советские историки нередко рассматривали Киевскую Русь прежде всего как аграрное общество, доказывая, что Русь представляла собой «могучий земледельческий заслон, приостановивший беспрепятственное проникновение кочевых орд с востока на запад»¹. В таких трудах Киевское государство предстает своего рода «границей», за которой кончается всякая «цивилизация» — подобной американскому Дикому Западу XIX века. Не говоря уже о некотором расистском привкусе, недостатком подобных теорий является то, что они не соответствуют фактам. Во-первых, получается, что к востоку от Днепра люди вообще не знали земледелия. В действительности же Русь на востоке в VIII—IX веках соседствовала не с дикими кочевыми племенами, а с богатыми государствами — Хазарским каганатом и Волжской Булгарией (Болгарией), причем, на первых порах оба эти общества были гораздо более развитыми и богатыми, нежели восточные славяне или варяги².

ние богатых городов и мощной киевской государственности. Показательно, что Б.Д. Греков, ведущий советский исследователь киевского периода, полемизируя с Ключевским, не отрицает значения торговли, он лишь доказывает — вполне убедительно, — что на Руси имелось достаточно развитое земледелие и скотоводство. При этом, однако, Греков признает, что «богатство князей, бояр и купцов состояло не в хлебе» (Греков Б.Д. Киевская Русь. М.; Л.: ГИПЛ, 1953. С. 54). Американские историки МакКензи и Каррен также замечают, что «основная часть населения занималась сельским хозяйством», тогда как торговля была жизненно важна для «князей и их окружения» (MacKenzie D., Curran M.W. A History of Russia, the Soviet Union and Beyond. P. 47).

¹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М.: Наука, 1982. С. 5.

² Арабские источники сообщают о волжских булгарах, что они в 922 году «официально приняли ислам, вели оседлый образ жизни, жили в городах и кроме торговли занимались еще земледелием» (Ашмарин Н.И. Булгары и чуваш. Казань, 1902. С. 119). Что касается хазар, то здесь картина несколько сложнее. Французский историк Рене Груссе пишет: «Хотя часто пишут, что они так и не перешли к оседлой жизни и ведению сельского хозяйства, они создали устойчивое государство, богатство которого базировалось на торговле с достаточно высокой культурой благодаря их связям с Византией и арабским миром» (Grousset R. The Empire of the Steppes: A History of Central Asia. New Brunswick, 1991. P. 180). Между тем,

А во-вторых, кочевники как раз неоднократно проходили через Русь в Европу. В конце IX века венгры беспрепятственно прошли мимо Киева, и затем 60 лет терроризировали западные страны, пока в 955 году германский король Отто I не разгромил их под Аугсбургом — после чего Венгрия вскоре приняла католичество и превратилась в «щит христианства», опору западного мира. В XIII веке татаро-монголы, разгромив Русь, дошли до Дуная, и остановило их не военное сопротивление, а политические проблемы в собственном лагере.

Советские историки, в принципе, правы, связывая развитие городов с разделением труда, отделением ремесла от сельского хозяйства¹. Но это относится к возникновению городов в масштабах общей истории человечества. Города Киевской Руси, ясное дело, были не первыми в мировой истории. Их бурный рост, а главное — их стремительное обогащение также не могут быть объяснены внутренними процессами, проходившими в славянских племенных общинах².

арабские источники свидетельствуют о переходе хазар от скотоводства к земледелию. Если ранние упоминания хазар определяют их как скотоводов, то в более поздних указывается, что население крупнейшего хазарского города Итиль уходило весной «на поля для сельскохозяйственных работ» (Международные связи России до XVII века. М., 1961. С. 45). Вопрос, однако, не только в том, как была организована жизнь в Итиле. Невозможно создать устойчивое государство, не имеющее оседлого населения. Другое дело, что аграрное население в средневековых государствах порой не принадлежало к господствующему этносу (начиная от ранних арабских и турецких держав).

¹ См. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.

² Вообще показательно, что, несмотря на использование «марксистской» терминологии, большинство историков советского периода мало интересовалось вопросом о том, как функционировала экономика Киевской Руси, как было организовано производство, какие применялись технологии. У Грекова отдельного внимания заслуживает лишь организация феодальной вотчины, хотя сам же он признает, что не она была источником богатства князей и бояр. Торговля и ремесло почти не удостоиваются внимания. Культуре уделяется больше внимания, нежели технологии. Н.Я. Фроянов, подробно изучая роль князей, организацию дружины и по-

Западная Европа начинает пробуждаться после «темных веков» в конце VIII века. Во Франции происходит культурный подъем, названный позднее «Каролингским возрождением».

В 800 году Карл Великий в Риме провозглашает себя императором. Его армии доходят до Моравии, вытесняя оттуда аваров. В IX—X веках наблюдается бурное политическое и экономическое развитие и на северо-востоке Европы. В 874 году возникло первое государство западных славян — Великая Моравия. К концу IX века венгры (мадьяры) создают собственное государство на Дунае, захватывая в 906 году часть земель, принадлежавших Великой Моравии, но королевство Богемия продолжает развиваться в рамках Священной Римской империи. В X веке на карте Европы появляется королевство Польша.

В IX веке начинают формироваться и скандинавские государства. Норманны не только грабят европейское побережье, но и добираются до Италии. Награбленные ценности, обогащая скандинавскую знать, стимулировали развитие мирной торговли и формирование государственных институтов. Начинает развиваться товарное хозяйство. К середине X века Дания объединяется в королевство. Государственная власть устанавливается в Норвегии и Швеции. В Византии IX—X веков тоже наблюдается серьезный экономический подъем. Таким образом, в Европе появляются одновременно две торгово-экономические зоны: наряду с традиционной средиземноморской зоной возникает новая — балтийско-североморская, объединяющая Англию и Скандинавию. Реки Русской равнины становятся невероятно важны для торговли: они соединяют эти две зоны между собой. Путь «из варяг в греки» становится важнейшим звеном возникающей новой торговой экономики. Он соединя-

---

ложение крестьян, вообще ничего не пишет о купцах. Описывая средневековые города, он не касается ни торговли, ни ремесла, ограничиваясь лишь политической ролью города и его связями с деревней. И уж тем более экономическое и технологическое развитие безразлично И.Н. Данилевскому, который пишет уже в постсоветское время, а потому свободен даже от ритуальных требований «марксизма».

ет Европу в единое целое. По этим торговым путям с юга на север движутся не только товары, по ним же распространяются цивилизация, христианство, ремесленные технологии. Скандинавская руническая запись XI века сообщает маршрут через территорию Руси, двигаясь по которому можно было приобщиться к истинной вере и цивилизации: «на восток и далее в Иерусалим».

Наряду с путем из Скандинавии к побережью Черного моря, через пространную равнину, ставшую позднее основой русского государства, проходили и другие торговые пути. Один шел через Каспий и Волгу на север, доставляя отсталым европейцам изделия куда более развитых стран Востока — Арабского халифата и Персии. Другой проходил по суше в Западную Европу. О последнем пути известно гораздо меньше, но найденные клады позволяют историкам сделать вывод о «достаточно древнем трансъевропейском торговом маршруте», центральным участком которого был «путь из Среднего Поднестровья в южнонемецкое Подунавье»¹. Как видим, все эти пути встречались и пересекались на пространстве между Новгородом и Киевом.

Уже в VIII веке арабские купцы стали проникать на Волгу, а вместе с ними начался и поток серебра из Азии. Навстречу серебру устремились варяги, уже освоившиеся к тому времени в Ладоге. Водные маршруты того времени «отмечены идущими вдоль них цепочками кладов восточных монет»².

Именно бурное развитие международной торговли породило стремительный рост городов и интенсивные связи между ними. Покровский справедливо отмечает, что это была в значительной степени «разбойничья торговля»³, а города являлись на первых порах укрепленными стоянками путешественников между Балтикой и Черным морем куп-

---

¹ Наздратенко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 78.

² Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река». С. 277.

³ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 1. С. 104.

цов-разбойников, «гораздо теснее связанными с теми заграничными рынками, нежели с окрестной страной»¹. Для того чтобы продукт стал товаром, его надо было изъять у непосредственного производителя. Это была либо дань, либо прямой грабёж. Продвигаясь на северо-восток, и славяне, и скандинавы начали собирать дань с местных племен. Дань эту платили главным образом мехами. Одновременно купцы-разбойники захватывали и рабов.

Меха и невольники были ходовым товаром в более развитых южных землях. Арабские авторы X века писали, что русско-скандинавские торговцы того времени были по совместительству предводителями хорошо вооруженных отрядов, достигавших порой сотен бойцов. Такие маленькие частные армии, как признают скандинавские историки, «давали возможность их предводителям собирать дань с местного населения и защитить награбленное»².

Однако далеко не вся торговля была так милитаризована. Русские, скандинавские, а позднее и немецкие купцы были одновременно воинами, но значительную часть торговли на великом речном пути вели греки, армяне, арабы и евреи, не располагавшие военной организацией — по крайней мере, в той степени, в какой славяне и скандинавы. При чем, именно иностранные купцы привозили значительную часть звонкой монеты.

В подобных условиях государство должно было, с одной стороны, обеспечить на реках безопасность иностранных купцов от местных «лихих людей», а с другой — защитить собственных торговых людей от разбойников и друг от друга. Неслучайно, призывая варягов, новгородская знать ссылается на бесконечные «разборки» между своими. Иными словами, варяжский князь, пришедший со стороны, был нужен не только как защитник, но и как третейский судья.

Именно сочетание торговли с разбоем диктовало насущную необходимость установления государственного

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 1. С. 119.

² Sawyer B., Sawyer P. Medieval Scandinavia. From Conversion to Reformation, circa 800—1500. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 1993. P. 149.

порядка, без которого взаимные «разборки» вооруженных купцов могли бы просто парализовать обмен. Нужны были не просто княжеские дружины, охраняющие заморские караваны, но и суды, разбирающиеся с взаимными претензиями, и власть, способная гарантировать исполнение судебных решений.

Экспансия IX—X веков сделала необходимым создание русского государства. В русской истории нет «темных веков» просто потому, что в «темные века» не было и не могло быть русской истории. Само государство возникает как следствие торговой экспансии, начавшейся с преодолением западного варварства. Балтика становится бурно растущей торговой зоной. Варяги, еще недавно совершенно дикие, внезапно делаются потенциальными потребителями для сложных изделий, производимых в Византии и на Востоке. Торговый путь между Черным морем и Балтикой оказывается выгоден и необходим. Но его нужно поддерживать и охранять. Нужен «порядок».

До возникновения балтийского рынка судоходные реки на юге, многочисленные проточные озера на севере не имели никакой экономической и геополитической ценности. Племена, жившие на их берегах, были предоставлены сами себе. Но появление варяжской экономики все изменило. Стала не только возможна и необходима связь между богатым и развитым византийским югом и динамично развивающимся варяжским севером. Появилась потребность в том, чтобы поддерживать порядок и безопасность на всей территории огромного речного пути. Необходимо было единое государство.

В скандинавских сагах упоминается о том, как нужен был северным купцам «торговый мир», обеспечение которого зависело от князя, сидевшего в Новгороде¹. Не случайно основателями русской государственности стали новгородцы, которые были не столько воинами, сколько купцами. Точно так же не случайно и то, что в создании русской державы самое активное участие приняли варяги. Не варяги подчиняют себе славян, не славяне объединяются, а много-

---

¹ См. Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река». С. 330.

численные славянские, угро-финские и скандинавские племена и дружины, расположившиеся вдоль речного пути, соединяются государством в единое целое. Славяне, как наиболее многочисленные, доминируют. Варяги дают начало военной элите. Угро-финские племена покоряются и ассимилируются.

КИЕВ И ЕГО ВРАГИ

В книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс писал, что государство — это организованное насилие и возникает оно тогда, когда общество разделяется на классы. Изучая Восток, Маркс отметил еще одну причину образования государства — необходимость организации и поддержания ирригационной системы на обширных территориях. Для этого тоже требовалось принуждение — рабочую силу нужно было перемещать в соответствии с централизованным планом, — тогда как классовое деление общества могло находиться еще в зачаточной стадии. История Руси показывает, что потребность в государстве может быть порождена в такой же точно степени и необходимостью поддержания порядка на торговых путях. В этом смысле русская государственность изначально близка к «азиатской модели», но в то же время развивается она все время в тесной связи с Западной Европой.

Государство обеспечивало безопасность торговли. Дело вовсе не в этническом единстве славян. Новая держава включила в себя угро-финнов и варягов, впоследствии — греков. Объединялись не племена, а территории. На обширных пространствах, по которым проходили судоходные реки, нужна была система безопасности и единая власть. С какого-то момента контроль за территорией становится для властителей самоцелью, но это происходит лишь задним числом. На первых порах нужен был лишь порядок на пути следования купеческих караванов. «Это была торговля, регулярно организуемая государственной властью»¹, — пишет ис-

¹ Литаврин г. г. Византия и славяне. Спб., 1999. С. 442.

торик-византиист Г.Г. Литаврин. Новгородская знать знала, зачем приглашает варяжскую дружину.

Двигаясь на юг, к Киеву, новгородские торговые люди и варяжские дружины в течение поразительно короткого времени объединили огромные территории, обеспечив непрерывный поток товаров и знаний в направлении Балтики. Россия как государство родилась из транзитного пути. Описывая устройство первого русского государства, В.О. Ключевский отмечает: «Легко заметить основной экономический интерес, руководивший этой жизнью, сближавший и объединявший отдельные и разрозненные части земли: дань, шедшая киевскому князю с дружиной, питала внешнюю торговлю Руси. Этот же экономический интерес направлял и внешнюю деятельность первых киевских князей. Деятельность эта была направлена к двум главным целям: 1) к приобретению заморских рынков, 2) к расчистке и охране торговых путей, которые вели к этим рынкам»¹.

Конечно, средневековая торговля была отнюдь не мирным занятием. Если в XVII веке голландцы говорили, что война и торговля всегда идут вместе, то тем более это относится к IX—X векам. Михаил Покровский замечает, что для Руси того времени было типично «сочетание войны, торговли и разбоя»². Ключевский также отмечает, что походы русских на Царьград (Константинополь) неизменно были связаны с коммерческими конфликтами, а мирные договоры, которыми завершались войны, были обыкновенно «торговыми трактатами».

«Такой торговый характер имеют все дошедшие до нас договоры Руси с греками X в. Из них дошли до нас два договора Олега, один Игорев и один короткий договор или только начало договора Святослава. Договоры составлялись на греческом языке и с надлежащими изменениями формы переводились на язык, понятный Руси. Читая эти договоры, легко заметить, какой интерес связывал в X в. Русь с Византией. Всего подробнее и точнее определен в них по-

---

¹ Ключевский В.О. Сочинения. Т.1. М.: Мысль, 1987. С. 167.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 1. С. 109.

рядок ежегодных торговых сношений Руси с Византией, а также порядок частных отношений русских в Константинополе к грекам: с этой стороны договоры отличаются замечательной выработкой юридических норм, особенно международного права»¹.

Бороться надо было как с разбойниками, так и с кочевниками, заселявшими степи в низовьях Днепра — Дикое Поле. Хотя печенеги, а позднее половцы нередко совершали набеги на русские города, чаще причиной походов были препятствия, которые кочевники чинили греческой торговле. Русские походы в Дикое Поле были по преимуществу карательными экспедициями, чего киевские князья и не скрывали. Объясняя дружине причину похода на половцев, в 1167 году князь Мстислав прямо говорит, что их надо наказать, они мешают торговле. «И Греческий путь изъотнимают, и Соляной, и Залозный»². Под греческим путем имелся в виду путь из Царьграда-Константинополя, соляной путь связывал Киев с греческими колониями Крыма, а «золотозный», по мнению Соловьева, «железный» путь обеспечивал доставку металлических изделий из Византии и с Ближнего Востока.

Нередко дружины киевских князей, разбив печенегов или половцев, спускались вниз по Днепру и там дожидались купеческих караванов.

Борьба со Степью, по крайней мере, до конца XII века, была для Руси успешной. Печенеги были побеждены и понемногу из грабителей превратились в торговых посредников. Не будучи сами купцами, они брали на себя, как сказали бы сегодня, «информационное посредничество» между греками и русскими. От херсонесских греков они получали торговые поручения, своего рода mail orders, которые затем, еще до начала навигации на реках, передавались русским купцам в Киеве. Поручения херсонитов, пишет советский историк Литаврин, «состояли в заказе на Руси определенных товаров по ассортименту и количеству, с тем, чтобы

¹ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 168.

² Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1908. С. 97.

они были в наличии ко времени (весне?) приезда на Русь заказавшего товар купца-херсонита»¹. С небольшим преувеличением можно сказать, что греки заказывали товары через печенегов так же, как в наше время их заказывают через Интернет.

Постепенно печенеги ассимилировались с русскими. Новой угрозой русско-греческой торговле стали половцы. Но и они к началу XIII века из врагов Руси превратились в ее союзников (именно защищать половцев от нового, неизвестного еще степного народа пошло в 1223 году русское войско на реку Калку, где и было разгромлено татарами).

Многочисленные войны велись Русью и против хазар, которые в IX—X веках контролировали южную часть «пути из варяг в греки». До появления Киевской Руси хазары доминировали и в торговле. Объединение всего водного пути под единой властью требовало и устранения хазар. Сначала борьба шла с переменным успехом. Например, жившие на приграничной территории радимичи платили дань попеременно то Киеву, то хазарам. Союзниками хазар были и вятичи. Лишь в 966 году князь Святослав окончательно разгромил Хазарию, заодно покорив вятичей.

Отношение греков к русской торговле было на первых порах двойственным. С одной стороны, Константинополь нуждался в сырье, а с другой... купеческие караваны уж больно напоминали военные экспедиции. Каждую весну из Киева выходило 100—200 ладей, не только груженных товарами, но и сопровождавшихся внушительной охраной. Без военного прикрытия караваны не прошли бы днепровских порогов, где они могли стать легкой добычей кочевников. Между тем, прибывая в Херсонес или Царьград, такие караваны уже сами могли представлять угрозу для греков. А потому доступ русским в Босфор византийские власти старались ограничить, что, в свою очередь, вызывало недовольство русских и провоцировало конфликты.

Всего известно семь русских походов на греков: в 860 или 865 году киевский правитель Аскольд предпринял первую экспедицию против Византии, чтобы отомстить за

---

¹ Литаврин Г.Г. Указ. соч. С. 425.

убийство там русских купцов. Князь Игорь, по утверждению русских летописцев, дважды ходил на Царьград, затем Святослав воевал в Болгарии — сперва как союзник императора, потом, в 971 году, уже как его враг. Владимир Красное Солнышко прежде, чем крестить Русь по греческому обряду, разграбил византийский город Херсонес в Крыму, а в 1043 году Ярослав, сын Владимира, организовал последний такой поход.

Большинство этих походов были чем-то средним между грабительскими набегами и карательными экспедициями, и лишь Станислав вел на Балканах настоящую затяжную войну.

Святослав воевал с хазарами, волжскими булгарами и вятичами, разгромил их и положил начало русскому княжеству в Крыму — Тмутаракани. Затем по просьбе византийского императора Никифора двинулся на Дунай, в Болгарию, как союзник греков. Союзнические отношения были оплачены изрядным количеством византийского золота. Кроме того, греки обещали оставить за Святославом Болгарию в случае, если он сможет ее завоевать. Вдобавок ко всему греческий посол Калокир заключил со Святославом личное соглашение: если Святослав поможет ему стать императором вместо Никифора, помощь будет вознаграждена несметными богатствами из императорской казны.

В 967 году дружина Святослава прибыла в Болгарию. Страна была завоевана, причем победители жесточайшим образом расправлялись с «братьями-славянами». Князь расположился жить в Переяславце на Дунае, оставив Киев без правительства. Стареющая мать Святослава — княгиня Ольга — уже не справлялась с управлением, кочевники-печенег стояли у ворот столицы, а в самом городе росло недовольство. Киевляне послали Святославу укоризненное письмо: «Ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, от своей же отрেকся, чуть-чуть нас не взяли печенег вместе с твоею матерью и детьми; если не придешь, не оборонишь нас, то опять возьмут; неужели тебе не жалко отчины своей, ни матери-старухи, ни детей малых?»¹

¹ Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 154.

Святославу пришлось возвращаться. Но пробыв некоторое время в Киеве, он распределил власть между своими сыновьями и отбыл на Балканы, где столкнулся с новым византийским императором — Ионном Цимисхием. Болгары не хотели пускать русских обратно в Переяславец, а греки пытались вытеснить Святослава из Болгарии. Впрочем, сам русский князь грозил захватить греческие города так же, как захватывал болгарские. Несмотря на отчаянную храбрость русской дружины, никаких шансов на победу у него не было, поскольку греки могли выставить в поле значительно больше воинов, а главное — восполнить потери Святослав не мог. Пришлось очистить Болгарию. На обратном пути он попал в засаду печенегов и был убит. Из его черепа сделали чашу, оковали золотом и пили из нее.

Неудивительно, что военные кампании Святослава вызвали среди историков острую полемику уже в XIX веке. Для Карамзина князь Святослав — это «Александр нашей древней истории». Но, в отличие от Александра Македонского, князь Святослав государства не создал и закончил полным поражением. А потому «Святослав, образец великих полководцев, не есть пример государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага и, характером своим пленяя воображение стихотворца, заслуживает укоризну историка»¹. Иными словами, Карамзину князь Святослав представляется чем-то вроде безответственного военного авантюриста, чья отвага была, в сущности, бессмысленной. Историки второй половины XIX века были еще более категоричны, заявляя, что, отправляясь на Балканы, киевский князь имел в виду «только один грабеж»². Напротив, советские авторы доказывали, что деятельность Святослава была направлена «на решение больших государственных задач, требовавших напряжения всех сил»³. При этом эти «государственные задачи» трактуются подчас совершенно

¹ Карамзин Н.М. История государства российского. Кн. 1. С. 136.

² Русский исторический сборник. VI, М., 1843. С. 357.

³ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 382. См. также: Оськин Г.И., Марычев Н.Н. Изучение боевого прошлого нашей Родины. М. Просвещение, 1971.

в смысле геополитики XIX века — укрепить русское присутствие на Балканах, защитить братьев-славян от экспансии Византийской империи и т.д. Между делом упоминается обеспечение торговых путей, да и то, главным образом, применительно к более ранним походам на хазар.

На самом деле, никакой геополитической логики в действиях Святослава не прослеживается. Он то воюет на стороне греков против болгар, то борется против греков и болгар одновременно. То направляет свои дружины на юго-восток, то, не закончив дела, бросается на юго-запад. Однако назвать походы Святослава разбойными набегами тоже сложно. Во-первых, для грабежа не обязательно было идти на Балканы, можно было напасть на богатые греческие города в Крыму. Во-вторых, военно-политическая и дипломатическая организация походов слишком сложна для простого разбойного нападения. Разумеется, в те времена войны без грабежа не бывало. Но значит ли это, что князь не имел никаких иных целей, кроме грабежа? Ряд авторов подозревает, что и численность войска, и его успехи русскими летописцами сильно преувеличены. Тем не менее ясно, что походы тщательно готовились, причем не только в военно-техническом, но и в дипломатическом отношении. Морские действия координировались с сухопутными, боевые операции перемежались переговорами и т.д. Такого рода борьба предполагает более или менее развитое государство, где элита уже не может позволить себе жить простым грабежом.

Святослав пошел дальше других: он пытался — без большого, впрочем, успеха — сделать то, что делали и последующие русские правители на протяжении столетий. Киевский князь боролся за военно-политический контроль над торговыми путями. Местом основного противоборства с греками и болгарам было устье Дуная, соединяющее «путь из варяг в греки» с другой стремительно формирующейся европейской торговой артерией. Захватив болгарский город Переяславец, Святослав заявляет: «Не любо мне в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина Земли моей; туда со всех сторон свозят все доброе: от греков — золото, ткани, вина, овощи разные; от чехов и венгров — серебро

и коней, из Руси — меха, воск, мед и рабов»¹. Как справедливо замечает С.М. Соловьев, отсюда можно сделать вывод, что Переяславец «назван серединою не относительно положения своего среди владений Святослава, но как средоточие торговли».

Увы, поставленная задача эта оказалась для Руси непосильной. Святослав неправильно оценил ситуацию, сделав ставку исключительно на превосходство своей дружины и не понимая, что война — это не только сражения. Успехи на поле боя, достигнутые им в Поволжье и на Балканах, не удавалось закрепить. Более того, разгром Хазарии создал для Руси больше проблем, чем дал выгод.

СУДЬБА ХАЗАРИИ

История пишется победителями, и в этом смысле судьба Хазарии сходна с судьбой Карфагена. Мы смотрим на историю этого государства преимущественно через призму русской истории, точно так же, как на Карфаген — через призму римской. Неприязнь, с которой некоторые авторы писали о Хазарии, заставляет заподозрить, что это связано с преобладавшей в Хазарии религией — иудаизмом. Так, например, Б.А. Рыбаков настаивает на том, что государство хазар было «паразитическим», а потому подлежало уничтожению². Известный советский исследователь М.И. Артамонов прямо признает, что в оценке хазарской истории многими авторами сквозит неприязнь к евреям³.

Между тем, представление о Хазарии как об иудейском государстве также не вполне верно. Среди подданных хазарского кагана были и христиане, и иудеи, и мусульмане. Между 851 и 863 годами здесь проповедовал христианство святой Кирилл — тот самый, что прославился вместе с Мефодием своей миссионерской деятельностью в Моравии и создал славянскую письменность. Кирилл был принят при

---

¹ Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 154—155.

² См.: Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 308.

³ См.: Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Лань, 2001.

дворе кагана, где неоднократно спорил о вере с местными раввинами. На территории каганата действовало православное епископство. Широкое распространение имел и ислам. Французский историк Рене Груссе считает, что иудаизм, официально принятый хазарскими каганами в конце VIII века, был, прежде всего, религией двора и хазарской аристократии. «Напротив, среди народа мусульман и христиан было больше, чем евреев»¹. В X веке один из каганов по политическим соображениям перешел в ислам, а в начале XI века Таманским полуостровом правил хазарский хан, принявший православие и греческое имя Георгий. Каганы несколько раз вступали из-за веры в конфликт с греческим и исламским миром, но по большей части торговали и с теми и с другими. Еще в 695—705 годах среди хазар скрывался от своих врагов греческий император Юстиниан II, женившийся на сестре кагана, которая стала императрицей Теодорой.

«Возведение иудаизма в государственную религию, — писал в «Истории хазар» М.И. Артамонов, — имело значение политического самоутверждения, демонстрации не только независимости, но и равенства Хазарского каганата с Византийской империей и Арабским халифатом и явилось ответом на попытки с той и другой стороны подчинить хазар своим интересам. Внешнеполитически это был в высшей степени эффективный акт. Хазары выдвинули иудаизм на место третьей мировой религии, но не сумели закрепить за ним это место потому, что старый иудаизм оказался менее пригодным для феодального общества, чем более молодые религии — христианство и ислам»².

---

¹ Grousset R. Op. cit. P. 181.

² Артамонов М.И. История хазар. С. 361. С точки зрения Артамонова, именно принятие иудаизма было причиной упадка Хазарии, ибо наследственная религия «избранного народа» не могла объединить хазарское общество. «Хазарские иудеи не учли, что религия является мощным фактором социального объединения даже тогда, когда в нем не нуждается экономическая основа» (с. 624). В данном случае Артамонову самоочевидными и универсальными представляются принципы национальной консолидации, происходившей в Европе Нового времени, но не

Принятие иудаизма правящим сословием отнюдь не требовало массового обращения в эту веру подданных. Средневековая еврейская традиция, в отличие от христианской или мусульманской, весьма сдержанно, а порой и негативно относилась к попыткам обращения иноплеменников. Наследственный характер иудейской веры превращал ее в Хазарии в своеобразную идеологию господствующего слоя, знак его отличия от прочих жителей каганата, исповедовавших другие религии.

В этническом отношении население каганата также не было однородным. Сами хазары были тюрками, но под их властью оказались обширные территории, ранее колонизованные греками. А официальное принятие иудаизма создало условия для еврейской иммиграции из Византии, особенно в X веке, когда евреи там подвергались преследованиям. Население каганата представляло собой тюрко-еврейско-греческий этнический конгломерат, точно так же как Киевская Русь объединяла на одной территории славян, варягов и финно-угорские племена. Для подобных образований характерно этническое разделение труда, при котором эллинизированное аграрное население, еврейско-мусульманские купцы и ремесленники были подчинены хазарской военной аристократии.

«Иудейская религия не вытеснила ни старого язычества, ни христианства, ни мусульманства, — пишет Артамонов. — Веротерпимость хазар представляется исключением из обычной в средневековье религиозной практики, но она и в Хазарии не возводилась в теорию, не была принципом внутренней политики хазарского правительства»¹. Религиозный плюрализм Хазарии, таким образом, был не только результатом параллельной миссионерской деятель-

---

имеющие ничего общего с этнополитическим устройством средневекового Востока, где религиозное и этническое разнообразие ничуть не мешало становлению и развитию империй. Неоднородным обществом была и победившая хазар Русь. Крах Хазарии был предопределен элементарным неравенством сил в борьбе, которую каганат принужден был вести одновременно против Киева, Византии и тюркских племен.

¹ Артамонов М.И. Указ. соч. С. 364.

ности, но и следствием этнической пестроты. Однако само по себе соперничество трех религий в Хазарии показывает, что не лишен реализма и рассказ русских летописцев об аналогичном соперничестве в Киеве, когда к князю Владимиру поочередно являются проповедники христианства, ислама и иудаизма.

Победа «киевского кагана» Святослава над хазарами не означала полного уничтожения их государства. Начав войну, Святослав, как отмечает Артамонов, стремился «полностью взять в свои руки контроль над восточной торговлей, игравшей весьма важную роль в экономике Русского государства»¹. Однако киевский князь не сумел удержать под своей властью захваченные территории. «Втянувшись в трудную войну на Дунае, он должен был ослабить свое внимание к востоку, не успев закрепить власть Руси над Поволжьем. За Русью остались только Подонье да берега Керченского пролива, Волжская же Болгария и Хазария, по-видимому, недолго находились в зависимости от Руси и восстановили свою самостоятельность»².

Между тем после походов Святослава на юго-востоке возник военно-политический вакуум. За обломки Хазарского каганата с переменным успехом боролись Русь, Хорезм и Византия. Хазарская государственность была окончательно уничтожена лишь в 1016 году совместной экспедицией русских и греков в Тамань и Крым. По этому поводу Груссе замечает, что, разрушив совместными усилиями каганат, греки и Русь «серьезно просчитались»³. Дело в том, что именно Хазария в действительности играла роль заслона на пути кочевых племен. Эти племена двигались на запад по степной полосе, к югу от Киева, где господствовали хазары. Упадок Хазарии начался с безуспешных попыток сдержать продвижение венгров. Разгром хазарского войска Святославом привел к тому, что печенегі почувствовали себя гораздо свободнее. Последствия этого Русь ощутила еще при

---

¹ Артамонов М.И. Указ. соч. С. 586.

² Там же. С. 587.

³ Grousset R. Op. cit. P. 182.

Святославе — сначала печенеги, уже не сдерживаемые хазарами, беспрепятственно дошли до Киева, а затем сам Святослав погиб от их рук. Русь, разгромив Хазарию, оказалась не в состоянии установить политический контроль над всей обширной территорией, ранее подчинявшейся каганату — за исключением небольшого, но очень богатого княжества Тмутаракань, где славяно-варяжская военная аристократия пришла на место хазарской. Остальная территория стала частью Дикого Поля, по которому беспрепятственно передвигались племена кочевников. Вскоре печенегов сменили куда более опасные половцы, а в XIII веке по тому же пути пришли монголы.

ХРИСТИАНСТВО И ТОРГОВЛЯ

Походы Святослава на Балканы окончились полным поражением, но главным их результатом оказалось то, что «сферы влияния» в Причерноморье между Киевом и Константинополем были окончательно поделены. Начиная со времен князя Владимира, военно-торговая экспансия киевских князей на юг сменяется сотрудничеством с византийцами. Владимир еще совершает грабительский поход в Крым, но именно он оказывается решительным проводником греческого религиозного и политического влияния в Киеве. Русь стабилизируется. Киев отныне выступает уже не в качестве соперника, а в качестве союзника Константинополя. Конфликты между Киевом и Константинополем периодически возникают, однако сотрудничество преобладает. Русские купцы получают исключительные торговые льготы в Византии. Греческий император набирает на Руси воинов для своего войска. Из Константинополя в Киев едут ремесленники, священники, советники. «Западные волки, — удовлетворенно писал греческий автор, — так были укрощены, что обратились в послушное стадо овец. Русь стала теперь оберегать Византию от нападения зверей»¹.

---

¹ Цит. по: Успенский Ф. И. История Византийской империи. М.: Астрель, 2002. Т. 3. С. 628.

Христианизация Руси, начатая княгиней Ольгой и завершенная Владимиром, оказалась логическим результатом этого процесса. И на Руси, и в Скандинавии именно купцы-христиане предшествовали миссионерам. Еще до крещения Дании строительство христианских церквей было важным делом для местных королей, поскольку позволяло привлечь торговцев. Теперь, как отмечают хроники, купцы приезжали «охотно и без страха», в результате чего «было изобилие товаров всякого рода»¹. Торговцы, возвращавшиеся из Царьграда, равно как и их греческие коллеги, распространяли христианство на Руси не только до князя Владимира, но и до княгини Ольги. Первая церковь — св. Ильи — построена в Киеве в 940 году, тогда как княгиня Ольга крестилась лишь в 950-х годах. Официальное же государственное принятие православия Владимиром состоялось только в 988 году.

Начиная с середины XIX века, либеральные историки видели в принятии христианства по восточному обряду величайшее несчастье России, поскольку тем самым в религиозном отношении страна противопоставила себя Западу. На самом деле, во времена князя Владимира раскол между восточной и западной церквями не был еще полным и окончательным. Потому крещение, пусть и по византийскому обряду, вовсе не противопоставляло Русь Западной Европе, а наоборот, сближало с ней. Что гораздо важнее, Византия во времена Ольги и Владимира была развитой и просвещенной страной, тогда как Запад еще только преодолевал «темные века». Принято считать, что летописная история о том, как посольство, отправленное Владимиром в разные страны, сравнивало исламское, католическое и православное богослужение, является домыслом позднейших летописцев. Однако даже если это так, данная история говорит о многом. Ведь русских послов поразило, прежде всего, величие православных храмов в Константинополе — «богатые одежды служебные, убранство алтарей, красота живописи, благоухание фимиама», тогда как у католиков обряды были «без

---

¹ Sawyer B., Sawyer P. *Medieval Scandinavia*. P. 148.

всякого величия и красоты». Ориентируясь в культурном отношении на Византию, киевские князья получали огромное преимущество перед своими западными соседями.

ДРЕВНЕРУССКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ

Итак, если в VIII веке восточные славяне не имели ни развитого государства, ни крупных городов, то 200 лет спустя от Балтики до Черного моря простиралась мощнейшая и богатейшая держава. Она не только охватывала огромную территорию, но поражала иностранцев обилием и богатством городов. В начале IX века византийцы еще не знали Руси. А в 860 году патриарх Фотий уже говорит о русских как о народе, еще недавно неизвестном, но стремительно достигшем «блистательной высоты и несметного богатства»¹. Иностранные путешественники называли Киевскую Русь «страной городов». Богатство и развитие Руси, признаваемое греками, тем более потрясало скандинавов. «По неполным данным русских летописей, — отмечают историки, — в XI в. на Руси существовало 86 городов. В XII в. летописи упоминают еще 120 городов, а ко времени монголо-татарского нашествия, т.е. к началу XIII в., количество городов доходило до 250. В действительности их было значительно больше, ибо не все города упоминались в летописях»². Советский исследователь М.Н. Тихомиров насчитал на Руси 271 город. Для сравнения, в Германии к 900 году было всего 30 городов. Даже если учесть, что данные Тихомирова относятся к более позднему периоду, контраст разительный.

Разумеется, как отмечает И.Н. Данилевский, далеко не всегда речь идет о городе в «нашем смысле слова». Ведь «городом» в IX—X веке могли называть и огражденную частотой деревню, и княжеский замок. Но свидетельства арабских путешественников, которые, в отличие от отсталых западных людей, уже имели дело с развитой городской

---

¹ Цит. по: *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. М.-Л.: Наука, 1964. С. 55.

² *Зворыкин Л.В., Осьмова Н.И., Чернышев В.И., Шухардин С.В.* История техники. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 66.

культурой, не оставляют сомнения в том, что уровень «урбанизации» в Киевской Руси был совершенно выдающийся. «Русы в целом представляются арабам неземледельческим народом, занимающимся лишь торговлей и военными походами», — отмечают современные исследователи¹. По крайней мере треть народа, по мнению арабских путешественников, занимается «исключительно международной торговлей»². Арабский путешественник Ибн-Даст вообще не обнаруживает на Руси деревень, ему кажется, что все живут исключительно в городах!

Если некоторые региональные центры были не более чем разросшимися княжескими усадьбами, то Киев и Новгород, бесспорно, принадлежали к числу самых блестящих городов тогдашней Европы. Не только по своим размерам, но и по уровню благоустройства. В Новгороде имелись деревянные мостовые, что резко отличало его от большинства западных городов. По свидетельству археологов, древнейшие уличные настилы датированы 953 годом, самые поздние — серединой XV века.

В Западной Европе IX—X веков денежное обращение было еще мало развито. Напротив, русские торговали с византийцами и арабами, которые платили серебром, а потому экономика Руси была гораздо более рыночной. Это признают и западные историки: «С социальной и экономической точки зрения Киевская Русь была куда более передовой страной, чем отсталая Западная Европа феодальных поместий, где рынки, ярмарки и ремесло только начинали возникать во Фландрии, на побережье Балтики и в северной Италии»³. Здесь господствовал не натуральный обмен, а

---

¹ Калинина Т.М. Древняя Русь и страны Востока в X в. Средневековые арабо-персидские источники о Руси. М., 1976. С. 15.

² Там же. С. 17.

³ Brinton C., Christopher J.B., Wolf R.L. A History of Civilization. V. 1. Prehistory to 1715. Prentice-Hall Inc., Englewood Cliffs, 1956. В данном случае американские авторы приписывают развитие рынка на Руси исключительно притоку византийского серебра, что, как мы видим из других источников, не вполне верно. Еще более показательным, однако, что последующий упадок Руси они, вслед за русскими историками, тоже объясняют византийским влиянием и татарским нашествием.

товарно-денежные отношения. В IX—X веках Русь экспортирует серебро в Скандинавию¹. Прибывает это серебро главным образом не из Византии, а из восточных стран. В конце IX века на территории современного Афганистана были найдены большие залежи серебра. Саманидские шахи получили возможность чеканить значительное количество монет, что способствовало расцвету торговли не только в Средней Азии, но и на Каспии и на Волге. Исследование кладов приводит историков-нумизматов к выводу: «Европейско-арабская торговля возникает в конце VIII в. как торговля Восточной Европы со странами халифата»².

На Русь восточные монеты стали поступать примерно к 910 году. Саманидские диргемы стали популярны на Руси и уже оттуда поступали в скандинавские страны, что, в свою очередь, стимулировало торговлю на Балтике. В Киеве чеканились и свои монеты, но в незначительном количестве. Потребности в этом не было — деньги в изобилии поступали

---

¹ П. Сойер, отмечая большое количество арабских монет, поступавших в земли викингов из Руси, замечает, что это не обязательно свидетельствует о торговле: монеты могли быть просто украдены. Однако это не может объяснить столь значительного потока серебра из России в период, когда больших войн между славянами и варягами не было. Ограбление торговцев было обычным делом в средневековой Европе, но еще более типичен был грабеж ради торговли, когда, например, народы Севера подвергались грабежу из-за того, что их меха можно было выгодно продать на юге. К тому же торговцы не возили с собой очень много серебра сразу. Много монет сразу можно было взять, лишь захватив город. Русские города были хорошо укреплены (Старая Ладога уже в 860 году имела каменную стену), и вообще ни русские, ни скандинавские источники не сообщают в X—XI веках о захвате варягами русских городов. Более вероятно предположение Сойера, что серебро было «жалованьем наемников» (*Sawyer P.H. Kings and Vikings. Methuen. N.Y., 1982. P. 113*). Таким же образом на север попадали и византийские монеты, но важно учесть, что на Руси, в отличие от Византии, варяги были не только наемниками, но и частью местной феодальной элиты. Следовательно, они получали не только оплату, но и часть военной добычи, долю от всевозможных феодальных поборов.

² Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 293.

с юга. Чеканка собственных монет в Киеве, видимо, диктовалась необходимостью не столько экономической, сколько политической. Нужно было показать, что киевский князь ничем не уступит своим южным соседям.

Денежное обращение Киевской Руси отражало специфику страны, находящейся, по определению современного историка, «между арабами и варягами, Западом и Константинополем». Точно так же и сложившаяся здесь система мер и весов явно демонстрирует следы «межэтнического культурного взаимодействия»¹.

Из Руси в Византию и арабские страны и к хазарам поступали воск, мед, меха, охотничьи соколы и невольники. Вообще, работорговля была важным источником дохода для «купцов-разбойников», и, как отмечает Покровский, продавали в рабство не только иноземных пленников, но и своих соплеменников, особенно девушек.

Позднее русские князья за деньги предоставляли грекам военную помощь — тоже своего рода экспорт услуг. Уже в 910 году, задолго до христианизации Руси, русское войско совершает набег на прикаспийские земли Персии, судя по всему, действуя по договоренности с греками. В том же году русская дружина высаживается на Крит в составе византийской армии. В 935 году, когда византийское войско высадилось в Италии, в его составе опять была русская дружина (включала она, скорее всего, не только славян, но и варягов). А в 964 году, по данным арабских историков, русские сражались в Сицилии с сарацинами «как наемники греков»². Впоследствии в византийском войске постоянно существовал «русский корпус», другое дело, что в XI—XII веках он пополняется не только русскими и скандинавами, но и англичанами. Наконец, между русской и византийской церквями, как отмечают историки, существовали не только религиозные, но и деловые связи.

Создав в Крыму, на землях, ранее находившихся под контролем хазар, княжество Тмутаракань, русские получи-

---

¹ Наздратенко А.В. Цит. соч. С. 113.

² Карамзин Н.М. История государства российского. Кн. 1. С. 125.

ли важный торговый и военный форпост. Если князья и дружина были русскими, то население Тмутаракани, как сообщают историки, «было в основном не пришлым славянским, а преимущественно местным», то есть греческим или эллинизированным¹. По утверждению Артамонова, экономическая власть в городе находилась в руках «еврейско-хазарского купечества». Эта группа состояла как из хазар иудейского вероисповедания, так и из этнических евреев «после принятия хазарами иудейской религии считавшихся хазарами»².

Тюрки, греки, как и ранее варяги, все более становятся частью русского общества. Из Тмутаракани в империю везут важное стратегическое сырье — нефть. Использовалась она для изготовления «греческого огня», которым стрелял императорский флот. Эти поставки столь важны для Византии, что в конце XI века, в преддверии Крестовых походов, греки отнимают Тмутаракань у русских князей.

РАСЦВЕТ ТОРГОВЛИ

С востока на север шли ремесленные изделия, драгоценности, вина, звонкая монета. Особое место в этой торговле занимали меха. То, что Русь поставляла меха в арабские города, может показаться несколько забавным, но такова была тогдашняя мода. «Потребность в мехах, — пишет Соловьев, — усиливалась на востоке с распространением богатства и роскоши в блестящее царствование Гаруна аль-Решид. Шубы стали почетною одеждою и покупались дорого; до нас дошло известие, что Зобейда, жена Гаруна, первая ввела в моду шубы, подбитые русскими горностаями или соболями; кроме мехов русы привозили на Волгу также и рабов. В обмен за означенные товары русы могли брать у арабов дорогие камни, бисер, особенно зеленого цвета (нити его составляли любимое ожерелье русских женщин, мужья которых разорялись, платя нередко по диргему (от 15 до 20 копеек серебром) за каждую бисеринку), золотые и серебря-

¹ *Яacobсон А.Л.* Указ. соч. С. 77.

² *Артамонов М.И.* Указ. соч. С. 609.

ные изделия, цепочки, ожерелья, запястья, кольца, булавки, рукоятки, пуговицы, бляхи для украшения одежды и конской сбруи, быть может, также шелковые, шерстяные и бумажные ткани, овощи, пряности и вино. Но, как видно, русы сильно желали выменивать на свои товары арабские монеты, диргеми, которые везде и во всяком значении имели большую ценность. Посредством этого пути арабские монеты распространялись по разным местам тогдашних русских областей; как редкие, всегда ценные вещи, как украшения переходили они из рода в род, из рук в руки, закапывались в землю вместе с мертвецами, зарывались в виде кладов и таким образом дошли до нас»¹.

Значительная часть товара поставлялась в хазарский город Итиль и оттуда уже перепродавалась на Ближний Восток еврейскими купцами. Но, как отмечает Покровский, русские купцы тоже доходили до Багдада, а арабы много путешествовали по Руси. Обмен процветал, и «у редкого царя восточных стран не было шубы, сшитой из русских мехов»².

Если с Востока поступали сотни тысяч серебряных монет, то из Византии приходили ремесленные изделия. В советское время историками было хорошо изучено движение серебра: «Археологически византийский и северопричерноморский импорт прослеживается на всем протяжении «пути из варяг в греки» и достигает района Белоозера»³. Скандинавские источники также свидетельствуют, что варяги из Греции предпочитали получать «не деньги, а шелк и другие ткани, металл, стекло и вино»⁴. Русские тоже стремились получать из Царьграда готовые изделия. В итоге Русь имела торговый дефицит с Византией, зато положительное сальдо при торговле с исламскими странами. Если в Византию поставляли главным образом сырье для ремесленного производства, а получали продукцию греческих мастерских, то на юг, как уже говорилось, везли предметы роскоши и ра-

¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 243.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 1. С. 97.

³ Смирнов В.Н. Экономические связи Древней Руси с Византией и Северным Причерноморьем в VIII—XV в. Л., 1980. С. 8.

⁴ Sawyer P.H. Kings and Vikings. P. 122.

бов в обмен на серебро, которого у персов и арабов было в избытке. «Исламские товары, безусловно, ввозились на Русь и оттуда шли в Скандинавию, но спрос в халифате на русские товары был, очевидно, куда большим, нежели спрос на исламские изделия среди русских, а разница оплачивалась серебром, что вполне устраивало обе стороны, — писал П. Сойер в книге «Короли и викинги». — Часть мусульманских монет затем экспортировалась из Руси в соседние европейские страны, и в большом количестве эти монеты можно найти в Скандинавии».

Как отмечает Г. Литаврин, многие русские и варяги также отправлялись в Византию «на заработки»¹. При чем речь идет именно о массовом явлении, поскольку подобная практика специально регулировалась русско-византийскими соглашениями. Одновременно в Константинополе находилось около тысячи русских. Варяги и русские в Константинополе не были эмигрантами, они были торговцами, религиозными деятелями (интеллектуалами), а также, как сейчас принято говорить, «гастарбайтерами» — ремесленниками и наемными солдатами, планировавшими, накопив денег и знаний, вернуться на родину².

После христианизации Руси обмен товарами сопровождается распространением греческого просвещения и технологий. «Перенос технологий» в Средние века, как правило, представлял собой переселение людей. В X—XI веках между Византией и Русью в массовом порядке происходит «переселение мастеров и налаживание на новом месте производства, приход «мастеров из грек» для строительства и украшения храмов»³. В Киев переселяются мастера-стеклоделы из Константинополя. Характерно, что именно это же производство стало бурно развиваться в Венеции 200 лет спустя, когда соответствующая технология стала доступна в Западной Европе в результате Крестовых походов.

---

¹ Литаврин Г.Г. Указ. соч. С. 427.

² Можно даже сказать, что на первых порах они были «лимитчиками», ибо их численность в Царьграде греческой администрацией ограничивалась.

³ Смирнов В.Н. Указ. соч. С. 3.

Произведенная по византийской технологии церковная утварь массово поступает в Скандинавию, где христианизация происходит позднее, чем на Руси. Точно так же, как Византия далеко опережала остальные европейские страны, так и Русь в X—XI веках по своему культурному и технологическому развитию явно стояла впереди большинства стран Запада. Хотя Киевская Русь не прославилась собственными изобретениями, близость к Византии позволила ей развиваться быстрее западных государств. «Если говорить о «бронь»-кольчуге, то она была известна на Руси уже с X в., тогда как этот же вид снаряжения в Западной Европе появился только в XI—XII вв., — отмечают военные историки. — Летописные источники... подтверждают и то, что на Руси X—XII вв. не только знали о «греческом огне», но и умели применять огнеметное оружие»¹. В XII веке имеются уже образцы «серийного» изготовления оружия. По мнению археологов, военное производство становится «массовым»².

Нумизматы отмечают высокое качество чеканки киевской монеты — по сравнению с западноевропейскими образцами того же периода³. В XII веке русские земли опережают страны Северной Европы по уровню металлообработки. Об этом явно свидетельствуют и археологические данные, и летописные источники. «В металлообрабатывающем производстве, отмечают историки, использовались сложные технологические приемы: термическая обработка стали, различные способы холодной обработки, сварки.

---

¹ *Оськин Г.И., Марычев Н.Н.* Изучение боевого прошлого нашей Родины. М.: Просвещение, 1971. С. 15.

² См.: *Фроянов Н.Я.* Киевская Русь. Л., 1980. С. 197. «Массовое» производство серийных образцов оружия Фроянов считает доказательством всеобщего вооружения народа в Киевской Руси. Однако это свидетельствует скорее о хорошей организации княжеских дружин и высокой «мобилизационной готовности» городских ополчений. «Народное» оружие в Средние века не было ни стандартизированным, ни массовым. Стандартизация вооружений свидетельствует как раз о профессионализации военных структур и их отдалении от народа.

³ См.: *Спасский И.Г.* Русская монетная система. Л.: Аврора, 1970. С. 52—54.

Для изготовления самого распространенного изделия — ножей — применялось наваривание стали на железную основу клинка. Двух-трехслойные ножи были особенно высокого качества на первом этапе развития ремесла в Новгороде»¹.

Развитие ремесла ведет к тому, что к XII веку Русь уже вывозит в Византию не только сырье, но и ремесленные изделия, в том числе и художественные². Русские изделия были найдены в Коринфе, а византийский поэт Иоанн Цепа упоминает «о подаренной ему чернильнице русской работы»³. Еще больше произведений русского ремесла экспортировалось в другие европейские страны.

На Восток вывозить русскую продукцию было сложнее, ибо здесь собственное производство стояло на несравненно более высоком уровне, нежели на Западе. Тем не менее удавалось вывозить оружие и доспехи, доходившие до самой Индии, лен и льняное полотно. Все эти товары продолжали вплоть до XIV века исправно поступать из России на Восток, независимо от любых исторических потрясений. Лен вывозился через Дербент, а затем шел в Среднюю Азию, Персию и Индию⁴. Таким образом, и сельское хозяйство на Руси начинало постепенно вовлекаться в международную торговлю. Происходит и усовершенствование земледелия. В этот период русской истории географическая близость к греческим землям оказывается решающим фактором даже внутри страны. Так, в близких к Византии южных землях Руси применяли железный плуг, тогда как на севере использовали соху.

Поразительно, что, за редкими исключениями, русские и советские историки на протяжении 200 лет, констатируя (вслед за летописцами) значение «пути из варяг в греки», не проявляли к этому пути особого интереса. В общих словах повторив летописное свидетельство, они тут же переходили к описанию княжеских распрей, военных походов или по-

---

¹ Андреев В.Ф. Северный страж Руси. Л.: Лениздат, 1983. С. 64.

² См.: Литаврин Г.Г. Указ. соч. С. 512. См. также: Смирнов В.Н. Указ. соч. С. 8—9.

³ Международные связи России до XVII в. С. 17.

⁴ См.: Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 51.

лемике по поводу роли норманнских (варяжских) князей в Новгороде и Киеве. В каталоге московской Государственной Публичной Исторической библиотеки среди огромного множества работ о Киевской Руси едва найдется полдюжины книг, посвященных русско-византийским связям. О «пути из варяг в греки» нет вообще ни одной! Русско-византийские отношения рассматривались главным образом с точки зрения церковной истории, иногда в плане культурного влияния греков на Русь¹. Но торговый обмен предшествовал культурному по крайней мере на столетие! Можно сказать, что средневековые русские летописцы продемонстрировали лучшее понимание логики исторического процесса, нежели исследователи XIX и XX веков.

В чем причина столь малого интереса к «византийскому следу» в русской истории? С одной стороны, его никто не отрицает, а потому он не может быть, в отличие от «нор-

---

¹ Советский историк В.Н. Смирнов отмечает, что, несмотря на общее признание значимости русско-греческих отношений, остается мало изучена «экономическая сторона этих связей, хотя именно она и определила в значительной степени стабильность многовековых контактов Руси и Византии, сохранявшуюся даже при наличии частых политических и церковных разногласий между двумя средневековыми государствами». Экономические отношения двух обществ рассматриваются историками «лишь попутно» Это тем более поразительно, что на протяжении XX века было получено огромное количество археологических данных, появились новые возможности изучения греческих материалов. Но это мало повлияло на основные исторические концепции. И все же если «греческое» направление «пути из варяг в греки» хоть как-то изучено (примером чему может служить диссертация того же Смирнова), то «варяжское» — куда менее. Главное же, историки практически не уделяли внимания связи между «греческим», «варяжским» и «восточным» рынками: «путь из варяг в греки» как специфическое экономическое явление вообще не исследовался комплексно. В качестве курьеза можно процитировать даже высказывание Б.А. Рыбакова о том, что никакого пути из варяг в греки вообще не было, а все написанное по этому поводу «является домыслом норманистов» (*Рыбаков Б.А. Указ. Соч. С. 294*). Неприязнь Рыбакова к «норманнской теории» была столь велика, что он отрицал даже теоретическую возможность путешествия варягов по русским рекам в сторону Константинополя: славяне обязаны были, в соответствии с советскими понятиями, держать «границу на замке».

маннской теории», темой политических дискуссий. А с другой стороны, Византия оказалась на периферии российского идеологического сознания. «Западническая» школа относилась ко всему византийскому враждебно, видя в греческом и православном влиянии препятствие для культурной интеграции с Западом. А для сторонников «самобытности» и византийцы, и норманны были одинаково отвратительны. Поскольку же «западники» уделяли именно норманнам особое внимание, то против «норманнской теории» и была направлена вся полемика «почвенников». Ни те, ни другие не готовы были признать, что Русь возникла именно как место встречи византийцев с норманнами. В советское время ситуация мало изменилась. Интерес к экономической истории под влиянием марксизма несколько вырос, но советские историки уделяли внимание главным образом местному производству, а также отношениям, складывавшимся в феодальных вотчинах. После разгрома в 30-е годы XX века школы М. Покровского торговля редко заслуживала самостоятельного изучения. Подобное внимание к аграрной экономике было вполне оправдано в случае Западной Европы. Там экономика действительно вырастала из натурального хозяйства. Но Русь натурального хозяйства в западном смысле слова практически не знала. Точнее, в эпоху натурального хозяйства не было ни русского государства, ни русского народа. Пытаясь понять, «откуда есть пошла русская земля», летописцы сразу и совершенно справедливо указывали на торговлю.

Глава II

УПАДОК XIII ВЕКА

Если в начале своей истории Россия выглядит столь процветающей и развитой, то почему с XVII вплоть до конца XX века главной задачей государства оказалась борьба за преодоление разрыва по отношению к Западу? В чем была причина отсталости? Начиная с конца XVIII века, либеральная историография искала причины этого в двухсотлетнем татарском иге.

Этот взгляд восходит к Карамзину: «Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу в то самое время, когда благодетельные сведения и навыки более и более в ней размножались, народ освобождался от рабства, города входили в тесную связь между собою для взаимной защиты в утеснениях; изобретение компаса распространило мореплавание и торговлю; ремесленники, художники, ученые ободрялись правительствами; возникали университеты для высших наук; разум приучался к созерцанию, к правильности мыслей; нравы смягчались; войны утратили свою прежнюю свирепость; дворянство уже стыдилось разбоев, и благородные витязи славилась милосердием к слабым, великодушием, честью; обходительность, людскость [гуманность], учтивость сделались известны и любимы»¹.

ВИНОВАТО ЛИ ТАТАРСКОЕ ИГО?

Картина успешного развития Западной Европы, нарисованная Карамзиным, увы, далека от истины. Основная тя-

---

¹ Карамзин Н.М. История государства российского. Кн. 2. С. 196—197.

жесть татарского ига приходится на XIV век. Русские историки, возлагающие на татарское иго ответственность за отсталость страны, редко задаются вопросом о том, что происходило в это время на Западе. Между тем XIV век в Европе — время разорительных войн, экономического кризиса и чумы. Если Италия и южная Франция в начале столетия действительно развиваются весьма быстро, то за этим следует затяжной экономический кризис, в полной мере преодоленный лишь в следующем столетии. Наконец, не вполне понятно, что понимается под собирательным понятием «Запад». Темпы и уровень развития существенно отличаются, в зависимости от того, рассматриваем ли мы Италию или Венгрию, Чехию или Польшу.

Как истинный представитель своего века, Карамзин видит источник бед в недостатке просвещения, что, в свою очередь, было следствием угнетения: «Россия, терзаемая монголами, напрягала все силы свои единственное для того, чтобы не исчезнуть: нам было не до просвещения!»¹

Последующие историки искали причину отсталости то в православии, то в «неудачном» объединении русских земель — вокруг Москвы, а не под знаменами Твери, Литвы или Новгорода. Если последние два объяснения в XX веке стали менее популярными, то ссылки на татарское иго сделали общим местом всех учебников советской поры. Советские историки постоянно подчеркивали, что «если Киевская Русь в X и XI вв. и русские княжества в XII—XIII вв. шли одним путем с передовыми странами Западной Европы, не отставая от них, то татаро-монгольское нашествие, длившееся 200 с лишним лет, на долгое время нарушило нормальную жизнь Руси. Оно задержало развитие производительных сил, техники, науки, культуры»². Западные историки вслед за российскими коллегами повторяли, что татарское нашествие «привело к замедлению материального и политического прогресса страны; можно также сказать,

---

¹ Карамзин Н.М. История государства российского. Кн. 2. С. 197.

² Зворыкин Л.В., Осьмова Н.И., Чернышев В.И., Шухардин С.В. История техники. М., 1962. С. 64.

что оно имело определенный моральный эффект, повлияв на характер народа, понизив чувство национальной гордости, приучив людей к покорности...»¹ Даже Маркс разделял эти представления. Авторитаризм, отсталость и крепостничество, по его мнению, суть плоды «отвратительной и холопской школы татарского господства»².

Этот тезис, повторяющийся в тысячах текстов и никем особенно не оспариваемый, на самом деле вызывает серьезные вопросы. Показательно, что Карамзин, первым сформулировавший мысль о татарском иге как причине русской отсталости, заслужил репутацию великолепного знатока хроник, но слабого аналитика. «История государства российского» была написана им в самом начале XIX века, и с тех пор исследователи далеко продвинулись вперед и в знании фактов, и в их изучении. Большая часть аргументов, использовавшихся Карамзиным, уже к середине XIX века не воспринимались серьезно. Например, доказательством русской отсталости и дикости в XIV—XV веках Карамзин считал обычай, согласно которому судебные тяжбы решались в «поле», то есть один из тяжущихся мог вызвать другого или даже самого судью на поединок и тем решить исход дела. Спустя сто лет Покровский приводит тот же пример как доказательство того, что Россия в целом развивалась аналогично Западу, ибо во Франции в Средние века существовал точно такой же обычай, продержавшийся примерно столько же, сколько и в России³.

И все же, независимо от изменившегося отношения к Карамзину, провозглашенный им тезис превратился в своеобразное общее место русской истории, не подвергавшееся ни сомнению, ни обсуждению, если не считать нескольких высказываний Соловьева и попытки исторической критики, предпринятой Покровским. После того, как при Стали-

---

¹ Baring M. The Russian People. L.: Methuen & Co., 1911. P. 90.

² Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century and the Story of the Life of Lord Palmerston Ed. and with introduction by L. Hutchinson. London.: Lawrence & Wishart, 1969. P. 121.

³ См.: Карамзин Н.М. История государства российского. Кн. 2; Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 1.

не «школа Покровского» была официально осуждена, а многие ее представители просто репрессированы, дискуссия захлебнулась окончательно.

Показательно, что советские историки, как правило, не уточняют, было ли причиной упадка само нашествие татар или последовавшее за ним двухвековое иго. Нашествие Батыя на Русь в XIII веке действительно было катастрофой, но надо помнить, что различные катастрофы средневековые общества переживали неоднократно.

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ

Монголы отличались от половцев и других кочевников, с которыми ранее приходилось иметь дело Руси, тем, что умели брать города. Бревенчатые укрепления были надежным заслоном и от половцев, и от печенегов, а уж каменные стены были для них просто неприступны. Но монголы до прихода на Русь уже овладели Китаем и, соответственно, пользовались военными технологиями уже совершенно другого уровня. Стенобитные орудия были им хорошо знакомы.

Это доказывает, кстати, что татаро-монголы вовсе не были теми полудикими кочевниками, какими их принято изображать. Они обладали качественно более высоким уровнем военной и политической организации, чем половцы и печенеги. Именно в этом — один из секретов их побед.

Разорение Киева и других городов было чудовищным, однако ограбление захваченных городов победителями в те времена было обычной практикой, и русские князья не были в этом смысле исключением. Погромы русских городов войсками русских же князей были в XII—XIII веках обычным делом, равно как и продажа пленных соотечественников в рабство в Волжскую Булгарию. Когда в 1169 году владимирский князь Андрей, прозванный за свою просвещенность и религиозность Боголюбским, приступом взял Киев, город подвергся катастрофическому опустошению. «Победители, к стыду своему, забыли, что они россияне: в течение трех дней грабили, не только жителей и дома, но и монастыри,

церкви, богатый храм Софийский и Десятинный; похитили иконы драгоценные, ризы, книги, самые колокола...»¹. Столь откровенный грабеж был в новость для Киева, который ранее не брали штурмом. Другие торговые центры переживали подобные катастрофы неоднократно.

Другое дело, что разорение одних русских городов часто вело к возвышению других. Так, упадок Киева способствовал возвышению Владимира и Суздаля. На сей раз пострадали почти все разом, кроме Новгорода и Пскова, до которых татары не дошли. Этим монгольское нашествие качественно отличалось от погромов, регулярно учинявшихся русскими князьями во владениях друг друга. Масштабы бедствия трудно переоценить. И все же важно, что ведущие торговые центры русского севера Новгород и Псков, сумевшие защитить себя от хищничества русских князей в XII веке, не пострадали и от татар в XIII столетии. С другой стороны, татары разграбили не только Русь, изрядный урон понесли и западные соседи России — Польша и Венгрия.

Масштабы катастрофы, которую перенесла Русь после походов Батыя, по-разному описывают сами средневековые источники. Так, например, папский посол брат Иоанн де Плано Карпини сообщал, что разрушение Киева было почти полным: «Был же град очень велик и многонаселен, а ныне он обращен почти в ничто. Ибо там осталось едва ли двести домов»². Однако в материалах той же миссии упоминается «о 200 знатных горожанах Киева, с которыми встречался папский посланник»³. Если одних только знатных горожан оставалось не менее двух сотен, то жи-

---

¹ Карамзин Н.М. История государства российского. Кн. 2. С. 196—197.

² Христианский мир и «Великая монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002. С. 278. Полный перевод доклада Иоанна де Плано Карпини см.: Карпини Дж. Дель Плано. История монголов. Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997.

³ Христианский мир и «Великая монгольская империя». С. 381. См. также: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1986. М., 1988. С. 207—209.

телей и домов в городе явно имелось больше. Исследователи обращают внимание и на другие известия: «Вопрос о реальном положении дел в Киеве после взятия его монголами (замерла жизнь в городе или нет) должен рассматриваться в контексте следующего известия брата Иоанна. Папский посол в разоренном Киеве встретил богатых купцов из Генуи, Венеции, Пизы и Акры. ... Перечисленные братом Иоанном имена купцов связаны с наиболее богатыми семейными кланами, владевшими значительными торговыми капиталами. Спрашивается, что делали эти люди в разоренном Киеве?»¹

Жестокость монгольского нашествия была поразительной даже по средневековым понятиям. Опустошение Польши и Венгрии было совершенно катастрофическим. Если на Руси северные торговые города избежали погрома, то в Венгрии было уничтожено практически все. Поголовное истребление населения целых городов и даже областей было обычной практикой. «Монголы взяли штурмом и сожгли Пешт, а король Бела бежал на Адриатику, — пишет Груссе. — Население подвергалось немыслимым насилиям, зачастую просто поголовно истреблялось. *Rogerii carmen miserabile* повествует о множестве подобных историй: монголы коварно приглашали беженцев вернуться к своим домам, обещая полную безопасность, а затем убивали вернувшихся всех до одного». Истребление людей было планомерным и хорошо продуманным, причем происходило это не только в городах, но и в сельской местности. «После того, как крестьяне закончили для них уборку урожая, они всех убивали, точно так же, как они убивали (первоначально изнасиловав) всех женщин в землях, откуда они уходили; после чего переходили разорять другие земли»².

Русь не послужила «заслоном» на пути монгольских орд из Азии в Европу. Пройдя Русь, полчища Батыя вошли на территорию западных стран вполне боеспособными. Разгро-

---

¹ *Pelliot P. Recherches sur les Chretiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient. P., 1973. P. 73—74; Древнейшие государства на территории СССР. С. 302—303.*

² *Grousset R. Op. cit. P. 267.*

мив Польшу и Венгрию, победив немецких рыцарей в Силезии и разграбив Чехию, монголы даже планировали двигаться дальше в Италию и Францию, где их ожидала богатая добыча. «Фактически войска Батия победили европейских рыцарей во всех сражениях, — отмечают западные историки. — Не усталость татар или географические факторы спасли Европу, а внезапная смерть Великого хана Угедея, из-за которой разразился кризис наследования в Монгольской империи»¹.

Пережив монгольское нашествие, Венгрия, Польша и Чехия постепенно оправились и продолжали развиваться вместе с остальным Западом. В Чехии XIV век даже стал временем своеобразного экономического бума, завершившегося в следующем столетии революционными выступлениями гуситов, ставшими прообразом Реформации и буржуазных революций Нового времени.

ЗАПАД В XIV ВЕКЕ

Тезис Карамзина об успешном развитии Запада в XIV веке просто не соответствует действительности. Татарское иго в России совпадает с крайне неудачным периодом для большей части Западной Европы. Некоторые историки говорят даже о «кризисе XIV века»². Как отмечает французский историк Жак Ле Гофф, «христианский мир на рубеже XIII—XIV вв. не просто остановился, но съезжился. Прекратились распашки и освоение новой земли, и даже окраинные земли, возделывавшиеся под давлением роста населения и в пылу экспансии, были заброшены, поскольку их доходность была действительно низкой. Начиналось запустение полей и даже деревень... Возведение больших соборов прервалось. Демографическая кривая склонилась и поползла вниз. Рост цен остановился, дав пищу депрессии»³. Начи-

---

¹ MacKenzie D., Curran M.W. Op. cit. P. 81.

² См.: The Transition from Feudalism to Capitalism. L.: Verso, 1992. P. 161.

³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 103.

нается порча монеты, ведущая к дезорганизации рынков и краху банков. Итальянские купеческие и финансовые компании переживают череду банкротств. Бурный рост городов сменяется застоем.

Отнюдь не был XIV век и эпохой гуманности и просвещения, описанной Карамзиным. Бурное экономическое и культурное развитие, изменившее лицо Запада в XII—XIII веках, обернулось чередой катастроф. Наступила эпоха острых социальных конфликтов и ожесточенных войн, когда возникающие рыночные отношения дезорганизуют традиционное общество. Армии становятся более массовыми, точно так же как более значительными делаются и причиняемые ими разрушения. Вначале городские восстания потрясают Францию и Бельгию, а позднее крестьянские выступления поставят под угрозу социальный порядок во Франции и Англии. К тому же население росло быстрее, нежели производительность труда в сельском хозяйстве, а рост городов повышал спрос на продовольствие. В итоге в XIV веке Европа периодически страдает от голода. Кульминацией продовольственно-демографического кризиса стала эпидемия чумы.

Чума пришла в Европу в 1348 году из Крыма, куда была занесена татарами. В свою очередь, генуэзцы из Кафы распространили «черную смерть» по Средиземноморью, заразив сначала Византию, а затем и Италию. Вообще, чума распространялась вдоль торговых путей и, обойдя всю Европу, пришла на Русь уже из Германии — опустошив Новгород и Псков.

В некоторых европейских странах чума истребила до половины населения. В Англии к началу XIV века жило 4 миллиона человек, из которых не менее одного миллиона вымерло в 1349 году. После этого чума возвращалась в 1360—1362, 1369 и 1375 годах. Рассказывая об эпидемии чумы в Новгороде и Пскове, Карамзин заключает свое повествование оптимистическим заявлением, что «везде, когда зараза миновалась, род человеческий необыкновенно размножался: столь чудесна Природа, всегда готовая заменять убыль в ее

царствах новою деятельностью плодотворной силы»¹. На самом деле, большая часть западных стран пережила длительную депопуляцию, и в Англии, например, численность населения, достигнутая к XIV веку, была восстановлена лишь к XVII столетию. Как отмечают английские историки, «население устойчиво сокращалось, опустившись до примерно двух с половиной миллионов или менее к середине XV века». Катастрофа полностью изменила облик страны, «целые общины были заброшены — «пустующие деревни Англии — многие в результате двойного удара, нанесенного затяжными войнами и демографическим кризисом...»².

Экономическая и демографическая катастрофы сопровождались идеологическими и культурными сдвигами. «Черная смерть вызвала ощущение духовного кризиса, который тогдашняя церковь не могла успешно преодолеть», — пишет английский историк Р. Стронг³. Хроники тех лет описывают картину разрухи и отчаяния, подобную той, какую Русь переживала после нашествия Батыя: «После чумы множество зданий больших и малых во всех городах, замках и селениях стоят в руинах из-за отсутствия жителей, точно так же деревни и замки остались заброшены и нет в них больше жилых домов, ибо все умерли; и, видимо, многие из этих деревень никогда уже не будут заселены...»⁴

Сочетание эпидемий, голода, социальных конфликтов и войн не могло не привести на Западе к затяжному экономическому кризису. Исключением была лишь Чехия, практически не затронутая чумой и оставшаяся в стороне от основных войн XIV столетия. Это обернулось невероятным расцветом чешских земель и последующим подъемом там реформаторских движений.

В большей части стран Запада чума привела к структурным сдвигам в экономике, имевшим далеко идущие последствия. «Для тех, кто избежал ужасной смерти, жизнь

---

¹ Карамзин Н.М. История государства российского. Кн. 1. С. 584.

² The Oxford History of Britain/Ed. By K.O. Morgan. Oxford & N.Y.: Oxford University Press. 1989. P. 187, 188.

³ Strong R. The Story of Britain. L., 1996. P. 107.

⁴ Henry Knighton's Chronicle. Цит. по: Strong R. Op. cit. P. 106—107.

в конце XIV и в XV веке уже не была такой тяжелой, как в прежние времена. Для многих крестьян наступило время новых возможностей и процветания...»¹ К концу столетия упадок сменился бурным экономическим ростом. Нехватка рабочей силы привела к новому соотношению сил в обществе, возник спрос на свободных работников, наемный труд получил распространение не только в городе, но и в деревне. С другой стороны, нехватка работников подталкивала к техническим усовершенствованиям, которые уже к середине XV века сказались на общем состоянии экономики. Экономика стала гораздо более товарной, «натуральное хозяйство» в условиях хронического дефицита рабочей силы и падающего производства зерна становится просто невозможно.

Россия не стояла в стороне от этого процесса, хотя для нее чума оказалась меньшим потрясением, нежели для Запада. Опустошение Пскова весной и летом 1352 года было таким же ужасающим, как и в западных городах. Новгород тоже пострадал. Москва, судя по дошедшим до нас источникам, пострадала меньше, что, возможно, сказалось и на ее дальнейшем развитии. Однако можно сказать, что «кризис XIV века» затронул Русь меньше других стран Европы, и уж никак невозможно утверждать, что в ту эпоху она развивалась медленнее соседних стран. Точно так же нет причин утверждать, будто какой-то иной, особой, была траектория развития. К тому же период 40-х годов XIV века — это время внутреннего конфликта в Орде: татарское иго естественным образом ослабевает, страх перед набегами постепенно уходит в прошлое, а хозяйственная жизнь начинает оживать даже в наиболее «уязвимых» регионах России.

ПОД ВЛАСТЬЮ ТАТАР

Ложным является не только представление Карамзина о процветании Западной Европы в XIV столетии. Точно так же непонятно, откуда взялось его убеждение, будто Россия

---

¹ The Oxford History of Britain. P. 187.

была изолирована татарами от остальной Европы. Есть все основания утверждать, что намерение монголов оставить Русь под своей властью и собирать здесь дань спасло страну от еще более страшного разгрома, какому, например, подверглась Венгрия. Основав в 1242 году Золотую Орду, татары существовали обособленно от России, не пытаясь навязать ей ни свою культуру, ни свои порядки. Не вмешивались они ни в судебные, ни в религиозные вопросы. В XIII веке при дворе ханов были представлены все господствующие религии — от христианства до буддизма. Однако татарское государство, в отличие от Руси, складывается на границе Европы во времена, когда Византия уже находится в упадке, потому правители Золотой Орды, отказавшись от язычества, принимают не православие, а ислам (хотя отдельные представители татарской знати в Крыму принимали христианство). В любом случае, говорить о враждебности ханов по отношению к христианству не приходится. Татарские ханы не только отличались веротерпимостью (точнее, индифферентностью к вопросам религии), но и прямо сотрудничали с православной церковью.

«Одним из достопамятных следствий татарского господства над Россиею было еще возвышение нашего духовенства, размножение монахов и церковных имений, — констатирует Карамзин. — Политика ханов, утесняя народ и князей, покровительствовала церкви и ее служителей; изъявляла особенное к ним благоволение; ласкала митрополитов и епископов; снисходительно внимала к их смиренным молениям и часто, из уважения к пастырям, прелагала гнев на милость к пастве»¹.

Сотрудничество церковной верхушки с захватчиками осталось одним из наиболее позорных эпизодов в истории русского православия, а воспоминания о нем неизбежно подрывали претензии церкви на особую «национальную роль» в России. Задним числом идеологи официального православия оправдывались, объясняя, что никаких общих интересов у ханов и церковных иерархов не было, а татары

---

¹ Карамзин Н.М. История государства российского. Кн. 2. С. 203.

поддерживали православие исключительно потому, что испытывали «суеверный страх перед неведомым Богом христиан»¹. На самом деле, разумеется, ханы прекрасно представляли себе, что такое христианство — священники и миссионеры появились при их дворе уже в 50-е годы XIII века. Ханские грамоты предоставляли иммунитет церкви. В свою очередь, православные иерархи призывали свою паству молиться за ханов. «Союз православной церкви и татарского хана на первых порах был одинаково выгоден для обеих сторон, — пишет Покровский, — а что впоследствии он окажется выгоднее первой, чем последнему, этого татары не умели предусмотреть именно потому, что были слишком практическими политиками»².

Дань, наложенная на русские княжества татарами, стала прообразом современной налоговой системы. В этом отношении монгольские ханы, знакомые с методами китайской бюрократии, стояли далеко впереди многих западноевропейских правителей. Именно благодаря татарам была создана единая и более или менее упорядоченная система сбора налогов в масштабах всей России. Ханский сборщик податей — баскак — стал прообразом российского чиновника. «Татарский способ раскладки податей (по сохам, т.н. «сошное письмо»), — отмечает Покровский, — удержался до середины XVII столетия»³.

В первую очередь, как признает Карамзин, татарские дани обогатили Москву, выступавшую фискальным посредником между Ордой и другими русскими княжествами: «Иго татар обогатило казну великокняжескую исчислением людей, установлением поголовной дани и разными налогами, дотоле неизвестными, собираемыми будто бы для хана, но хитростью князей обращенными в собственный доход: баскаки, сперва тираны, а после мздоимные друзья наших

---

¹ Знамя. 1988. № 8. С. 166.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 1. С. 221.

³ Покровский М. Русская история в самом сжатом очерке (от древнейших времен до конца XIX столетия). М.-Л.: ГИЗ. Ч. 1—2. Изд. 7-е, 1929. С. 33.

владельцев, легко могли быть обманываемы в затруднительных счетах. Народ жаловался, однако ж платил...»¹

Финансовые услуги, предоставлявшиеся московским князем Иваном Калитой ордынскому хану, позволили ему не только накопить изрядное состояние, но фактически скупить земли более бедных правителей. Понятно, что в глазах историков Иван Калита предстает коллаборационистом и фактически предателем, тем более что его донос погубил князя Александра Тверского, пытавшегося поднять народ на борьбу с татарами. Некоторые авторы, впрочем, склонны были видеть в Иване Калите хитрого тактика, сознававшего, в отличие от наивного соседа, что время для открытой борьбы еще не пришло. Между тем, Москву и Орду объединяли общие деловые интересы, отнюдь не сводившиеся только к сбору податей.

Татарское иго вовсе не привело к полной изоляции России от Европы. Как раз наоборот: через земли хана лежал путь из Москвы к Крыму и Средиземному морю.

Со второй половины XIII века Монгольская империя не только не находилась в конфликте с Западом, но, напротив, выступала в роли важного торгового посредника между Европой и Азией. Как пишет американский историк Гленн Эймс, существовал «прямой путь в Китай, которым западные путешественники и миссионеры могли пользоваться в течение целого столетия (с 1260-х годов до 1368), и это стало возможно благодаря «монгольскому порядку», *Rex Mongolica*»². Империя Чингисхана и его наследников создала единую систему коммуникаций, охватывавшую огромное пространство от Восточной Европы до Дальнего Востока. «Когда монголы от завоеваний перешли к строительству империи, они наладили по всей Евразии караванные пути. Эти пути хорошо охранялись и позволяли Западу поддерживать непосредственную связь с Китаем. Эта система по-

---

¹ Карамзин Н.М. История государства российского. Кн. 2. С. 201—202.

² Ames G.J. *The Globe Encompassed. The Age of European Discovery: 1500—1700*. Upper Saddle River, N.J.: Pearson, 2008. P. 5.

зволила целому ряду европейских купцов и миссионеров отправиться на Восток в поисках новых рынков и душ для обращения в истинную веру. Монгольские ханы демонстрировали религиозную терпимость и интерес к христианству»¹. Этот период закончился во второй половине XIV века, когда восстание в Китае положило конец правлению монгольской династии, чума razорила Средиземноморье, а возникший в Малой Азии Османский султанат развернул наступление на Балканы. Пропорционально тому, как слабеет монгольский порядок, на Руси усиливается стремление к политической независимости.

Нет никаких свидетельств, указывающих на то, что татары препятствовали контактам русских княжеств с Западом или Византией. Источники доказывают, что связи эти продолжались с прежней интенсивностью. В 1253 году при дворе Батыя находился посол французского короля Людовика IX, францисканский монах и миссионер Гильом де Робрук (William de Rubruck), который обнаружил в Крыму процветающую торговлю. Немалую роль в этой торговле играли русские купцы. Вскоре после разгрома Киева Батыем папский посол Плано Карпини застаёт там генуэзских и венецианских купцов, приезжающих в Киев из Константинополя и Акры через земли татар; Робрук сообщает и о купцах из Руси, приезжающих в Сурож (Солдаия)². Русская летопись тоже упоминает о «царьградских гостях» в Курской земле и сурожанах на Волыни во второй половине XIII века³. В это же время мы встречаем многочисленные упоминания о торговле «латинских» купцов в русских землях. Немцы скупа-

---

¹ Ames G.J. The Globe Encompassed... P. 5—6.

² В первой главе своего повествования Робрук сообщает про Сурож (он же Судак, он же Солдаия): «Туда пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из России и северных стран и желающие переправиться в Турцию. Одни привозят горностаев, белок и другие драгоценные меха; другие привозят ткани из хлопчатой бумаги, бумазю (gamba-sio), шелковые материи и душистые коренья» (Дж. Дель Плано Капини. История монголов. Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. С. 89).

³ См.: Смирнов В.Н. Цит. соч. С. 11.

ют во Владимире и Суздале товары, приходящие по Волге из мусульманских стран. Арабский путешественник сообщает в 1263 году, что на Нижней Волге «постоянно видны русские суда»¹.

При дворе хана Робрук обнаружил не только христиан несторианского толка, но и ремесленников из Европы, включая парижского ювелира Гильома (Вильгельма) Бушье (William Buchier) с братом Роже (Roger), и даже рыцаря-тамплиера². Гильом Бушье изготовил для хана в Каракоруме знаменитое серебряное дерево, из которого лились вино и кумыс. Татары, как известно, поддерживали тесные отношения с генуэзцами, обосновавшимися в Крыму (в Куликовской битве на стороне татар сражалась генуэзская пехота). Кремлевские соборы и фортификации строили итальянские и английские архитекторы. Столь тесные связи России с Италией явно контрастируют с тем, что мы видим в Северной Европе, ибо шведские короли, например, дальше приглашения немецких строителей не шли.

«РАЗОБЩЕНИЕ» РУСИ

Истоки «русской отсталости» надо искать в событиях, начавшихся еще до прихода Батыя на Русь³. Военные по-

¹ Международные связи России до XVII в. С. 63.

² См.: Путешествие в восточные страны г. де Робрука (*Карпини Дж. Дель Плано. Г. де Рубрук. Марко Поло*. Указ. соч. С. 134—135; 139—140). См. Также: Grousset R. *Op. cit.* P. 276-277.

³ Тезис о «татарском иге» как причине отсталости кажется все менее убедительным даже историкам-«западникам», продолжающим мыслить в рамках старой парадигмы «порочного азиатского влияния». Потому начинаются поиски «восточно-азиатских основ» еще в дотатарской Руси. При этом «грех» Киевской Руси видят в том, что во времена Рюрика или Владимира там было сильное государство и существовала «коллективная феодальная собственность», тогда как на Западе «наблюдалось как раз развитие индивидуальной феодальной собственности» (Актуальная история: новые проблемы и подходы. Самара, 1999. С. 25). Соответственно, ясно, что все «коллективное» и «азиатское» — плохо, а «индивидуальное» тождественно «европейскому» и хорошо. Беда в том, что подобные авторы Русь IX века сравнивают с Францией XIV века. Если же говорить

ражения русских в XIII веке были вызваны разобщенностью сил. Однако эта разобщенность сама по себе была результатом предшествующего экономического, социального и политического развития. В IX—X веках создание единого государства способствовало расцвету торговли и росту городов, а это неминуемо вело к появлению новых торгово-политических центров, бросивших вызов Киеву. Вражда между усиливающимися княжествами северо-восточной Руси, традиционным киевским «центром» и Новгородом вела к развалу единого государства. Торговое соперничество сопровождалось набегами и грабежами. Вообще, нашествия русских княжеств друг на друга в конце XII века вполне сопоставимы с погромами, которые спустя несколько десятилетий учинят татары. Внутри выросших городов обострились социальные конфликты, периодически приводившие к бунтам и междоусобицам.

По мнению Покровского, кризис и упадок русских городов в XII—XIII веках вызван, в конечном счете, теми же причинами, что и их бурный рост в IX—X веках. Дело в том, что города росли в первую очередь на основе международной торговли. Но в то же время для того, чтобы жить и развиваться, они должны были получать продовольствие и сырье из деревни, причем давая очень мало взамен. Это паразитическое развитие города за счет деревни, своего рода «неэквивалентный обмен» характерен для многих периодов русской истории вплоть до XX века. В принципе, отношения между городом и деревней нигде в Европе не являются равноправными, но именно ориентация Киева, Новгорода и других основных центров Руси на международную торговлю делает противоречие роковым. «Опустошив все вокруг себя

об империи Каролингов, существовавшей в одну историческую эпоху с Киевским государством, то там феодализм тоже развивался именно на основе государственности и коллективной собственности, более того, ни на какой иной основе феодализм в принципе развиваться не мог, поскольку феодальные отношения формировались именно на основе постепенной «приватизации» административной власти родовой знатью — маркграфами в каролингской Европе, князьями и боярами на Руси.

своей хищнической политикой, древнерусский город падал, и никто не мог задержать этого падения»¹.

Саморазрушение города было особенно заметным в Киевских землях, где хроники XII века постоянно сообщают о социальных конфликтах и восстаниях. Владимир и Суздаль, находившиеся дальше от главных торговых путей, оказались теснее связаны с внутренним рынком, а потому продолжали расти даже тогда, когда кризис Киева стал очевиден. Но это, в свою очередь, привело к новому соотношению политических сил и к постоянным нападениям северных князей на богатый, но слабеющий юг.

В целом картина феодальной раздробленности на Руси мало отличается от того, что мы видим в те же времена на Западе. XI—XII века в Европе были не только временем роста городов, но и эпохой *castellizzazione*. Этим итальянским словом историки XX века начали называть массовое строительство каменных замков. Деревянные укрепления раннего Средневековья редко могли выдержать длительную осаду, и лишь крупнейшие политические центры имели хорошо построенные каменные стены. Развитие экономики в X веке позволило улучшить и качество строительства. Фортификационные сооружения стали более сложными, более надежными, а главное, сооружать их мог любой более или менее влиятельный сеньор. Если в Уэльсе массовое строительство замков проводится английскими королями для удержания под контролем нелояльных поданных, то во Франции, Италии и Германии феодалы строят замки для защиты как от крестьян и соседних сеньоров, так и от короля.

Средства защиты, как и во времена Первой мировой войны, резко превосходили по эффективности средства нападения, и боевые действия обречены были стать позиционными. Для того чтобы эффективно изменить соотношение сил в свою пользу, требовались большие армии, которые правителям было собрать сложно, а еще труднее удержать на долгий срок.

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 1. С. 140.

Последствием массового строительства замков стало, с одной стороны, усиление власти феодалов над крестьянами, а с другой — ослабление власти короля над феодалами. Но феодальная вотчина на Западе уже все дальше уходила от классической модели «натурального хозяйства», обитатели замков все менее были связаны со своими крестьянами по образу жизни и интересам. Эксплуатация крестьян усиливается именно потому, что правящий класс нуждается в товарах для обмена. Поскольку земли поделены, а отнять их у соседа все сложнее, вместе с ростом населения увеличивается и масса безземельных и малоземельных рыцарей, вообще исключенных из системы натурального хозяйства.

Военно-политическим следствием этой новой ситуации стали Крестовые походы. Экспедиции европейских рыцарей на Ближний Восток были лишь частью более широкого процесса. Идея защиты и распространения веры оказывается мощным идеологическим стимулом, способствующим военно-торговой экспансии западно-христианской Европы на восток и на юг. Генрих Лев завоевывает земли поморских славян, затем немецкие рыцари первоначально при полной поддержке польских королей начинают осваивать Прибалтику, покоряя и истребляя пруссов, ливов, эстов. Шведские короли организуют Крестовые походы в Финляндию. К середине XIII века в Европе практически уже нет политически и религиозно «не освоенных» земель.

«БЕЗМОНЕТНЫЙ» ПЕРИОД

В IX—X веках поток арабского и персидского серебра стимулировал развитие русской и скандинавской торговли. К XI веку поступление серебряных монет с Востока почти прекращается, а затем сокращается и приток денег из Византии. На первых порах недостаток серебра компенсируется за счет Западной Европы. Благодаря богемским рудокопам серебро поступает здесь на рынки в достаточном количестве. Но к концу XII века немецкие купцы оставляют в Новгороде все меньше серебряных монет. Историки объясняют это тем, что с ростом внутренней торговли в Гер-

мании там заметно возростала внутренняя потребность в серебре¹. Однако, скорее всего, причину надо искать в сокращении экспорта из русских земель. Если раньше вывоз существенно превышал ввоз, то теперь возникает равновесие, что в условиях средневековой торговли способствует натуральному обмену.

Так или иначе, на Руси наблюдается острый дефицит монеты, некоторые историки даже говорят о начале «безмонетного периода»². Монету заменяют импортируемые из Германии серебряные слитки, но они являлись «неразменными» и, как признают исследователи, могли обслуживать «лишь очень крупные платежи»³. Разменную монету заменяют шкурки пушного зверя, лоскутки кожи и т.д. Короче, явно происходит примитивизация обмена.

С ростом городов в Западной Европы переориентируется и скандинавская торговля. Между тем в XII веке наблюдается постепенный спад в экономической жизни Константинополя, тогда как растет значение провинциальных центров. Русская торговля тоже все более переориентируется на провинции, но здесь уже сильна конкуренция итальянцев. Уже в 1169 и 1192 годах генуэзцы (к зависти своих конкурентов, венецианцев) заключают торговые договоры с Византией, которые фактически отдают им в руки черноморскую торговлю. Именно итальянские корабли везут в Константинополь продовольствие и сырье из Крыма. «Те исключительные привилегии, которыми иногда пользовались русские купцы, — пишет г. Литаврин, — перешли теперь к итальянскому купечеству»⁴.

Итальянцам не нужно спускаться к Черному морю по рекам: они строят более крупные морские суда, которые имеют перед русскими ладьями преимущество и в бою, и

---

¹ См.: Спасский И.Г. Русская монетная система. Л., 1970; С. 60.

² См.: Спасский И.Г. Русская монетная система. Л., 1970; Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М.: МГУ, 1978; Attman A. The Russian and Polish Markets in international trade, 1500—1650. Gotheborg, 1973.

³ Спасский И.Г. Указ. соч. С. 62.

⁴ Литаврин Г.Г. Указ. соч. С. 513.

в торговле. А грекам в это время военная помощь нужна, прежде всего, на море. Русский корпус в империи по-прежнему существует, и вербовка в него носит в землях славянских князей массовый характер, но славяне и варяги — не единственные, кого может нанять император. Русский корпус все более «размывается» англо-саксами¹.

В 1204 году крестоносцы берут штурмом Константинополь и создают там свою Латинскую империю. Показательно, что это — одно из немногих «международных» событий, удостоившихся подробного описания в первой новгородской летописи. И речь в данном случае идет не только о разгроме православной столицы католиками. Русский летописец подробно описывает, как православные греки и католики-варяги совместно обороняли Царьград. Крестоносцы, как известно, разгромили Константинополь по наущению венецианцев. Для итальянских купеческих республик — Венеции и Генуи — начинается эпоха процветания, эра торгового господства на Средиземноморье. Важнейшие торговые пути оказываются под контролем Венеции и отчасти Генуи. Именно через Италию теперь в Европу поступают товары из южных стран. Можно сказать, что Венеция убила Киев.

Впоследствии Византийская империя была восстановлена, но ее упадок уже необратим. Поскольку генуэзцы оказали помощь грекам в восстановлении империи, их торговые привилегии подтверждаются и расширяются, тогда как позиции русских купцов еще более слабеют. Путь из варяг в греки, пишет Покровский, теперь кончался «коммерческим тупиком». Центры торговли на великом водном пути «из этапных пунктов на большой дороге международного обмена превратились в захолустные торговые села на проселке и были разрушены татарами»².

Князья, правящие во Владимире, контролируют торговые пути, ведущие по Волге в страны Востока, одновременно поддерживая через Новгород связь с Западом. Киев, открывающий путь на юг в Византию, не представляет для

---

¹ См.: Литаврин Г.Г. Указ. соч. С. 517.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т.1 С. 148.

них такой же ценности, как для новгородцев во времена Рюрика. Потому Андрей Боголюбский, предприняв успешный поход на юг, не только предаёт Киев разграблению, но и не пытается здесь княжить. Разорив «мать городов русских», он сажает там на престол своего ставленника и удаляется обратно во Владимир.

В Западной Европе тем временем налаживаются новые торговые пути между Севером и Югом. Товары из средиземноморских стран поступают в Нидерланды и далее — в Англию, Данию, Швецию по Рейну и другим немецким рекам. Бурный расцвет нидерландской торговли совпадает с деградацией Новгорода. Торговая столица русского Севера по-прежнему богата, но ее стратегические позиции слабеют.

НЕМЦЫ ПРОТИВ НОВГОРОДЦЕВ

Немецкая экспансия на Восток в начале XIII века создает новую ситуацию на Балтике. В X—XI веках Новгород и Псков — единственные торговые центры в ее восточной части. Но в конце XII века немецкие рыцари, разгромив славян, создают собственные города. В 1143 году гольштинский граф Адольф II закладывает город Любек на месте разрушенного славянского поселения Любеч. С помощью герцога саксонского и баварского Генриха Льва, судовладельцы Любека обосновались на острове Готланд, формально зависевшем от Швеции. «Немецкие купцы, опираясь на Готланд, постепенно входили в силу и организовали торговый союз — «Купеческую Ганзу». Ганзейцы плавали в Балтийском море на «круглых», высокобортных палубных, парусных судах «когге» (или «ког»), которые были остойчивее и вместительнее длинных гребных скандинавских судов. Но верное торговое преобладание Ганзы на Балтийском море объясняется не лучшей конструкцией их судов, а тем, что купцы были союзниками немецких феодалов в «дранг нах остен», — отмечают советские историки¹. Отношения кре-

---

¹ Магидович И.П., Магидович В.И. История открытия и исследования Европы. М.: Мысль, 1970. С. 155.

стоносцев с Ганзой на Севере складывались так же, как с Венецией на Юге. Не имевшие собственного флота, рыцари становились инструментом торговой экспансии купцов. «В XIII в. Любек стал главным центром германской торговли с Восточной Европой. А немецкий купец с середины этого века почти совершенно вытеснил скандинавского в прибалтийских и славянских странах. В XIV в. Любек возглавил союз северогерманских торговых городов, который с 1356 года стал называться «Немецкой Ганзой»¹.

Скандинавские историки отмечают еще одно важное преимущество, которое позволило немцам вытеснить датчан и шведов из балтийской торговли. Немецкие купцы обладали большими финансовыми ресурсами. Они могли пустить в оборот серебро, добывавшееся в Богемии, они обладали большим опытом работы на новых, бурно развивавшихся рынках Западной и Центральной Европы, по Рейну шел поток товаров и денег из Италии². К середине XIII века немецкие купцы уже обладали торговыми привилегиями в скандинавских странах точно так же, как генуэзцы — в греческих землях.

Именно немцами в XIII веке начата была на Балтике зерновая торговля, которой предстояло сыграть столь важную, возможно — роковую, роль в истории Восточной Европы. Но в Средние века зерно еще не является ключевым товаром. Гораздо большее значение имеют лес, металлы.

Новгород ведет с Ганзой активную торговлю, но роль крупнейшего делового центра в регионе он бесспорно утрачивает³. В 1201 году в устье Западной Двины появляется немецкий порт — Рига. В 1219 году датчане строят в земле эс-

---

¹ Магидович И.П., Магидович В.И. История открытия... С. 155.

² См.: Sawyer B., Sawyer P. Medieval Scandinavia. P. 161.

³ Немецкие закупки в Новгороде начинаются раньше, чем в Скандинавии. В XI веке, по данным археологии, немецкие монеты сначала попадают в Новгород, а лишь оттуда — дальше на север (см. Sawyer P. Kings and Vikings). Однако по отношению к новгородцам роль немецких купцов уже иная, в отличие от скандинавов и арабов, они прибывают сразу и с оружием, и со звонкой монетой, а потому сами выступают в качестве доминирующей силы.

тонцев города Таллин (Ревель) и Нарву. В 1230 году Тевтонский орден начинает покорение пруссов. Возникают новые торговые центры — Мемель и Кенигсберг. На западе Финляндии из шведского королевского замка вырастает город Або (Турку), а в 1292 году недалеко от Ладожского озера появляется замок и порт Выборг. «Опираясь на этот пункт, шведы могли осуществлять двойной контроль: над важнейшим морским путем новгородцев — через Финский залив в Балтику и над их внутренним водным путем — через Ладожское озеро вверх по Вуоксе в систему Сайменских озер, в глубинные районы страны «Сумь и Емь»»¹. Если Венеция и Генуя вытеснили Киев из мировой торговли, то Ганза превратила Новгород в свою периферию.

Изменилась и политическая конфигурация на Балтике. До середины XII века господствующей силой здесь оставалась Дания, интересы которой не входили в прямое противоречие с Новгородом. Дания была далеко и закрывала западный выход из Балтийского моря точно так же, как Новгород замыкал балтийскую зону на востоке. С подъемом немецкой торговли ситуация изменилась. Немецкие купцы не только превратили Ливонский и Тевтонский орден в свой военно-политический инструмент, но в северной части Балтики нашли покровительство королей Швеции. Это партнерство между ганзейскими городами и шведской короной оказалось невероятно устойчивым, сохранившись вплоть до Тридцатилетней войны в XVII столетии. Подъем Швеции происходит на протяжении XII—XIII веков. Ему не помешало даже объединение в 1397 году Дании, Швеции и Норвегии в некое подобие конфедерации — Кальмарскую Унию (Kalmar Union) под эгидой датской короны.

Захват шведами Финляндии и части Карелии в XIII веке поставил Новгород в положение обороняющейся стороны. Раньше Финляндия разделяла скандинавов и русских, являясь жертвой набегов со стороны тех и других. Теперь Новгород непосредственно граничил с владениями шведского короля, а новгородским разбойникам и купцам путь в зем-

---

¹ Магидович И.П., Магидович в.И. Цит. соч. С. 158—159.

ли финнов был закрыт. В 1293 году Швеция и Новгород договорились о разграничении своих территорий, но окончательно пограничный конфликт был исчерпан мирным соглашением 1323 года (the Treaty of Nöteborg), после которого граница не двигалась до конца XV века. Показательно, что договор 1323 года регулировал не столько раздел территорий в пограничной Карелии, сколько контроль над речными и озерными путями, а также допускал совместное использование части Карелии и Финляндии шведами и новгородцами.

Если первая эра европейской экономической и политической экспансии создала Киевскую Русь и обеспечила ее расцвет, то вторая ее ослабила и, в конечном счете, предопределила ее гибель. Если в IX—X веках Западная и, особенно, Северная Европа без Руси просто не могли бы развиваться, то в XIII веке Западная Европа в Руси уже не очень нуждается — и в скором времени за торговым упадком наступает татарская катастрофа. М. Покровский, пожалуй, единственный из русских историков, осмелился заявить, что татарский погром XIII века был не причиной, а следствием упадка древнерусского государства. Набегу Батыя предшествовал «процесс разложения городской Руси X—XII веков»¹.

Именно разрушение единого экономического пространства вело к неуклонному ослаблению центральной власти, княжеским усобицам и военной дезорганизации, которой столь успешно воспользовались татары. В этом же и объяснение того, что татарское иго оказалось столь долгим. Возрождению страны препятствовала в первую очередь не непреодолимая сила Орды, а внутренняя слабость самого русского общества, которое в XIII веке утратило первоначальную экономическую организацию и не могло найти новой.

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 1. С. 143.

Глава III

МОСКВА И НОВГОРОД

Живо описанный Покровским торговый упадок XIII века действительно сыграл роковую роль в истории России, ослабив ее перед татарским нашествием. Но катастрофа была далеко не столь полной, как полагал Покровский и многие другие историки. Дело в том, что восточный торговый путь продолжал исправно функционировать, а торговля на Черном море не прекращалась.

Генуэзские колонии в Крыму переживали в ту эпоху расцвет. Как и многие другие торговые центры того времени, эти города были средоточием торгово-финансового капитала, паразитически эксплуатировавшими деревню (что в значительной мере относится и к городам Киевской Руси)¹. Татарские нашествия XIII века были достаточно разорительными, но не привели к развалу крымской экономики. После набегов жизнь в городах довольно быстро восстанавливалась, и все шло как раньше. «Совершив набег, татары уходили, и город оживал, возобновлялась торговля, снова отправлялись в степи торговые караваны». Впрочем, уходили не все. Как отмечают исследователи крымской истории, представители татарской знати селились вместе с греками и итальянцами, смешивалась с ними, «усвоив местную греческую культуру, а многие из них даже приняли христианство»².

¹ Ср. Покровский М. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1—2.

² Яковсон А.Л. Цит. соч. С. 104.

ПАРТНЕРЫ МОСКВЫ: ТАТАРЫ И ИТАЛЬЯНЦЫ

Если поход Батые в 1223 году не нанес Причерноморью катастрофического ущерба, то набег хана Ногая в 1299 году оказался гораздо более тяжелым ударом. Традиционные греческие центры приходят в запустение, но на их место приходят новые, прежде всего Кафа и Судак (Сурож). В XIV веке татарские мурзы уже непосредственно господствуют в Крыму над грекоязычным сельским населением, причем феодальные поборы получают в денежной форме. Иными словами, местное хозяйство остается вполне товарным, рыночным. После войн 40-х и 50-х годов XIV века торговля вновь расцветает: «Водный путь шел на север по Дону, караванный — в Астрахань, от которой дорога разветвлялась: один путь вел вдоль Каспия в Закавказье и Персию, откуда вывозился столь ценившийся на Западе шелк, другой путь из Астрахани шел в Среднюю Азию, сначала к Сарай-Бату, оттуда к устью реки Урала, затем в Ургенч и далее в Китай»¹.

В это время торговля Москвы с Кафой, как отмечают историки, «приняла систематический характер и начала входить в экономический быт Московской Руси»². Из Руси на Юг везли мех, холсты, кожу. Со Средиземноморья итальянские купцы везли на Север мыло, сахар, шелк, миндаль, перец, гвоздику, пряности. В Кафе работали русские ремесленники. Как и в большинстве торговых городов Востока, население Кафы представляло собой этнический, культурный и религиозный конгломерат — наряду с итальянцами здесь жили греки, армяне, евреи, татары и русские. Последние закрепили за собой важное место в этническом разделении труда: все скорняки в городе были русскими. В 1334 году арабский путешественник Ибн-Батута насчитал в порту Кафы не менее 200 судов, заключив, что «это одна из известных гаваней мира»³. Для сравнения, по данным, кото-

¹ Якобсон А.Л. Цит. соч. С. 108—109.

² Там же. С. 109.

³ Смирнов В.Н. Указ. соч. С. 109.

рые приводит в «Цивилизации средневекового Запада» Жак Ле Гофф, «общее число купеческих галер, которые обслуживали в 20-х годах XIV в. три главных торговых пути Венеции, составляло примерно 25 единиц»¹. Разумеется, если прибавить к этому другие торговые пути, другие типы судов и корабли, базировавшиеся на другие порты (в частности на Крите), венецианский флот будет выглядеть несколько более внушительно. Тем не менее гавань, принимавшая до двухсот судов одновременно, должна была производить в те времена огромное впечатление.

Процветанию Кафы не помешали ни сложные, временами даже враждебные, отношения с татарами, ни чума 1348 года. Упадок наступил лишь после захвата Крыма турками в 1475 году, да и то не сразу.

Итак, важные для процветания Москвы торговые пути идут через Орду. Как известно, князь Московский Иван Калита, прежде чем стать собирателем земли русской, стал сборщиком податей для татар. Метод Калиты был прост до гениальности: князья, не имевшие средств на выплату дани, получали от него ссуду, но расплачиваться за это им приходилось своими землями. Легко догадаться, что подобный способ собирания земель мог успешно работать лишь при одном условии: у московского князя всегда имелась свободная наличность.

«Московский князь в начале того периода, о котором мы говорим, — пишет Покровский, — был одним из самых мелких и незначительных, но он сидел чрезвычайно удобно. Через Москву шли тогда два пути: один, более старый, из Смоленска к реке Клязьме, с запада на восток. На Клязьме стоял самый крупный тогда из городов феодальной России — Владимир. Все товары, направлявшиеся с запада во Владимирскую землю, шли через Москву. Другая торговая дорога шла с севера на юг, из Новгородской земли, которая была в те времена в более тесной связи с Западной Европой, чем какая бы то ни было другая часть России, в нынешнюю Рязанскую губернию, землю очень хлебородную. От-

---

¹ Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 203.

сюда тогда шел хлеб в Новгород, редко обходившийся своим урожаем»¹.

Большинство историков, описывающих возвышение Москвы в XIV веке, особое внимание уделяют удаленности города от Орды. И в самом деле, находясь сравнительно далеко от основных баз татар, Москва становилась относительно безопасным местом. И все же отнюдь не это обстоятельство предопределило ее последующий успех. Ведь даже в XVI—XVII веках крымские всадники могли легко добраться до окраин русской столицы. Причины возвышения Москвы надо искать не только в политике, но и в экономике. Именно контроль над пересечением торговых путей, обеспечив Ивана Калиту деньгами, в конечном счете, сделал Москву столицей возрожденной России. Однако не только внутрирусские торговые пути сходились в Москве. Как уже говорилось выше, Покровский переоценил упадок черноморской торговли, произошедший в начале XIII века, а восточную торговлю историки вообще редко оценивали по достоинству². В XIV веке экономические связи Руси с Югом успешно развиваются, но торговать в этом направлении невозможно, если не поддерживать лояльные отношения с татарами. Ведь именно через ордынские земли идут пути не только по Волге в Персию, но и по Дону в Крым, во владения генуэзцев — Кафу, Судак. Как отмечают исследователи, генуэзские колонии служили в XIV веке «своего рода окном в Европу, непосредственной связью русских земель с богатым Средиземноморьем»³.

С развитием генуэзских колоний в Крыму «греческий» торговый путь сместился с Днепра на Дон. Это усугубляет упадок Киева. Отныне развивающиеся города Северной

---

¹ Покровский М. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1—2. С. 40.

² Справедливости ради следует отметить, что в «Русской истории с древнейших времен» Покровский отмечает и связи Москвы с Генуей, и продолжение активной торговли с Востоком по волжскому пути, однако, как ни странно, он не анализирует значение этой торговли, ограничиваясь лишь ссылкой на итальянское участие в строительстве Кремля.

³ Смирнов В.Н. Указ. соч. С. 15.

Руси — по-прежнему богатые Новгород и Псков, растущая Москва — куда меньше заинтересованы в единстве земель прежнего киевского государства. Зато лояльные отношения с татарами им выгодны. И это вопрос не только безопасности, но и благополучия.

Можно сказать, что татары не только не отрезали Русь от Европы, но, напротив, были посредниками, поддерживавшими связи с Италией и Грецией. Другое дело, что политическую цену за это посредничество приходилось платить весьма большую. В отличие от времен величия Киева, новая Россия, формирующаяся под контролем ордынских ханов, уже не господствует на своих торговых путях. Господствующее положение принадлежит немцам на севере, итальянцам и татарам на юге. И все же Русь XIV—XV веков, находясь формально под «татарским игом», развивается достаточно динамично. Что не менее важно, она развивается примерно так же, как и Запад. Боярская аристократия понемногу утрачивает свое влияние, удельные князья один за другим теряют самостоятельность, формируется единое государство. Если считать его становление важнейшей предпосылкой вхождения в новую эпоху, то приходится признать, что в этом смысле для России ситуация складывается более благоприятно, чем, например, для Германии или Италии. Городская вольница уступает место централизованной бюрократии не только в Московии, но и во Франции или Англии. Разумеется, институты самоуправления в Западной Европе сохранились лучше, но и на Руси остатки республиканских порядков видны, по крайней мере, в Новгороде и Пскове, до конца XVI века.

ФЕОДАЛИЗМ В РОССИИ

В условиях, когда упадок городов, начавшийся еще до прихода татар, способствовал откату к натуральному хозяйству, татары требовали от русских платить денежную дань, стимулируя экономическое развитие. Относительное спокойствие и отдаленность от Золотой Орды гарантировали Московскому княжеству и устойчивый прирост населения.

Богатство и влияние местного князя тем самым опирались одновременно и на торговлю, и на средства, поступавшие от аграрного населения. Именно это сочетание (наряду со стабильной финансовой базой) сделало Москву идеальным лидером для объединения других русских княжеств. Объединение это происходило в целом по той же логике, что и в других европейских странах, причем борьба с татарами, начавшаяся в конце XIV века, тоже не является специфической особенностью русской истории. Формирование французской монархии сопровождалось постоянной войной с английскими захватчиками (сначала династическая борьба парижских Капетингов с англо-норманнской династией Плантагенетов, затем Столетняя война). Испания была продуктом Реконкисты — многовековой войны против арабов.

Сравнивая общественные порядки Московии с западными, обнаруживаешь, что представление об «отсутствии феодализма» и полном бесправии народа в XIV—XV веках тоже не подтверждается фактами. Сравнивая по документам положение немецкой общины-«марки» и русской волостной общины, известный историк Н.П. Павлов-Сильванский отмечал «глубокое сходство русских и германских учреждений средних веков»¹. Права и вольности волостной общины, существовавшие в обычае, закреплялись многочисленными грамотами и хартиями XV—XVI веков. Например, уставная грамота 1488 года, пожалованная Иваном III «всем белозерцам», предоставляла местному населению такую самостоятельность, что в просвещенном XIX столетии приходилось искоренять остатки средневековых вольностей, трактуемых как «фактическое безвластие правительства». В Московской Руси, напротив, подобные порядки не воспринимались как проявление слабости государства, они были здесь вполне нормальны, как и в других европейских странах. «На Белом озере в XV в., — пишет Павлов-Сильванский, — мирское самоуправление сохраняло вполне свое древнее значение главной опоры государственного порядка»².

¹ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М.: Наука, 1988. С. 178.

² Там же. С. 211.

В Вятке (Хлынове) вечевое правление было отменено в 1489 году, когда под стенами города показалось многочисленное московское войско. Однако это отнюдь не означало конца местного самоуправления. В задачи земских старост и целовальников, выбиравшихся жителями, входили сбор податей, отвод земель, сыск, челобитные государю. На протяжении последующих двух столетий значение местного самоуправления не только не сокращалось, но, напротив, росло. «После земской реформы середины XVI века в городе Хлынове наместническое правление постепенно полностью заменяется земским самоуправлением, и главной фигурой в городе стал городской приказчик, избираемый из наиболее влиятельных жителей города, преимущественно из купцов»¹. В XVII веке, когда центральная власть была ослаблена Смутой, самостоятельность города укреплялась еще больше. И лишь в петровские времена центральная администрация смогла эффективно подчинить себе местное управление.

То же относится и к вассальным отношениям. «Наш удельный боярин, вассальный слуга князя, наравне со своим западным товарищем феодалом имеет своих слуг, подчиненных ему на тех же началах военной, вольной, договорной службы. Боярин, так же как западный вассал, должен был иметь своих военных слуг, потому что он исполнял вполне свое обязательство службы только тогда, когда по призыву князя «садился на конь», являлся в военном снаряжении не один, а в сопровождении более или менее многочисленного отряда своих конных слуг и пеших людей»².

Сходство русского и западноевропейского права того времени очевидно. Говорить о «бесправии» населения в Московии XV—XVI веков можно не в большей степени, нежели в Германии или Франции. «И господин Великий Новгород, и его счастливый соперник, великий князь московский Иван Васильевич, мы это твердо должны понимать, — отмечает М. Покровский, — властвовали не над тол-

¹ Бердинских в. История города Вятки. Киров, Вятское книжное издательство, 2002. С. 60.

² Павлов-Сильванский Н.П. Цит. соч. С. 104.

пой однообразных в своем бесправии подданных, а над пестрым феодальным миром больших и малых «боярщин», в каждой из которых сидел свой маленький государь, за лесами и болотами северной Руси умевший не хуже отстоять свою самостоятельность, чем его западный товарищ за стенами своего замка»¹.

Общие процессы, характерные для Западной Европы, типичны и для Руси времен становления Московского государства. XV век, ставший временем бурного развития на Западе, был успешным и для России. Неслучайно именно к этому периоду относится творчество Андрея Рублева, которое многими считается русским вариантом раннего Ренессанса. Да, в XV веке русская культура все еще более «средневековая», чем итальянская. Но то же самое может быть сказано и про Швецию и даже, с известными оговорками, про Германию. Социальная и политическая организация эволюционирует в том же направлении, что и в соседних европейских странах.

Если Киевская Русь во многом опережала Западную Европу, то Русь Московская в том виде, в каком она сложилась к 1450—1480 годам, в целом находилась с ней на одном уровне развития. Артиллерия и архитектура являются в это время передовыми направлениями технологического развития. И здесь московские правители стараются не отстать от передовых стран Южной Европы. В Венецию в 1474, 1493 и 1499 годах отправляются посольства, каждый раз не столько ради политических целей, сколько ради вывоза специалистов. В 1489 году посольство отправляется в Австрию, чтобы привезти в Москву мастеров горного дела. Из Венгрии приглашают литейщиков, серебряных дел мастеров, архитекторов. Отставание заметно лишь в книжном деле: первые печатные станки появляются в Московии лишь в XVI веке.

Не была Россия изолирована и от морской торговли. Датские документы свидетельствуют, что русские суда появлялись на Балтике и в XV, и в XVI веке². Проблема была не

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 1. С. 94.

² См. Kirchner W. Commercial Relations Between Russia and Europe, 1400—1800. Bloomington, 1966. P. 31, 34.

в отсутствии связей, а в том, что не было удобных портов. В результате русские суда, выходившие в море через реки, были малого водоизмещения, везли мало груза и не могли конкурировать с немецкими.

Приглашение иностранных мастеров свидетельствует об отставании, но не об отсталости. Из Италии и Германии выписывали мастеров не только в Россию, но и в Швецию, даже в Англию. Это было общеевропейской нормой. В Московском Кремле соборы и фортификационные сооружения возводят итальянцы. Антон Фрязин и Пьетро Антонио Соларио строят в 1485—1491 годах башни, Аристотель Фиораванти в 1475—1479 годах возводит Успенский собор, а в 1505—1508 годах Алевиз Новый сооружает на месте древнего храма, построенного еще при Иване Калите, пятиглавый Архангельский собор, явно придав ему, по признанию историков искусства, «черты, характерные для венецианской дворцовой архитектуры эпохи Ренессанса»¹.

Как выяснили современные исследователи, «создателями гербовой печати Ивана III, где впервые на Руси появилось изображение двуглавого орла, были резчики из Северной Италии»². Геральдическое происхождение русского орла от византийского несомненно, но дизайн в Москве предпочли не греческий, а итальянский. Это итальянское влияние никак не может считаться результатом отсталости. Ведь в XIV—XV веках именно итальянцы являются лучшими в Европе архитекторами, инженерами, художниками. Московские князья приглашают архитекторов из самой Италии, в то время как скандинавам, как правило, приходится довольствоваться немецкими мастерами. Появление итальянцев в Кремле говорит не об отсталости — скорее, о том, что Россия все еще живет в одном ритме с остальной Европой, отставая от переживающего Ренессанс Средиземноморья, но отнюдь не от своих ближайших западных соседей. Потребление правящего класса постепенно меняется и становится немыслимо без иноземных товаров. С XVI века на Русь начинают везти французские вина.

---

¹ Писарская Л., Родимцев И. Московский Кремль. М., 1976. С. 46.

² Российская Федерация сегодня. 2000. № 24. С. 85.

Если на юге для Москвы центром притяжения была Италия, с ее передовыми технологиями и культурными достижениями, то на севере главным партнером сделалась Дания. Чем больше осложнялись отношения со Швецией, тем больше московский двор стремился дружить с датчанами. Регулярно появлявшиеся в Москве и Копенгагене посольства обсуждали не только возможности военного сотрудничества против шведов и династические браки, но и торговлю. Вершиной этих отношений стал Копенгагенский договор 1562 года.

НОВГОРОД: МЛАДШИЙ ПАРТНЕР ГАНЗЫ

В начале русской истории именно новгородцы, двинувшись на юг, объединили под своей властью все то, что потом стало называться Киевской Русью. Но на протяжении всего татарского периода Новгород практически не проявляет интереса к объединению русских земель. Это, как и последующее поражение новгородцев от Москвы, принято объяснять тем, что жители купеческого города были избалованы своим благополучием, утратили боевой дух. На самом деле причины лежали гораздо глубже. С одной стороны, по мере того как утрачивал свое значение путь из варяг в греки, исчезал интерес Новгорода к контролю над южными речными путями, а с другой — сам Новгород потерял свое прежнее место в мире-экономике, что вело его к упадку. Правда, земля Новгородская давала низкие урожаи, и необходим был постоянный обмен товарами с южными территориями России. Хлеб и скот покупали в «Низовье», а туда везли соль, пушнину, красную рыбу. Зато изделия ремесла все чаще стали закупать у ганзейских купцов. Это радикальным образом меняло характер новгородской торговли. Если ранее русские купцы привозили на отсталый Запад продукцию технологически более развитой Византии или собственные изделия, изготовленные по греческим технологиям, то теперь, напротив, они обменивали более простые сельскохозяйственные продукты на изделия немецких ремесленников. Зачастую новгородское производство даже дегради-

рует. Археологи отмечают упадок металлообработки в Новгороде XV века по сравнению с более ранним периодом.

Новгородский экспорт того времени представлен прежде всего пушниной, воском. Среди европейской аристократии той эпохи распространяется мода на меховые шубы. В Англии XIV века церковь вынуждена принимать специальные запреты, чтобы монахини перестали носить меха. Английский король Ричард II потряс воображение современников, заплатив за шубу целых 13 фунтов! Сумма действительно немалая: в то время на эти деньги можно было купить целое стадо — 86 быков. Некоторое количество меха поступало из Норвегии, но, как отмечают западные авторы, «к концу XI века большая часть мехов приходила в Западную Европу из России, а не из Скандинавии. Датчане и шведы по-прежнему могли получать дань с народов, живших на Балтике, но не могли уже свободно заходить на русскую территорию, как раньше. Русские князья все более эффективно контролировали территорию, а Новгород особенно заботился о том, чтобы держать под контролем Карелию. Купцы, которые хотели получать лучшие меха в больших количествах, должны были ехать за ними на новгородский рынок, который становился для них все важнее»¹.

Именно «почти монопольное господство на меховом рынке», по мнению Покровского, обеспечивало Новгороду его место в новой системе европейской торговли, складывавшейся на Балтике². Однако за это господство надо было бороться. Пограничные конфликты со шведами становятся в XIII веке обычным делом, пока в XIV веке граница не стабилизируется. Война с немецкими рыцарями в Прибалтике идет тоже почти непрерывно, с переменным успехом. Орден меченосцев и сменивший его Ливонский орден превращаются во внушительную военную силу. Советские историки постоянно подчеркивали оборонительный характер развернувшейся борьбы, доказывая, что благодаря походам новгородцев «Русь не стала добычей немецкого рыцарства»³.

¹ Sawyer B., Sawyer P. *Medieval Scandinavia*. P. 154.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 1. С. 184.

³ Андреев В.Ф. Указ. соч. С. 109.

Но правда состоит в том, что хотя порой немцы доходят до Пскова, большая часть сражений происходит на территории, подвластной Ливонскому ордену, куда, в свою очередь, регулярно вторгаются новгородские дружины. Именно в Эстонии были одержаны главные победы новгородцев. В 1234 году князь Ярослав Всеволодович разгромил немцев на реке Эмбах под Дерптом. Знаменитое Ледовое побоище 1242 года, когда Александр Невский наголову разбил немецких рыцарей, состоялось во время возвращения новгородцев из набега на территорию Ливонии. Ожесточенная Раковорская битва 1269 года, закончившаяся с неопределенным исходом, состоялась также на эстонской земле. К началу XIV века здесь граница тоже стабилизируется. Немцы отвоевали у русских город Юрьев (он же Дерпт, Тарту), но дальше продвинуться не смогли. Русские, напротив, оставили попытки вытеснить датчан и немцев из северной Эстонии.

Конфликт со шведами в Карелии и на берегах Невы развивался по той же логике, что и противостояние с немцами. В поле новгородцы, как правило, бои выигрывали, но за все время пограничных войн не сумели взять ни одного каменного замка кроме, возможно, Ландскроны в 1301 году¹. Используя преимущество в технологии, немецкие и шведские феодалы старались оттеснить новгородцев на юго-восток, сооружая новые крепости и усиливая их.

Со своей стороны, новгородцы старались прогонять шведские отряды до того, как те успевали возвести сколько-нибудь надежные фортификационные сооружения. Именно так и произошло с крепостью Ландскрона, которую шведы пытались построить, по оценке Карамзина, «в семи вер-

---

¹ Шведские и русские авторы сходятся на том, что Ландскрона представляла собой достаточно мощное сооружение, но совершенно не очевидно, что речь идет о полноценном каменном замке. Против этой версии говорят «ударные темпы» строительства в местности, совершенно не обеспеченной камнем. На сооружение замка потребовалось менее года, несмотря на противодействие новгородцев. Скорее всего, речь все же идет либо о деревянном замке, либо о крепости смешанного типа, где каменные башни дополнялись деревянными стенами.

стах от нынешнего С.-Петербурга»¹. Первый поход против Ландскроны оказался неудачным, но после второго похода укрепления были взяты штурмом и скрыты до основания. В 1256 году одного известия о предстоящем подходе новгородских дружин стало достаточно, чтобы шведы отказались от намерения построить замок на реке Нарве. В том же ряду стоит и знаменитая Невская битва 1240 года.

Впоследствии масштабы и значение Невской битвы были преувеличены русскими летописцами и историками до таких масштабов, что стало возникать сомнение в том, имела ли эта битва вообще место (в шведских хрониках упоминаний о ней мы не находим). В советских исторических книгах неоднократно повторяется утверждение, будто целью шведского войска, высадившегося на берегу Невы был поход на Новгород, однако ни имеющиеся данные о численности шведского отряда, ни его действия об этом не свидетельствуют.

Описание сражения в «Житии» святого Александра Невского настолько фантастично, что воспринимать его в качестве исторического источника невозможно: шведы названы здесь римлянами (видимо имеется в виду их принадлежность к римско-католической церкви), а неприятельские войска оказываются, в итоге, сокрушены архангелами. Новгородская летопись дает более правдоподобную картину, хотя тоже довольно размытую. По мнению историка Александра Нестеренко, это был обыкновенный грабеж: «дружина князя Александра неожиданно напала на лагерь шведских купцов»². Однако внимание, которое уделила дан-

---

¹ Карамзин Н.М. Цит. соч. Кн. 1. С. 531.

² Нестеренко А. Александр Невский. Кто победил в Ледовом побоище. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С. 65. Вся книга Нестеренко представляет собой хвалу немецким рыцарям и осуждение русских. «Если немцы приходили в эти края торговать, проповедовать христианство и просвещать, то русские грабить и получать дань» (с. 125). Движение шведов и немцев на Восток — не захватнические походы, а необходимая оборона. Защитники западной цивилизации просто вынуждены были начать военные операции, чтобы прекратить набеги «аборигенов» (как презрительно называет Нестеренко предков нынешних латышей и эстонцев). Эти «або-

ному, малозначительному, в сущности, событию новгородская летопись, свидетельствует о том, что речь все же шла о чем-то более серьезном. Судя по всему, небольшой отряд шведов пытался построить в устье Невы укрепленный торговый пост. Новгородцы, поняв, какую это представляет угрозу для их торговли, отправили дружину Александра и согнали шведов с берега. Говоря современным языком, имел место пограничный инцидент на спорной территории¹.

ригены» и «туземцы» — воплощение всех зол и пороков. Они жарят людей живьем, убивают мирных священников, которые ни о чем не думают, кроме как о проповеди слова Божьего. Хуже них только русские, которые промышляют исключительно грабежом, убивают детей, жгут и разрушают все на своем пути, вероломно нарушают любые клятвы и договоры. Если немцам в процессе самозащиты некоторые народы пришлось истребить, то в этом винить нужно только самих истребляемых. Если народ пруссов весь погиб, то это «результат его собственного выбора. Не желая жить иначе, чем разбоем, не способный к объединению и компромиссу, ведомый фанатичными жрецами и вождями, этот народ сам завел себя в исторический тупик» (с. 128). Это, видимо относится к ливам — народу, давшему имя Ливонии, который крещение принял, но все равно вымер. Сами виноваты в своем исчезновении и поморские славяне, ассимилированные немецкими колонистами. То же относится и к взятию Константинополя крестоносцами в 1204 году: «целиком и полностью виноваты сами греки» (с. 275). В отличие от русских летописей, к которым у Нестеренко, естественно, нет никакого доверия, тексты немецких хроник воспринимаются автором как окончательная истина — кроме тех эпизодов, которые противоречат его собственным воззрениям. Так, он некритически повторяет сообщения ливонских хронистов про огромные размеры новгородских и псковских ополчений — двенадцать, шестнадцать и даже двадцать тысяч человек. Когда же новгородская летопись пишет про большое шведское войско, высадившееся на Неве, он решительно с этим спорит, доказывая (кстати, совершенно справедливо), что столь многочисленной силы там быть не могло.

¹ Историк Александр Широкопад возмущается тем, что ряд «русофобствующих историков» попытался «свести битву до уровня малой стычки», но сам же признается, что шведов было «меньше, чем предполагали наши патриоты-историки», не более тысячи человек (*Широкопад А.* Швеция. Гроза с Балтики. М.: Вече, 2008. С. 21). Точно такие же проблемы возникают с ярлом Биргером, который, согласно русским источникам предводительствовал шведами. Широкопад сначала называет его лидером

Нестеренко, возлагающий всю вину за этот инцидент на Александра и новгородцев, ссылается на переписку между немецкими купцами и шведами, в которой шведская сторона заверяла своих ганзейских партнеров в том, что не намерена препятствовать свободной торговле с Новгородом. Между тем, если бы никаких опасений у ганзейцев не было, они не стали бы и беспокоить шведов подобными вопросами.

Хотя рассказы позднейших русских и советских историков про агрессию шведских феодалов на Русь, отраженную Александром Невским, представляют собой явный плод идеологического творчества, конфликт между Новгородом, Швецией и Ганзой на протяжении большей части XIII века совершенно реален. Причем новгородцы отнюдь не всегда были обороняющейся стороной. Уже в 1187 году они (если верить «Хронике Эрика») разграбили и сожгли шведскую столицу Сиггурну. Из разрушенного города в Новгород привезли врата, украшенные бронзовыми барельефами, которые приделали к входу в храм Святой Софии¹. Сиггурна была разрушена настолько, что восстанавливать ее не имело смысла. Выжившие жители основали на новом месте новый город — Стокгольм.

Природа конфликта на берегах Балтики была совершенно иной, чем она представляется в патриотическом мифе. Князь Александр вообще может считаться патриотом толь-

---

шведского отряда, потом признает, что быть этого не могло, поскольку в то время Биргер и ярлом не был, да и источников, подтверждающих его присутствие на Неве, не существует, а затем неожиданно делает спасительный вывод: возможно, Биргер все-таки участвовал в Невской битве, «но только в качестве простого рыцаря» (там же, с. 21).

¹ А. Широкопад указывает на врата Сиггурны как на «вещественное доказательство похода» (*Широкопад* А. Цит. соч., с. 9). Правда, ряд исследователей сомневается в подлинности врат, считая их изготовленными в более позднее время. С походом на Сиггурну связана еще одна, более серьезная проблема: русские хроники о нем не упоминают. По мнению Широкопада, подобная скромность (шутка ли, забыли упомянуть о захвате столицы соседнего государства!) объясняется тем, что поход был совершен не «официальной» новгородской дружиной, а был, так сказать, частным предприятием.

ко по недоразумению: ведь именно он был основным проводником татарского влияния и защитником интересов Золотой Орды в землях русского Севера. В борьбе с немцами и шведами новгородцы отстаивали не свою независимость, а свои торговые интересы (не в последнюю очередь — свое право брать дань с угро-финских племен Прибалтики). Шла борьба за контроль над судоходством и за торговые пошлины.

Окончательные результаты пограничных конфликтов XIII века оказались в целом благоприятны для Новгорода. При этом, как показывают исследования, почти перманентное состояние войны с Ливонским орденом на торговле с немецкой Ганзой «никак не сказывалось»¹. Формально, пока орден воевал с Новгородом, купцы из города Любек — главного торгового партнера и новгородцев и рыцарей — преспокойно вели дела на территории обеих враждующих сторон. Собственно, за долю в этой торговле и шла борьба. А прекращение торговли стало бы катастрофой в равной степени для новгородцев и «псов-рыцарей».

Борьба новгородцев с немцами в XIII веке во многом напоминает англо-голландский конфликт XVII века. В военных столкновениях новгородцы, как и голландцы, по большей части выходили победителями, но этого оказалось недостаточно, чтобы компенсировать стратегические преимущества поднимающейся новой силы. Немцы в XIII веке, как и англичане в XVII веке, имели значительные ресурсы, а также технологическое преимущество, что позволяло им упорно идти к своей цели, невзирая на тактические неудачи. В итоге, после нескольких десятилетий соперничества, когда граница стабилизировалась, новгородцы, примирившись с потерей Юрьева (Дерпта), превращаются в младшего партнера немецкого купечества — точно так же, как голландский капитал, в конечном счете, стал младшим партнером английского.

Если XIII век является временем почти непрерывной войны с немцами, то XIV и большая часть XV столетия про-

---

¹ Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М.: МГУ, 1978. С. 71.

ходят исключительно мирно. Причем партнерские отношения у Новгорода устанавливаются не только с купцами, но и с рыцарями. Тевтонский орден ведет оптовые закупки мехов в Новгороде, одновременно снабжая купеческую республику столь необходимым ей серебром. В известном смысле оптовые сделки с рыцарями были для новгородцев даже выгоднее торговли с немецкими купцами. «Представители Тевтонского ордена в Новгороде обычно не меняли товар на товар, а платили слитками серебра, главными поставщиками которого на местный рынок они и являлись», — отмечает шведский историк Артур Аттман¹. Можно сказать, что с помощью серебра в XIV—XV веках немцы сумели добиться того, чего в XIII веке безуспешно пытались достичь силой оружия.

Археологические исследования показывают, что Западу на ранних этапах развития новгородской экономики отводилась, прежде всего, «роль поставщика сырья»². Импорт сырья не прекратился и позднее, учитывая, что новгородское ремесленное производство практически не имело своей сырьевой базы. Ввозились цветные металлы, квасцы, янтарь, серебро и т.д. Показательно, однако, что ввоз цветных металлов из Западной Европы достигает пика к началу XIII века, а затем начинает сокращаться. Что касается серебра, то до конца X века Новгород получал его с Востока, а затем реэкспортировал на Запад (точнее — на Север). Затем поток восточного серебра иссякает, а на Западе, напротив, увеличивается производство серебряной монеты. Новгород начинает импортировать ее из Германии и Англии.

В XIII веке немцы начали на Балтике торговлю зерном. Новгород по-прежнему получал продовольствие преимущественно с юга, через Торжок, но в случае необходимости мог приобрести его и у немцев. Тем самым связь с южной Русью еще более ослабевает.

Начиная со второй половины XIII века, хотя импорт сырья не прекращается, растет ввоз готовой продукции, от-

---

¹ Attman A. The Russian and Polish Markets in international trade, 1500—1650. Götheborg, 1973. P. 106.

² Рыбина Е.А. Указ. соч. С. 11.

части заменяющей сократившийся «южный импорт». Из Западной Европы ввозились вина, а иногда — оружие и лошади. Ввозятся сукна из Фландрии, главным образом из Ипра, Гента, Брюгге. «О размерах ввоза в Новгород дорогого сукна свидетельствует тот факт, что у немецких купцов в Новгороде было в 1410 году 200 кип сукна, или около 80 тысяч метров. Причем часть сукна, привезенного в тот год, уже была продана, — читаем мы в исследовании по истории Новгорода. — Конечно не вся материя, как и другие товары, ввозившиеся немцами, потреблялись жителями Новгорода и его земли — значительная ее часть поступала затем на рынки других российских городов»¹.

В то же время археологи отмечают исчезновение из культурного слоя предметов, ранее поступавших из Причерноморья. Из Западной Европы везут товары, ранее поступавшие из Киева. Продолжается и торговля с Востоком: в Новгороде вплоть до XIV—XV веков продолжают пользоваться спросом бухарские ткани. Любопытно, что ремесленные изделия с XIV века начинают поступать в Новгород и из Золотой Орды. Если ранее керамику везут из Ирана, то теперь она начинает поступать из владений татарских ханов². Что, кстати, свидетельствует о том, что Орда вовсе не была таким уж прибежищем варварства и дикости, как ее изображали многие русские историки. Экспорт ремесленных изделий в ту эпоху — главный показатель высокого уровня развития. Из Орды на Русь поступала также остро необходимая там серебряная монета. Само слово «деньги» — татарского происхождения.

Традиционное объяснение упадка южной торговли в русской историографии состоит в том, что ей препятствовала татарская Золотая Орда. Сначала борьба с половцами «парализовала волжский торговый путь, а в середине XIII века татаро-монгольское нашествие надолго прервало торговые связи Новгорода с Югом»³. Однако археологи отме-

¹ Андреев В.Ф. Указ. соч. С. 72.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 78.

чают «затухание» южной торговли уже в первой половине века, то есть еще до прихода татар¹. В то же время московские летописи и документы XIV века полны жалобами на новгородских разбойников — «ушкуйников», которые систематически грабят на Волге торговые караваны, идущие с юга. Разбойные набеги организуются представителями лучших боярских семейств. Жертвами их становились татарские, армянские и арабские купцы, но нападениям подвергались и русские города.

Разумеется, вплоть до XVI века торговля и разбой нередко оказываются взаимосвязаны, но, как правило, пиратские сообщества постепенно переходят от грабежа к более мирным способам товарного обмена. В случае Новгорода все складывается как раз наоборот. В 1366 году ушкуйники на 150 судах атаковали Нижний Новгород и разграбили его. В 1371 и 1375 годах ушкуйники дважды брали штурмом и грабили Кострому. Нормальным делом была продажа пленных в рабство — центром для такой торговли был татарский город Булгар. Напротив, московские князья совместно с золотоордынскими ханами пытались положить конец разбою на речных путях. В 1366 году молодой московский князь Дмитрий Иванович — будущий победитель в Куликовской битве — возмущался поведением новгородцев, которые «ходили на Волгу и пограбили моих гостей»². Князь грозился начать войну против Новгорода, и лишь в следующем году было подписано мирное соглашение. Однако набеги ушкуйников не прекратились. В 1375 году в Сарае татары перебили участников разгрома Костромы. Даже к середине XV века набеги ушкуйников на «низовые земли» не прекращались. Опорным пунктом ушкуйников стала новгородская колония Вятка, фактически превратившаяся в самостоятельное разбойничье государство. В 1452 году

---

¹ Показательно, что Е.А. Рыбина в «Археологических очерках новгородской торговли», повторяя общую ссылку на «татарский фактор», приводит статистику, явно этому тезису противоречащую: динамика импорта и экспорта начинает меняться с начала XIII века, когда о татарах на Руси еще даже не слышали.

² Андреев в.Ф. Указ. соч. С. 119.

московский митрополит Иона попрекал вятских горожан, потворствующих подобному разбою: «христианство губите убийством и полоном и граблением, и церкви Божьей разоряете и грабите вся церковная священная приходя, куьнь и книги и колоколы, и вся творите злая и богомерзкие дела, якоже погании»¹. Местное купечество охотно занималось скупкой и перепродажей краденого, включая работорговлю, причем продажа русских пленников на татарских невольничьих рынках считалась особенно выгодным делом. Как замечает местный историк, Вятка «разбогатела и приобрела свою мощь именно благодаря такого рода «грязным» деньгам»².

На протяжении XIV—XV веков москвичам неоднократно приходилось объединяться с татарами для борьбы против новгородцев. Иными словами, не татары и Москва препятствуют новгородской торговле, а как раз наоборот, новгородцы — татарской и московской. В свою очередь, татары и Москва общими усилиями поддерживают безопасность на торговых путях. До поры у них есть общий объективный интерес. Но соотношение сил понемногу меняется, и Москва из младшего партнера татар начинает превращаться в самостоятельную силу — на первых порах не столько военную, сколько экономическую.

Как отмечает Покровский, волжский торговый путь продолжал функционировать и развиваться на протяжении всего XIV—XV веков, и именно Новгород соединял его с балтийскими рынками. Это было одним из источников богатства республики. Но новый расклад уже не требовал политического объединения территории на всем протяжении пути. Более того, роль Новгорода становилась с течением времени все более паразитической. То, что забота об обеспечении безопасной торговли сменилась в среде новгородской элиты обогащением за счет разбоя, — показатель упадка, который переживает северная республика.

---

¹ Цит. по: Бердинских В. Цит. соч. С. 36. Как отмечает Бердинских, «по яростному накалу послания заметно, что вятчане сидят уже в печенках у московских объединителей Руси» (с. 32).

² Там же. С. 33.

БЫЛА ЛИ «НОВГОРОДСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА»?

Постоянной темой либеральной историографии в России XIX века было сожаление по поводу того, что не Новгород, а Москва объединила страну. Но в том-то и дело, что именно упадок Новгорода был одной из причин объединения. Каковы бы ни были амбиции московских князей, единое государство просто не могло быть реальностью до тех пор, пока Новгород жил собственной жизнью. Если в IX веке Новгород — еще не ставший феодальной торговой республикой — выступил объединителем земель вдоль торгового пути «из варяг в греки», то в XIV веке Новгороду уже не нужно единство ни с Киевом, ни с Москвой. Его торговые интересы направлены в иную сторону. Он не заинтересован в формировании единого национального рынка, поскольку его процветание основано на посреднической торговле, а не на производстве. Установить политический контроль над портовыми городами Прибалтики и торговыми центрами Поволжья не в его силах, а объединение с южнорусскими землями не представляет непосредственного экономического интереса. Потому Новгород вполне удовлетворяется ролью периферии немецкой «Ганзы», ее восточным форпостом.

Вообще, нигде в истории торговые республики не были «собирателями земель» — в Италии и Германии, где торговые республики были сильны, объединение в XV—XVII веках просто не состоялось. Ганзейские города тоже были заинтересованы не в единстве Германии, а в развитии балтийской торговли, опираясь при этом больше на королей Швеции и Дании, чем на «собственных» немецких князей или императора. В этом смысле «предательское» поведение новгородских элит в XIV—XV веках, часто идущих на союз с Литвой против Москвы, вписывается в общую норму поведения феодальных торговых республик. Франция, Испания, Англия были объединены королями при поддержке городской буржуазии, но при этом им неоднократно приходилось подавлять не только мятежи баронов, но и сепаратизм традиционных городских элит, нередко призывав-

ших «иностранных» королей на свою защиту. Успех королевской власти в этих странах был предопределен именно тем, что города были слишком слабы, чтобы действовать самостоятельно.

Борьба за обеспечение безопасных торговых путей ведется именно Москвой, причем в значительной мере — против новгородцев. Преимущество Москвы над Новгородом состояло в том, что благополучие московского князя основывалось не только на торговле, но и на мощной налоговой базе, обеспеченной для него татарами, а также благодаря господству над многочисленным населением. В то же время Москва была не меньше Новгорода заинтересована в торговле, причем именно на внутреннем русском рынке. Для Москвы развитие торговли было тесно связано с поддержанием на собственной территории аграрного и ремесленного производства, без чего не было бы стабильной налоговой базы.

Иное дело — Новгород. Покровский отмечает, что Новгород «был городом не ремесленников, а купцов»¹. Археологические исследования доказывают, что ремесло здесь было достаточно развито. И все же нет оснований не соглашаться с Покровским. Именно торговля, а не ремесло и уж тем более не сельское хозяйство, была источником богатства республики. И что еще важнее, это была преимущественно торговля транзитная. Новгород лишь в незначительной степени торговал собственной продукцией. Если не считать меховых шуб, он мало что производил на экспорт. А меха поступали в город благодаря сбору дани с северных территорий. Иными словами, меховая торговля отнюдь не способствовала росту предпринимательской культуры, развитию буржуазных отношений. То же можно сказать и о «закамском» серебре, поступавшем в Новгород с восточной (уральской) границы его владений. Огромный запас драгоценного металла образовался у местных племен за счет торговли мехами с южными землями. Здесь не редкостью были арабские и византийские монеты, персидские серебряные блюда эпохи Сасанидов. Большое количество подобных изделий попа-

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 1. С. 203.

до позднее в коллекцию петербургского Эрмитажа. По словам исследователей русского Севера, «серебро закамское» это «запасы серебряной, прежде всего древнеиранской посуды и монет, которые на протяжении многих столетий копились на святилищах уральских народов»¹. Дань, торг, а порой и прямой грабеж — все эти способы применялись Господином Великим Новгородом, чтобы повысить ликвидность своей экономики.

Продовольствие поступало в республику из приволжских земель, называвшихся у новгородцев «низом», поскольку Волга течет с севера на юг, «вниз». Именно здесь находился и самый большой рынок для «немецких» товаров, составлявшихся новгородскими купцами.

Новгородское боярство обуржуазивалось, вкладывая деньги в торговые предприятия, а купечество, покупая землю, феодализировалось. В итоге, Новгород, подобно итальянским торговым республикам XV—XVI веков, развивался не от феодализма к капитализму, а наоборот. Рост богатства, отмечает Покровский, ведет в Новгороде к феодализации, а не демократизации, «феодализм, внешним образом надвигавшийся на Новгород из Москвы, подготавливался изнутри эволюцией самого новгородского общества»². В свою очередь, народное представительство — вече — неизбежно вырождалось. Вече послужило «лишь тараном, при помощи которого буржуазия торгового капитала сокрушала родовую знать»³. После того, как эта цель была достигнута, и в республике сформировался новый «компромисс элит», демо-

---

¹ Пономарев А., Турова Е. Серебряный след. Вятка, 2006. С. 11. Среди историков до сих пор нет полной ясности относительно того, каким образом «закамское» серебро поступало в Новгород. Если одни авторы говорят про сбор дани и даже прямой грабеж, то другие исследователи предполагают наличие какой-то меновой торговли между новгородцами и «закамскими» племенами. Вятские историки А. Пономарев и Е. Турова даже утверждают, что серебро выменивалось на алкоголь. Иными словами, имела место распространенная в более поздние времена практика спаивания туземцев.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 1. С. 200.

³ Там же. С. 197.

кратические институты утрачивают прежнее значение, что, в свою очередь, позволило впоследствии московским князьям окончательно ликвидировать вечевую демократию. При этом показательно, что в XV веке, когда Москва покончила с демократическими свободами новгородцев, большинство граждан города не слишком сопротивлялось.

«Независимость Новгорода, — отмечает Покровский, — главным образом отстаивало новгородское боярство, опиравшееся на низы городского населения, новгородское же купечество было заинтересовано в том, чтобы поддерживать хорошие отношения с «низом». После победы Москва не ликвидировала новгородское купечество, а перевела «головные конторы» новгородских торговых домов «на низ». На место глав старых купеческих родов прислали московских представителей. Что, в общем, соответствовало и устремлениям самого новгородского торгового капитала»¹.

Конец новгородского вече вовсе не означал ликвидации любых форм самоуправления в русских землях. Говорить о царском единовластии в Московской Руси не приходится. Важную политическую роль играет Боярская дума. Опричнина и террор Ивана Грозного были необходимы именно для того, чтобы сломать сложившиеся институты управления и уничтожить все, что ограничивало царскую волю. Однако эта цель в полной мере достигнута не была. Вплоть до середины XVII века московская власть периодически привлекает «выборных» людей для решения различных вопросов². Сам Иван Грозный для утверждения допол-

---

¹ К.Н. Бестужев-Рюмин в своей «Русской истории» отмечает, что Московское правительство закрыло в Новгороде также Ганзейскую контору — «Немецкий двор». Но, напоминает он, нельзя забывать, что Москва в этом отношении была не одинока, аналогичные решения принимались и западными правительствами, стремившимися установить контроль над торговлей. Надо помнить, что «борьба с Ганзой была весьма выдающимся явлением в истории всех северных государств и что закрытие ганзейских дворов совершилось не в одной России» (*Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. М.: Вече, 2007. С. 383*).

² Значение и политический вес сословного представительства были различными в разных странах. Если в Англии парламенты приобрели

нительных налогов принужден был обращаться к земскому собору. Возведение на царство Михаила Романова земским собором 1613 года стало возможно именно потому, что традиция сословного представительства в стране сохранялась. Это сословное представительство по тогдашним меркам было достаточно демократичным. В соборах XVII века неоднократно участвовали не только дворяне и купечество, но и представители «черных» (то есть свободных) крестьян. Поражение Новгородской республики отнюдь не было поражением «европейского», или «западного», начала в русской истории. Напротив, оно свидетельствует, что российское государство развивалось по той же общей логике, что и остальная Европа, где абсолютная монархия тоже не могла объединить и упорядочить страну, не покончив с остатками средневековых вольностей.

История расцвета и упадка русских торговых городов поразительным образом напоминает историю Италии. И совпадение это не случайно. Новгород XIV—XV веков похож на Венецию XVI века. Он все еще богатеет, но перспективы торговой экспансии у него нет. Он развивается «лицом к морю» и «спиной к стране». Расцвет искусства, строительство новых храмов и теремов скрывают упадок государства. Именно потому новгородцы становятся «изнеженными». Не татарское иго, а упадок средиземноморской торговли сыграл роковую роль в истории России. Причины упадка Новгорода и Венеции не просто схожи, а едины.

ПАДЕНИЕ ЦАРЬГРАДА

Не Москва объединила «русские земли», а земли, объединенные вокруг Москвы, стали впоследствии Россией.

серьезное политическое влияние, то Генеральные штаты в средневековой Франции играли незначительную роль, хотя время от времени пытались добиться более широких прав, пользуясь затруднениями монархии. В этом смысле русские сословные соборы вполне вписываются в общеевропейскую картину, а Земский собор 1613 года обладал такой властью и полномочиями, каких не было ни у одного английского парламента вплоть до начала революции.

Вот почему Россия в XIV—XV веках «смещается» на восток. А земли прежней Киевской Руси, не представлявшие интереса для московских князей или для них недоступные, Россией не стали. На их месте появляются Украина и Белоруссия, принадлежность которых к польско-литовской короне никто не оспаривает. Об их историческом и религиозном единстве с Московской Русью вспомнят лишь в XVII веке, когда начнет развиваться международный рынок зерна. Стремление Москвы установить контроль над украинским черноземом будет способствовать объединению славян никак не меньше, нежели общность религиозных и этнических корней.

Но это произойдет позднее. К концу XV века торговый путь «из варяг в греки» уже не существует, а потому потребность в единстве бывших земель Киевской Руси утрачивается. Между тем волжский торговый путь продолжает функционировать.

В 1453 году под ударами турок пал Константинополь. Спустя еще 50 лет почти все восточное Средиземноморье оказывается под властью Османской империи. Торговые форпосты Венеции на Востоке превращаются в передовые рубежи обороны.

В 1475 году кончается и господство генуэзцев в Крыму. Экспансию турок удастся сдержать, но старые торговые пути окончательно теряют прежнее значение. И закономерным образом именно в это время начинаются интенсивные поиски альтернативных торговых маршрутов. Португальцы прокладывают путь в Индию вокруг Африки, а испанцы открывают Америку.

На протяжении столетий до этого в Атлантический океан плавали викинги и добирались до Америки, а арабы исследовали побережье Африки. Но все эти открытия не имели решающего экономического, системообразующего значения, а потому и оставались достоянием немногих. В XV—XVI веках ситуация изменилась радикально.

Падение Константинополя и упадок средиземноморской торговли на первых порах даже усилил значение волжского пути, по которому товары с Востока могли попасть на Бал-

тику и далее на рынки Западной Европы. Мировая ситуация 1450—1490 годов благоприятствует Московии. И не случайно великий князь Московский именно в конце XV решается порвать с Золотой Ордой. В это время Москва, казалось бы, обладает всеми возможностями для успешного развития.

В это самое время тверской купец Афанасий Никитин совершает знаменитое «хождение за три моря», добираясь до Индии. В отличие от португальских путешественников той же поры Афанасий Никитин не открыл новых торговых путей. Возможно, он не был даже первым русским купцом, прошедшим этими путями в глубь Азии. Еще в XI—XII веках индийские источники упоминают «о боевых доспехах из земли русов»¹. Основная торговля велась арабскими, еврейскими, армянскими и бухарскими купцами, и Афанасий Никитин лишь прошел по их путям. Однако, в отличие от множества других торговцев, он был еще и исследователем, оставившим нам подробные записи — точно так же, как английские купцы XVI века оставили нам детальное описание Московии. В этом плане путешествие Афанасия Никитина действительно является частью общего европейского движения на восток.

Завоевание Поволжья состоялось лишь в XVI веке. Укрепив государство, московские правители прилагают огромные усилия для того чтобы установить контроль над Поволжьем. Один за другим под власть Москвы переходят татарские торговые города — Казань, Астрахань, Саратов. Мало того, что захватываются территории — сама Россия «смещается» на восток. Волга становится «русской рекой», «матушкой», «кормилицей». Точно так же, как в IX веке за удивительно короткий срок возникла единая держава от Балтики до Черного моря, теперь возникает новая Россия. Не только захватываются земли татарских ханств, но татарская знать, частично принимая православие, стремительно интегрируется со знатью русской. Значительная часть боярских семей XVII века — выходцы из поволжской татарской аристократии. Они занимают важные посты в государстве. Вопреки

---

¹ Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 58.

последующим представлениям, русские начинают массово смешиваться с татарами именно в эту эпоху. Не татарское нашествие на Русь привело к «отатариванию» славянского населения, а наоборот, бурное движение Московии на восток сопровождалось среди местных жителей массовым переходом в православие, обрусением и интеграцией в русское общество.

Московии удалось не только за кратчайший срок захватить, но и удержать эти обширные владения именно потому, что объективная потребность в поддержании порядка на волжском торговом пути требовала соединения этих земель под единой властью, и для татарской знати и купечества это было не менее очевидно, чем для русской. Так же, как Римская империя в древности, объединяя средиземноморское экономическое пространство, интегрирует в единую цивилизацию проживающие там народы, так и Московская Русь формирует себя как нацию, устанавливая единую власть на речных путях.

Восточная экспансия подпитывалась земельным голодом мелкого дворянства (точно так же, как Крестовые походы и испанское завоевание Америки). В свою очередь, крестьяне осваивали новые земли, стараясь уйти из-под власти помещиков. Но походы на Волгу, сколь бы успешны они ни были, существенно запоздали. В тот самый момент, когда волжский путь полностью и окончательно переходит под власть Москвы, мировые торговые пути смещаются на запад.

Открытие Америки Колумбом открывает не только новую эру в европейской истории, но и становится отправной точкой для формирования мировой экономической системы. После того как Васко да Гама, открыв западный морской путь в Индию, завершил многолетние усилия португальских мореплавателей, европейский торговый капитал приобретает совершенно новые возможности для развития. Хлынувшие на Запад материальные и финансовые ресурсы подталкивают рост производства, а главное, позволяют предпринимательству окончательно сформироваться на буржуазной основе: становится выгодно эксплуатация наемного труда, и создаются благоприятные условия для накопления капитала.

Хотя «революция цен», последовавшая за массовым притоком в Европу драгоценных металлов, в значительной мере обесценила деньги, импульс, полученный западной экономикой, был невероятной силы.

Испанские Габсбурги, несмотря на свои первоначальные успехи, не сумели превратить складывавшийся «мир-экономику» в «мир-империю». Подчинить систему единому политическому порядку не удалось, зато началось становление буржуазных наций. В общем, глобальная система начинает принимать характерные черты, сохранившиеся до начала XXI столетия. Наиболее развитые в буржуазном отношении нации превращаются в ее «центр», стихийно трансформируя остальной доступный им мир в свою экономическую «периферию».

Все эти перемены отнюдь не обходят Россию стороной. В XVI веке Московское царство бурно развивается, активно торгует. И в то же время все больше отстает от еще более быстро меняющегося Запада. Речные пути не могут сравниться с огромными просторами, открывшимися для морской торговли. Москва опоздала. Но отныне, как в сказке Льюиса Кэролла, для того чтобы остаться на месте, нужно очень быстро бежать. Московские правители должны ответить на вызов времени. Находясь в глубине Европейского континента, Россия не имела прямого доступа к новым торговым путям. Ничего не получая от расцвета европейской торговли, начавшегося после открытия Америки, Россия неизбежно оказывалась и на периферии мирового экономического развития, фактически выпадая из формирующейся мировой экономической системы. Таким образом, именно конец XV — начало XVI века стали решающим рубежом, предопределившим дальнейшую судьбу России — борьбу с отсталостью и изоляцией.

То, что лозунг «Москва — Третий Рим» провозглашается именно в 1517 году, далеко не случайно. Самир Амин считает этот ответ «блистательным»¹. Увы, этот лозунг оказался столь же захватывающим воображение, сколь и поли-

---

¹ Review of Fernand Braudel Center. V. XXI. 1998. № 2. P. 213.

тически бесперспективным. Он выполнял роль идеологической компенсации. Чем более Россия становилась периферией мировой системы в реальности, тем более старалась она заявить о себе как о центре мира на уровне культуры и идеологии.

В XVI веке, впрочем, лозунг «Москва — Третий Рим» звучал не как противопоставление России Западу. Напротив, это была попытка (вопреки сокращающимся возможностям в реальном мире) утвердить символическое значение России как ведущей европейской державы. Державы, которая ведет свое начало от той же Римской империи, к которой апеллировали и многие западные монархии (начиная от империи Карла Великого и Священной Римской империи Германской нации, кончая империей Наполеона Бонапарта). В этом плане лозунг «Москва — Третий Рим» не только не являлся уникальным, но и не был новаторским.

МОСКОВИЯ

Реальные вызовы требовали совершенно конкретного политического ответа, не имевшего ничего общего с фантазиями о Третьем Риме. Открытие Америки, сместившее торговые пути в сторону Атлантики, теоретически могло бы дать русскому торговому капиталу новые возможности. Ведь не случайно именно в XV—XVI веках начинается стремительный экономический рост в Северной Европе. Экономическая экспансия создает спрос на зерно (необходимое для начала колонизации) и лес (необходимый для строительства флота).

В XV веке Новгород оказался не в состоянии воспользоваться новой ситуацией, ибо его балтийская торговля уже контролируется посредниками — немцами и шведами. Купеческие городские республики — будь то Новгород или Венеция — в изменившейся обстановке не могли самостоятельно обеспечивать свои торговые пути даже тогда, когда экономические возможности для этого у них еще оставались. Нужны были крупные армии, дипломатия. Новгород теряет свою независимость именно потому, что радикально и

окончательно меняется торговая ситуация. И опять же, причина не просто в мощи Москвы, но и в резком укреплении «московской партии» в самом Новгороде. Родовая аристократия все еще держится за традиции феодальной республики, но для большей части новгородского купечества уже ясно, что защищать, в общем-то, нечего.

Московия гораздо больше соответствовала требованиям меняющегося времени, чем торгово-аристократический Новгород. Московский князь не просто «сидел» на удобном месте, где скрещивались торговые пути, но и контролировал значительно большее население. Вследствие этого именно Московия, а не Новгородская республика обладала потенциалом для развития внутреннего рынка. Без этого не могло сложиться и национальное государство европейского типа.

Ключевский с некоторым недоумением отмечает: «Пока Русь сидела на днепровском черноземе, она преимущественно торговала продуктами лесных и других промыслов и принялась усиленно пахать, когда пересела на верхневолжский суглинок»¹.

Позднее Греков писал, что Ключевский недооценил развитие земледелия в Киевской Руси. Тем не менее вопрос был поставлен Ключевским совершенно резонно: почему именно в XIV—XVII веках Россия вдруг «принялась пахать»? В самом деле, если Киевская Русь располагалась на черноземе, в регионах, исключительно благоприятных для сельского хозяйства, то северо-восточная территория, где сложилось Московское государство, имела землю скудную, заболоченную. И все же в Киевской Руси на первом месте была именно посредническая торговля, тогда как Московия стала развивать зерновое хозяйство. Движение в Сибирь, начавшееся как поход за пушниной, тоже быстро привело к колонизации и бурной аграрной экспансии.

Причина проста. Во времена Киевской Руси спрос на товарное зерно был невелик, к тому же большие города вос-

---

¹ Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. Петроград, 1919. С. 11.

точного Средиземноморья могли получать продовольствие из близлежащих регионов. Перевозились именно предметы ремесла. Напротив, с приходом Нового времени стремительно растет спрос на зерно. Хлеб становится товаром сначала на внутреннем рынке, но эта новая ситуация сама по себе тесно связана с общей динамикой развития. Приток серебра из Америки и «революция цен», начавшаяся в Европе в XVI веке, способствуют развитию товарного производства. Города не только растут и нуждаются в продовольствии, но и могут за него платить.

По мере того как зерно становится мировым товаром, Россия, вслед за Польшей, превращается в мирового экспортера. Однако развитие русской зерновой торговли приходится на гораздо более позднюю эпоху. И показательно, что происходит это на фоне политического и военного упадка главного конкурента — Польши.

Начиная с середины XVI века, Россия втягивается в затяжной военный конфликт с Польшей и Швецией. Польша была ведущим поставщиком зерна на мировом рынке, Швеция контролировала Балтийское море, по которому это зерно поставлялось на запад. Между тем борьба за балтийские торговые пути для России первоначально не имела никакого отношения к хлебной торговле. Своего товарного зерна в Московии хватало для развития внутреннего рынка, но не для организации устойчивого экспорта. Другое дело — лес или пенька. И того и другого было в избытке. В XVI веке московское купечество конкурировало с Польшей, поставляя на запад сырье для растущей кораблестроительной промышленности. А это означало, что Россия оказывается в центре политического, военного и торгового противостояния, раздирающего тогдашнюю Европу.

Глава IV

«АНГЛИЙСКИЙ ЦАРЬ»

АНГЛИЧАНЕ «ОТКРЫВАЮТ» МОСКОВИЮ

В начале XVI века экономика Московского царства развивается примерно так же, как и в других странах Европы. В 1534 году Еленой Глинской, матерью будущего царя Ивана Грозного, была проведена денежная реформа, сменившая монеты различных удельных княжеств единой системой. Возникают условия для формирования общероссийского внутреннего рынка. Растут производство и торговля. Парадокс в том, что экономический подъем сопровождается и усилением отсталости России от Запада. Это кажущееся противоречие вызвано тем, что, будучи вовлеченной в общий процесс развития и социально-экономического преобразования, Россия оказывается на его периферии.

Рост экономики происходит на фоне расширения границ государства. Если западноевропейские страны начинают создавать колонии в Америке и на побережье Африки, то Россия движется на восток.

Вотчины теряют свою изолированность. «Превращение хлеба в товар, — отмечает Покровский, — сделало товаром и землю, дававшую хлеб»¹. Прежние отношения собственности и взаимной ответственности оказываются под вопросом. Однако боярская вотчина не продается и не делится, она остается семейным уделом.

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 77.

Наиболее быстро рыночные отношения усваиваются в России монастырями. Напротив, крупные боярские вотчины оказывались тормозом развития. Тем не менее разделить их или распродать на рынке было невозможно из-за сохранявшейся политической силы боярства. Это тоже делает русскую ситуацию во многом похожей на испанскую (в отличие от Англии, где после войны Алой и Белой Розы старая аристократия была в значительной мере истреблена, а ее политическое влияние подорвано). Поскольку экспроприация боярства была политически затруднительна и рискованна, внешняя экспансия представлялась разумным решением: можно было получить землю и поставлять на рынок хлеб, не жертвуя интересами бояр. Однако война в Казанском ханстве оказалась не столь легкой, как казалось сначала. После взятия Казани сопротивление местных жителей в форме партизанской борьбы продолжалось около 6 лет. Победа была достигнута лишь за счет массового переселения в Поволжье русских колонистов из глубинных районов страны. Крестьяне гибли тысячами, но они изменили демографическую ситуацию в пользу завоевателей. Дворянство, напротив, оказалось в проигрыше. За 6 лет войны оно так и не смогло захватить себе новые поместья, а крестьян в западных областях стало еще меньше. Купечество выиграло больше. Торговый капитал получил доступ к речным путям, ведущим в Персию, но это лишь разожгло его аппетиты.

Теперь Россия стремится избавиться от торговых посредников — немецких купцов, контролирующих торговлю на востоке Балтики через Ригу, Ревель, Нарву. Между тем Россия не единственная страна, которой мешает немецкое торговое посредничество. На Западе Европы начинает подниматься новая торговая держава — Англия. Она еще не стала владычицей морей, и главной проблемой для развития британского торгового капитализма является испано-португальская монополия в Атлантике. Но немецкое господство на Балтике тоже сдерживает развитие английской торговли. Нужны новые рынки сбыта и новые источники сырья. И то и другое для английского купеческого капитала может предоставить Россия.

В 1553 году три корабля отплывают в сторону Норвегии, официально — с целью поиска северного морского пути в Китай, Японию и Индию. Идея была изначально нереалистическая. Северный морской путь в обход Сибири и Чукотки не смогли толком проложить даже в советское время с помощью ледоколов. Однако в XVI веке мысль об открытии северного пути в Китай отнюдь не казалась безумной ни в Англии, ни в самой России. Спустя тридцать лет после провала английской экспедиции купеческий дом Строгановых предпринял вторую подобную попытку. Нанятые ими голландские моряки в 1584 году пытались совершить то, что не удалось англичанам, и тоже, естественно, потерпели неудачу.

Между тем, английская экспедиция изначально преследовала куда более широкий спектр целей. Ее организаторы искали новые рынки, ибо «наши купцы обнаруживают, что товары и изделия Англии не находят большого спроса у окружающих нас стран и народов»¹. Уходившие в плавание корабли везли с собой послание короля Эдуарда VI, адресованное ни больше ни меньше, как «всем королям, князьям, правителям, судьям и губернаторам земли»². Это было не только подтверждение полномочий путешественников, которые были одновременно и купцами, и официальными представителями своей страны. «Письмо описывало преимущества свободной торговли в терминах, которые оценили бы по достоинству экономисты фритредерской школы XIX века», — пишет английский историк Т.С. Уиллан³.

Два корабля погибли, так как экипажи не были подготовлены к плаванию в условиях Крайнего Севера. Вместе с ними погиб и руководитель экспедиции Хью Уиллогби. Но третье судно — «*Edward Bonaventure*» под командой капитана Ричарда Ченслера — вошло в устье Северной Двины. В феврале 1554 года Ченслер в качестве английского посла

---

¹ Цит. по: Willan T.S. The Early History of the Russia Company. 1553—1603. Manchester: Manchester University Press, 1956. P. 2—3.

² Ibid. P. 4.

³ Ibid.

был принят в Москве Иваном Грозным. Царь предоставил англичанам торговые привилегии в России, включая право беспошлинной торговли на всей территории страны¹.

После этого Ченслер и его спутники благополучно вернулись на родину. Год спустя в Лондоне была создана «Московская компания». О ее значении говорит уже то, что она оказалась первой подобной компанией, устав которой был утвержден парламентом. В известном смысле «Московская компания» оказалась не только прообразом торгово-политических организаций, создававшихся для работы в Вест-Индии и Ост-Индии, но и предшественницей транснациональных корпораций XX века.

Коммерческая деятельность компании была теснейшим образом связана с дипломатической. Английские посольства при царском дворе защищали интересы купцов, а представительство компании вело дела английской короны. Находясь в Московии, англичане не тратили времени даром. В отличие от записок других путешественников, тексты, подготовленные Ченслером и его товарищем Джоном Хассом, больше всего напоминают инструкции по коммерческому использованию России. Они подробно описывают экономическую географию царства Ивана Грозного: где и что производится, что можно купить, что и где можно продать. Вскоре после этого в Москве появляется Английский двор — сначала одно здание, а затем целый комплекс сооружений — жилых, коммерческих, производственных, остатки которых в Москве существуют и по сию пору.

Каменный дом на Варварке был пожалован англичанам в дар от царя «в знак особого его благоволения»². Как отме-

---

¹ Возможно, под влиянием экспедиции Ченслера спустя некоторое время царь Иван направил в Китай собственную экспедицию, но уже сухопутным путем. В 1567 году им был послан казачий атаман Иван Петров с грамотой «к неизвестным народам». Вместе с казаком Буркашем Еличевым он прошел от Урала до Пекина, получив в Монголии грамоту на проход через «железные врата» Китайской стены, а затем составил описание увиденных им земель.

² Любименко И. История торговых сношений России с Англией. Вып. 1 — XVI век. Юрьев, 1912. С. 37.

чали русские источники, этого компании не хватило: «а деревянные хоромы аглинские немцы строили сами»¹. Вскоре «английские дома» появились в Холмогорах, Ярославле, Борисове и других городах. Конторы компании были в Новгороде, Пскове, Ярославле, Казани, Астрахани, Костроме, Ивангороде. В Ярославле англичане устроили большие склады для товаров, которые затем направлялись в Азию. Появились в Московии и протестантские церкви. Вообще, по отношению к западной Реформации московские правители заняли отнюдь не позицию сторонних наблюдателей. «Русское правительство, — отмечает известная исследовательница И. Любименко, — относясь крайне враждебно к католикам, проявляло часто большую терпимость к протестантам»².

СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ

Новый торговый путь был важен не только для англичан, но и для Московии. В 1556 году в Англию прибывает русское посольство во главе с боярином Осипом Непеей. Ченслер погиб, доставляя посла в Лондон, но миссию свою выполнил. Непея вошел в историю дипломатии тем, что «добился в Лондоне таких же льгот, какие англичане получили в Москве»³. Однако воспользоваться ими русские купцы не могли. Они не имели флота, способного совершать длительные морские путешествия.

С 1557 года начинается регулярная торговля по северному пути. Первоначально эти путешествия сопровождались многочисленными жертвами. В навигацию из Англии выходило 6—7 судов, и порой не более половины благополучно добиралось назад. Сезон навигации был коротким — море замерзало на 5—6 месяцев. Однако по мере того, как английские моряки накопили опыт плаваний в северных широтах, эти путешествия стали менее рискованными. Тем не менее, компания периодически жаловалась на убытки —

---

¹ Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 312.

² Любименко И. Указ. соч. С. 63.

³ Магидович И.П., Магидович В.И. Цит. соч. С. 178.

набеги татар, пираты, северные шторма — все это наносило ущерб торговле. Набег крымского хана Девлет-Гирея на Москву нанес компании убытка на огромную по тем временам сумму в 10 тысяч рублей (что, впрочем, свидетельствует и об огромном товарообороте компании). Около 40 англичан из 60, находившихся в тот момент в Москве, погибли во время пожара. Татарский погром, видимо, произвел сильное впечатление на руководство компании, а потому уже при царе Федоре англичане пожертвовали 350 фунтов на строительство новой каменной стены вокруг Москвы.

Акционеров компании неоднократно призывали сделать дополнительные вложения — 50 фунтов на акцию в 1570 году, 200 фунтов — в 1572 году. Но сворачивать дело не собирались. И причина тому не только в высоких прибылях, которые время от времени удавалось получить от торговли с Москвией, но и в том, какое значение имели эти поставки для общей военно-политической ситуации Англии. Везли из России не просто северные товары, а стратегическое сырье.

Как отмечает Уиллан, англо-русская торговля XVI века «во многом напоминала обмен, сложившийся между Англией и ее колониями»¹. Из России в Англию поставлялись древесина, воск, кожи, мясо, сало, иногда зерно, лен, пенька, ворвань, смола, канаты, корабельные мачты. Царь и сам приторговывал. По признанию англичан, он был «одним из наиглавнейших поставщиков воска и собольих мехов»².

Воск был крайне выгодным товаром — из него делались свечи, а для освещения готических соборов их требовалось огромное количество. Это давало возможность царю утверждать, что воск — товар не простой, а священный, «заповедный». И торговать им должны цари. Такая монополия для других русских купцов была сущим наказанием, да и англичанам обходилась недешево, но для царя Ивана оказалась крайне выгодной. Что до товаров, привозимых из Англии, то царь требовал права первой продажи, а платил неакку-

---

¹ Willan T.S. Op. cit. P. 54.

² Цит. по: Willan T.S. Op. cit. P.14.

ратно. В этом, впрочем, царь тоже не отличался от своих современников. Елизавета Английская тоже платить долги не любила.

Во время опричнины английская компания пыталась добиться от царя возврата денег, которые задолжали ей казенные царем бояре. Царь претензии выслушал, но денег не отдал, порекомендовав своим английским партнерам пореже ссужать москвитов. Впрочем, иногда возвращались и безнадежные долги. Во время посольства Боуса Иван Грозный вдруг распорядился выплатить 3000 марок, которые уже были списаны компанией.

«МОСКОВСКАЯ КОМПАНИЯ»

Англичане везли в Москву бумагу, сахар, соль, ткани, посуду, медь, свинцовые плитки для покрытия крыш, предметы роскоши. Лондонское сукно на русских рынках получило название «лундыш». Немалое значение имели и «экзотические» товары, которые через «Московскую компанию» поступали в Россию из Америки и Азии. В списках поставлявшихся товаров мы обнаруживаем также миндаль, изюм, конские сбруи, лекарства, музыкальные инструменты, алебарды, ювелирные изделия, посуду и даже... львов. Везли также колокола и драгоценные металлы, которые были к вывозу из Англии запрещены, но особым распоряжением короны для России делалось исключение. И все же особенно важно для Москвы было то, что на английских кораблях прибывали свинец, порох, селитра, сера и, судя по всему, оружие и боеприпасы.

Разумеется, «Московская компания» не была монополистом в торговле с Западом. В Московию устремились немецкие, голландские, итальянские, датские, даже испанские и итальянские предприниматели. Однако именно англичанам в XVI веке удастся довести торговое сотрудничество до уровня государственной политики.

В 1557 году англичане налаживают канатное производство в Холмогорах. Другим производственным центром

компании стала Вологда. К 1560 году местные работники уже овладели технологией, и большинство английских мастеров возвращается на родину. Английским мастерам во время их пребывания в Холмогорах платили по 9 фунтов в год (из которых по 2 фунта в год клали на их счет в Англии). Это были вполне приличные деньги для того времени, но приток драгоценных металлов из Америки вызвал бешеную инфляцию, вошедшую в историю под названием «революции цен». Как выясняется, происходило это не только в Западной Европе. Спустя 25 лет после появления в Москве первых английских мастерских некий Джон Финч, ссылаясь на дороговизну, уже требовал прибавки к зарплате до 42 рублей в год — на английские деньги это составляло 28 фунтов. Как справедливо замечает Т.С. Уиллан, это свидетельствует, что «революция цен» за это время достигла России»¹.

В 1558 году представитель «Московской компании» Энтони Дженкинсон получает разрешение царя на экспедицию в Персию и Бухару по волжскому пути. Хотя значительная часть приобретенного товара была на обратном пути потеряна, привезенного оказалось достаточно, чтобы в коммерческом смысле надолго оправдать деятельность компании. Одновременно английский купец выполнял в Персии и дипломатическое поручение Ивана Грозного. Московский царь искал союза с персами против турок.

На заре капитализма политика откровенно переплетается с торговлей. Азербайджанский исследователь Л.И. Юнусова отмечает, что коммерческий успех Дженкинсона в значительной мере определялся тем, что он был «не просто английским купцом, а посланником русского царя»².

Миссия Дженкинсона положила начало длительному периоду соперничества-сотрудничества английского и русского капитала на Каспии. С одной стороны, Москва, а позд-

---

¹ Willan T.S. Op. cit. P. 40.

² Юнусова Л.И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия в первой половине XVIII в. Баку, 1988. С. 29.

нее и Петербург нуждались в иностранных партнерах. Торговля с Персией была в значительной мере транзитной. Англичане помогли наладить торговые пути, на английских, а позднее и голландских кораблях персидский шелк и другие товары вывозились дальше в Европу. Но, с другой стороны, партнеры вели между собой ожесточенную борьбу. И те, и другие стремились оставить за собой максимальную долю прибыли от персидской торговли.

Дженкинсон добился в Персии торговых привилегий, аналогичных московским. Английские экспедиции в Персию следовали одна за другой — в 1564, 1565, 1568, 1569 и 1579 годах. Это вызвало опасения в Москве, где не желали уступать столь прибыльный торговый путь иностранцам. В дальнейшем царский двор принимает меры к тому, чтобы волжская торговля оставалась под его контролем, а деятельность англичан в этом направлении ограничивает. Торговые экспедиции на юг могли предприниматься только с царского разрешения и совместными силами. Несмотря на все проблемы, персидская торговля была настоящим «золотым дном» для компании, но к началу XVII века налаживается другой, более безопасный и простой путь в Персию через Индийский океан. Ост-Индская компания начинает вывозить на Запад персидские товары в значительных количествах, тем самым снижая коммерческую привлекательность волжского пути. Позднее появляется и другой транзитный путь — через Турцию. Тем не менее торговля с Персией через Каспий продолжается, ведя к расцвету Астрахани.

ПАРТНЕРЫ ИЛИ КОНКУРЕНТЫ?

Впоследствии деятельность «Московской компании» стала среди русских историков темой острой дискуссии. Историк XIX века Н. Костомаров обратил внимание на то, что английские купцы, организованные вокруг «Московской компании», были тесно связаны со своим правительством, действовали согласованно, зачастую даже в ущерб своим соотечественникам, не имевшим политической поддержки

в Лондоне. Костомаров убежден, что англичане имели «обширные виды политического преобладания в России»¹.

Легко догадаться, что этот тезис был весьма популярен и среди советских историков, особенно в первые годы «холодной войны»². Ряд советских авторов доказывал, что англичане нашли в России отсталую страну и «всячески стремились закрепить эту отсталость», «мешали русским овладеть и изучить передовую технику», шли «путем нажима и шантажа»³.

Напротив, историки «западнического» толка видели в английских купцах представителей передовой цивилизации, которые несли знания отсталому русскому народу⁴. Лишь в начале 60-х годов XX века Я.С. Лурье постарался демифологизировать историю англо-русских отношений XVI века.

На самом деле, деятельность англичан в России сопровождалась многочисленными взаимными претензиями между русскими и английскими партнерами. Жалобы русских купцов на иностранную конкуренцию повторяются регулярно, начиная со второй половины XVI века и кончая эпохой первых Романовых. В челобитной 1646 года, поданной

---

¹ Костомаров Н. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. 2-е изд., СПб., 1889. С. 24.

² См.: Самойло А.С. Провал попытки английской компании захватить русский рынок в XVI и первой половине XVII века. Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. 22. М., 1955; Накшидзе Н.Т. Русско-английские отношения во второй половине XVI в. Тбилиси, 1956; Иванов А.И. К вопросу о начальном этапе англо-голландского торгового соперничества в России. Ученые записки Коми государственного педагогического института. Т. 34. Сыктывкар, 1968. Весьма занятно в этом отношении также изменение позиции И. Любименко. Если в дореволюционных своих работах она самым положительным образом оценивает деятельность англичан в России XVI—XVII веков, то в работах сталинского времени те же действия оцениваются ею как попытки колонизаторского захвата страны (см. Английская буржуазная революция XVII века /Под ред. Е.А. Косминского и Я.А. Левицкого. Т. 2. М.: Изд. Академии наук СССР, 1954).

³ Ученые записки Коми государственного педагогического института. Т. 34. Сыктывкар, 1968. С. 83; Накшидзе Н.Т. Указ. соч. С. 153—54.

⁴ См. Любименко И. Указ. соч. С. 64—66.

царскому правительству против «аглицких немцев», претензии высказываются примерно те же, что и в документах более раннего периода. Русские обвиняли англичан в манипулировании ценами, англичане, в свою очередь, жаловались на ненадежность русских купцов, частые проволочки, жульничество.

Зачастую жалобы англичан (и вообще иностранцев), находившихся в Московии XVI—XVII веков, выглядят довольно комично. Так, иностранцы сетовали на то, что их «закармливают», явно пытаясь нанести вред их здоровью чрезмерным угощением. В Московии тех времен неприлично было вставать из-за стола самостоятельно, а если на следующий день гости не жаловались на плохое самочувствие из-за чрезмерной еды и питья, то пир считался неудачным.

Общаясь с русскими партнерами, англичане заметили, что те слова не держат, «а если начнут клясться и божиться, то, наверное, хотят обмануть»¹. Способность русских сочетать смекалку и предприимчивость с безалаберностью и недобросовестностью не могла не поразить протестантов, однако, как отмечает Костомаров, взаимные претензии русских и западных купцов никогда не мешали им «вместе обманывать правительство»².

Справедливости ради следует отметить, что задним числом ситуация всегда выглядит драматичнее, чем на самом деле. Дело в том, что случаи, когда стороны разошлись полюбовно, оставляют меньше следов в документах. Именно тогда, когда возникают взаимные претензии, люди начинают писать жалобы, обращаться в различные инстанции, тем самым предоставляя материал для будущих историков. Парадоксальным образом именно огромное количество всевозможных жалоб свидетельствует о размахе и интенсивности торговых отношений между англичанами и русскими.

В действительности, разумеется, главные проблемы были отнюдь не в культурных противоречиях. Освоившись в Московии, англичане начали вести торговлю на внутрен-

---

¹ Любименко И. Указ. соч. С. 98.

² Костомаров Н. Указ. соч. С. 37.

нем рынке, успешно конкурируя с местными купцами. Они организовали собственную сеть поставщиков и систему оптовых закупок, кредитуя производителей. Такой порядок, отмечает Костомаров, «был выгоден для мелких торгашей и для народа вообще, но разорителен для русских оптовых торговцев»¹. Закон торгового капитализма состоит в том, что рынок контролирует тот, кто располагает большим капиталом. Имея преимущество в финансовых ресурсах, англичане заняли и более сильные позиции, нежели их русские конкуренты.

Поведение английских купцов в Московии вызывало недовольство не только у их конкурентов в среде русского купечества, но и у многих в самой Англии. В Лондоне существовало убеждение, что русская почва действует на сотрудников компании развращающим образом. Попав в Московию, они стремительно обогащались, строили роскошные хоромы, каких не могли позволить себе лондонские акционеры, усваивали местные нравы, держали слуг, собак и медведей². Они начинали, подобно московским боярам, объедаться до желудочных колик. В Лондоне считали, что Россия развращает англичан соблазном чрезмерной свободы, а те, кто пожил в Москве, не хотели возвращаться к пуританскому воздержанию. Посол Боус открыто жаловался Грозному на свою бедность³. Когда сотрудников компании отзывали, они делали все, чтобы остаться. Некоторые ради этого переходили на русскую службу и даже принимали православие.

Позднее, уже в XVII веке, английский посол Джон Мерик жаловался царским чиновникам на своих же людей, купцов и приказчиков, которые без ведома компании женятся на русских женщинах. Волновала посла в подобных браках исключительно материальная сторона: переходя в православие по случаю женитьбы, англичане становились русскими подданными и уклонялись от уплаты долгов сво-

---

¹ Костомаров Н. Указ. соч. С. 33.

² См.: Любименко И. Указ. соч. С. 54—55.

³ Там же. С. 57.

им соотечественникам. Мерик требовал не допускать браков до тех пор, пока компания не подтвердит оплату всех векселей. Однако русские сделали вид, будто не понимают о чем речь и заверили англичанина, что «силою никово не женят и в Московском государстве по неволе не оставляют никово»¹.

Торговля с англичанами была для Ивана Грозного столь важна, что заниматься их делами он приказал боярину Борису Годунову, в тот момент — восходящей звезде кремлевской администрации. Англичане называли Годунова на свой манер «протектором». Особым влиянием при дворе царя пользовался английский астролог, известный в Москве как Елисей Бомелий. Помимо предсказания будущего, он выполнял и более практические задания правителя: готовил ему яды, собирал сведения о подозреваемых в измене боярах. «Известность Бомелия, — пишет С.Ф. Платонов, — была настолько широка, и слава о его могуществе так шумела, что даже глухая провинциальная летопись того времени повествовала о нем в эпически-сказочном тоне»². По словам летописца, «лютый волхв» Бомелий был виновен во всех бедах, которые обрушило на страну царствование Грозного. Английский звездочет внушил царю «свирепство» по отношению к собственным подданным и настроил его в пользу «немцев»³.

---

¹ Цит. по: *Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI—XVII вв. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 110.

² *Платонов С.Ф.* Москва и Запад в XVI—XVII веках. Л.: Сеятель, 1925. С. 26.

³ Мысль об иностранном влиянии на политику Ивана Грозного прослеживается, как отмечает С.Ф. Платонов, в целом ряде источников. Например, дьяк Иван Тимофеев жалуется, что царь вместо «добромыслимых вельмож» приблизил к себе иностранцев и попал под их влияние до такой степени, что «вся внутренняя его в руку варвар быша» (Платонов С.Ф. *Лекции по русской истории.* СПб.: Золотой Век, 2004. С. 170). Платонов замечает на это, что мы имеем дело с явным преувеличением, ибо «иностранцы, хотя и ведались в опричнине, однако не имели в ней никакого значения» (там же). Что в техническом смысле, безусловно, верно. Но речь идет не только о личном участии тех или иных заморских госуд. в принятии конкретных решений. Указывая на влияние иноземцев, современники Ивана инстинктивно чувствовали, что сама суть полити-

Вопрос, однако, не в том, каково было поведение англичан, а в том, чего ждало от них русское правительство. Карамзин уверен, что устанавливая связи с Англией, царь Московии пользовался случаем «заимствовать от иноземцев нужнейшее для ее гражданского образования»¹. Историки отмечают, что Иван Грозный покровительствовал иностранцам настолько, что в этом было «много оскорбительного для его подданных, которых он охотно принижал перед чужеземцами»². Однако интерес русского царя к иностранцам был вполне практическим. Иван Грозный пытался найти в лице Елизаветы Английской военно-торгового союзника.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ СОЮЗ

То, что и английское и русское правительство отдавали предпочтение организованным купцам из «Московский компании» перед торговцами-одиночками, как русскими, так и англичанами, свидетельствует о том, что обе стороны пытались решать свои задачи на государственном уровне. Взаимный интерес Елизаветы Английской и Ивана Грозного совершенно закономерен. Если шведам и немцам нужно было сохранить торговое господство в восточной части Балтики, то англичанам, напротив, нужно было получить доступ к русским ресурсам без посредничества рижских и ревельских купцов. Точно так же и Московия старалась найти прямой выход на европейские рынки. Однако торговые задачи Англии и Московии было невозможно решить мирным путем.

Немецкие города Ливонии, контролировавшие поток русских товаров на Запад, стремились любой ценой сохранить положение монопольных посредников. К.Н. Бестужев-Рюмин в своей «Русской истории» напоминает, что ганзейские купцы «старались извлекать из этой торговли как

ки царя, ее логика продиктована не только внутренними обстоятельствами, но и какими-то иными мотивами, более понятными для иноземцев, нежели для русских.

¹ Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. 2. С. 672.

² Любименко И. Указ. соч. С. 36.

можно более выгод, обставляя ее для других самыми стеснительными условиями: иностранцам, особенно голландцам, запрещено было учиться по-русски и торговать прямо с русскими; запрещен был ввоз серебра в Россию, запрещена была торговля с русскими в кредит и т.п.»¹.

В 1547 году художники и мастера, набранные для русского царя в Германии, были по требованию ливонцев задержаны в Любеке, несмотря на то что имелось разрешение императора Карла V на вербовку специалистов. Позднее некий Шлитте, саксонец, занимавшийся набором кадров для Москвы, был в Ливонии взят под стражу, а один из его людей казнен.

Для того чтобы понять, почему государственное вмешательство и со стороны Лондона и со стороны Москвы было столь интенсивным, достаточно взглянуть на список товаров, поставлявшихся друг другу обеими сторонами: речь шла не только и не столько о коммерции, сколько о военнотехническом сотрудничестве.

Отдельные партии вооружения могут быть поставлены и торговцами-одиночками, но систематические военные поставки уже в XVI веке координировались на государственном уровне. Эффективность такого сотрудничества обеспечивается тем, что продажа вооружения сочетается с поставками военных материалов и передачей технологий, приездом специалистов и т.д. Поставки из России были решающим фактором в становлении английского военного флота. Русско-английское сотрудничество было частью англо-испанского противостояния. Испанский король Филипп II готовился к вторжению в Англию, а Елизавета Английская в срочном порядке создавала флот.

«Отрезать Англию и Нидерланды от восточноевропейского сырья значило уничтожить эти государства, — писал историк Я.С. Лурье. — Именно этой цели и добивался Филипп II в Польше, Швеции и России. В Польше его дипломаты имели лишь некоторый успех. В России они потерпе-

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Цит. соч. С. 383.

ли полную неудачу»¹. «Английский флот, построенный в эти годы и победивший испанскую Непобедимую Армаду в 1588 году, был оснащен преимущественно русскими материалами», — отмечает шведский историк Артур Аттман².

«Московская компания» была официальным поставщиком королевского флота. «Россия не являлась монопольным поставщиком канатов и снастей, которые ввозились также из балтийских стран, но российские поставки были особенно важны для флота Елизаветы, а канаты и снасти для тогдашнего флота имели такое же значение, как нефть для современного», — пишет Уиллан³. Английские моряки признавали, что снасти, поставленные из России, были «лучшие из привозимых в страну»⁴. К тому же канаты и снасти, поступавшие из Московии, были дешевле, чем те, что поставлялись из других мест. А потому, заключает Уиллан, северная торговля «была для Англии более важна, чем для России»⁵.

В свою очередь, Иван Грозный просил Англию о поставках военных материалов, вооружения, инженеров, сведущих в артиллерийском деле, архитекторов, знакомых со строительством фортификаций. Как только в 1557 году началась Ливонская война, по Европе поползли слухи об английском оружии, оказавшемся в руках москвитов. Польша и Швеция протестовали. В Кельне и Гамбурге были блокированы крупные партии оружия, закупленные англичанами, поскольку немцы опасались, что на самом деле снаряжение предназначалось войскам Ивана Грозного. Елизавета Английская, понятное дело, все отрицала. Мало того, что она уверяла других монархов в отсутствии военного сотрудничества с Московией, она всячески принижала и масштабы торговли, утверждая, будто речь идет о нескольких купече-

---

¹ Международные связи России до XVII в. С. 442.

² Attman A. The Russian and Polish Markets in International Trade. P. 6. Огромную роль поставок стратегического сырья признают и другие западные историки: см. Brinton C., Christopher J.B., Wolf R.L. A History of Civilization. V.1. P. 413.

³ Willan T.S. Op. cit. P. 280-281.

⁴ Цит. по: Любименко И. Указ. соч. С. 87.

⁵ Willan T.S. Op. cit. P. 281.

ских кораблях, чуть ли не случайно заплывших в устье Северной Двины. Купцы же, естественно, были людьми мирными, думавшими исключительно о коммерческой выгоде.

О том, сколь «мирными людьми» были сотрудники «Московской компании», свидетельствует один эпизод. В 1570 году в разгар Ливонской войны шведские корсары атаковали английских торговцев, перевозивших «русские» грузы. В результате завязавшегося боя флагманский корабль (!) шведов был взят на абордаж и захвачен «мирными купцами»¹. Победная реляция была немедленно отправлена представителями компании в Москву и доведена до сведения русских властей.

Тем не менее английские дипломаты по всей Европе опровергали «слухи» о военном сотрудничестве: с этой целью на континент было направлено специальное посольство. А тем временем у войск Ивана Грозного неизвестно откуда появлялись вооружение и военные технологии, подозрительно напоминавшие английские.

В 1558 году сотрудник компании Томас Алкок, схваченный поляками, признался, что военные поставки имели место, но оправдывался тем, что «ввозили только старое, никуда не годное оружие»². С этим вряд ли согласился бы инженер Локк, хваставшийся в своих письмах, что с его помощью в Москве научились делать самое совершенное вооружение, какое только есть в Европе. Тем временем в Россию прибывают не только английские врачи и аптекари, но также архитекторы и специалисты «для возведения каменных построек»³. Учитывая то, что Иван Грозный несколько раз прямо писал в Лондон про то, что ему нужна помощь при проведении фортификационных работ, становится ясно, о каких именно «каменных постройках» идет речь.

Сохранившиеся документы также не оставляют никакого сомнения относительно того, что находилось в трюмах кораблей «Московской компании». Везли селитру, сви-

---

¹ См.: Любименко И. Указ. соч. С. 97.

² Там же С. 115.

³ Там же. С. 130. См. также: Willan T.S. Op. cit. P. 14.

нец, серу, артиллерийский порох. Хотя, конечно, далеко не все поставки имели стратегическое назначение. Англичане, не будучи сами виноделами, везли в Московию вино. Московские потребители были нетребовательны. А потому импортировали «разные испорченные вина, сладкие вина, вина с большой примесью сидра»¹. Возможно, везли и многое другое, ибо далеко не все поставки фиксировались документально.

Сотрудничество Англии и Московии было стратегическим в той же мере, в какой и коммерческим. Торговля XVI—XVII веков неотделима от войны. Открыв путь из Северной Европы в устье Северной Двины, англичане быстро сделали его привлекательным для других западных стран. Однако сами русские поморы не располагали ни технологиями, ни ресурсами для строительства серьезного флота. Более того, создать на севере серьезный флот было в принципе невозможно, даже если бы англичане и помогли в его строительстве. Для этого нужно было не только много леса и «ноу-хау». Специалистов, в конце концов, можно и выписать из-за границы, как сделал впоследствии Петр I. Но сильный флот может базироваться только в крупных портовых городах. Северная Двина была слишком отдалена от остальной России, там было слишком мало ресурсов и людей, чтобы соперничать с Ригой. Да и развивать торговлю там было невыгодно — море зимой замерзает. Основной поток русских товаров шел через принадлежавший немцам Ревель и через шведский Выборг.

«Московская компания» находилась с ними в острейшей конкуренции². Для того чтобы получить доступ к новым торговым путям, России нужны были торговые позиции на Балтике, а потому немецкие купцы, которые сперва были противниками, а затем ведущими партнерами новгородцев,

---

¹ Ученые записки Коми государственного педагогического института. Т. 11. Сыктывкар, 1963. С. 143.

² Подробнее см.: *Attman A. Op. cit.* P. 25. Аттман отмечает, что вплоть до начала Ливонской войны именно через Ревель проходила большая часть новгородского экспорта и по существу именно в качестве транзитного порта для Новгорода этот город сложился и расцвел (P. 35).

вновь превращаются в противников — теперь уже для Москвы. России нужен был собственный крупный порт на Балтике. И с началом Ливонской войны она его получила.

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА

Иммануил Валлерстайн в исследовании о происхождении современной мировой экономической системы утверждает, что в ходе Ливонской войны Иван Грозный пытался «добиться автономии русского государства по отношению к европейской мироэкономике», и в этом смысле политика царя, приведшая к войне, не только не была поражением, а напротив, это был «гигантский успех». В результате политики Ивана Грозного «Россия не была втянута в европейскую мироэкономику», что позволило нашей стране сохранить развитую национальную буржуазию и впоследствии стать не периферией, а полупериферией мирового капитализма¹. Любопытно, что рассуждение Валлерстайна совпадает с официальным пропагандистским мифом, господствовавшим в сталинские времена. Между тем, Ливонская война не только была катастрофой в военном отношении, но и вызвана была как раз стремлением царского правительства любой ценой добиться включения в формирующуюся мировую систему.

В XVI веке интеграция России в мировую систему происходила на первый взгляд достаточно успешно. Как отмечает Артур Аттман, Россия постоянно имела активный торговый баланс по отношению к странам Запада. «Что касается русского рынка, то со Средних веков и по крайней мере до середины XVII века каждая из этих стран вынуждена была тратить драгоценные металлы, чтобы покрыть свой торговый дефицит»². Ситуация для России в целом была лучше, нежели для Польши — при том, что обе страны торговали нередко одними и теми же товарами (но Польша, в

---

¹ См.: *Wallerstein I. The Modern World-System I. San Diego etc., 1974. P. 315, 319.*

² *Attman A. Op. cit. P. 160.*

отличие от России, не могла выступить на мировом рынке поставщиком мехов)¹.

И все же русская торговля в XVI представляет собой парадоксальное явление. С одной стороны, положительное сальдо, постоянный приток звонкой монеты. Иными словами, Россия выигрывала от мировой торговли, обеспечивая накопление капитала. А с другой стороны, структура торговли — явно периферийная. Сходство с американскими колониями, отмеченное Уилланом, далеко не случайно. Колонии в Северной Америке (Новая Англия) изначально задумывались как сырьевые базы, которые должны были заменить или дополнить продукцию, получаемую из России. Однако, как отмечает известный исследователь колониальной истории, Дж. Л. Бир, «попытки обеспечить поставки из Новой Англии смолы, дегтя, пеньки и другой продукции, необходимой для кораблестроения, продолжавшиеся на протяжении длительного периода, закончились полным провалом»². Свободные американские колонисты с самого начала производили не то, что требовалось метрополии, а то, что было выгодно им самим. Хозяйственная структура Новой Англии стихийно воспроизводила экономику Британии. В такой ситуации поставки сырья из России оставались для английского флота и промышленности незаменимыми на протяжении всего XVII и XVIII веков.

Россия вывозит сырье и ввозит технологии. Она конкурирует на мировом рынке с другими странами и терри-

---

¹ Валлерстайн считает, что политика Ивана Грозного помогла русской буржуазии и монархии избежать «по крайней мере, в тот период, судьбы, постигшей польские элиты» (Wallerstein I. Op. cit. P. 319). Парадокс в том, что Россия и Польша претендовали на одно и то же место в миросистеме, и в этом смысле провал попыток царя завоевать Ливонию задним числом может рассматриваться как «удача». Но в действительности военные поражения Москвы вовсе не изолировали ее от миросистемы, а просто заставили интегрироваться на менее выгодных условиях. Что же до Польши, то борьба между ней и Россией за место в миросистеме продолжалась до тех пор, пока Польша не исчезла с карты Европы.

² Beer G.L. The Old Colonial System, 1660—1754. Part 1, v. II. Gloucester, Mass.: P. Smith. 1958. P. 231.

ториями, составляющими периферию возникающей мировой системы. Это сочетание силы и уязвимости предопределило и неизбежную агрессивность внешней политики Московии, равно как и ее последующие неудачи.

Когда Валлерстайн, сравнивая Россию с Польшей, делает вывод о том, что Иван Грозный боролся за то, чтобы избежать участи Польши, ставшей придатком европейской мировой системы, он глубоко ошибается. Русский царь добивался как раз обратного, безуспешно пытаясь занять в формирующейся мировой системе то самое место, которое в XVI—XVII веках заняла Польша. О том, что Россия и Польша являются на мировом рынке конкурентами, современники прекрасно отдавали себе отчет. В XVII веке голландские торговые представители в Москве прямо обсуждали эти вопросы с царем, настаивая на расширении русского зернового экспорта.

Вопреки мнению Валлерстайна, правящие круги России стремились не противостоять экспансии Запада, а напротив, включиться в миросистему — в качестве ее периферии, но на собственных условиях. В свою очередь, Польша и Швеция в этой войне отстаивали те места, которые они уже заняли в мире-экономике к середине XVI века.

Ливонская война на первых порах складывалась для русских войск успешно. Начиная военные действия, Иван Грозный воспользовался совершенно нелепым и заведомо надуманным предлогом, вспомнив о неуплате дерптским епископом дани, о которой ни разу не напоминали в течение 50 лет. Идеологически орден был подорван реформацией, его войска были малочисленны. В отличие от конфликтов XVII века, вооружение русских войск еще не сильно уступало западному. Сказалось и присутствие английских военных специалистов. Артиллерийское дело и металлообработка находились на вполне современном для тех лет уровне, что и предопределило стремительный успех царских войск на первом этапе войны. Ливонский орден потерпел сокрушительное поражение. В мае 1558 года русские войска взяли Нарву — ключевой порт и крепость, открывавший дорогу к Балтике.

В свою очередь, для Англии взятие Нарвы открывало прямой доступ к русскому сырью. Однако для акционеров «Московской компании» это отнюдь не было хорошей новостью, ибо освоенный ею с таким трудом северный путь терял свою привлекательность. После того, как русские взяли Нарву, туда прибывают английские суда. Вообще-то, нарвский порт был не слишком удобен, а условия для ведения дел были здесь несравненно хуже, чем в Ревеле. Однако Нарва притягивала западных торговцев. Как отмечает американский исследователь Вальтер Кирхнер, «как и в случае с северным путем, торговцев здесь привлекали в Россию потенциальные возможности этого рынка, а не реальное положение дел»¹. В 1566 году в Нарве побывало уже 42 корабля, и торговля бурно растет. По сравнению с этим 6—7 судов, ходивших по северному пути, кажутся незначительной торговой операцией. Монополия «Московской компании» на Нарву не распространяется, сюда плывут все, кто хочет.

В свою очередь, компания протестует, жалуется, что торговцы, не имеющие опыта работы в Московии, везут туда всякую дрянь, подрывают репутацию английских товаров. Если в случае с северным морским путем официальный Лондон был полностью на стороне «Московской компании», всячески оберегая ее монополию, то в конфликте вокруг «нарвского плавания» компании приходится уступить. Здесь торговля достигает уже таких масштабов, что военно-стратегические соображения не могут не быть оттеснены коммерческими. Показательно, что Елизавета, ранее во всем поддерживавшая «Московскую компанию», на сей раз не торопится принимать меры против нарвских торговцев. Компания была не только торговым предприятием, но и политическим инструментом Англии в России, однако с захватом Нарвы одна из ключевых политических целей как раз и была достигнута. Разумеется, это отнюдь не свидетельствует об изменении политики, тем более что достигнутый компромисс между компанией и ее конкурентами сохраняет за компанией господствующее положение. Теперь все английские купцы могут воспользоваться плодами

---

¹ Kirchner W. Commercial Relations Between Russia and Europe. P. 11.

ее усилий. Вопрос о нарвской торговле обсуждается в парламенте, монополию, в конечном счете, подтверждают, но в такой форме, что для компании в коммерческом смысле это оказывается пирровой победой.

НАРВСКОЕ ПЛАВАНИЕ

До Ливонской войны Нарва была не столько торговым портом, сколько крепостью, запиравшей русским выход в Балтику. Но после 1559 года нарвская торговля развивалась бурно: кроме англичан, здесь появляются купцы из многих европейских стран. Самое большое число кораблей прибыло в Нарву из Нидерландов. Имея большой опыт торговли на Балтике, голландцы сразу же воспользовались открывшимися новыми возможностями. В городе начинается масштабное строительство, деловая жизнь кипит. В 1566 году Ригу миновало 98 кораблей, вышедших из Нарвы, а из самой Риги на запад ушло всего 35 кораблей¹. В 1567 году одних английских кораблей сюда направляется не менее 70. С переходом Нарвы под власть России приходит в упадок Ревельский порт (даже после окончания войны Нарва продолжала подрывать его позиции). Другой немецкий порт на Балтике — Кенигсберг — пострадал менее, ибо через него шел польский экспорт.

Шведы на первых порах пытались компенсировать потери, введя для русских купцов беспошлинную торговлю в Выборге. Одновременно шведские пираты терроризировали купцов, направляющихся в Нарву². Для защиты порта царь

---

¹ *Kirchner W. Commercial Relations...* P. 70, 77.

² Аттман отмечает, что выборгская торговля была предметом заботы шведских королей на протяжении XVI—XVII веков. Они осознанно проводили политику, которая должна была направить русские торговые потоки через шведские порты. В 1550 году Густав Ваза (*Gustav Vasa*) подготовил соответствующее исследование русского рынка. В 1640 году шведский резидент в Москве Петер Лоофелдт (*Peter Loofeldt*) подготовил новое исследование, где обратил внимание на рост активности англичан и голландцев в Архангельске и предложил меры по укреплению шведских позиций на русском рынке.

вынужден был нанять немецкого капера Карстена Роде и просил помощи англичан.

Несмотря на все усилия шведов, Выборг не смог занять господствующего положения в восточной части Балтики. Торговые цели Ливонской войны были достигнуты. Между тем, начиная войну, Иван Грозный опирался не только на купечество, но и на малоземельное дворянство. «Буржуазия была удовлетворена, — пишет Покровский, — для нее продолжение войны не имело более смысла. Когда в Москву приехало орденское посольство хлопотать о мире, оно нашло поддержку именно со стороны московского купечества. Но на «воинство» успех произвел совсем иное впечатление. Поход 1558 года дал огромную добычу — война в богатой, культурной стране была совсем не тем, что борьба с инородцами в далекой Казани или погоня по степям за неуловимыми крымцами. Помещикам уже грезилось прочное завоевание всей Ливонии и раздача в поместья богатых мыз немецких рыцарей. Раздача эта уже и началась фактически. Но переход под власть России всего юго-восточного побережья Балтики поднимал на ноги всю Восточную Европу: этого не могли допустить ни шведы, ни поляки»¹.

Захват Ревеля и Риги давал бы России шанс без посредников войти в европейскую торговлю. Польша не могла допустить переход Риги под власть России, являвшейся ее основным конкурентом на мировом рынке. Начиналась эпоха торговых войн, к которой Московия была не готова, прежде всего — дипломатически и политически. Одолев ливонских рыцарей, Иван Грозный столкнулся с объединенными силами Швеции и Польши. Польский торговый капитал находился в той же ситуации, что и русский, а потому господство России на Балтике означало бы для него катастрофу. В 1561 году шведы заняли Ревель, а поляки аннексировали большую часть Ливонии. Иван Грозный пытался избежать войны со шведами, но было уже поздно. Переговоры со шведским королем Эриком XIV оборвались из-за дворцового переворота, после которого во главе Швеции

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 108.

встал Иоганн III, категорически отвергавший любые уступки московитам.

Как отмечает Покровский, на первом этапе войны победы русских войск «обеспечивались только колоссальным численным перевесом: там, где орден мог выставить сотни солдат, москвичей были десятки тысяч»¹. С вступлением в войну Швеции и Польши соотношение сил меняется. Уже с польской армией было трудно справиться. Когда же на поле боя появились великолепно вооруженные, организованные и обученные шведские войска (быть может, лучшие в тогдашней Европе), положение дел стало просто катастрофическим. Князь Курбский, лучший из воевод Грозного, проиграл битву под Невелем 4 тысячам поляков, имея 15 тысяч войска, а в 1564 году под Оршей русская армия была разгромлена полностью. Погибли старшие воеводы, неприятелю достались пушки, обозы. А главное, боевой дух московского воинства был сломлен. В коалиции, поддерживавшей реформы Грозного, произошел раскол.

ОПРИЧНИНА

Чем сложнее становилась военная ситуация, тем уже оказывалось у царя поле для маневров. «В обстановке внешнеполитических неудач, — пишет советский историк Р.Г. Скрынников, — соратники царя настоятельно советовали установить в стране диктатуру и сокрушить оппозицию с помощью террора и насилия. Но в Русском государстве ни одно крупное политическое решение не могло быть принято без утверждения в Боярской думе. Между тем позиция думы и церковного руководства была известна и не сулила успеха предприятию»².

Пытаясь надавить на думу, царь покинул Москву, заявил об отречении от престола. Перед всей страной царь представлял себя обиженным и «изгнанным» боярами из собственной столицы. Дума вынуждена была отклонить отрече-

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 109.

² Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1983. С.101.

чение царя и сама обратилась к нему с заверениями в верности.

Подорвав политические позиции думы, царь объявил, что для «охранения» своей жизни он вынужден разделить всю свою землю на «земщину» и «опричнину». Если «земщина» оставалась в управлении Боярской думы, то опричнина была подчинена личной власти Ивана Грозного. Здесь все было организовано как в удельном княжестве, делами ведали назначенцы царя, не имевшие родовитого прошлого. Сюда подбирали «худородных» дворян, не имевших связей с боярской аристократией. Охотно брали на опричную службу иностранцев. Укомплектованное таким образом опричное войско стало надежным орудием царя в борьбе против внутренней оппозиции.

Москва стала свидетелем кровавых казней. Подлинные и мнимые противники царя, обвиненные в заговоре, восходили на эшафот. По указанию Ивана Грозного летописи исправлялись в соответствии с изменившейся политической ситуацией, а записанные под диктовку царских людей сказания о боярских заговорах заменяли несуществующие следственные материалы.

Впрочем, опричнина была не просто террористической организацией на службе царя. Опричнина означала начало большого земельного передела. На территории опричнины началась конфискация боярских владений, которыми обеспечивались царские выдвиженцы. Царь дважды пытался удовлетворить земельный голод мелкого дворянства. Первый раз во время Казанского похода, второй раз в ходе Ливонской войны. Но ни в том, ни в другом случае цель не была достигнута. Оставался единственный выход — экспроприация феодальной аристократии. На территории опричнины начался не только безудержный террор против старых боярских семейств и их сторонников, но и земельный передел. На месте феодальных вотчин возникали гораздо меньшие по размерам помещичьи хозяйства. Боярская вотчина была достаточно велика, чтобы жить собственной замкнутой жизнью. Она поставляла на рынок лишь излишки своего производства. Новые поместья, напротив, не были само-

достаточными, они с самого начала производили значительную часть своей продукции для обмена на рынке.

Перераспределение собственности, происходившее в опричнине, поразительно напоминает то, что несколькими десятилетиями раньше творилось в Англии во время Реформации, проведенной Генрихом VIII. Английская аристократия была в значительной мере истреблена уже во время войны Алой и Белой Розы, а потому разгрому подверглись огромные монастырские владения. «Новое дворянство», освоившееся на захваченной земле, заложило основы сельского капитализма. Чем больше поместья ориентировались на рынок, тем крепче становилась связь «нового дворянства» с городской буржуазией: в гражданской войне XVII века они выступили союзниками.

Земельный передел, учиненный Иваном Грозным, также получил полную поддержку торгового капитала. Показательно, что в опричнину попали все основные торговые города и пути: «Из всех дорог, связывавших Москву с рубежами, разве только дороги на юг, на Тулу и Рязань, оставлены опричниной без внимания, — пишет известный историк С.Ф. Платонов, — думаем потому, что их таможенная и всякая иная доходность была не велика, а все их протяжение было в беспокойных местах южной Украины»¹. Такой подход невозможно объяснить заботой об обороне — с военной точки зрения как раз небезопасные южные дороги должны были привлечь внимание в первую очередь. Но опричнина была организацией не столько военной, сколько социально-политической. «Недаром англичане, имевшие дело с северными областями, просили о том, чтобы и их передали в ведение опричнине, — замечает Платонов, — недаром и Строгановы потянулись туда же: торгово-промышленный капитал, конечно, нуждался в поддержке той администрации, которая ведала край, и, как видно, не боялся ужасов, с которыми у нас связывается представление об оп-

---

¹ Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910. С. 141.

ричнине»¹. Михаил Покровский, цитируя данное высказывание, ехидно добавляет: «Еще бы бояться того, что при участии этого самого капитала было и создано»².

Скрынников также отмечает экономические успехи англичан, достигнутые в опричнине. Им предоставили право искать в опричных уездах железо, «а там, где они удачно найдут его, построить дом для выделки этого железа»³. Этим привилегии иностранного капитала в опричнине не ограничивались. «Любопытно, что именно опричное правительство впервые в русской истории предоставило концессии иностранному капиталу, и что эти концессии располагались исключительно в пределах опричнины»⁴.

Как отмечает Покровский, опричнина представляла собой экспроприацию боярства мелким дворянством, ориентированным на товарное производство, прежде всего на торговлю хлебом. Опричнина, считает Покровский, «шла по линии естественного экономического развития»⁵.

Между тем, Ливонская война была безнадежно проиграна. Атаки против шведов в Ревеле предпринимались дважды — в 1570 и 1577 году, оба раза закончившись тяжелыми поражениями. В 1571 году крымские татары дошли до Москвы, подвергнув город страшному разорению. Современники писали про 800 тысяч погибших и 150 тысяч уведенных в рабство. Даже если эти данные преувеличены, речь идет о самой настоящей катастрофе в стране, население которой не превышало 10 миллионов.

Опричный террор приобретает «бессмысленный и беспощадный» характер на фоне военных неудач и хронической нехватки средств. Экспроприации превращаются в обычный грабеж, не только в пользу казны, но и в пользу самих опричников. В стране растет недовольство, на которое власть реагирует усилением террора. Вершиной безумия становится учиненный царем разгром Великого Нов-

---

¹ Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты... С. 140.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 115.

³ Цит по: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 170.

⁴ Там же.

⁵ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 79.

города в январе 1570 года. Сначала царем и опричниками была вырезана почти вся местная элита, включая женщин и детей. Не избежало расправы и духовенство. Затем в городе начался настоящий погром.

По словам известного историка Р.Г. Скрынникова, опричники «произвели форменное нападение на город. Они разграбили новгородский торг и поделили самое ценное из награбленного между собой. Простые товары, такие, как сало, воск, лен, они сваливали в большие кучи и сжигали. В дни погрома были уничтожены большие запасы товаров, предназначенных для торговли с Западом. Ограблению подверглись не только торги, но и дома посадских людей. Опричники ломали ворота, выставляли двери, били окна. Горожан, которые пытались противиться насилию, убивали на месте. С особой жестокостью царские слуги преследовали бедноту. Вследствие голода в Новгороде собралось множество нищих. В сильные морозы царь велел выгнать их всех за ворота города. Большая часть этих людей погибла от холода и голода»¹.

Несмотря на террор, а в значительной мере и из-за него, положение правительства оставалось нестабильным. В 1567 году Иван Грозный оговаривает в своих письмах получение политического убежища в Англии — на случай, если на родине его одолеют враги. И еще оружия. И архитекторов для строительства крепостей. А еще лучше — английский флот для войны с Польшей и Швецией. Елизавета обещает убежище. Оружие, судя по всему, продолжает поступать, хотя явно не в тех количествах, на которые царь Иван рассчитывал. Но вступать в Ливонскую войну открыто королева отказывается. На это хитрая и осторожная Елизавета, естественно, пойти не могла. И дело тут не только в страхе перед войной на два фронта — назревает конфликт с Испанией, и война на Балтике является для Англии непозволительной роскошью. К тому же флот, которому предстоит «править морями», еще не построен (именно для его создания и нужны канаты и мачты из Нарвы). Но у Елизаветы

---

¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 152.

есть и другая причина для осторожности. Как бы ни были важны ее интересы в России, в Польше англичане тоже ведут активную торговлю и жертвовать ею не намерены. Лондон вполне устраивает сложившееся положение дел.

Впрочем, отказав Москве в отправке военного флота, Елизавета не совсем проигнорировала просьбы своего партнера. В 1572 году в Нарве на царевой службе находится по крайней мере 16 английских военных моряков. Они пытаются за 130 лет до Петра Великого создавать на Балтике русский военный флот, обучают людей, помогают строить корабли¹. Лишь позднее, в 1582 году в Белое море было отправлено два английских военных корабля, и всем купцам «государевым словом говорили», чтобы они дожидались англичан, а потом шли караваном «со всеми кораблями вместе»².

Посольство Томаса Рандольфа в 1568 году ставит царя перед фактом: торговать будем, но открытого военного союза не заключим. Иван Грозный неоднократно выражал свое неудовольствие, но, в свою очередь, вынужден был принимать условия англичан, сознавая, что у него просто нет иного выхода. Привилегии «Московской компании» подтверждены в 1569 году в максимальном объеме и были, по словам Любименко, «несомненно кульминационным пунктом в истории успехов, достигнутых компанией у русской верховной власти»³. Вскоре после этого начались сложности. В 1571 году на фоне ухудшающейся военной ситуации в Ливонии Иван Грозный вновь пытается добиться от англичан прямого вмешательства. Царь неоднократно жаловался, что Елизавету интересуют «не королевские», а «купеческие» дела — торговля, финансы. Надо сказать, что жалобы эти были явно демагогическими — сам царь тоже торговлей не брезговал. Но подобные жалобы должны, говоря современным языком, были сместить центр дискуссии с торговых

---

¹ См.: Willan T.S. *Op. cit.* P. 80—110.

² Опарина Т.А. Цит. соч. С. 174.

³ Любименко И. Указ. соч. С. 44. Такой же точки зрения придерживаются T.S. Willan и другие авторы.

на военно-политические вопросы. Не добившись желаемого, московский царь попытался воздействовать на торговые интересы англичан. Привилегии были отозваны, английские товары арестованы. Показательно, что этот кризис в англо-русских отношениях совпадает с кризисом режима Ивана. Но царь находился в невыигрышном положении. В 1572 году торговля возобновляется на английских условиях.

КАТАСТРОФА В ЛИВОНИИ И УСПЕХИ ГОЛЛАНДЦЕВ

В 1581 году Нарва была потеряна. Вместе с нею шведы заняли и старую новгородскую крепость Иван-город. Ливонская война окончательно приняла катастрофический для Московии характер. Спустя год были в очередной раз подтверждены привилегии англичан в России, но уже в ограниченном объеме. Иван Грозный снова пытается использовать торговлю как повод для открытого союза, на сей раз династического. Он просит руки английской принцессы из дома Тюдоров¹.

Вообще, идея эта зародилась еще в 1568 году, но лишь теперь стала предметом дипломатических переговоров. Русскому послу Федору Писемскому была представлена леди Мэри Гастингс, которая, судя по всему, не произвела на него большого впечатления. Англичане тянули, а в 1584 году Иван Грозный умер.

Итогом царствования Ивана Грозного оказалась проигранная война в Ливонии и внутреннее неустройство в государстве. Борьба за Балтийское побережье обернулась полным разгромом России, когда пришлось не только отказаться от захваченных портов на Балтике, но уступить и собственные территории. Польские войска под предводительством Стефана Батория оказались у стен Смоленска и чуть не взяли город. Московское государство было разорено войной и обессилено. На Балтике на сто с лишним лет

---

¹ В популярной исторической литературе распространено утверждение, будто царь просил руки самой Елизаветы Английской. Однако никакого подтверждения этому в документах нет.

утвердилась шведская гегемония. Шведы захватили не только торговые центры Балтии, но, позднее, и малонаселенную полосу земли между Нарвой и Ладожским озером. Никакой ценности сама по себе эта территория не имела, но обладание ею окончательно гарантировало контроль над новгородскими торговыми путями.

После катастрофического поражения в Ливонской войне Россия рисковала оказаться не столько на периферии формирующейся мировой системы, сколько за ее пределами. И именно в этом проявился трагизм исторический судьбы русского государства. Единственной реальной альтернативой периферийному развитию оказывались изоляция и застой.

Напротив, Англия добилась осуществления своих целей, хотя и не в полном объеме. Свободного доступа к русскому рынку она не получила, но обеспечила систематические поставки сырья и материалов для формирующегося флота в самый трудный период конфликта с Испанией. В 1588 году испанская Непобедимая Армада была уничтожена, Британия сделала первый решающий шаг к тому, чтобы стать «Владычицей морей». И все же поражение Московии в Ливонской войне было одновременно крупным поражением Англии в борьбе за прямой доступ к русским ресурсам. Уже в конце XVI века обостряется англо-голландское торговое соперничество. Недавние союзники в борьбе против Испании, английская и нидерландская буржуазия вступают в схватку за господство на рынках. На протяжении XVII века это противостояние приводит к постоянным конфликтам, трижды завершающимся войной. Эта борьба ведется и на территории России, причем голландцы, идя по стопам англичан, все более теснят их.

Первое голландское судно вошло в устье Северной Двины в 1578 году. Это еще не было серьезной угрозой для англичан. Торговлю на севере вели, кроме них, также шведы, французы, немцы и даже испанцы, но никто не мог серьезно подорвать позиции лондонских купцов. Однако вскоре голландские купцы, спасавшиеся от преследования датских пиратов, случайно обнаружили новую гавань, более удоб-

ную, чем та, которой пользовались англичане. Эта гавань, находившаяся возле Михайло-Архангельской обители, стала началом города Архангельска. Голландцы просили переместить сюда торговлю. Англичане сопротивлялись, но делать было нечего, и в 1583—1584 годах именно здесь был построен главный порт русского Севера.

Архангельская гавань была наиболее удобной из всех, что имелись на русском Севере. Однако она была мелководной, как и большинство голландских гаваней. Она идеально подходила для более легких голландских судов. Водоизмещение английских кораблей было большим, а потому для «Московской компании» перенос торговли в Архангельск означал дополнительные сложности.

После открытия архангельского порта соперничество англичан и голландцев обостряется. Голландия, отстаив свою свободу в борьбе с испанской короной, превращается в ведущую морскую державу. Если в начале борьбы за независимость голландская буржуазия нуждалась в поддержке английской монархии против общего врага, то теперь две наиболее передовые страны Европы оказываются сначала конкурентами, а потом и врагами. Одной из арен их соперничества становится Россия. Голландцы вывозили из Московии меха, икру, пеньку, лен, смолу, сало, мыло, корабельные мачты. Английские и голландские посольства в Москву следуют одно за другим. Англичане безуспешно пытаются не допустить своих соперников в глубь страны. Во время англо-голландских войн обе стороны пытались уговорить царя запретить поставку мачт — стратегического сырья — своим противникам. Московское правительство предпочло нейтралитет, запретив на время военных действий вывоз мачт в оба враждующих государства.

Торговая конкуренция и дипломатические интриги сопровождаются борьбой идеологической. Современники писали, что голландцы «старались унижить и осмеять англичан, рисовали на них карикатуры, сочиняли пасквили»¹. Английские представители в Москве жаловались, что «гол-

---

¹ Костомаров Н. Указ. соч. С. 37.

ландцы намеренно ставили фальшивое английское клеймо (бесхвостый лев с тремя опрокинутыми коронами) на самых плохих своих сукнах, чтобы дискредитировать британские товары, а также распространяли об Англии всякие небылицы»¹. Но наиболее эффективным способом завоевать на свою сторону симпатии московской элиты были обыкновенные взятки.

На русском рынке сказывались те же факторы, которые влияли на общемировую экономическую ситуацию. Голландцы были, прежде всего, торговыми посредниками. Но именно это предопределило их доминирующую роль в XVII веке. «Отставание голландцев от англичан в области формально-юридической, — пишет нидерландский историк Я.В. Велувенкамп, — возмещалось очевидным опережением в области практической коммерции. В сущности, иностранная торговля англичан состояла в экспорте английской же продукции, прежде всего шерстяных тканей, и в импорте товаров, назначенных к продаже в Англии. Голландцы же занимались международной посреднической торговлей, а потому могли поставлять все те товары, на которые имелся спрос, и покупать все те, которые предлагались. Это означало, что в России они могли предложить гораздо больший ассортимент товаров, чем англичане»². Они ввозили большое количество серебра, необходимого государству, чтобы чеканить собственную монету, а также золото. Две трети серебра, поступавшего на русский рынок, привозилось из Голландии, а из Англии — не больше четверти.

На протяжении XVII века позиции «Московской компании» слабеют, а голландские купцы усиливают свое присутствие на русском рынке. «Их товары, — писал советский исследователь, — были более высокого качества. Это признавали и сами англичане. Далее, они были богаче и имели больше возможностей для подкупа, хотя прибегали к нему

---

¹ Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство. Очерки истории. М.: Прогресс-академия, 1995. С. 25.

² Велувенкамп Я.В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России: 1550—1785. М.: РОССПЭН. 2006. С. 50.

только в крайних случаях. Но их подарки и подношения царю были и великолепнее, и роскошнее английских. Наконец, они сумели с самого начала создать себе репутацию бескорыстных и честных торговцев»¹.

К этому историки нередко добавляют, что голландцы действовали больше в духе свободного предпринимательства, тогда как англичане были организованы вокруг монопольной «Московской компании» в торгово-политическую структуру, тесно связанную с государством. Тем самым поражение англичан в XVII веке вызвано тем же, что обеспечило их впечатляющий успех в середине XVI века. «Московская компания», будучи тесно связанной с королевским двором в Лондоне, была идеальным партнером для Ивана Грозного в период подготовки Ливонской войны и в разгар военных действий. В эти времена, как восхищенно пишет Любименко, английский посол «дерзал входить к царю, не снимая шляпы»². Но после поражения в войне все это уже не имело значения для московского правительства. Пока был жив Иван Грозный, прежние отношения сохранялись, но с его смертью все неизбежно должно было измениться.

КОНЕЦ «АНГЛИЙСКОГО ЦАРЯ»

Накануне своей смерти царь Иван успел назначить свидание послу королевы Елизаветы. Явившийся в Кремль англичанин понял, что аудиенция не состоится. «Умер твой английский царь», — бросил ему дьяк Андрей Щелканов³.

Неприязнь Щелканова к англичанам была далеко не личного свойства. Или, во всяком случае, не только личного. Щелканов симпатизировал Габсбургам, а впоследствии, в пику англичанам, покровительствовал голландским купцам. Он принадлежал к той партии при дворе, которая делала ставку не на торгово-политический союз с далекой

---

¹ Ученые записки Коми государственного педагогического института. Сыктывкар, 1968. Т. 34. С. 103.

² Любименко И. Указ. соч. С. 65.

³ Там же. С. 48.

Англией, а на совместные действия с германским императором против Турции.

Россия, даже проиграв войну на Балтике, вовсе не находилась в дипломатической изоляции. Но выбор в пользу английских Тюдоров или австрийских и испанских Габсбургов в тогдашней Европе был не просто выбором внешней политики. Это был (бессознательный, разумеется) выбор в пользу сил буржуазной реформы или феодальной реакции. К счастью для англичан, ни Австрия, ни тем более Испания, не могли предложить Москве чего-то действительно выгодного. А голландцы и датчане, несмотря на соперничество с англичанами, отнюдь не желали усиления позиций Габсбургов. «Несмотря на то, что социальный строй феодально-абсолютистской Испании был, несомненно, ближе Грозному и Годунову, чем социальный строй Нидерландов и даже Англии, — пишет Я.С. Лурье, — несмотря на то, что участие английских «торговых мужиков» в государственном управлении казалось русскому царю величайшей бессмыслицей, международно-политическая позиция России объективно была менее благоприятна для Габсбургов, нежели для их противников»¹.

Утрачивая политическое влияние, англичане обречены были потерять и коммерческое. При царе Федоре и Борисе Годунове они окончательно потеряли возможность заниматься розничной торговлей, их лишили права путешествовать через Россию в Персию. Политические отношения между Москвой и Лондоном при Годунове уже не имели прежнего союзнического характера. Отныне Москва видела в Англии лишь одного из возможных торговых партнеров — наряду с голландцами и датчанами.

---

¹ Международные связи России до XVII в. С. 442.

Глава V

КРИЗИС XVII ВЕКА

Незавершенность и неустойчивость социального преобразования, начатого при Иване Грозном, сделала неизбежными потрясения Смутного времени. К началу XVII века все социальные группы в России в той или иной мере были недовольны своим положением.

В 1602—1604 годах Московское государство поразил страшный голод. Запасы зерна в деревне кончились, и люди готовы были отдавать себя в рабство за хлеб. Надо отметить, что Борис Годунов пытался ограничить эксплуатацию крестьян, используя финансовые и зерновые резервы государства для того, чтобы смягчить продовольственный кризис. Но сколько-нибудь серьезного результата ему достичь не удалось. Хлебный кризис дополнился финансовым, развал государства усугубился, а дворянство было обижено.

Царствование Бориса Годунова закончилось мятежами и приходом на Москву самозванца Гришки Отрепьева, взшедшего на престол под именем Дмитрия. Недолговечное царствование Лжедмитрия было прервано новыми мятежами, за которыми последовала хаотическая череда военных и политических столкновений, городских и крестьянских восстаний, иностранных нашествий, интриг и предательств. В России началось Смутное время.

РУССКАЯ СМУТА И АНГЛИЧАНЕ

Смута нанесла катастрофический удар по внешней торговле России, однако купцы из «Московской компании»

страну не покинули. В 1612 году, когда Москва была захвачена поляками, головная контора компании эвакуировалась в Вологду. К тому времени Вологда превратилась в важнейший торговый центр. Здесь, как отмечает И. Любименко, возникло своего рода интернациональное купеческое сообщество, объединившее русских и иностранцев. «Еще зимою 1608—1609 г., из-за осады Москвы поляками в Вологде задержались русские и иностранные купцы, направлявшиеся в Москву с товарами. Узнав об этом, царь Василий приказал воеводам организовать оборону города, в котором неожиданно сосредоточилось столько ценностей. К этой обороне были привлечены и иностранные купцы — собственники застрявших товаров. Их выборные должны были участвовать в руководстве военными действиями, «быть с головами и ратными людьми за один». Таким образом, составилсЯ своего рода мирской совет, руководивший вообще городскими делами»¹.

В Лондоне опасались, что победа католической Польши приведет к полной потере англичанами русского рынка. В это самое время некий капитан Чемберлен, служивший в русских войсках, направляет английскому королю Якову I Стюарту проект интервенции в Московию. Суть проекта состояла в том, чтобы высадить английские войска в Архангельске (где англичане, кстати, и высадились во время интервенции 1918 года), а потом продолжить движение на юг с целью освобождения Москвы. В результате русское государство было бы восстановлено, но уже под протекторатом Стюартов. При этом Чемберлен настаивал, что интервенция не будет стоить Лондону сколько-нибудь существенных денег. Все расходы оплатит русское купечество.

Советские историки, крайне негативно оценивавшие план Чемберлена, признают, что его проект действительно был основан на переговорах «с какими-то представителями русского общества», а англичане пытались «использовать страх некоторых представителей знати перед движением уг-

---

¹ Советская наука. 1941. № 2. С. 25.

нетенных масс»¹. Между тем, в проекте Чемберлена совершенно четко давалось понять, что речь идет не об аристократии, а именно о купечестве. Проект английской интервенции был явным порождением «вологодской обороны». Если учесть, что именно в это время в Нижнем Новгороде торговая буржуазия по инициативе купца Минина собирала деньги на создание русского ополчения, легко догадаться, что речь идет об одних и тех же социальных интересах.

Как отмечал М. Покровский, освободительному походу князя Пожарского на Москву в 1612 году предшествовал «наем» дворянской армии буржуазией². Однако после череды неудач русских войск на протяжении почти 20 лет доверие купечества к дворянской армии находилось на самой низкой точке. Иностранные военные специалисты и без того составляли существенную (и наиболее боеспособную) часть русской армии, а потому идея нанять англичан выглядела для купцов вполне привлекательной — тем более что русский и английский торговый капитал объединяли общие коммерческие интересы.

Показательно, что королевский двор в Лондоне отнесся к идее Чемберлена об английском протекторате как к фантазии авантюриста, но отнюдь не исключил возможность интервенции. Однако слишком многое оставалось неясным. В Лондоне хотели знать подробнее, кто с русской стороны просил об отправке английских войск и насколько эти люди представительны. Джон Мерик, главный агент «Московской компании» в России, был вызван в Англию, а затем направлен назад вместе с Уиллиамом Расселом, одним из дирек-

---

¹ Английская буржуазная революция XVII века / Под ред. Е.А. Косминского и Я.А. Левицкого. Т. 2. М.: Изд. Академии наук СССР, 1954. С. 93. И. Любименко не сомневается, что предложение об отправке английских войск поступило «от части русского дворянства» (Советская наука. 1941. № 2. С. 20), однако в другом месте она же делает предположение, что инициаторами проекта английской интервенции были представители купечества, имевшие общие дела с англичанами в Вологде (см.: там же, с. 25).

² См.: Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 215.

торов компании. В сопроводительных документах также упоминалось некое предложение, сделанное в прошлом году Мерику «видными и главными лицами», касавшееся вопросов «безопасности» и восстановлению мира «при помощи нашего вмешательства»¹.

Джон Мерик был своим человеком в среде русской бюрократии и купечества. Будучи сыном высокопоставленного сотрудника «Московской компании» Уильяма Мерика, он вырос в Москве на Английском дворе, свободно говорил по-русски и провел здесь значительную часть жизни. Среди русских он был известен под именем Ивана Ульянова. Это был просто идеальный посредник, прекрасно понимавший и отстаивавший не только английские интересы, но и интересы русского торгового капитала.

В 1612 году на севере России уже действовал английский отряд под предводительством Артура Астона. Когда в 1613 году «приходили на Колмогоры литовские люди и русские воры», этот отряд принимал участие в обороне города². Взять Холмогоры литовцам не удалось.

Прибыв в Архангельск, Мерик и Рассел обнаружили, что вопрос об отправке английского экспедиционного корпуса отпал сам собой: Москва уже была взята войсками князя Пожарского, а на царство был избран Михаил Романов. Англия немедленно признала нового царя, хотя, как отмечают русские историки, «прочность его положения представлялась многим сомнительной»³.

---

¹ Цит. по: Английская буржуазная революция XVII века. Т. 2. С. 93. См. также: *Любименко И.* Новые работы по истории сношений Московской Руси с Англией / Исторические известия. 1916. № 2. С. 14—25; *Любименко И.* Проекты англо-русского союза в XVI и XVII веках. / Исторические известия. 1916. № 3—4. С. 29—53; *Letters Illustrating the Relations of England and Russia in the Seventeenth Century.* / Ed. By Lubimenko I. // *English History Review*. 1917. Vol. 32. N 125. P. 92—103; *Lubimenko I.* A Project for the Acquisition of Russia by James I. // *English History Review*. 1914. Vol. 29. № 114. P. 246—256.

² *Опарина Т.А.* Цит. соч. С. 31.

³ Английская буржуазная революция XVII века. Т. 2. С. 94. Позиция Лондона тем более показательна, что остальные западные правительст-

В 1617 году Англия выступила официальным посредником при переговорах между Москвией и Швецией. Как и следовало ожидать, эта работа была поручена Джону Мерику¹. Столбовский мир, заключенный в результате челночной дипломатии Мерики, был для России весьма тяжелым, но крайне необходимым. «Неблагоразумные», по мнению англичан, претензии Швеции были отвергнуты, однако Россия окончательно потеряла доступ к Балтийскому морю. Шведы овладели малонаселенной, зато стратегически важной полоской земли между Нарвой и Выборгом. Для Англии же Столбовский мир был, безусловно, благоприятным. «Имея налаженные торговые сношения со Швецией через Балтийское море, а с Россией через Белое, — пишет Любименко, — она могла теперь спокойно продолжать их на старых, выгодных для англичан условиях, получая от обеих стран нужные адмиралтейству для строящегося английского флота корабельные товары — пеньку, готовые канаты, мачтовый лес, смолу, не считая множества других товаров. В XVI в. получение этих ценных товаров содействовало... победе над испанской Непобедимой Армадой, но и в XVII в. они были не менее нужны, так как предстояла борьба с другим морским конкурентом Англии — могущественной морской державой Голландией»².

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МОСКОВИЯ

В 1618 году правительство Михаила Романова обратилось к Англии за займом, который и был предоставлен, но

ва не торопились признавать Романовых. Иоганн-Готтгильф Фоккеродт в своих мемуарах о России на рубеже XVII и XVIII веков напоминает, что Михаил Романов «не мог бы доказать своих прав ни в одном немецком учреждении» (Фоккеродт И.-Г., Берхгольц Ф.-В. Неистовый реформатор. М.: Фонд С.Дубова. 2000. С. 12).

¹ В ходе русско-шведских переговоров в роли посредников выступали также голландцы, причем «голландцы стояли на стороне шведов, а англичане на стороне русских» (Jutikkala E. (mit Pirinen K.). Geschichte Finnlands. Stuttgart: Alfred Kroener Verlag, 1976. S. 123).

² Английская буржуазная революция XVII века. Т. 2. С. 95.

не королевской казной, а купцами, имевшими в Московии торговые интересы. Эти деньги дошли до царской казны лишь частично. Узнав об осаде Москвы поляками, английский посол Дадли Дигс, направлявшийся к царю с деньгами, повернул назад и забрал с собой средства, собранные Ост-Индской компанией. До царя дошла лишь часть собранных денег — 20 тысяч рублей, предоставленные, судя по всему, купцами «Московской компании». Этот эпизод ослабил в Москве влияние англичан и укрепил позиции голландцев, которые предоставили царю весьма значительную «субсидию» в виде боеприпасов.

После заключения в Деулине в декабре 1618 года перемирия с Польшей русское правительство продолжало переговоры с Лондоном, добиваясь новых займов и заключения военного союза против поляков. Англичане, в свою очередь, просили новых торговых льгот и возможности торговать через Россию с Ираном. Однако здесь интересы русского и английского капитала не совпадали, и несмотря на все усилия Мерика, добиться своего «Московской компании» не удалось.

Политически ситуация облегчалась тем, что в Европе начиналась Тридцатилетняя война, означавшая, помимо прочего, прямое столкновение католической Польши и протестантской Швеции. Москва и Лондон сделали ставку на Швецию. Это создавало возможность для нового военно-политического союза, причем на сей раз инициатива исходила от Англии.

Тридцатилетняя война сразу же ударила по традиционным рынкам, где торговали англичане. После поражения Московии в Ливонской войне основная масса русского сырья поступала на запад из Эстляндии через Ревель и Нарву, находившиеся в руках шведов. Однако военные действия резко осложнили ситуацию. Спрос на поступающие с востока судостроительные материалы быстро рос, а поставки оказывались под угрозой. Анализируя английские документы 1618—1622 гг., советские историки обнаружили, что в Лондоне воспринимали сложившееся положение как критическое. «Война прервала традиционные торговые связи Анг-

лии с Прибалтикой и затруднила ввоз сырья. Эстляндский рынок, являвшийся основным поставщиком пеньки, смолы и парусины для английского судостроения, весьма серьезно пострадал уже в начальный период войны. Недостаток сырья тяжело отразился и на состоянии льняной промышленности Англии, не говоря уже о резком сокращении вывоза зерна из Германии и Прибалтики. Сокращение эстляндского рынка английская торговая буржуазия стремилась компенсировать расширением торговых связей с Русским государством. Укрепление на русском рынке становилось для нее вопросом жизни и смерти»¹.

Положение осложнялось растущей голландской конкуренцией, неэффективностью организации и внутренними раздорами в «Московской компании». В дело приходится вмешаться Тайному Совету — руководящему правительственному органу короля Якова I. В 1622 году Тайным Советом изданы два указа, требующие от «Московской компании» активизировать торговлю. Для этого ей гарантируются покровительство короны и финансовые льготы. В соответствии с господствующими воззрениями той эпохи недостаток эффективности объясняли исключительно ограничением частной инициативы внутри компании. Потому было принято решение об ее реорганизации. Фактически из акционерного общества компания превращалась в ассоциацию самостоятельных купцов, торгующих с отдельным капиталом на свой страх и риск.

Против этой реформы категорически выступает Джон Мерик, который, ссылаясь на свое знание России, доказывает, что здесь нельзя торговать по принципу «каждый за себя»². Ему противостоит группа «молодых директоров», или «новых людей», недавно приехавших в Московию. По мнению Мерика, эти молодые джентльмены, не заставшие ни Ивана Грозного, ни Смуты, ничего не понимают в стране, где разворачивают свой бизнес, действуют безответственно

---

¹ Ученые записки Коми государственного педагогического института. Т. 11. С. 147.

² Там же. С. 149.

и ведут дело к развалу компании. Однако на сей раз Мерик потерпел неудачу. Молодые сторонники свободного предпринимательства, быть может, плохо знали Россию, но они заручились поддержкой влиятельных людей в Лондоне.

Параллельно с реорганизацией «Московской компании» Тайный Совет подготовил проект русско-английского договора, который должен был не только расширить торговые связи, но и втянуть Россию в Тридцатилетнюю войну на стороне протестантской коалиции. Так в Лондоне впервые додумались, что воевать на континенте можно не своими, а русскими войсками. Впоследствии таким способом Россию втянули в целый ряд военных походов, некоторые из которых даже прославили русское оружие. Однако в 1622—1624 годах Москва проявила настороженность. Договор подписан не был.

Москва, измученная потрясениями Смуты, не рвалась участвовать в новом европейском конфликте. Позднее Россия все же оказалась втянута в Тридцатилетнюю войну на стороне протестантских держав. Ее военная роль в этом конфликте оказалась минимальной, поскольку боевые действия, развернувшиеся между армиями московского царя и поляками, велись вяло и без особого успеха для русского оружия. Но участие России в коалиции имело и другую сторону — экономическую. Готовясь к походу в Германию, шведский король Густав Адольф получил возможность закупать в России хлеб по ценам внутреннего рынка.

Зерно вывозилось через Архангельск в Амстердам, где перепродавалось уже по западным ценам. Прибыль, достигавшаяся от этой спекуляции, была столь велика, что, по подсчетам позднейших историков, оказалась вполне сопоставима с военной субсидией, предоставленной шведам Францией. Шведский канцлер Оксеншерн говорил в начале 1631 года, что если так пойдет и дальше, его страну «ждут самые радужные перспективы»¹.

---

¹ См.: Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 228. См. также: Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М.: ЭКСМО, 2003. С. 96

Реорганизация «Московской компании», как и предпринимал Мерик, не привела к успеху. Голландскую конкуренцию победить не удалось. Компания все более распадалась на индивидуальные предприятия. Недовольны были и в Москве. «Количество торгующих в России англичан увеличивалось, а возможности контроля за их деятельностью сокращались. Таможенные доходы сократились, так как по-сольский Московской приказ начал выдавать грамоты на беспошлинную торговлю всем иностранным купцам»¹.

Последнее было не столько результатом приверженности русских чиновников свободной торговле, сколько следствием хаоса и, возможно, коррупции, царивших в московской бюрократии. Фактический распад «компании» усугубил путаницу. В 1635 году пришлось провести перепись иностранных купцов, причем среди них обнаружилось изрядное число «нелегалов», которые «без государева указа торгуют и дома покупают»². Вышестоящие инстанции писали грозные письма, требуя выяснить, как такое «самовольство» получилось, и кто в Москве выдал незаконные разрешения, если таковые вообще кем-то были выданы. Как легко догадаться, серьезных результатов это расследование не дало, точно так же, как не прекратилась и неразбериха с пошлинами. В октябре 1638 года окончательно запутавшаяся Устюжская таможня отправила в Москву письмо с просьбой разъяснить ситуацию, но в столице потребовалось два года (!), чтобы составить поименный список из 23 купцов, имевших право на торговые привилегии. Причем все 23 фамилии были перечислены в английских документах, давно находившихся в Москве.

В свою очередь, англичане в том же 1638 году жаловались, что местное начальство государевы грамоты игнорирует, пошлины незаконно взимает, а когда купцы отказываются платить, им «чинят насильство еще пуще»³. В конце

---

¹ Ученые записки государственного педагогического института. Г. 1. С. 164.

² Там же.

³ Там же. С. 166.

концов, последовало новое разбирательство, по приказу из столицы был произведен сыск, местных чиновников допрашивали и ругали почему зря, но, разумеется, ничего серьезно не изменилось.

Англичане с ностальгией вспоминали времена Ивана Грозного, когда в стране железной рукой поддерживался порядок. Взошедший на лондонский престол Карл I Стюарт писал в Москву и просил царя назначить для обеспечения прав англичан специального протектора, напоминая, что при покойном Иване IV эту роль исполнял Борис Годунов. Напоминание, явно неуместное при дворе Романовых.

Впрочем, не только англичане были недовольны. Московские чиновники со своей стороны имели основания подозревать лондонский двор в коррупции. Как признавался в 1637 году английский дипломатический агент, в Москве были возмущены идущим из Лондона потоком официальных писем, посвященных сугубо частным вопросам: «они не стесняются говорить, что любой человек мог бы иметь королевское письма за 20 фунтов»¹. Подозрения эти, скорее всего, были далеко не пустыми: Карл I и его двор постоянно нуждались в деньгах. Голландский агент Исаак Масса, который равно презирал москвитов и терпеть не мог британцев, считал, что оба народа равно коррумпированы: «москвитяне во многом похожи на англичан. Они так же хитры, так же любят блеск и деньги, а потому эти две нации легко сходятся и хорошо уживаются»².

Между тем в Англии разворачивался политический конфликт. Стюарты, в отличие от Тюдоров, не готовы были отстаивать интересы буржуазии как свои собственные. Двор все более ориентировался на католические феодальные державы, тогда как буржуазия стремилась поддерживать протестантов. В результате Англия не только не сыграла серьезной роли в Тридцатилетней войне, но и не готова была активно поддержать вступление в нее России. В свою очередь,

---

¹ Цит. по: Искусство власти. Сборник в честь профессора Н.А. Хачатурян. СПб.: Алетейя, 2007. С. 203.

² Там же. С. 189.

Москва была еще не в состоянии победить Польшу собственными силами. В 1632 году Карл I дал согласие на наем в Англии 2 тысяч солдат на русскую службу и закупку 5 тысяч шпаг. В 1634 году война с Польшей закончилась.

В Англии назревала революция. Правительство Романовых, еще помнивших переживания Смутного времени, реагировало на события, происходившие за морем, со здоровым классовым инстинктом. Русский посол Герасим Дохтуров, оказавшийся в Лондоне в разгар гражданской войны, наотрез отказывался встречаться с парламентом и требовал аудиенции у короля, которого, понятное дело, в столице не было. Пытаясь склонить царского представителя на свою сторону, в Лондоне неосмотрительно объявили послу, что все купцы, торгующие в Москве, держат сторону парламента. За это англичанам пришлось поплатиться. В 1649 году, после казни Карла I, вышел царский указ, запретивший им торговать с Россией. «Великому государю нашему, — говорилось в Указе, — ведомо учинилось, что англичане всею землею учинили злое дело: государя своего Карлуса короля убили до смерти. За такое злое дело нам в Московском государстве быть не довелось»¹. Правительство Кромвеля, несмотря на столь явно выраженную неприязнь Москвы, пыталось наладить отношения с царем, послав в Москву два посольства, но о прежней дружбе уже не могло быть речи². В 1650 году английские роялисты, со своей стороны, попытались восстановить отношения с московским двором, од-

---

¹ Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Указ. соч. С. 20.

² Д.А. Кольчугин в исследовании англо-русской дипломатической переписки XVII века отмечает еще одну проблему, способствовавшую неудаче Кромвеля в России. Грамоты, посылавшиеся прежде королевским двором, были очень богато украшены и писаны на превосходном пергаменте. Напротив, грамота Оливера Кромвеля, в соответствии с требованиями пуританской культуры, «представляла собой самое обыкновенное, лишенное вообще какого бы то ни было декора, бегло написанное простыми чернилами с обеих сторон небольшого листа бумаги письмо» (Искусство власти. С. 199). Как замечает историк, подобная скромность была далеко не лучшим способом для того, чтобы вызвать благосклонность и без того враждебно настроенного московского двора.

новременно призывая царя закрыть доступ в Россию для купцов, связанных с республиканцами. Для борьбы с «бунтовщиками» Москва предоставила Стюартам заем в 10 тысяч фунтов (20 тысяч рублей по тогдашнему курсу), но не деньгами, а товарами: мехами, рожью и т.д. Это, однако, не остановило английскую революцию.

АНГЛИЧАНЕ ПРОТИВ ГОЛЛАНДЦЕВ

Упадок англо-русской торговли в XVII веке объясняется, впрочем, не только политическими причинами. «Безусловно, — пишет И. Любименко, — казнь Карла I была лишь предлогом, за который зацепился Алексей Михайлович, чтобы уничтожить английскую привилегию, шедшую... вразрез со всей его экономической политикой»¹. Показательно, что восстановление монархии и воцарение в Англии Карла II (который, кстати, вернул московскому царю отцовский долг) отнюдь не привело к возрождению привилегий английского купечества в России. Упадок англо-русских отношений был вызван двумя причинами. С одной стороны, англичане теряли свои позиции под давлением голландской конкуренции. С другой стороны, в середине XVII века изменился характер всей восточноевропейской торговли, что не могло решительным образом не сказаться и на отношениях России с Западом.

«Голландцы, торговавшие в России отдельными мелкими товариществами, — отмечает Любименко, — умело использовали английские затруднения. Вложенный ими в русскую торговлю капитал исчислялся в 1642 г. в 2 млн. флоринов, т.е. составлял около 400 тыс. руб. И, следовательно, примерно втрое превышал английский; впоследствии разница эта все возрастала»². Имея большие средства, голландцы готовы были платить высокие пошлины, а потому были гораздо более удобными партнерами для московской бюрократии, остро нуждавшейся в деньгах на протяжении всего XVII века. Голландские купцы ввозили в Московию сереб-

---

¹ Русское прошлое. Т. 5. 1923. С. 4.

² Английская буржуазная революция XVII века. Т. 2. С. 114.

ро и золото (включая монеты), ткани, оружие и боеприпасы (мушкеты, порох, ядра). Помогали они и при найме офицеров на царскую службу. Голландские дворы имелись в Москве, Холмогорах, Вологде, Архангельске, Усть-Коле, Ярославле, Новгороде и Пскове.

Нормализация отношений со Швецией создала и конкуренцию со стороны шведского и немецкого купечества, эксплуатировавшего старые новгородские торговые пути — через Ревель и Выборг. Привилегии англичан, дарованные Иваном Грозным, были следствием стратегического партнерства, которое ушло в прошлое. Русский торговый капитал уже развился достаточно, чтобы играть самостоятельную роль, казна нуждалась в средствах, которые она недополучала из-за английской беспошлинной торговли, а голландцы устанавливали прямые связи с русским купечеством. Стремление «Московской компании» удержать свои привилегии в изменившихся обстоятельствах сталкивало ее с объединенным фронтом голландского и русского торгового капитала, тогда как бюрократия в Кремле уже не рассматривала Англию в качестве политического союзника.

Еще большую роль сыграли изменения, происходившие в мировой экономической системе. Жертвами их стали как восточноевропейские страны, так и «Московская компания», созданная в другую эпоху. Именно голландцы начинают играть ведущую роль в международных связях Московии XVII века. Они становятся и основными поставщиками современных технологий. Голландские строительные инженеры возводят в Москве фортификации, с их помощью столица России понемногу начинает превращаться из деревянной в каменную. Голландские строители и архитекторы были выписаны в два других важнейших портовых города — Архангельск и Астрахань.

Для самой Голландии торговля с Россией на первый взгляд занимает второстепенное место. По количеству задействованных кораблей и их тоннажу «русское направление» явно уступает западноевропейскому. Но на фоне колониальной торговли Московия выглядит совершенно иначе: в Россию отправляется 20 голландских судов в год, тогда как в Индию всего — 7.

КРИЗИС XVII ВЕКА

Первая половина XVII столетия была не только временем военно-политических конфликтов, но и периодом, когда экономический рост на Западе замедлился, а торговая конкуренция обострилась. Англия и Голландия из союзников превратились в злейших врагов, Германия была опустошена Тридцатилетней войной, а Испания, несмотря на раскол в рядах антигабсбургской коалиции, все более приходила в упадок. Английский историк Эрик Хобсбаум называет это «кризисом XVII века»¹.

Экономический подъем, который переживала Европа с конца XV века, исчерпал себя к началу XVII столетия. Организационные структуры, методы управления, господствующие идеи — все ставится под сомнение. Наиболее радикально меняется государство. В Англии и Голландии формируется парламентский режим, во Франции династия Бурбонов создает модель абсолютистской монархии, опирающейся на централизованную бюрократию. Эта система в следующем веке станет образцом для большинства европейских стран, включая Россию. Происходит и военная реформа — феодальное ополчение и наемные отряды сменяются регулярной армией. В экономической политике происходят не менее значимые перемены. Как и в последующие эпохи, рынок сам по себе не смог решить накопившиеся проблемы. Король Эдуард VI, отправляя Ченслера и его спутников в северную экспедицию, вручал им послание, прославляющее свободную торговлю. Сто лет спустя в Европе господствовали уже иные настроения. Государство начинает играть гораздо более активную роль и в торговле, и в производстве.

Однако все эти перемены не происходят сами собой. Государство меняется в результате восстаний, войн и революций, происходящих на фоне практически непрерывного

---

¹ *Hobsbawm E.J. The Crisis of the Seventeenth Century. In: Crisis in Europe: 1560—1660. L., 1965. См. также: Hobsbawm E.J. In The Transition from Feudalism to Capitalism. P. 162.*

экономического кризиса. Европу потрясают политические и социальные конфликты — Фронда во Франции, революция в Англии. Бурные события происходят и в России. Политические неурядицы отнюдь не заканчиваются с воцарением династии Романовых. В 1648 году Москву потрясает новый политический кризис, затем следует церковная реформа, расколовшая страну на два лагеря.

С точки зрения Хобсбаума, одной из причин экономического кризиса XVII века была бедность Восточной Европы, которая не могла в достаточном количестве закупать западные товары, не считая, разумеется, предметов роскоши: «Для будущего промышленности требовалась не готовность элиты нанимать поваров, итальянских артистов и изготовителей париков, а массовый спрос»¹. На самом деле, однако, спрос на западные изделия и технологии в Восточной Европе, и особенно в России, в XVII веке нарастал, причем политические неурядицы лишь увеличивали его — из западных стран на Восток активно экспортировались вооружения. Источником проблемы был сам Запад.

В XVI и начале XVII века западные страны имели торговый дефицит по отношению к своим восточноевропейским партнерам точно так же, как и по отношению к странам Азии. Этот дефицит финансировался за счет американского серебра, массово поступавшего на европейский рынок. Около 1620 года поток серебра из Америки начинает иссякать. Это значит, что неизбежно должны были измениться и торговые отношения между Западной и Восточной Европой. В середине XVII столетия Запад уже не может платить серебром за товары, вывозимые из Польши, Ливонии и России. Европейские изделия не пользуются особым спросом в Азии, откуда вывозятся на Запад ценнейшие товары. Напротив, страны Восточной Европы могут потреблять западную продукцию, но в ограниченном количестве. Решение вопроса состоит в максимальном развитии торговли с Восточной Европой при одновременном снижении цен на приходящие оттуда товары. Такие условия торговли стави-

---

¹ Crisis in Europe: 1560—1660. P. 46.

ли Россию, Польшу и Ливонию в заведомо проигрышное положение, но в противном случае неминуем был бы крах всей системы обмена, в которую восточные страны были уже глубоко вовлечены и в которой заинтересованы были не меньше западных.

С середины XVII века для всех стран Восточной Европы характерно ухудшение условий торговли с Западом. Пассивный баланс внешней торговли становится нормой. Вывозимые из Восточной Европы товары оказываются дешевы, а ввозимые — дороги. Однако пассивное сальдо в торговле с Западом окончательно становится типично для России лишь к 1700 году, иными словами, именно тогда, когда под властью Петра Великого страна в полной мере «повернулась лицом к Европе».

Постоянно ухудшающиеся условия торговли требовали ее столь же неуклонного расширения. Чем меньше серебра и золота удавалось ввозить из западных стран, чем труднее становился доступ к заморским технологиям, тем больше собственного сырья нужно было вывезти, и тем острее ощущалась потребность в приобщении к западной цивилизации. Что, в свою очередь, означало растущую зависимость от внешних рынков и технологий.

СТРАНА, ГДЕ ВСЕ ТОРГУЮТ

Московия XVII века буквально помешана на торговле. «Все постановления этой страны, — писал иностранный путешественник, — направлены на коммерцию и торги, как это достаточно показывает ежедневный опыт, потому что всякий, даже от самого высшего до самого низшего, занимается и думает только о том, как бы он мог то тут, то там выискать и получить некоторую прибыль»¹. При этом, однако, те же западные путешественники отмечали, что капитала у русской буржуазии было мало, а самые крупные торговые дома в Москве выглядели небольшими по сравнению, например, с Амстердамом. Находясь на периферии

---

¹ Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Указ. соч. С. 12.

формирующейся капиталистической миросистемы, русский предпринимательский класс проявлял максимальную активность, стремясь использовать возникающие возможности, но не мог обеспечить того же уровня накопления, что западная буржуазия.

В Московии торговали все — царь, бояре, монастыри. При этом местное купечество оказывается далеко не лидером в освоении новых рыночных возможностей, открывающихся по мере того, как меняется мировая и отечественная экономика. Оно выступает не в качестве новой силы, противостоящей традиционной знати и государству, а в качестве их делового партнера, причем младшего. Точно так же складываются и отношения русского купца с иноземным.

После потрясений Смутного времени и последовавшей за ними депрессии купечество длительное время не могло оправиться. «Кризис XVII века» сказался на русской торговле, об этом свидетельствуют данные о численности купеческих корпораций: «К концу XVI в. Гостиная сотня насчитывала 358 человек, а в 1649 г. — 171. Наблюдалось и уменьшение Суконной сотни: в конце XVI в. в ней состояло 250, а в 1649 г. — лишь 116 человек»¹.

Неудивительно, что российские купцы испытывали двойственные чувства по отношению к иностранцам. С одной стороны, голландцы и англичане имели куда больше капитала, а потому теснили своих русских конкурентов. В Архангельске все было у них в руках, да и в Москве их положение было весьма прочным. Русский торговый люд иностранцам завидовал и периодически на них жаловался начальству, надеясь, что вмешательство правительства изменит логику рынка. Но в то же время без участия иностранного капитала русское предпринимательство не могло развиваться, и чем дальше, тем больше от него зависело.

С 1617 года московские купцы неоднократно обращались к правительству с просьбой пошире открыть двери для

---

¹ Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Указ. соч. С. 13. Гостиная сотня объединяла купцов (гостей), базировавшихся в Москве, а Суконная сотня — провинциалов, имевших в столице свои конторы.

иностранный капитал, поскольку-де русские люди должны у иностранцев учиться «мастерству и промыслам» (эта тема в разных вариациях будет отныне повторяться во всевозможных документах, письмах и статьях на протяжении столетий). Однако очень быстро успехи иностранных предпринимателей в России стали вызывать у местного купечества тревогу, и призывы к расширению свободной торговли сменялись требованием протекционизма. Подобные противоречия вообще характерны для периферийного капитализма. С одной стороны, он просто не может существовать без центра, внешнее влияние является для него основным стимулом развития. Но, с другой стороны, чем больше он развивается, тем больше потребность огородить собственные интересы или хотя бы добиться более выгодных для себя условий.

Если в XVI и первой половине XVII века государственное регулирование предпринимательской деятельности было не слишком активным, то к середине XVII столетия положение дел меняется. По мнению американского историка Ричарда Хелли, «русский «экономический человек» был вполне способен к инновациям и быстро адаптировался к меняющимся условиям», а потому сильное и экономически активное государство «не только не было необходимо, оно было вредно»¹. Легко заметить, что американский автор смотрит на русскую экономику XVII века глазами неолиберального эксперта конца XX столетия и даже повторяет задним числом те же общие места — если бы (в соответствии с позднейшими рекомендациями Международного валютного фонда) царское правительство провело приватизацию и либерализацию, то история России сложилась бы наилучшим образом. Однако с подобными выводами не согласились бы не только московские правители и купцы времен первых Романовых, но и их современники в Англии или Североамериканских колониях.

---

¹ Hellie R. The Economy and Material Culture of Russia. 1600—1725. Chicago & L.: University of Chicago Press, 1999. P. 643.

Вторая половина XVII века — время, когда экономическая роль государства возрастает повсеместно. Позднейшим либеральным авторам возникновение «большого» и экономически активного государства в Московии казалось связано с постоянной внешней угрозой¹. Сложившееся для борьбы с враждебным окружением, это «большое государство», по их мнению, впоследствии само себя поддерживало, удущая экономику и не давая развиваться «экономическому человеку», то есть буржуа. Между тем русское государство в XVII веке руководствуется теми же принципами, что и его западные соседи. Авторитаризм нарастает в Европе повсеместно именно в процессе модернизации. Складывается современный бюрократический аппарат, реформируется и увеличивается армия, зарождается военно-промышленный комплекс (строятся артиллерийские мастерские, судостроительные верфи, начинается стандартизация оружия, вводится армейская форма). Россия постоянно воюет, но точно так же ведут себя и ее западные соседи — Швеция, Польша, Франция, Англия, Австрия или Голландия.

С 1630 года войны, которые ведет Московия, — наступательные. Главная цель военных походов — отвоевать доступ к рынкам для того самого «экономического человека», которому, по мнению позднейших авторов, так мешало правительство. Иными словами, «большое государство» не только не сдерживает развитие предпринимательства, но, напротив, обслуживает его. В свою очередь, частный капитал именно в таком государстве нуждается и всячески его поддерживает.

---

¹ См. *Pipes R. Russian Conservatism and Its Critics*. New Haven & London: Yale University Press. 2005. Американский историк утверждает, что «чем больше страна и чем менее безопасны ее рубежи, тем меньше она может позволить себе такую роскошь, как народовластие и гражданские права» (с. 9). Вдобавок к этому он заявляет, что не только политических свобод в России не было, но «и частная собственность так и не смогла развиваться в русских городах» (с. 10). Откуда взялись в таких условиях коммерческая империя Строгановых и другие отечественные торговые дома, остается для американского исследователя загадкой, как, возможно, и само существование этих торговых домов.

В середине XVII века Московское государство, как и большинство европейских стран, руководствуется в своей экономической политике принципами меркантилизма. По существу, меркантилизм был ответом на затяжной кризис, охвативший большинство европейских рынков. Уверенность в преимуществах свободной торговли сменяется надеждой на поддержку государства. Отныне правительства повсеместно стремились обеспечить положительный баланс внешней торговли, способствуя притоку серебра в страну и предотвращая его утечку. Как и в большинстве западных стран, московское государство стремилось достичь этой цели двумя способами. С одной стороны, поощрялось производство, прежде всего в тех отраслях, продукция которых имела высокую стоимость в чужих странах. С другой стороны, усиливались пошлины на импортируемые в страну иностранные товары. Иностранцам не разрешалось вести дела на внутреннем рынке. Государство поощряло отечественный капитал, содействовало формированию торговых монополий.

Московские цари руководствовались теми же принципами, что и «Король-солнце» Людовик XIV, поставивший руководить экономикой знаменитого Жана Батиста Кольбера, теоретика меркантилизма. Постановления Московского государства пронизаны меркантилистскими идеями в той же мере, что и решения французского двора. Первым шагом в этом направлении был «Таможенный устав» 1653 года. За ним последовал «Новоторговый устав» 1667 года, который оценивается западными историками как «крайне меркантилистский»¹. Разработку устава царь поручил датчанину Петру Марселису, который успел уже отличиться в Московии и в качестве предпринимателя и в роли дипломата (в 1665 году он вел переговоры с курфюрстом Бранденбурга). Именно поэтому проект Марселиса на утверждение был представлен главе Посольского Приказа Ордину-Нащокину, который тоже был прекрасно знаком с новейшими западными веяниями. После того, как замечания Ордина-Нащокина были учтены, устав был обнародован и вступил в силу. До-

¹ Attman A.. Op. cit. C. 183.

кумент, хоть и разрабатывался иноземцами, оказался явно протекционистским. Иностранные торговые привилегии в Московии не были полностью отменены, но серьезно ограничивались. Местный торговый капитал, выросший за столетия, прошедшие со времени путешествия Ченслера, оказывается способен самостоятельно организовать экспортно-импортные операции, защищать собственные рынки и осваивать новые.

«Новоторговый устав» усиливал государственный контроль за импортом и экспортом, но одновременно устранял всевозможные феодальные ограничения для внутренней торговли. Ушли в прошлое всевозможные феодальные поборы. Правила стали едиными на всей территории страны.

Целью царских пошлин отныне было не только пополнение казны, но и создание выгодного для Московского государства торгового баланса. Таможенные сборы от вывоза сырья и продовольствия собираются русской казной в дукатах и риксдалерах (талерах). Западная торговля становится важнейшим источником серебра для внутреннего рынка, а немецкий талер под названием «ефимок» получает хождение в Московии и позднее становится прототипом русского серебряного рубля. Приток немецкого и голландского серебра позволяет развивать торговлю с Персией. Путь на Восток через Каспий был известен на Руси со Средних веков, но по большей части торговля здесь велась бухарскими и персидскими купцами. Как уже говорилось, в XV веке тверской купец Афанасий Никитин прошел и подробно описал каспийский торговый путь, а в XVI веке Дженкинсон освоил его коммерчески — в соответствии с новыми западными правилами.

Русский торговый капитал не только пошел вслед за английским, но и полностью воспроизвел подход к торговле, принесенный в Россию «Московской компанией». Начав коммерческое освоение Персии вместе с англичанами, русские купцы через некоторое время взяли дело исключительно в собственные руки. Иностранцам торговать с Персией через Россию запрещено окончательно. В 1664 году шах Аббас II предоставляет русским в Персии точно такую же тор-

говую привилегию, какой англичане добились за сто лет до того от Ивана Грозного. К этому же периоду относится расцвет Астрахани как торгового порта, Астрахань становится такими же «воротами на Восток», как Архангельск — «воротами на Запад». Почти непрерывный речной путь с юга на север позволяет вести транзитную торговлю. Персидский шелк, закупаемый московскими купцами в Астрахани, перепродается англичанам и голландцам в Архангельске.

В 50-е годы XVII века голландцы взяли в свои руки вывоз каспийской икры в Западную Европу. В свою очередь, московское правительство сделало торговлю этим товаром своей монополией. Точно так же московское начальство не упускает из своих рук контроль над транзитом персидского шелка по русским рекам. Торговое посредничество оказывается весьма прибыльным делом.

Царская администрация строго следит за тем, чтобы оно оставалось в руках отечественного купечества. Персов не пускают дальше Астрахани, европейцев — дальше Архангельска. В результате архангельская торговля непрерывно растет. В середине XVII века сюда прибывает уже 30—40 судов в год: иными словами, за сто лет масштабы навигации увеличились примерно в 7 раз. Одновременно северная торговля продолжается и через Колу, другой порт, тоже начавший функционировать уже во времена Ивана Грозного. В XVII веке через Сибирь начинается и торговля с Китаем.

И все же периферийное положение России в складывающейся миросистеме означало, что русское государство не могло уже в XVII веке обойтись без иностранцев. Меркантилистская политика поощрения отечественного буржуа позволяла обеспечить для него наиболее выгодные условия в рамках этой системы, но основные центры накопления капитала находились на Западе. С.Ф. Платонов отмечает, что после Смуты влияние иностранного капитала в Москве существенно увеличилось. «При общем московском оскудении он оказался главной силой на русском рынке, и московское правительство неизбежно должно было вступить с ним в тесную связь в своих усилиях изжить экономический кризис. Иностранные купцы стали распорядителями рус-

ского торгового оборота и поставщиками серебра (даже самой русской монеты) для московской торговли. Они взяли такое засилье в московской торговой жизни, что местный торговый класс настойчиво стал искать защиты у правительства, пока не добился некоторых ограничительных мер в отношении торговых льгот иностранцам»¹.

Москва нуждалась в западных технологиях, а вслед за технологиями шел иностранный капитал. Правительство, в полном соответствии с требованиями меркантилизма, поддерживало строительство заводов, но местные купцы не готовы были воспользоваться плодами этой политики. «В неизвестное и рискованное промышленное дело русский купец начал втягиваться позднее — лишь в начале XVIII в.», — отмечают А.Д. Кузьмичев и И.Н. Шапкин в «Истории российского предпринимательства»².

Государство, напротив, активно содействовало созданию промышленности. Если в сфере внешней торговли правительством была организована система казенных монополий, успешно пополнявших царскую казну, то в промышленности правительство выступало в качестве главного заказчика. Даже Ричард Хелли, глубоко убежденный, что положительные экономические результаты может достигнуть только частное предпринимательство, вынужден признать, что «государство было главным источником инноваций в экономике»³. Именно государство внедряло новые технологии и одновременно — новые капиталистические отношения (хотя и в специфически русской форме). «Впервые характер крупного коммерческого предприятия приняла царская торговля, — отмечает Покровский. — Царские же, дворцовые промышленные заведения были в числе первых образчиков крупной индустрии в России. За царем в деле создания торгового капитализма в Московском государстве шли иностранцы: они же являются и первыми у нас, кроме царя, заводчиками и фабрикантами. Причем, как и иностранные

¹ Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. С. 57—58.

² Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Указ. соч. С. 21.

³ Hellie R. Op. cit. P. 641.

купцы, иноземные промышленные предприниматели действовали постоянно под покровительством царской власти и в тесном союзе с нею»¹.

ИНОЗЕМНЫЕ ПРОМЫШЛЕННИКИ

Промышленное производство в России XVII века создавалось либо руками иностранцев, либо по инициативе правительства, причем, как правило, государство и иностранный капитал действовали совместно. Как и в других обществах, где складывался периферийный капитализм, именно партнерство государства с иностранным капиталом стало основой технологических новаций.

Значительная часть иностранных предприятий была ориентирована на военные нужды. В 1632 голландец Андрей Виниус с разрешения казны построил оружейный завод в Туле, пообещав изготавливать пушки, ядра, ружейные стволы и «всякое железо» по низким ценам. Рабочая сила на предприятии была вольнонаемной, что особо оговаривалось в указе об учреждении завода. В 1637 году Виниус построил близ Тулы еще три предприятия, создав единый производственный комплекс и заложив основу знаменитого Тульского оружейного завода, прославившегося на весь мир уже в советское время.

По мере развития производства Виниус сделался настоящим русским патриотом, перешел в православие и, как отмечает Соловьев, «более хотел добра русским, чем своим»². Это, однако, не оградило его от нападков со стороны русских купцов, жаловавшихся на «немецкое» засилье.

Впрочем, на первых порах продукция Тульского завода не отличалась высоким качеством. Отправленные на испытание в Голландию тульские пушки оказались никуда не годными, а правительство продолжало закупать артиллерийские орудия и мушкеты в Германии. Производство доспехов вообще не удалось наладить. Зато Тульский завод в

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 290.

² Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 5. С. 459.

огромном количестве гнал «ширпотреб» — кровельное железо, металлические двери и ставни. На другом оборонном предприятии, построенном голландцами, выпускали якоря, которые не могли иметь никакого военного значения за отсутствием тогда у России флота, — зато эти якоря охотно покупали купцы, плававшие по Волге и другим рекам.

Виниусу не повезло с компаньонами. Документы сообщают, что Петр Марселис и голландец, фигурирующий в русских документах под именем Филимон Акема (Тилман Аккема), привлеченные им к участию в компании, вскоре вытеснили его из дела. Впоследствии голландцы судились между собой — в ходе рассмотрения дела как раз и обнаружилось низкое качество вооружения, что Виниус ставил в вину новым хозяевам завода. Производство, однако, осталось в руках Марселиса и Акемы¹.

Расширив предприятие, они столкнулись с дефицитом рабочей силы и обратились к правительству с просьбой «приписать» к заводам крестьян. Власти пошли навстречу предпринимателям. Две дворцовые волости были приписаны к тульским и каширским заводам. Так именно «цивилизованные» западные инвесторы заложили основу того, что в последующие времена считалось специфически русской, варварской формой организации производства — использованию крепостного труда в промышленности. Это решение имело далеко идущие последствия. На протяжении почти столетия принимаются многочисленные постановления и указы, расширяющие применение крепостного труда в промышленности. Завершает этот процесс указ 18 января 1721 года, разрешающий промышленникам покупать целые деревни для прикрепления к фабрикам. Одновременно соз-

---

¹ Самое любопытное, что, как отмечает Я.В.Велувенкамп, спустя некоторое время Марселис и Акема вновь завели общее дело, построив рядом с Вологодой завод для литья пушечных ядер. Затем, удалившись от дел, Виниус получил от царя, в знак признания его заслуг, смоляной откуп на 6 лет, причем бесплатно (см. *Велувенкамп Я.В. Цит. соч., с. 116*). Вообще смоляной откуп постоянно оказывался в руках иностранных предпринимателей, что неудивительно: ведь смола была экспортным товаром, необходимым для судостроения.

дается и возможность для помещиков создавать у себя крепостные фабрики. Покровский называет это началом «капитализма крепостнического, помещичьего»¹.

Показательно, что вслед за иностранцами заводы принялись организовывать не купцы, а бояре. Производством металлических изделий занимались и свойственник царя Илья Милославский, и любимец государя Борис Морозов, но дело у них не шло. Милославский в 1656 году продал свой завод за 1 тысячу рублей иностранцам, а предприятие Морозова после смерти боярина отошло казне.

Итак, уже в XVII веке сложился расклад, типичный для последующего развития: технологическая модернизация не только сочеталась с крепостничеством, но опиралась на него, а укрепление военной мощи уживалось с зависимостью от иностранного капитала, который получал непосредственные выгоды от усилий государства².

Иностранный капитал создал в Московии и международную почту. В 1663 году было основано почтовое предприятие Иоганна фон Шведена, наладившее регулярную доставку писем в Западную Европу. Поскольку предприятие фон Шведена развивалось не слишком удачно (что, впрочем, относится ко многим западноевропейским проектам в Московии), то в 1668 году дело перешло к Леонарду Марселису, сыну автора «Новоторгового устава». Марселис догадался использовать для перевозки почты ямскую гоньбу — царскую транспортную организацию, заимствованную еще у монголов. Одновременно было заключено соглашение с почтмейстером Риги. Система оказалась весьма эффективной. Почта, организованная голландцами, работала настолько надежно, что по словам позднейшего английского историка, в этом отношении Россия могла похвастаться «более передовым положением дел, чем тогдашняя Великобритания и страны континента»³. До Риги письмо шло 10

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 302.

² См.: Струмилин С.Г. Избранные произведения. История черной металлургии в СССР. М., 1967. С. 93.

³ The Edinburgh Review, 1855, v. CIV, No. 211. P. 44.

дней, до Гамбурга 3—4 недели. До Берлина письмо шло 21 день. Для сравнения, в советское время в Западный Берлин письмо приходило за две недели — задержка была вызвана, естественно, стремлением спецслужб изучать если не все, то большую часть сообщений, шедших за границу и приходивших из-за рубежа. Этому, однако, не чужды были и чиновники в допетровской России, причем немецкая почтовая компания в этом деле с царской администрацией сотрудничала. Все иностранные письма в посольском приказе откровенно вскрывались. Показательно, что иностранцы, посещавшие тогда Россию, относились к подобным порядкам с одобрением, видя в этом доказательство интереса московского правительства к международным событиям. Как отмечает Покровский, понятие «тайны переписки» было в те времена совершенно чуждо не только московским людям, но и их иностранным учителям¹.

В металлургии отставание России к XVII веку сказывалось особенно сильно — до 1636 года в Московии не было построено ни одной доменной печи, хотя на Западе первая печь появилась уже в 1443 году. Оказавшись на периферии торговых путей, страна оставалась и в стороне от технологической революции XV—XVI веков, что, в свою очередь, предопределило технологическую зависимость России от голландских и английских партнеров. Меркантилистская идеология требовала ускорить перенос технологий, и западные предприниматели были обязаны делиться своими знаниями. В 1647 году правительство под давлением местного капитала передало Тульский завод в руки отечественных предпринимателей, но, как отмечает Любименко, «в русских руках завод совсем запустел, и в 1648 г. заводы вновь были возвращены голландцам на 20 лет. Вскоре к ним перешли на 15 лет и Протвинские заводы, расположенные на Калужской дороге, а также и Угодские в Мало-Ярославском уезде. Таким образом, за исключением казенного Павловского завода вся железоделательная промышленность сосредоточилась в

---

¹ См.: Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 273.

голландских руках»¹. Голландские предприниматели контролировали также и производство меди, стекла, бумаги.

Иностранные и русские мастера, трудившиеся на одних и тех же предприятиях, получали неравную плату за одинаковый труд. В 1663—1664 годах доменный мастер-иноземец получал 100 рублей в год, а его русский коллега — 60 рублей. Причем заработная плата неуклонно снижалась. В Туле с 1647 по 1690 год оплата труда иноземцев упала с 81 рубля в год до 57 рублей, а для русских — с 22,1 до 18 рублей. И это — несмотря на происходившее в это же время обесценивание рубля.

Петровские реформы в начале XVIII века привели к основанию изрядного числа новых мануфактур — по большей части казенных или создававшихся по прямому поручению царя. Однако административный энтузиазм великого реформатора далеко не всегда давал ожидаемые плоды. Многие из его промышленных начинаний оказались нежизнеспособными. Неэффективность государственного вмешательства отнюдь не компенсировалась частной инициативой. Как раз наоборот, именно отсутствие сколько-нибудь заметных успехов отечественной буржуазии и толкало правительство на путь административного предпринимательства.

«Выросший на царских монополиях, окруженный условиями ремесленного производства, — пишет Покровский, — русский торговый капитализм очень плохо приспособлялся к тому широкому полю действия, на котором он очутился в начале XVIII столетия, не столько войдя туда по доброй воле, сколько вытолкнутый напором западноевропейского капитала. Этому последнему досталась и львиная доля всех барышей...»²

---

¹ Русское прошлое. 1923. Т. 5. С. 17.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 302—303.

Глава VI

ПЕРИФЕРИЙНАЯ ИМПЕРИЯ

Задержка развития, вызванная смещением торговых путей (сначала в XII—XIII, а затем в XVI—XVII веках), привела не просто к «отставанию от Запада», а к тому, что социальная эволюция пошла по качественно иной траектории. Причем эти восточные «особенности» были вызваны не изоляцией от Западной Европы, а, напротив, сложившимися с ней экономическими и политическими связями. Чем более активно Россия втягивается в мировую экономику, тем существеннее эти «специфические отличия».

Отнюдь не случайно, что «вторичное закрепощение крестьян» в Восточной Европе происходит параллельно со становлением рабовладельческих плантаций в Америке. Характерно, что наиболее активно рабовладельческие отношения возникают там, где потребность в этом испытывает динамично развивающийся капитализм. Робин Блекборн в «Истории рабовладения» показывает, что три наиболее передовые страны Запада — Англия, Голландия и Франция — сыграли и решающую роль в становлении рабовладельческой экономики в Новом Свете.

КАПИТАЛИЗМ И РАБСТВО

Период между 1640 и 1750 годами стал временем бурного развития рабства. Численность рабов неуклонно возрастала и в ряде карибских колоний превзошла число белого населения. Первым местом, где это случилось, был англий-

ский Барбадос в 1645 году¹. После этого рабство стало стремительно распространяться. «Испания, являвшаяся крупнейшей колониальной державой в Новом Свете, была лишь четвертой в сфере работорговли. Британия и Франция, которые еще в 1640 году не имели колоний, основанных на рабском труде, теперь владели самыми процветающими рабовладельческими плантациями Нового Света»². Изменился и характер плантаций. Они стали крупнее и все более коммерчески ориентированы. «Переход к крупным плантациям был совершен на Карибских островах в 40—50-е годы XVII века британскими и французскими землевладельцами, которых поддерживали независимые голландские купцы»³. Золото, добывавшееся рабами в португальской Бразилии, направлялось на лондонские рынки. Хлопок и сахар перерабатывались во Франции. Без европейского спроса колониальная плантационная экономика не могла бы развиваться. А с другой стороны, отмечает Блэкборн, дешевое колониальное сырье «сделало возможным накопление капитала в тех немногих странах, которые использовали наемный труд»⁴. Принудительный труд рабов на плантациях был частью первоначального накопления капитала. «Плантационная революция опередила индустриальную примерно на столетие. Независимо от того, был ли другой путь возможен и желателен, реальный переход к капиталистической индустриализации стал возможен благодаря активному товарному обмену с рабовладельческими плантациями»⁵.

Развитие рабовладельческих плантаций помогло преодолеть экономические трудности, с которыми сталкивался Запад в середине XVII века. Но точно таким же обра-

---

¹ Любопытно, что Барбадос оказался и одной из первых английских колоний, где были созданы органы политического самоуправления. Разумеется, только для белых.

² Blackburn R. *The Overthrow of Colonial Slavery, 1776—1848*. L. & N.Y.: Verso, 1988. P. 5.

³ Ibid. P. 11.

⁴ Ibid. P. 5.

⁵ Blackburn R. *The Marking of World Slavery. From Baroque to the Modern. 1492—1800*. L. & N.Y.: Verso, 1997. P. 515.

зом формирование крепостнического сельского хозяйства на востоке Европы было важной частью глобальных преобразований, которые обеспечили успешный рост мировой экономики в следующем столетии.

С появлением английских и голландских колоний в Северной Америке спрос на поставки из России несколько снижается, а цены на них падают. Однако производство сырья в колониях оказывается недостаточным, чтобы удовлетворить растущий спрос. По мере снижения цен, падает и интерес колонистов к производству подобных товаров. С другой стороны, в то время как обесценивалось традиционное российское сырье, в Западной Европе формировался новый рынок продовольствия. Соответственно, характер восточноевропейской торговли в XVII веке радикально меняется. Вывоз зерна выходит на первое место.

Как уже упоминалось, XVII век — эпоха голландской торговли в России, так же как предшествующий век был временем английской торговли и влияния. Если англичане открывают русский сырьевой экспорт, то голландцы специализируются на зерне. Торговля зерном в мировом масштабе была сосредоточена в руках амстердамских купцов. До середины XVII века избытка зерна в России не было. За столет до того западные купцы, отмечая возможность зерновой торговли, не считают ее наиболее выгодным делом в России. Лишь в XVII веке голландские представители начинают уговаривать московского царя резко увеличить экспорт зерна, ибо это «увеличит доходы государя от пошлин»¹. Голландцы просят у царя монополию на вывоз хлеба. Закупать зерно в России для голландцев было в принципе выгоднее, чем в Германии, ибо на Востоке можно было обменять хлеб на западные изделия: «Корабли, которые идут в Московию, нагружены ценным товаром, а не балластом, как те, которые ходят в Данциг, Ригу, Францию»². Иными словами, именно отсталость производства в России делала ее особенно привлекательной страной для мировой торговли.

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 87.

² Там же. С. 86.

Потребность в зерне Голландия испытывала, прежде всего, для обеспечения внутреннего рынка. Сельское хозяйство Соединенных провинций было ориентировано главным образом на более выгодные и важные для развития промышленности технические культуры. В свою очередь, начав импортировать в больших количествах продовольственное зерно из Восточной Европы, голландские купцы быстро обнаружили, какие возможности открываются перед ними на мировом рынке. В XVII веке перевозкой зерна заняты уже тысячи кораблей, а Амстердам превращается в мировой центр зерновой торговли.

Проблемой для развития амстердамской торговли были зундские пошлины, установленные Данией на любой товар, вывозившийся из Балтийского моря в Северное.

Вывезти товар в Северное море через Зундский пролив, не заплатив пошлину датскому королю, могли с некоторых пор лишь шведы. Захватив город Мальме на северном берегу пролива, Швеция окончательно превратила Данию во второстепенную державу. Одновременно под властью шведского короля оказались устья многих немецких рек и торговые города Ливонии. Однако беспошлинная торговля через Зунд была доступна только шведским купцам, тогда как немецкие купцы из Риги, даже находившиеся под властью шведской короны, такой привилегией не обладали. Рига оставалась крупнейшим городом шведского королевства, и правительство в Стокгольме очень насторожено относилось к амбициям своих немецких подданных из Риги.

Одновременно, по мере роста глобального спроса, дорожал и хлеб. В 1606 году ласт (1,92 тонны) ржи стоил в Данциге 16 гульденов, в 1622 году уже в десять раз больше. После оплаты транспортировки и зундских пошлин цена еще больше взлетала вверх. В 1628 году в Амстердаме за ласт зерна давали до 250 гульденов.

Совершенно ясно, что для голландцев Россия представляла огромный интерес. С одной стороны, выбросив большое количество ржи на мировой рынок, она могла бы сократить цену. А с другой стороны, путь из Архангельска в Амстердам проходил в обход Зундского пролива. Это дела-

ло его коммерчески привлекательным, несмотря на все трудности северной навигации.

Уже в 1629 году было получено разрешение на вывоз 20 тысяч четвертей для отправки в Амстердам и Бремен. В следующем году из Московии было вывезено уже несколько сот тысяч четвертей зерна.

Значительную часть ржи получали в монастырских вотчинах, причем одним из самых крупных коммерческих партнеров голландцев в середине XVII века был патриарх Никон. В свою очередь, голландские купцы обязались поставлять ему ежегодно крупные партии рыбы, которую закупали тут же, на севере России¹.

Голландский представитель в Москве Исаак Масса подготовил для царя записку о хлебной торговле. В 1630 году из Нидерландов явилось в Москву посольство для заключения специального договора по зерну. Голландцы просили у царя монополии на экспорт русской ржи и даже предлагали самостоятельно организовать производство, распахав пустоши.

Однако царское правительство не готово было довольствоваться экспортными пошлинами. К тому же перед глазами был пример Швеции, где подобная торговля была сосредоточена в руках государства. Кремлевские чиновники тут же подготовили собственный проект о создании царской зерновой монополии. Одновременно начали торг с голландцами, заломив такую непомерную цену, перед которой меркли все ужасы зундских пошлин.

Голландские планы не были реализованы, но начало было положено. Русский хлеб все же пошел на Запад в возрастающих количествах.

КРЕПОСТНИЧЕСТВО И РЫНОК

«Вторичное закрепощение крестьянства» вовсе не является просто «феодальной реакцией» или возвратом к прошлому, речь идет о совершенно новых формах аграрной ор-

---

¹ О торговле голландцев в Московии подробнее см.: Велуven-ками Я.В. Цит. соч. С. 100—104.

ганизации и принуждения. Не только в России крепостное право фактически формируется заново в XVI—XVII столетиях, достигая кульминации в «просвещенном» XVIII веке. В Восточной Пруссии происходит схожий процесс, причем для новых крепостнических отношений приходится даже вводить в обиход новое слово — *Erbuntertaenigkeit* вместо термина *Liebeigenschaft*, использовавшегося для характеристики феодальных отношений традиционного типа, существовавших на Западе. По мнению немецкого историка Хайде Вундер, это новое крепостничество «должно рассматриваться как радикальное нововведение в отношениях между крестьянами и помещиками»¹.

Фернан Бродель признает, что в Восточной Европе, в отличие от Западной, «наемный труд, однажды появившись, мог и исчезнуть». Описывая развитие виноградарства в Венгрии, он отмечает, что на рубеже XVI и XVII веков «везде восстанавливается крепостная зависимость крестьянина», тогда как на Западе переход к наемному труду был «явлением необратимым»². Откуда, однако, такое различие?

Официальные историки советского периода, видевшие в крепостном праве «пережиток» Средневековья, не могли объяснить, почему закрепощение крестьянства не ослабевает, а наоборот, усиливается на протяжении XVI—XVII веков. Именно в разгар эпохи «просвещенного абсолютизма» в конце XVIII и начале XIX века помещики пытаются перейти к полностью «плантационному» хозяйству, лишив крестьян остатков самостоятельности. Земледельцев переводили на «месячину», снабжая их продовольствием и отбирая собственные наделы. «Тогда помещик превращался в некоторое подобие владельца плантации, а крепостной крестьянин в некоторое подобие негра»³, — иронически заключает

---

¹ The Brenner Debate / Ed. By T. Aston and C. Philpin. Cambridge, Cambridge University Press, 1988. P. 99.

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М.: Весь мир, 2006. С. 27.

³ Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 9.

Покровский. Однако в России этот тип хозяйствования все же оставался крайностью, «предельной возможностью»¹.

Либеральная традиция начала XX века склонна была объяснять крепостничество ссылками на потребность государства взвалить на народ издержки, связанные с ускоренной модернизацией страны. Но это все равно не объясняет, почему модернизация сопровождалась сохранением и укреплением средневековых порядков в деревне, а не вела к их разложению. На самом деле крепостничество было не «пережитком» Средневековья, а порождением Нового времени. С точки зрения государства, связь между модернизацией страны и необходимостью усиленной эксплуатации крестьянства была очевидна и особенно не скрывалась. И все же за интересами правительства и помещиков стояли менее очевидные, но не менее значительные интересы торгового капитала, как зарубежного, так и отечественного. Этот торговый капитал диктовал повестку дня модернизаторов, и он же нуждался в использовании подневольного труда.

Первый шаг к закреплению крестьян был предпринят еще при Иване Грозном. До сих пор крестьяне имели возможность ежегодно по окончании работ, две недели, начиная с 20 ноября (Юрьев день), уйти от помещика и перебраться на другую землю. Выход этот не был совсем свободен — крестьяне обязаны были предварительно заплатить землевладельцу своего рода пошлину — рубль пожилого (немалую по тем временам сумму).

Однако уже в годы Ливонской войны власти предпринимают первые шаги к тому, чтобы отменить этот обычай. Военная необходимость — всегда идеальный предлог для проведения «непопулярных мер», назревших с точки зрения господствующего класса. «Временная мера», ставшая постоянной нормой — типичное явление русской истории.

Исторические источники упоминают так называемые заповедные лета, когда переход крестьян ограничивается. Правда, подобные постановления действовали, судя по все-

¹ Покровский М. Очерки по истории... С. 10.

му, не по всей стране, а только на некоторых территориях¹. Очевидно, что экономические последствия царской политики значили больше, чем любые официальные решения. Разорение страны в ходе Ливонской войны привело к тому, что крестьяне, переходившие на новые земли, были не способны выплатить пожилое. Они перебежали от одного землевладельца к другому в голодные весенние месяцы, а зачастую сами помещики увозили крестьян от соседей, тоже не считаясь ни с какими законами и обычаями.

«К началу 80-х годов, — пишет Скрынников, — значительная часть сельского населения либо разбежалась, либо вымерла. Деревня напоминала огромный пустырь. Крестьяне пахали лишь малую часть той пашни, которая кормила их прежде. Под тяжестью катастрофы старый порядок перехода в Юрьев день полностью разладился»².

Закрепощение крестьян, однако, не прекращается после Ливонской войны. Напротив, по окончании боевых действий положение крестьянства продолжает ухудшаться. Решающие шаги к законодательному закреплению нового порядка сделал Борис Годунов (фактически руководивший страной уже при царе Федоре, а затем сам ставший царем). Другое дело, что Годунову это решение далось непросто. Правительство колебалось. В обстановке голода 1601—1602 годов Борис Годунов объявляет о временном восстановлении Юрьева дня (правда, тоже не на всей территории царства и не для всех категорий землевладельцев). Однако уже в 1603 году политика вновь ужесточается, и крестьянский «выход» запрещается окончательно. Это дорого стоило царю: массовая неприязнь к Борису, взявшему на себя ответственность за окончательную ликвидацию Юрьева дня,

---

¹ По вопросу о «заповедных годах», введенных Иваном Грозным, среди историков нет полного единства. Сам указ не сохранился ни в оригинале, ни в цитатах. Б.Д. Греков считал, что в годы Ливонской войны крестьяне были закрепощены повсеместно, тогда как академик С.Б. Веселовский полагал, что речь шла лишь об отдельных территориях. Подробнее см.: Скрынников Р.Г. Россия после опричнины. Л., 1975. С. 178—180.

² Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1983. С. 96.

была использована Дмитрием-Самозванцем в его победоносном походе на Москву¹.

«Гражданская война, развернувшаяся в Русском государстве в 1604—1605 гг., была порождена в первую очередь глубоким социальным кризисом, возникшим на почве ломки прежней социальной структуры и становления крепостнической системы, — констатирует Скрынников. — Борис Годунов тщетно пытался смягчить остроту противоречий посредством временного и частичного восстановления Юрьева дня. Сопротивление феодальных землевладельцев вынудило власти вернуться к старому крепостническому курсу. «Великий голод» 1601—1603 гг. ускорил взрыв»².

ЗАКРЕПОЩЕНИЕ

Ливонская война, террор опричнины, голод 1602—1604 годов и Смута привели к массовой гибели и бегству населения из европейских регионов России. Впрочем, положение, сложившееся в России в первой половине XVII века, было типично для всей Восточной Европы. В Польше и некоторых частях Германии после Тридцатилетней войны и продолжавшейся даже после заключения Вестфальского мира череды военно-политических конфликтов потери населения тоже были огромными. Демографическая ситуация в Московии и других государствах Восточной Европы к середине XVII века сопоставима с тем, что наблюдалось в Западной Европе после эпидемий чумы. «Крепостное право, — пишет Покровский, — быстро растет у нас на развалинах, созданных Смутой, точно так же, как в Германии росло оно на развалинах, созданных Тридцатилетней вой-

---

¹ Как ехидно замечает Покровский, царя Бориса погубило то же, что и многих других политиков, пытавшихся нормализовать самодержавие, ввести его в рамки законов и правил: «Все полицейские государства ломали себе шею на неразрешимой задаче — сочетать правосудие с полным бесправием подданных» (см.: Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 158).

² Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л.: ЛГУ, 1985. С. 324.

ной»¹. Возникает вопрос: почему депопуляция в Англии XIV столетия способствовала развитию свободного найма, тогда как в Восточной Европе начинается прямо противоположный процесс «вторичного закрепощения крестьян»? Американский историк Роберт Бреннер (Robert Brenner) объясняет это поражением крестьянских восстаний. Действительно, восстание Болотникова в начале XVII века и более позднее восстание Степана Разина кончились поражением. Но то же самое может быть сказано и про крестьянские выступления XIV века в Западной Европе: и восстание Уотта Тайлера, и Жакерия во Франции были разгромлены. Крестьянские восстания вообще всегда кончались неудачей. Более того, в Западной Европе после эпидемии чумы феодалы тоже пытались ограничивать заработную плату или прикрепить к земле крестьян, но эти попытки провалились — не только из-за сопротивления масс, но и экономически, чего нельзя сказать о русском крепостничестве в XVII—XVIII веках.

Нельзя объяснить закрепощение крестьян и слабостью буржуазии. Даже отсталое, по голландским или английским меркам, московское купечество XVII века было сильнее, нежели буржуазные слои в Англии за три сотни лет до того. К тому же крепостничество укреплялось и в Ливонии, где немецкая торговая буржуазия была, безусловно, сильна. На самом деле именно развитие международного рынка и буржуазных отношений на Западе было решающей причиной закрепощения на Востоке. В XIV веке ни в Англии, ни во Франции не существовало потребности в массовом товарном производстве для внешнего рынка, да и внутренний рынок был крайне узок. Города были сравнительно неразвиты. Недостаток людей привел к тому, что на рынке стали покупать то, что раньше получали своими силами в рамках «натурального хозяйства». Потому нехватка рабочей силы вела и к формированию рынка труда, и к развитию товарного рынка вообще. Напротив, на Востоке в XVII веке имелись уже достаточно развитые и сформировавшиеся внешние и внутренние рынки. Из-за нехватки рабочей силы эти рынки стали испытывать острый дефицит товаров. И самый

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 221.

простой, а возможно, единственный способ резко, в кратчайшие сроки увеличить поставки состоял в усилении эксплуатации крестьян.

Западноевропейскому крестьянину, даже свободному, от феодала было некуда деться, ибо «нет земли без сеньора».

Иное дело — Россия. Здесь не было дефицита земли. Русский народ, замечает Покровский, заселял свою землю «не расселяясь, а переселяясь»¹. Периодическое переселение крестьян с места на место не подрывало натуральное хозяйство, поскольку эти перемещения были вызваны не столько феодальным гнетом, сколько демографическими причинами и истощением почвы. В рамках примитивного крестьянского уклада на каждом данном месте было как раз достаточно людей, чтобы прокормить и мужиков, и помещика. Но для товарного земледелия такое положение дел уже недопустимо. Более того, «ушедшие» крестьяне на новой земле воспроизводили именно натуральное хозяйство, тем самым ограничивая развитие зерновой торговли². Понятно, что закрепощение стало «производственной необходимостью» в условиях, когда нужно было обеспечить систематическое поступление товарного зерна на рынок.

«Во имя экономического прогресса раздавив феодального вотчинника, помещик очень быстро сам становится экономически отсталым типом: вот каким парадоксом заканчивается история русского народного хозяйства эпохи Грозного»³, — пишет Михаил Покровский. Аграрная революция XVI века происходила в Англии уже в условиях, когда торговый капитал превратился в мощную общественную и политическую силу, а аристократия была истреблена в войне Алой и Белой Розы. В России времен Грозного наблюдались схожие процессы, но потребности рынка опережали социальное развитие, и огромную роль в этом отношении играла стремительно расширяющаяся международная торговля. Не менее существенно и то, что становление

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 1. С. 73.

² Позднее этот конфликт между спросом рынка и потребностями крестьянского хозяйства был проанализирован в работах А. Чаянова.

³ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 106.

аграрного рынка в Западной Европе началось задолго до «революции цен», в то время как в Восточной Европе революция цен предшествовала аграрным преобразованиям и в значительной мере стимулировала их. Помещик должен был сразу, при минимуме наличных ресурсов, увеличить коммерческую отдачу поместья, причем в условиях, когда деньги обесценивались. «Нужно было закрепить уходившие неудержимо из имения рабочие руки, но как это сделать без капитала, без серебра, которым закреплялись крестьяне?»¹

Кризис, охвативший всю Европу в XVII веке, привел в Англии и России к совершенно противоположным результатам. Между тем внешние симптомы этого кризиса и, порой, даже конкретные события на первый взгляд поражают невероятным сходством. В то самое время, когда Англию потрясала революция, в Москве разворачивался собственный социально-политический кризис. В 1648 году по всей стране прокатились бунты. Мало того, что население отказывалось повиноваться распоряжениям властей, оно проявляло свое недовольство в организованной форме. Как отмечает С.Ф. Платонов, после Смуты сословные соборы стали неотъемлемой частью политической системы. Выборные представители сословий заявляли власти о своих требованиях. Разумеется, этим формам сословного представительства было далеко до английского парламента, но игнорировать их власть тоже не могла. Династия Романовых была обязана Земскому Собору самым фактом своего существования.

«К концу царствования Михаила Федоровича практика коллективных обращений к власти установилась твердо и вместе с тем выяснилось, что правительство не в силах удовлетворить все пожелания сословных групп»².

Московский бунт 1648 года Платонов сравнивает с «революцией»³. Политический кризис развернулся на фоне затяжной экономической депрессии. Правительство, испытывая нехватку средств, пошло по классическому пути «жесткой экономии». Боярин Морозов, фактически возглав-

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 135.

² Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. С. 106.

³ Там же. С. 107.

дьявший тогда царскую администрацию, повысил пошлины на соль и табак, сократил дворцовые расходы, уволив часть слуг и сократив жалованье остальным. Неудивительно, что в Москве эти меры еще больше усугубили хозяйственную депрессию и вызвали всплеск ненависти к правителю. Недовольство правительством дополнялось раздражением буржуазии против духовенства, которое активно занималось коммерческой деятельностью, пользуясь при этом всевозможными привилегиями. Для «посадских людей» церковные иерархи были, прежде всего, конкурентами, причем конкурентами недобросовестными.

Пошлина на соль, введенная в 1646 году, была отменена в начале 1648 года, но было уже поздно. Хотя недовольство имело вполне экономические причины, восстание столичного люда приобрело политический характер. Требования бунтовщиков поразительным образом перекликались с лозунгами, вдохновлявшими народное возмущение в Англии. К ужасу патриарха Никона, в Москве добивались равенства всех граждан перед законом (что означало конец судебных привилегий духовенства). Шведские послы писали, что простолюдины в царской столице хотят быть удовлетворены «хорошими законами и свободой»¹. По существу, в России сложилась революционная ситуация. Иностранные наблюдатели, находившиеся в Москве, писали, что страна находится на грани большого восстания, и правительство может пасть в любой момент.

Насколько власть была перепугана, видно из поведения царя, пожертвовавшего всеми ключевыми людьми своего правительства. Судью Земского приказа Леонтия Плещеева велено было казнить, но возбужденная толпа расправилась с ним до того, как приговоренного привели к месту казни. Морозов был отставлен и бежал, а дом его разграбили. Собственным людям при дворе не доверяли настолько, что царская охрана составлена была исключительно из иностранцев (позднее их заменили русскими, но под командой голландских офицеров).

¹ Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. С. 108.

Паническое состояние царского двора понятно, если учесть, что бунт, разворачивавшийся в столице, находил отголоски по всей стране. «Острастка возымела сильное действие, — пишет Ключевский. — Двор перепугался; принялись задабривать столичное войско и чернь; стрельцов поили по приказу царя; царский тесть несколько дней сряду угощал у себя в доме выборных из московских тягловых обывателей; сам царь во время крестного хода говорил речь народу, звучавшую извинением, со слезами «упрашивал у черни» свояка и дорогого человека Морозова; на обещания не скупились»¹.

Царь униженно оправдывался перед народом: «Я обещал выдать вам Морозова и должен признаться, что не могу его совершенно оправдать, но не могу решиться и осудить его: это человек мне дорогой, муж сестры царицыной, и выдать его на смерть будет мне очень тяжело»².

Однако обещаниями и кадровыми перестановками ограничиться было уже невозможно. 1 сентября пришлось собрать Земский Собор для принятия нового свода законов, вошедшего в историю как Уложение 1649 года.

Однако если предыстория Земского Собора выглядит как классическое описание ранней буржуазной революции, то итогом кризиса стал порядок, разительно отличавшийся от западноевропейского. С одной стороны, Уложение 1649 года упразднило судебные льготы духовенства, положив, по словам Платонова, «начало равноправию середины московского общества с его аристократическим верхом»³. А с другой стороны, это же Уложение, утвердившее демократические принципы, закрепило и «право» помещиков на труд крестьян. Разрушение системы феодальных привилегий в России оказывалось отнюдь не шагом к гражданской свободе, а вехой в становлении крепостничества. И здесь нет никакого парадокса, ибо крепостное право было порождено не средневековой дикостью, а потребностями формирующегося рыночного хозяйства.

---

¹ Ключевский В.О. Соч. Т. 3. С. 125.

² Цит. по: Соловьев С.М. Соч. Кн. 5. С. 464.

³ Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. С. 108.

Как отмечает Платонов, в новых законах видны «все черты сознательной классовой работы»¹. Городские средние слои, взбунтовавшиеся в 1648 году, не были никак связаны с сельским населением. Более того, сельские помещики, использовавшие принудительный труд, были формирующейся русской буржуазии ближе, нежели крестьяне. Именно помещик был для торгового сословия партнером, а теперь оказался и политическим союзником.

Этот союз поместного дворянства и торговой буржуазии победил в 1648 году, нанеся очередной удар по привилегиям духовенства и старой знати, унизив и в очередной раз ограничив монархию. События 1648 года свидетельствуют не об отсталости, а как раз о достаточной развитости московского общества, которое смогло организовать и добиться своего от власти. Но вот расклад интересов оказался совершенно иным, чем в Западной Европе.

Парадоксальным образом социальный блок, восторжествовавший в России, не так уж сильно отличался по своему составу от тех, кто в те же годы делал революцию в Англии. В парламенте Кромвеля тоже господствовал союз буржуазии и нового дворянства, союз, скрепленный теми же общими интересами, что и в московском Земском Соборе. Принципиальная разница, однако, состоит в том, что коммерческая деятельность нового дворянства, толкавшая его в объятия буржуазии, основана была на свободном найме и арендных отношениях, тогда как в России — на крепостном труде.

Россия и Англия переживали один и тот же мировой кризис, но каждая страна — по-своему. Если Англия дала образец революционного выхода из «кризиса XVII века», то Россия — реакционного. При схожих обстоятельствах результаты оказались противоположны. И эти результаты отразили не только разный уровень социально-экономического развития или разные политические традиции, но, в гораздо большей степени, разные места, которые эти две страны заняли в складывающейся миросистеме.

¹ Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. С. 109.

Третье сословие Запада победило потому, что объединило в своих рядах большинство народа. Буржуазия, опирающаяся на крестьянские массы и городских плебеев, могла позволить себе не только конфликт с монархией, но и роскошь революционности. Массы периодически выходили из-под контроля, что порождало кровавые конфликты внутри самого «революционного» лагеря. Но в России крестьянское большинство было изначально исключено из политического процесса.

В известном смысле несостоявшаяся революция 1648 года предопределила расклад сил, воспроизведенный во всех последующих социальных кризисах русской истории вплоть до 1917 года. Победившая в 1648—1649 году «середина» объединилась не с «низами», а против «низов». Совершенно понятно, что при всем своем стремлении к правовому «равенству» она была неспособна к демократии и нуждалась в жесткой авторитарной власти для защиты своих интересов.

Буржуазия оказалась намертво связана с помещиками и тем самым неспособна на сотрудничество с крестьянством. Модернизация могла быть проведена только сверху, только под присмотром государственных солдат и чиновников, которые не дали бы сельским массам возможности ворваться в процесс. Царизм дожил до 1917 года потому, что при всех своих издержках более, нежели демократия, подходил для развития капитализма на периферии. В 1905 и 1917 годах русские марксисты объясняли реакционность отечественной буржуазии страхом перед поднимающимся пролетариатом. Но в 1648 году, когда ни о каком пролетариате не могло идти и речи, буржуазия действовала точно по той же логике, что и 250 лет спустя.

Русский капитализм опирался на помещичье хозяйство, внеэкономическое принуждение и жесточайшую эксплуатацию сельского большинства. Именно это делало его конкурентоспособным на мировом рынке. Именно это позволяло динамично развиваться, несмотря на узость внутреннего рынка. В России не могло быть третьего сословия. А потому не получилось и буржуазной революции.

Закрепощение на востоке Европы, как и рабство в Америке, было теснейшим образом связано с развитием капитализма на Западе. Оно стимулировалось все большим вовлечением периферии в новую рыночную экономику, одновременно предоставляя западной буржуазии дешевое сырье и продовольствие, необходимое для экономической экспансии¹. Можно сказать, что русский крепостной и плантационный раб своим трудом как бы кредитовали западноевропейский капитализм. Это, в свою очередь, привело к существенным различиям в формировании буржуазии. Капиталистические отношения складывались и на Западе, и на Востоке, но на Западе возникала промышленная буржуазия, тогда как на Востоке развивался преимущественно торговый капитал. Западная буржуазия оказывалась революционна и рассматривала сохранившиеся элементы феодализма как тормоз развития, тогда как восточная, напротив, жила в симбиозе с помещичьим хозяйством.

Русское крепостническое хозяйство было подчинено той же динамике, что и американские рабовладельческие

---

¹ Подробнее см.: *Postan M. The Rise of a Money Economy // Economic History Review. V. XIV. 1944.* Эту точку зрения оспаривает Роберт Бреннер, утверждающий вслед за большинством советских авторов, что крепостничество было исключительно проявлением феодальной отсталости. По мнению Бреннера, развитие торговли просто не могло подорвать личную зависимость крестьянина от помещика, а потому рынок существовал как бы сам по себе, а крепостное право — само по себе (см.: *The Brenner Debate. P. 26*). Точка зрения Бреннера, однако, не подтверждается фактическим материалом. Как уже говорилось, русский крестьянин до конца XVI века просто не знал тех форм личной зависимости, какие сложились в ходе Смутного времени и петровских реформ. Бреннер и другие представители теории «отсталости» не могут объяснить, почему по мере развития товарных отношений крепостничество не только не ослабевало, но радикально усиливалось, почему положение русского крестьянина в XVI веке было более или менее таким же, как у его западного товарища по классу, тогда как в эпоху Екатерины Великой оно уже мало отличалось от положения плантационного раба. Показательно, кстати, что Бреннер, подобно советским историкам, нигде не рассматривает и параллелей в развитии помещичьего и плантационного хозяйства, хотя эти параллели буквально бросаются в глаза.

плантации. Если Иван Грозный ограничил действие Юрьева дня, а Борис Годунов окончательно отменил его, прикрепив крестьянина к земле, то в XVIII веке крестьянина, как и плантационного раба, можно продавать без земли. Таким образом, именно с распространением европейского просвещения человек окончательно становится товаром.

ПОДНЕВОЛЬНЫЙ ТРУД

В отличие от средневекового феодального поместья, североамериканская плантация и русское крепостническое хозяйство XVII—XIX веков были тесно связаны с рынком. Производство здесь носило изначально коммерческий характер. В конечном счете, подневольный труд на периферии обеспечивал накопление капитала в центре. И, разумеется, гарантировал периферийным элитам достойное место среди мировых элит. Особенно это видно на примере России, которой крепостническое хозяйство отнюдь не мешало занять важное место в ряду европейских держав.

Экономика, основанная на принудительном труде, была невозможна без сильного государства. Аграрное развитие требовало освоения огромных просторов, которые нужно было защищать. В этом плане вновь напрашиваются параллели между историей крепостничества в России и историей рабства в Америке. Робин Блэкборн отмечает, что Голландия уступила Англии и Франции, поскольку не обладала достаточными средствами для поддержания империи, основанной на рабском труде. «И в отличие от Нидерландов, Британия и Франция были способны мобилизовать и направить значительные силы для защиты своих колониальных завоеваний в Новом Свете»¹. Наконец, необходимо было контролировать торговые пути, по которым продукция рабовладельческих плантаций поступала на мировые рынки. В противном случае она просто обесценивалась. Португалия, обладавшая обширной колониальной империей, но не имевшая сильного флота, сама превратилась в полуколонию

¹ *Blackburn R. The Overthrow of Colonial Slavery. P. 5.*

Англии. Поддержание плантационной экономики требовало постоянного применения «военной и особенно военноморской силы»¹.

Русское государство развивалось по той же логике, что и колониальные империи, создававшиеся Англией и Францией. Принципиальное различие состояло вовсе не в том, что российская экспансия XVII—XVIII веков была преимущественно сухопутной. Борьба за морские пути оставалась одной из главных задач русского государства на протяжении XVI—XVIII и отчасти даже XIX столетия. Гораздо более важное отличие состояло в том, что Россия, с одной стороны, отстояв свою самостоятельность в годы Смуты, развивалась как независимое государство, а с другой — являлась частью периферии. Эта периферийная империя обладала достаточной мощью, чтобы своими силами, на собственной территории решать те же вопросы, которые Англия и Франция решали в колониях. Россия являлась империей и объектом колонизации в одно и то же время.

Это предопределило многие особенности последующей русской истории — не только в политическом и экономическом, но и в культурно-психологическом плане. Можно сказать, что начиная с XVII века, русское государство осуществляет «самоколонизацию». Сильная власть, базирующаяся сначала в Кремле, а потом в петербургских дворцах, систематически порабощает собственное население, одновременно защищая свои границы от любых посягательств и обеспечивая торговые пути для вывоза на Запад продуктов, производимых на основе подневольного труда. Русский народ в одно и то же время становится народом «имперским», гордящимся своими историческими победами, и народом порабощенным, в сущности колониальным.

ОСВОЕНИЕ СИБИРИ

Оправляясь от потрясений Ливонской войны и Смуты, Россия в середине XVII века вновь активно включается в мировую торговлю в качестве поставщика сырья для

¹ Blackburn R. The Marking of World Slavery. P. 515.

развивающегося западного капитализма. Но по сравнению со временами Ивана Грозного ситуация на мировом рынке существенно изменилась. У Московии появились серьезные конкуренты в виде североамериканских колоний, поставлявших примерно ту же продукцию. С другой стороны, в XVII веке Россия готова предложить мировому рынку большие ресурсы, нежели за сто лет до того. Первым приобретением русского государства в XVI—XVII веках была Сибирь. Показательно, что завоевание огромных пространств Сибири начинается параллельно с Великими географическими открытиями и колонизацией Америки.

Почему русские не шли на восток раньше? Во второй половине XIII века здесь господствовали татары. Но в период расцвета Киевской Руси на востоке был политический вакуум. Тем не менее русские дружины упорно шли на север и северо-запад, на земли, не особенно пригодные для колонизации, совершенно безнадежные для земледелия, рискуя столкнуться (и постоянно сталкиваясь) с мощными силами шведов, двигавшимися в том же направлении.

Причина проста: север мог дать пушнину и другие товары, которые можно было выгодно продать на европейских рынках. Восток с точки зрения торговли привлекателен не был. Зерно еще не было товаром. Русь кормила себя сама. Европейские страны — тоже. Пушнины, получаемой с севера, вполне хватало, а доставить ее по рекам на рынки Южной Европы было легче. Сибирские реки текли с юга на север или с запада на восток и никак не были связаны с великими торговыми путями Средневековья.

С развитием колонизации в Новом Свете и ростом городов на европейском и мировом рынках резко повышается спрос на зерно. Одновременно поток серебра из Америки повышает спрос и на традиционные товары русского экспорта — меха, которые по-прежнему остаются в цене. Емкость мирового рынка увеличивается. В таких условиях русский торговый капитал начинает все больше интересоваться землями, находящимися «за Камнем», то есть за Уральским хребтом. Сибирь становится источником необходимых ресурсов.

Походы Ермака и его товарищей в Сибирь не просто совпадают с походами конкистадоров. Это части одного и того же миро-экономического процесса. В поход отправляются первоначально не царские армии, а отряды, набранные из вольных людей на купеческие деньги. Это, прежде всего, торговое предприятие; расширение державы и военная слава — лишь побочные продукты этого процесса.

В 1574 году Строгановы выпросили у Ивана Грозного жалованную грамоту на обширные земли, лежавшие за Уральским хребтом. Проблема, однако, состояла в том, что земли, столь щедро пожалованные московским царем, ему не принадлежали, а находились во владениях сибирского хана Кучума. С точки зрения московской бюрократии, имела место обычная ошибка делопроизводства. Однако Строгановы, получив документ, поторопились вступить в права собственности. Накупив самого лучшего по тем временам оружия, они снарядили за Урал наемный отряд во главе с казачьим атаманом Ермаком.

Вряд ли можно объяснить происхождение жалованной грамоты Строгановых наивностью и географической безграмотностью московских чиновников. Советский экономист и историк С.Г. Струмилин подозревает, что без взятки дело не обошлось. «В Москве, жалуя чужое добро, может быть, и не знали, что земли лежат за нашим рубежом, в границах сибирского царства, ссора с которым вовсе не входила тогда в расчеты Ивана IV. Но Строгановы, учитывая, что такие «подарки» при известной жадности к взяткам московских подъячих обходились не так уж дешево, не могли не знать, где и какой они себе выпросили подарок. Тем более вероятным становится известие летописи, по которому и славное завоевание Сибири вольницей Ермака Тимофеевича следует рассматривать как одно из широко задуманных коммерческих предприятий торгового дома Строгановых»¹.

Узнав о походе Ермака, московский царь и его окружение поняли, что они натворили. В столице начался переполох, стали писать Строгановым свирепые письма, требуя

---

¹ Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. С. 109.

казаков отозвать. Участников похода грозились всех перевешать. Но к тому времени, как письма дошли до Урала, Ермак уже успел завоевать все Сибирское ханство и овладеть его столицей Искером (ныне Тобольск). Царь сменил гнев на милость, Ермак был из преступника срочно переквалифицирован в национального героя, каковым и числится по сию пору. Но Строгановых все же наказали. Завоеванные Ермаком земли казна забрала себе. Расходы на снаряжение сибирской экспедиции торговому дому пришлось списать.

Вслед за торговым капиталом на восток двинулась крестьянская масса. Началась колонизация Восточного Урала и Сибири. Освоение «новых» земель русскими переселенцами идет одновременно с включением этих территорий в мировой рынок. Уже в 70-е годы XVI века купцы Строгановы вывозили сибирские товары в Антверпен и Париж.

Завоевание Сибири совершенно не похоже на феодальную экспансию. На новых землях нет крепостного права. Более того, местное население порой безжалостно истребляется, но никогда не превращается в крепостных или рабов. Решающее значение в завоевании Сибири имела предпринимательская инициатива купцов Строгановых. Получив от Ивана Грозного во временное владение земли на восточной границе России, они стали фактическими хозяевами «на том пустом месте ниже Великой Перми». Они могли набирать и вооружать «охочих людей», то есть формировать собственную армию, а сибирских татар «в дань за нас приводить»¹.

Короче, полномочия Строгановых явно напоминают статус английских и голландских купеческих компаний, созданных для освоения Вест-Индии и Ост-Индии.

Действия Строгановых в Сибири были тесно связаны с развитием мирового рынка. Как отмечают историки, богатство Аникия Строганова пошло с того, что он «ранее других русских людей сумел пробраться на Обь и наладить там обмен драгоценных мехов на дешевые «немецкие» безделушки и иной товар». На Алтае русские предприниматели обнаружили золото и серебро, что еще больше подогрело ин-

¹ Цит. по: Магидович И.П., Магидович В.И. Цит. соч. С. 15.

терес «деловых людей» к освоению Сибири. В свою очередь, добытые на Востоке товары поступали на Запад: «Для проникновения на рынки Западной Европы они подбирали торговых агентов из числа взятых в плен «немцев и литвяков», содержащихся в тюрьмах, приглашали опытных иностранных мастеров для постройки судов и моряков»¹. На протяжении XVII века состояние и торговый оборот Строгановых постоянно увеличивались. В одном лишь 1671 году их компания закупила в Архангельске «заморских товаров» на 30 тысяч рублей, сумму по тем временам огромную. В свою очередь, иностранцам были проданы воск, кожи, шелк, меха соболя, лисьи и песцовые шубы².

Если Колумб плыл через Атлантику, надеясь найти путь в Индию и Китай, то русские покорители Сибири реально достигли именно этой цели. Потому с XVII века в Москву через Сибирь поступают китайские товары, ранее перемещавшиеся по Великому шелковому пути, проходившему южнее. Однако то, что ранее через Сибирь не пролегали торговые пути, было отнюдь не случайностью. Вплоть до строительства Транссибирской железной дороги, наладить успешную торговлю по этому направлению было невозможно — не было подходящих речных путей.

Можно сказать, что русское завоевание Сибири по своим социально-экономическим и культурным параметрам больше похоже на англосаксонскую колонизацию Северной Америки, нежели на испано-португальское завоевание Америки Южной. Однако последствия сибирских походов оказываются совершенно иными, нежели последствия протестантской колониальной экспансии. Более того, в исторической перспективе русская экономика оказывается ближе к латиноамериканской, нежели североамериканской. Можно, разумеется, пытаться объяснить различия ссылкой на протестантскую этику или ее отсутствие. Но на самом деле существовала и другая, куда более весомая причина. Европейская часть России оставалась крепостнической. Буржуазия была маргинальна. Именно пытаясь преодолеть свою мар-

¹ Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Цит. соч. С. 15.

² См. там же.

гинальность по отношению к царскому государству, зате-вала она походы на Восток. Но западные области страны, где господствовало крепостное право, просто не могли выделить ни достаточного количества поселенцев, ни свободных капиталов для освоения новых территорий.

Вообще, в XVI веке, когда начинается великое движение на восток, население Московии вовсе не было поголовно закрепощено. Парадокс в том, что укрепление крепостничества в центре страны сопровождалось формированием казачьей вольницы на окраинах. И то, и другое оказывалось как бы двумя сторонами одного и того же процесса развития товарного земледелия и интеграции России в мировой рынок.

«Несмотря на интенсивную раздачу и самовольный захват государственных населенных земель, — пишет Дружинин, — сохранялось и постепенно увеличивалось сословие государственных крестьян, феодально зависимых от казны, но обладавших личной свободой, официально признаваемой законом. Наряду с закрепощенными земледельцами в пермских и поволжских лесах, на широких просторах Сибири, в южной степной полосе оседали массы беглых людей, которым удалось избежать организованных розысков, правительственных переписей и насилий местных органов власти. Это были не только свободные казачьи общины, которые непрерывно росли за счет беглецов, но также самовольные переселенцы, гонимые сектанты и «беспокойные» элементы, которым удавалось самостоятельно возвратить себе утраченную свободу. Так в крепостной России XVI—XVII веков создавались очаги свободного хозяйственного развития, сходные с американским институтом скваттерства, сложившимся благодаря наличию огромных незаселенных пространств с неосвоенными природными богатствами. Отличие таких самостоятельных хозяйств от скваттерских заключалось в том, что они возникали в пределах феодально-крепостной монархии, не могли использовать выгоды сложившегося капиталистического строя и жили под вечной угрозой преследования и разрушения»¹.

---

¹ Дружинин Н.М. Социально-экономическая история России. Избранные труды. М., 1987. С. 336.

Существует, впрочем, и другое объяснение различий между русским казачеством и североамериканскими колонистами, о котором, кстати, пишет тот же Дружинин: «Продвигаясь со стороны Урала в глухие районы Сибири, Русское государство должно было одновременно ожидать нападений с юга, создавать лесные засеки и сторожевые посты, держать на границах вооруженные отряды и вести искусную дипломатическую игру, чтобы сохранить занятые пространства. Опасность грозила и с запада, со стороны Ливонии, Швеции и Польши. Если огромная протяженность и возможность широкого расселения в разные стороны сближала Россию с американскими колониями, то наличие постоянной военной угрозы резко отличало Россию от заокеанских владений Англии»¹. На самом деле английские колонии в Новой Англии тоже находились под постоянным военным давлением — опасность исходила и с востока, от индейцев, и с севера, от французских колоний, и с юга, от испанцев. Как отмечал Робин Блэкборн, военный аспект колонизации был, в конечном счете, решающим. Именно ликвидация серьезной внешней угрозы в результате победы Англии над Францией в Семилетней войне подтолкнула колонии к борьбе за независимость — ранее они не могли защищать себя без помощи метрополии.

КАЗАЧЕСТВО

Проблема казачества была, прежде всего, проблемой демографической. «Самоколонизация» в европейской части страны одновременно требовала экспансии на восток и ограничивала ее возможности. Старая добрая Англия могла выделить гораздо больше свободных людей для колонизации, нежели Россия, которая сталкивалась с неразрешимым противоречием: с одной стороны, люди были нужны для освоения новых земель, с другой — для производства товарного зерна на европейской территории страны. И то, и другое есть порождение одного и того же процесса: торговый ка-

¹ Дружинин Н.М. Социально-экономическая история... С. 330—331.

питал нуждается во все возрастающем количестве товаров и ресурсов для экспансии на внутреннем и внешнем рынке. Но поскольку именно помещик является главным поставщиком дешевого зерна, крестьянин должен оставаться в крепостной зависимости. Мало того, что в западных землях эксплуатация крестьян усиливалась, крепостничество постепенно продвигалось на восток.

В таких условиях колонизация требовала еще более активной поддержки государства, чем в Америке. Казачьи общины не только находились под постоянным давлением со стороны самодержавного правительства, но, существуя на окраинах страны, подвергались регулярным нападениям внешних врагов, с которыми они не могли справиться без поддержки центра. В свою очередь, и государство было вынуждено терпеть казачество на окраинах, в той мере, в какой казаков можно было использовать для охраны границ.

Получалось так, что казаки начинали служить тому самому государству, от которого они бежали. Сотрудничество это, однако, было непостоянным, а отношения с властью — нестабильными. Время от времени правительство предпринимало меры для того, чтобы укрепить контроль над казаками, что вызывало, естественно, сопротивление последних. В периоды ослабления центральной власти казаки могли фактически не считаться с правительством и его воеводами, следуя лишь распоряжениям своих атаманов и «казачьих кругов», своеобразных «представительных органов» военной демократии, складывавшейся на окраинах России. Коллективное землевладение, не допускавшее слишком большого имущественного расслоения в рядах казачества, позволяло поддерживать эту разновидность самоуправления в течение длительного исторического периода. Казачьи отряды были своеобразными самоуправляющимися общинами, всячески оберегавшими свою самостоятельность. Казаки также играли ключевую роль во всех крупных антиправительственных восстаниях, потрясавших Россию с XVI по XVIII век. Вожди народных восстаний — Болотников, Разин, Пугачев — либо сами были казаками, либо

опирались на их поддержку, хотя основную массу восставших, как правило, составляли крепостные крестьяне. Многочисленные самозванцы, претендовавшие на русский трон в XVII и во второй половине XVIII века, также обращались к казакам за помощью.

«Особенно стойко поддерживали казаки самозванцев, выступавших под именем царевича (затем царя) Дмитрия Ивановича, в победе которого они видели гарантии почетного положения казачества в русском обществе, — отмечает современный историк, подводя итоги политическому кризису, охватившему русское общество в начале XVII века. — Стремление казачества добиться воцарения в Москве своего претендента было использовано в 1613 году романовской «партией». «Вольные» казаки явились одной из главных сил, способствовавших избранию на Земском Соборе Михаила Романова, которого они противопоставляли «боярским» кандидатам на русский престол»¹.

Тем не менее, при всем демократизме своей военной организации, казачество вовсе не было носителем передовых общественных отношений. Меньше всего казачьи хозяйства были похожи на буржуазные или семейно-фермерские. Напротив, бежав из центральных областей страны на окраины, казаки стремились восстановить на новом месте старые патриархальные порядки, подорванные правительственной политикой. По словам историков, «вольное» казачество Дона, Яика и Терека начала XVII века по «своему социальному развитию было много архаичнее общественного устройства Русского государства того же времени»².

В конечном счете, благодаря долгой борьбе казачество добилось свободы и привилегий для себя, но свобода эта пришла в форме средневековых сословных вольностей, а потому неудивительно, что к середине XIX века окрепшее казачество из периодически бунтующей и политически не-

---

¹ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII века. М., 1990. С. 243.

² Там же. С. 244.

надежной массы превратилось в консервативную силу, помогающую режиму удерживать в рабстве остальные сословия и социальные группы. Если протестантские колонисты первоначально были более или менее лояльными подданными короны и лишь позднее превратились в бунтовщиков, то русское казачество проделало обратную эволюцию. Уже в XVII веке казаки периодически грабили крестьян, облагая их всевозможными поборами. К началу XX века казачьи части стали главной силой, на которую (в отличие от ненадежной регулярной армии) правительство могло твердо рассчитывать при подавлении любых городских и сельских бунтов, стачек и восстаний.

БОРЬБА С ПОЛЬШЕЙ

Если сибирская колонизация расширила границы России на восток, то войны с Польшей не просто укрепили ее позиции на западе. Присоединив Украину, Московское государство захватило важнейший в Европе источник зерна.

Как уже неоднократно говорилось, хлеб становится важным товаром не только на мировом, но и на внутреннем рынке. А это означает, с одной стороны, активное освоение всех еще пустующих земель на юге, а с другой — обострение борьбы за эту землю между польской аристократией и украинским казачеством. Еще на рубеже XVI и XVII веков казаки активно участвовали в походах Речи Посполитой против Московии, но в середине XVII столетия положение дел резко меняется. Противостояние между польским помещиком и казачеством обостряется на Украине прямо пропорционально развитию зернового рынка. Эта борьба, в конечном счете, подорвала польское государство в том виде, в каком оно сложилось к концу Средневековья.

Борьба между казачеством и польской аристократией, как отмечает Покровский, была национально-религиозным противоборством по форме, но по сути являлась социально-аграрным конфликтом. Именно поэтому восстание Богдана Хмельницкого сразу приобрело массовый размах. Украинский историк Олесь Бузина подчеркивает, что ни в

одном документе эпохи Хмельницкого «мы не находим требований независимости Украины»¹.

С другой стороны, по мере того, как развивается зерновая торговля, обостряется и русско-польское противостояние. На сей раз борьба ведется не на берегах Балтики, а в степях Украины и заканчивается победой России. Украинское казачество, возглавляемое Богданом Хмельницким, видело в Москве скорее тактического союзника, от которого предстояло отделаться, как только будет решен вопрос с поляками, но Россия оказалась гораздо более сильным государством, чем могло показаться со стороны. Тактическое соглашение с московским царем обернулось присоединением Украины к России на несколько столетий.

Парадоксальное положение Российской империи в полной мере проявилось уже в XVII веке: с одной стороны — типичная периферийная страна, а с другой — великая европейская держава. Этот парадокс предопределил бесконечные противоречия политики, величественные взлеты и болезненные падения, империалистические амбиции и управленческую беспомощность, формирование мощной армии и неспособность преодолеть хроническую слабость экономики.

Та Россия, над судьбами которой ломали себе голову историки и философы, страна бескрайних просторов и постоянно нереализованных возможностей, противостоящая Западу и отчаянно стремящаяся приблизиться к нему, самодовольная и страдающая комплексом неполноценности, живущая под постоянным гнетом самодержавного режима, крепостническая, терпящая, но периодически взрывающаяся «бессмысленным и беспощадным» бунтом, эта Россия родилась именно в XVII веке. Завоевание Сибири резко изменило географию страны, крепостничество и самодержавие стали основой социального и политического порядка. Не татарское нашествие XIII века, а именно кризис XVII века и

---

¹ Бузина О. Тайная история Украины-Руси. Киев: Довіра, 2007. С. 290. Книга Бузины, разумеется, не может быть отнесена к разряду серьезных исторических исследований, но она является одним из редких примеров систематического разоблачения мифов, созданных как украинскими, так и русскими националистами.

последовавшие за ним преобразования, завершившиеся модернизацией Петра I, сделали Российское государство неизбежно авторитарным.

ДОМОРОЩЕННАЯ БУРЖУАЗИЯ

Складывавшийся в Москве режим нуждался в идеологическом оформлении. И именно здесь он столкнулся с неожиданными проблемами, чуть было не обрушившими здание нового общественно-государственного устройства.

Идеология в Москве XVII века — это религия, точно так же, как религия — это идеологическая и моральная опора государства. Однако сама по себе церковная организация Московского царства в XVII веке была исключительно нестабильна. Не была она и полностью изолирована от внешнего мира. Показательно, что в то самое время, когда на Западе официальная церковь переживает потрясения и разворачивается борьба между протестантизмом и католицизмом, в России сначала возникают многочисленные «ереси», а затем начинается церковная реформа.

Как и на Западе, лозунгом церковной реформы был «возврат к древнему благочестию», но на деле это была попытка приспособить церковь и идеологию к условиям нового времени.

Разумеется, решающее значение здесь имело не влияние западной Реформации, а схожесть условий общественного развития. На западе и на востоке Европы происходили параллельные процессы. Однако «периферийный» характер русского развития и здесь давал о себе знать.

Запаздывая, русская реформация не просто повторяла западный сценарий с отставанием на добрую сотню лет, но и радикальным образом меняла его, ибо соотношение, расстановка сил оказывались уже совершенно иными.

В Западной Европе «королевская» и «народная» реформация хоть и вступали в периодический конфликт, но все же оказались взаимосвязаны. Это было предопределено невозможностью полностью сломить старую католическую церковную организацию и приобретшим межгосудар-

ственный, межнациональный характер конфликтом между буржуазно-протестантским Севером и феодально-католическим Югом. В России, напротив, старая церковная система уступила свои позиции без борьбы, поскольку православие, в отличие от католицизма, самостоятельной политической организации не имело.

Зато столкновение «народной» реформации с официальной «церковной реформой» приняло характер борьбы за «старую веру». Впрочем, не следует забывать, что главный идеолог «старообрядчества» протопоп Аввакум и лидер официальной реформы патриарх Никон на первых порах выступали как союзники против традиционной церкви. Конфликт не был теологическим, он был социальным. Если внешне, догматически борьба могла восприниматься как столкновение «консервативных» масс с реформистскими верхами, то на деле именно старообрядцы отстаивали радикальный вариант церковной реформы — вплоть до таких ее крайних форм, как «беспоповство», то есть полная ликвидация особого профессионального слоя священнослужителей (то, что было предложено и наиболее радикальными протестантскими сектами на Западе). Николай Никольский в «Истории русской церкви» называет старообрядчество «крестьянской реформацией»¹. Однако специфика ее была не только в противостоянии народа правящим классам, но и в том, что реформаторское по сути, хоть и не по лозунгам, движение «снизу» формировалось в борьбе не со старой церковью, а с реформой «сверху». Точнее, имело место и то, и другое. То, что Аввакум в своей борьбе апеллировал к древнему благочестию, отнюдь не делает его самого

---

¹ Никольский Н. История русской церкви. М.: АСТ, 2004. С. 176. Анализируя социальную природу раскольниковского движения, Никольский подчеркивает преобладание в нем на первых порах «Крестьянской эсхатологической реформации», которую позднее отодвинули на задний план более умеренные течения. В этом отношении русский раскол тоже сопоставим с европейской реформацией: «При всем разнообразии идеологий, провозглашавшихся в качестве старой веры, между ними было тем не менее нечто общее — оппозиция против крепостнического государства и церкви как орудия его господства».

консерватором: Мартин Лютер и лидеры английских пуритан поступали точно так же. Протопоп Аввакум и его радикальные сторонники вынуждены были бороться со старой церковной организацией, но не консервативной, как католицизм начала XVI века на Западе, а напротив, активно реформирующейся. Русское православие не впустую провело полтора столетия, отделяющие Лютера от Никона. Оно усвоило и уроки «королевской» реформации, и опыт католической «контрреформации».

В свою очередь, возглавлявший официальную реформу патриарх Никон не только исправлял церковные книги по греческим образцам, но и стремился к единообразию, «стандартизации» обрядов, говоря современным языком. Греческая церковь, кстати, не настаивала на исправлении обрядов. Здесь преобладала государственная необходимость, стремление к модернизации сверху. Церковь должна была руководствоваться теми же принципами, что и государственная бюрократия, преобразуясь и входя в новую эпоху как часть системы управления.

Легко догадаться, что церковная власть такую реформу поддержала, а сторонников Аввакума с их идеями автономии общин подавила.

Раскольники-старообрядцы в России оказались одновременно средой, породившей преуспевающих предпринимателей, и наиболее последовательными противниками западного влияния. Они постоянно вели в посаде агитацию против иностранных купцов и западной «ереси», придавая коммерческой конкуренции пафос религиозного противостояния. Никониан старообрядцы обвиняли в потворстве западным ересям, а в правительстве видели проводника иностранного влияния. Поскольку власть навязывает людям «немецкие поступки», она должна быть отвергнута¹.

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. с. 148. Старообрядческие памфлеты времен Петра Великого изобличали царя в том, что он «изменил летоисчисление и назвался императором, чтобы скрыть, что он антихрист. Он украл восемь лет у Бога да еще перенес начало года на январь (никогда сотворение мира не могло быть в январе — ведь яблок тогда не бывает!).» В этом же ряду, однако, стояли и более

Легче всего представить старообрядцев в качестве мракобесов, реакционеров и врагов прогресса. Официальная церковная пропаганда изображала их в виде «людей отсталых и неумелых», способных только распространять среди народа ложные слухи, суеверия, «порицания и хулы»¹. Либеральная русская историография испытывала к Великому Расколу непреодолимую антипатию, в лучшем случае — отсутствие интереса.

Однако неизменные успехи староверов на предпринимательском поприще, продолжавшиеся вплоть до начала XX века, явно не вписываются в картину, рисуемую официальной церковной пропагандой и западнической исторической традицией. Именно раскольники породили многочисленные торговые и промышленные династии, а их идеологические воззрения стали своего рода местным аналогом пресловутой протестантской этики. Точно так же позднее, в эпоху сталинской индустриализации, заменой протестантской этики в качестве организующего морального начала выступала коммунистическая идеология.

Поскольку либеральная традиция связывает все прогрессивное и модернизаторское с западным влиянием, ее сторонники не могут даже вообразить, что в глубинах российского общества могли родиться собственные идеологии модернизации, которые неизбежно должны были вступить в соревнование с идеями, приходящими с Запада. Чем более старообрядчество было похоже на реформацию по своей направленности, тем больше оно должно было противопоставлять себя иностранному влиянию и проводившему это влияние государству. По существу, в лице старообрядческого движения Россия получила бессознательную попытку создать основы демократического буржуазного порядка, опираясь на собственные силы, а не на международную торговлю и западные технологии.

серьезные обвинения: правительство провело перепись населения (ревизию) и ввело подушную подать. (Никольский Н., Указ. соч. С. 190).

¹ Смирнов П. История христианской православной церкви. СПб., 1912. С. 219.

Старообрядческая идеология, подобно протестантской этике, характеризовала деловой успех как проявление божественного благоволения: «Держащиеся старой веры живут гораздо богаче держащихся новой, а это показывает, что Бог благословляет не новую, а старую веру»¹. Точно так же старообрядческая эмиграция из России во многом похожа была на эмиграцию кальвинистов из Старого Света в Новый.

Разумеется, силы были не равны. И не только потому, что западные технологии и организация в XVII веке были настолько мощнее русских, но, прежде всего, потому, что само русское общество и его элиты уже сформировались к тому времени как периферийные. Опорой старообрядческого движения был такой же блок городского торгово-ремесленного слоя с крестьянством, как и в Западной Европе. Однако события 1648 года показали, что в Московском государстве социальная история развивалась не по западному сценарию. Большинство складывающейся буржуазии связало свою историческую судьбу не с крестьянством, а с дворянством. В итоге и реформация, и буржуазная революция на западный лад становились невозможны в принципе, а дворянское государство обречено было стать «единственным европейцем в России» и главной модернизаторской силой.

Поражение старообрядчества положило конец демократическим тенденциям XVII века. Радикальное наследие Смутного времени было преодолено окончательно. «Периферийная» перспектива развития капитализма восторжествовала.

---

¹ Цит. по: *Покровский М.* Русская история с древнейших времен. Т. 3. С. 221.

Глава VII

ДЕЛО ПЕТРОВО

Реформы, начатые в России Петром I на рубеже XVIII века, стали одним из ключевых сюжетов отечественной истории. Речь идет не только о бестолковом и, в сущности, беспредметном романтическом споре «западников» со «славянофилами», но и о куда более содержательных дискуссиях среди исследователей начала XX века. Официальная литература (как царского периода, так и при Сталине) видела Петра Великого преобразователем и борцом с отсталостью. Однако уже известный историк С.Ф. Платонов писал, что наука «уже давно сдала в архив старое представление о «неподвижности» и «окаменелости» русской жизни до Петра Великого»¹.

Знаменитый философ Николай Бердяев считал Петра Великого «большевиком на троне»². А либеральный политик и историк Павел Милюков описывал Петра бестолковым бюрократом, увлекающимся абсурдными проектами и ради них ломающим все вокруг. С точки зрения Милюкова, европеизация Московии происходила естественным путем, и Петр скорее испортил дело своими чрезмерно радикальными начинаниями.

ЗАПАДНОЕ ВЛИЯНИЕ

В самом деле, Петр отнюдь не был правителем, внедрявшим в Московском государстве западную технологию или

---

¹ Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. С. 59.

² См.: Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press, 1955.

установившим связи с Европой. И то и другое произошло задолго до него. Точнее, связи с Западом никогда и не прекращались.

Вопреки представлениям позднейшей «западнической» публицистики Московия никогда не была изолированной от Запада — ни дипломатически, ни экономически. В противном случае немислимо было бы и существование в Москве знаменитой Немецкой слободы, где юный царевич Петр учил немецкий и голландский языки и перенимал европейские манеры. Но в то же время власть, возникшая в России после поражения в Ливонской войне и потрясений Смуты, действительно сознательно выбрала изоляцию, только не экономическую, а культурную, идеологическую. Государство первых Романовых, испытывая возрастающую зависимость от западных технологий, пыталось компенсировать это культурным самоутверждением, противопоставлением «московского благочестия» западным нравам. Россия не изолировалась от европейской культуры, а противопоставляла себя ей. Это противопоставление как раз потому и имело смысл, что русский человек XVII века сталкивался с различными проявлениями западной культуры постоянно.

«Государство, — пишет в.О. Ключевский, — запутывалось в нарождавшихся затруднениях; правительство, обыкновенно их не предусматривавшее и не предупреждавшее, начинало искать в обществе идей и людей, которые выручили бы его, и, не находя ни тех, ни других, скрепя сердце, обращалось к Западу, где видело старый и сложный культурный прибор, изготовлявший людей и идеи, спешно вызывало оттуда мастеров и ученых, которые завели бы нечто подобное у нас, наскоро строило фабрики и учреждало школы, куда загоняло учеников»¹.

Именно сочетание культурного изоляционизма с растущей интеграцией в формирующуюся мировую экономическую систему объясняет противоречивое, невротическое, почти шизофреническое состояние, в котором находились

---

¹ Ключевский В.О. Соч. Т. 3. М., 1988. С. 11.

правлящие круги Москвы к моменту воцарения Петра Великого.

По мнению Покровского, ключ к петровской реформе «приходится искать, в конечном счете, в условиях европейской торговли XVII века»¹. Однако непосредственной причиной событий, потрясших Россию на рубеже XVII—XVIII веков, было не сближение с Западом само по себе, а противоречие между этим объективно происходившим сближением и политической культурой Московского царства при первых Романовых.

Культурный консерватизм отнюдь не был присущ всей допетровской истории. Но Москва второй половины XVII века действительно являла собой странное зрелище. Чем больше она сближалась с остальной Европой технологически, чем больше вовлекалась в орбиту общеевропейской политики, тем более стремилась изолироваться в культурном отношении.

Как отмечает Платонов, культурный консерватизм режима первых Романовых был, прежде всего, реакцией на Смуту: «Казалось необходимым вернуть общественное сознание на старые пути древнего благочестия и национальной исключительности»². Но сами по себе представления о «национальной исключительности» и «древнем благочестии» были в значительной мере новыми идеологическими конструкциями, созданными специально для того, чтобы удовлетворить новые потребности власти.

Вообще-то, осознанная политика культурной изоляции проводилась не так уж долго, на протяжении второй половины XVII века. Именно в это же время отставание России от Запада непрерывно усиливалось. Нормализация жизни после Смуты привела к массовому спросу на импортные товары — от музыкальных инструментов до лекарств.

Как уже говорилось, число иностранцев в Московии на протяжении XVII века росло неуклонно. Уже в Ливонскую войну московское войско пополнялось пленными немцами

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 251.

² Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. С. 56.

(не говоря об английских «экспертах», присутствовавших на заднем плане). По словам современного историка, многие иностранные специалисты прибыли в Россию «как военная добыча»¹.

Как отмечает Платонов, «заморский солдат-профессионал, «мастер»-техник и купец обратились в необходимую принадлежность московской жизни»². Особенно массово их привлекали на военную службу. Неудачи русской армии в Ливонской войне выработали у московского начальства стойкое убеждение, что воевать профессионально могут только немцы. Массовый найм иностранцев начался при Василии Шуйском. Очень скоро московские правители обнаружили здесь и политические выгоды: в нестабильной обстановке того времени «немецкая» наемная стража была надежнее, не поддавалась агитации, не присоединялась к бунтам и не вникала в перипетии общественной борьбы. Иностранцев назначали на всевозможные командные должности, награждали огромным жалованьем, поместьями. Полковник пехоты получал 250 рублей в месяц, в кавалерии — 400 рублей, деньги по тем временам астрономические.

При Романовых военное ведомство настолько не могло обойтись без западных наемников (как солдат, так и офицеров, служивших инструкторами и специалистами), что завело у себя даже специальное учреждение — «Иноземский приказ». Тем самым защита национальной независимости и государственных интересов все больше оказывалась в руках иноземцев. Многочисленные западноевропейские авантюристы на русской службе получали огромные деньги, вербуя наемников, заказывая за границей вооружение, обучая солдат и создавая оружейные заводы. В 1632 году для войны с Польшей в Голландии закупали не только мушкеты и шпаги, но даже порох и ядра. Стоило все это невообразимо дорого. Командир пехотного полка, некий Лесли, ведавший подобными вопросами, за один год получил 22 тысячи рублей жалованья.

---

¹ Опарина Т.А. Цит. соч. С. 8.

² Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. С. 58.

Поскольку иностранцы, привлеченные такими условиями, в России оставались надолго, появилось деление на «старых» и «новых» немцев. Уже в 30-е годы XVII века в Москве стали различать «немцев» «старого» и «нового выезда», то есть прибывших до и после Смутного времени. «Старые» немцы быстро обрусели. Современный западный наблюдатель ехидно замечает, что «старых» сразу можно отличить — они «ходят в русском платье и очень плохи в военном деле»¹.

Однако, подчеркнем еще раз, не самоизоляция была причиной отсталости, а, напротив, периферийное положение России по отношению к складывающейся мироэкономике породило политику самоизоляции как своеобразную реакцию. Эта реакция была неэффективной, но вполне закономерной (достаточно обратить внимание на то, что такие же попытки «закрыться» предпринимались в XVII—XIX веках Китаем и Японией). При этом «изоляционизм» Московии в XVII веке был исключительно культурным. Он не только не предполагал отказа от экономических связей, но, напротив, в значительной мере основывался на них. Именно в силу того, что государство буквально не могло существовать без иностранных технологий, специалистов и даже военных наемников, оно пыталось сохранить свою политическую самостоятельность и найти идеологическое обоснование в постоянном подчеркивании религиозного и морального превосходства над Западом. В контексте культурного изоляционизма ранних Романовых новое звучание получил и лозунг «Москва — Третий Рим». Отныне утверждалось не ключевое значение России в контексте общей европейской и христианской истории, а «духовное» превосходство Руси на фоне все более очевидного технического превосходства Запада.

Православие не могло быть главной причиной изоляционизма. В течение большей части Средних веков религиозные распри не останавливали торговые и политические контакты русских князей со скандинавами, а позднее — с

¹ Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. С. 129.

Италией. В XVIII—XIX веках православие не только не мешало контактам с Европой, но и не смогло предотвратить растущей секуляризации общества. Не православие было причиной изоляционизма, а политика изоляционизма делала необходимым подчеркивание религиозных различий между православным Востоком и католическо-протестантским Западом.

Верхушка общества, публично провозглашая верность дедовским обычаям и православной вере, сама все более проникалась западными влияниями, всячески подражая в своем быту «европейскому комфорту», заказывая за границей дорогостоящие предметы роскоши и даже приглашая немецких актеров. Иностранная мебель, часы, кареты и другие престижные товары ввозились и покупались без разбору, без вкуса и здравого смысла. «Иноземное искусство, — иронически заключает Ключевский, — призывалось украшать туземную грубость»¹.

Воплощением растущей зависимости России от Запада стала Немецкая слобода в Москве. Держава не могла обойтись без иностранцев, но одновременно боялась их и старалась их изолировать. «Немцы» жили обособленно, в собственном маленьком пригороде. На них смотрели с восхищением и завистью. Однако если московские «ревнители благочестия» стремились оградить сознание своих сограждан от соблазна, то добились они обратного эффекта: процветающая Немецкая слобода контрастировала с однообразием обыденной жизни в Московии, становясь все более привлекательной, особенно для молодежи из привилегированных слоев общества.

В культурном плане Запад казался одновременно соблазнительным и отталкивающим. Правители Московии оказались в безнадежно противоречивом положении. С одной стороны, провозглашая незыблемость существовавших в стране порядков и обычаев, они осуждали западное «тлетворное влияние», с другой — все больше зависели от Запада. Чем больше «русский дух» стремились оградить от «ино-

---

¹ Ключевский В.О. Сочинения. Т. 3. С. 255.

земной заразы», тем в меньшей степени общество обладало иммунитетом по отношению к западным веяниям.

Петр Великий и его политика были естественным порождением Москвы конца XVII века, насквозь пронизанной иноземными влияниями, но не желающей это публично признавать. Представитель нового поколения, Петр готов был сделать решающий шаг. Это была именно КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. Ее успех был предопределен тем, что направление петровской политики было тем же, что и направление политики его предшественников. Петр не изменил курс, которым шла Россия, но он обеспечил культурные и политические условия, без которых этот курс не мог успешно проводиться. Растущая зависимость от Запада и постоянно усиливавшаяся интеграция в мировую экономику требовали нового отношения к западной культуре и реорганизации государственных структур.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ФАСАД

Фанатичное стремление Петра Великого заставить русский правящий класс до мельчайших деталей повторять образ жизни европейской элиты вызывало впоследствии иронические замечания даже у многих западников. Петровская культурная революция призвана была сломить сопротивление, которое оказывали западным идеям и нормам ревнители «старого благочестия». Естественно, вопрос о достоинствах и недостатках самой западной культуры не ставился. Ее надлежало заимствовать всю и сразу, так же, как заимствовали технологии и военную организацию. И Грибоедов, и А.К. Толстой язвительно писали про западные наряды русского дворянства. Чаадаев в своих философических письмах иронизировал по поводу господствовавшего у нас убеждения, будто «европейский прогресс», потребовавший столетий медленного развития, «мы можем себе сразу усвоить, даже не потрудившись узнать, как он свершился»¹.

---

¹ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранных писем. Т. 1. С. 332.

Однако политика Петра была вполне логична и обоснована. Государство Романовых не могло прожить без западных европейцев, одновременно пытаясь сохранить свою независимость, отгораживаясь от иностранцев культурно. Чем больше была экономическая зависимость, тем больше — потребность в культурном изоляционизме, и тем больше, в свою очередь, становилась зависимость.

Петр, исходя из той же логики, нашел иное решение. Если русские не могут обойтись без западных европейцев, русские дворяне сами должны стать иностранцами. При этом царь интуитивно понял, что западное знание, которое так стремились получить все русские цари, начиная от Ивана Грозного, порождено соответствующей культурой. Для того чтобы не просто получать результаты западной науки и технологии, но самим их развивать, необходимы люди, воспитанные в культурной среде, аналогичной западной.

Разумеется, западная наука, даже в эпоху блестящих открытий на рубеже XVII и XVIII веков, была далеко не единственной на планете моделью развития знания. Но она была единственной готовой моделью, доступной тогдашней России. Заменив иностранцев русскими и создав культурные условия для развития западной технологии и в России, Петр, казалось бы, сделал все необходимое для того, чтобы преодолеть отсталость страны. И если бы проблема была именно в отсталости, то к середине XVIII столетия она была бы раз и навсегда решена.

Итак, выбором Петра была революция сверху. В плане культуры потрясение было действительно грандиозным. На протяжении жизни одного поколения был разрушен один мир и создан другой. Культурный изоляционизм сменился открытостью, страх перед Западом — ориентацией на иностранные образцы. Даже язык изменился из-за введения массы немецких и голландских слов, обозначающих множество незнакомых ранее понятий. Вместо старой патриархальной системы управления была создана новая централизованная бюрократия по немецкому или французскому образцу. Армия и флот были полностью реорганизованы. Начала насаждаться новая система просвещения. Была ре-

формирована орфография. Сменился календарь. Появились новые праздники. Быт, обычаи правящего класса стали западными. Изменилась архитектура, следовательно, и облик городов. Новая столица Санкт-Петербург, построенная на берегах Невы, где раньше ничего не стояло, становилась символом модернизации и нового величия России. Успешные войны закрепили достигнутое, открыли стране выход к морю и сделали европейскую политику без России немыслимой.

Как и всякая революция сверху, «дело Петрово» несло в себе многочисленные противоречия. Верхушечный характер реформ, проводившихся правительством с головокружительной быстротой, делал их, по существу, антинародными. С точки зрения Петра, новая столица строилась на пустом месте, на деле же она была построена на болоте, удобренном костями тысяч крестьян, согнанных на эту работу во имя «величия империи». Население новой столицы жило в совершенно невыносимых условиях, страдая от ужасного климата и частых наводнений. Известно, что «первые обитатели побережья Невы никогда не строили прочных домов, но небольшие избушки, которые, как только приближалась бурная погода, тотчас ломали, складывали доски на плоты, привязывали их к деревьям, а сами спасались на Дудерову гору»¹.

Система, создававшаяся усилиями небольшой европеизированной элиты, навязанная стране верховным властителем, не могла быть иной, кроме как авторитарной. Парадокс в том, что чем более радикальными были реформы, тем более сильной, неограниченной и деспотичной становилась центральная власть. Упорядочивая государство и придавая ему европейскую форму, Петр I, по существу, делал его еще более варварским.

Это очевидное противоречие не давало покоя мыслителям и историкам последующих эпох. Причем как в России, так и на Западе. В разгар Крымской войны один из английских журналистов с недоумением констатировал: «Так, об-

---

¹ Пыляев М.И. Старый Петербург. Спб., 1889. С.110.

ращаясь к русской истории, мы обнаруживаем, что деспотизм по мере развития цивилизации и роста империи не исчезает, а напротив, укрепляется»¹. Пушкин, восхищаясь Петром I, считает, что насаждая в России европейское просвещение, тот неизбежно создавал предпосылки для «народной свободы», но тут же оговаривается, что этот великий реформатор «презирал человечество», а все сословия, «окончанные без разбора были равны перед его ДУБИНКОЮ. Все дрожало, все безмолвно повиновалось»².

Не стоит думать, будто недовольство политикой Петра было вызвано культурным консерватизмом жителей Москвы. Скорее наоборот, бедствия, порожденные реформами, служили питательной средой для культурного консерватизма низов. Для большинства населения страны военные мероприятия Петра оборачивались настоящим разорением. «Вводя в условиях войны со шведами все новые и новые чрезвычайные денежные, натуральные и людские поборы и повинности, правительство не отменяло старых, пытаясь содрать с отощавшего стада три шкуры, — пишет вятский историк, оценивая ситуацию на северо-востоке Московского государства. — При этом система самообложения предполагало, что стадо само должно стричься и свеживаться»³. Поскольку органы местного самоуправления не проявляли по этому поводу достаточного энтузиазма, центральная власть постепенно ослабляла их, заменяя собственными структурами.

Общеизвестно высказывание Вольтера о том, что Петр искоренял варварство варварскими методами. Исторические писатели обожали изображать великого царя, собственноручно рубящего головы взбунтовавшимся стрельцам или стригущего бороды боярам. Но дело не только в жестокости и грубости царя-реформатора, а в самих насаждавшихся им новых порядках. Либеральный исследователь XIX века, начинавший с безусловной симпатии к царю-«за-

---

¹ The Edinburgh Review, 1855, v. CI, No. 206. P. 523.

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 8. М., 1958. С. 126.

³ Бердинских В. Цит. соч. С. 80.

паднику», неизбежно задавался вопросом: почему построенная им империя оказалась столь авторитарной? Со времен Ключевского укоренилось мнение, что по своей внутренней организации российское государство после петровских реформ стало еще менее европейским, нежели раньше. Как отмечает Ключевский, «под формами западноевропейской культуры складывался политический и гражданский быт совсем неевропейского типа»¹. Крестьянство было окончательно закрепощено, элементы местного самоуправления и автономии устранены.

При этом русская либеральная историография, разумеется, исходила из абсолютно идеалистического, упрощенного представления о «Западе» как обществе гражданских добродетелей и политических свобод. Вне поля зрения русских исследователей неизменно оставалось колониальное государство, построенное представителями все той же «западной цивилизации» на периферии новой мировой системы.

Критерием успеха петровских реформ в традиционной историографии принято считать победу в Северной войне и внешнеполитические успехи петербургской империи. Однако сразу же возникал вопрос о цене этих побед. Знаменитый либеральный историк и политик начала XX века Милюков, подвергший петровские реформы уничижающей критике, писал: «Новые задачи внешней политики свалились на русское население в такой момент, когда оно не обладало еще достаточными средствами для их выполнения. Политический рост государства опять определил его экономическое развитие». В итоге, продолжает Милюков, «ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы»².

Подобный ход мысли вообще типичен для русской и западной либеральной историографии, представляющей государство как нечто самодостаточное, действующее на основе какой-то собственной внутренней необходимости. В ре-

---

¹ Ключевский В.О. Соч. Т. 3. С. 367.

² Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905. С. 546.

зультате государство своими политическими амбициями и военными потребностями деформирует «естественное» развитие экономики и общества. Этот ход мысли задал еще Ключевский, заявив, что на протяжении русской истории «внешнее территориальное расширение государства идет в обратно пропорциональном отношении к развитию внутренней свободы народа»¹.

Вне поля зрения исследователей остается вопрос о том, насколько политические и военные задачи русского государства сами вытекали из сложившейся экономической ситуации, как отечественной, так и глобальной. Государство не «деформировало» общество и не «душило» его, а развивалось вместе с ним, реагируя на вызовы внешнего мира. Именно потребности складывавшейся мировой экономики, а не амбиции Петра или некий абстрактный «государственный интерес» толкали Россию и Швецию к смертельной схватке на Балтике. И именно общие правила, установленные в новой миросистеме, предопределили то, что военный триумф России не привел страну к процветанию.

«Банкротство петровской системы, — пишет Покровский, — заключалось не в том, что ценою разорения страны Россия была возведена в ранг европейской державы, а в том, что, несмотря на разорение страны, и эта цель не была достигнута»². Историческая трагедия петровских реформ состоит в том, что, решая проблему технической отсталости и культурной изоляции, они еще больше встраивали Россию в формирующую мировую систему, закрепляя как раз периферийное положение страны. Парадокс в том, что и за такое место в мировой системе приходилось бороться. Петровские реформы предопределили окончательную победу России над Польшей в этой борьбе.

Культурная реформа, проведенная Петром, дала огромное преимущество России над ее западными соседями, у которых ничего подобного не произошло. Польский правящий класс был не менее отсталым, чем российский: его посто-

¹ Ключевский В.О. Соч. Т. 3. С. 7

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 3. С. 4.

янные военные неудачи, непрекращающийся политический упадок говорили сами за себя. Однако, будучи в культурном отношении более «западным», он так и не смог осознать масштабов собственной отсталости и сформулировать задачу радикальной культурной реформы. В Московии же, напротив, именно официально декларируемый культурный изоляционизм второй половины XVII века обострил понимание проблемы, как бы «от обратного» подготовив радикализм петровских преобразований. Комплекс неполноценности, сложившийся у части русской элиты к началу петровских реформ, начисто отсутствовал в Польше. Напротив, в Москве рубежа XVII—XVIII столетий именно это ощущение собственной недостаточности в сочетании с пониманием своих огромных возможностей стало мощнейшим стимулом к действию.

ИМПЕРИЯ РАСШИРЯЕТСЯ

Походы против Польши во второй половине XVII века оказались успешными несмотря на то, что Россия первых Романовых по отношению к остальной Европе — страна еще более отсталая, нежели Московия Ивана Грозного. Но с другой стороны, Польша тоже является отнюдь не представителем передовой обуржуазивающейся Европы. Напротив, это такая же периферийная страна, как и Россия, со сходной динамикой развития. Несмотря на внешние проявления «европейской» культуры (начиная от католицизма, заканчивая подражанием французской дамской моде), Польша в целом переживает упадок. Ее периферийное положение предопределило неудачу реформации, которая на первых порах получила здесь значительную поддержку. В XVII веке Польша примыкает к лагерю контрреформации. Сочетание периферийной экономики и феодальной реакции в идеологии гарантируют постоянное ослабление позиций Польши в меняющемся мире. В военном отношении, однако, решающие удары по ней наносит не Россия, а Швеция, стремящаяся поставить под свой контроль портовые города, через которые польский экспорт поступает на мировые рынки.

Теперь, когда проведенная Петром реформа позволила реорганизовать армию и модернизировать бюрократию, настал черед борьбы со шведами. Великая Северная война означала не только торжество русского оружия, но и установление нового геополитического равновесия на Балтике. Через Ригу и Ревель шел значительный поток русских товаров, поэтому, отвоевав эти города, российское правительство удерживало их в руках без особых трудностей до 1917 года. Эти успехи Петра особенно контрастируют с трудностями Ивана Грозного, которому закрепиться на балтийских землях упорно не удавалось. Со времени Ливонской войны многое изменилось. Мало того, что рижская буржуазия наживалась на русском экспорте, она рассматривала шведов как конкурентов. Стокгольмское правительство так и не освободило рижских купцов от зундских пошлин, которые не платили шведы, немецкое дворянство постепенно теряло свои привилегии. Неоднократные попытки немецкой балтийской элиты добиться «справедливости» у шведского короля не давали результатов. Хуже того, в своем стремлении подорвать позиции немцев шведы стали покровительственно относиться к коренному населению. Неудивительно, что приход русских на Балтику в начале XVIII века немецкими баронами и купцами воспринимался с облегчением. Петр с легкостью подтвердил бюргерам Ревеля и других городов «все старые привилегии, свободы и права». Как заметил современный историк, «свирепый тиран при необходимости становился большим демократом»¹.

Укрепление военной силы России, ее становление как морской державы на Балтике, однако, никоим образом не отменяли периферийного характера ее развития. История русского военно-морского флота в этом отношении показательна. Голландия, Британия и даже Испания с Португалией нуждались в мощном военном флоте для поддержки и защиты флота торгового. Напротив, Россия, завоевав выход к морю, в кратчайший срок построила внушительные военно-морские силы, но значительный (по мировым масштабам)

---

¹ Широкопад А. Цит. соч. С. 180.

торговый флот создать оказалась не в состоянии вплоть до революции 1917 года. Торговые партнеры России — Англия и Голландия — сами были ведущими морскими державами. К тому же Навигационный акт запрещал ввозить в британские порты товары иначе как на британских же кораблях. Таким образом, рост русского экспорта, даже в периоды, когда Россия имела положительный торговый баланс с Западом, способствовал в первую очередь развитию английского и голландского торгового капитала. В свою очередь, русский флот на Балтике оказался вынужден охранять торговые пути для британских и голландских судов.

В своем знаменитом памфлете о секретной дипломатии XVIII века Карл Маркс отмечает, что поддержка российской военно-политической экспансии в Европе стала «открыто провозглашаемой и ортодоксальной догмой английской дипломатии»¹. Поскольку во времена Маркса русский царизм воспринимался главной опорой европейской реакции, автор «Капитала», не удосуживая себя более тщательным «марксистским» анализом, в самых гневных словах осуждает политику британских кабинетов. Между тем показательно, что пророссийскую политику в Лондоне проводили именно виги — либералы, поборники свободной торговли и буржуазного прогресса. Маркс видит в этом лишь проявление политической близорукости и двуличия, а также доказательство голландского влияния. Главная его задача — показать, что на протяжении ста с лишним лет сменявшие друг друга кабинеты проводили политику, никоим образом не отражавшую ни национальные, ни даже торговые интересы Британии. Радикальный публицист здесь явно подавляет в Марксе исследователя.

Рассматривая статистику русско-английской торговли, Маркс замечает, что в ходе Северной войны она выросла ровно настолько, насколько англо-шведская сократилась. Следовательно, произошедший рост объясняется просто переходом под русскую корону бывших шведских провинций

---

¹ Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century and of the Life of Lord Palmerston. P. 61.

Прибалтики. Однако Маркс не учел, что балтийские порты торговали в значительной мере русскими товарами. Английский капитал теперь получает доступ на русский рынок прямо, без шведского посредничества и пошлин. Всего внешняя торговля России при Петре Великом выросла в 8—10 раз. Основная часть ее приходилась на Англию и Голландию.

Тем не менее, поддерживая стремление России к модернизации, всячески поощряя Петра I в его стремлении «ногою твердой стать при море», английский и голландский торговый капитал, равно как и официальная дипломатия обеих стран, не проявляли особого восторга по поводу начала Северной войны между Россией и Швецией. Русская историческая традиция, в свою очередь, склонна видеть в этом типичное поведение «коварного Альбиона», двуличие английской политики. Маркс видит такое же коварство, но уже в отношении Швеции. Формально англо-шведские отношения в годы Северной войны были дружественными, вплоть до 1719 года между двумя странами даже существовал договор о совместной обороне. «И тем не менее, в течение почти всего этого периода мы видим Англию последовательно помогающей России и ведущей против Швеции войну с помощью тайных интриг, а порой и с помощью грубой силы, хотя договор никто не отменял, а войны не объявлял»¹.

Голландцы, имевшие торговый, а англичане — еще и военный договор со Швецией, вооружали и обучали войско Петра. В 1715 году Англия присоединилась к антишведской коалиции почти в открытую: на стороне России выступил Ганновер, объединенный с Англией династической унией. В 1716 году британский флот появился у берегов Зеландии, чтобы поддержать русско-датский десант, готовившийся к высадке на территории Швеции. Однако русское командование, в конечном счете, от этой рискованной затеи отказалось, причем отношения между союзниками за время пребывания русских войск в Дании сильно испортились. Войска Петра возвратились на родину, и уже с 1718 года

---

¹ Marx K. Secret Diplomatic History... P. 86.

английская политика в отношении России резко меняется. Почувствовав, что петровская империя пытается занять на Балтике господствующее положение, в Лондоне начали всячески этому противодействовать. Английский флот вновь появился на Балтике, на сей раз для того, чтобы сдержать рост русского могущества и принудить Петра к заключению мира. Что и было вскоре достигнуто¹.

Чем, однако, руководствовались в Лондоне и Гааге, проводя столь двусмысленную политику в отношении России? Причина этой двойственности была та же, что и во время Ливонской войны. С одной стороны, Швеция была союзником Франции, злейшего врага и англичан и голландцев, английской промышленности был нужен доступ к русским рынкам, голландским купцам было нужно русское зерно. Но с другой стороны, не менее важны были для них и польские рынки, доступ к которым обеспечивал немецкий торговый капитал под военно-политическим патронажем шведской короны. Иными словами, в начале XVIII века английская дипломатия столкнулась с тем же противоречием, что и во время Ливонской войны. Разница была лишь в том, что в Ливонскую войну Московия вела непосредственную борьбу с польскими армиями, а в Северную войну Речь Посполитая уже не играла самостоятельной роли, превратившись из субъекта в объект международной политики. Саксония, Швеция и Россия боролись между собой за влияние в Польше. Но общий экономический расклад оставался прежним. Усиление России автоматически означало углубление упадка Польши.

В XVII веке Швеция систематически захватывала устья рек, по которым польский экспорт может быть отправлен в Балтийское море. Теперь шведов теснила поднимающаяся Россия. Рост влияния на Балтике не только открывал ей доступ к морю, но и создавал возможность контроля над товарными потоками, идущими из Польши. Наконец, превра-

---

¹ Надо сказать, что английское посредничество было не совсем бескорыстным: в качестве «благодарности» Швеция была вынуждена уступить часть своих германских владений Ганноверу.

щение петербургской империи в самостоятельную торговую силу на Балтике в планы Лондона никак не входило. «Преобладание малопроизводительной и бедной Швеции в Балтийском море при незначительном распространении шведской активной торговли не слишком беспокоило Англию, — читаем мы в старом немецком исследовании по морской истории. — Но если бы вновь созданное российское государство взяло в свои руки торговлю сырьем, доставляемым из внутренних областей России и Польши, то, вероятно, монополии Англии и Голландии пришел бы конец»¹.

И Россия, и Польша вошли в мировую систему именно как поставщики дешевого сырья и продовольствия. Но именно потому, что, в конечном счете, эта роль не предполагала больших выгод, обе страны были обречены на жесточайшую борьбу между собой, стремясь максимизировать те немногие преимущества, которые давало их участие в мировой торговле. Именно в этом и состоял пресловутый «спор славян между собою».

По существу, они боролись за одно и то же место в мировой системе. И если в XVI веке Россия вчистую проиграла первый этап этой борьбы, оказавшись на грани полной катастрофы, то в XVIII веке она не только взяла реванш, но и обрекла Польшу на экономическую и политическую деградацию, а позднее — и на потерю политической независимости. Подъем России сопровождается упадком Польши. В годы Смуты польские войска стояли в Кремле, а польский королевич претендовал на московский престол. Эпоха торговых войн завершилась разделом Польши и присоединением ее хлеботородных провинций к России. В XIX веке под власть руского царя перешла Варшава.

Раздел Польши закрепил положение России в мироэкономике как ведущего поставщика дешевого сырья и зерна. «После присоединения Польши, — удовлетворенно констатирует Кирхнер, — даже сухопутные торговые пути были открыты. Борьба России за непосредственную связь с Запа-

---

¹ Штенцель А. История войн на море. С древнейших времен до конца XIX века. Т. 2. М.: ЭКСМО. 2002. С. 324.

дом была выиграна, и обе стороны остались в выигрыше»¹. Так историк, отстаивающий принципы свободной торговли, с почти детской наивностью констатирует положительные последствия уничтожения одного из ведущих европейских государств. После раздела страны польские патриоты на протяжении полутора столетий регулярно обращались к либеральному Западу с просьбами о помощи, но от них отделялись двусмысленными обещаниями. Увы, борцы за национальное возрождение, как и свойственно романтикам, обращали на лозунги и декларации куда больше внимания, чем на деловые интересы.

САМОДЕРЖАВИЕ

Авторитаризм русского государства в XVI—XVII веках далеко не уникален. Иван Грозный мог недоумевать по поводу странных английских порядков, при которых его «царственная сестра» Елизавета мирилась с парламентским представительством, но другие европейские монархи смотрели на лондонское правительство с такими же чувствами. Для того времени исключением была именно Англия. И неслучайно новая династия Стюартов, взойдя на трон, пыталась исправить политическую систему на континентальный манер.

Совершенно иначе обстояло дело в XVIII—XIX веках, когда принципы политического представительства пробируют себе дорогу в Европе. На Западе происходят буржуазные революции и политические реформы, тогда как в России самодержавие не только сохраняется, но и укрепляется. Неудивительно, что современниками это воспринимается как доказательство отсталости. Однако этот авторитаризм был необходимым следствием крепостничества, которое отнюдь не было просто пережитком прошлого. Экономика «просвещенного» XVIII века основывается на принудительном труде, который, в свою очередь, обеспечивает включение России в систему европейских держав. Крепостничество остается ключевым элементом всего модернизаторского

¹ *Kirchner W. Op. cit. P. 21.*

петербургского «проекта», экономической основой русского «западничества».

Непрерывно усиливающееся вовлечение в мировую систему требовало модернизации русского капитализма. Между тем отечественная буржуазия, как и в большинстве периферийных обществ, не только отставала от своих западных «братьев по классу», но и не могла в полной мере удовлетворить потребности мировой экономики в русских товарах. Именно поэтому решающую роль в формировании капиталистических отношений с самого начала играет именно государство, обслуживающее, прежде всего, потребности мирового, а не внутреннего рынка.

«Торговый капитализм, — писал М. Покровский, — шел к нам с Запада; мы уже тогда были для Западной Европы той колонией, характер которой во многом мы сохранили доселе»¹.

Крепостническая Россия в XVIII веке оставалась для Запада крупнейшим поставщиком сельскохозяйственных товаров, сырья и полуфабрикатов. Причем львиная доля русского экспорта приходилась на буржуазные страны — Англию и Голландию.

Активную роль в международной торговле играла православная церковь. Основатель Печенгского монастыря преподобный Трифон был, безусловно, одним из пионеров торгового капитализма, наладив экспорт зерна в Нидерланды. Дела шли хорошо, и печенгские братья заключили торговые соглашения с партнерами в Антверпене, а затем в Амстердаме.

Хотя масштабы русской торговли с завоеванием балтийских портов резко выросли, структура ее оставалась примерно такой же, как и в предшествующее столетие. Продолжался вывоз древесины. В огромных количествах вывозились технические культуры — лен, пенька. Как отмечают современные исследователи, рыночный спрос влиял на организацию помещичьего хозяйства. Интерес к техническим

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. С. 256.

культурам резко возрос, «расширение их посевов, улучшение обработки продукции во многом были продиктованы внешним спросом»¹. Часть урожая передавалась помещику в виде натурального оброка, остальное скупалось перекупщиками.

Буржуазия в России развивалась, срастаясь с самодержавным государством и помещичьим землевладением. Старейшие купеческие семьи в Москве были, по свидетельству историков, «самым теснейшим образом в своей деятельности связаны с абсолютизмом и феодальным сектором, пользуясь привилегиями и ссудами правительства, освобождением от постоев, служб, налогов, получая право на монопольное производство и продажу товаров и использование крепостного принудительного труда»². С XVIII века многочисленные купеческие семьи получали дворянство и таким образом добывали себе политические права.

По сути дела, историческая трагедия России была во все не в отсутствии у народа свободолюбия или привычки к свободе, а в отсутствии организованных структур гражданского общества. Именно поэтому Россия не раз завоевывала свободу, но никогда не могла закрепить ее. Включение России в мировую экономику и развитие связей с Западом вело не к становлению и расцвету гражданского общества, а к укреплению авторитаризма. Возникла противоречивая ситуация. С одной стороны, культурные и идеологические влияния, идущие с Запада, тесно связанные с развитием новых производственных отношений, требовали раскрепощения личности и формирования гражданских институтов. С другой стороны, логика экономического взаимодействия между Россией и миросистемой предполагала сохранение авторитарной системы власти, не только в государстве, но и в обществе. Этот авторитаризм не мог не пронизывать всю глубину социальных отношений.

---

¹ Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР. СПб. IX. М., 1980. С. 254.

² Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII века. М., 1988. С.133.

В XIX веке историки-славянофилы яростно ругали Петра Великого за его реформы. Однако эта критика не смогла повлиять на доминирующее направление исторической мысли. И дело не только в очевидной внутренней противоречивости славянофильства, которое, яростно отрицая все западное, само по себе было в значительной мере продуктом западных, в первую очередь немецких идей — без влияния эстетики романтизма и философии Шеллинга славянофильство никогда бы не появилось на свет. Важнее то, что, рассматривая поворот России к Западу исключительно с культурной точки зрения, славянофилы в качестве своего идеала видели Москву допетровскую, не признавая, насколько московское царство было зависимо от Запада, а русская история XVI—XVII веков подготовила и сделала неизбежной петровскую реформу. В рамках того пути, по которому страна шла с 60-х годов XVI века, эта реформа была закономерна и даже спасительна. И ее относительный успех (по крайней мере, на культурно-политическом уровне) был предопределен именно предшествующими событиями. Это был не разрыв с прежней траекторией развития, а ее кульминация.

Другой вопрос, что западное влияние отнюдь не обязательно оказывалось благом для России. Если в XVI—XVII веках Россия постоянно сражается, идет на огромные жертвы, чтобы вписаться в создаваемую Западом миросистему, то Япония в эту же эпоху закрывается от Запада. С точки зрения «западнических» теорий развития, этот шаг должен был бы обернуться для страны исторической катастрофой беспрецедентных масштабов. В последующие почти двести лет, пока Россия жила вместе с Западом, участвовала в его войнах, торговала с ним и перенимала его технологии, Япония оставалась изолированной и, казалось бы, потеряла почти два века для развития. Однако в конце 60-х годов XIX столетия, когда Япония, наконец, открылась для внешнего мира, оказалось, что ничто не мешает успешному формированию там капитализма, внедрению новых технологий и созданию современного государства. В кратчайший срок Япония догоняет Россию, а в начале XX века оказывается способна нанести ей сокрушительное поражение в вой-

не 1904—1905 годов. Причем успех японцев предопределен не гениальностью полководцев или численным перевесом, а именно более высоким уровнем технологии и организации. Отсталой страной к началу XX века оказывается не Япония, а именно Россия!

Самоизоляция оказалась для Японской империи настолько же эффективной стратегией, насколько неудовлетворительными для самого русского общества оказались итоги модернизации, предпринятой Петербургской империей. Разумеется, островная Япония, находившаяся за тридевять земель от Европы и к тому же опирающаяся на совершенно иную культурную традицию, могла избрать изоляционистскую стратегию, которую Россия, несмотря на все мечтания ревнителей древнего благочестия, реально осуществить не могла. По крайней мере — не в XVII веке. Но невольно напрашивается вопрос: может быть, трагедия русской отсталости предопределена вовсе не отдаленностью и оторванностью от Европы, а как раз наоборот — ее близостью и связью с Западом, тем, что при всем желании Россия, ни Московская, ни Петербургская, никуда не могла от него деться?

Глава VIII

ЭКСПАНСИЯ XVIII ВЕКА

Покровский солидарен с Милюковым, считая, что «естественное развитие тех зачатков капитализма, какие существовали в XVII веке, дало бы больше, нежели все попытки вогнать русскую буржуазию дубиною в капиталистический рай»¹. Однако специфика капитализма в том, что он делает «естественное развитие» в одной отдельно взятой стране немислимым. Формируясь в качестве глобальной системы, капитализм втягивает все общества в мировой рынок, навязывая им общие правила игры и «заражая» одними и теми же болезнями. Капитализм в России развивался не столько в результате естественных внутренних процессов, сколько под давлением извне: страна должна была модернизироваться, стать капиталистической, чтобы удовлетворять потребности мироэкономики. Разумеется, в самой России существовали собственные зачатки буржуазного развития. Но именно стремительное вовлечение страны в мировой рынок и головокружительная модернизация, вызванные необходимостью участвовать в политической и экономической жизни Европы, отнюдь не благоприятствовали развитию этих зачатков «туземного» капитализма.

Буржуазные отношения в России развивались, но одновременно и видоизменялись. Складывались специфические структуры периферийного капитализма, воспринимавшиеся наблюдателями то как проявления отсталости, то как доказательства «самобытности».

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 3. С. 25.

Правительство оказалось не только, по выражению Пушкина, единственным европейцем в России, но и ее первым капиталистом. Двор управлял не только политической, но и деловой жизнью страны. Государственный грабеж — внутри и вне собственных границ — оказывался наиболее эффективной формой первоначального накопления капитала. Одновременно происходило и постоянное перераспределение средств с их частичной приватизацией в пользу петербургской элиты. Формы приватизации были самые разнообразные — от раздачи имений и крестьян, предоставления государственных контрактов до разворовывания казенных денег. Там, где государство грабит, подданные воруют.

ГОСУДАРСТВО РОМАНОВЫХ

Империя Романовых, сложившаяся в XVII—XVIII веках, по мнению Покровского, представляла собой «феодальный произвол в его чистом виде, но направленный к новым целям»¹. Однако сами эти цели были определены не российской властью, а общим характером мирового развития и потребностями капиталистической миросистемы. «Феодальные» методы мобилизации ресурсов служили модернизации капитализма — не только российского, но и европейского. Западному капиталу, продолжает Покровский, нужна была Россия — «нужна была как рынок, как объект ростовщической эксплуатации, просто как боевая сила. У нас вошло в обычай повторять, что в России «государство» в XVIII—XIX веках шло «впереди общества». Да, конечно, технически оно всегда было гораздо прогрессивнее общества, ибо к услугам его техники был международный капитал, для которого поддержка русского государства, правильнее русского феодализма, сделалась своего рода профессией»².

В отличие от кризисного XVII века, следующее столетие оказалось для миросистемы временем экономической экспансии. Это не могло не отразиться и на Восточной Европе.

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 307.

² Там же.

На протяжении XVIII века русское государство не просто «догоняло» Запад, оно успешно встраивалось в создаваемую Западом экономическую систему. Успехи Петербургской империи XVIII и начала XIX века в значительной мере были связаны именно с эффективным обслуживанием этой системы. «Отсюда, — замечает Покровский, — и западничество правящего класса XVIII века, столь же грубое и наивное, как и его индивидуализм...»¹

Поскольку «феодальная» форма государства использовалась для решения вопросов капиталистического развития, то это был уже и не феодализм в том смысле, в каком он существовал в средневековой Франции или в Киевской Руси. Точно так же и рабство в Соединенных Штатах или Бразилии середины XIX столетия имело мало общего с рабовладением в античной Греции. Мировой рынок нуждался в русском сырье, а правящий класс — в деньгах, чтобы соответствовать «европейскому» уровню. Чем более «западным» становился быт правящего класса, тем дороже это обходилось. «Европеизация» дворянского быта обернулась, с одной стороны, развитием товарного хозяйства, а с другой — ростом эксплуатации крестьян.

«На протяжении XVIII века, — отмечает известный советский историк Н.М. Дружинин, — крепостное право постепенно расширялось, охватывая новые прослойки сельского населения и превращая землевладельцев в неограниченных распорядителей рабочей силы и всех жизненных отношений крепостного крестьянства»². В 1718—1721 годах в стране была проведена «ревизия»: при переписи населения все категории зависимых крестьян были объединены, по своему статусу все крепостные были уравнены с холопами, то есть наиболее бесправной группой населения.

Фактически при Петре I были окончательно ликвидированы и привилегии старой феодальной аристократии. Боярство потеряло свои преимущества перед дворянством, а само дворянство стало пополняться людьми из самых раз-

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. С. 306.

² Дружинин Н.М. Цит. соч. С. 335.

ных слоев общества. Речь, казалось бы, идет о радикальной «демократизации» общественного строя, но на деле имело место нечто, разительно непохожее на процессы, происходившие на Западе¹. В большинстве европейских стран «демократизация» означала отмену феодальных привилегий или уравнивание сословий. В России же двери правящего сословия были довольно широко раскрыты, но сама система привилегий не только не отменялась, напротив, она усиливалась. Привилегии дворянства на протяжении десятилетий постоянно расширялись. В свою очередь, привилегированное сословие, единственной обязанностью которого была военная или гражданская «служба», органически сливалось с разбухающим государством. Таким образом, констатирует Ключевский, «демократизация управления сопровождалась усилением социального неравенства»².

Дворянство в буквальном смысле насильственно втягивало деревню в рынок. Повинности крестьян в XVIII веке выросли в 12 раз. Сопротивление крестьянства подавлялось жесточайшим образом. Указ 1765 года разрешал помещикам отправлять провинившихся крепостных на каторжные работы, а указ 1767 года запрещал крестьянам подавать государю жалобы на своих хозяев.

В деньгах нуждалось не только дворянство, но и правительство. «Европейские» амбиции здесь оборачивались растущей финансовой зависимостью от Запада. В XVIII столетии получение кредитов за границей становится обычным делом. В 1769 году Екатериной Великой был взят заем на 7,5 млн. гульденов в Амстердаме для войны с Турцией. На следующий год взяли деньги в Генуе. «К концу же царствования императрицы было уже заключено 16 иностранных займов на сумму 55 млн. рублей. На покрытие военных расходов ушли, впрочем, лишь 36 млн. руб. этой суммы, а 17 млн.

---

¹ Показательно, что «демократизм» русского дворянства неоднократно подчеркивался в работах консервативных отечественных мыслителей, от примитивных «почвенников» до Ф.М.Достоевского.

² Ключевский В.О. Сочинения. Т. 3. С. 365.

руб. затрачено было на погашение займов же»¹. В среднем на погашение этих долгов шло до 5% государственного бюджета. Нынешние историки, как правило, успокаивают читателя тем, что это «было в то время обычным явлением». Точно так же никого не смущал и дефицит бюджета, «причем, несмотря на все нововведения, дефицит был постоянным и все время увеличивался»².

В XIX веке, однако, к подобным явлениям относились менее терпимо. Как заметил один из экономистов той эпохи, история знает мало «таких примеров, чтобы финансы абсолютной монархии находились в не то чтобы цветущем состоянии, а просто в порядке»³. Пытаться наладить контроль за расходованием средств при дворе — дело практически безнадежное.

Расточительные и амбициозные западноевропейские дворы, действительно, были в этом отношении не лучше петербургского. Но есть и существенное различие. На Западе деньги брали у своей буржуазии (если даже не в собственной стране, то, по крайней мере, в собственной экономической зоне). Долги западных монархов оставались частью экономики «центра», укрепляя там позиции банковского капитала. Напротив, российский долг способствовал перекачке денег с Востока на Запад, способствуя развитию буржуазии не у себя дома, а в странах «центра». Дело, следовательно, не только в том, что дорогостоящие амбиции Петербурга не могли быть реализованы без иностранной помощи, но и в том, что сами успехи петербургских императоров оказывались вкладом в развитие новой мировой системы, в которой Россия занимала далеко не ведущую роль.

Успехи, впрочем, были совершенно реальны. Блестящий XVIII век был временем не только военных и дипломатических достижений петербургской монархии. Это было и время впечатляющего экономического роста. Причем речь идет

---

¹ Воронцов В.В. Государственный бюджет и государственные долги России. СПб., 1908. С. 70.

² Каменский А. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 243.

³ Цит. по: Воронцов В.В. Указ. соч. С. 68.

не только о сельском хозяйстве, но и о промышленном развитии. Другой вопрос, что успехи промышленности были вызваны не увеличением внутреннего спроса, а потребностями мирового рынка и международной политики.

Главным торговым партнером России на протяжении этого периода оставалась Британия. Легко заметить параллелизм между происходящим в это время становлением Британской империи и достижениями империи петербургской.

К началу XVIII века сходит на нет англо-голландское соперничество. Одним из главных последствий переноса торговли из Архангельска в Петербург стало ослабление позиций голландцев и усиление влияния англичан. В новой русской столице голландцы, по собственному признанию «могли претендовать только на второе место»¹. Проиграв военно-политическую борьбу английским конкурентам, голландская буржуазия превращается в их младшего партнера. Это проявляется и в России. На смену «Московской компании» приходит Russia Trade Company, объединяющая английский и голландский капитал.

Упадок Голландии как военно-морской державы сопровождался развитием финансового капитала, который не находил себе применения в собственной стране. Голландская колониальная империя не шла ни в какое сравнение с британской и даже французской. Но голландский капитал нашел себе применение в России. Именно голландцы первыми отправили корабль в петербургский порт. Именно они стали культурной моделью для Петра Великого. Но самое главное, они регулярно предоставляли средства, необходимые для развития петербургской империи. Маркс с раздражением писал, что на протяжении XVIII века «Голландия оставалась банкиром России. Во времена Петра она снабжала русских кораблями, офицерами, оружием и деньгами, так что построенный царем флот, как заметил один из современников, правильнее было бы назвать голландским, а не московским»².

---

¹ De Vries J., Van Der Woude A. Op. cit. P. 483.

² Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. P. 93.

АНГЛИЙСКИЙ КАПИТАЛ

Решающую роль во внешней торговле России все же играл именно британский капитал. На долю Англии приходилось в XVIII веке почти половина внешней торговли Российской империи, а в 30-е годы XVIII века — даже более половины¹. Английские купцы также являлись главными покупателями казенных товаров (железо, медь, поташ, ворвань), доставляя прямую выгоду петербургскому правительству. Однако торговый баланс, как правило, оставался для России позитивным. Поставки русского сырья имели для Британии стратегическое значение. Единственной доступной альтернативой для Англии была торговля с североамериканскими колониями, однако здесь дела шли не самым благоприятным образом. Лондонское правительство неоднократно пыталось увеличить поставки из Америки, но без большого успеха. Как отмечает русский историк П.А. Остроухов, вывоз сырья из России оставался более простым и выгодным вариантом. Несмотря на огромные затраты и усилия, существенно увеличить поставки древесины и других корабельных материалов из Новой Англии оказалось невозможно. «Что же касается пеньки, то попытка увеличить ее производство не удалась совсем; равным образом не имели успеха и старания метрополии сохранять лесные богатства колоний в качестве постоянного источника для заготовления корабельных брусьев. Они встретили сопротивление со стороны местного населения, для которого гораздо выгоднее было вывозить лесной материал в Португалию»².

Проблема североамериканских колоний, в особенности Новой Англии, состояла именно в «чрезмерном» (с точки зрения метрополии) развитии там буржуазных отношений. Колонисты имели собственные деловые интересы. Они не удовлетворялись ролью поставщиков сырья и готовы были

---

¹ См.: Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 3. С. 49.

² Остроухов П.А. Англо-русский торговый договор 1734 г. Спб., 1914. С. 27.

конкурировать с «исторической родиной». До середины XVIII века их связь с Британией сохранялась по причинам скорее военно-политическим, чем экономическим. Страх перед французским присутствием в Канаде заставлял их искать защиты у британского флота и армии. Но, как отмечает Остроухов, еще до Семилетней войны североамериканские колонии начали соперничать с метрополией на мировом рынке, производя «те же продукты, которые производились в самой Англии»¹.

Гораздо более удобным партнером для метрополии были южные рабовладельческие штаты, производившие табак, хлопок, рис. Они не конкурировали с Англией, а, напротив, снабжали ее товарами, которые в Европе получить было нельзя. В период Войны за независимость политическая связь северных и южных колоний оказалась более важным фактором, нежели их торговые отношения с метрополией, но даже после отделения от Лондона эти штаты оставались сырьевой базой для английского рынка (что сказалось и на последующем конфликте Севера и Юга).

Американским колонистам сырье было нужно для развития собственной промышленности. Напротив, Россия со своим крепостническим хозяйством была идеальной сырьевой базой для английского капитала. Чем более отсталой была Российская империя, тем успешнее она интегрировалась в миросистему. Экспорт в Англию непрерывно рос. Бурная экономическая экспансия XVIII века требовала постоянно увеличивающихся поставок сырья. Только в 1710 году Англия имела положительный торговый баланс с Россией. Однако стратегическое сырье, получаемое отсюда, служило, по мнению современников, «распространению английской торговли во все страны света, так что, в сущности, расплачиваются за них все нации, с которыми торгует Англия»².

Победа Англии над конкурентами на русском рынке в значительной мере была предопределена именно тем, что это была единственная западная страна, которая могла по-

¹ Остроухов П.А. Англо-русский торговый договор 1734 г. С. 28.

² Там же. С. 43.

зволить себе отрицательный торговый баланс. Ввозя серебро, в котором так нуждались петербургская знать и правительство, англичане вывозили товар. Напротив, французы постоянно имели положительный торговый баланс.

Следует помнить, что в соответствии с меркантилистскими идеями первой половины XVIII столетия вывоз серебра из страны рассматривался как негативное явление, тогда как ввоз серебра считался главным критерием успеха страны в мировой торговле. В итоге французы сталкивались с многочисленными проблемами и ограничениями, от которых были свободны их британские конкуренты.

Тем не менее, в Лондоне считали, что экспорт в Россию мог бы существенно увеличиться. Главная задача виделась в том, чтобы увеличить поставки сукна и шерсти (в том числе для обмундирования русской армии). Но ввоз британской продукции в Россию вовсе не был свободным. Правительство в Петербурге устанавливало протекционистские пошлины для защиты собственных мануфактур. С английскими товарами конкурировали прусские и голландские. Борьба между английскими и прусскими купцами сопровождалась подкупом русской таможни, раздачей взяток чиновникам, отвечавшим за контракты петербургского оборонного ведомства, и т.д.

Англичане добивались снижения тарифов и в 1731 году, во время царствования Анны Иоанновны, достигли своих целей. Позиции британского капитала были закреплены трактатом «О дружбе и взаимной между обеих держав коммерции» от 2 декабря 1734 года. Хотя пошлины были резко сокращены, британской стороне этого оказалось недостаточно, и она требовала нового снижения. Так далеко, однако, не могло пойти даже правительство Анны Иоанновны и Бирона, известное своей продажностью. Важнейшим достижением англичан по трактату 1734 года было то, что им, наконец, разрешена была транзитная торговля с Персией, которой они добивались со времен Ивана Грозного.

Открытие для России балтийских портов дало новый стимул каспийской транзитной торговле. В 30—40-х годах XVIII века ее объем резко возрастает. Большая часть обо-

рота находилась в руках армянских купцов. Астраханские и московские армяне получали товар из Голландии, Англии и Франции, который потом везли на Восток. В принципе, промышленные изделия можно было бы вывозить и из России, но то, что могла бы предоставить российская промышленность, не желало продавать петербургское правительство: в Персии и Бухаре хотели покупать российское оружие, металл, материалы для строительства флота. Естественно, в Петербурге не желали помогать южным соседям в укреплении их военных сил. Персидский поход Петра I оказался бесполезной авантюрой, но от перспективы нового броска на Юг в Петербурге отнюдь не отказывались.

В итоге каспийская торговля для России оставалась сугубо транзитной. Из Астрахани в Петербург везли шелк-сырец. В 30-е годы XVIII столетия — в среднем на 116,7 тыс. рублей в год, а в 40-е — уже на 292,1 тыс. рублей в год¹. За десятилетие объем транзита более чем удваивается.

Неудивительно, что для английского капитала непосредственное присутствие на Каспии становится крайне желательным. Трактат 1734 года открывал для британской экспансии новые рынки. Он позволял англичанам использовать русскую территорию как дополнительный плацдарм для коммерческой, политической и даже военной экспансии в Персии, Центральной Азии и Индии. Оговаривалось, впрочем, что по рекам товары должны были перевозиться английскими торговцами на русских судах, что противоречило британскому Навигационному акту. Потребовалось специальное решение парламента от 1741 года, позволявшее отступить от Навигационного акта на Каспии. Было начато и создание на Каспии английской судоверфи. По мнению советских историков, это было вызвано тем, что англичане «хотели быть независимы от России»². На самом деле, однако, главной причиной была все же необходимость выполнения Навигационного акта.

---

¹ См.: Юхт А. И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20—60-е годы XVIII в.). М., 1994.

² Юнусова Л. И. Цит. соч. С. 55.

БРИТАНЦЫ НА КАСПИИ, ФРАНЦУЗЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

После переговоров с российскими властями решено было построить на Волге для Каспия корабль, который будет ходить под британским флагом — но с русскими матросами. Первый такой корабль водоизмещением в 180 тонн был в августе 1741 года спущен на воду на казенных верфях в Казани. А уже в ноябре 1742 года в строй вошло второе судно, которое англичане льстиво называли «Императрица Елисавета». Пушками и порохом снабдили корабли также из казенных складов. Русским кораблям было приказано оказывать английским судам всяческую помощь на море, а астраханскому губернатору, царицынскому коменданту и саратовскому воеводе поступило в 1742 году постановление Сената, чтобы они британским поданным и их приказчикам «без задержания в их нуждах отправку чинили»¹.

Азербайджанский историк Л.И. Юнусова справедливо замечает, что российские власти своими руками оснастили флот торговых конкурентов. «Если учесть, что грузоподъемность русских купеческих судов на Каспии к этому времени составляла, в зависимости от конструкции, от трех до пяти тысяч пудов (что соответствует 48 и 80 тоннам), то становится ясным соотношение между русскими и проектируемыми английскими судами и перспективы торговли на этих судах соответственно»².

В Лондоне разгорелся конфликт между Русской и Турецкой компаниями. Торговлю в Персии теперь вели обе, и каждая отстаивала собственные интересы не только на местных рынках, но и перед английскими властями. Русская компания доказывала, что избранный ею торговый путь несколько сложнее, но безопаснее, и в силу этого дешевле. В конечном счете, компании договорились работать в Персии сообща.

---

¹ Цит. по: *Остроухов П.А.* Англо-русский торговый договор 1734 г. С. 131.

² *Юнусова Л.И.* Указ. соч. С. 61.

Несмотря на всевозможные поборы, безответственность и хамство русских чиновников, Россия для англичан оставалась страной наиболее безопасной и удобной. По крайней мере, в военном отношении все было надежно. Здесь не надо было бояться разбойных нападений и корсарских рейдов. При необходимости российские власти отправляли солдат сопровождать английские торговые караваны. Делалось это, разумеется, не бесплатно: воинские подразделения, выполнявшие эту задачу, находились «на коште купцов»¹.

Правительство Анны Иоанновны вообще не видело особой проблемы в том, чтобы предоставлять своих людей для британской службы. Было договорено, что англичане получают из России солдат, причем, как отмечает Покровский «не нашли нужным даже определить, против кого»². Впрочем, особой загадки здесь не было. Осью международной политики XVIII века было англо-французское соперничество. Россия нужна была Британской империи в первую очередь не как деловой, а как военный партнер в ее глобальном противостоянии с Францией. Это проявилось и в каспийских делах. С помощью русских в Азербайджане создаются британские фактории. Английские сукна здесь обмениваются на персидский шелк — такие операции дают до 80% прибыли. Российское правительство полагало, что присутствие иностранного капитала создаст новые возможности для развития отечественной торговли. Так, русские купцы выиграют от найма британцами речных судов для перевозки грузов, а также для ведения дел в Персии «будут входить с англичанами в компанию»³. Если же в итоге русским купцам и будет убыток, то его надлежало стерпеть «для пользы государственного интересу»⁴. На практике, однако, все произошло несколько иначе. Началось быстрое вытеснение русского капитала из каспийской зоны. Обладая большими средствами и немалым опытом в восточных делах, англича-

---

¹ Цит. по: *Остроухов П.А.* Англо-русский торговый договор 1734 г. С. 131.

² *Покровский М.* Русская история с древнейших времен. Т. 3. С. 58.

³ Цит. по: *Юхт А.И.* С. 86.

⁴ Там же. С. 111.

не нуждались в русских как в военно-политических, но не торговых партнерах.

Ненавидевший петербургский режим Карл Маркс заявлял, что, развивая связи с Россией, английские политики и предприниматели становились инструментом «для реализации планов Петра I и его наследников»¹. В свою очередь, русские историки и публицисты сетовали на иноземное засилье в первой половине XVIII века. Дело, однако, вовсе не в том, кто кого использовал. И петербургское правительство, и его иностранные партнеры участвовали в общем процессе, встраивая Россию в растущую мировую систему.

Как уже упоминалось, правительство Анны Иоанновны, состоявшее преимущественно из остзейских немцев, отличалось исключительной продажностью и пренебрежением к национальным интересам. Засилье иностранцев во всех областях петербургской жизни вызывало возмущение русского общества. Показательно, однако, что, как отмечает Покровский, «иностранцы, в жертву которым немецкое правительство приносило русские интересы, были как раз не немцы, а англичане. Бирон служил не тем, кто говорил с ним на одном языке, а тем, кто ему больше и лучше платит»².

В свою очередь, Франция, главный соперник поднимающейся Британской империи, имела свою кандидатуру на трон в Петербурге. Ею была Елизавета Петровна. Когда в русской столице составилась заговор против Анны Иоанновны и Бирона, французское посольство его с энтузиазмом поддержало. В свою очередь, патриоты и борцы с иностранным засильем, сплотившиеся вокруг Елизаветы, поддерживали тесную связь не только с французами, но и со шведским двором, планировавшим войну против России. Как иронически замечает Покровский, «патриотизм» тех дней «был совсем особенным»³.

События пошли не совсем так, как планировали заговорщики. Военная кампания шведов закончилась неудачей,

¹ Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. P. 126.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 3. С. 49.

³ Там же. С. 61.

чем впоследствии воспользовалась Елизавета, обещавшая вознаградить Стокгольм за помощь территориальными уступками, но обещания не выполнившая. Англичане пытались сорвать заговор, информируя Бирона и его окружение о возникшей опасности, однако правительство Бирона было обречено. 9 ноября 1740 года Бирон был арестован. Исход дела решила гвардия, возведшая на престол Елизавету.

Триумф Франции, впрочем, оказался недолгим. Объективный ход событий был в пользу Англии. Представителям Лондона пришлось потратиться на подкуп чиновников новой администрации, но решающим фактором все же было экономическое влияние. Для российской торговли Англия была несравненно важнее, чем Франция. Уже в 1742 году был подписан новый англо-русский договор. Британцы постепенно вернули себе основные позиции, занятые ими при Анне Иоанновне и чуть было не утраченные в 1740 году. Даже поставки сукна для русской армии были налажены из Англии. В Лондоне либеральные публицисты подчеркивали, что связи между Российской и Британской империями «созданы самой природой, а потому нерушимы»¹. Захват власти Елизаветой Петровной лондонский «Gentleman's Magazine» задним числом описывал как «великую революцию, совершенную почти бескровно»².

Лишь по вопросу о Каспии правительство Елизаветы Петровны заняло жесткую позицию. Однако виноваты в этом были сами англичане, не только откровенно вытеснявшие русских купцов с Каспия, но и создавшие здесь военно-политические проблемы для России. Освоившись в прикаспийских персидских портах, английские предприниматели установили связи с местными властями и начали строить для шаха военный флот. Один большой и несколько малых кораблей были спущены на воду, несколько других заложены. Экипаж для них набирали из англичан, а также из беглых русских разбойников, скрывавшихся в Персии. По-

---

¹ Цит. по: Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. P. 15.

² Gentleman's Magazine, 1762, v. XXXII, p. 108.

сколько корабельного оборудования не хватало, персы подошли к делу с восточной простотой и принялись разукомплектовывать русские суда, прибывавшие в Дербент, снимая с них «лишние» якоря и канаты.

Остается неясным, шла ли речь просто о коммерческой выгоде или английские купцы и судостроители действовали по согласованию с официальными властями в Лондоне. Последние, естественно, отрицали всякую заинтересованность в этом деле. Но в любом случае в Петербурге не могли равнодушно отнестись к подобному развитию событий.

В Сенате был подготовлен доклад, где говорилось, что если персидский флот на Каспии «умножится», это приведет к гонке вооружений и правительство России «необходимо принуждено тамо другой флот с немалым казенным убытком содержать будет»¹. Решено было принять меры для того, чтобы вместе с купцами в Персию не приехали английские военные и морские специалисты, а английские суда в Астрахани велено было задержать. Однако английское участие в строительстве персидского флота и после этого не прекратилось. В 1746 году Россия в очередной раз запрещает англичанам транзитную торговлю с Персией. Соответствующая статья трактата 1734 года была аннулирована.

Параллельно петербургское начальство принялось искать виновных. Поскольку признать собственную ответственность за принятые решения было никак невозможно, то «крайним» решили назначить астраханского губернатора в.Н. Татищева, который якобы имел с англичанами «обсчий торг»².

РАЗРЫВ С АНГЛИЕЙ

Новый кризис в англо-русских отношениях разразился в 50-х годах XVIII века. Он был связан с Семилетней войной. Это был первый конфликт, который можно было бы назвать мировой войной. Бои велись на суше и на море, в

---

¹ Цит. по: *Остроухов П.А.* Англо-русский торговый договор 1734 г. С. 136.

² *Юнусова Л.И.* Указ. соч. С. 86.

Европе, Америке, Индии, у берегов Африки. Военные действия начались с бесславно провалившегося рейда против французского форпоста в Канаде, организованного молодым британским офицером Джорджем Вашингтоном. В ту войну будущий первый президент Соединенных Штатов отличился только крайней жестокостью по отношению к военнопленным.

В Семилетней войне Англия и Россия неожиданно оказались во враждующих коалициях. Причиной тому послужила все та же двойственность английской политики в Восточной Европе. Как и в прежние времена, Лондон развивал отношения с Россией, одновременно заботясь о своих интересах в странах, являвшихся ее соперниками. Глобальный конфликт накладывался на региональное соперничество. В данном случае надо было выбирать между Россией и Пруссией. Прусская армия, возглавляемая Фридрихом Великим, была нужна Британской империи для того, чтобы нанести удар по французским войскам на Европейском континенте — тогда как собственные армии могли свободно действовать в Индии и Канаде. В свою очередь, Петербург, боясь усиления Пруссии, принял сторону Парижа.

Разрыв с Лондоном оказался полной неожиданностью для самого Петербурга. Еще в 1747 году Российская империя связала себя с Британией «субсидарной конвенцией», по которой русские обязались за соответствующее денежное вознаграждение посылать на Запад войска для защиты владений английского королевского дома в Ганновере. Принято считать, что «Ганновер являлся величайшей ценностью для английских королей потому, что будучи правителями этого независимого от парламента княжества, они могли ощущать себя хоть каким-то противовесом парламентской системе Британии»¹. Однако конвенция 1747 года имела и другой смысл: она позволяла Лондону в случае любого серьезного конфликта на континенте вовлечь Россию в войну на своей стороне. В 1755 году «субсидарная конвенция» была под-

---

¹ Фон Архенгольц И.В. История Семилетней войны / Послесловие Р. Светлова. М., 2001. С. 494.

тверждена и даже расширена. Англичане обещали оплачивать содержание русской армии в Курляндии и галерного флота на Балтике, предлагая петербургскому двору дополнительные суммы от 300 до 600 тысяч фунтов стерлингов. В таких условиях британская дипломатия была твердо уверена, что Россия уже никуда не денется и будет следовать в фарватере Лондона, нравится это царскому двору или нет. Когда в Вестминстере, не консультируясь с союзником, подписали соглашение с прусским королем Фридрихом II, царице Елизавете Петровне просто предложили присоединиться к нему. Но это было уже чересчур. «Поразительно, — пишет современный историк, — насколько английские дипломаты в тот момент не понимали, что они делают»¹. Даже тогдашний российский канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, известный как «убежденный англофил», пришел к выводу, что Британия «ставила под сомнения союзные отношения с Россией»². По мере того, как вероломство британцев становилось очевидным, возмущение императрицы и Бестужева достигли таких масштабов, что «превозмогли и золото, и красноречие англичан»³. Вместо того чтобы отправлять казаков на помощь британцам в Ганновер, петербургское правительство двинуло свои армии на Берлин.

Впрочем, вступая в Семилетнюю войну, Петербург предусмотрительно выторговал для себя право не воевать с Англией. Несмотря на изменение внешнеполитической ориентации, торговые отношения надо было сохранять. Французское правительство вынуждено было согласиться с подобными условиями, поскольку русские солдаты были нужны на востоке, в качестве противовеса прусским армиям Фридриха Великого.

На первый взгляд Семилетняя война для России была успешной. Русские войска выигрывали одно сражение за другим, были взяты Кенигсберг и Берлин. Однако пока-

---

¹ Фон Архенгольц И.В. История Семилетней войны. С. 505.

² Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. Минск: Харвест, 2002, С. 361.

³ Там же. С. 354.

зательно, что эта война не стала частью национального мифа — подобно походам Петра Великого и Суворова, о ней лишь вскользь упоминают в школьных учебниках истории, ей посвящено очень мало исследований. Причина, разумеется, не в том, что победы доставались русским войскам невероятно дорогой ценой. Потери были чудовищными, но русские генералы и в других войнах пехоту, состоявшую из крестьян, не особенно жалели. С самого начала война была не слишком популярна среди русского «образованного общества», а главное — непонятна. Для экономики она обернулась катастрофой. К потерям, связанным с прекращением английской торговли, прибавлялись огромные военные расходы. «Ко времени смерти Елизаветы, — пишет Покровский, — положение было таково, что всякое разумное правительство поспешило бы как-нибудь выпутаться из дела»¹.

Фридрих ожидал, что первыми мир заключат австрийцы, которым он нанес серьезные поражения. Но венский двор держался до последнего, тогда как Петербург предложил Пруссии мир на крайне выгодных условиях. Петр III, унаследовав престол Елизаветы, немедленно прекратил военные действия. Новый царь обратился ко всем державам Европы с призывом заключить мир, как говорили в XX веке, без аннексий и контрибуций².

Задним числом этот мир рассматривали как предательский, поскольку все завоевания русской армии были возвращены Пруссии. Петр III, который был до восхождения на русский престол гольштинским принцем, не скрывал своего восхищения прусским королем. Однако дело, разумеется, не в симпатии Петра III к берлинскому «просвещенному монарху» (и не в личной неприязни, которую Елизавета питала к «вольтерьянцу» Фридриху). Страна просто не могла и не хотела больше воевать. Возмущение общества вы-

---

¹ Любопытно, что обращение Петра III было переведено на английский язык и полностью опубликовано в «Gentleman's Magazine», 1762, v. XXXII.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 3. С. 84.

звал не мир с Пруссией, а намерение молодого царя сразу же начать новую войну — на сей раз в союзе с Фридрихом. Последовал очередной переворот, Петр III был отстранен от власти и вскоре убит. На престол взошла его жена — немецкая принцесса, вошедшая в русскую историю под именем Екатерины Великой.

В отличие от своего неудачливого мужа, она считалась мудрой правительницей. Между тем вела она ту же политику, что и Петр III, только более разумно и осторожно. Еще до воцарения Петра III именно Екатерина предстает перед нами в качестве одного из лидеров «английской» партии и главного противника войны. Разумеется, она не отличалась миролюбием и, в отличие от мужа, не испытывала сентиментального восхищения перед Пруссией. Ее волновали конкретные политические и экономические интересы.

По существу, Екатерина продолжает политику Анны Иоанновны, но отныне в Петербурге господствуют уже не временщики и случайные люди с сомнительным прошлым. Складывается более или менее устойчивая элита, осознающая себя (несмотря на разницу в родословных) в качестве национальной аристократии. Этот политический класс способен управлять эффективно. Если остзейское правительство Анны Иоанновны обслуживало иностранные интересы мелочно, ради взяток и сиюминутных выгод, игнорируя требования русского дворянства, то теперь в Петербурге начинают мыслить стратегически. При Екатерине формируется, наконец, компромиссное решение, устраивающее и англо-голландский торговый капитал, и российские элиты.

Царствование Екатерины — непрерывные войны. Но российская политика отныне получила иное направление — наступая на Турцию, петербургское правительство пыталось открыть новый торговый путь и новые рынки на юге, вырваться в Средиземное море. Возможности Балтики, казавшиеся столь заманчивыми в эпоху Петра Великого, оказываются уже недостаточными для растущего потока русского экспорта. Балтийский торговый путь, как и архангельский до него, оказывается своеобразной ловушкой: он стимулирует вовлечение страны в мировую торговлю, включает ее

в международное разделение труда, но в то же время страна упорно не может получить ожидаемых от этого выгод. Поскольку сами достоинства мировой торговли не ставятся под сомнение, единственным выходом является экспансия — резкое расширение вывоза, завоевание новых рынков, а главное — новых торговых путей, не контролируемых посредниками.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОДЪЕМ

Подъем петербургской империи при Екатерине Великой был частью европейской экономической экспансии XVIII столетия. Радикально преобразуется и помещичье хозяйство. Оно становится все более организованным, эффективным, его связь с мировым рынком делается более устойчивой. По мнению Покровского, экономическая жизнь русских помещиков XVII века — это «оргия наивных людей, впервые увидевших денежное хозяйство». Иное дело — XVIII век. Экономический рост на Западе означает для России «расцвет помещичьего предпринимательства». Причем помещичье хозяйство становилось в России тем крепче, «чем теснее были ее связи с Западной Европой»¹.

Иностранный торговый капитал сотрудничал непосредственно с дворянством, а русскому купечеству доставалась лишь малая часть прибылей. Отсюда и неизбежные культурные последствия: космополитизм и западничество дворян, и кондовый патриотизм купечества, запертого на внутреннем рынке. Разумеется, были и исключения. Крупные промышленники — Строгановы, Демидовы и другие — вполне успешно интегрировались в мировой рынок. Но они сами были крепостниками, а затем пополнили ряды аристократии.

К середине XVIII века европейская часть России не только восполнила чудовищные потери населения, вызванные петровскими войнами и реформами, но и столкнулась с аграрным перенаселением. Избыточная крестьянская масса, оказавшаяся под контролем помещиков, давала послед-

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 3. С. 125.

ним возможность попробовать свои силы в промышленности. Именно владельцы крепостнических имений, у которых есть и денежные средства и трудовые ресурсы, получают возможность наладить у себя относительно передовые для того времени производства. Строительство фабрик в России становится делом не столько буржуа, сколько крупных помещиков.

Активное создание новых мануфактур при Петре Великом требовало использования вольнонаемного труда. Мастеров нужно было привозить из-за границы или обучать там. Однако уже к середине XVIII столетия ситуация «нормализуется»: доля подневольного труда неуклонно возрастает. Зарботки мастеров, снижавшиеся на протяжении XVII века, продолжали падать и после петровских реформ, с той лишь разницей, что оплата иностранцев и русских стала постепенно выравниваться.

Можно сказать, что в годы, когда развитие производства было вызвано, прежде всего, военно-политической необходимостью, труд был более свободен, чем в середине столетия, когда предприятия стали ориентироваться в первую очередь на спрос мирового рынка.

Разумеется, труд в промышленности не всегда был крепостным. Горнозаводские крестьяне на Урале не были юридически крепостными, но ни о каком свободном найме речь не шла. Людей к заводу «приписывали», оценив фабричный труд как способ отработать в пользу государства «подушную подать». В результате на Урале, где ранее крепостного права не было (как не было и феодальных вотчин), закрепощение пришло в XVIII вместе с развитием передовой промышленности.

Заводские рабочие время от времени восставали — самым крупным актом сопротивления стал Пугачевский бунт, который в советское время по аналогии с германской историей называли крестьянской войной. На самом деле восстание было отнюдь не только крестьянским. С одной стороны, поднялись казаки — служилое сословие. С другой стороны, восстали «прикрепленные» к заводам рабочие. Именно они обеспечили повстанческую армию артиллерией.

Помещики строят в середине XVIII века суконные и полотняные мануфактуры, винокуренные заводы, шахты. Крепостной труд лежит и в основе впечатляющего роста металлургии. В свою очередь, металлургия оказывается одной из наиболее интегрированных в мировую экономику отраслей¹.

Как отмечает Дружинин, ни насаждение промышленности абсолютистским государством, ни поддержка правительством отечественных предпринимателей сами по себе не были исключительной особенностью России. То же самое практиковалось и в Англии в годы правления Кромвеля, и во Франции во времена Кольбера, позднее то же самое делалось в Пруссии. «Однако в России, — продолжает историк, — насаждение крупного производства встретило два труднопреодолимых препятствия: недостаток частных капиталов и острую нехватку свободной рабочей силы. Несмотря на развивавшуюся неэквивалентную торговлю и пушные богатства огромной осваиваемой Сибири, Россия не имела таких богатых колоний, какими владели Англия и Франция в период восходящего капитализма; сельское население аграрной страны было прикреплено к наделам и выделяло из своей среды меньше отходников, чем этого требовала создаваемая индустрия. ... Форсируя развитие крупной мануфактуры, особенно на Урале с его залежами полезных ископаемых, правительство и частные заводоуправления прибегли к экономической мере, которой не знала Западная Европа: к промышленным предприятиям были принудительно приписаны десятки тысяч государственных крестьян; предпринимателям было дано разрешение покупать крестьян и использовать их в промышленном производстве. Приписанные, посессионные «вечно отданные» и купленные крестьяне должны были отбывать крепостную бар-

---

¹ М. Покровский, не располагавший еще полным объемом английских и русских документов, посвященных экспорту русского железа, все же сделал справедливый вывод, что эта отрасль имела «громадное международное значение» (Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 3. С. 135).

щину на вновь учреждаемых и размножающихся фабриках и заводах»¹.

Анализируя русскую фабрику XVIII и первой половины XIX веков, Струмилин сталкивается с методологическим противоречием. С одной стороны, перед ним явно не классический капитализм, ибо труд подневольный. Но с другой стороны, это явно и не феодализм: нет ни натурального хозяйства, ни системы личных обязательств, передающихся по наследству. В итоге советский академик успокаивает себя и читателя ссылкой на «переходный» характер этого явления². Однако странным образом подобное «переходное» явление просуществовало полтора столетия, наложив свой отпечаток не только на облик русского капитализма, но и на мировую экономику. Более того, еще М. Туган-Барановский заметил, что по мере роста промышленности в империи происходил не переход от подневольного труда к вольному найму, а, наоборот, усиливалась зависимость работников. Положение рабочих ухудшалось прямо пропорционально развитию русской фабрики. Поскольку на заводах имелись одновременно и свободные, и подневольные работники, фабриканты упорно стремились «уравнять в правах» эти две категории тружеников, лишив свободы всех разом. Это им удалось в 1736 году, когда вышел соответствующий высочайший указ³.

Именно в развитии мировой системы приходится искать разгадку этого, как и многих других, парадокса русской истории. «Полусвободный» труд — явление нормальное для

---

¹ Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 338.

² См.: Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 226—227.

³ См.: Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. 1. Харьков, 1926. Неудивительно, что проблема русских мануфактур XVIII—XIX веков, часто рассматривавшаяся вне мирового контекста, оказалась не по зубам не только Струмилину, но и Покровскому. Покровский видел в принудительном труде на фабрике типичный пример того, как феодализм оказывается на службе у капитализма. Однако, анализируя промышленные начинания Петровской эпохи, Покровский пошел за Милюковым, рассматривавшим их как сплошное недоразумение, пример бюрократической неэффективности.

капиталистической «периферии» не только на ранних этапах истории капитализма, но даже и в начале XXI века. Ограничение свободы работника оказывается той ценой, которую периферия платит за успешную интеграцию в систему, ее конкурентным преимуществом. Развитие «свободного» найма в «центре» не только сочетается с гораздо более жесткими формами эксплуатации на «периферии», но становится важным элементом глобального разделения труда¹.

РУССКИЙ МЕТАЛЛ

Мощный подъем металлургической промышленности в начале XVIII века был вызван Северной войной. До того Россия значительную часть железа получала из Швеции. Но с началом войны против шведов эти поставки, естественно, прекратились. А Петр Великий нуждался в возрастающем количестве металла для вооружения армии. Для военных нужд на Урале и в европейской части страны создавались новые заводы и расширялись старые. Не только рабочих набирали туда по принуждению, но и предпринимателей насильно сгоняли в организованные царем «кумпанейства». Если на Урале заводы были главным образом частными, то на западе России, ближе к театру военных действий, строились казенные домны. Несмотря на все издержки петровских методов, результат был достигнут. К 20-м годам

---

¹ М. Туган-Барановский подчеркивал, что фабрики, основанные на принудительном труде, не имели ничего общего с капитализмом и работали крайне неэффективно. В свою очередь, Струмилин использовал в данном случае слабость Покровского, стремясь доказать несостоятельность всего его подхода к экономической истории. Советский академик признает, что «внутреннее содержание гибридной формы оказалось целиком капиталистическим» (*Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 232*). Однако без ответа остается главный вопрос: почему развитие капиталистических форм производства в Англии требует свободного работника, а в России — полукрепостного? И почему рост русской промышленности стимулирует развитие передовых форм капитализма не на родине, а на Западе? Без понимания общих закономерностей развития мировой экономики невозможно оказывается понять и природу русской «гибридной» формы капитализма.

XVIII столетия была создана серьезная металлургическая промышленность, основная часть которой сосредоточилась на Урале.

С окончанием войны, однако, обнаружилось, что производственные мощности многократно превосходят спрос внутреннего рынка. Причем рост казенных заводов по инерции продолжался (в том числе и на Урале). Теперь развивать производство можно было исключительно за счет внешнего рынка. Уже к концу Северной войны Россия вывозила в Англию в среднем 35 тыс. пудов железа в год. После войны экспорт увеличивается стремительно. Уже в 1723 году за границу ушло 360 177 пудов железа¹.

Благодаря подневольному труду продавать российское железо на западных рынках было чрезвычайно выгодно. К тому же мировые цены непрерывно росли. Пуд полосного железа в 1720 году стоил в Петербурге 0,45 рубля, а в Лондоне — 0,89. В 1766 году соответственно — 0,72 и 1,81 рубля, а в 1798 году — 1,16 и 2,9 рубля². С началом промышленной революции в 70-х годах XVIII века спрос на железо в Англии растет бурными темпами и это, естественно, отражается на ценах.

При Екатерине Великой Россия занимает первое место в мире по производству железа. Однако происходит это при крайне слабом внутреннем спросе. В 1769 году при дворе обсуждается проблема перепроизводства металла.

Наряду с Англией русское железо экспортировалось во Францию, где металлурги жаловались, что их эта конкуренция разоряет. Через петербургский порт вывозили железо также в Голландию, Испанию и даже в Северную Америку. Единственной альтернативой на мировом рынке было шведское железо, но оно оказывалось заметно дороже. Современные исследователи отмечают, что в XVIII веке «Великобритания уже не могла обойтись без поставок русского железа»³. На нее между 1754 и 1793 годами приходилось

---

¹ Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 195.

² Там же. С. 193.

³ Русско-британские торговые отношения в XVIII веке. Сборник документов. М., 1994. С. 9.

от 55 до 74% экспорта русского железа. Однако и сами российские производители от англичан никуда не могли деться. Мало того, что Англия была основным покупателем, английские купцы практически монополизировали вывоз железа из России.

Государственный и частный интерес в российской металлургии XVIII века тесно переплетаются. Заводы Демидовых и Строгановых на Урале были частными, но работали на основе государственных монополий. Ориентированная на мировой рынок металлургия стала одним из важнейших источников средств не только для правительства, но и для аристократии. Периоды государственного строительства сменяются волнами приватизации, когда казенные предприятия под предлогом их неэффективности передают знатным вельможам (что, разумеется, отнюдь не приводит к росту производства или повышению эффективности).

Список хозяев металлургических предприятий похож на реестр высшего петербургского дворянства. Здесь сплошь князья, графы. «Правда, — пишет Струмилин, — вся эта блестящая дворянская кавалькада отнюдь не озолотила своим блеском облюбованные ею заводы. Это были не строители, а пенкосниматели. Пользуясь милостями любвеобильных цариц, они охотно приобретали чужие заводы в порядке пожалований, или в долг, или в качестве приданого за богатой невестой, но, растаскав в таком порядке почти все казенные заводы, они приумножили попутно лишь свою задолженность и очень скоро почти все снова очутились на мели, без заводов»¹.

Как и в конце XX века, приватизация имела идеологическое обоснование. Придворные эксперты увлеченно доказывали, что заводы, находившиеся в государственной собственности, неэффективны, плохо управляемы, «падают», и спасти их можно, лишь передав в частные руки. Когда же, в свою очередь, в руках новых собственников начинали падать частные предприятия, возникала государственная необходимость их поддерживать и спасать.

---

¹ Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 169.

Именно казенные заводы были основными экспортерами. Они вывозили на мировой рынок две трети своей продукции, тогда как частные — чуть более трети. В 50-е годы XVIII века доля частного сектора в поставках русского металла на мировой рынок начинает неуклонно расти, но не столько за счет увеличения производства, сколько за счет приватизации казенной собственности.

«В России в XVIII в. в правительственных сферах шла явная борьба различных течений. Наиболее сильные позиции имели сторонники наращивания вывоза сырья и полуфабрикатов. Причем преобладало мнение, что увеличивать доходы казны можно за счет роста их предложения, а не посредством увеличения отпускных цен. Слышен был и голос сторонников всемерного развития оборонной промышленности с тем, чтобы самим перерабатывать собственное сырье и полуфабрикаты. Но победило сырьевое направление в экспортной торговле»¹.

Идеи свободной торговли были отнюдь не чужды русским крепостникам. Однако Екатерина Великая была обеспокоена конкуренцией на мировых рынках. В связи с этим она обращается в Коммерц-коллегию с письмом, где настаивает на поисках новых рынков сбыта для российского железа. По ее мнению, можно вывозить металл не только в Англию, но и в средиземноморскую Европу и тем самым создать конкуренцию английским закупкам. По мнению царицы, при необходимости можно продавать железо даже в убыток, лишь бы создать конкуренцию. Однако Берг-коллегия и Коммерц-коллегия, рассмотрев записку императрицы, не согласились с ее предложениями. Они сочли, что падение выручки от продажи русского железа не связано с монополизацией англичанами экспортных операций. Просто производство на русских частных и казенных заводах «всегда умножается». Короче, речь идет о типичном кризисе перепроизводства, не имеющим ничего общего с устройством международного экономического порядка: «Чем больше же-

---

¹ Русско-британские торговые отношения в XVIII веке. Указ. соч. С. 12.

леза стало налицо у порта для выпуска, тем и цена его стала уменьшаться»¹. Берг-коллегия предлагает компенсировать потери от падения цен ростом экспорта.

Приверженность русской бюрократии идеям свободного рынка была непреодолима. Императрица вынуждена была уступить. Успеху ее проекта препятствовали и политические обстоятельства — выход в Средиземное море оставался в руках турок. Следовательно, русская торговля в Италии и Испании была затруднена. Спрос в этих относительно отсталых европейских странах был мал. И, как справедливо замечали чиновники, нельзя было везти туда одно лишь железо. С другой стороны, потребность России в товарах из этих стран была ничтожной.

Показательно, однако, что ни просвещенной государыне, ни ее оппонентам не пришло в голову, что можно было бы развивать и внутренний спрос — причем не только на основе оборонного производства. Узость внутреннего рынка России была связана с крепостнической системой, делавшей подавляющее большинство населения неплатежеспособным. Однако именно эта же система была своеобразным конкурентным преимуществом России на мировом рынке. Металл, изготовленный руками крепостных, стоил дешево. Для элит, сформировавшихся в послепетровской России, сверхэксплуатация собственного населения была способом экономической и культурной интеграции в Европу, основой не только их благосостояния, но и статуса великой европейской державы.

В свою очередь, для «свободной» экономики Англии было очень важно получение дешевого сырья и полуфабрикатов из России и Америки. Именно потому, что труд англичанина был свободным, а следовательно, относительно дорогим, особое значение имели поставки дешевого железа, хлопка и других материалов, произведенных восточноевропейскими крепостными или рабами на американских плантациях. Россия не только модернизировалась на основе кре-

---

¹ Русско-британские торговые отношения в XVIII веке. С. 48.

постничества, но и вносила свой вклад в развитие европейского капитализма.

Дешевизна русского экспорта могла быть компенсирована единственным способом — ростом объемов продаж. А это могло быть обеспечено только постоянной экспансией, не столько экономической, сколько военной и политической. Хотя планы Екатерины относительно торговли металлом в Южной Европе так и остались на бумаге, интерес к Средиземному морю не оставлял императрицу.

БРОСОК НА ЮГ

Будучи в военном отношении мощной державой, Россия, естественно, стремилась доминировать в своей экономической зоне. Показательно, что экспансионизм русских царей не встречал ни в XVIII, ни в первой половине XIX века серьезного противодействия с Запада. России периодически приходилось воевать в общеевропейских войнах, но это было вызвано отнюдь не стремлением западных соседей сдержать территориальную экспансию Петербурга, а напротив, желанием западных политических и экономических партнеров России вовлечь ее в конфликты между собой, использовать в своих целях огромный военный потенциал империи.

Российский экспансионизм XVIII века встречал одобрение в Англии, Голландии и даже в Пруссии, прежде всего, потому, что отвечал объективным потребностям развивающейся мироэкономики. Доминируя в Восточной Европе, Российская империя способствовала поддержанию порядка в регионе, его интеграции в мировой рынок. Именно поэтому западные державы отнюдь не препятствовали постепенному поглощению Петербургской империей Польши и Прибалтики, но тщательно заботились о том, чтобы русская экспансия не выходила за пределы той периферийной зоны, к которой принадлежала сама империя. Так, во время русско-турецких войн XVIII—XIX века западные партнеры, не мешая петербургскому двору расширять свои владения за счет «больного человека Европы», никогда не давали ца-

рям довести дело до конца. Планы окончательного расчленения Османской Турции вынашивались в Петербурге на протяжении полутора столетий, но каждый раз от них приходилось отказываться. Так, Екатерине II пришлось похоронить свой «греческий проект» — план создания подконтрольного Петербургу греческого государства со столицей в Константинополе и с русским великим князем Константином во главе. Основное противодействие русским интересам в тот момент исходило из Франции, но и союзники России — Англия и Австрия — не пожелали поддержать планы императрицы. Война с Турцией закончилась Кучук-Кайнарджайским миром, вполне благоприятным для России, но одновременно — и полным крушением «греческих» амбиций Екатерины. Андрей Зорин, исследователь русской публицистики XVIII века, отмечает, что подобное противодействие христианских держав российским планам в отношении мусульманской Турции вызвало настоящее смущение умов среди отечественной элиты, положив начало «мифологии всемирного заговора против России»¹. При этом политика Франции воспринималась в Петербурге не просто как враждебная, а как попытка «не допустить Россию в систему европейских государств»².

Если смотреть на «греческий проект» Екатерины как на попытку восстановить «путь из варяг в греки», ясно, что это — утопия в эпоху атлантической торговли. Символическое значение Константинополя как центра православного мира тоже вряд ли волновало Екатерину — немку, воспитанную на книгах французских просветителей. Но стремление Петербурга расширить свое влияние в Южной Европе было вызвано отнюдь не только страстью к территориальным захватам.

В самой Восточной и Южной Европе государства, оказавшиеся частью общей с Россией периферийной зоны ми-

---

¹ Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: НЛО, 2001. С. 65.

² Там же. С. 82.

ровой экономики, неизбежно обречены были в той или иной форме подпасть под влияние империи. И чем более «отсталыми» и зависимыми от Запада становились в процессе развития эти страны, тем больше было здесь влияние восточного соседа. Идеология часто меняет местами причины и следствия, а потому задним числом экономическая «отсталость» региона приписывалась российскому влиянию, тогда как на практике все обстояло строго наоборот. Отсюда и надежда (особенно характерная для польских элит в XIX и XX веках), будто освобождение от России и политические связи с Западом помогут восточноевропейским странам решить собственные проблемы. Отсюда и почти непрерывная череда «предательств» со стороны Запада, который периодически отдавал своих свободолюбивых поклонников на милость русскому самодержавию. Хрестоматийным примером этого является знаменитое «безразличие» Запада к польским восстаниям XIX века. Разделы Польши, Венский конгресс и русско-австрийский союз против венгерской революции 1848—1849 годов поэтапно закрепляли роль петербургского режима как жандарма Восточной Европы, действующего с полного одобрения и в интересах развивающегося международного экономического порядка.

Глава IX

ЖИТНИЦА ЕВРОПЫ

ХЛЕБНЫЙ ЭКСПОРТ

Вопрос о том, насколько велико было значение хлебного экспорта для русской экономики, живо дискутировался уже в XIX веке. Одни авторы доказывали, что вывоз зерна играл ключевую роль в развитии страны, другие, напротив, старались показать, что лишь незначительная часть производимого зерна вывозилась, а потому говорить об экспортной ориентации сельского хозяйства не приходится. Вполне убедительные аргументы в пользу своей точки зрения приводили и те, и другие, тем более что масштабы хлебного экспорта колебались в зависимости от урожая и мировой конъюнктуры. Принципиально важно, однако, не то, сколько именно зерна было вывезено в тот или иной год, а то, что мировые цены на хлеб постепенно начали определять цены на внутреннем рынке.

Объясняется это тем, что далеко не все зерно, производившееся в России, предназначалось на продажу. В стране, где большая часть населения жила в деревне, внутренний рынок был не особенно велик. Иными словами, экспорт мог быть небольшим по сравнению с общим количеством произведенного зерна, но если учитывать только товарное зерно, картина меняется радикально. Сельское хозяйство оказывалось экспортным в той мере, в какой оно становилось рыночным, коммерческим.

Покровский обратил внимание на то, что два сорта зерна, производившиеся в России, соответствовали социальной

иерархии. Рожь была «мужицким», пшеница — «барским» хлебом. Рост производства пшеницы тесно связан с развитием коммерческого сельского хозяйства и его интеграцией в мировой рынок. Колебания цен на пшеницу в России на протяжении XIX века отражают мировые тенденции. Однако и цены на рожь отражают ту же динамику, только с некоторым опозданием. Постепенно влияние мирового рынка начинало сказываться не только на помещичьем, но и на крестьянском хозяйстве.

В послепетровскую эпоху хлебный экспорт из России сдерживало то, что избыток зерна имелся на юге страны, но, как отмечается в одном из документов того времени, «в близости сих стран никакого порта нет». Покровский, приведя данную цитату, иронически заключает, что в этих словах «скромный захолустный обыватель дал философию всех русско-турецких войн XVIII века»¹.

ЗЕРНО КАК СТРАТЕГИЯ

Основными воротами в мировую экономку на протяжении большей части XVIII столетия оставались Рига и Архангельск. Политика Петра и следующего поколения имперских правителей была направлена на всяческое поощрение Петербургского порта. Однако столица была построена с точки зрения экономической географии совершенно не там, где надо. Петербург мог в политическом отношении быть окном в Европу, но не потому, что находился на Балтике, а потому, что, будучи построен с самого начала как столица европейской державы, этот город воплощал собой архитектурно-бюрократическую утопию XVIII века. Ничем другим, кроме как столицей, этот город быть не мог. Единственная другая функция, которую он был способен выполнять, была военная. Пушкин весьма точно вложил в уста Петру слова о том, что «здесь будет город заложен назло надменному соседу» и «отсель грозить мы будем шведу». Петербург закрывал устье Невы и в этом смысле оказался постро-

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 3. С. 142.

ен стратегически на очень важном месте. Шведы прекрасно понимали значение этого места, когда строили здесь Ландскрону. В XVII веке, отобрав у Московии этот клочок земли, не имевший для них особой ценности, но очень важный в военном отношении, они построили тут город Ниеншанц. Когда сюда пришел Петр, решение не использовать уже существующий город, строить столицу на новом месте, было продиктовано исключительно военными соображениями. Был проведен совет, решавший, «тот ли шанец крепить, или иное место удобнее искать (понеже оный мал, далеко от моря, и место не гораздо крепко от натуры)»¹. В поисках нового места не нашли ничего лучшего, кроме как начинать строительство города с низкого и заболоченного Заячьего острова, где пришлось создавать искусственную насыпь, а строители умирали тысячами. Основав Петербург, Петр со свойственной ему бескомпромиссностью велел сровнять стоящий рядом Ниеншанц с землей. Здания разобрали на кирпичи, а великолепные крепостные валы с огромным трудом взрывали еще в 1709 году.

В конечном итоге Россия получила великий город, который подвергался военной угрозе или нападению практически в ходе каждой большой европейской войны, но, в отличие от Москвы, находившейся в самом сердце России, град Петра, возведенный на ее окраине, неприятелем ни разу занят не был. Однако предположение о том, что после создания петербургского порта «все флаги в гости будут к нам», оказалось ложным. Поощрение Петербурга наносило огромный урон Архангельску, затрудняло ведение дел в Риге, но все равно ничего не давало. Ограничения на архангельскую торговлю были сняты уже в 1727 году, однако ущерб, нанесенный ими, был столь велик, что в качестве крупного порта этот город уже не возродился.

Больше всего выиграла от петровских побед немецкая Рига, оказавшаяся одним из крупнейших городов Российской империи. Однако рижская торговля велась не только русским товаром. Зерно вывозилось через Ригу из Литвы и Белоруссии, находившихся тогда еще под властью Польши.

---

¹ Широкоград А. Цит. соч. С. 116.

Поскольку хлеб был важной, но не главной статьей экспорта, в Петербурге не могли точно определиться с политикой. Периоды свободной торговли сменялись периодами строгой государственной регламентации. В 1701 году Петр разрешил хлеб «за море отпускать невозбранно»¹. Однако тут же была сделана оговорка, что вывоз будет ограничен, если цена ржи в Московской губернии превысит 4 рубля за четверть. Впрочем, конкретные иностранные купцы, пользовавшиеся политическим влиянием (или просто за взятки), получали возможность торговать в обход этих правил.

Уже в 1705 году политика радикально меняется, вводится государственная монополия на торговлю зерном. Разумеется, ее тоже постоянно нарушали. В 1713 году решили вернуться к правилам 1701 года, в 1718—1720 годах вывоз зерна вообще запретили, а в 1721 году разрешили вновь, но в 1722—1727 годах последовал новый запрет. И лишь в 1763 году были окончательно отменены ограничения на вывоз зерна. Подобная непоследовательность правительства объясняется не столько колебаниями политического курса, сколько крайней нестабильностью самого русского сельского хозяйства. Северные области страны плохо подходили для земледелия, урожаи были недостаточными, чтобы обеспечить устойчивый вывоз. Другое дело, что и российское правительство, и западный капитал пользовались любыми возможностями, чтобы наладить экспорт. Основная доля зернового вывоза из России приходилась на голландцев, начавших этот бизнес еще в XVII веке. Конкуренция между русским и польским зерном была, с их точки зрения, необходима, чтобы сдержать рост цен на продовольствие.

Основным поставщиком хлеба в XVIII веке остается Польша. Потребность в русском зерне не столь велика: и русский экспорт играет подсобную роль. Кроме того, помещикам часто было выгоднее продавать зерно на винокуренные заводы.

Однако к концу XVIII века спрос мирового рынка на зерно резко возрастает. Политические последствия не заста-

---

¹ Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР. Сб. IX. М., 1980. С. 246.

вили себя долго ждать. С одной стороны, Россия, Австрия и Пруссия начинают делить между собой Польшу, причем петербургской империи достаются основные зоны производства зерна. С другой стороны, начинаются войны с Турцией.

После раздела Польши, овладев хлеботородными землями польской Украины, российское государство заняло и соответствующую нишу в мировой экономике. Однако решающую роль в развитии хлебного экспорта сыграли именно победы на Черном море. «Положить в основу русского торгового баланса хлебный вывоз, — пишет Покровский, — можно было, только отворив пшеничной России ворота на Черное море»¹. Победоносные военные кампании следовали одна за другой. На берегах Черного моря появляются легендарные русские города — Одесса, Севастополь. Но, как и на Балтике, победы русского оружия «гораздо больше помогли развитию на Черном море какого угодно судоходства, кроме русского». Став базой русского военного флота и «городом русской славы», Севастополь так и не стал процветающим торговым портом в отличие от своего предшественника — византийского Херсонеса. Хлеб вывозился преимущественно английскими торговыми судами. И все же цель была достигнута: «русский хлеб должен был массой пойти по новой дороге на Запад»². К 80-м годам XVIII века начинается бурный рост экспорта, превращающий Россию в «житницу Европы».

Подъем российского хлебного экспорта совпал со временами больших потрясений в Европе. Петербургская империя считалась среди передовых французских мыслителей примером просвещенной монархии, отличавшейся куда большим либерализмом, нежели французский режим, возглавляемый вздорными и некомпетентными королями. Однако когда во Франции разразилась революция, просвещенное правительство Петербурга вместе с либеральной элитой Британии выступило против нее.

Совершенно понятно, что идеи якобинцев не могли вызывать восторга у петербургских чиновников. Но и принци-

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 3. С. 143.

² Там же. С. 143—144.

пы английского парламентаризма были им отнюдь не близки. Идеологическая неприязнь к революции в данном случае накладывалась на экономические интересы и подкреплялась английским золотом.

В результате русские армии оказываются в самых неожиданных частях Европы. Адмирал Ушаков вместе с Нельсоном громит французский флот в Средиземном море, штурмует остров Корфу. Суворов сражается в Италии, а затем переходит через Альпы. Все эти победы русского оружия не дали стране ни пяди новой территории. Это была плата за поддержание англо-русского союза со всеми вытекающими из него для русских помещиков и чиновников выгодами. В 1798 году, когда французские войска под руководством молодого Наполеона Бонапарта высадились в Египте, английское правительство даже обсуждало вопрос о том, чтобы нанять русскую армию для защиты Индии¹.

Даже патриот-консерватор Данилевский вынужден признать, что в войнах рубежа XVIII—XIX веков армии, направлявшиеся петербургскими императорами на Запад, сражались «с разным успехом, не за русские, а за европейские интересы»². Причина видится им исключительно в «благородстве» русского правительства, которое всегда было готово прийти на помощь страдающим от французской агрессии народам Европы. Разумеется, «благородство» Петербурга было щедро оплачено британским золотом и теснейшим образом связано с общими торговыми интересами двух империй.

Попытка наследника Екатерины Павла I изменить внешнеполитический курс кончилась государственным переворотом. Запланированный Павлом разрыв с Англией и решение начать против нее войну в союзе с Францией воспринимались петербургской элитой как очевидное безумие (в том же ряду стояло и стремление нового царя улучшить положение рядовых солдат в ущерб офицерам-дворянам). Представление о Павле как о безумном императоре столь

---

¹ См.: Hopkirk P. The Great Game. On Secret Service in High Asia. Oxford University Press, 1990. P. 25.

² Данилевский Н. Я. Цит. соч. С. 43.

твердо закрепились в национальной исторической традиции, что лишь немногие исследователи впоследствии пытались серьезно рассматривать его деятельность.

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Даже прогрессивная часть русской элиты была твердо убеждена, что надо держаться за Англию. «Разрыв с нею, — писал будущий декабрист М. Фонвизин, — наносил неизъясненный вред нашей заграничной торговле. Англия снабжала нас произведениями, и мануфактурными, и колониальными за сырые произведения нашей почвы. Эта торговля открывала единственные пути, которыми в Россию притекало все для нее необходимое. Дворянство было обеспечено в верном получении доходов со своих поместьев, отпуская за море хлеб, корабельные леса, мачты, сало, пеньку, лен и прочее. Разрыв с Англией, нарушая материальное благосостояние дворянства, усиливал ненависть к Павлу, и без того возбужденную его жестоким деспотизмом. Мысль извести Павла каким бы то ни было способом сделалась почти всеобщей»¹.

Естественно, под «деспотизмом» Павла подразумевались его популистские меры, направленные на защиту крестьян и солдат от дворянского произвола. Но для русской образованной публики того времени это означало нарушение «вольностей» правящего сословия. Те, кто в него не входил, находились, по существу, и вне «общества».

Заговорщикам была обещана английская «субсидия». Первоначально планировалось отстранить Павла от власти в связи с «безумием» (как Георга III в Англии), но затем пошли по более простому и привычному пути: императора-популиста просто убили. Мир с Англией был заключен немедленно, казаки, отправленные Павлом I на завоевание Индии, отозваны, а эскадра адмирала Нельсона, не дожидаясь официального решения о прекращении враждебных

---

¹ Цит. по: Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 3. С. 267—268.

действий, зашла в Ревель запастись пресной водой и продовольствием. Это вызвало панику у неосведомленного в высших политических материях коменданта города, который решил, будто британцы захватывают Эстляндию.

Сразу же после восшествия на престол нового царя были отменены и указы Павла, запрещающие ввоз в страну всевозможных заграничных изделий. Благодаря государственному перевороту и цареубийству свобода торговли восстановилась.

Новым императором стал Александр I, любимый внук Екатерины Великой, воспитанный на книгах французских просветителей и склонный к либеральным начинаниям. То было «дней александровых прекрасное начало», когда в Петербурге мечтали о реформах в духе английского парламентаризма или шведского сословного представительства. Молодые люди, окружавшие царя, надеялись заинтересовать английских союзников своими прогрессивными начинаниями. Русские представители в Лондоне объясняли, что Петербург готов вновь включиться в антифранцузские коалиции, но войну надо вести не во имя восстановления старого порядка, а под лозунгами свободы и закона. Бонапартизму и якобинству французов предлагалось противопоставить нечто вроде британской конституционной модели, адаптированной к условиям континентальной Европы¹.

---

¹ М. Покровский весьма негативно оценивает либеральные инициативы Александра, считая их просто попыткой обмануть европейское общественное мнение. Но нет особых причин сомневаться в искренности молодого царя и тем более — просвещенных молодых дворян из его окружения. Показательно, что не только в России, но и в Западной Европе многие воспринимали войны против Наполеона как освободительные, ожидая, что за победой последуют общественные перемены. Это настроение объединяло будущих декабристов в рядах русской армии с генералом Робертом Вильсоном, представлявшим в 1812 году англичан при штабе Кутузова. Разочарование, наступившее после победы в 1814 году, толкнуло Вильсона на путь заговора точно так же, как и русских офицеров, вместе с которыми он сражался против Бонапарта. Мемуары Вильсона опубликованы по-русски под заголовком: «Описание событий нашего нашествия на Россию Наполеона Бонапарта и отступления французской армии в 1812 г.

Все это не вызвало в Лондоне ни малейшего интереса. В ответ на русские предложения англичане заговорили о военных субсидиях. Деловым британцам надо было точно знать, во что обойдется им наем русской армии для очередного похода против французов. Субсидии были предоставлены, но их оказалось недостаточно, что и сказалось на неудачном для русских развитии войны.

Как отмечает Покровский, этот союз был продиктован экономической необходимостью, «притом для России более чем для Англии»¹. Периферийное положение Петербургской империи делало ее заложницей чужих конфликтов и заставляло ее расплачиваться кровью своих солдат за «экономически неизбежные» международные обязательства.

Первый поход Александра в Европу закончился разгромом под Аустерлицем. Последующие сражения не были для русской армии столь катастрофичными, но в целом события оборачивались не в пользу России. Хронические неудачи русских, прусских и австрийских войск в борьбе с Наполеоном подтолкнули Лондон к выводу, что не имеет смысла тратить деньги на содержание континентальных союзников. После того, как русские проиграли в 1807 году сражение под Фридландом, военные силы у Петербурга для продолжения борьбы имелись, а вот денег больше не было. На просьбу о 6 миллионах фунтов нового займа Лондон ответил категорическим отказом. «Вести войну более было не на что — и с «врагом рода человеческого» волею-неволею приходилось мириться», — заключает Покровский².

Александр вынужден был подписать Тильзитский мир. Победоносная Франция потребовала от Петербурга не только прекратить войну, но и присоединиться к континентальной блокаде, порвав торговые связи с Англией. Александр I под влиянием военных неудач вынужден был пойти по тому же пути, что и его незадачливый отец.

Сочинение генерала сэра Роберта Вильсона, британского агента при главной квартире русской армии» // Военный сборник. 1860. №12.

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 3. С. 288.

² Покровский М. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 19.

Для русских экспортеров это был тяжелый удар. Как писал один из современников, «на закрытие гаваней английским кораблям смотрят как на запрещение, наложенное на произведения русской земли»¹. Французские эмиссары в Петербурге, видя это, обращались к Наполеону с призывом заменить английские поставки французскими, но беда была именно в том, что Франция не могла закупать и продавать товары в таком количестве, как Англия. Резко увеличилась инфляция. Бумажные деньги стремительно обесценивались. За рубль ассигнациями в 1809 году давали всего 33 копейки серебром.

Впрочем, континентальная блокада имела и свои положительные стороны. Она подтолкнула развитие отечественной промышленности для замещения импорта. Некоторым предпринимателям удалось наладить прямые связи с французскими, голландскими и датскими партнерами. Немало купцов обогатилось за счет контрабанды. Во время московского пожара 1812 года многие фабрики, построенные в период континентальной блокады, были разрушены. Однако ее положительные последствия сказывались вплоть до 1819 года, когда новый таможенный тариф вновь обеспечил полную свободу торговли в России для английских импортеров. Русские купцы рассказывали друг другу, что «в Лондоне по сему случаю даны были многия празднества»². Не выдержав английской конкуренции, многие русские фабрики пришли в запустение.

В конечном счете, континентальная блокада оказалась разорительной не столько для буржуазии, сколько для помещиков. Неслучайно Сперанский со своими проектами реформ возникает именно в это время. «Спор, — пишет Покровский, — шел между промышленным и аграрным капитализмом: первому континентальная блокада была на руку, для второго в ней заключалась гибель. Сперанский был на стороне первого... Политическая свобода России для него вытекала из ее промышленного развития. Его понимание этого последнего было чисто буржуазное: свободный юри-

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 3. С. 290.

² Там же. С. 300.

дически, работник представлялся ему единственно мыслимой базой промышленности»¹.

«Континентальная система», закрепленная в таможенном тарифе 1811 года, стала предметом бурных дискуссий в «образованном обществе». При дворе мнения разделились. Министерство финансов крайне отрицательно относилось к любым ограничениям свободы торговли. А государственный канцлер граф Румянцев, который сам был крупным фабрикантом, запрет на ввоз английских изделий поддерживал, доказывая, что без протекционизма не поднять национальную промышленность, а народ, занимающийся единственно земледелием, обречен «навсегда оставаться в нищете и невежестве»².

Разногласия из правительства распространялись на двор, а затем и на все «образованное общество». Михаил Туган-Барановский писал позднее в своей знаменитой «Истории русской фабрики»: «Второе десятилетие этого века было любопытной эпохой в истории нашего общественного развития по спорам о протекционизме и свободной торговле, которые чрезвычайно занимали общественное мнение. Так как огромное большинство образованного общества в это время так или иначе примыкало к земледельческому классу, то вполне понятно, что протекционисты или, точнее, сторонники запретительной системы не могли пользоваться общественным сочувствием. Число брошюр, написанных в защиту действовавшего тарифа, очень невелико, сравнительно с брошюрами и статьями в пользу свободы торговли»³.

Про «земледельцев» у Туган-Барановского, разумеется, оговорка: земледельцы в ту пору брошюр не писали и в дебатах не участвовали. Зато землевладельцы были вопросами международной торговли очень даже заинтересованы.

Русская буржуазия была слишком слабой, отсталой и дикой, чтобы воспользоваться сложившейся ситуацией. У реформ Сперанского не было прочной базы в обществе.

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 3. С. 334.

² Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т.1. Харьков, 1926. С. 215.

³ Там же. С. 215-216.

Его планы повисли в воздухе. Уже к 1810 году континентальная блокада в России фактически рушится. Контрабанда становится массовым явлением, и с ней никто серьезно не борется. Недовольство дворянства делает невозможным продолжение прежней политики. Падение Сперанского и фактический крах континентальной системы происходят одновременно.

Война 1812 года стала ключевым национальным мифом и во многих отношениях поворотным пунктом русской истории. С самого начала эта война воспринималась как Отечественная — иными словами, речь шла о спасении родины от иноземного завоевания. Однако вторжение французов вовсе не преследовало цели завоевания России. Бонапарт отнюдь не был безумцем: взяв Москву, он тщетно ждал послов петербургского императора, чтобы заключить почетный мир. Великая армия Бонапарта пришла в глубь России из-за того, что у Франции просто не оставалось иного способа заставить Петербург вернуться к континентальной блокаде.

Судьба англо-французского соперничества решалась в боях под Бородино и Тарутино, быть может, даже в большей степени, нежели на поле Ватерлоо.

Англия победила.

«ДВОРЯНСКОЕ МАНЧЕСТЕРСТВО»

Каково было значение мировой экономики для развития России в XVIII—XIX веках? Легко заметить, что на мировой рынок попадала лишь ничтожная доля ресурсов, которыми обладала страна. Крестьянин или помещик, живущий в захолустной губернии, из которой «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь», весьма смутно представлял себе, что такое мировой рынок. Однако это очень хорошо (даже слишком хорошо) понимали в Петербурге. И именно поэтому они ставили крестьянина и помещика под ружье, гнали на войну, заставляя участвовать в бесконечных непонятных сражениях, порой на другом конце континента — то брать Берлин, то завоевывать Крым, то переходить через Альпы, в конце концов, русские войска дошли до Парижа. Российское общество неизменно горди-

лось подобными победами, но довольно редко большинство населения (включая даже провинциальное дворянство) понимало смысл этих походов. И лишь война 1812 года — впервые со времен Петра — оказалась понятна народу. За то и заслужила название «Отечественной».

В начале XX века, когда никто уже не решился бы говорить о положительной роли крепостничества в истории, Ленин утверждал, что помещики-крепостники безуспешно пытались отгородить страну от Запада, «помешать росту товарного обмена России с Европой», дабы таким образом обеспечить сохранение «старых, рушащихся форм хозяйства»¹. Легко догадаться, что Ленин повторяет здесь общие места либеральной публицистики. На самом деле именно крепостническое хозяйство было наиболее заинтересовано во внешнем рынке, служило своего рода экономическим «агентом», вовлекающим страну в мировую систему.

В 30-е годы XIX века А.С. Пушкин произнес свою знаменитую фразу о том, что, несмотря на свою грубую и циничную политику, «правительство у нас все еще единственный европеец в России»². Поэт, разумеется, имел в виду не культурные достижения петербургских бюрократов, а их вовлеченность в общеевропейские дела и проистекающее отсюда стремление «модернизировать» страну. Петербург, со всей его авторитарной бюрократией, был для Пушкина источником динамики, силой заставлявшей страну двигаться и участвовать в мировых делах. Однако наивно было бы объяснять подобное поведение властей исключительно политическими амбициями. «Европеизм» власти был предопределен вовлеченностью элит в международную экономику. Столица нуждалась в деньгах и товарах мирового рынка. В петербургской России чем выше было положение социальной группы, тем больше — степень ее связи с «Европой», иными словами, со складывающейся буржуазной мир-системой. Да, в эту систему было вовлечено ничтожное меньшинство жителей страны. Но именно это меньшинство страной правило, по сути владело ею.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 173.

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 10., 1947. С. 654.

В конце 70-х годов XVIII века знаменитый русский писатель Денис Фонвизин путешествовал с больной женой по Европе и оставил нам весьма поучительные записки. Европа, жившая предчувствием революционных потрясений, оскорбила русского писателя своей грубостью. Всюду он замечает отсталость и варварство. В восточной части Германии — отвратительные дороги, скверная пища, ненадежная почта, пьянство, грубость и неэффективность. Поездка в почтовой карете похожа на пытку. «Вообще сказать, почтовые учреждения его прусского величества гроша не стоят. На почтах его скачут гораздо тише, нежели наши ходочки пешком ходят. В Саксонии немного лучше; но тоже довольно плохо»¹. Только западная часть Германии вызывает у русского путешественника одобрение.

Переехав же французскую границу, он отмечает: «При въезде в город ошибла нас мерзкая вонь, так что мы не могли уже никак усомниться, что приехали во Францию. Словом, о чистоте не имеют здесь нигде даже понятия, — все изволят лить из окон на улицу, и кто не хочет задохнуться, тот, конечно, окон не отворяет»². Улицы здесь узки, в Лионе «самая большая не годится в наши переулки, а содержится скверно»³. В самом центре города «французы изволят обжигать свинью! Подумай, какое нашли место, и попустила бы наша полиция среди Миллионной улицы опаливать свинью!»⁴ Даже и нравы местной аристократии вызывают осуждение: «Белье столовое во Франции так мерзко, что у знатных праздничное несравненно хуже того, которое у нас в бедных домах в будни подается. Оно так толсто и скверно вымыто, что гадко рот утереть»⁵. В Италии — того хуже. Нищета, «на земле плодороднейшей народ терпит голод»⁶. Вокруг «весьма много свинства». А именно: «полы каменные

---

¹ Фонвизин Д.И. Избр. соч. и письма. М.: ОГИЗ., 1964, С. 246.

² Там же. С. 212.

³ Там же. С. 214. Явное преувеличение — центральные улицы Лиона в XVIII веке были не хуже, чем в тогдашней Москве.

⁴ Там же. С. 215.

⁵ Там же. С. 223.

⁶ Там же. С. 265.

и грязные, белье мерзкое, хлеб, какого у нас не едят нищие, чистая их вода то, что у нас помои»¹.

Вдобавок ко всему Россия оказывается куда более свободной страной, нежели Италия. В Петербурге и Москве свободно читают Вольтера, Дидро, Руссо, а в Риме все это строго запрещено. Короче, вернувшись на родину, русский путешественник приходит к твердому выводу, что «в Петербурге жить несравненно лучше»².

Один из немногих, с кем в Париже было Фонвизину по-настоящему интересно, это Бенджамин Франклин, посол Соединенных Штатов — один из «отцов-основателей» американской истории. Есть что-то поучительное в этой встрече двух скучающих просветителей, один из которых представляет рабовладельческую республику, а другой — крепостническую монархию.

Если верить Фонвизину, то Россия XVIII века далеко опередила Запад во всех отношениях. Однако та же эпоха оставила нам и другой памятник — «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева. Картина, увиденная этим путешественником, была столь мрачной, что книга оказалась под запретом, а автор был сослан в Сибирь.

Фонвизин ездил по Европе дважды. Первый раз — в 1777—1778 годах, второй раз — в 1784 году. Книга Радищева была опубликована в 1790 году. Иными словами, восторг Фонвизина и ужас Радищева относятся к одному и тому же времени.

Первый путешественник смотрел на свою дорогу глазами петербургского барина. Ему невдомек было, что книги Вольтера и Руссо не приходится запрещать в империи, где большая часть населения безграмотна, а те, кто умеет читать, в большинстве своем удовлетворены сложившимся порядком. В Европе ему всюду мешают простолюдины, оказывающиеся со своими неотесанными нравами перед его вельможным взором. На родине полиция не допустит такого безобразия. Местная аристократия не идет ни в какое

¹ Фонвизин Д.И. Избр. соч. и письма. С. 262.

² Там же. С.215.

сравнение с российской, ибо стеснена в средствах. Деньги от обладателей знатных титулов переходят к буржуазии.

Радищев, напротив, попытался взглянуть на свой путь глазами крестьян и простолюдинов. Его Россия оказалась не блестящей и величественной, а убогой и зловещей.

Однако ни нравственное негодование Радищева, ни благонамеренные рекомендации французских просветителей не влияли на политику петербургского правительства. И не только потому, что это правительство опиралось, прежде всего, на дворянство, заинтересованное в крепостном праве, но и потому, что другого пути оно для себя не видело. Даже пугачевский бунт не поколебал уверенности Петербурга, что для России быть европейской державой и быть страной крепостнической — одно и то же.

Многочисленные французские книги о правах человека населяли библиотеки петербургских аристократов, которым и в голову не приходило, что все это имеет какое-то отношение к жизни крепостных крестьян. Ситуация изменилась лишь в начале XIX века. И дело не только в том, что новое поколение молодых людей, выращенное в Москве и Петербурге, прочло книги Вольтера и Руссо внимательнее своих родителей.

Россия после наполеоновских войн — это страна на подъеме. Кампания 1812 года приняла характер победоносной народной войны, после чего русские войска в 1813 году дошли до Лейпцига, а в 1814 году — до Парижа. Дело не только в надеждах, разбуженных в обществе этими победами и либеральными обещаниями Александра I. В экономическом отношении Россия того времени тоже достигает многого. Результаты модернизаторских усилий XVIII столетия, наконец, начинают сказываться не только в столицах, но и в провинции. Перспективы сельского хозяйства выглядят многообещающими, промышленность, получив мощный стимул в годы континентальной блокады, продолжает активно развиваться. Мануфактурщики выходят на мировой рынок со своей продукцией, а спрос на российское железо в Европе все еще остается достаточно высоким.

Западная Европа нуждается в постоянно растущем количестве русского зерна. Именно в это время начинается

бурное развитие портов на юге России. Стремительно растет основанная в 1794 году Одесса. Эта, по выражению экономистов XIX века, «торговая столица Черноморского побережья» расцветает благодаря экспорту зерна¹. В 1802 году здесь было всего 400 домов и от силы 8 тысяч жителей. К 1812 году число домов достигло 2600, а жителей — 35 тысяч.

В 1813—1817 годах вывоз хлеба из России вырос в пять раз. По мере развития промышленной революции в Англии, пишет Покровский, русское поместье превращается в «фабрику для производства хлеба». В помещичьем хозяйстве происходит настоящий переворот. Необходимо сразу и резко увеличить производство товарного зерна. «Этот перелом уже наметился в конце XVIII века, но с особенной силой дал себя почувствовать тотчас после наполеоновских войн... в середине второго десятилетия XIX века»².

Крепостной труд одновременно малопроизводителен и дешев. При относительно стабильном рынке он был выгоден чрезвычайно. Но в условиях, когда возникла потребность в резком росте производительности труда, крепостная система показала свою неэффективность — как с точки зрения помещика, так и с точки зрения общих потребностей развития миросистемы. Зерна не хватало. Цены в Лондоне росли стремительно, с 50 шиллингов за квартал в конце XVIII столетия до 90 шиллингов по окончании наполеоновских войн. Неудивительно, что русское дворянство все более проникалось идеями свободной торговли в духе «манчестерской школы» английских экономистов. Пушкин с долей иронии сообщает про Онегина: «Зато читал Адама Смита». Маркс впоследствии с удовольствием цитировал фрагменты из «Евгения Онегина», свидетельствовавшие, по его мнению, о хорошем понимании политической экономии. Увлечение пушкинского героя было вполне понятно современникам. Роман Пушкина действительно был «энциклопедией

---

¹ Федоров М.П. Хлебная торговля в главнейших русских портах и в Кенигсберге. М., 1888. С. 105.

² Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 14.

русской жизни». В том числе и тогда, когда речь заходит об экономических взглядах тогдашнего дворянства.

Увлечение идеей «свободной торговли» было очень типично для помещиков той эпохи. В противоположность дворянству и аристократии отечественные промышленники были настроены в пользу протекционизма. Но не они задавали тогда тон в столице. Описывая настроения петербургской элиты в начале XIX столетия, Туган-Барановский обращает внимание на повсеместное увлечение идеями Адама Смита. Как видим, пушкинский Онегин был далеко не оригинален: «Если мы будем просматривать официальный орган министерства внутренних дел начала этого века «С.-Петербургский журнал», то нас поразит, как много места отводится в этом журнале проповеди учения Смита»¹.

Не кто иной, как любимец царя граф Алексей Аракчеев, готовит очередной проект освобождения крестьян. А ведь в русскую историю Аракчеев вошел как символ деспотизма и жестокости! Покровский неоднократно упоминает «дворянское манчестерство». Показательно, что подобные настроения овладевают жильцами «дворянских гнезд» именно на фоне благоприятной конъюнктуры мирового рынка. Между тем на мировом рынке происходят важные перемены. Промышленная революция в Англии и прекращение войн на континенте лишь на первых порах резко повышают спрос на русское сырье. Затем начинается снижение спроса. Британская металлургия технологически обновляется. Понемногу меняется и кораблестроение. С переходом флота на паровую тягу сокращается потребность в пеньке, парусине, мачтовом лесе, которые раньше поступали на английские и голландские судоверфи с берегов Балтики. Наконец, после прекращения военных действий оказывается возможно беспрепятственно покупать зерно на самых разных рынках. Растет конкуренция между производителями, падают цены.

Однако все это происходит не сразу. Последствия всех этих процессов по-настоящему начали сказываться на России лишь к концу 20-х — началу 30-х годов XIX века. На-

---

¹ Туган-Барановский М. Указ. соч. С. 213.

против, в первой половине 20-х годов сложилась уникальная ситуация, когда петербургская империя уже начинала ощущать на себе происходящие перемены, но еще имела достаточно средств и ресурсов, чтобы продолжать успешно развиваться. Для того чтобы импульс, полученный в начале столетия, сохранился, требовались радикальные преобразования, затрагивающие не только внутреннее устройство империи, но и ее место в мире. Экономика должна была переориентироваться на внутренний рынок, который мог расти только на основе перехода к вольнонаемному труду и удорожания рабочей силы. Это означало бы и превращение России из периферийной империи в экономически самостоятельную страну, для которой на первый план выходят не внешние, а внутренние задачи. Материальные ресурсы для такого перехода к началу 20-х годов XIX столетия были. Многочисленные реформаторские проекты тех лет свидетельствуют о том, что в обществе было и понимание проблемы. Недоставало политической воли, и открытым оставался вопрос о социальной базе преобразований.

Именно специфика того периода (весьма мало, кстати, изученного историками) объясняет восстание 14 декабря 1825 года.

ДЕКАБРИСТЫ

Для русской культуры восстание декабристов стало одним из ключевых мифов. Одни видят в нем романтическую историю о благородных аристократах, которые, проникшись идеями Просвещения и пройдя по Европе в победоносном походе, решили отказаться от собственных сословных привилегий. Революционеры второй половины XIX века объявили декабристов своими непосредственными предшественниками — от этого наследства не отказывался даже Ленин. Марксистская традиция, однако, здесь сталкивалась с серьезной проблемой: с одной стороны, перед нами движение, выдвигающее очевидно революционные требования. А с другой стороны, не только его лидеры, но и большинство участников принадлежат к традиционной элите общества.

Декабристы, несмотря на свое аристократическое происхождение, были настоящими революционерами, сто лет спустя объяснял своим слушателям Михаил Покровский. Это была самая передовая политическая организация по понятиям своего времени. Они «дошли до такой крайней грани революционности, которая возможна для непролетарских классов». А большего от них требовать невозможно, ибо «никакого пролетариата в России вообще в то время не было»¹.

Что же заставило этих блестящих аристократов дойти «до крайней степени революционности»? Представление об обреченности декабрьского восстания, о его «преждевременности», о том, что оно было затеяно людьми, обогнавшими свою эпоху, на первый взгляд подтверждалось общей картиной реакции, воцарившейся в стране после краха движения. В массовом сознании остались слова Александра Грибоедова, иронизировавшего по поводу попытки сотни прапорщиков перевернуть Россию, и знаменитая формула Ленина: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа». Для Ленина восстание 1825 года не имело никакой самостоятельной ценности. Это была не упущенная возможность, а необходимый первый шаг движения, за которым закономерно последовал второй: «Их дело не пропало даром. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию»². При этом каждое следующее поколение революционеров оказывается более радикальным, более демократичным («народным») и более эффективным. После Герцена приходят народники, которые расширили и углубили агитацию, и вот, наконец, появляются марксисты, социал-демократы, возглавляющие «единственный до конца революционный класс» — пролетариат. Деятельность большевистской партии Ленина оказывается кульминацией и завершением столетнего процесса. Эта схема, выстроенная вполне в традициях Гегеля, выглядела убедительно на рубеже XIX и XX веков, но реальная история была куда сложнее и драматичнее.

---

¹ Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России. С. 20.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 261.

Достаточно спорным является представление о декабристах как об «узком круге». Разумеется, по сравнению с массовыми партиями XIX века они были небольшой группой, но для своего времени и «Союз благоденствия», и «Союз спасения» были достаточно серьезными организациями. Даже материалы официального следствия дают нам картину весьма впечатляющего заговора, отнюдь не ограничившегося узким кругом петербургских «злоумышленников». За рамками следствия остались тысячи симпатизирующих, которые, конечно, не готовы были участвовать в заговорах, но радостно примкнули бы к восставшим в случае их победы.

Разумеется, поражение декабристов не было случайностью. Но их попытка изменить Россию вовсе не была беспочвенной авантюрой. Более того, их затея была своевременна и закономерна.

Тайные общества начинают возникать сразу по окончании наполеоновских войн. Сначала — «Русские рыцари» (1814), потом «Союз спасения» (1817), затем «Союз благоденствия» в 1818 году. К 1821 году оформился полноценный заговор, вовлекший в свою орбиту не только изрядную часть столичной элиты, но и провинциальных офицеров из обедневших дворян, составивших костяк «Южного общества» и «Общества соединенных славян» — крайне левого крыла движения.

В уникальной политико-экономической ситуации 1815—1825 годов наиболее просвещенная и смелая часть российского правящего класса увидела открывавшуюся перед страной историческую возможность — модернизировав общественный порядок, сломать логику периферийного развития и превратить Россию в полноценную европейскую державу, имеющую не просто большую армию, но и самостоятельную и сильную экономику. Военно-политические итоги 1812—1814 годов надо было или закрепить на уровне общественного развития, или неизбежно утратить (что и произошло за время царствования Николая I).

Декабристы были не просто аристократами, но, в первую очередь, они представляли военную элиту. В этом смысле заговор 1825 года, весьма отличавшийся от европейских

революций XIX века, был прообразом многочисленных заговоров, переворотов и революций, устроенных модернизаторски настроенными военными в странах «периферии» на протяжении XX столетия. Значительная часть подобных переворотов, порою подготовленных и осуществленных куда хуже, чем выступление 14 декабря 1825 года, заканчивалась вполне успешно — по крайней мере, в смысле взятия власти (иной вопрос, насколько успешно употребляли ее победители).

Восстание 1825 года трагично не потому, что это был заведомо обреченный на провал первый героический шаг, а потому что оно представляло собой упущенную, но реальную историческую возможность для России соскочить с пути периферийного развития¹.

То, насколько уникальна и неповторима была ситуация начала 20-х годов XIX века, стало очевидно уже к концу десятилетия. Расправившийся с декабристами Николай I отнюдь не исключал на первых порах мысли о реформах и даже об освобождении крестьян. Но с каждым годом становилось все яснее, что практической возможности для этого у петербургского правительства уже нет.

ЭПОХА РЕАКЦИИ

«Социальную историю николаевского царствования, — пишет Покровский, — нельзя понять, если мы упустим из виду этот прозаический, но необычайно важный по своим последствиям факт: двадцатые и тридцатые годы XIX столетия были периодом исключительно низких цен на хлеб». Этот упадок зерновых цен на внутреннем рынке был лишь отражением общемировой тенденции: «Во всей Европе было

---

¹ В определенном смысле движение декабристов стало прообразом целого ряда военно-революционных движений и радикальных офицерских заговоров в странах периферии — от «младотурков» в Османской империи до антиимпериалистических военных переворотов в арабских и африканских странах XX века и левых военных деятелей Латинской Америки (включая Хуана Веласко Альварадо в Перу и Уго Чавеса в Венесуэле).

то же»¹. Вместе с упадком цен прекратился и рост экспорта, «а с ним замерло и развитие помещичьего хозяйства, сулившего такие радужные перспективы агрономам александровской эпохи»².

На рубеже XVIII и XIX веков в Англии разворачивается промышленная революция. Потребность в сырье растет, но структура спроса меняется. Особенно серьезно сказывается происходящий в Англии переворот на российской металлургии. На первых порах потребность в русском железе резко возрастает, но уже к началу XIX столетия новые технологии позволили настолько повысить производительность металлургии в Англии, что производить железо там стало выгоднее, чем импортировать из России — несмотря на дешевизну подневольного труда.

С одной стороны, подневольный труд русских заводов способствовал успешному развитию промышленного переворота, но, с другой стороны, эти заводы стали одной из жертв произошедших перемен. Как отмечает Струмилин, «русская металлургия, которая, питая своим железом английское машиностроение, ускоряла сроки промышленного переворота в Англии, особенно тягостно переживала его последствия»³. В XVIII столетии Россия была мировым лидером по производству металла, обгоняя Англию, Францию и Швецию. Но в 1805 году Англия уже выплавляет больше чугуна. Развитие британской промышленности, разумеется, стимулировалось военными потребностями — нужно было вооружение для борьбы с Бонапартом, но решающую роль в этом подъеме все же играли технологические новации. Чем более развивается промышленный переворот на Западе, тем более Россия обнаруживает неудобство своего периферийного положения. Если на первых порах снижение экспорта в Англию компенсировалось ростом закупок в континентальных европейских странах, то затем Россия стала отставать и от них. По мере того как снижается экспорт, обнаруживается узость внутреннего рынка. Рост производства замедля-

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С. 14.

² Там же. С. 15.

³ Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. С. 174.

ется, отрасль начинает приходить в упадок. В 1825 году русскую металлургию опережает французская и североамериканская, к 1855 году Россия по производству чугуна отстает от Германии и Австро-Венгрии. К середине XIX века русская промышленность уже нуждается в импорте чугуна из той же Великобритании.

Проекты реформ, так увлекавшие двор во времена Александра I, в новых условиях оказывались совершенно нереалистическими. Николай I вовсе не был принципиальным сторонником крепостничества — различные проекты освобождения крестьян продолжали обсуждаться в Петербурге на протяжении его царствования. Но осуществить их на фоне крайне неблагоприятной рыночной конъюнктуры означало бы разорить помещиков. Потому перспективы перехода на вольнонаемный труд и модернизация земледелия уже не казались экономически столь же привлекательными, как во времена предыдущего царствования.

У помещиков и без всяких реформ начались трудности с деньгами. Изрядная часть имений была заложена, а главным кредитором дворянства, как заметил еще де Кюстин, выступал государственный банк. Тем самым правительство получило и дополнительный инструмент контроля над «просвещенным обществом».

Однако период правления Николая I вовсе не был временем тотального экономического застоя. Промышленность, получившая толчок к развитию в годы континентальной блокады, продолжала расти, причем довольно быстрыми темпами. Узкий внутренний рынок оказывался уже недостаточен для владельцев русских мануфактур. Для того чтобы поддерживать промышленный рост, правительство, с одной стороны, прибегало к протекционизму, защищая российский рынок от английской конкуренции, а с другой стороны, нужно было искать новые рынки. Ясно, что вывозить русские промышленные товары в Европу не было серьезной возможности. Значит, рынки необходимо было обеспечить на Востоке — в Турции, Персии, Средней Азии. Русская внешняя политика становится по необходимости экспансионистской.

Рост русской промышленности ставил под вопрос место России в международном разделении труда. Англо-русское взаимопонимание, в основе которого лежала традиционная для XVIII века общность интересов британских капиталистов и русских помещиков, было нарушено. Между тем, открытие российского рынка оставалось важным приоритетом для Лондона, поскольку даже в середине XIX века Российская империя имела положительный торговый баланс с Англией. Сразу же по окончании Крымской войны лондонский «The Economist» констатировал, что «импорт из России превосходит направляемый туда экспорт в три раза, а то и больше»¹.

Перестройка мирового экономического порядка, вызванная промышленной революцией, создает новую ситуацию, которую Россия активно пытается использовать для того, чтобы занять более достойное место в миросистеме. Другое дело, что шансы петербургской империи были ничтожны. Внутреннее устройство общества обрекало Россию на неудачу в этом противостоянии, а последняя возможность радикальных реформ была упущена вместе с поражением восстания декабристов.

Российской империи не остается иного выбора, кроме движения на Восток. Ее влияние растет в Турции и Египте, она методично завоевывает Кавказ и начинает наступление на Центральную Азию (пока средствами торговли и дипломатии). По словам Покровского, «интересы русской промышленности были не всегда сознаваемы действующими лицами, но всегда ясны для сколько-нибудь внимательного постороннего наблюдателя, исходной точкой целого ряда дипломатических шагов, постепенно складывавшихся в определенную политическую линию. А на конце этой линии был Севастополь»².

По мнению Покровского, экономика Великобритании к 30-м годам XIX века испытывает гораздо меньшую потребность в русских товарах, чем раньше: «Как нарочно, в это

---

¹ The Economist, 11.10.1856, vol. XIV, No. 685. P. 1117.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4 С. 32.

самое время главное сырье, какого искала Англия на русском рынке, хлеб, было дешево в Западной Европе. Уже благодаря одному этому Россия была Англии более не нужна; благодаря расцвету русской промышленности после 1812 года, она была или, по крайней мере, казалась вредна и опасна»¹. Однако позднейшие исследования рисуют гораздо более сложную картину. По выражению одного из советских историков, в середине XIX века Англия оказалась для России одновременно «главным торговым партнером и соперником»². Несмотря на все политические конфликты, экономические связи между Россией и Англией были весьма интенсивными. Политика и коммерция по-прежнему шли рука об руку — британский консул в Петербурге был по совместительству представителем лондонской «Русской компании». На Британию в середине XIX века приходилось около трети русского импорта и примерно половина экспорта. Кроме зерна Россия экспортировала древесину, лен, пеньку, коноплю, сало, шерсть, щетину, понемногу увеличивая закупки в Англии промышленного оборудования. К 40-м годам XIX столетия Англия получала в России две трети требовавшихся ей льна-сырца и пеньки, 80% семян льна и конопли³. Показательно при этом, что в самой России производство льняных изделий падало — не без влияния английской конкуренции.

По мере развития парового флота в Англии падает спрос на русскую пеньку, но происходит это не сразу: новые технологии в течение некоторого времени уживаются со старыми. Российская древесина обслуживала английскую «железнодорожную горячку» 40-х годов XIX века, точно так же, как три десятилетиями ранее русский металл обслуживал формирование нового машиностроения в «мастерской мира». Однако теперь сырье везут со всех сторон — из Австралии, Южной Америки, Канады. Чем больше расширяется капита-

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4 С. 38.

² Семенов Л.С. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX века. Л., 1975. С. 3.

³ См.: Неболсин Г.П. Статистическое обозрение внешней торговли России. Т. 2. Спб., 1850. С. 25-27, 139.

листическая миросистема, тем богаче становятся источники сырья, тем шире для «центра» возможность выбора и тем острее конкуренция между странами «периферии».

По ввозу товаров в Соединенное Королевство в то время Россия занимала второе место, уступая лишь Франции, а в качестве поставщика сырья и продовольствия для «мастерской мира» была лидером. Среди стран, куда Англия вывозила товары, Россия занимала четвертое место. К тому же изрядная часть русского товара, вывозившегося в Германию и Голландию, тоже, в конце концов, оказывалась на английском рынке. По реэкспорту колониальных товаров она делила первое место с ганзейскими городами Германии. Особое значение приобретал русский рынок в годы промышленных кризисов. Так в 1841—1842 годах на фоне общего спада мировой торговли ввоз английских товаров в Россию продолжал расти.

Англия оставалась не только основным торговым партнером петербургской империи, но и ее главным кредитором. Английский капитал участвовал в семи из десяти внешних займов, заключенных царским правительством в 1840—1860-х годах¹. Хотя большая часть средств была получена

---

¹ Источники не сходятся в оценке общей суммы финансовых обязательств Российской империи. По оценке А.Д. Друяна, в 1841—1853 годах новых займов получено на 70,1 млн. серебром, а на уплату процентов и погашение прежних займов израсходовано 149,3 млн. руб. (см.: Друян А.Д. Очерки по истории денежного обращения России в XIX в. М., 1941. С. 44). По другим подсчетам, только в 1840—1849 годах взято займов на 101 млн. руб. (См.: Семенов. Л.С. Указ. соч. С. 82). Особый интерес представляет запутанная история так называемого голландского займа. На Венском конгрессе Британия взяла на себя обязательство погасить часть кредита, взятого царским правительством на голландском финансовом рынке во время наполеоновских войн. При этом Лондон и Петербург обещали продолжать платежи даже в случае возникновения войны между двумя странами. Голландский король тоже взялся погасить часть займа, но лишь при условии, что Бельгия, присоединенная к его владениям по решениям конгресса, останется под его властью. После отделения Бельгии правительство Голландии платежи прекратило, но Англия продолжала выполнять свои обязательства — в результате сэкономленные царем средства пошли, по мнению Маркса, на подавление польского восстания.

на лондонском финансовом рынке, царь брал в долг также у банкиров Берлина и Парижа.

Первая русская железная дорога, связавшая Петербург с Москвой, строилась при помощи иностранных займов. Требовались иностранные кредиты и на строительство железнодорожной линии на Варшаву. Большая часть денег была получена в 1840 году в Берлине, хотя участвовали в кредитовании проекта капиталы также из Англии и Голландии. Поскольку русское железнодорожное строительство все больше зависело от берлинского финансового рынка, Пруссия не преминула воспользоваться своим влиянием, когда в Петербурге обсуждался проект железной дороги на Либаву. Эта дорога могла создать серьезную конкуренцию прусской торговле, и под давлением Берлина царское правительство вынуждено было от него отказаться.

Несмотря на активное участие Пруссии, английский капитал играл решающую роль в первой волне русского железнодорожного строительства. По подсчетам советских историков, «доля английского капитала составляла на время подписки примерно половину общей суммы всех займов на финансирование железнодорожного строительства»¹. Деньги, взятые займы русским правительством, часто оставались на Западе. На них закупалось железнодорожное оборудование в Англии и Североамериканских Соединенных Штатах. Чтобы поддержать свою кредитоспособность, петербургское правительство вынуждено было продавать свое золото Английскому банку.

Впрочем, во время кризиса 1847 года финансовые рынки в Лондоне и Париже сами стали нуждаться в русских деньгах. Европейский промышленный кризис затронул Россию весьма болезненно, но не сразу. На первых порах возникло ощущение, будто аграрно-сырьевая Россия оказалась в лучшем положении, чем западные страны, пораженные промышленным спадом. Русское сырье и продовольствие были закуплены еще до того, как разразился кризис. В итоге западные промышленники остались с горами нереализованной продукции, а русские поставщики — с наличны-

---

¹ Семенов Л.С. Указ. соч. С. 89.

ми средствами. У царского правительства неожиданно обнаружилось лишние деньги, и оно начало активно играть на рынке, скупая французские, английские, голландские, австрийские и прусские фонды. Промышленный спад 1847 года возродил в Европе славу России как «богатой страны», но, по ироничному выражению Маркса, свою славу она «должна была купить за наличные деньги»¹. К тому же скупка царским правительством ценных бумаг в Лондоне и Париже происходила на фоне оттока английских капиталов из России. В итоге, по мнению Струмилина, изрядная часть русского золота, рухнувшего во время кризиса на лондонский рынок, принадлежала «уже не русскому царю, а английским капиталистам, проникшим уже давно в Россию, и было извлечено оттуда в опасный момент для спасения собственной страны от денежного кризиса»².

Уже следующий год показал, что «преимущества», которыми обладала российская экономика, были мнимыми. За спадом спроса на промышленную продукцию последовал катастрофический спад спроса на сырье. Русский экспорт, по подсчетам Струмилина, разом снизился на 40%. Такой удар, по словам Струмилина, «не мог пройти бесследно для торговли и промышленности России»³.

Страна испытала на себе все прелести своего «периферийного» положения в мировой экономике. В ситуации спада иностранные инвестиции начинают «репатриироваться» в страны «центра», где возникает острая нужда в деньгах, спрос на сырье падает, а потребность в импорте промыш-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 226.

² Струмилин С.Г. Очерки по истории экономики России. М., 1960. С. 469.

³ Там же. С. 470. Для Струмилина кризис 1847 года оказывается серьезной методологической проблемой. Ведь это — «бесспорное отражение мирового капиталистического кризиса в крепостнической России» (С. 475). Подобную зависимость можно объяснить существованием элементов капитализма, которые, по мнению Струмилина, были второстепенными. А признать, что не «буржуазные элементы», а сам крепостнический строй был глубоко интегрирован в мировую капиталистическую систему и был ее важной частью, для советского академика было идеологически невозможно.

ленной продукции остается на достаточно высоком уровне. Избыток денег сменяется их катастрофической нехваткой. В 1848 году российский бюджет был сведен с дефицитом в 32 млн. рублей. Золотой запас, хранившийся в подвалах Петропавловской крепости, таял на глазах. Только за один год он сократился на 17%.

Важнейшим историческим последствием промышленного кризиса 1847 года стала волна революционных выступлений, прокатившихся по Европе в 1848—1849 годах. Правительство Николая I воспринимало эти события как прямую угрозу и настроено было активно участвовать в подавлении западных революций. Однако война стоит денег, а их не было. Здесь на помощь Петербургу в очередной раз пришел Лондон. Разгром венгерской революции 1848 года был осуществлен русскими штыками, но на английские деньги. Средства на финансирование венгерского похода предоставил лондонский банк «Берингс», традиционно связанный с правительством и королевским двором. Банк ссудил царю 5 млн. фунтов (35 млн. рублей), необходимые для этой войны.

КОНФЛИКТ С БРИТАНИЕЙ

Итак, нельзя говорить, что в середине XIX века резко снизилась потребность Британии в русском сырье или нужда России в английских деньгах. И все же положение дел существенно изменилось. С одной стороны, стратегическое значение русских поставок сокращалось по мере перехода от парусного к паровому флоту. А с другой стороны, росла конкуренция: товары, поставлявшиеся из России, могли быть доставлены из других мест. Зато в качестве рынка сбыта Россия и страны Ближнего Востока стали значить для английского капитала куда больше, чем в прежние десятилетия. Но именно здесь на его пути вставал русский промышленный протекционизм.

Протекционистская политика петербургского правительства оказалась серьезной проблемой для английских экспортеров не только в самой России, но и в странах, так или иначе попадающих в сферу российского влияния. Воз-

возможность захвата русскими черноморских проливов становится настоящим кошмаром для английского капитала, работающего на Ближнем Востоке. Война носилась в воздухе уже в 30-е годы XIX века, причем, как отмечает Покровский, Россия выступала «в роли наступающей стороны»¹. Так возникает пресловутый «восточный вопрос».

Острая конкуренция английских и русских промышленных поставщиков развернулась в Центральной Азии. По мере того, как Британская Индия расширялась на север, усиливалось и проникновение английских товаров на близлежащие рынки. В Бухаре и Хиве английские товары начали вытеснять русские. Торговая конкуренция, как обычно, соединилась с политическим соперничеством. Пока афганцы сопротивлялись попыткам британского завоевания, среднеазиатские ханства пытались сохранить независимость, обращаясь за защитой к русскому царю.

Выступая в качестве покровителя славян и православных, петербургское правительство стремилось установить если не прямой, то хотя бы косвенный контроль над территориями Юго-Восточной Европы, формально еще подчинявшимися Османской Порте. Русский протекционизм вставал и на пути английских товаров, шедших в Персию. Завоевание Кавказа закрывало для британской промышленности еще один потенциальный рынок.

В начале 30-х годов XIX века влияние России на турецкие дела было столь велико, что вызывало панику в Лондоне. Османская империя отчаянно пыталась удержать под своим контролем Египет, но терпела одно поражение за другим. В 1832 году войска египетского правителя Мухамеда Али двигались к Стамбулу. Вся османская политическая система находилась под угрозой краха. В этих условиях султану не оставалось иного выхода, кроме как обратиться за помощью к давнему врагу — петербургскому императору, который предоставил Турции необходимые гарантии, а в крайнем случае, готов был и помочь войсками. Договор 1834 года давал России на территории Османской Порты огромные привилегии.

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С. 38.

Нетрудно догадаться, что для Британской империи подобное развитие событий было крайне нежелательным. Еще в 1827 году русский и британский флот вместе сражались против турок под Наварином¹, а теперь в лондонской прессе писали о возможности военного столкновения с Россией. Однако прямого конфликта удалось избежать. Начавшиеся в Турции реформы означали поворот ее политики в сторону Англии. «Во второй половине тридцатых годов, — пишет современный исследователь В.Н. Виноградов, — влияние России в Стамбуле начало резко падать, британское, напротив, находилось на подъеме. Реформаторы, по понятным причинам, обращали свои взоры не к отсталому самодержавному государству, а к тем странам, что привлекали экономической мощью, морским могуществом, политической устойчивостью, гибкой системой управления»². Однако решающую роль все же сыграли не идеологические симпатии, а торговля. С 1825 по 1835 год английский экспорт в Турцию вырос в два с лишним раза (что делало этот рынок особенно важным для Британии в эпоху, когда другие европейские страны, создававшие собственную промышленность, все более прибегали к протекционизму). В 1838 году была подписана англо-турецкая конвенция, создававшая еще более благоприятные возможности для британского капитала. По выражению Виноградова, «дремуче-отсталой стране была навязана «свобода торговли» с первой промышленной державой того времени»³.

Реформаторы, находившиеся под влиянием английской «манчестерской школы», были уверены, что свобода торговли приведет Турцию к расцвету. Ожидаемого процветания не наступило. Между тем жертвой новой системы оказалась не только турецкая, но отчасти и русская промышленность. Хлынувший на турецкие рынки поток британских товаров создавал для русских слишком сильную конкуренцию. Что не менее важно, английские предприниматели имели боль-

---

¹ Там же. С. 35. Покровский заметил, что «при Наварине русская эскадра под командой английского адмирала жгла турецкий флот».

² Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 59.

³ Там же. С. 60.

ше денег. И в Турции, и в Средней Азии они могли продавать товары по «бросовым» ценам (как утверждали русские источники, даже себе в убыток), лишь бы завоевать на рынке господствующее положение.

«Причина наступившего заката влияния России, — заключает Виноградов, — крылась в неодолимой силе обстоятельств. Царизм ничего не мог противопоставить морскому и финансовому могуществу Великобритании, ассортименту западных промышленных товаров, притягательности буржуазной идеологии для турецких реформаторов. Он проиграл сражение без боя»¹.

Англии не понадобилось воевать с Россией в 30-е годы XIX века, ибо она могла добиться своих целей мирным путем. Но конфликт не был исчерпан. Английская промышленность отчаянно искала новые рынки и боролась за сохранение старых, а кризисы следовали один за другим. За кризисом 1836 года последовала депрессия 1841—1842 годов, сменившаяся непродолжительным подъемом в 1843 году. Уже в 1847 году наступил новый спад.

Легко понять, что в таких условиях борьба против русского протекционизма становится одной из важнейших внешнеполитических задач Лондона. Британская дипломатия неоднократно призывала Петербург пересмотреть таможенные тарифы. Снижения русских пошлин добивалась и Пруссия, причем Берлину это удавалось лучше, чем Лондону.

Либералы-виги во главе с виконтом Палмерстоном традиционно стремились к сотрудничеству с Россией, но добиться от Петербурга необходимых уступок им не удавалось. Таможенный тариф 1841 года не облегчил доступ к русскому рынку, и Англия сразу стала добиваться его отмены. Договор 1842 года обеспечил обеим странам статус «наибольшего благоприятствования» во взаимной торговле, но не удовлетворил Лондон². Россия продолжала защищать

---

¹ Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. С. 62.

² Русско-британский договор 1842 года примечателен также тем, что стал шагом на пути к отмене Навигационных актов, выведя из-под них российские суда. Практического значения это не имело, ибо русский торговый флот был ничтожен, но прецедент имел огромное значение.

свою промышленность протекционистскими мерами, а Англия — бороться с ними. Вскоре после подписания договора консервативный британский премьер-министр Роберт Пиль имел весьма поучительную беседу с русским посланником Ф.И. Брунновым. Если верить донесению, которое дипломат отправил министру К.Н. Нессельроде в Петербург, британский лидер прочитал своему собеседнику целую лекцию о вреде промышленности. Пиль доказывал, что «Россия самой природой создана быть земледельческой, а не мануфактурной страной. Россия должна иметь фабрики, но не следует искусственным образом вызывать их к жизни посредством постоянного покровительства отечественной промышленности»¹. После этого премьер-министр принялся сетовать на неблагодарность самих английских предпринимателей, которые никогда не ценят заботы о них правительства.

Усилия британской дипломатии дали лишь частичный результат в виде снижения пошлин в 1846 году, но это не могло удовлетворить английский промышленный капитал, сталкивавшийся с очередным кризисом перепроизводства. Новое снижение пошлин произошло в 1850 году, но опять не удовлетворило Лондон. Английский текстиль сталкивался на русском рынке с растущей конкуренцией, цены падали. В таких условиях даже пониженные пошлины оказывались достаточно тяжелым бременем для английских промышленников.

Петербургское правительство, со своей стороны, готово было снижать пошлины лишь постепенно, удерживая импорт, по словам современников, «в границах, требуемых состоянием отечественных фабрик»². В целом этот подход был достаточно эффективен. Правительство защищало отечественных фабрикантов, но не давало им почивать на лаврах. Особенно это показательно в случае с ткацкой промышленностью, находившейся в острой конкуренции с англичанами. «Снижение прибылей хлопчатобумажных фабрикантов в связи с тарифом 1850 г. было призвано заставить их ак-

---

¹ Семенов Л.С. Указ. соч. С. 31.

² Неболсин Г.П. Указ. соч. С. 364.

тивизировать свою деятельность на восточных рынках», — отмечают советские исследователи¹.

Легко догадаться, что такой подход не мог вызвать большого восторга в Лондоне. Незадолго до Крымской войны Бруннов сообщал в Петербург, что Англия примирилась бы даже с завоеванием русскими Турции, «если бы она не боялась русского тарифа»².

ОТМЕНА «ХЛЕБНЫХ ЗАКОНОВ»

На протяжении 30-х годов XIX века в английском обществе разворачивалась борьба, исход которой в значительной мере predetermined очередной поворот русской истории. Речь идет о противостоянии сторонников и противников «хлебных законов». Эти законы были введены в 1815 году, когда у власти в стране находилась партия тори, добросовестно отстаивавшая интересы землевладельцев. Стремясь защитить английское сельское хозяйство, парламент ввел высокие пошлины, ограничивавшие ввоз иностранного зерна в Соединенное Королевство. По существу, это был компромисс. «Хлебные законы» вовсе не были запретительными: без импортного продовольствия стремительно развивавшаяся английская экономика обойтись уже не могла. Но сложившийся уровень цен оставлял на рынке достаточное пространство и для импортеров, и для местных производителей.

Ситуация радикально меняется в 30-е годы XIX века. Страны континентальной Европы одна за другой вступают на путь промышленной революции. Английские товары сталкиваются с возрастающей конкуренцией. Промышленные кризисы бьют по производству. Предприниматели стремятся снизить свои издержки, а потребность в импортном продовольствии растет пропорционально развитию урбанизации.

Единственная возможность для британских промышленников снизить или хотя бы сдержать рост заработной

¹ Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 179.

² Семенов Л.С. Указ. соч. С. 40. Ср: Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1. М.-Л., 1950.

платы, не провоцируя массового сопротивления рабочих, состояла в отмене протекционистских пошлин. В 1836—1837 годах во время промышленного кризиса пошлины были понижены, а в 1846 году отменены окончательно. За этим в 1849—1850 годах последовала отмена Навигационных актов. Отныне интересы промышленности для Британии были важнее торговой монополии. Капитализм вступал в новую эру.

Отмена «хлебных законов» и торжество «фритредерской системы» в Англии для России означали возможность резкого увеличения экспорта. Ожидания экономистов «фритредерской школы», пророчивших, что падение цен наступит немедленно вслед за отменой протекционистских тарифов, не оправдались. Сельское хозяйство зависит не только от рынка, но и от погоды. Неурожай 1847 года в Западной Европе был неслыханным счастьем для русского поместья. Разом поднялись и цены, и объем продаж. Двадцатилетний застой сменился бурным ростом. В закромах русских помещиков лежало изрядное количество зерна, которое они годами не могли реализовать. Теперь 10,5 млн. четвертей зерна были разом выброшены на мировой рынок. В конце 40-х и в начале 50-х годов XIX века доля зерна в российском экспорте увеличивается почти вдвое. Во время Крымской войны Маркс, ссылаясь на статистические данные, доказывал, что зависимость Британии от русского зерна сильно преувеличивалась. Однако его подводила неточность в документации: происхождение зерна фиксировалось в документах не по месту, где оно было выращено, а по стране, где его погрузили на корабль. Иными словами, русское зерно, погруженное для отправки в Англию в Кенигсберге или Амстердаме, меняло свою «национальность».

Если считать цены 20-х годов XIX века за 100%, то к началу 60-х на берлинской бирже зерна рост цены на пшеницу составил 74%, а на рожь до 90%. В 1838 году вывезли из России 20 млн. пудов пшеницы, в 1851 — 22 млн. пудов, а в 1853 — уже 64,5 млн. пудов¹. Мировой спрос на зерно был столь велик, что за границу легко сбывалась и рожь, кото-

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С. 51.

рая в России считалась «мужицким хлебом» и выращивалась крестьянами для собственного потребления и местного рынка. С развитием экспорта росли хлебные цены и внутри России. «Золотой дождь», обрушившийся на страну, открывал новые возможности для развития промышленности. Уже в предыдущие десятилетия в Россию начался ввоз промышленного оборудования. Теперь импорт машин приобретает массовый характер. Причем везут не только из Британии, но также из Франции и Бельгии. Налицо все признаки начинающегося промышленного переворота. Происходит замещение импорта. Вместо того чтобы ввозить готовые изделия, начинают покупать оборудование и налаживать производство на месте.

Но одновременно резко возросла и конкуренция на мировом рынке. Официальный журнал Министерства внутренних дел констатировал в 1854 году, что «соперничество для русских портов, и в особенности для южных, неимоверно усилилось»¹.

Международное разделение труда в очередной раз менялось. Промышленная революция начала затрагивать сельское хозяйство. Возникает возможность дешево производить в «центре» продукцию, которую раньше выгоднее было получать с «периферии». Список государств, экспортировавших зерно, начал быстро расти. Экспортировали зерно Придунайские княжества, Египет, Соединенные Штаты, затем на рынок вышли Канада и Аргентина. «Место России на европейском хлебном рынке оспаривалось целым рядом буржуазных стран — европейских и неевропейских, — пишет Покровский, — и соперничество с ними вело неизбежно к тому же выводу: необходимости перехода к буржуазным отношениям в самой России»².

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С.48.

² Там же. С. 47.

Глава X

КРЫМСКАЯ ВОЙНА И МИРОСИСТЕМА

Крымская война была своеобразной попыткой Российской империи изменить свое место в миросистеме. Николай I пытался сделать с помощью внешнеполитической экспансии и вооруженных завоеваний то, чего декабристы пытались достичь с помощью политических и социальных реформ. Другое дело, что происходило это на фоне внутренней реакции, что заведомо обрекало страну на неудачу.

Для консервативного режима всегда типично стремление решить внутренние проблемы за счет действий, направленных вовне. К тому же петербургское правительство чувствовало себя в вопросах международной политики весьма уверенно. После 1812 года Россия неоспоримо считалась важнейшей военной державой Европы, а правящие круги Запада, заинтересованные в использовании «русского жандарма» против революционного движения на континенте, всячески эти амбиции царя поддерживали. Правительство Николая I не желало войны с Англией и Францией, но когда выяснилось, что его планы раздела Турции наталкиваются на твердое сопротивление этих стран, в Петербурге решили, что военной силы вполне достаточно, чтобы справиться и с этой проблемой.

Задним числом поражение России в Крымской войне казалось чем-то само собой разумеющимся: две самые передовые страны Европы неизбежно должны были победить отсталую империю. Однако правительство Николая I рассуждало иначе. Оно готовилось к войне с 30-х годов XIX века. Увеличивался военный флот, реконструировались крепости.

В 1812—1815 годах Россия смогла победить Францию, которая была несравненно более развитой страной. Почему невозможно будет выиграть и столкновение с Англией? Не случайно в переписке со своими противниками Николай I постоянно напоминал про 1812 год. К тому же на суше ожидалось столкновение лишь с турками, от которых особых неприятностей не ожидали.

Увы, проблемой для России в 1853 году оказалась не отсталость как таковая, а промышленная революция, развивавшаяся на другом конце Европы. Изобретение парового винта в 40-е годы привело к перевороту в военно-морском деле, который обесценил все прежние усилия Петербурга по укреплению флота. Построить и ввести в строй совершенно новый флот страна была не в состоянии. Точно так же не готова она была и к перевооружению сухопутных войск стрелковым оружием нового поколения. Во время осады Севастополя обороняющиеся несли самые тяжелые потери не от артиллерии противника, а именно от ружейного огня. Наконец, роковую роль в войне сыграло отсутствие в России развитой железнодорожной сети¹. В то время как союзные силы могли беспрепятственно прибывать в Крым по морю, царские войска, перебрасывавшиеся по чудовищным русским дорогам под Севастополь, приходили туда слишком поздно и в ужасающем состоянии, теряя по дороге массу людей и лошадей. Николай I не зря вспоминал 1812 год. Только на этот раз русские просторы погубили не иностранное нашествие, а его собственное войско.

«Не хватало ни энергии и предусмотрительности, — пишет Покровский, — не хватало техники. Но техника данной страны всегда определяется ее экономическим развитием; ключ к катастрофе русской внешней политики первой по-

---

¹ Как отмечают западные исследователи, войска и грузы, отправляемые из Британии и Франции, достигали Крыма за три недели, тогда как для того, чтобы доставить что-либо от Москвы до Севастополя, русской стороне требовалось до трех месяцев. См.: Arrighi G., Silver B.J., Ed. *Chaos and Governance in the Modern World System*. London — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. P. 71.

ловины XIX века приходится искать, как и к самой этой политике, в экономической области»¹.

ХЛЕБНЫЙ ВОПРОС

Анализируя причины Крымской войны, Карл Маркс напоминает, что все столкновения России с Турцией «отчасти были вызваны торговой конкуренцией южнорусских областей с Дунайскими княжествами, а также Боснией, Сербией и Болгарией, которые вели торговлю по Дунаю»². Неслучайно очередной конфликт начался именно с оккупации русскими войсками Дунайских княжеств и установления полного русского контроля над устьем реки. Однако объяснение, которое дает Маркс, явно недостаточное. Дело не только в том, что амбиции Николая I были куда большими — он стремился овладеть Стамбулом и черноморскими проливами. Планы захвата Константинополя, как известно, в Петербурге вынашивали со времен Екатерины Великой. Россия уже неоднократно вторгалась в Турцию, что вызывало неодобрение Лондона и раздражение Парижа.

Несмотря на то, что Петербург никогда не скрывал стремления к разделу Оттоманской империи, русская дипломатия всегда прекрасно отдавала себе отчет, что завладеть турецким наследством без чужой помощи не удастся. Поэтому в Петербурге, строя свои планы, искренне стремились принимать во внимание интересы Англии, а также Австрии и Франции, в которых видели не столько соперников, сколько потенциальных партнеров при разделе Турции (по аналогии с разделами Польши в XVIII веке, которые были осуществлены совместно с Пруссией и Австрией). К тому же, по мнению царского двора, австрийские Габсбурги должны были испытывать благодарность к России за участие в подавлении венгерской революции, оплаченное английским золотом.

Однако на сей раз Россия не только не находила поддержки у своих традиционных союзников — австрийцев и

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С. 40.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 10. С. 605.

англичан — но и сталкивалась с их нарастающим противодействием. Неожиданно для себя николаевская Россия оказалась в конфликте со всей Европой. Российский протекционизм уже вызывал раздражение не только Англии, но и других европейских стран, вставших на путь промышленной революции. Пруссия жаловалась на таможенную политику Петербурга. Австрия нервничала из-за попыток России установить контроль над Дунайскими княжествами, а следовательно, и над торговлей по Дунаю. Франция повторила путь Голландии и к середине XIX века превратилась из основного соперника в младшего партнера Британии. Одним из результатов промышленной революции во Франции было развитие современного транспорта — морского и сухопутного. Французский капитал нашел весьма эффективную форму симбиоза с британским. Английские компании производили товар для мирового рынка, французские предприниматели обслуживали его доставку и предоставляли финансовые услуги. Железнодорожное строительство, торговый флот и банковские кредиты стали основной специализацией французского капитала. Показательно, что по мере развития промышленной революции британскую элиту все меньше волновало соперничество иностранного торгового флота. Теперь уже неважно было, на чьих кораблях вывозится товар и сырье, главное, чтобы были гарантированы рынки сбыта.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

И все же, почему именно в 1853 году дело дошло до большой войны? Трения между Англией и Россией по «восточному вопросу» начались уже в 30-е годы XIX века. Эпоха королевы Виктории вся проходит под знаком напряженности между Россией и Британией. Но как-то все обходилось. На сей раз политический кризис вспыхнул внезапно и развивался стремительно.

Как отмечает Маркс, это был последний предкризисный год, время «судорожного процветания», когда «перегрев» экономики в Европе и Америке был совершенно оче-

виден. «Другими словами, экономический цикл снова достиг того пункта, когда перепроизводство и чрезмерная спекуляция сменяются кризисом»¹. В 1853 году пика достигли и мировые хлебные цены. Уже в 1853 году признаки кризиса перепроизводства были налицо.

Маркс иронически замечал, что в первой половине 1853 года, на фоне все еще продолжавшегося промышленного подъема «восточный вопрос» был чем-то вроде «отдаленной тучки» на горизонте². Но к концу года, когда промышленность в полной мере ощутила приближающиеся трудности, англо-русские противоречия внезапно приобрели форму непримиримого конфликта.

Как отмечает Кирхнер, с 40-х годов XIX века Россия переживает те же экономические циклы, что и все остальные страны, включенные в мировую систему. Разумеется, хозяйственный подъем или упадок на Западе самым непосредственным образом сказывались на жизни России и ранее. Но теперь эта связь становится гораздо более интенсивной. Например, колебания зерновых цен на внутреннем рынке «соответствовали аналогичным колебаниям на Западе»³.

Конкуренция Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии — дополнялась ростом экспорта зерна из других стран, включая даже Египет. На рынке пшеницы это соперничество казалось столь опасным, что, по выражению официального петербургского журнала, «сердце русского человека невольно сжималось от опасений»⁴.

По мере приближения кризиса увеличивается нервозность и агрессивность основных действующих лиц — не только в экономике, но и в политике. И для России, и для Англии война неожиданно показалась самым простым способом решить все проблемы. В Петербурге решили, пользуясь благоприятной ситуацией, разобраться с дунайскими конкурентами, поставив под свой контроль основные потоки товарного зерна, а в случае удачи прибрать к рукам и

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 10. С. 602.

² Там же. Т. 9. С. 340.

³ Kirchner W. Op. cit. P. 22.

⁴ Журнал министерства внутренних дел. 1854. Январь: Отд. III. С. 3.

проливы. Царское правительство было уверено, что серьезного сопротивления со стороны западных держав оно не встретит.

«Злосчастный правитель России был бессовестно предан друзьями, но особенно жестоко обманут обстоятельствами. Никогда прежде тщательно продуманные расчеты не были так ужасно разрушены неожиданными и невероятными событиями», — писал «The Economist». У царя были все основания считать, что «Англия — или по крайней мере правящие классы Англии — полагала Оттоманскую империю недостойной того, чтобы ей помогать, да и не верила в возможность спасти ее; он знал, что, по нашему мнению, Турция рано или поздно падет, и бессмысленно пытаться отсрочить дату ее окончательного крушения»¹.

Чего не понимало правительство Николая I, так это того, что предкризисное состояние мировой экономики делало Лондон еще менее стоворчивым, чем обычно. В конце концов, война — прекрасный способ отсрочить промышленный кризис. Потому жесткое поведение англичан в «восточном вопросе» оказалось для царского правительства полнейшей неожиданностью.

Противоречивость английской политики в отношении России, проявившаяся впервые уже при Иване Грозном, с особенной остротой сказалась в 50-е годы XIX столетия. Еще при Екатерине Великой стало ясно, что Британская империя раздела Турции не допустит. В Чесменском сражении значительная часть русского флота находилась под командой английских офицеров, но и на турецких судах служили англичане (причем и в том, и в другом случае — с разрешения своего правительства). В Лондоне это считали поддержанием «равновесия», а в Петербурге к подобным вещам относились весьма болезненно.

Екатерина отвечала на «недружественные» действия Лондона, демонстрируя самостоятельность во внешней политике (например, провозгласив вооруженный нейтралитет» во время войны североамериканских колоний за независимость). Но экономические связи сторон были настолько сильны, что

---

¹ The Economist, 12.04.1856, v. XIV, No. 659, p. 389.

несмотря на взаимные претензии Лондон и Петербург неизменно возвращались к сотрудничеству. Поэтому, готовясь к очередной войне с Турцией, петербургское правительство Николая I ожидало как минимум английского нейтралитета, если не активной поддержки. Секретные переговоры о разделе Османской империи велись между британскими и российскими дипломатами. Однако интересы британского капитала в России вновь вошли в противоречие с интересами британского капитала на Ближнем Востоке. В Лондоне хотели бы расширения русского хлебного экспорта, но не ценой фактического уничтожения Турции. Поскольку Петербург уже не мог уступить, британскому правительству пришлось выбирать. И выбор оказался в пользу Турции — ближневосточные интересы Лондон ставил выше.

Турция в 1851—1852 годах покупала гораздо больше английских товаров, нежели Россия, хотя последняя была и богаче, и населеннее. «Чем больше стеснений налагала на английский сбыт в России русская покровительственная таможенная политика, — пишет известный историк Е.В. Тарле, — тем более настойчивым делалось стремление английского торгового мира избавиться от необходимости платить ежегодно «золотую дань» российской императорской казне, русскому помещичьему классу и русскому экспортирующему купечеству за хлеб, и, естественно, все с большей охотой английские негоцианты расширяли свои операции в двух хлебобороднейших провинциях, еще числившихся владениями султана, — в Молдавии и Валахии»¹.

Турция была исключительно важна и для транзита английских товаров в Персию. Расширение царских владений грозило тем, что и на этот путь распространится контроль русской таможни. С точки зрения верхов викторианской Англии, Турция того времени — страна свободной торговли, открытая для британских товаров и влияния. Россия — страна протекционистская. Иными словами, потеря русского рынка в случае войны есть, конечно, несчастье, но из-за протекционизма поданные ее величества этот рынок и без вой-

---

¹ Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1. М.-Л., 1950. С. 52.

ны рискуют потерять. А отступить по «восточному вопросу» значит потерять разом и Россию, и Турцию. Так рассуждали в Лондоне. В свою очередь, в Петербурге были уверены, что старые торговые связи между двумя странами столь важны и масштабны, что воевать англичане ни при каких обстоятельствах не будут, а предпочтут сторговаться.

Если для Петербурга война обернулась катастрофой с того самого момента, как в нее вступили Англия и Франция, то для западных стран Восточная война на первых порах оказалась способом оттянуть наступление кризиса. «Отдельные отрасли промышленности, — пишет Маркс, — как, например, производство кожи, железа, шерстяных изделий, а также судостроение, получили прямую поддержку благодаря обусловленному войной спросу. Испуг, вызванный объявлением войны после 40-летнего мира, на короткое время парализовал размах спекуляции. Благодаря займам, заключенным различными европейскими государствами в связи с войной, процентная ставка была настолько высокой, что являлась препятствием для чрезмерного развития промышленной деятельности и, таким образом, оттягивала кризис»¹.

ВОЙНА И БЛОКАДА

«Крымская война, — констатирует советский историк, — показала ошибочность многих дипломатических прогнозов обеих сторон относительно роли экономического фактора в англо-русских отношениях; заинтересованность в экономических связях не предотвратила конфликта, однако оказалась сильнее намерений обойтись без торговли с Россией и осуществить полную экономическую блокаду»². Стратегия Николая I в черноморском конфликте была построена на двух ошибочных положениях. Во-первых, что турецкие сухопутные войска будут легко разгромлены, а во-вторых, что Англия не вмешается в борьбу иначе как дипломатическими средства-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 10. С. 604.

² Семенов Л.С. Цит. соч. С. 48.

ми. Что касается турецкого флота, то его можно было вообще не принимать во внимание. Превосходство русской черноморской эскадры было подавляющим. После катастроф при Чесме и Наварине турецкое морское командование не решалось на активные действия против русских.

Однако реальные события развивались по совершенно иному сценарию. Турецкие силы на Дунае оказались в состоянии дать отпор русской армии. Вместо быстрой и легкой победы, за которой должен был последовать марш на Константинополь, начались затяжные сражения с переменным успехом. Пытаясь найти выход из стратегического тупика, российское командование усилило давление на турок в Азии, где под Ахалцихе удалось, наконец, одержать сухопутную победу, и нанесло удар по турецкой эскадре, базировавшейся у Синопа. Эти тактические успехи обернулись стратегической катастрофой.

Синопский бой в советской и российской историографии принято преподносить как выдающееся достижение. Официальная трехтомная история русского флота пишет о «смелости и решительности тактического замысла сражения», называет его «высшим достижением» военно-морского искусства¹. Причем не только отечественного, но, по всей видимости, и мирового. Однако даже в России далеко не все оценивали результаты сражения столь высоко. Напоминая, что по числу орудий крупного калибра линейные корабли адмирала Нахимова имели над турецкими фрегатами и корветами трехкратное преимущество, морской историк Виталий Доценко констатирует, что на самом деле командующий флотом «не понимал сущности морской войны, искусства ведения морского боя»². Он не сумел ни четко определить направление главного удара, ни поставить ясные задачи перед своими кораблями. А про боевой приказ Нахимова, которым так часто восхищаются авторы патриотических книжек, Доценко замечает: «Присутствует прекрасная форма

---

¹ Золотарев В.А., Козлов В.А. Три столетия российского флота. XIX — начало XX века. М.-СПб.: АСТ-Полигон. 2004. С. 375.

² Доценко В.Д. История военно-морского искусства. Т. 1. Галеры, парусники, броненосцы. М.-СПб.: ЭКСМО, Terra fantastica, 2003. С. 350.

изложения, причем заимствованная из известного «сигнала» Нельсона, одержавшего победу при Трафальгаре, но отсутствует главное — замысел флагмана»¹.

Победа в Синопском бою была одержана просто потому, что проиграть его при имевшемся соотношении сил было совершенно невозможно. Один из ветеранов Крымской кампании, адмирал И.Ф. Лихачев напоминал: «Наша эскадра была вдвое сильнее неприятельской материально и, конечно, в несколько раз сильнее ее в нравственном отношении. Следовательно, особого «геройства» тут не представлялось, и «свет» этим «удивлен» так же быть не мог»².

Еще более категорично высказывался Ф. Энгельс: «Победа при Синопе не доставляет славы русским. В то же время турки сражались с почти неслыханной храбростью, ни один корабль не спустил флага на протяжении всего боя»³. Во время битвы город Синоп был превращен в руины, а лучший из российских линейных кораблей 120-пушечный «Ростислав» получил серьезные повреждения и был отведен в Севастополь на ремонт (иностранная пресса даже писала о его гибели).

В Западной Европе сообщение о Синопском бое вызвало массовое сочувствие к туркам, подвергшимся атаке у собственного побережья. Особенно острой критике подверглось британское адмиралтейство, поскольку находившийся в Черном море английский флот ничего не предпринял для защиты Оттоманской эскадры. После Синопа вступление Британии в войну было уже неизбежно — кабинет министров не только должен был заботиться от политических и экономических интересах империи на Востоке, но и находился под сильнейшим давлением общественного мнения, настроенного крайне антирусски.

Тон британских газет напоминал позднейшую риторику времен «холодной войны». То, что происходит в Крыму, писал «The Economist», — не просто столкновение держав, это конфликт «между несовместимыми между собой прин-

---

¹ Доценко В.Д. История военно-морского искусства. Т. 1. С. 349.

² Цит.: там же. С. 346—347.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 572.

циями народного самоуправления и самовластья»¹. О том, насколько соответствуют этим замечательным принципам союзники Великобритании — Османская Турция и далеко не демократический режим Наполеона III во Франции, лондонские газеты предпочитали не вспоминать. «The Spectator» гордо сообщал в 1856 году про «волю народа к войне, единодушные нации, которая во имя общей цели готова отбросить в сторону все межпартийные разногласия и различия интересов. Мы преодолели наши прежние иллюзии относительно России; мы научились ценить дружбу наших верных союзников»².

Одним из самых яростных «ястребов» выступал Карл Маркс, доказывавший необходимость широкомасштабной войны против царя: «Без сомнения, турецко-европейский флот сможет разрушить Севастополь и уничтожить русский черноморский флот; союзники в состоянии захватить и удержать Крым, оккупировать Одессу, блокировать Азовское море и развязать руки кавказским горцам. То, что должно быть предпринято в Балтийском море, так же самоочевидно, как и то, что должно быть предпринято на Черном море: необходимо любой ценой добиться союза со Швецией; если понадобится, припугнуть Данию, развязать восстание в Финляндии путем высадки достаточного количества войск и обещания, что мир будет заключен только при условии присоединения этой провинции к Швеции. Высаженные в Финляндии войска угрожали бы Петербургу, в то время как флоты бомбардировали бы Кронштадт»³.

Надо отдать должное стратегическому мышлению великого экономиста — многие из предсказанных им действий и в самом деле были предприняты англо-французским командованием, но в значительно меньших масштабах.

---

¹ The Economist, 19.01.1856, v. XIV, No. 647, p. 57.

² The Spectator, 2.02.1856, No. 1440. P. 125.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 10. С. 18. Относительно Финляндии Маркс явно заблуждался. К середине XIX века и финны, и даже финляндские шведы были лояльными подданными царя. Любопытно, что при всем своем радикализме Маркс не выступил за предоставление финнам независимости.

Между тем викторианская Англия совершенно не собиралась всерьез враждовать с царской Россией. Именно это приводило в ярость радикальных публицистов XIX века, которые, подобно Марксу, видели в петербургской империи главную опору европейской реакции. Потому Маркс последовательно разоблачает подход лондонского кабинета к Крымской войне, доказывает, что Британская империя ведет войну понарошку, не желая всерьез сокрушить мощь царской армии. Что, разумеется, было справедливо: в Лондоне вовсе не добивались разгрома России и тем более не собирались способствовать крушению царизма и отмене крепостничества. Но, с другой стороны, Петербург явно не желал мириться с привычным для России положением в миросистеме. Следовательно, его необходимо было поставить на место. Для чего в Крым и был отправлен ограниченный контингент британских войск.

«Атаковать Севастополь было необходимо не только для того, чтобы захватить главную крепость России на Востоке и базу Черноморского флота, — писал британский журналист. — не менее важно было заставить царя бросать свои силы в разные концы его огромной территории, достичь которых оказывалось куда проще для великих морских держав Запада, нежели для самих русских»¹.

Появление английской эскадры на Балтике, у Соловков, бомбардировка Одессы и даже неудавшийся десант на Камчатке служили этой цели. Британская империя не собиралась воевать на Дальнем Востоке или в Балтийском море, она лишь демонстрировала свою мощь и готовность нанести удар в самых неожиданных местах. Как замечает Покровский, подобная тактика оказалась весьма эффективной. С одной стороны, русское правительство вынуждено было распылять свои силы, не зная точно, где будет нанесен главный удар. С другой стороны, высадка в Крыму оказалась для петербургского правительства в значительной мере неожиданной: оно было отвлечено операциями союзников на других направлениях.

---

¹ The Edinburgh Review, 1855, v. CII, No. 208. P. 575.

Как и планировали союзники, к моменту их высадки в Крыму военные силы Николая I были рассредоточены по огромной территории его империи. Советские историки, описывая эту войну, постоянно подчеркивают тактические просчеты, совершенные англо-французским командованием (которое к тому же плохо координировало взаимодействие сторон на поле боя). Правда, и русские генералы проявили себя далеко не с лучшей стороны. Однако решающее значение имело вовсе не то, насколько успешным было взаимодействие англичан и французов под Альмой и Балаклавой или у стен Севастополя. И даже не то, чьи генералы совершили больше ошибок. Исход войны предопределило стратегическое превосходство Британии — великой военно-морской державы — над континентальным государством. Стратегическая инициатива неизменно находилась в руках западных союзников. Британцы имели абсолютную свободу маневра, а русские вынуждены были сидеть и ждать удара. При этом направление удара было выбрано исключительно точно. Большой сухопутный поход против России обрекал бы англичан и французов на повторение неудачи Наполеона. С другой стороны, одной лишь морской блокадой дело было решить невозможно, тем более что затяжная война была невыгодна Англии. Надо было поставить на место «зарвавшихся» петербургских политиков и как можно скорее восстановить нормальные отношения, прерванные войной. Экспедиция в Крым полностью соответствовала этой стратегии: потеря черноморских крепостей и флота была для Российской империи крайне болезненна, но само по себе Черноморское побережье не было символически важно для национального сознания, удалено от основных центров мобилизации русской армии и доступно для западного флота. Было ясно, что русские не будут бороться за Севастополь с тем же упорством, с каким сражались под Москвой в 1812 году.

Боевые действия не велись в том единственном месте, где между российскими и британскими владениями существовала сухопутная граница, — на Аляске. Эта территория, называвшаяся тогда Русской Америкой, была в военном отношении практически беззащитна. Однако вторжения не по-

следовало. Вместо этого было заключено соглашение между русско-американской компанией и английской компанией Гудзонова залива, по которому Аляска и западная часть Канады объявлялись на время войны нейтральными территориями. Однако события Крымской войны в полной мере выявили неспособность России защищать свои американские владения и подготовили их передачу Соединенным Штатам. Именно во время Крымской кампании в США заговорили о том, чтобы купить Аляску. На первых порах Петербург отказывался, тем более что прямой британской угрозы территории не было. Но первый шаг был сделан, и некоторое время спустя Русская Америка перестала существовать.

Крымская война оказалась первым вооруженным конфликтом между крупными европейскими державами со времен падения Наполеона. И в России, и в Британии она породила собственную патриотическую мифологию. Показательно, что описания сражений, данные русскими, английскими и французскими историками, разнятся настолько, что невозможно порой даже установить диспозицию войск, которая теоретически должна быть единой во всех трех версиях. Англичане воспевают атаку Легкой бригады под Балаклавой, а отечественные историки, художники и писатели запечатлели героическую оборону Севастополя¹. В любом случае, однако, исход военных действий хорошо известен: русские войска принуждены были покинуть Севастополь. Черноморский флот был полностью затоплен своими на севастопольском рейде, не сделав ни одного выстрела по французам и британцам. Что, впрочем, объяснимо: против новых боевых пароходов парусные суда не имели никаких шан-

---

¹ Любопытно, что оба патриотических мифа оказались связаны с поражением. Атака Легкой бригады была совершенно бессмысленной и закончилась катастрофой, а Севастополь пал под ударами союзников. При этом успешная атака Тяжелой бригады под той же Балаклавой не потрясла воображения современников. Как и успешные действия русских войск в Азии. Возможно, здесь сказывается один из стереотипов эпического мышления, в соответствии с которым, начиная со средневековой «Песни о Роланде», именно в поражении героизм демонстрируется в наибольшей степени.

сов — так же, как винтовые истребители времен Первой мировой войны — против реактивных машин. При уничтожении флота потопили даже личные вещи моряков и большое количество пушек, необходимых для обороны города¹.

На первых этапах войны союзники, осаждавшие Севастополь, испытывали серьезные трудности со снабжением, особенно зимой, которая оказалась в Крыму куда холоднее, чем ожидали англичане и французы. Однако в ходе военных действий эти проблемы понемногу решались, а положение российской стороны делалось все более тяжелым. Один из участников севастопольской кампании рассказывал на страницах шотландского журнала, что «трудно было представить себе больший контраст, чем между поездом, который резво несся от Балаклавы к нашему лагерю, подвозя провизию и боеприпасы для осаждающих, и арбами, которые унылым караваном тащились по крымским степям для того, чтобы снабжать осажденных»².

Хотя сражения в Крыму были весьма ожесточенными, ни России, ни западным союзникам полномасштабная война не была выгодна. Русская внешняя торговля осуществлялась на иностранных, преимущественно британских, судах. Война в Крыму ставила под удар эту систему. Как выяснилось, не только Россия, но и Англия страдала от прекращения торговли. Британские промышленники были заинтересованы в том, чтобы бесперебойно получать русское сырье и продовольствие, независимо от того, как складывались дела на Востоке. Дж. Рикардо, сын знаменитого экономиста, выступая в парламенте, предупреждал, что в противном случае производству будет нанесен серьезный урон. 1853 год был рекордным по количеству русского товара, закупленного английскими предпринимателями, которые явно стремились создать на случай войны запасы необходимого им сырья. Поборники свободной торговли выступали за сохране-

---

¹ Западноевропейский флот все же получил возможность во время Крымской войны показать свое техническое превосходство, когда в октябре 1855 года французские броненосные батареи и английские парусники расстреляли русский форт Кинбурн и вынудили его спустить флаг.

² The Edinburgh Review, 1855, v. CII, No. 208. P. 579.

ние связей с Россией при любых обстоятельствах. Решение было найдено, когда лондонский кабинет министров признал право нейтральных судов перевозить товары из России во время войны. Это был беспрецедентный шаг, противоречивший всей предшествующей английской практике¹. Свои услуги в качестве посредников предложили Соединенные Штаты. Проблема в том, что к 50-м годам XIX столетия США не располагали значительным торговым флотом, который мог бы компенсировать потери от прекращения непосредственного товарообмена между «житницей Европы» и «мастерской мира». Фактически масштабы русско-американской торговли в годы войны даже сократились. Зато увеличился вывоз русских товаров через сухопутную границу в Пруссию, откуда они уже по морю шли в Западную Европу. Вывозя русские товары из прусского Мемеля, американцы одновременно предлагали свои корабли англичанам и французам для транспортировки войск, вывоза раненых, подвоза припасов и т.д.

В самих Соединенных Штатах наибольшую симпатию к России испытывали, разумеется, южане. Аристократов-плантаторов и помещиков-крепостников объединяло некое подобие классовой солидарности. В свою очередь, в Петербурге считали, что именно консервативный рабовладельческий Юг, а не демократический промышленный Север является союзником в конфликте с либеральной Англией. На самом деле, однако, ситуация была не столь проста. Плантационное хозяйство Юга было, как и крепостническое земледелие России, гораздо теснее связано с британским капиталом и ориентировано на мировой рынок. Напротив, промышленный Север стремился с помощью протекционизма оградить себя от английских товаров: именно здесь возникала сила, которая перехватит у Британии лидерство в мировой капиталистической системе. Крымская война была одним из первых (хотя, разумеется, не решающих) шагов в этом на-

---

¹ Показательно, что это был уже второй (после каспийского предприятия 30—40-х годов XVIII века) случай, когда интересы российской торговли заставляли британских лидеров отступать от собственных морских норм.

правления. Как отмечал Маркс, она вызвала в Соединенных Штатах «неслыханный подъем их судостроения и торговли судами и обеспечила им сбыт для некоторых видов сырья, поставлявшихся ранее главным образом или исключительно Россией»¹. Особенно выиграли торговцы хлебом (тоже главным образом северяне), возместившие на английских рынках недостаток русского зерна. Неудивительно, что мир между Англией и Россией в Соединенных Штатах восприняли, по словам русского дипломата, «не без доли плохого настроения»². Прекращение войны для многих здесь означало конец посреднических барышей.

На Крымской войне нажились и прусские предприниматели, переправлявшие русское сырье и продовольствие сухим путем. Через Пруссию в Англию шли лен, конопля, сало и другие товары. Берлин выступил и в качестве финансового посредника. Во время войны царское правительство продолжало размещать свои займы на европейских денежных рынках, причем в них участвовал, наряду с прусским, также английский и французский финансовый капитал. Довоенные займы России продолжали свободно котироваться на лондонской бирже. В свою очередь, царское правительство продолжало платить своим врагам по старым займам. Неудивительно, что петербургские чиновники удовлетворенно констатировали: британская торговая блокада существует «лишь на бумаге»³.

ИТОГИ ВОЙНЫ

Для царского правительства главный негативный итог Восточной войны состоял в потере крепостей и флота на Черном море. Для западных союзников главный позитивный результат состоял в уничтожении русского промышленного протекционизма — открытии русского рынка и свободном доступе к ближневосточным рынкам. «The Spectator» жаловался, что «Россия нанесла ущерб не только Турции. Она

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 10. С. 602.

² Исторические записки. Вып. 110. М., 1984. С. 272.

³ Там же. С. 241.

нанесла урон международной торговле. Но теперь она может все исправить, одновременно улучшив свои собственные дела. Одним росчерком пера петербургский самодержец может удалить все ограничения торговли, обогатив себя и одновременно способствуя обогащению тех самых стран Европы, с которыми Россия прежде боролась»¹.

После падения Севастополя, когда военные действия сменились мирными переговорами, резко изменился и тон британских газет, которые были теперь полны панегириками в адрес героической русской армии. Не только русские солдаты показали себя с лучшей стороны, но и «генералы их были лучше наших»². Оценивая действия русских при обороне черноморской крепости, «The Economist» подчеркивал, что «энергия и решимость, которую они продемонстрировали... заслуживает всяческого восхищения. Оборона Севастополя покрыла их славой»³. Мир ни в коем случае не должен быть для Петербурга унижительным, ибо теперь великая держава, осознав уроки поражения, займется улучшением своего внутреннего устройства. Война в Крыму окажется для русских «переломным пунктом в их истории»⁴.

Естественно, последующие усилия российской дипломатии, направленные на ликвидацию негативных последствий Парижского мира, оказались на удивление успешными. И дело здесь вовсе не в исключительных талантах князя Александра Горчакова, возглавившего после Крымской войны русскую дипломатию, а в том, что ни Англия, ни Франция, несмотря на сохранявшиеся в отношениях с Петербургом проблемы, в 60-х и 70-х годах XIX века уже не видели в России серьезной угрозы своим экономическим интересам. И ни восстановление черноморского флота, ни даже новый конфликт России с Турцией в этом смысле ничего не меняли.

Победа Англии в Крымской войне была закреплена не только Парижским миром, но и новым российским таможенным тарифом, вступившим в силу в 1858 году. Россия, нако-

---

¹ The Spectator, 9.02.1856, No. 1441. P. 163.

² The Economist, 12.04.1856, v. XIV, No. 659, p. 390.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

нец, приняла «фритредерскую систему». В том же ключе был составлен и очередной англо-русский торговый договор. Поскольку русский протекционизм был камнем преткновения в отношениях между Лондоном и Петербургом начиная с 30-х годов, британцы могли праздновать полную победу.

К выработке нового тарифа приступили сразу же после заключения мира. В феврале 1857 года был готов проект, вполне соответствовавший рекомендациям, которые на своих страницах публично давали новому царю Александру II лондонские «Times» и «Economist». Власти в Петербурге тоже не скрывали, что тариф должен «удовлетворить, сколь возможно, многочисленные по сему предмету требования как нашего торгового сословия, так и иностранных правительств»¹.

Торговые отношения с Западом вновь начинают бурно развиваться. Внешнеторговый оборот России немедленно превысил довоенный уровень. Неурожаи в Европе следовали один за другим, цены на зерно росли, а вместе с ними — и русские поставки. Среди европейских торговых партнеров Англии по ввозу продукции Россия сразу выходит на первое место, уступая лишь Соединенным Штатам Америки. Английский ввоз в Россию также бурно растет. В 1867 году он достигает 4 млн. фунтов, в 1873 — уже 9 млн.²

Французский капитал тоже пожинает плоды победы. Для него открываются новые рынки. Французские банки и специалисты приходят в Россию вместе с железнодорожными кредитами. Бывшие противники начинают сотрудничать в той самой отрасли, слабое развитие которой сыграло столь роковую для России роль в войне. «Французский капитализм нового типа завоевал себе под стенами Севастополя новую область расширения», — заключает Покровский³.

---

¹ Семенов Л.С. Указ. соч. С. 150.

² Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 38.

³ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С. 43.

Глава XI

ЭПОХА РЕФОРМ

Поражение в Крымской войне было воспринято русским обществом — включая сами правящие круги — как доказательство безнадежной отсталости страны. Армия всегда была для русского государства не только средством, но и своего рода целью. На протяжении столетий борьбы со всевозможными нашествиями с востока и запада сформировалась государственная традиция, для которой жизнеспособность и авторитет власти теснейшим образом связывались с его военной мощью. Ни в одной области отсталость не воспринималась самым правительством так болезненно, как в военной. Российская военная машина была важнейшей частью государственного организма, причем и народные массы, и правящий класс разделяли это убеждение.

Народ готов был воспринимать существующие в государстве порядки при всей их очевидной несправедливости как необходимые и неизбежные до тех пор, пока этот строй мог обеспечить боеспособность войска. В свою очередь, правящие верхи постоянно искали оправдания своему господству в подлинных или мнимых военных успехах. Разгром шведского войска под Полтавой, победа над Карлом XII в Северной войне означали необратимое торжество «дела Петрова» не только на международной арене, но в первую очередь внутри страны. Для масс петровские реформы при всей их катастрофической жестокости и очевидной антинародности отныне получили оправдание. Захват Крыма и утверждение русского господства на Черном море при Екатерине II воспринимались как доказательство успеха

модернизации (хотя противник был уже иной: Петр воевал против выдающегося полководца Карла XII, возглавлявшего одну из лучших европейских армий, а Екатерина боролась с отсталой и приходящей в упадок Турцией). Так же воспринималась и победа над Наполеоном в 1812—1814 годах.

Поражение на поле битвы в России всегда было идеологической катастрофой. Государство теряло в глазах низов, да и в глазах самого правящего слоя свое главное оправдание, смысл своего существования. Можно было объяснить проигранное сражение или катастрофические потери, но проигранная война — даже самая маленькая, даже на отдаленных и никому не нужных окраинах — приводила к серьезному напряжению в обществе.

И все же объяснять отмену крепостного права и последующие реформы исключительно последствиями проигранной войны, как это делается многими отечественными историками, значило бы путать повод с причиной. Поражение под Севастополем создало в обществе исключительно благоприятную обстановку для политических и социальных реформ, но сами эти реформы были вызваны куда более глубокими процессами, происходившими не только в России, но и в мире.

ВТОРАЯ ИНДУСТРИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Мировой экономический кризис, отсроченный Крымской войной, разразился сразу после ее окончания, причем начался он на сей раз в Америке, распространившись оттуда на Западную Европу и Россию. Именно в период кризисов Россия особенно остро обнаруживала неудобства своего периферийного положения в миросистеме. «Каждый мировой кризис, как показывает наша статистика, — пишет Струмилин, — сокращал за счет снижения платежеспособного спроса и цен общие итоги товарообмена с Россией на очень изрядные суммы»¹. Спад 1857—1858 годов усугубил для петербургского правительства проблемы, связанные с

---

¹ Струмилин С.Г. Очерки по истории экономики России. С. 465.

поражением в Крымской войне. Этот ущерб был частично компенсирован продолжавшимся ростом мировых цен на зерно. Однако в мировом масштабе он знаменовал начало серьезных перемен, от которых Россия никак не могла остаться в стороне.

Английский историк Вилли Томпсон называет 50-е годы XIX века временем «второй индустриальной революции»¹. В отличие от первой индустриальной революции, начавшейся в Англии и сделавшей эту страну «мастерской мира», новая индустриальная революция охватила и в той или иной форме затронула всю мировую экономическую систему, не только породив новые технологии, но и радикально изменив политическую географию планеты. Капитализм тоже становится глобальным не только как единая коммерческая организация, но и как производственная, социальная, культурно-идеологическая система.

«Технологические новации касались не только уже существующих технологий, но и породили целый ряд принципиально новых. Революционным образом были изменены методы производства машин и металлургия, текстильное производство. Промышленная химия вступила в новую эру. Еще важнее, однако, было появление новых источников энергии, начиная с использования нефти и электричества, сразу получивших широкое применение; резко улучшились коммуникации — от телефонов и звукового фонографа до первых автомобилей и кинематографа»².

Потребность в сырье и ресурсах для растущей и меняющейся промышленности предопределяет новые международные конфликты. Мировой порядок, казалось бы, твердо установившийся, закреплённый «Священным Союзом» и выдержавший натиск революций 1848—1849 годов, уходит в прошлое. Недавние союзники становятся противниками.

Индустриализация превращается в глобальный процесс. Одновременно все более глубокими становятся и кризисы

---

¹ *Thompson W. Global Expansion and its Empire: 1870—1914. L.: Pluto Press, 1999. P. 9.*

² *Ibid.*

перепроизводства. В экономическую историю эти события вошли под названием «Великая викторианская депрессия», которая, как отмечает Томпсон, «несмотря на название, затронула не только Британию»¹.

Крымская война показала, что России не удастся завоевать внешние рынки. Нужно было расширять внутренний рынок. Отмена крепостничества в России воспринималась «просвещенным обществом» как шаг, без которого невозможно было преодолеть техническую и социальную отсталость. Однако этот шаг великолепно вписывался в общемировые процессы, происходившие в это же время.

К 60-м годам XIX века ни рабство в Америке, ни крепостничество в России нельзя назвать производственными системами, находившимися в упадке. В Петербургской империи очередной подъем мировых цен на зерно вызвал и новый прилив реформаторских настроений среди столичного дворянства. В рабовладельческих штатах Америки дела тоже шли недурно. Экономика южных штатов переживала бум, производство на душу населения росло даже несколько быстрее, чем на индустриальном Севере. Рентабельность крепостного поместья в России также оставалась высокой, производительность труда продолжала расти. Иными словами, освобождение было не результатом внутреннего кризиса помещичье-плантаторского хозяйства, а следствием давления на него извне. Промышленность остро нуждалась в новых рынках, рабочих руках и потребителях. И в национальном, и в международном масштабе капиталистическая экономика вступала, пользуясь термином Кондратьева, в период реконструкции.

В 1860-е годы вслед за изменениями в мировой экономике начинается и реструктурирование международного политического пространства. О себе заявляют новые державы. Повсеместно начинаются социальные и политические реформы. Германия объединяется под властью Пруссии, которая, в свою очередь, стремительно модернизируется. Объединяется и Италия. Австро-Венгрия преобразуется в феде-

¹ *Thompson W. Global Expansion and its Empire: 1870—1914. P. 9.*

ративное государство на основе компромисса, достигнутого мадьярскими элитами и венским двором. В Японии происходит революция Мейдзи, начинается бурное развитие капитализма. В США вспыхивает гражданская война, заканчивающаяся освобождением рабов. В России отменяют крепостное право.

Все это происходит в течение одного десятилетия. В 70-е годы мировая экономическая депрессия достигает своей кульминации, а преодолевается с помощью нового этапа колониальной экспансии. Западноевропейские державы приступают к завоеванию Африки, Россия захватывает Среднюю Азию.

Мировая система меняется. Часть периферии интегрируется, поглощается центром, другие ее части, напротив, подвергаются все более жестокой колониальной эксплуатации. Можно сказать, что в 60—70-е годы и центр, и периферия расширяются. Разрыв между Англией и другими странами «центра» резко сократился, но разрыв между «центром» и «периферией», напротив, стремительно возрастает. В то же время в миросистему оказываются втянуты страны и регионы, ранее в нее не включенные или контактировавшие с нею эпизодически.

С точки зрения русской истории, ключевой вопрос в том, почему царская Россия, активно участвовавшая в этом процессе, в конечном счете потерпела крушение, тогда как Германия, США и Япония, позднее вошедшие в список великих держав, успешно модернизировались.

РОССИЯ В МИРОВОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Сравнивая Россию с Германией и США, легко заметить, что в 60—70-е годы XIX века «отсталые», «периферийные» регионы обеих стран успешно интегрировались в единое политическое и экономическое пространство, становясь частью «центра». В России, напротив, отсталая «глубинка» тормозила модернизацию. Страна казалась слишком большой, слишком тяжелой на подъем, слишком косной. В дейст-

вительности, однако, дело не в «бескрайних просторах» России, а в уровне развития промышленного капитализма.

И в Германии и в США к началу модернизации уже имелась «критическая масса» промышленного капитала, который и был главной движущей силой преобразований. Именно в его интересах формировалась модель развития. Колониальная и промышленная экспансия обеспечивали продвижение системы к новой границе, «центр» осваивал новую «периферию» взамен интегрируемой, и именно это давало необходимые ресурсы для интеграции. Латинская Америка осваивалась североамериканским капиталом, а в Африке создавались германские колонии. Все это происходит вместе и отчасти вследствие модернизации юга США и Германии к востоку от Эльбы.

Россия, напротив, не имела развитого промышленного капитализма. Двухвековое господство торгового капитала не было поколеблено революциями.

По мнению Покровского, главными предпосылками крестьянской реформы 1861 года стал бурный рост цен на мировом рынке зерна, сопровождавшийся неуклонным ростом русского зернового экспорта: «Крестьянская «свобода» была прямым ответом на высокие хлебные цены, установившиеся в Западной Европе с сороковых годов...»¹. Эта тенденция наметилась еще до начала Крымской войны и сохранилась после ее окончания. Рост цен продолжался даже на фоне промышленного кризиса, охватившего Европу. В известной мере ему способствовала и Крымская война, дестабилизировавшая черноморскую торговую зону, откуда на Запад поступала значительная часть зерна.

«В общем экспорте России накануне отмены крепостного права, — сообщает советский историк, — доля зерновых превысила 35% и составляла уже около одной пятой от общей массы товарного хлеба»².

Показательно, что с появлением у помещиков денег их задолженность не сокращается. Но если раньше средства

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С. 99.

² Семенов Л.С. Цит. соч. С. 155.

шли на потребление, на поддержание «достойного дворян образа жизни», то теперь деньги начинают вкладываться в хозяйство. Крепостническое имение начинает принимать черты нормального буржуазного предприятия. Чем больше помещикам были нужны деньги, тем большим был их интерес к реформе. Но такой, которая заставила бы крестьян выкупать собственную землю и тем самым финансировать развитие дворянского хозяйства. По существу, речь шла о том, чтобы перевести на крестьян долги землевладельцев. Реформа была нужна для того, чтобы помочь помещику обуржуазиться. Ее целью, заключает Покровский, была «замена барщинного труда наемным, крепостного крестьянина — батраком, а вовсе не создание свободного и самостоятельного крестьянства»¹. Чем более буржуазным становился помещик, тем меньше у крестьянина оставалось шансов превратиться в фермера. «Превращение дворянского имения в капиталистическое предприятие было куплено, таким образом, ценою задержки буржуазного развития в деревне»². На самом деле, однако, речь идет не просто о задержке, а о качественно ином типе развития, радикально отличавшемся от Запада. Для того чтобы успешно вписаться в новые экономические отношения, не требовалось перестроить весь сельский уклад на буржуазный лад. Более того, такая перестройка в России слишком дорого обошлась бы как отечественному капиталу, так и мировой системе. Российский аграрный капитализм оставался «периферийным» и, по видимости, отсталым. Но именно эта отсталость была его главным конкурентным преимуществом на мировом рынке, гарантируя дешевизну и простоту управления.

АГРАРНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

В результате Крымской войны не только англо-французские армии победили русскую, но и отечественный аграрный капитализм победил промышленный. Для россий-

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С. 66.

² Там же. С. 111.

ского промышленного капитала новый таможенный тариф был безусловным поражением, лишь отчасти компенсировавшимся новыми возможностями, связанными с освобождением крестьян и строительством железных дорог. Подъем 30—40-х годов XIX века сменился стагнацией промышленности.

Промышленный спад 1857 года затронул Россию даже более, чем западные страны. Струмилин объясняет это тем, что мировой кризис перепроизводства совпал здесь с «кризисом всей системы крепостнического хозяйства»¹. Однако, как мы видим из сельскохозяйственной статистики, положение помещичьего хозяйства в это время как раз улучшалось. Скорее перед нами просто частный случай общего правила капиталистического рынка: во время кризиса поставщики сырья страдают больше, чем продавцы готовой продукции, «периферийные» страны — больше «центра», а слабые экономики — больше сильных. Так и теперь, как и в 1847 году, от кризиса понесли наибольшие убытки русские поставщики промышленного сырья для западных рынков. С другой стороны, переход на «фритредерскую систему» в разгар кризиса нанес тяжелый удар по промышленности.

Освобождение крестьян в 1861 году не оказало на промышленность оживляющего воздействия. «В «освобожденной» России индустрия развивалась хуже, чем в разгар николаевского крепостничества», — констатирует Покровский². Именно николаевская «эпоха застоя» была временем бурного развития промышленности и культуры (достаточно вспомнить Пушкина, Белинского, Гоголя, Герцена), тогда как последующая «эпоха великих реформ» обернулась чрезвычайно медленным ростом промышленности, правлением политических посредственностей и куда менее впечатляющими результатами для отечественной культуры³.

---

¹ Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 476.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С. 112.

³ См.: Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 39. См. также: Семенов Л.С. Указ. соч. С. 150—155.

Единственная промышленная отрасль, которая развивалась в 60-е годы успешно, — это строительство железных дорог. Для этой деятельности «фритредерский» тариф, безусловно, был благом, ибо облегчал импорт машин и металла из-за границы. Значительная часть машин вообще ввозилась по казенным и частным заказам беспошлинно.

Постройка железных дорог, писал Покровский, «была самым крупным толчком к развитию капитализма, какой Россия получала в течение всего XIX века»¹. Без этого немыслима была бы новая волна индустриализации и модернизации, без железных дорог не могли развиваться традиционный торговый капитал и помещичий аграрный капитализм. И не в последнюю очередь железнодорожное строительство способствовало интеграции в мировую экономику. Для вывоза зерна нужны были дороги. И невозможно было ждать, пока отечественные промышленники накопят средства: мировой рынок требовал зерна немедленно. Западные кредиты сыграли немалую роль в крестьянской реформе, но в железнодорожной программе 1860-х годов их роль была просто решающей.

«Железнодорожная горячка» сопровождалась «учредительской горячкой» в банковском деле. За 1868—1873 годы было основано 26 банков (для сравнения — к 1894 году общее число русских банков достигло 34). Испытывая недостаток средств для финансирования крупных строительных проектов, отечественные банки вынуждены были обращаться за кредитами на Запад, а позднее — продавать на берлинском и парижском рынках свои акции.

В строительстве железных дорог принимали участие не только иностранные финансисты, но и русские аристократы. В списках учредителей компаний мы находим самые знатные фамилии страны. Им легче, чем дикому провинциальному купечеству, было наладить отношения с иностранцами, добиться поддержки проектов в Петербурге. Поскольку железные дороги не дали ожидаемой прибыли, они стали

---

¹ Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России. С. 12.

постепенно переходить в руки государства. Не «национальная буржуазия», а знать и ее правительство в союзе с иностранным капиталом были главной основой аграрного капитализма второй половины XIX столетия.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Главный вопрос, волновавший петербургское правительство и, благодаря «гласности», остро дебатирувавшийся в прессе, состоял не в том, освобождать ли крестьян, а в том, как освобождать: с землей или без земли.

Позднее В.И. Ленин сформулировал альтернативу, возникшую перед русским обществом, как выбор между «прусским» и «американским» путями развития капитализма в сельском хозяйстве. «Прусская модель» предусматривала существование свободного, но безземельного крестьянства. Поскольку вся земля оставалась в руках помещиков, то зажиточные крестьяне превращались в арендаторов, а бедные — в наемных работников, становясь батраками или уходя в город и пополняя ряды промышленного пролетариата. Таким образом, страна получала огромное количество рабочих рук для капиталистического производства как в городе, так и в деревне. Помещики-юнкеры превращали свои владения в крупные аграрные предприятия, производившие товары на рынок и становившиеся естественным продолжением стремительно растущих городских фабрик. Подобная модель развития обеспечила бурный рост экономического потенциала Германии в 80-е годы XIX века.

«Американская модель», напротив, предполагала полную ликвидацию помещичьего землевладения (в самой Северной Америке, впрочем, ликвидировать ничего не пришлось, поскольку феодальных отношений там просто никогда не было). Крестьянские хозяйства на свободной земле должны были превратиться в высокопроизводительные семейные фермы, конкурировать между собой и создать основы для развития капитализма в деревне. Постепенное разорение мелких ферм обеспечивало приток рабочих рук в город одновременно с ростом производительности в аграрном

секторе экономики, а обогащение деревенской верхушки создавало устойчивый спрос на промышленные товары.

С точки зрения Ленина, Россия избрала «прусский путь», но в действительности царское правительство не сумело или не захотело по-настоящему последовать примеру Германии. Вынужденное выбирать между «освобождением без земли» и разделом помещичьих владений, оно выбрало нечто среднее. Крестьяне получили землю, но наделы их оказались совершенно ничтожными, «кошачьими». Наладить эффективное самостоятельное товарное производство на этой основе было невозможно. Хуже того, за полученную землю надо было платить выкуп или работать в помещичьем хозяйстве.

Реализация «прусской модели» предполагала наличие достаточно сильной городской буржуазии, способной быстро использовать массу высвобождающихся рабочих рук, содействовать модернизации помещичьих хозяйств. Германская буржуазия уже имела ко второй половине XIX века длительную историю, обладала значительными капиталами и деловым опытом.

Ничего подобного в России не было. «Прусский путь» в русских условиях не мог привести ни к чему иному, кроме массовой безработицы и стремительному росту социальной напряженности, многочисленным бунтам в городе и деревне, что вовсе не входило в планы реформаторов. В свою очередь, «американский путь» подрывал позиции помещиков, то есть того самого класса, на который традиционно опиралось российское государство. Поскольку же сильной буржуазии в стране не было, власти просто не на кого больше было опереться, даже если бы петербургская бюрократия решилась порвать со старыми привилегированными условиями. Раздел помещичьих владений создал бы социальный вакуум, результатом которого, несомненно, стал бы кризис и распад всей политической системы¹.

---

¹ «Американский путь» мог бы реализоваться лишь в том случае, если бы в стране происходила не реформа, а революция, причем единственным слоем, способным взять и удержать власть в условиях всеоб-

Либеральные и радикальные мыслители могли сколько угодно спорить о преимуществах различных западных моделей, не задумываясь о возможных последствиях их внедрения. Напротив, петербургские бюрократы, мало интересовавшиеся теориями и «моделями», инстинктивно выбирали самое безболезненное и, по-своему, самое мудрое решение. В результате страна совершила очередной рывок вперед, двигаясь, однако, не по «прусскому» или «американскому», а по своему собственному, русскому пути.

Ничего особенно привлекательного в этом пути не было. Элементы капитализма не просто обречены были, по выражению Ленина, сосуществовать со средневековыми, варварскими и «азиатскими» структурами и порядками, они были непосредственно связаны с ними, переплетались, эволюционировали вместе. Даже в 1912 году Ленин был вынужден говорить про «преобладающую крепостническую форму современного русского земледелия»¹. Самодержавно-помещичье государство было заинтересовано в формировании городского капитализма, всячески ему содействовало. Однако русский капитализм, сложившийся в подобных условиях, разительно отличался от западноевропейского. Его опорой в деревне был не фермер и не помещик-предприниматель английского или прусского типа. Аграрный капитализм русского образца опирался на общинного крестья-

---

щего распада, была бурно росшая в те годы интеллигенция, а формой ее власти, скорее всего, оказалось бы террористическая диктатура. О том, какие порядки могли бы возникнуть в результате подобной революции, достаточно ясно предупреждали Маркс и Энгельс. Наиболее влиятельные идеологи русского революционного движения той эпохи — П.Л. Лавров и П.Н. Ткачев — при всем несходстве своих взглядов единодушны, когда говорят, что новые порядки будут насаждаться с помощью террора. Бессмысленно искать причины этого единодушия в кровожадности революционеров. Если Ткачев предусматривал в России прогрессивную авторитарную власть наподобие якобинской диктатуры во Франции XVIII века, то Лавров, ненавидевший государство и веривший в освобождение личности, доказывал, что террор должны осуществлять сами массы под руководством «Социалистического Союза», а в качестве образца для подражания приводил американский «суд Линча».

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 17.

нина и помещика, не слишком сильно ушедшего вперед со времен крепостного права.

Анализируя реальные процессы, происходившие в русской деревне, выдающийся экономист начала XX века А.В. Чаянов обнаружил, что крестьянин на рынке ведет себя «неправильно» с точки зрения буржуазной политической экономии. Статистика показывала, что в годы, когда цены на зерно росли, крестьяне сокращали поставки, а в годы, когда цены падали, вдруг выбрасывали на рынок еще больше зерна. Такое поведение, с точки зрения рыночной логики, было совершенно разорительным, но, несмотря на это, крестьянское хозяйство сохраняло значительную устойчивую. Продавая зерно, крестьянин руководствовался совершенно иной логикой. В отличие от фермера, который производит товар исключительно для реализации на рынке, традиционный крестьянин продавал излишки зерна для того, чтобы удовлетворить свои потребности. Эти потребности были относительно стабильны. Следовательно, в «хороший» год можно было продать меньше зерна, оставив себе запасы «про черный день». А в «плохой» год приходилось продавать больше. Фермер работает для накопления капитала и максимизации прибыли. Традиционное крестьянское хозяйство, напротив, ограничивалось собственными внутренними нуждами. Исходя из этого, Чаянов сделал вывод, что «структурные особенности крестьянского семейного хозяйства вынуждают крестьянина отказываться от образа действий, диктуемого обычной формулой расчета капиталистической прибыли»¹. Крестьянин не мог оставаться

---

¹ Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 121. Вопрос о том, насколько капиталистическим вообще является самостоятельное крестьянское хозяйство, имеет значение не только для России. Как отмечает американский экономист Джон Роймер, в Западной Европе успех крестьянства в борьбе с феодализмом вовсе не вел автоматически к капитализму; скорее он вел к возникновению экономики, опирающейся на мелкие хозяйства, использующие часть земли совместно (См.: Roemer J. Free to Lose. Cambridge, Mass., 1988. P. 121) О том же пишет и Роберт Бреннер (См.: The Brenner Debate/Ed, by T.H. Ashton & C.H. E. Philpin. Cambridge, 1986). Разумеется, как отмечают американские

вне рынка, но его тип взаимодействия с рынком был в значительной степени небуржуазным.

Во-первых, крестьянские хозяйства, неспособные вернуть товарное производство в широких масштабах, ориентировались преимущественно на обеспечение собственных потребностей. А во-вторых, эксплуатация зависимых малоземельных крестьян для помещиков-землевладельцев была очевидно выгоднее, чем развитие аграрного капитализма. В результате, как отмечает Чаянов, капиталистическое производство в деревне на протяжении периода 1861—1917 годов не только не вытесняло другие уклады, но напротив, само разрушалось. Кулачество, в котором позднее большевики видели русский вариант сельской буржуазии, на самом деле также имело мало общего с западным крупным фермерством. В значительной степени «кулаки» наживались за счет ростовщичества, давая зерно, инвентарь или деньги в долг своим менее удачливым соседям, а не развивая собственное производство. На самом деле, разумеется, картина была гораздо сложнее, чем считали экономисты как либеральной и марксистской, так и народнической школ. Аграрный капитализм в пореформенной России то наступал, то опять отступал. Эти подъемы и спады буржуазного развития в деревне оказывались самым непосредственным образом связаны с колебаниями мирового рынка.

Государство, заинтересованное в исправной уплате налогов, способствовало сохранению сельской общины, связывавшей крестьян «круговой порукой», своего рода принудительной солидарностью. Деревня сохраняла патриархальный

исследователи, анализировавшие опыт Мексики, «чаяновская» модель некоммуercialного крестьянского производства не может быть устойчивой в условиях, когда выживание хозяйства зависит от покупки и продажи товаров на капиталистическом рынке (S. Cook & Brinford L. in: *Review of Radical Political Economics* /Ed. By URPE. Vol. 18. Nr. 4. P. 24). Проблема, однако, лежит в совершенно иной плоскости. Крестьянское хозяйство, разлагаясь, встраивается в периферийную модель капитализма, которая нуждается в товарном производстве, но вовсе не обязательно предполагает полноценное развитие буржуазных отношений в деревне.

уклад. Сотни тысяч людей, не имевших возможности прокормиться сельским хозяйством, нанимались рабочими на заводы, но зачастую сохраняли связь с деревенской общиной, что сказывалось еще даже в 1917—1918 годах. Многие, даже живя в городе, возвращались в деревню на сезонные работы. Благодаря этому в периоды промышленных кризисов Россия почти не знала безработицы — люди, потеряв место, уходили в деревню.

В конце XIX столетия либеральные экономисты, а в начале XX века «ортодоксальные» марксисты, проецируя на отечественную историю опыт Западной Европы, ждали, что из мелкого крестьянского хозяйства разовьется сельское предпринимательство. При этом весьма ограниченным было не только их знание происходящих в деревне процессов, но и понимание самой западной истории.

Западный капитализм действительно зарождался не только в городе, но и на селе. Бесспорно, что буржуазное производство родилось из мелкотоварного, в том числе и крестьянского хозяйства. Но произошло это в специфических условиях Западной Европы XV—XVI веков. И до, и после этого мелкие хозяйства могли существовать столетиями, так и не становясь буржуазными. Точно так же буржуазный порядок был бы невозможен без первоначального накопления, которое, как подчеркивал Маркс, подразумевало массовое разорение мелких производителей, экспроприацию собственности традиционных хозяев, разрушение привычного уклада. Этому давлению капитала мелкие производители повсюду отчаянно сопротивлялись.

Особенность и своеобразное «преимущество» периферийной экономики состояло в том, что значительные ресурсы капитал мог достать для местного и мирового рынка, не разрушая привычный уклад, а подчиняя его себе. Это означало, что не было необходимости преодолевать отчаянное сопротивление мелких производителей. Но одновременно это означало и то, что накопление капитала оказывалось крайне медленным, а сам капитал «затвердевал» в своей ранней, «архаичной» форме.

РЫНОЧНАЯ ДЕПРЕССИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ

Бурный рост мировой хлебной торговли к 60-м годам XIX века замедляется, а уже в 80-е годы европейский рынок зерна оказывается перенасыщен. Цены вновь начинают падать. Читателям русских романов XIX века или поздних пьес Островского 80-е годы казались временем расцвета русского капитализма. Но это ощущение торжества «буржуазной этики» создавалось как раз за счет того, что дела в экономике пошли заметно хуже, а соответственно, и нравы стали жестче. Эта жесткость отношений свидетельствует не столько о том, что на Руси, наконец, была достигнута протестантская рациональность, а о том, что для привычных русских сантиментов просто не хватало денег. Литераторы конца XIX века, приписывавшие оскудение дворянства реформе 1861 года, тоже глубоко ошибались. Разорение «дворянских гнезд» стало массовым явлением именно на фоне аграрного кризиса 80-х годов XIX столетия.

Колебания мировой экономической конъюнктуры непосредственно отражались на состоянии русского общества. По подсчетам Струмилина, общее сокращение товарооборота России с Западом от кризисов, произошедших в период 1861—1908 годов, составляло 2 млрд. рублей. «Этот огромный недобор по экспорту в годы кризисов шел главным образом за счет снижения цен на хлеб, масло, яйца, лен, кожи и т.п. продукты русской деревни. Такие миллиардные жертвы трудящихся России молоху мирового капитализма не могли, разумеется, остаться без влияния и на состояние внутреннего рынка. Продавая за бесценок или вовсе лишаясь возможности сбыть из-за мировых кризисов значительную долю своей товарной продукции, русская деревня, в свою очередь, сокращала свой спрос на ситцы, сахар, керосин, железо — продукты отечественной индустрии и т.п. Если к тому же вспомнить еще и о той, самой непосредственной зависимости русской промышленности, в которой она находилась от заграничного ввоза машин, хлопка, кра-

сок и целого ряда других химических и прочих продуктов, то механизм воздействия мировых циклов на развитие нашей индустрии станет достаточно ясным»¹.

Одним из ключевых последствий крестьянской реформы был рост производства ржи. Даже получив весьма условную «свободу» и крошечные, «кошачьи», наделы, крестьянин превратился в проблему для развития рынка. Советский исследователь 20-х годов XX века П. Лященко писал, что после реформы 1861 года рост экономического значения крестьянского хозяйства не привел к резкому сокращению товарного производства, но «отклонил» российскую деревню «от такого мирового товара, как пшеница, к крестьянскому, «русскому» товару — ржи». Этот сдвиг, в свою очередь, оказался «одной из главных причин нашего сельскохозяйственного кризиса в 80-х годах»².

В начале десятилетия «крестьянский хлеб», казалось, показал свое преимущество над «барским хлебом» — пшеницей. Поскольку цены на пшеницу, более подверженные колебаниям мирового рынка, падали быстрее, чем на рожь, первая фаза аграрного кризиса оказалась временем, когда соотношение сил в деревне начало меняться. Крестьянин «креп», а барин приходил в упадок. Широко распространяется выкуп и аренда помещичьей земли крестьянами.

Увы, рожь можно было выгодно продавать на мировом рынке лишь на фоне зернового бума. Более того, торговля рожью сокращалась даже в «хорошие» годы. Если в 1850 году вывезли 376 тыс. тонн пшеницы, а в 1870 году — целых 1573 тыс. тонн, то по ржи картина получалась противоположная: 900 тыс. тонн — в 1850 и 442 тыс. тонн — в 1870 году³.

Больше того, «крестьянский хлеб» реагирует на сигналы мирового рынка с запозданием, но не может игнорировать их. Уже в середине XIX века рост мировой торговли зерном сопровождался обострением конкуренции, но спрос в Ев-

---

¹ Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 465.

² Лященко П. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927. С. 8.

³ Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России. С. 13.

ропе был столь велик, что места на рынке хватало всем. По мере того, как спрос стабилизируется, конкуренция обострится. К 70-м годам американская «фермерская» пшеница начинает теснить в Европе не только русскую «помещичью» пшеницу, но и «крестьянскую» рожь. На мировом рынке все большую роль играют такие «новые» страны, как Аргентина, Канада, Австралия.

Конкурентом на рынке зерна для России оказалась и Британская Индия. Русские экономисты в 70-е годы XIX века сетовали, что дешевый индийский экспорт «забивает на главных рынках не только нас, но и американцев»¹. И все же именно Соединенные Штаты оказались главной угрозой для российских поставщиков. Американцы выигрывали не только за счет цены. Русские специалисты отмечали: «Америка теснит нас, ибо имеет несравненно лучше организованную торговлю, обилие капиталов и прекрасную обработку зерна»². К тому же южнорусские порты того времени славилась мошенничеством (когда низкосортное зерно продавалось под видом высокосортного). В итоге, «наша пшеница по натуре считается лучше американской; но мы за последние годы сделали все, чтобы подорвать ее добрую славу, тогда как американцы целым рядом усовершенствований настолько подняли качество своего хлеба, что за него постоянно дают на европейских рынках высшую цену против нашей»³.

К 1898—1902 годам Россия уже поставляет на мировой рынок в 3—4 раза меньше зерна, чем Соединенные Штаты. Менее технически развитое сельское хозяйство России больше страдает от неурожаев. Мало того, что аграрные штаты Америки лежат в зонах, куда более благодатных для земледелия, нежели конкурировавшие с ними российские губернии, но в Америке еще и массово распахивали целину. В России вроде бы и земли целинные были, и люди были. Но население было сосредоточено в старых аграрных губер-

---

¹ Федоров М.П. Цит. соч. С. 405.

² Там же. С. 413.

³ Там же. С. 412—413.

ниях. Отправить большие массы людей на целину значило бы подорвать помещичье хозяйство и одновременно развалить сельскую общину, которая позволяла правительству получать налоги и солдат из деревни. Вообще, это значило порушить весь традиционный уклад, на котором держалась не только помещичья, но и крестьянская система.

К середине 80-х денежные ресурсы крестьянского хозяйства оказываются исчерпаны. Кризис затронул рожь даже больше, нежели пшеницу. Сильнее всего пострадала именно та часть крестьян, что «окрепла» в предыдущие годы. Она стала более зависима от рынка, но так и не перешла к коммерческому земледелию «фермерского типа». А дворяне, со своей стороны, разом приходят к выводу, что мужика надо поставить на место, что рабочая сила в России непомерно дорогая. Падение мировых хлебных цен для России, по словам Лященко, «приобретает характер катастрофы»¹.

80-е годы XIX века заканчиваются мерами по восстановлению сословного строя, дворянских привилегий. Застой в зерновой торговле естественным образом совпадает с политической реакцией. «Вздорожание хлеба на европейском рынке сделало помещиков 50-х годов из крепостников либералами, — констатирует Покровский. — На «крепких» ценах двух следующих десятилетий держалось «буржуазное настроение» русского дворянства при Александре II». Увы, ничто не вечно, а хлебные цены — тем более. В 80-е ситуация резко меняется: «Русский производитель, вывозя свой хлеб за границу, получал за него все меньше и меньше»². Кризис 80-х годов сделал и помещиков, и петербургских чиновников реакционерами.

В деревне начинается своего рода контрреформа. Крестьян нельзя лишить личной свободы, но можно постараться по возможности вернуть старые порядки на экономическом уровне.

Свободное крестьянство оказалось тесно привязано к помещикам. Дворянское землевладение опиралось после ре-

¹ Лященко П. Указ. соч. С. 278.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С. 229.

формы на систему отработок, фактически — на видоизмененную форму феодальной зависимости крестьян, которые должны были компенсировать своим бывшим хозяевам потерю ими части земельных владений в ходе «освободительной реформы». По словам Дружинина, в России крупные поместья «уже в 60—70-х годах XIX в. превратились в опору крепостнических пережитков: они сдавались в аренду по частям не капиталистическим фермерам, а малоимущим крестьянам на кабальных условиях испольщины, взвинченных цен и натуральных отработок; если их снимали купцы и сельские кулаки, то они разбивали снятые земельные пространства на мелкие участки и втридорога передавали их нуждающимся сельским обществам, товариществам или полукрепостным хозяевам»¹. Полукрепостнические формы организации хозяйства к 80-м годам не только не ушли в прошлое, но, напротив, в условиях аграрного кризиса стали играть все более значительную роль в жизни деревни. Традиционные, докапиталистические аграрные отношения были ярче всего выражены в системе «отработок», когда крестьяне вынуждены были бесплатно трудиться на барина за полученную ими землю. В принципе, как подчеркивает Покровский, это тоже свободный труд: никто не мог принудить крестьянина к отработкам. Можно было, в конце концов, просто отказаться от земли.

Показательно, что к отработочной системе чаще всего прибегали мелкие и средние помещики. Чем крупнее было имение, тем больше там было свободных денег, тем легче оказывалось использовать свободный труд. «Феодалы скорее приспособились к буржуазной обстановке, чем мелкие землевладельцы», — иронизирует Покровский².

Удержать свои позиции на мировом рынке русский производитель мог, лишь систематически снижая цену. Именно в эту эпоху страна начала жить под лозунгом «Недоедим, а вывезем!». Помещик еще как-то мог это выдержать. Но для крестьянина наступила настоящая беда. Внутренний рынок

---

¹ Дружинин Н.М. Цит. соч. С. 347.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С. 104.

в очередной раз приносился в жертву мировому, крестьянское хозяйство — в жертву интересам торгового капитала. Торговую прибыль приходилось поддерживать за счет производителей зерна. Чем беднее была деревня в начале кризиса, тем более она оказалась разорена к его концу. «Падение хлебных цен, а вместе с тем и вся тяжесть конкурентной борьбы русского хлеба на мировом рынке ложились в наиболее сильной и разорительной степени на эти маломощные группы, — пишет Лященко. — Формула «недоедим, а вывезем» была лишь краткой и совершенно откровенной официальной формулировкой этого явления: недоедать, чтобы вывозить, принуждены были, конечно, лишь эти «понижатели по необходимости» на мировом хлебном рынке. Только в таких условиях торговый капитал мог и соглашался быть посредником между этим товаропроизводителем и мировым рынком»¹.

НАРОДНИКИ И МАРКСИСТЫ

По Покровскому, формула развития пореформенной России выражается словами: «Абсолютизм и отречение от политической свободы при максимуме гражданской свободы, как необходимое условие дальнейшего капиталистического развития без революции...»² Эта формула была достаточно ясна уже для современников, которые легко заметили, что развитие капитализма не только не ведет к ослаблению помещичьего господства в деревне и самодержавия в городе, но, напротив, по-своему укрепляет их.

Чем хуже шли дела на мировом хлебном рынке, тем менее либеральными были настроения помещиков. Однако реакция, торжествующая в деревне, наталкивается на сопротивление города, модернизовавшегося и привыкшего жить по новым правилам.

Освобождение крестьян сопровождалось неожиданным распространением социалистических настроений среди ин-

---

¹ Лященко П. Указ. соч. С. 286.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С. 77.

теллигенции. В 1876 году была создана первая народническая организация — «Земля и воля». Спустя три года она раскололась на радикальную партию «Народная воля», которая пошла по пути антиправительственного террора, и более умеренную группу «Черный передел». Позднее представители «умеренного» крыла народничества во главе с Г.В. Плехановым основали в эмиграции марксистскую группу «Освобождение труда».

Столь внезапная популярность социализма в стране, где еще почти не было индустриального пролетариата, ставила в тупик марксистских мыслителей последующего поколения. Однако подобный поворот событий был вполне закономерен именно для периферийной страны. Отечественная буржуазия не только не проявляла (в отличие от западной) стремления к демократическим переменам, она не была склонна даже к либеральной оппозиционности. Она была вполне удовлетворена тем порядком, который ей гарантировало самодержавие. У оппозиции 80-х годов, отмечает Покровский, «только и было, что левое крыло»¹. Поскольку между властью и радикалами не было естественного «буфера» в лице умеренных либералов, демократическая оппозиция неизбежно должна была стать революционной, а затем и террористической. В свою очередь, правительство могло бороться со своими противниками с помощью полицейских, а не политических мер.

В подобной ситуации демократическая идеология не могла не стать одновременно антибуржуазной. А позитивную программу антибуржуазный протест мог найти, только обратившись к европейскому социализму. Нечто похожее повторялось на протяжении XX века неоднократно — в других периферийных странах, от Китая до Кубы и Южной Африки. Между тем ортодоксальными марксистами рубежа XIX и XX веков народнический социализм воспринимался как своеобразная политическая иллюзия, идеологический мирок, возникший из-за того, что интерес к передовым за-

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С. 170.

падным идеям соединился в сознании интеллигентов-народников со стремлением к антимонархической революции.

Никакой объективной связи между народническими идеями и реальностью крестьянского хозяйства русские марксисты не видели, тем более что на первых порах сами крестьяне к народнической пропаганде относились крайне настороженно, а зачастую и враждебно.

Основоположник русского марксизма Г.В. Плеханов был твердо убежден, что после крестьянской реформы торжество капитализма в сельском хозяйстве было неотвратимо. По Плеханову, проникновение рыночных отношений в деревню неизбежно ведет к разложению и исчезновению всех докапиталистических форм социальной организации. Сдерживает этот процесс лишь «та сила инерции, которая, по временам, так больно дает себя чувствовать развитым людям всякой отсталой земледельческой страны»¹.

Разложение традиционных форм жизни в России конца XIX века было очевидным фактом. Но отсюда было бы преждевременно делать вывод о том, что на смену этим «отжившим формам» приходит новая, европейская организация. И дело, разумеется, было далеко не только в «отсталости» и «инерции», на которую так сетовали «развитые люди».

Совершенно иных взглядов придерживался Карл Маркс. С середины 70-х годов XIX века Россия занимает все большее место в его работе. Маркс не только преодолевает русофобские настроения, которые, надо в этом признаться, были свойственны ему в 50-х годах, но и начинает рассматривать Россию как страну, не поняв которую, невозможно и понять современный мир в его целостности. Продолжая работать над «Капиталом», он собирается использовать исторический опыт России в третьем томе так же, как он использовал опыт Англии для первого тома². В это же время Маркс начинает проявлять интерес к народническим идеям. Если русские народники учатся у автора «Капитала», то

---

¹ Плеханов Г.В. Сочинения. Т. 2. М., 1923. С. 271.

² См.: Late Marx and the Russian Road. Marx and the peripheries of capitalism /Ed. by Th. Shanin. N.Y.: Monthly Review Press, 1983.

мысль самого Маркса все более развивается под влиянием народничества. Он самозабвенно учит русский язык и увлекается работами Н.Г. Чернышевского, о котором говорит (возможно, с некоторым преувеличением), как о «великом русском ученом и критике»¹.

В 50-е годы русское общество представлялось Марксу какой-то однородной реакционной массой, и даже живший в Лондоне Александр Герцен — эмигрант, диссидент и социалист — казался ему из-за своих панславистских симпатий частью того же агрессивного имперского и провинциального мира. Совершенно иначе видит Маркс Россию в 70-е годы. Парижская Коммуна потерпела поражение, и Запад отнюдь не похож в это время на место, где торжествуют прогрессивные принципы. «В это десятилетие, — пишет Теодор Шанин, — Маркс постепенно приходил к пониманию того, что, наряду с ретроградной официальной Россией, которую он так ненавидел в качестве жандарма европейской реакции, появилась новая Россия его революционных союзников и радикальных мыслителей, и эти последние все более интересовались работами самого Маркса. Русский язык был первым, на который перевели «Капитал», за десятилетие до того, как появилось английское издание. Именно в России появились новые революционные силы, что было особенно заметно на фоне кризиса революционных ожиданий на Западе после падения Парижской Коммуны»².

Маркс начинает внимательно читать работы русских народников и находит в них не только мысли, созвучные его собственным, но и вопросы, на которые он как исследователь общественного развития просто обязан ответить. Осмысливая прошлое России, народники бросили вызов обоим господствовавшим направлениям отечественной мысли — славянофилам и западникам. Они отвергли идеи западников, видевших будущее страны в повторении «европейского

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 118—119. По-английски тексты Маркса, связанные с проблемами русского народничества, опубликованы в: Late Marx and the Russian Road. P. 134—135.

² Late Marx and the Russian Road. P. 7.

пути», но точно так же отвергли и славянофильской миф об исключительности России. Конкуренции мифов в российском общественном сознании они противопоставили свой историко-социологический анализ, в значительной мере основанный на идеях Маркса.

Народники полагали, что Россия сможет избежать повторения пути европейского капитализма. Как отмечает Шанин, их антикапитализм не имел ничего общего с антизападничеством. «Эта возможность, однако, происходит не от «особого пути» России, о котором говорили славянофилы, но является следствием положения России в глобальном контексте после того, как капитализм уже укоренился в Западной Европе»¹.

По существу, народники были первыми, кто почувствовал специфику периферийного капитализма. Во-первых, они обнаружили, что не «национальная» буржуазия, а самодержавное государство, вовлеченное в миросистему, является главным агентом капиталистического развития. Следовательно, удар по правительству неминуемо окажется ударом и по капитализму. Во-вторых, Россия выглядела в рамках миросистемы эксплуатируемой нацией. Не только пролетариат, но все трудящиеся классы страны подвергаются эксплуатации, хотя и в различной форме. Мировая система извлекает выгоды из такого положения дел, но главным орудием эксплуатации все же остается не иностранный капитал, а собственная власть. Таким образом назревал союз русского революционного движения, пытающегося опереться на интеллигенцию и крестьянские массы, с пролетарскими движениями Запада. В-третьих, благодаря периферийному положению страны в миросистеме, здесь сохранились докапиталистические структуры — прежде всего крестьянская община. Эта община подвергалась эксплуатации со стороны государства, использовавшего ее как инструмент выколачивания налогов и со стороны помещиков, и финансового капитала, связанного с правительством. Но именно это делало крестьянство потенциальной угрозой для системы, а

---

¹ Late Marx and the Russian Road. P. 9.

самую сельскую общину — возможной точкой опоры для будущих преобразований. В результате выходило, что периферийное положение страны и ее «отсталость» неожиданным образом могут оказаться своего рода «преимуществом» с точки зрения революционной борьбы.

В центре теоретической дискуссии оказался вопрос о крестьянской общине, которая для бывших умеренных народников, превратившихся в ортодоксальных марксистов, выглядела пережитком прошлого. Плеханов и его сторонники, объявив себя интерпретаторами и проповедниками марксизма в России, начали против народничества непримиримую идеологическую борьбу.

Между тем взгляды самого Маркса развивались в противоположном направлении. Как и революционные народники, автор «Капитала» не отрицал архаического происхождения общины. Однако его диалектический подход заставлял его в одном и том же явлении видеть и пережиток прошлого, и возможный прообраз будущего. Когда принадлежавшая к группе Плеханова русская революционерка Вера Засулич попросила Маркса высказать свое мнение по этому поводу, тот недвусмысленно поддержал народников. Те же выводы он повторил и в письме в редакцию журнала «Отечественные записки».

Чем глубже автор «Капитала» погружался в вопросы русской истории и экономики, тем более очевидно становилось ему, что вопрос не сводится к будущему общины. Речь идет о том, насколько мир за пределами Европы и Северной Америки обречен повторить «западный» путь развития. В «Капитале» Маркс писал, что более развитая страна показывает менее развитой картину ее собственного будущего. Но говорил он это, сравнивая Англию с Германией. В этом сравнении он оказался в целом прав: немецкий капитализм, как и в других странах «центра», при всех своих «национальных особенностях» не выходил за рамки общей «западной» модели, первоначально сложившейся в Англии и Северной Америке. Иное дело — Россия. Сравнивая ее с Англией, Маркс приходит к выводу, что «историческая не-

избежность» описанных им процессов развития капитализма «точно ограничена странами Западной Европы»¹.

Это не значит, что капитализм не затрагивает страны периферии, но здесь все происходит иначе. Более того, нет никаких причин видеть человеческую историю как механический и заранее запрограммированный процесс смены формаций. По существу, Маркс здесь уже вступает в полемику с собственными последователями, пытающимися использовать его теорию как «универсальную отмычку». «Им непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, — для того, чтобы прийти, в конечном счете, к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека»².

Вовлечение России в мировой рынок и даже развитие там буржуазных отношений вовсе не обязательно должны привести к формированию такого же капитализма, как и на Западе: «События поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам»³.

Острые полемики здесь столь явно направлены против формирующегося ортодоксального марксизма, почему Плеханов и его единомышленники так и не опубликовали по-русски оба письма Маркса, хотя тексты у них были. Не помогло даже то, что Ф. Энгельс, занимавшийся делами Маркса во время его болезни и после смерти, рекомендовал эти тексты печатать. Письмо в редакцию «Отечественных записок» было опубликовано в «Вестнике Народной воли» в 1886 году, а письмо Вере Засулич увидело свет только в

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 250.

² Там же. С. 120.

³ Там же. С. 121.

1924 году благодаря Давиду Рязанову, директору института Маркса и Энгельса, позднее репрессированному Сталиным. Нежелание замечать эти тексты объединило ортодоксальных марксистов с непримиримыми критиками марксизма, которые упорно повторяли на протяжении XX века, будто Маркс предложил свою теорию общественного развития в виде универсальной схемы, механически применяемой в любых обстоятельствах.

На самом деле, как справедливо отмечает Шанин, в полемике с «ортодоксальными марксистами» сам Маркс явно выступил с «неомарксистских» позиций. В последние годы жизни он задается именно теми вопросами, которые оказались в центре марксистских дискуссий XX века. Иными словами, он выступил не только «основоположником марксистской теории», но и опередил ее развитие на добрых полвека.

Вопрос о периферийном развитии оказался в центре дискуссий социологов и экономистов в последней трети XX столетия. Между тем для Маркса именно Россия оказалась страной, на материале которой ему стала понятна неравномерность развития капитализма как миросистемы. Параллельно с русским опытом он изучает историю других периферийных стран, даже учит восточные языки и подталкивает к этому Энгельса. Но именно анализ событий, происходящих в России, стал для него ключевым. По словам Шанина, «если опыт Индии и Китая был для европейцев времен Маркса чем-то отдаленным, абстрактным и порой неправильно понимаемым, Россия была ближе не только географически, но и в человеческом смысле, можно было выучить язык и получить доступ к текстам, в которых сами жители страны анализировали свой опыт. И дело, разумеется, не в объеме доступной информации. Россия того времени отличается сочетанием государственной независимости и все большей политической слабости, находится на периферии капиталистического развития, остается крестьянской страной, но со стремительно растущей промышленностью (владельцами которой являются в значительной мере ино-

странцы и царская власть) и с сильным государственным вмешательством в экономику»¹.

Сочетание всех этих факторов делало Россию страной, где неизбежен был мощный социальный взрыв. Однако назревающая революция явно должна была, из-за периферийного характера русского капитализма, радикально отличаться от пролетарских движений Запада. Аграрная революция, захват помещичьей земли крестьянами ставил под вопрос само существование отечественной модели капитализма и ее интеграцию в миросистему.

Народники называли передачу земли крестьянам «Черным переделом». С точки зрения ортодоксальных марксистов, в таком аграрном движении не было ничего антикапиталистического. Разве не начинались западные буржуазные революции с ликвидации помещичьего землевладения? Действительно, в долгосрочной перспективе такой «Черный передел» мог бы привести к развитию сельского капитализма. Но в краткосрочной перспективе он означал бы уход крестьянина с рынка, что было бы катастрофой для капиталистического развития.

Маркс подчеркивал в «Капитале», что экспроприация мелкого производителя — условие капиталистического накопления. Однако в императорской России она осуществлялась торговым капиталом с помощью помещика. Причем через связь с помещиком крестьянское хозяйство не ликвидировалось полностью, а подчинялось требованиям рынка. Вот почему, с точки зрения накопления капитала, «Черный передел» — катастрофа. Еще более тяжелыми были бы его последствия для мировой экономики. На дворе был уже не XVI век, для развития требовались крупные капиталы. Мелкое накопление «крепких хозяев» растягивается на десятилетия, оно не поможет ни строительству железных дорог, ни выплате международных займов.

Русский капитализм уже не мог развиваться без помещичьей эксплуатации крестьянства. Потому и аграрная революция неизбежно должна была обернуться антикапита-

---

¹ Late Marx and the Russian Road. P. 19.

листическим переворотом. А попытка радикально улучшить положение крестьянства оказывалась неотделима от вопроса об изменении характера всего российского государства.

«Речь идет здесь, — писал Маркс в одном из набросков письма к Вере Засулич, — таким образом, уже не о проблеме, которую нужно разрешить, а просто-напросто о враге, которого нужно сокрушить. Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. Впрочем, русское правительство и «новые столпы общества» делают все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе. Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над теми странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя»¹.

РОССИЙСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ

Начиная с 70-х годов XIX века, Российская империя, оправившись после неудачи в Крыму и укрепив себя реформами, вновь встает на путь геополитической экспансии. Внешнему наблюдателю это казалось возрождением англо-русского соперничества на Востоке, попыткой свести старые счеты с Турцией и вернуть русскому царю ореол защитника интересов славянства. Но, как и все международные события XIX века, новые военные походы царской России имели глубокие экономические причины.

Русская промышленность постепенно начинала оживать. Показательно, что «фритредерский» таможенный тариф был отменен в 1877 году — в то самое время, когда вновь активизировалась российская внешняя политика на Балканах и в Средней Азии.

Отличительная черта периферийного общества — узость внутреннего рынка. Ленин был уверен, что Россия страдала одновременно от капитализма и от недоста-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 410.

точного его развития. Однако, если посмотреть на размеры российского внутреннего рынка, обнаруживается, что по сравнению с ними развитие капитализма не только не было недостаточным, но, напротив, оказывалось избыточным, непропорциональным, по сравнению с внутренними потребностями — чрезмерным.

Развитие русского капитализма диктовалось не только внутренними потребностями, но и логикой мирового рынка. Находиться на «современном» уровне для капитала значило быть частью мировой системы. Но внутреннего рынка для этого не хватало. В Британии XIX века обширный внутренний рынок гарантировал массовое производство и возможность завоевания внешних рынков. Российский промышленник, напротив, мог компенсировать свою слабость только поддержкой правительства и экспансией на внешние рынки. Конкуренция за границей была трудной, требовала низких цен и военно-политической поддержки государства. И то и другое должно было оплачивать собственное население. Ему приходилось платить втридорога за отечественные и импортные товары на «защищенном» рынке, ему же приходилось содержать армию и постоянно растущую в связи с новыми задачами бюрократию, ему приходилось, в конечном счете, идти на войну, чтобы завоевать или отстоять рынки для «отечественного товаропроизводителя». Промышленность требовала экспансии, империи, войны. Экономическая слабость требовала максимального политического напряжения. Российская держава должна была стоять в одном ряду с другими колониальными империями.

Победа аграрного капитализма над промышленным, последовавшая за поражением страны в Крымской войне, на первых порах вернула русскую внешнюю политику в привычное проанглийское русло. Однако прежние отношения сотрудничества восстановить было уже нельзя. С одной стороны, на Россию все большее влияние оказывала Германия, объединившаяся в 1870 году под властью Пруссии. С другой стороны, Российская империя продолжала движение в Туркестан. Это наступление с самого начала имело вполне понятную и простую цель: «запрудить русскими изделия-

ми Среднюю Азию, благо здесь конкурентов не бог знает сколько»¹. Несмотря на расширение Российской империи, господствующие классы страны не имеют возможности эффективно передвинуть экономическую границу и накопить в колониях достаточные ресурсы для модернизации метрополии. Русский торговый капитал приходит в Бухару, манявшую московских купцов еще во времена Афанасия Никитина. Это завоевание само по себе еще не является мощным стимулом для промышленного развития.

Тем не менее тип экспансии меняется. Ранее московская и петербургская власть стремилась любую завоеванную территорию сделать Россией. Теперь же Туркестан превращается в колонию, организованную в значительной мере по образцу Британской Индии, со своими «туземными элитами», четким разделением на европейское и мусульманское общества, сосуществующие параллельно друг с другом.

Для британских предпринимателей, начинавших проникновение в Бухару и Хиву, это были плохие новости, ибо вслед за русскими войсками приходили русские таможенные тарифы. Но еще большую нервозность вызвало изменение геополитической ситуации. Когда Павел I пытался отправить казаков в поход на Индию, речь шла не более чем об аванюре. Теперь все было иначе. Большого количества сухопутных войск в Индии у Британской империи не было, и появление русской армии в Средней Азии не могли здесь приветствовать. Английский дипломат лорд Джордж Керзон, отвергая существовавшие в Лондоне опасения, будто русские планируют завоевание Индии, все же напоминал, что со времен знаменитой авантюры Павла I в Петербурге думали о повторении подобного похода. Таким образом, «в течение столетия мысль о возможности удара по Индии через Среднюю Азию оставалась в сознании российских государственных мужей»².

Впрочем, угроза была мнимой, а потому конфликт не вышел за рамки дипломатии. Британская Индия сроч-

---

¹ Дело. 1880. № 12. Туган-Барановский М. Цит. соч. С. 434.

² Hopkirk P. Op. cit. P. 446.

но принялась укреплять свою северную границу, усиливая проникновение в Афганистан. Походы англо-индийских армий в Афганистан сопровождавшиеся тяжелыми потерями и серьезными поражениями на протяжении нескольких десятилетий, к началу 80-х годов достигли своей цели: в Кабуле было поставлено правительство, лояльное по отношению к Лондону. Русские, со своей стороны, отстаивали здесь собственные интересы, подначивая кабульских эмиров против британцев, обещая им помощь, но так и не решившись на открытый конфликт с Лондоном.

Развернувшуюся борьбу принято называть «Большой игрой», но по большому счету, в масштабе глобальной политики, это и была не более чем игра. В Лондоне прекрасно понимали, что для петербургского правительства «реальной целью была не Калькутта, а Константинополь»¹. А подлинная проблема Британской империи состояла не в сосредоточении русских армий в Туркестане, а в росте германской промышленности. Также и на русском рынке Британия теряла свои позиции, прежде всего под давлением немецкой конкуренции и лишь отчасти — из-за роста отечественной промышленности. Однако сближение Петербурга с Берлином не привело к стабильному союзу. На мировом рынке зерна две империи выступали конкурентами, и это значило гораздо больше, чем все колониальные недоразумения с Англией.

«ОТСТАЛОСТЬ» ИЛИ «ПЕРИФЕРИЙНОЕ РАЗВИТИЕ»?

Российские элиты на протяжении двух веков воспринимали проблему периферийного развития как проблему «отсталости». Вторая половина XIX века стала для России временем, когда власть и оппозиция, охранители и либералы, чиновники и интеллектуалы оказались захвачены одной общей идеей: догнать Запад. Крымская война поставила под сомнение место петербургской империи в Европе. Это место надо было вернуть и закрепить — с помощью реформ,

---

¹ Hopkirk P. Op. cit. P. 446.

дипломатии, военного строительства, создания железнодорожных путей и распространения просвещения.

Либеральная публика в столицах прекрасно понимала, что самодержавное государство могло стать орудием модернизации, однако авторитаризм, эффективный в чрезвычайных обстоятельствах, не благоприятствовал здоровому развитию и закреплению достигнутых успехов. Россия обрела западные формы, не становясь частью Запада. Проблема была ясна и проста, но ее разгадка упорно ускользала от либеральных умов. Проблемой России была не «отсталость», а нечто иное. Отсталость — это запоздалое развитие. Отсталой страной была Германия по сравнению с Англией. Россия была частью периферии. А это уже совершенно другой вариант развития. Попытки преодолеть отставание разом за счет осуществления «рывка» создают новые проблемы. Возникают новые опасности и противоречия, незнакомые «передовым» странам.

Модернизаторы повсеместно убеждены, что их собственная страна последовательно проходит те же этапы, что и «передовые государства» Запада, только с некоторым отставанием. В силу этого проблема сводится к темпам развития. Как ускорить движение по пути прогресса? На самом же деле иные темпы развития неизбежно порождают и иные социально-политические, экономические структуры, а это, в свою очередь, изменяет и сам характер происходящих процессов. Получается совсем не то, к чему стремились. Общество не повторяет чужого пути.

Петр Чаадаев был первым из русских мыслителей, кто осознал это противоречие. «Тот обнаружил бы, по-моему, глубокое непонимание роли, выпавшей нам на долю, кто стал бы утверждать, что мы обречены кое-как повторять весь длинный ряд безумств, совершенных народами, которые находились в менее благоприятном положении, чем мы, и снова пройти через все бедствия, пережитые ими»¹. По мнению Чаадаева, отсталость России не только чревата ужасными катастрофами, но и таит в себе определенные

---

¹ Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избран. письма. Т. 1. С. 534.

преимущества, которые, однако, можно будет использовать лишь тогда, когда страна откажется от попыток копирования западного опыта. Почти теми же словами Карл Маркс писал Вере Засулич о будущем России. О том же размышляли идеологи русского народничества в конце XIX века.

Сторонники подобных идей, однако, постоянно оказывались в меньшинстве, а модернизаторы, находясь в плену собственных иллюзий, мечтали разрешить все противоречия новым, еще более стремительным рывком. В XVIII и XIX веках большая часть прогрессивных российских интеллигентов вполне разделяла иллюзию властей, что отсталость России не может помешать ей повторить путь остальной Европы. Разница была лишь в том, что бюрократия ориентировалась на внедрение западной технологии и организации, в то время как оппозиционные интеллигенты мечтали еще и о западных гражданских свободах. Со времен эпохи Просвещения и либеральные, и революционно-демократические деятели были едины в стремлении ускорить повторение западного пути. Из этого же исходили и первые русские марксисты. Все они были убеждены, что требуется только искоренить «пережитки Средневековья» — самодержавие и крепостничество (или, позднее, помещичье землевладение) — и тогда все пойдет на лад. При этом они стыдливо умалчивали, что именно самодержавие и крепостное право оказались при Петре инструментами модернизации. В той форме, в какой эти институты существовали в XIX веке, они уже никак не были пережитками Средневековья. Напротив, они являлись скорее побочными продуктами западных реформ. Да и после Петра I крепостной труд и государственный деспотизм давали возможность возводить прекрасные дворцы, создавать университеты, строить заводы, вводить цивилизацию на окраинах огромной страны. Такова была избранная модель развития.

Идеологи модернизации, независимо от того, принадлежали они к правительственному лагерю или к оппозиции, сводили проблемы страны к противостоянию старого и нового. По меньшей мере, несколько раз в истории России действительно создавалось ощущение, что задача «дог-

нать Запад» почти выполнима, что остается совершить последний рывок — и Россия на равных сможет войти в число высокоразвитых стран. Реформы Петра I обеспечили невероятно высокий темп развития, и уже ко времени Екатерины II Российская империя воспринималась в Европе как вполне «нормальное» государство, почти не отстающее от своих соседей — Пруссии и Австрии. Французские просветители Дидро и Вольтер серьезно надеялись, что предлагавшиеся ими методы разумного управления государством, которые не удалось внедрить во Франции и Пруссии, будут приняты в России. Империя Екатерины II имела университеты, лишь незначительно уступавшие западным по числу учащихся и качеству образования, мануфактуры, производившие товары на современном уровне, превосходно оснащенные флот и армию, которых боялись соседние государства, сельское хозяйство, выращивавшее зерно на экспорт. Вопреки тому, что думали Вольтер и Дидро, политические реформы и освобождение крестьян казались тем более ненужными, что все это преуспевание было достигнуто именно на основе рабства и самодержавия, благодаря усилиям деспотической центральной власти.

В конце XIX столетия вновь создается ощущение того, что Россия вот-вот войдет на равных в ряд «передовых» европейских стран. Однако очередная модернизация, начавшаяся с реформы 1861 года, отнюдь не гарантировала этого. Петербургская империя была лишь одной из стран, переживавших бурные перемены в последней трети XIX века. И она находилась в наименее выгодном положении.

Задним числом многие историки подчеркивают высокие темпы роста в России 90-х годов и накануне Первой мировой войны, пытаясь доказать, что капиталистическое развитие шло вполне успешно, а «догнать» Запад помешала лишь война и последовавшая за ней революция. В действительности все обстояло куда менее благополучно. Конец XIX и начало XX века были периодом стремительной индустриализации в большинстве государств капиталистического мира, не исключая даже такие колониальные или полуколониальные страны, как Индия и Китай. Германия, Соединен-

ные Штаты, Австро-Венгрия и даже недавно отстававшая от России Япония, развивались в целом значительно более высокими темпами. Россия явно опаздывала, и это означало, что в складывавшемся новом международном разделении труда ей должно было достаться далеко не самое выгодное место. Безусловно, заводов в стране стало больше, они выпускали значительно более совершенную продукцию, но росла и зависимость от экспорта, от иностранной технологии, займов, капиталовложений. Да и с обороной страны, как и в 50-е годы XIX века, не все было благополучно: Россия не могла перевооружаться теми же темпами, что и ее соперники. Для государства, в котором военная сила традиционно значила куда больше, нежели экономическое процветание, это не могло не стать серьезной проблемой.

В миросистеме успех одних стран традиционно предопределял неудачу других. В то время как капитализм переживал очередную «реконструкцию», Петербургской империи приходилось вести все более ожесточенную конкуренцию со странами, находившимися в несравненно более выгодном положении. Одновременно с Россией в период модернизации вступили Германия и Соединенные Штаты. Обе страны переживали и политическое преобразование. Германия объединилась в империю, а Соединенные Штаты в ходе ожесточенной гражданской войны преодолели разделение на Север и Юг.

Преимущество Соединенных Штатов и Германии над Россией состояло в том, что, будучи относительно отсталыми странами, они все же изначально принадлежали к «центру» капиталистической миросистемы. Торжество Севера над Югом в Америке было не просто победой промышленно развитой части страны над аграрной, но и победой «центра» над «периферией». Южные штаты были обречены на войну не только потому, что их рабовладельческая система была несовместима с либеральными установлениями Севера, но и потому, что, будучи периферийным обществом, были гораздо более привязаны к мировому рынку сырья, нежели к американскому внутреннему рынку. Сырье и рабочая сила Юга нужны были Северу для собственного развития. Южа-

нам повезло. Проиграв войну, они оказались интегрированы в «центр» капиталистической миросистемы (чему местная элита из всех сил сопротивлялась).

Точно так же объединение позволило Германии преодолеть разрыв между более развитыми и относительно отсталыми частями страны, организовать единый рынок труда, общую систему образования и транспортную сеть.

Наконец, Япония, интегрировавшаяся в миросистему примерно в этот же период, не была связана грузом прошлого. Она вошла в капиталистический мир, не будучи его периферией, вошла в тот самый момент, когда для нее возникли наиболее благоприятные условия — японский капитал не только не обслуживал процесс накопления на Западе, но напротив, воспользовался тем, что европейская колониальная и торговая экспансия открыла для иностранного проникновения рынки стран Дальнего Востока.

Таким образом, модернизация Германии и Соединенных Штатов представляла собой «втягивание» в центр периферийных регионов, оказавшихся в одном с ним политическом пространстве, а модернизация Японии оказалась уникальным случаем прорыва в миросистему «извне». Напротив, Россия вся была страной периферийной, хотя и достаточно развитой. А потому ее попытки «догнать» Запад не выходили за рамки общих правил игры, продиктованных миросистемой.

Глава XII

РАСЦВЕТ РУССКОГО КАПИТАЛИЗМА: ОТ ВИТТЕ К СТОЛЫПИНУ

В то время как участие в мировой хлебной торговле разоряло деревню, в 80-е годы XIX века оно оставалось важнейшим источником средств для индустриализации. Капитализм, по выражению Лященко, пережил кризис 80-х «ценою разорения мелкого товаропроизводителя»¹.

К началу следующего десятилетия эти усилия уже начинали давать плоды. Рост городов вел к развитию внутреннего рынка, в том числе и для отечественного сельского хозяйства. По мере того, как Россия преодолевает последствия крымского поражения, более протекционистской становится ее таможенная политика. Отечественная промышленность начинает выходить из застоя.

1894 год был низшей точкой хлебных цен на внутреннем и мировом рынке. Затем начинается устойчивый рост. Приток капитала в сельское хозяйство делает производство при определенных условиях коммерчески прибыльным. Пшеница теснит рожь. Экспорт зерна почти удвоился. В 1900—1914 годах вывезли зерна на 7,3 млрд рублей, тогда как за предшествующие тридцать лет всего на 8,6 млрд².

По мнению Лященко, поток золота, обеспеченный Россией хлебным экспортом на рубеже XIX и XX веков, был сопоставим с экспортными доходами, которые в Америке создали «предпосылки блестящего развития капиталистической

---

¹ Лященко П. Цит. соч. С. 293.

² Там же. С. 313.

промышленности». Почему же, спрашивает исследователь, ничего подобного не произошло в России? Причина — в тех «отсталых социально-экономических условиях, с которыми этот золотой поток у нас встретился»¹. Между тем сами эти «отсталые социально-экономические условия» развились в России не без влияния мирового рынка и сложившегося международного разделения труда. Как мы увидим далее, вступление страны в индустриальную эру отнюдь не означало преодоления «отсталости». В известном смысле «золотой поток» не только стимулировал «прогрессивное развитие», как считали и либеральные, и марксистские экономисты того времени, но, напротив, укреплял «отсталые отношения», на которые они столь же единодушно сетовали.

ЭРА ВИТТЕ

Доходы от зерновой торговли создавали возможность для роста инвестиций в промышленность, подталкивая индустриальный рост, но были недостаточными для того, чтобы этот рост поддерживать. Вслед за «хлебными» доходами в Россию пошли инвестиции с Запада. Промышленный подъем 90-х годов сопровождался, по словам Покровского, «завоеванием России иностранным капиталом»².

В 1856—1887 годах в России было открыто 15 иностранных компаний (с общим капиталом в 71,1 млн. рублей), а в 1888—1894 годах — уже 22 компании с капиталом в 62,9 млн. рублей. В 1895—1902 годах число компаний достигает 90, а основной капитал — 253 млн. рублей³. Быстрее всего западный капитал занимает господствующие позиции в банковском деле. Растущая российская промышленность испытывает острый недостаток кредита. Уже современники замечали, что запоздалая индустриализация создавала диспропорцию между уровнем развития производства и со-

---

¹ Лященко П. Цит. соч. С. 373.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С. 370.

³ См.: Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990.

стоянием банковского дела. На Западе, писал марксистский исследователь 20-х годов XX века С. Ронин, накопление капиталов «шло в ногу с развитием промышленности и ростом ее потребности в кредите». В России, напротив, индустриализация, востребованная новым международным разделением труда, опередила накопление местного капитала. В итоге, русская промышленность быстрыми темпами своего роста оказалась обязана «в огромной степени иностранному капиталу»¹.

Проблема, с которой столкнулась Россия в 1890-х годах, воспроизводилась многократно в странах «периферии», вставших на путь индустриализации. Создание современной промышленности требовало сразу высокого уровня накопления, тогда как «естественное» развитие капитализма предполагало постепенное «созревание» финансового сектора, поэтапного перераспределения ресурсов — как это происходило на Западе. Страны «периферии», собственными ресурсами финансируя накопление в «центре», неожиданно обнаруживают нехватку денег. Положительного торгового баланса оказывается недостаточно для решения проблемы. Чем быстрее растет промышленность, тем острее она ощущает дефицит капиталовложений. Отчасти проблема решается за счет государственных инвестиций. Отсюда огромное значение, которое имел казенный сектор в экономике царской России конца XIX и начала XX века. Неудивительно, что Государственный Банк в России не только был создан раньше, чем в большинстве европейских стран (за исключением Швеции), но и превратился к началу нового столетия в одного из ведущих инвесторов страны. Консервативный экономист Н.Н. Шипов поэтично рассуждал в те годы, что если «все денежные капиталы» страны, «созданные упорным народным трудом в поте лица своего», составляют кровь экономики, то Государственный Банк является «сердцем, которое разносит все эти денежные богатства по всей Матушке-России»².

---

¹ См.: Ронин С. Иностранный капитал и русские банки. М., 1926. С. 2.

² Шипов Н.Н. Власть Самодержавного Царя как основа финансового благополучия России. СПб., 1913. С.210-211.

В этом плане петербургская империя предвосхищала тенденции развития, типичные для многих «периферийных» стран XX века, пытавшихся совмещать формирование буржуазных хозяйственных отношений с активной ролью государства, нередко выступающего мотором, движущей силой и главным агентом развития. Однако государственных средств заведомо не хватало. С другой стороны, даже если правительственные чиновники (вопреки либеральным мифам более позднего времени) порой оказывались довольно эффективными администраторами, они редко выступали в роли новаторов¹. Напротив, иностранные компании не только вкладывали в страну необходимые капиталы, но зачастую приносили и новые технологии, без которых невозможно было представить себе модернизацию хозяйства.

В результате возникает неизбежный культ иностранного инвестора, как силы, движущей вперед экономику. Недостаток средств подразумевает и чрезвычайно большую роль банков, выступающих не только кредиторами промышленников, но и посредниками между отечественным товаропроизводителем и мировым финансовым рынком.

На Западе в это время наблюдается очевидный кризис перенакпления. Кредит сравнительно дешев, а собственникам некуда выгодно вложить свои капиталы. На подобном фоне «периферийные» страны неизменно приобретают особую привлекательность. Россия времен Витте притягивала капитал высокой, немислимой в Европе нормой прибыли и

---

¹ Исследователь государственного хозяйства царской России В.В. Красавин приводит целый ряд примеров неэффективного хозяйствования частных хозяев, особенно на приватизированных предприятиях, что резко контрастирует с ответственным подходом чиновников. Министр государственных имуществ М.Н.Островский после поездки на Урал в 1885 году докладывал Александру III о бедственном положении приватизированных промыслов, где «дела ведутся хищнически, в ущерб будущности дела» (Всеподданнейший доклад Министра Государственных Имуществ по поездке на Урал в 1884 г. СПб., 1885. С. 83). Подробный анализ доклада Островского дан в статье В.В. Красавина «Эволюция государственного хозяйства Российской империи в эпоху капитализма», которая, к сожалению, на момент издания данной книги еще не была опубликована.

казенными заказами. Неслучайно западные капиталы наиболее активно шли в отрасли, благополучие которых было гарантировано правительственными решениями.

Граф Сергей Витте, выступавший тогда в Петербурге главным архитектором экономической политики, великолепно почувствовал открывшиеся перед страной возможности. Благодаря проведенной им в качестве министра финансов реформе, рубль стал весомой валютой на европейских рынках. В либеральной публицистике конца XX века постоянно можно увидеть ссылки на «былую славу» рубля, котиравшегося на Западе. В действительности на протяжении большей части своей истории рубль был валютой весьма слабой. При чем в Петербурге этого отнюдь не стеснялись, ибо дешевый рубль, стоивший в Европе даже меньше, чем дома, был выгоден экспортерам. Однако теперь ситуация изменилась. Промышленность нуждалась в оборудовании и капиталах. Став министром финансов в 1892 году, Витте восстановил обращение металлических денег. Один бумажный рубль был приравнен к 66 копейкам серебром, но одновременно количество бумажных денег в обращении сократили, а серебряные монеты были перечеканены. Курс бумажных и серебряных денег стал один к одному и был закреплён на этом уровне. Финансовая реформа, проведенная на фоне общего удешевления денег в Европе, привела к резкому удорожанию рубля, который впервые в своей истории стал на Западе цениться дороже золота. Курс русской валюты был теперь так же завышен, как раньше — занижен. Но эта система работала.

Активный торговый баланс можно было поддерживать лишь вывозом хлеба из страны. В середине 80-х вывозили 17% от общего производства зерна, к началу 90-х — уже четверть. При этом мировые цены падали. Рост вывоза должен был перекрыть снижение цен, но возрастающий русский экспорт сам давил на мировой рынок, усугубляя положение. Если в 80-х активный торговый баланс России составлял 100—150 млн. рублей в год, то к 1899 году — всего 7,2 млн. рублей¹. Однако к началу XX века положение дел

---

¹ См.: Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 105.

несколько улучшилось, мировые цены на зерно вновь стали расти. Другое дело, что это сопровождалось повышением внутренних цен и удорожанием рабочей силы. Это, естественно, создало благоприятные условия для роста рабочего движения, которое всерьез заявило о себе в 1905 году.

Будучи всего лишь министром финансов, Витте сосредоточил в своих руках огромную власть, выходящую далеко за рамки его официальных полномочий. Секрет его успеха состоял в том, что, пользуясь исключительно благоприятной рыночной конъюнктурой, Витте смог одновременно укрепить национальную валюту и резко увеличить государственные расходы. Одновременно был включен на полную мощность фискальный пресс: низы русского общества должны были оплатить растущие траты правительства.

Основные средства были брошены на строительство железных дорог, что обеспечило вал заказов для металлургической и, отчасти, машиностроительной промышленности. Возвращение к протекционизму подстегнуло местное производство. При Витте русский таможенный тариф оказался одним из самых высоких в мире¹. Несмотря на это машины и оборудование ввозились в огромных количествах — иностранцев притягивал растущий местный рынок, а «крепкий» рубль позволял сравнительно недорого импортировать технику.

Укрепив рубль, петербургское правительство получило возможность резко увеличить свои заимствования на международных финансовых рынках. Для западных инвесторов Россия выглядела страной уникальных возможностей. Обстоятельства сошлись, казалось бы, чрезвычайно счастливо. В России — «крепкий рубль», а западные финансовые рынки страдают от изобилия «лишних» денег. «Все это, — пишет Ронин, — хлынуло золотым потоком в железнодоро-

---

¹ Та же тенденция сохранялась и при Столыпине. Средний таможенный тариф в России к 1913 году составлял 38%, больше, чем даже в США, где он достиг к 1914 году 30%. Германский тариф не превышал 13%. Выше, чем в России, таможенные тарифы были только в Испании — 41% (См. E. J. Hobsbawm. *The Age of Empire, 1875—1914*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1987).

рожное строительство и промышленность, огражденную от иностранной конкуренции высоким покровительственным тарифом 1891 года»¹.

Промышленный подъем 1890-х и начала 1900-х годов был и вправду впечатляющим. Химическая промышленность выросла в 1890—1899 годах на 274%, горнодобывающая — на 372%, металлургия — на 793%². Общий рост промышленного производства, по данным Струмилина, составил в период 1895—1900 годов 59%, а если за точку отсчета брать 1892 год, то к 1899 году прирост составил 73%³. Однако даже на этом фоне развитие железнодорожной сети идет головокружительными темпами. Программа железнодорожного строительства, затеянная в конце XIX века, вызвала бешеный спрос на продукцию металлургии. С 1860 по 1870 г. железнодорожная сеть России выросла с 1492 верст до 10 090, что считалось впечатляющим успехом, а в 1870—1880 годах она опять удвоилась, достигнув 21 236 верст, однако затем темпы роста железных дорог снизились. К 1890 году их продолжительность составляла 27 238 верст. Однако с 1890 по 1900 год наблюдается новая «железнодорожная горячка», протяженность путей достигает (главным образом за счет Транссиба) 48 565 верст⁴. Именно очередная «железнодорожная горячка», накачивая спрос на металл и другие изделия, создавала условия для подъема других отраслей промышленности. Весь этот спрос был обеспечен государственными программами. Неудивительно, что завершение строительства Транссиба оказалось настоящим бедствием не только для российских, но и для французских капиталистов.

Русские промышленники постоянно жаловались на бессистемность и непоследовательность правительства в деле железнодорожного строительства. Между тем, как отмечал позднее экономист И. Вавилин, упреки эти были не по ад-

---

¹ Ронин С. Указ. соч. С. 25.

² Там же. С. 26.

³ См.: Струмилин С.Г. Очерки по истории экономики России. С. 486—490.

⁴ См.: Вавилин И. Иностранные капиталы в России. Л.: Прибой, 1925. С. 39.

ресу: «Царское правительство строило железные дороги на деньги, находившиеся в кармане французской, английской и германской буржуазии, а потому оно и не могло иметь своего плана железнодорожного строительства, а строило тогда, когда европейская буржуазия давала деньги, и не те линии, которые нужны были для удовлетворения потребностей народного хозяйства, а те, которые требовались французским военным командованием»¹. Действительно, французское правительство неоднократно давало понять царской администрации, что дороги надо строить, исходя из стратегических соображений. Уже в 1901 году французский генеральный штаб настаивал на строительстве стратегической двухколейной дороги от Бологого до Седлеца за счет предоставленных России кредитов. Витте доказывал, что для этого необходимо предоставить Петербургу новый заем, тогда как в Париже были уверены, что уже занятых средств вполне достаточно. В конечном счете новый заем был все же предоставлен. В 1912—1913 годах французское министерство финансов дважды заявляло, что условием получения кредитов является строительство железнодорожной сети на западе России для переброски туда войск в случае войны с Германией. Официальные французские представители действовали в тесном взаимодействии с частными банками, например *Credit Lyonnais* (что, кстати, опровергает версию об аполитизме французских предпринимателей). Русским популярно объясняли, что «французское правительство может способствовать регулярному размещению на рынке русских фондов, но в качестве компенсации оно должно получить военную помощь от русских союзников»².

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ НА ЮГЕ РОССИИ

Рубеж XIX и XX веков был временем стремительной индустриализации на юге России. Здесь строились многочисленные металлургические и металлообрабатывающие заво-

---

¹ Вавилин И. Иностранные капиталы в России. С. 43.

² *Girault R. Emprunts russes et investissements français en Russie. 1887—1914. P., 1973. P. 564.*

ды. Подавляющее большинство этих предприятий было создано иностранным капиталом — сначала английским, а затем французским и бельгийским. Первый шаг был сделан англичанином Джоном Юзом, основавшим Новороссийское общество каменноугольного и рельсового производства. Вскоре затем возникло Южно-Днепровское металлургическое общество, созданное бельгийской компанией Коккериль. За ним последовали Французское общество криворожских железных руд, Русско-бельгийское металлургическое общество и многие другие. Практически все исследователи начала XX века признают роль иностранных инвестиций в экономическом подъеме рубежа веков. «Тот чрезвычайно быстрый рост промышленности в России, какой происходил в конце XIX и в XX столетиях, — отмечает Вавилин, — в значительной мере обязан именно приливу капиталов из европейских стран»¹. Этот тезис повторяли экономисты как марксистского, так и либерального направления.

Меры Витте по укреплению рубля привлекли в Россию иностранный капитал в тот момент, когда на Западе развивался кризис перенакопления. Прибыли снижались, выгодных инвестиционных проектов не было. Как отмечает Туган-Барановский, в 90-е годы имело место «обилие свободных капиталов на западноевропейском рынке»². Кризис перенакопления особенно остро чувствовался в Британии и Франции. В 1895 году капитал, размещенный в Париже, давал 2,2%, в Лондоне — 2%, в Берлине — 3,15%. Спустя два года — в Париже 2%, в Лондоне — 2,78%, в Берлине — 3,84%³. В Германии, где индустриализация началась позднее, средний процент на капитал был выше. Однако в условиях острого франко-германского соперничества вкладывать деньги в развитие немецкой промышленности было для французских финансистов затруднительно. Русские предприятия, напротив, готовы были платить невообразимые прибыли, а крепкий рубль позволял успешно накапливать средства

---

¹ Вавилин И. Цит. соч. С. 23.

² Туган-Барановский М. Указ. соч. С. 274.

³ См. Вавилин И. Указ. соч. 51.

и вывозить их в любое удобное время. Особую роль в индустриализации России играл бельгийский капитал, выступавший, как правило, младшим партнером французского. Предпринимателям из этой маленькой страны принадлежала изрядная часть вновь создаваемых предприятий в самых разных отраслях. Доля бельгийского капитала на российском рынке была в определенные периоды почти равна французской, а по прямым инвестициям бельгийцы превосходили французов. Это объясняется тем, что в отличие от французских инвесторов, вносивших только свои финансовые средства, бельгийцы гораздо чаще приносили с собой и технологии. Обладая небольшой территорией, Бельгия была к началу XX века одной из наиболее промышленно развитых стран. Однако бельгийская промышленность быстро достигла естественных пределов роста в собственной стране, и капитал устремился к «новым рубежам», на востоке Европы.

Основные средства иностранных инвесторов размещались на юге России. Здесь создавались механические, сталелитейные, трубопрокатные заводы. «На зарубежных рынках акции этих заводов, приносивших огромные дивиденды, от которых давно отвыкли иностранные капиталисты, стояли так высоко, что достаточно было прибавить к названию фирмы слово «днепровский» или «донецкий», чтобы рассчитывать на легкий сбыт акций за границей», — писал Туган-Барановский¹.

Русские трубопрокатные заводы, находившиеся под немецким контролем, были объединены в синдикат, который вел острую борьбу с французскими и бельгийскими конкурентами. В свою очередь, франко-бельгийские капиталисты создавали синдикаты в каменноугольной промышленности юга России. До прихода иностранного капитала эта часть страны была почти не затронута индустриализацией. Но в 1895 году юг уже перегнал Урал, колыбель отечественной промышленности, а в 1900 году выплавлял чугуна больше, чем вся остальная империя вместе взятая. К 1909 году

---

¹ Туган-Барановский М. Указ. соч. С. 269.

70% общей выплавки чугуна в стране приходится на этот регион.

Из 18 промышленных акционерных обществ, развернувшихся здесь в эти годы, 12 были полностью иностранными, остальные 6 — смешанными. На иностранные предприятия приходится 67% здешнего чугуна, 58% готовых изделий¹. С помощью иностранных инвестиций строятся электростанции, машиностроительные, паровозостроительные и вагоностроительные заводы. Рассказывая о торговле русскими бумагами «в кулисах» парижской биржи, профессор Левин писал в 1918 году: «Не будет преувеличением сказать, что парижский *coulissier* создал нашу тяжелую индустрию»².

Господство иностранного капитала остро чувствовалось в «высоких технологиях» того времени — энергетике, электротехническом и химическом производстве. Здесь преобладали немецкие инвесторы. Исследователи признают, что в электротехнической промышленности России германский капитал занимал «почти монопольное положение»³. Из двух компаний, специализировавшихся на производстве резины, одна («Проводник») была французская, другая («Треугольник») немецкая. В табачной промышленности лидирующее положение занимала английская General Russian Tobacco Corp. Американские компании вложили средства в добычу золота, нефти, страховое дело. С 1900 по 1915 год их инвестиции увеличились почти в 15 раз — с 8 до 114 млн. рублей⁴.

Они также налаживают производство сельскохозяйственных машин. Как отмечает известный историк М.Я. Гефтер, обосновавшись в России, бизнесмены из США «стали

---

¹ См.: Вавилин И. Указ. соч. С. 59. Те же данные, с небольшими отличиями приводит и Донгаров: «На юге России не было почти ни одного предприятия, в котором бы не участвовал иностранный капитал. Из существовавших там 18 акционерных обществ акции 16 котируются на иностранных биржах» (Донгаров А. С. Указ. соч. С. 22).

² Левин И.И. Германские капиталы в России. Петроград, 1918. С. 56.

³ Донгаров А.Г. Указ. соч. С. 24.

⁴ Оль М.П.Л. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 1925. С. 15, 29.

самыми ревностными сторонниками введения покровительственных пошлин»¹.

Производство меди также все больше оказывалось в руках английского и французского капитала. В руках иностранцев было 90% производства платины. Иностранные вложения пришли также в угольную промышленность Донского бассейна, в добычу железной руды. В отличие от французского капитала, сосредоточившегося на юге, более консервативные английские инвесторы предпочитали вкладывать средства в уральскую металлургию. Но особое значение для русской промышленности, разумеется, имела шведская фирма «Нобель», наладившая массовую добычу нефти в Баку. «Товарищество братьев Нобель» было создано еще в 1879 году. «До образования этого первого товарищества с иностранными капиталами добыча нефти, производившаяся местными предпринимателями, хотя и возрастала, но велась технически очень несовершенными способами. «Т-во бр. Нобель» сразу же ставит свое предприятие на широкую ногу. Для правильной постановки производства Нобель не жалеет средств, вводя технические усовершенствования, учреждая специальные лаборатории, в корне преобразуются способы переработки нефти. Для доставки нефти с места добычи строится нефтепровод, строятся огромные резервуары для ее хранения. В речном и морском транспорте начинается применение наливных пароходов и барж, на железной дороге вводятся специально приспособленные для нефтяных грузов вагоны-цистерны, заводы соединяются с пристанями керосинопроводами»².

За Нобелями в Баку приходят другие западные инвесторы. Приток капиталов быстро превращает захолустный город в крупный промышленный и культурный центр империи. К концу столетия Россия по производству нефти обгоняет США.

Бакинская нефть все больше интересовала англичан. Британская империя в тот момент не имела достаточно раз-

¹ Исторические записки. 1950. № 35. С. 63.

² Вавилин И. Указ. соч. С. 65—66.

веданных запасов нефти на своей территории, а значение этого стратегического сырья стремительно росло. Понятно, что в преддверии конфликта с Германией контроль над бакинской нефтью становился важнейшим вопросом не только с экономической, но и с военно-политической точки зрения. В Баку приходит компания «Shell», создается специально для работы здесь «Russian General Oil Corp». Вместе с Нобелем она контролирует более половины добычи и 75% торговли русской нефтью. Только с 1910 по 1914 год британских капиталов вложено здесь на 134,6 млн. рублей, тогда как отечественных — всего на 9,58 млн. рублей (и это в период, когда национальный капитал находился на подъеме)¹. К этому времени «Russian General Oil Corp» уже обошла и «Shell», и Нобеля.

История грозненской нефти похожа на бакинскую. Первоначально ее разработку начали местные предприниматели, но очень быстро обнаружилось, что им не хватает ни капитала, ни технологий. Акционерное общество «И.А. Ахвердов и Ко», владевшее приисками, пыталось в 1894 году найти инвесторов в Британии. В свою очередь, англичане обратились к бельгийским и голландским банкам, в результате чего в Брюсселе год спустя было создано акционерное общество «Petroles de Grosnyi». В конечном счете, все дело перешло к бельгийцам. Аналогичной была и судьба других грозненских предприятий.

Иностранный капитал играл немалую роль даже в таком, казалось бы, внутреннем деле, как налаживание городского транспорта. В Москве действовало два общества конно-железных дорог (конок), предшественников современного трамвая. «Первое общество» находилось под русским контролем, а «Второе общество» было бельгийским. В 1891 году они заключили договор о совместной эксплуатации линий: «При этом техническое руководство обоими предприятиями осуществлялось на месте русским обществом, а финансовое — бельгийским, которое получило не-

---

¹ Вавилин И. Указ. соч. С. 67.

сколько мест в правлении первого»¹. Впоследствии переход от конки к трамваю в первопрестольной столице был осуществлен при содействии немецкого капитала.

Аналогичным было положение дел и в других городах. «Трамвай и конка — самое выгодное и самое прибыльное коммерческое предприятие. Вот почему иностранные капиталисты, как хищные вороны, стаями налетают на каждый город, где только поднимается вопрос об устройстве конки или трамвая...» — сетовал харьковский обыватель в 1908 году. Бельгийская трамвайная концессия, по его подсчетам, и в Харькове, и в Кременчуге, и в других местах обогатила иностранцев, «оставив город таким же грязным, темным и неблагоустроенным, каким он был раньше»².

Разоблачив своекорыстие иностранных инвесторов, вывозящих прибыль из страны, автор цитируемого памфлета призывал родной город начать строить и эксплуатировать трамвай, а доходы от него «тратить на свое благоустройство»³. Это самоочевидное решение, казалось ему, затруднено лишь недостатком предприимчивости и сообразительности сограждан, на каждом шагу упускающих очевидную выгоду. На самом деле, однако, неспособность русских предпринимателей и чиновников обойтись без помощи иностранцев имела куда более глубокие причины.

В отличие от харьковского обывателя, пытавшегося защищать родной город от бельгийских трамвайщиков, большинство экономистов того времени не видело никакой проблемы в притоке иностранных капиталов.

Среди чиновников порой бытовали и другие настроения. В частности, Министерство внутренних дел подготовило циркулярное письмо, где рекомендовало местным властям оставлять прибыльные транспортные предприятия в своей собственности, а для их развития использовать кредиты государственных банков⁴. Однако волновали чиновни-

---

¹ Монополии и иностранный капитал в России. М.-Л., 1962. С. 211.

² Высочин Д.И. Бельгийские кандалы. Харьков, 1908. С. 2, 187.

³ Там же. С. 188.

⁴ В упомянутой выше статье в. Красавина приводятся циркуляры, предлагающие городским думам создавать и эксплуатировать объекты

ков не перспективы экономического развития, а всего лишь пополнение бюджета. Стратегически «казна» выступала не альтернативой иностранному капиталу, а его партнером.

ИМПОРТИРОВАННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Когда Витте говорили о проблемах, которые могут быть связаны с притоком иностранного капитала, он просто отвечал, что бояться этого «значит не знать своей великой истории, не верить в себя и свои великие силы»¹. Ссылки на «великую историю» в России традиционно прикрывают отсутствие у правительства других аргументов. В таком же точно стиле рассуждали официальные экономисты и позднее. В 1990 году, когда привлечение иностранного капитала вновь было провозглашено государственной политикой, была опубликована брошюра А.Г. Донгарова «Иностранный капитал в России и СССР», призванная доказать, что воздействие западных предпринимателей на отечественную экономику было исключительно благотворным. «Именно Россия использовала заграничный капитал в интересах своего развития, а не он диктовал выгодные ему самому цели, например добычу сырья на вывоз»².

Между тем иностранный капитал искал в России рubeжа веков вовсе не сырья, которого было и в других местах достаточно, а прибылей, существенно превышающих европейские нормы. Это великолепно понимал М. Туган-Барановский. Известный экономист прекрасно отдавал себе отчет в том, что западный капитал, приходящий в Россию, стремится к «колониальным» сверхприбылям: «Тот рынок, которого Англия ищет за тысячи верст в отдаленных странах Африки или Азии, открывается для русского фабриканта в непосредственном соседстве, благодаря прове-

---

коммунального хозяйства самим. См.: Государственный Архив Пермской Области (ГАПО), ф.43-44, также ф.512.

¹ *Витте* С.Ю. Конспект лекций о государственном и народном хозяйстве. СПб., 1912. С. 142.

² *Донгаров* А.Г. Указ. соч. С. 36.

дению железнодорожной линии»¹. Движение капитала из «старых» буржуазных стран в «новые» — естественное явление, основа глобального прогресса и развития. Туган-Барановский прекрасно отдает себе отчет в том, откуда берутся чрезвычайно высокие прибыли на «новых» рынках: «Русский промышленный капитал питается не только соками эксплуатируемых им рабочих, но и соками других, не капиталистических производителей, прежде всего земледельца-крестьянина. Земледелец, который покупает плуг или косу по цене, вдвое высшей стоимости производства, еще больше участвует в создании высокой нормы прибыли Юзов, Коккерилей и прочих владельцев металлических заводов, чем их собственные рабочие. В этой возможности стричь овец, так сказать, вдвойне, жечь свечу с обоих концов, и заключается секрет привлекательности России для иностранных капиталистов». Следовательно, и рассуждения об узости внутреннего рынка в Российской империи не имеют никакого практического смысла. «Рынок для капиталистической промышленности складывается всего благоприятнее в таких странах, в которых, как в России, при обилии естественных богатств масса населения еще не порвала с прежними архаичными формами хозяйства»².

Разумеется, Туган-Барановский уверен, что с прогрессом капитализма это преимущество «не может не утратиться»³. Иными словами, сверхэксплуатация «туземного» населения, в конечном счете, приведет к развитию «нормального» капитализма, который устранил подобные диспропорции и создаст условия для более справедливого общества. Опыт «отдаленных стран Африки и Азии», однако, уже к началу XX века давал основания усомниться в справедливости подобного вывода. Вопреки представлениям либеральных экономистов, «развитие» далеко не обязательно вело к благосостоянию.

¹ Туган-Барановский М. Указ. соч. С. 291.

² Там же. С. 292—293.

³ Там же. С. 293.

Парадоксальным образом харьковский обыватель выявил суть вопроса лучше многих столичных профессоров. Проблема иностранных инвестиций в том, что за них нужно платить. Там, где есть ввоз капитала, должен быть и вывоз прибыли. Сверхприбыли, получаемые в России, обслуживали процесс накопления капитала во Франции и других западных странах. В условиях, когда дивиденды достигали 40% в России¹ при средней доходности капитала во Франции чуть более 2%, нетрудно догадаться, что параллельно индустриальному развитию происходило широкомасштабное перераспределение ресурсов от более бедной страны в пользу более богатой. В Париже того времени говорили, что Россия превращается «в Дикий Запад Франции», имея в виду, что для тамошнего капитала русские инвестиции открывают такие же безграничные возможности, как «золотая лихорадка» в Калифорнии — для Америки².

Тезис о сверхприбылях оспаривается Донгаровым, который приводит гораздо меньшие цифры. По подсчетам Донгарова, средняя норма прибыли на заграничный торгово-промышленный капитал «составляла в 1887—1913 гг. 12,9%»³. Легко заметить, однако, что приводимые Донгаровым данные — это что-то вроде «средней температуры больных по палате». Они включают в себя и период подъема 1888—1894 годов, и время индустриального бума 1895—1902 годов, когда прибыли достигли пика, и время кризиса 1903—1905 годов, когда прибыли резко снизились и западные инвестиции столь же резко сократились, и последующее восстановление экономики в 1906—1913 годах. В пиковые периоды, когда основная масса капитала прибывала в Россию, прибыль в 12—13% считалась скорее низкой, а во время индустриального спада наблюдался вывоз капитала из страны. Однако даже если бы иностранная прибыль в России не превышала 13%, это все равно были показатели для европейской промышленности чрезвычайные, превос-

¹ Туган-Барановский М. Указ. соч. С. 274—275.

² Girault R. Op.cit. P. 451

³ Донгаров А.Г. Указ. соч. С. 37.

ходившие французские показатели примерно в 6 раз. Каким образом достигались подобные результаты?

Описанная Туган-Барановским «двойная эксплуатация» производителя и потребителя, может быть, и делала ситуацию более «благоприятной» для иностранного предпринимателя, но не могла не сдерживать развитие внутреннего рынка со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как удавалось поддерживать завышенные цены на протяжении почти двух десятилетий при бурном росте промышленности? Страна развивалась, но внешнеполитическая и внутренняя социальная напряженность росли быстрее, чем национальная экономика. Вопреки мнению Туган-Барановского, главным источником сверхприбылей было не крестьянство, а правительство. Гигантские заимствования российского правительства на парижском и других финансовых рынках имели самое прямое отношение к прибылям западных предпринимателей. Государственный долг рос, поскольку нужно было оплачивать огромные правительственные заказы, привлекавшие иностранный капитал. Одновременно нужно было, не сокращая государственных заказов, поддерживать «крепкий рубль». Правительству приходилось усиливать финансовый пресс, заставляя население оплачивать развитие. Крестьянство действительно субсидировало строившуюся на западные деньги промышленность, но не столько при покупке товаров, сколько при оплате податей в казну. Поскольку этих денег все равно не хватало, нужны были новые кредиты. В итоге России приходилось расплачиваться дважды — выплачивая дивиденды иностранным инвесторам и погашая государственные долги, из которых были выплачены эти прибыли.

Еще современники заметили, что политика привлечения иностранного капитала, проводимая Витте, оборачивалась разорением деревни, которая, в конечном счете, должна была обеспечить средства и для выплаты международного долга, и для строительства железных дорог. Один из петербургских бюрократов ехидно заметил: «Министр финансов — лихой наездник, но конь не выкормлен и замучен — это просто крестьянская лошадка, правда, очень вы-

носливая, но как ее ни шпорить и ни гнать кнутом, быстроты кровной лошади она достигнуть не может»¹. Стремление «пришпорить» и «подогнать» крестьянскую лошадку породило напряженность, которая, постепенно накапливаясь, создавала предпосылки для социального взрыва. Экономические успехи 1895—1900 годов готовили политические потрясения 1905 года.

В России конца XIX — начала XX века был впервые опробован тот способ отношений «центра» и «периферии», который стал типичен для Латинской Америки лишь начиная с середины 70-х годов XX века. За кризисом перенакопления капитала в «центре» с неизбежностью наступал долговой кризис на «периферии». Вывоз капитала из России сопровождал каждый серьезный кризис на Западе начиная с 1847 года. Уже в 1861—1866 годах, по подсчетам Струмилина, золота из России вывезли не менее чем на 455 млн. рублей².

На рубеже XIX и XX веков эта проблема стала приобретать еще большие масштабы. По оценкам современных исследователей, в 1881—1913 годах «Россия выплатила процентов и погашения по государственным займам на сумму свыше 5 млрд. рублей, т.е. в 1,5 раза больше того, что получила. Фактически она не ввозила, а вывозила капиталы. Но в этом смысле Россия не отличалась от других стран, образовавших в конце XIX в. периферию мирового капитализма»³. Станным образом эта констатация успокаивает либеральных историков, для которых уже сам факт принадлежности страны к мировому капитализму является бесспорным достижением. К тому же доля заграничных платежей в расходной части бюджета к 1913 году несколько снизилась, а их общая сумма, достигнув пика в 1910 году, начала уменьшаться. Но это лишь отражало общую динамику мировых финансовых рынков, которые подвержены колебаниям. В периоды роста положение должников улучшается, создавая иллюзию «укрепления независимости», чтобы

---

¹ Монополии и иностранный капитал в России. С. 305.

² См.: Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 485.

³ Россия во внешнеэкономических отношениях. Уроки истории и современность. М., 1993. С. 11.

вновь ухудшиться с наступлением очередного кризиса. К тому же данные оценки относятся лишь к вывозу средств из страны по государственным каналам. Как говорилось выше, большая часть займов шла на оплату заказов, достававшихся западным инвесторам. Немалая часть прибылей реинвестировалась в России. «Западные инвестиции», таким образом, нередко имели вполне русское происхождение. Именно массовой репатриацией капиталов на фоне международного экономического спада объясняется то, что к концу кризисного периода русская промышленность стала выглядеть более «национальной»: отечественная буржуазия частично занимала место уходящих иностранных инвесторов. Однако с возобновлением роста соотношение сил между отечественными и иностранными собственниками вновь менялось в пользу последних.

Тем временем правительство, отчаянно стремившееся привлечь «иностраный капитал», все более запутывалось в долгах. Механизм финансовой эксплуатации страны постепенно набирал обороты. Несмотря на то, что рост национального промышленного предпринимательства был очевидным фактом, говорить о вытеснении им иностранных инвесторов не приходится. «История иностранных инвестиций... — отмечает советский исследователь, — есть история роста, а не убывания роли заграничного капитала в русском народном хозяйстве»¹.

Казалось бы, российская буржуазия росла вместе с промышленностью. И все же иностранные инвесторы без особых усилий закрепили за собой ключевые позиции в банковской сфере и серьезное влияние в производстве. Владея лишь третью активов русских банков и еще меньшей долей в промышленности, французские, бельгийские и германские группы, по утверждению Ронина, «сумели подчинить себе все хозяйство страны с царским правительством в придачу»².

---

¹ Эвентов Л.Я. Иностранные капиталы в русской промышленности. М.-Л., 1931. С. 19.

² Ронин С. Указ. соч. С. 17. Аналогичного мнения придерживается и М. Покровский, заявляющий, что, обладая свободными капиталами, за-

Если это и преувеличение, то не слишком сильное.

К началу 90-х годов крупнейшие российские банки продают значительную часть своего уставного фонда немецким, французским, реже английским партнерам. Иностранный капитал вкладывается, прежде всего, в самые крупные банки, тесно связанные с правительством. Наиболее влиятельные французские и русские банки создали так называемый Русский синдикат для финансирования промышленности в империи. Поскольку собственных средств у русских партнеров постоянно недоставало, они регулярно пользовались западным кредитом. Снабжая русские банки оборотными средствами, германские и французские финансисты играли все большую роль на местном рынке.

По подсчетам Ронина, «в руках иностранных держателей находилось в среднем около 40% акций 18 русских банков, основной капитал которых составлял около 75% капиталов всех действовавших в 1914 году 46 акционерных коммерческих банков»¹. Западные инвесторы начинали играть растущую роль и на провинциальных финансовых рынках. Французские банки содействовали эмиссии акций Купеческого банка в Ростове-на-Дону и Сибирского банка. В Русско-Азиатском банке французский капитал составлял около 60%². Французский капитал сыграл немалую роль и в Русско-Китайском банке, открытом в 1896 году в связи с постройкой Сибирской железной дороги (Транссиба). Тот же банк финансировал и строительство Китайско-Восточной железной дороги (Маньчжурской) (КВЖД). Господствующее положение французов в этих проектах вызвало беспокойство Витте, по инициативе которого Государственный банк приобрел значительную часть акций этого кредитного учреждения. Но и после вмешательства правительства французское влияние в предприятии оставалось весьма существенным.

падные банки были «командирами русских банков, а с ними и всей русской промышленности». Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России. С. 153).

¹ Ронин С. Указ. соч. С. 81.

² Там же. С. 73, 74, 67.

Немецкий капитал тоже участвовал в железнодорожных программах, но в куда меньших масштабах, нежели французский. Постепенно позиции немецких инвесторов в этой отрасли ослабевают, а на рынке железнодорожных облигаций начинает расти присутствие английского капитала.

Связь между русской промышленностью и парижской биржей стала на рубеже XIX—XX веков устойчивой и воспроизводящейся. Если среди стран, привлекавших английские инвестиции, Россия занимала лишь 10-е место, уступая в 1911 году Перу или Уругваю, то для французского капитала петербургская империя стала главным объектом экспансии. В 1897 году в Россию было вложено 6 млрд. франков, а в 1902 году, по разным оценкам — уже 9—10 млрд., что составляло почти половину всех французских капиталов, размещенных в Европе¹.

РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ

Каково бы ни было значение иностранных инвестиций, важнейшим источником средств для промышленности было само правительство, широко раздававшее заказы и кредиты. Именно государственные заказы сделали выгодными для французского и бельгийского капитала вложение средств в металлургию и металлообработку на юге России: «Заводы при самом своем возникновении запасаются казенными заказами на несколько лет», — констатирует Туган-Барановский². Эти заказы, в свою очередь, были обеспечены кредитами, взятыми на парижском и других финансовых рынках.

Многочисленные промышленные ведомства создавали собственные предприятия во всех сферах экономики. «Казенные» заводы давали значительную часть общего объема производства. Ни одно государство Европы в конце XIX — начале XX века не имело такого количества официальных

¹ См.: Вавилин И. Цит. соч. С. 13.

² Туган-Барановский М. Указ. соч. С. 270.

учреждений, регулировавших хозяйственную жизнь. Все-возможные комиссии, канцелярии, министерства, комитеты, палаты, советы и т.д. играли ключевую роль в решении буквально любых вопросов. В свою очередь, предприниматели и их организации тесно сотрудничали с этими ведомствами, участвовали в их работе. «Правительство является в России одним из главных потребителей, — констатировало Министерство торговли и промышленности в 1911 году, — и судьба многих отраслей промышленности находится у нас в значительной зависимости от казенных заказов. В таком положении находятся, помимо металлической промышленности, являющейся поставщиком казенных железных дорог, артиллерийского и морского ведомств, также, например, суконная, кожевенная и другие отрасли промышленности»¹.

Государственные железнодорожные программы играли решающую роль в формировании единого внутреннего рынка. До открытия Транссиба говорить о едином национальном рынке на всей территории империи можно было только условно. Экономическая связь между регионами поддерживалась в значительной мере благодаря функционированию государственной системы и разрушалась всякий раз, когда государство оказывалось в кризисе. Возникла парадоксальная ситуация, при которой буржуазия была скорее связана с мировым рынком и отечественным правительством, чем с единым внутренним рынком. Именно связь с административными структурами, а не работа на единый рынок объединяла российскую буржуазию на национальном уровне.

Однако правительство ни при Витте, ни позднее при Столыпине отнюдь не было силой, противостоявшей иностранному влиянию. Кто-то из современников бросил крылатую фразу про петербургские банки, «с виду русские, по средствам иностранные, по риску министерские»². На самом деле российских капиталов в них тоже было вложено немало. Но именно иностранные инвесторы занимали в финансовом секторе стратегическое положение. В свою очередь,

---

¹ Цит. по: *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг. Л., 1987. С. 249.

² *Ронин С.* Указ. соч. С. 104.

петербургская администрация принуждена была обслуживать интересы иностранных банков, игравших решающую роль в становлении «национальной» кредитной системы.

Огромные средства, выкачивавшиеся из русского народного хозяйства, оседали на счетах петербургского правительствa в Париже и Берлине. Затем часть этих же средств реинвестировалась в отечественную экономику, но уже в виде иностранных кредитов и вложений. Чем большей была зависимость Петербурга от западных финансовых рынков, тем более там покровительствовали западным инвесторам. Взяв на себя ответственность перед заграничными банками за благополучие их русских филиалов, подчеркивает Ронин, Министерство финансов должно было «во избежание упреков» постоянно заботиться об их интересах¹. Правительство регулярно вынуждено было вмешиваться в банковские дела, ограждая иностранных собственников от неприятностей, которые могли случиться с ними на местных финансовых рынках. Инвестиционный рейтинг страны следовало поддерживать. Увы, эти интервенции истощали казну, способствовали росту внутреннего долга, что, в свою очередь, увеличивало потребность в международных займах. Подобная система, по признанию современников, неизбежно требовала «предупредительности и стоворчивости на почве внешней политики»². Какова была цена этой предупредительности, в полной мере стало ясно лишь в 1914 году.

Движимое патриотическими эмоциями, российское правительство старалось всячески приуменьшить значение иностранных инвестиций. К чему приводила такая патриотическая статистика, можно судить по одному примеру. По отчету за 1898 год всего иностранных предприятий открыто в стране было 24, тогда как одни лишь бельгийцы объявили о 35 предприятиях, учрежденных ими в этом году в России. «Можно думать, — иронизировал современник, — что иностранцам ближе знать, в какие предприятия они поместили свои сбережения, и что им принадлежит»³.

---

¹ Ронин С. Указ. соч. С. 93.

² Биржевые известия. 1907. № 222.

³ Воронов Л. Иностранные капиталы в России. М., 1901. С. 24.

КРИЗИС 1899—1900 ГОДОВ

Вся эта благодать могла продолжаться лишь до тех пор, пока крепкий рубль и высокие хлебные цены продолжали накачивать капитал в Россию, а протекционистский тариф поддерживал рост промышленности. Очередной спад мировой экономики оказался для этой модели фатальным. При этом на сей раз Петербургская империя оказалась не только жертвой глобальных неурядиц, но и одним из их источников. Как отмечали современники, международный промышленный кризис 1899—1900 годов начался именно с «перегрева» экономики России и лишь затем «мало-помалу распространился по всей Европе»¹. Завершение крупных железнодорожных проектов в Сибири и на Дальнем Востоке означало резкое сокращение заказов для металлургии, за чем по цепочке последовало сокращение спроса в других отраслях. Это ударило по западным инвесторам, которые, в свою очередь, начали сворачивать свою деятельность в России. Все это не могло не отразиться на Парижской бирже.

Перерастая в мировой кризис, промышленный спад обрушил международные цены на сырье. А как только пошатнулись хлебные цены на мировом рынке, вздрогнуло и здание петербургской государственности.

Уже в 1898—1899 годах в России остро ощущался «перегрев» экономики. Для поддержания роста не хватало средств, которые заимствовались на французском финансовом рынке. Петербургское правительство пыталось получить деньги в Англии и в Соединенных Штатах, но без большого успеха. В Лондоне все еще смотрели на Россию как на державу, угрожающую интересам Британской империи в Азии. На Берлинской бирже большого количества свободных денег просто не было. К тому же момент был выбран крайне неудачно. В 1898 году на европейском денежном рынке чувствуются первые признаки надвигающегося

---

¹ Лескор Ж. Общие и периодические промышленные кризисы. Спб., 1908. С. 248.

кризиса. Кредит дорожает. В 1899 году ситуация становится еще хуже.

В 1900 году иностранные владельцы русских ценных бумаг перед лицом финансового кризиса начали их сбрасывать. Только французами было продано бумаг примерно на 100 млн. рублей и примерно на такую же сумму вывезено из России золота¹. Чтобы сдержать бегство капитала, Витте вынужден был вводить все новые льготы для иностранных владельцев русской ренты.

Это обернулось новыми неприятностями. Когда в 1901 году петербургское правительство решило разместить в Париже новый 4-процентный заем, оно натолкнулось на откровенное политическое давление. Французские власти требовали уступок, прежде всего, в экономической области. Средства, взятые в кредит в Париже, должны были хотя бы частично идти на заказы французским заводам или компаниям, принадлежавшим французскому капиталу. Формально на эти требования в Петербурге ответили отказом, но по факту выполнили. Иностранные предприятия, оказавшиеся в трудном положении из-за разворачивавшегося в стране промышленного кризиса, стали получать новые заказы. Однако этого было уже недостаточно. Требования французов становились все более жесткими. Витте оправдывался, напоминая своим партнерам, что в соответствии с правилами либеральной экономики «всякий промышленник, затевающий дело, может выигрывать или терять»². Увы, западные государственные деятели, которые охотно проповедуют либерализм доверчивым туземцам, неизменно остаются глухи к подобным призывам, обращенным к ним самим. Зависимость Петербурга от Парижа была уже столь велика, что в каждом конкретном случае Витте вынужден был уступать. Сообщая в Париж об очередной уступке, Витте утешал себя тем, что напоминал французскому министру финансов Ж. Кайо: принятое решение «не сообразуется со

---

¹ См.: *Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1879—1914.* Л., 1970. С. 51.

² Там же. С. 57.

здоровыми принципами банковской политики, которые я должен отстаивать». Делается же это «исключительно ради того, чтобы доставить удовольствие Вам, мой дорогой коллега, и французскому правительству»¹.

НАДВИГАЕТСЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Исходной точкой революции 1905 года было поражение петербургской империи в русско-японской войне. Но сам этот конфликт имел глубокие причины, коренившиеся в назревавшем кризисе мировой системы и в той противоречивой роли, которую в этой системе играла Россия.

По мнению Покровского, эта война была «форпостной стычкой» англо-американского и германского империализма. «Интересы собственно русского империализма имели во всем этом второстепенное значение — как второстепенную роль играли они даже и в конфликте 1914 года. Поскольку же русский капитализм был здесь активен, это был старый торговый капитализм, а не новый финансовый или хотя бы промышленный»².

Соперничество Германии с Англией действительно проявлялось задолго до Первой мировой войны в самых неожиданных местах и в самой необычной форме. Англо-бурская война была первой стычкой между германскими и британскими интересами. Поведение буров, проявивших неожиданную жесткость в споре с могущественной Британской империей и фактически первыми начавших войну, невозможно объяснить, если не учесть значения немецкой военной помощи и дипломатических обещаний, полученных ими в Берлине. Стратегия буров строилась на ожидании большой войны в Европе, которая вот-вот начнется, и, несомненно, отвлечет силы Англии. Однако в тот момент Германская империя к прямой войне была не готова. Когда это стало окончательно ясно даже самым радикальным бурским

---

¹ *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал. С. 59.

² *Покровский М.* Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 5.

военачальникам, они не только пошли на мир с Лондоном, но и сделали последовательными защитниками интересов Британской империи в Африке.

Война России и Японии развернулась на фоне мирового экономического кризиса, толчком к которому послужило завершение русского железнодорожного строительства на Дальнем Востоке. Британская империя явственно стояла за спиной Японии, которая с ее помощью сумела не только построить превосходный флот, но и обучить его кадры. Берлин, напротив, всячески подталкивал Петербург к конфликту.

И все же рассматривать русско-японское столкновение просто как проявление англо-германского соперничества было бы большим упрощением. Показательно, что тот же Покровский в другом месте дает куда более детальное объяснение причин конфликта. Двойственное положение России как полупериферии или, точнее, периферийной империи особенно явственно проявлялось именно в сфере колониальной политики. С одной стороны, ее собственное экономическое развитие зависело от процессов, происходивших на Западе. А с другой стороны, будучи империей, достаточно сильной, по крайней мере, в военном отношении, петербургское государство само участвует в колониальной экспансии Европы. Здесь российский капитал одновременно отстаивает собственные интересы и выступает проводником западного влияния, способствуя втягиванию все новых территорий в мировую систему. Тем самым он и обслуживает интересы формирующегося глобального «центра», и соперничает с ним.

Именно эта двойственность и противоречивость объясняет проблемы российской колониальной политики, которая была вполне успешна лишь там, где не наталкивалась на серьезное сопротивление иных держав. В Средней Азии, Китае, Корее, Монголии и Персии русская экспансия развивается вместе с расширением других империй, с которыми Петербург то соперничает, то сотрудничает.

Начиная с 70-х годов XX века лихорадочная «гонка за воеваний» разворачивается на фоне застоя на европейском и североамериканском рынках. Импульс, данный мировой

экономике индустриальной революцией, в значительной мере исчерпан. Развитие технологий становится эволюционным, а следовательно, уже не появляются качественно новые продукты и новые рынки. Рост капитализма зависит теперь от расширения границ империй. И Россия участвует в этом процессе наряду с Британией, Францией, Бельгией и Германией, играя в нем подчиненную роль, но ревностно оберегая собственные интересы. В «Большой игре» русским пришлось, в конечном счете, отказаться от продвижения в Афганистан, но и Британская империя отныне должна была считаться с присутствием новой военной силы у самых границ Индии. В Персии, соперничая с британцами, российское правительство пыталось делать то же, что и они. Однако ресурсы были неравны. Как отмечает советский историк, «упорно следуя политике «капиталистического завоевания» Персии, русское самодержавие довело ее до самого абсурдного предела»¹. Вместо того чтобы извлекать выгоду из своей экспансии, Петербург вынужден был тратить все больше средств при минимальной отдаче. Соперничество с Англией оказалось совершенно бесперспективным. Положение дел спасло англо-русское соглашение 1907 года о разделе сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете.

Точно так же и на Дальнем Востоке российская экспансия, поддерживаемая железнодорожными проектами и французскими инвестициями, в начале XX века начала захлебываться, натолкнувшись на сопротивление Японии, за спиной которой стояла могущественная Британия. Открытие Транссиба открывало возможность полномасштабного включения Сибири в систему мирового рынка. Но теперь как никогда нужны были незамерзающие гавани на Дальнем Востоке. Япония оказывалась врагом России не потому, что соперничала с нею в колониальном «освоении» Кореи и Китая, а потому, что этим соперничеством затрудняла доступ сибирского зерна и других ресурсов на мировой рынок, по выражению Покровского, «стояла на дороге»².

---

¹ Монополии и иностранный капитал в России. С. 308.

² Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 107.

В то же время ситуация в самой России становилась все более напряженной из-за вышедших на поверхность в условиях кризиса противоречий политики Витте. Нужна была маленькая победоносная война, чтобы снять внутреннее напряжение.

Завершение строительства Транссиба совпало с низшей точкой падения мировых хлебных цен. Затем ситуация меняется к лучшему. «Характерно, — пишет Покровский, — что Сибирь как колония начинает интересовать русское правительство и русский капитализм как раз в период наиболее низкого состояния хлебных цен, когда России было чрезвычайно важно во что бы то ни стало увеличить количество сырья, которое она выбрасывала на хлебный рынок, потому что это сырье стоило все дешевле, и нужно было найти новые районы добычи этого сырья...»¹

БУРЯ 1905 ГОДА

Если отставание России от «старых» империй — Англии и Франции — воспринималось царским режимом как нечто нормальное и неисправимое, то стремительный подъем Японии означал крах всех надежд на более весомую роль Российской империи в мире, свидетельствовал о явной неудаче избранного пути модернизации. Противник был совершенно ясен, но средств для победы уже не было. Гибель русского флота в Цусимском сражении была предопределена не талантом японского адмирала Того или некомпетентностью его русского противника адмирала Рожественского, а принципиально различным уровнем военной техники. В то время как весь японский флот состоял из судов одного поколения, русская эскадра наряду с тремя самыми современными на тот момент броненосцами включала устаревшие корабли, неспособные серьезно противостоять японцам. Новейшие дредноуты не могли использовать своих преимуществ, не могли развить максимальную скорость и эффективно маневрировать, находясь во главе флотилии

---

¹ Покровский М. Очерки по истории... С. 106.

тихоходных старых судов. Кроме того, как выяснилось, судовая артиллерия была снабжена никуда не годными снарядами, которые не могли нанести японцам серьезного ущерба. Снова в точности повторилось то же, что и в битве при Альме: русская эскадра была расстреляна противником с безопасного расстояния, как мишени на учениях.

Цусима оказалась как бы символом несостоятельности всего избранного пути модернизации. Быстрое развитие в отдельных отраслях, создание современных предприятий сами по себе не могли компенсировать общей отсталости. Более того, в конечном счете, именно этот балласт отсталости «топил» передовые элементы экономики. Если западные общества развивались более или менее равномерно, «на одной скорости», то в России каждая попытка ускорить «движение по пути прогресса» лишь увеличивала диспропорции и усложняла проблемы. Старое не мешало возникновению нового, но оно диктовало ему свою логику, свои правила игры. Современные социальные слои и структуры были привязаны к системе архаичных общественных отношений и не могли полностью раскрыть своих возможностей. Все русское общество к началу XX века уподобилось злополучной эскадре адмирала Рожественского.

Страна стояла на пороге революции. Разрешить накопившиеся противоречия без радикальных общественно-политических преобразований было невозможно, а модернизация экономики, начатая, но не завершенная в годы крестьянской реформы, оставалась в повестке дня. О надвигающейся революции говорили не только радикалы, но и либералы. К этой угрозе относилось совершенно серьезно и чиновничество. Поразительно, однако, что большинство будущих участников этой исторической драмы смутно представляли себе характер грядущей революции.

Либеральная общественность мечтала об успешной «европеизации» государства, ликвидации царизма и введении на Руси «нормальных» капиталистических порядков. В данном случае, как ни парадоксально, русские либералы, по традиции отнюдь не враждебные социализму, ссылались на Карла Маркса, видя в марксизме доказательство неизбежности повсеместного торжества капитализма над пат-

риархальными и феодальными структурами. Если все страны должны пройти через капитализм, отсталой России как раз предстоит повторить западный путь и догнать передовые страны Европы. Революция же необходима как раз для того, чтобы, ликвидировав «пережитки крепостничества», дать начало новой либерально-буржуазной России. Неясным оставалось лишь одно: какие общественные силы осуществят этот спасительный поворот?

Реальная русская буржуазия не проявляла особых признаков революционности. Крупные капиталисты Петербурга были тесно связаны с центральной бюрократией, государство было их крупнейшим заказчиком и деловым партнером. Московские предприниматели, владельцы текстильных фабрик оказались настроены радикальнее — они были заинтересованы в расширении внутреннего рынка, а это подразумевало и рост покупательной способности крестьянства, главного потребителя их товаров. Реформы, меняющие положение крестьян к лучшему, оказывались для этих предпринимателей необходимыми. Но и эта, более левая фракция буржуазии была настроена отнюдь не революционно. Провинциальные же капиталисты по своей дикости и реакционности зачастую превосходили даже местных помещиков и чиновников. Наконец, все фракции буржуазии начинали чувствовать угрозу со стороны растущего рабочего класса, а следовательно, нуждались в защите со стороны государства.

В отличие от Англии и Франции, где в эпохи великих революций буржуазия оказывалась во главе широкого народного движения, русские капиталисты все больше осознавали различие между своими интересами и интересами масс.

Российский предприниматель зависел от иностранного кредита, гарантированного правительством, следовательно, и от политической стабильности. Совершенно естественно, что он был консервативен. Политическая позиция русской буржуазии конца XIX века оказалась «диаметрально противоположной классическим образцам западной истории»¹.

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С. 376.

Мелкая и средняя буржуазия, живущая внутренним рынком, была слаба, провинциальна, малограмотна, а крупная оказалась зависимой от иностранного капитала и «прикрепленной к помещику»¹.

Любой политический кризис в подобных условиях непосредственно ударял по интересам предпринимателей. Срачивание буржуазных и помещичьих интересов происходило, таким образом, на самых разных уровнях. Деньги, полученные благодаря полукрепостнической эксплуатации крестьянства, поступали в банки и использовались для финансирования частной промышленности. Именно помещичье хозяйство было главным партнером городского капитала в деревне. Если на Западе уничтожение феодальной эксплуатации в деревне предшествовало индустриализации, то в России, напротив, индустриализация осуществлялась в значительной степени за счет средств, полученных из патриархальных и полукрепостнических методов эксплуатации труда в деревне.

В Англии срачивание аристократии и буржуазии происходило по мере закрепления итогов революции, в России же то же самое происходило до и «вместо» буржуазной революции. Капитализм и бюрократическое, полукрепостническое самодержавие в России оказались своего рода «сиамскими близнецами». Самодержавие со свойственной ему бюрократической неэффективностью, разумеется, оказывалось тормозом для развития страны, точнее, для развития «современных», «передовых» форм капитализма, но буржуазия не могла без него обойтись. Она была столь тесно связана с патриархальными укладами и с авторитарным государством, что крушение самодержавного режима означало для нее неизбежную катастрофу.

Лидеры английской промышленности могли позволить себе известный демократизм. Русский предприниматель нуждался в жестком государстве. Там, где западная буржуазия легко шла на компромисс, у российской не было иного выхода, кроме как апеллировать к правительству.

---

¹ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С. 377.

Еще Чаадаев заметил: «Русский либерал — бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это — солнце Запада»¹. Эта «трусость» российского либерализма, неспособность буржуазных «прогрессистов» противостоять правительственной политике, постоянно подчеркивались всеми социалистическими публицистами, включая не только Ленина или Плеханова, но и людей гораздо более умеренных взглядов. «Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия»² — эти слова, первоначально брошенные Энгельсом, в России повторил не кто-нибудь, а молодой Петр Струве, впоследствии ставший ведущим идеологом контрреволюции и деятелем белого движения. У Покровского данная формулировка вызывает иронию: «Что же, эта все увеличивающаяся подлость восточной буржуазии есть ее мистическое, таинственное какое-то свойство, что ли?»³

Тот факт, что многие либеральные политики, включая того же Струве, регулярно пересматривали свои взгляды, сдвигаясь все дальше вправо, разумеется, неслучаен. Беспомощность либерализма в России была предопределена органической несамостоятельностью и неполноценностью самой русской буржуазии. Описывая русских купцов конца XVIII века, постоянно прибегавших к помощи государства, не знавших свободной конкуренции и не желавших участвовать в ней, эксплуатировавших крепостной труд, современный исследователь замечает, что эти люди еще «не поднялись до уровня буржуазной нравственности»⁴. К началу XX века картина мало изменилась. Историки вынуждены констатировать, что облик российского промышленника, «защищенного от конкуренции протекционистской системой, использовавшего самые грубые формы эксплуа-

---

¹ Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. Т. 1. С. 469.

² Первый съезд РСДРП. Документы и материалы. М., 1958; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, М., 1983. Т. 1. С. 16.

³ Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 113.

⁴ Аксенов А. Указ. соч. С. 143.

тации, без конца попрошайничающего о льготах и политически сросшегося с царизмом, — действительно не был привлекательным»¹.

В 1903—1905 годах буржуазия, по выражению Покровского, «играла на повышение революции»². Национальный промышленный капитал вынужден был выступить против самодержавия, но не мог ни быть в этой борьбе последовательным, ни вести ее до победы. Во время октябрьской политической стачки 1905 года многие фабриканты продолжали платить бастующим рабочим. Ограниченные свободы, предоставленные стране царским октябрьским манифестом под давлением рабочих, невозможно было даже считать началом конституционной монархии в России — борьба за демократию явно была далека от завершения. Однако революционные события очень быстро изменили настроения буржуазии.

«Отсталость» России вовсе не означала, будто по воле «прогрессивных сил» страна сможет в ускоренном темпе пройти все те же этапы, по которым уже прошла западная цивилизация. Там, где французские буржуа в XVIII веке видели лишь поддержку снизу, русские предприниматели уже не могли не видеть угрозу.

Не только пролетариат, но и крестьянство оказывалось силой в значительной мере антикапиталистической. Современный город противостоял патриархальной деревне, богатые — бедным, частная собственность в любых формах — общинной традиции. В книге «Развитие капитализма в России» молодой Ленин, полемизируя с народниками, верившими в особую судьбу страны, стремился доказать, что мелкие крестьянские хозяйства понемногу становятся частью капиталистической экономики, а фермерское предпринимательство зарождается в недрах русской деревни. Книга Ленина, прошедшая через царскую цензуру, вызвала горячее одобрение либеральной интеллигенции: в ней западники находили именно ту картину русской деревни, которую

---

¹ Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 257.

² Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России. С. 111.

им хотелось видеть. Но спор был далеко не закончен. Если для Ленина любое товарное производство, любое соприкосновение с рынком было признаком капиталистического развития, то Чаянов признавал, что вынужденное соприкосновение с городским капитализмом еще не делает крестьянина фермером¹. Речь идет скорее о разрушении крестьянского хозяйства под влиянием новых рыночных отношений, нежели об успешном буржуазном преобразовании деревни.

Разумеется, в случае всеобщего и полного торжества капитализма в городе капиталистические отношения рано или поздно восторжествовали бы и в деревне. Но, в свою очередь, именно отсутствие развитого сельского капитализма в России исключало возможность успешного развития буржуазных отношений «европейского типа» в городе. Подавляющая масса крестьянства не ощущала никакой связи с «передовой буржуазией». Третьего сословия в западном смысле попросту не было.

Если «третьего сословия», объединяющего буржуазию с массой «простого народа», в России не существовало, то, напротив, с рабочими крестьянство было связано очень тесно, причем объединяла их не столько враждебность к самодержавному государству, сколько общая неприязнь к «городским богачам».

Уже в 1905 году, писал Покровский, деревня взяла верх над городом, «навязав городской революции деревенские идеалы»². Накопившийся в течение десятилетий заряд ненависти был симптомом не столько надвигающейся революции, сколько неизбежной социальной катастрофы. Даже если буржуазия и не признавала этого до конца, она не могла не чувствовать угрозы. Если какие-то иллюзии относительно возможности народного буржуазно-демократического блока еще могли существовать у либеральных политиков до 1905 года, то события первой русской революции все окончательно прояснили. Под влиянием «практическо-

---

¹ Неудивительно, что именно приобретя практический опыт управления в патриархально-крестьянской стране, к концу жизни Ленин проникся интересом к Чаянову и начал тщательно изучать его работы.

² Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 4. С. 403.

го опыта» революционных потрясений буржуазия стремительно поворачивала вправо, и относится это не только к либеральным интеллектуалам, которые, как выразился бывший легальный марксист Сергей Булгаков, почувствовали «веяние антихристового духа»¹. Крупный российский капитал никогда не испытывал особого интереса к демократическим преобразованиям, а после октября 1905 года начал остывать и к идее конституционной реформы.

В сборнике «Вехи», выпущенном Петром Струве, Сергеем Булгаковым и другими известнейшими и талантливейшими публицистами либерального направления сразу после революции, поворот вправо был заявлен открыто: лучше компромисс с самодержавием, нежели неконтролируемый социальный взрыв.

Чем острее чувствовалась необходимость радикальных перемен, тем более контрреволюционной становилась буржуазия. Для марксистских мыслителей, воспитанных по учебникам германской социал-демократии, подобное положение дел оказалось совершенно неожиданным.

Анализируя русский опыт 1905 года, Макс Вебер пришел к пессимистическому заключению, что капиталистическое развитие само по себе не только не порождает автоматически буржуазной демократии, но, напротив, препятствует ее возникновению. Политическая свобода на Западе возникла «при уникальных обстоятельствах» — Великие географические открытия, становление городской культуры позднего Средневековья, Реформация и т.д. Все эти условия уже никогда не повторятся, а капитализм сформировал совершенно иные, новые общественные условия. «Было бы совершенно смехотворно надеяться, что нынешний капитализм (этот неизбежный итог хозяйственного развития), каким он импортирован в Россию и установился в Америке, как-то сочетается с «демократией» или даже со свободой (в любом смысле этого слова). Вопрос стоит совершенно иначе: каковы в этих условиях шансы на выживание «демократии», «свободы» и пр. в долгосрочной перспективе?

---

¹ Булгаков С. Агония. Париж, 1946. С. 76.

Они смогут выжить лишь в том случае, если нация проявит решительную ВОЛЮ в своем нежелании быть стадом баранов». В конечном счете, по Веберу, судьба демократии зависит именно от политической культуры и решимости «носителей свободы в России, независимо от того, какого они «направления» и к какому принадлежат «классу»¹.

Нельзя не заметить, что в своей постановке вопроса Вебер гораздо диалектичнее и ближе к Марксу, нежели теоретики «ортодоксального» марксизма. Но вряд ли практические политики, создававшие в России рабочую партию, могли бы удовлетвориться общим пессимистическим выводом немецкого социолога.

Первоначально русский марксизм в оценках будущего страны мало отличался от либерализма. Неслучайно все ведущие теоретики либерального прогрессизма прошли в России через увлечение Марксом, а социал-демократы — через сотрудничество с либералами. «Легальный марксизм» начала века был общей для тех и других идеологией модернизации. Основоположник российской социал-демократии Г.В. Плеханов отводил рабочему движению роль радикального левого крыла в буржуазно-демократической революции, тогда как основную работу по переустройству русского общества предстояло выполнить буржуазии.

Более радикальные социалисты подчеркивали противоречия между «фракциями» буржуазии, призывая пролетариат сохранять собственную самостоятельную организацию и сотрудничать только с «прогрессивным» крылом капиталистического класса. Проблема состояла в том, чтобы обнаружить это «прогрессивное» крыло.

Преимущество Ленина над его товарищами по российской социал-демократии состояло именно в том, что он решился выйти за пределы схем «ортодоксального» марксизма, которые он сам же рьяно отстаивал в начале своей политической карьеры. Непригодность этих схем стала ясна для него еще в начале революции 1905 года. Коль скоро страна испытывает потребность в буржуазно-демократических

---

¹ Weber M. Politische Schriften. По-русски: Синтаксис. Париж, 1988. № 22. С. 94, 93, 96.

преобразованиях, но прогрессивная буржуазия в ней фактически отсутствует, роль ведущей революционной силы должен взять на себя пролетариат. Порожденный капиталистическим развитием и современной индустрией, лишенный элементарных гражданских прав, испытывающий гнет и со стороны предпринимателей, и со стороны самодержавного государства, русский рабочий класс оказывался более других классов заинтересован в МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА. Так возникает знаменитый ленинский тезис о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции.

И все же один из важнейших вопросов оставался у Ленина без ответа. Если рабочий класс реально заинтересован в модернизации, то это еще не означает, что он будет бороться именно за буржуазно-демократическую перспективу. Совершенно непонятно, почему пролетариат, взяв в руки реальную власть, должен будет создавать буржуазно-демократический режим, а не какой-то другой, соответствующий его собственным представлениям о свободе и справедливости. В 1905 году Ленин еще не представляет себе иной модернизации, кроме капиталистической. Но вопрос уже стоит во всей своей трагической остроте.

Более радикальных взглядов придерживался Троцкий. Фактически, формулируя теорию перманентной революции, он начинает с того, на чем остановился Ленин. Захватывая власть в процессе буржуазно-демократической революции, пролетариат, по мнению Троцкого, неизбежно выйдет за рамки капиталистической модернизации и начнет осуществлять собственную программу, отвечающую его идеологии и интересам. Отдавая себе отчет в том, насколько отсталым и неподготовленным для социализма является русское общество, Троцкий призывает решать эту проблему в ходе ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Социалистические преобразования в России оказываются толчком для трудящихся Запада, и именно торжество социализма в развитых европейских странах придаст, по мнению Троцкого, окончательную социалистическую форму российской рабочей республике. Как это все произойдет на практике, ему не вполне ясно, но ведь даже Каут-

ский в начале века писал о том, что революции на востоке Европы могут послужить детонатором для преобразований на Западе. В конце концов, революционный взрыв в такой огромной стране, как Россия, не мог пройти бесследно для остального мира, и рассуждения Троцкого отнюдь не были беспочвенны. Просто реальный исторический процесс оказался сложнее, «коварнее» и трагичнее, чем ожидали даже самые проникательные теоретики.

ЭПОХА РЕАКЦИИ И РЕФОРМ: ПРАВИТЕЛЬСТВО СТОЛЫПИНА

Революция 1905 года потрясла режим, но не свалила его. К удивлению многих, царизм довольно быстро пошел на уступки. Массовая политическая забастовка в октябре завершилась царским Манифестом, «даровавшим» населению свободу слова и печати, легализовавшим оппозиционные партии. Режим маневрировал, пытаясь не только сбить накал революционной борьбы, но и приспособиться хоть как-то к новым потребностям капиталистического развития.

Петербургская бюрократия дала стране целый ряд умных и образованных администраторов, в той или иной мере сознававших неизбежность модернизации. Наиболее выдающимися фигурами этой эпохи были два руководителя российского правительства, занимавшие этот пост в годы революции и последовавшей за ней реакции — Витте и Столыпин.

Внутри бюрократии Витте и Столыпин — почти антиподы. Первый подготовил «Октябрьский манифест», создав в России Государственную думу — урезанную и слабую, но все же реально действующую структуру представительной власти. Второй, ограничив и без того слабое влияние Думы, провел в стране аграрную реформу. Первый делал ставку на политическую либерализацию как необходимое условие для преодоления отсталости, другой пытался экономическими реформами заменить политические преобразования. Оба были сторонниками ограниченного либерализма, но, по сути дела, их стратегии были принципиально различными. Один помогал режиму приспособиться к револю-

ционному кризису, другой репрессивными мерами разгромил революционное движение. Но оба они сумели провести свои реформы лишь благодаря напору революционных сил. Оба пытались обеспечить продолжение модернизации в рамках старого режима, оба сделали все возможное, чтобы с помощью реформ остановить революцию.

Сопоставляя динамику мировых хлебных цен и перипетии российской общественной жизни XIX века, Покровский обнаружил очевидную взаимозависимость. Стоило пойти вверх хлебным ценам на берлинской и лондонской бирже, как российскими элитами овладевало стремление к либеральным и реформаторским начинаниям. Но когда цены на зерно падали, вместе с ними убывало и стремление правящих кругов к переменам. Периоды депрессии цен неизменно совпадают со временами реакции.

В этом смысле столыпинские реформы были кульминацией «зерновых» циклов русской общественной жизни. Правительство предпринимало решительные шаги для того, чтобы ускорить развитие и осуществить модернизацию страны по западному образцу. Но, в отличие от прежних реформаторских периодов, время Столыпина соединило либеральные начинания в экономической области с последовательной реакцией в сфере политики. Закономерность и необходимость этого понимали уже современники. Если политики из Партии народной свободы (кадеты) по инерции сетовали на антидемократизм власти, то наиболее глубокие мыслители русского либерализма, объединившиеся в сборнике «Вехи», уже видели в правительственной реакции необходимое условие развития. Ибо любая демократия в России неизбежно оборачивалась восстанием антибуржуазных масс. Русский либерализм прошел полный цикл, достигнув своеобразной кульминации в столыпинской программе.

По оценке Покровского, столыпинская реформа была «компромиссом, настоящим соглашением между промышленным и торговым капиталом»¹. И в этом смысле она также подводила итоги революции.

---

¹ Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 117.

Реформа, проводившаяся на фоне жестоких политических репрессий, призвана была создать в России независимое состоятельное крестьянство, способное стать подлинным проводником капиталистического развития в деревне. Как отмечал сам Столыпин, «на правительстве, решившем не допускать даже попыток крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам законный выход в их нужде»¹. Предоставив им право выхода из общины, поощряя переселение на свободные земли, Столыпин отчаянно пытался превратить сельского «кулака» в самостоятельного и современного хозяина, в некое подобие западного фермера. Ленин определил столыпинскую реформу как «последний клапан, который можно было открыть, не экспроприируя помещичьего землевладения»². Ничего хорошего из этого не выйдет, поскольку «шаг к новому сделан сохранившим свое всевластие старым», и в итоге получается «ведение буржуазной аграрной политики старыми крепостниками при полном сохранении их земли и их власти»³.

Формально это определение было совершенно верно. Но суть столыпинских реформ была не только в этом. Фактически власть вынуждена была констатировать, что капиталистическое преобразование помещичьих хозяйств за 50 лет, прошедших со времени отмены крепостного права, так и не состоялось, что «прусский путь» не получился, что в русской деревне нет собственных буржуазных сил и их предстоит создавать искусственно.

Столыпин пытался изменить социальные отношения в деревне, отменив насильственное прикрепление крестьянина к общине, тем самым, по его собственному выражению, устранить «закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда»⁴. Внутреннее противоречие реформы состояло, однако, в том, что,

---

¹ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. М., 1991. С. 52.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 18.

³ Там же. С. 20, 21.

⁴ Столыпин П.А. Указ. соч. С. 52.

разрушая общину, правительство способствовало не только обуржуазиванию одной части сельского населения, но и пролетаризации другой. Как и следовало ожидать, в отсталой стране пролетаризация стала происходить гораздо быстрее, нежели формирование новой буржуазии. В этом отношении столыпинская реформа не только не решала проблем режима, но и готовила новый, еще более мощный, социальный взрыв, который и произошел в 1917 году.

Несмотря на рост промышленности, численность свободных рабочих рук возрастала быстрее, чем способность городского и сельского капитала дать людям целесообразную и продуктивную работу. Промышленный пролетариат рос. Но, как отмечает Покровский, число безземельных крестьян тоже росло «как снежный ком». К началу 1915 года, когда реформа под влиянием начавшейся войны окончательно захлебнулась, свои наделы продало 30% вышедших из общины мужиков¹. Иными словами, вместо того, чтобы стать фермерами западного типа, люди превращались в батраков, сельских пролетариев, люмпенов. С другой стороны, рост предложения на рынке труда, явственно опережавший развитие промышленности, сдерживал рост заработной платы. Социальное недовольство усиливалось, в обществе росло политическое напряжение. Иными словами, столыпинская реформа привела к тем же последствиям, что и многие другие попытки модернизации в странах «периферии»: несколько ускорив темпы развития, она одновременно создала новые источники социальной напряженности.

Эту напряженность Столыпин пытался смягчить, прибегая к государственным программам по поддержке крестьянских хозяйств, что, по его собственному признанию, «может напоминать принципы социализма». Правда, уточняет он, «если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты»². Такова

---

¹ См.: Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 122.

² Столыпин П.А. Указ. соч. С. 95.

ирония истории: даже государственный деятель, приложивший для капиталистического преобразования России, быть может, больше усилий, чем кто-либо до или после него, не мог проводить капиталистическую модернизацию, не прибегая к «социалистическим» методам.

Столыпинская реформа закончилась серьезным расслоением деревни и возникновением массы бедняков, которые, получив в 1914 году в руки оружие, стали в 1917 году массовой опорой не только большевистской партии, но и более радикальных сил русской революции, вплоть до повстанцев Нестора Махно. Возникновение сельской буржуазии не отменило помещичьего землевладения, новые проблемы и противоречия накладывались на неразрешенные старые.

Кулак создал внутренний рынок для отечественной промышленности. Увеличилась покупка сельскохозяйственных машин, вырос спрос на предметы потребления. Но рост кулацких хозяйств был ограничен. А потому новый сельский предприниматель отнюдь не стал опорой режима. По отношению к помещику он был настроен весьма агрессивно. Если раньше можно было говорить о противостоянии крестьян и землевладельцев, то теперь крестьяне по-прежнему ненавидели помещика, но уже не чувствовали солидарности между собой.

Рост хлебных цен в 1900-е годы сменяется очередным ухудшением рыночной конъюнктуры после 1911 года. Рекордный экспорт достигнут в 1911 году — было вывезено 824 млн. пудов зерна¹. После этого ситуация неуклонно ухудшается. Странным образом начало нового периода экономических трудностей совпадает с отставкой и опалой Столыпина. Торговые затруднения дополняются политическими: из-за итало-турецких и балканских войн турецкое правительство закрывает Босфор, нанося тяжелый удар по экспортерам русского зерна. Нарастает и германская конкуренция. Несмотря на более дорогой труд, сельское хозяйство Восточной Пруссии было способно успешно продавать зерно

¹ См.: Донгаров А.Г. Указ. соч. С. 13.

на мировом рынке — благодаря высокой производительности. В 1912 году в Россию было ввезено 114 тонн немецкой ржи! «Русские потребляющие губернии, главным образом северо-западные — Псковская, Новгородская и т.д., находили более выгодным ввозить дешевую немецкую рожь, нежели покупать дорогую отечественную, — сообщает Покровский. — Это был настоящий скандал»¹. Одними патриотическими призывами тут уже было не справиться — пришлось вводить для германского зерна ограничительные пошлины.

Выгодная конъюнктура на мировом хлебном рынке была для столыпинских реформ решающим фактором успеха. Собственно, именно подобная конъюнктура вообще и сделала эти реформы возможными. Теперь же ситуация меняется буквально на глазах.

Растущая промышленность требовала новых вложений. Во время кризиса 1900 года промышленный капитал в России стал более «национальным», поскольку французские инвесторы вывели свои средства на родину. Однако теперь отечественные предприниматели сталкивались с узостью внутреннего рынка. Столыпинские реформы породили в деревне слой зажиточных крестьян, способных покупать не только потребительские товары, но, порой, и сельскохозяйственную технику. Однако этот слой был очень узким. К тому же, несмотря на протекционизм, зависимость Российской империи от импорта постоянно увеличивалась, ее торговый баланс ухудшался. Подводя итоги предвоенным годам, Туган-Барановский констатировал: «Промышленный подъем приводит у нас к значительно более быстрому росту импорта, чем экспорта»². Уже в 1913 году было очевидно, что достигнуты пределы роста. Об этом свидетельствуют экономические журналы того времени.

Кризис «столыпинской модели» сказался уже в 1914 году, когда после нескольких лет устойчивого экономического роста обстановка «неожиданно» обострилась, а на ули-

---

¹ Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России. С. 139.

² Вопросы Мировой войны / Под ред. М.И. Туган-Барановского. Петроград: Право, 1915. С. 292.

цах вновь появились баррикады. Многим тогда в Петербурге война с Австро-Венгрией и Германией казалась не такой уж плохой новостью. И, во всяком случае, лучшим (если не единственным) средством предотвратить надвигающуюся революцию.

1907—1914: БИТВА ЗА РОССИЮ

Либеральная историческая традиция XX века склонна была видеть Первую мировую войну как некую неприятность, политическую катастрофу, прервавшую правильное и в целом успешное развитие России. Соответственно, получается, что и революция 1917 года — всего лишь какая-то «чудовищная опечатка истории, которая вкралась ничуть не закономерно, ее могло и не быть»¹. Политика в очередной раз «помешала» социально-экономическому развитию, «государственный интерес», требовавший участия в европейских коалициях, опрокинул благополучный, в общем, ход истории, сведя на нет усилия Витте и Столыпина.

Увы, Россия оказалась в войне 1914—1918 годов далеко не случайным участником. И сама война, и роль в ней петербургской империи были подготовлены предшествующим ходом событий, причем в первую очередь именно экономических.

Петербургское правительство не имело серьезных противоречий с Германией, но логика событий толкала его на конфликт с основными партнерами Берлина — Австро-Венгрией и Оттоманской Турцией. Стремление Российской империи овладеть проливами, связывающими Черное и Средиземное моря, вызвавшее несколько войн в XVIII и XIX веках, оставалось неизменным и в начале XX века. По словам Покровского, завоевание проливов — это «кардинальный вопрос русского торгового капитала»². В прежние времена на пути России здесь неизменно оказывалась Англия. Однако к 1914 году ситуация радикально изменилась.

---

¹ Горянин А. Мифы о России и дух нации. М., 2002. С. 185.

² Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России. С. 140.

До 1905 года в Лондоне боялись русского вторжения в Индию. Больше того, когда в августе 1907 года было подписано англо-русское соглашение, урегулировавшее взаимоотношения сторон в колониальных вопросах, британские дипломаты не без изумления обнаружили, что в Петербурге боялись английского проникновения в Среднюю Азию через Афганистан не меньше, чем в Лондоне — русского нападения на Индию. Англичане «торжественно пообещали ничего подобного не предпринимать и позаботиться о том, чтобы из Кабула также не исходила угроза»¹.

С 1902 года действовал англо-японский договор, который гарантировал безопасность Индии в случае подобного развития событий. А после катастрофического поражения России в войне с Японией британская элита окончательно понимает, что ее страхи были совершенно неоправданными. Наступает потепление в англо-русских отношениях. Если Япония обеспечивала защиту британских интересов против России в Азии, то Россия должна была защитить интересы Британской империи в Европе от Германии. «Сердечное согласие» с Францией завершало построение коалиции. В этом блоке, получившем в русской литературе странное название «Антанта» (от фр. *entente* — согласие), каждый партнер имел собственный специфический интерес. Ставкой России были Проливы, которые англичане обещали отобрать у Турции. Надо сказать, что на сей раз Лондон честно попытался свое обещание выполнить: в 1915 году на турецкое побережье был высажен австралийско-новозеландский корпус (ANZAC). Однако операция по захвату Проливов закончилась поражением.

И все же стремление овладеть Проливами было не единственной и, возможно, не главной причиной, заставившей Россию не только вступить в мировой конфликт, но и оказаться одним из главных его инициаторов. Французско-русский военный союз против Германии был заключен уже в 1893 году на фоне крупномасштабных займов, предоставленных царскому правительству парижскими банкирами.

---

¹ *Hopkirk P. Op. cit. P. 520.*

По словам советского историка Б.В. Ананьича, займы, которые Петербург получал на Парижской бирже с конца 80-х годов XIX века, это «фундамент, на котором вскоре было воздвигнуто и само здание франко-русского союза»¹. Еще в 1888 году было взято 500 млн. франков, в 1889-м получено два новых займа на 2 млрд. франков, в 1890—1891 годах — уже пять займов общей суммой на 1,5 млрд. франков. На первых порах официальный Париж весьма сдержанно относился к размещению русских займов в стране. Однако постепенно там стало приходить понимание того, сколь ценные политические возможности открываются по мере того, как растет долг петербургской империи. В 1894 году французское правительство всячески усложняло процедуру допуска русских бумаг к котировке, ссылаясь на то, что тамошний финансовый рынок и без того ими переполнен. Что, кстати, было вполне справедливо: например, по данным за 1897 год на Парижской бирже русских фондов обращалось на сумму в 8 млрд. франков. Допуская размещение этих займов, правительство в Париже постоянно демонстрировало Петербургу, что речь идет о проявлении доброй воли, на которую надлежит отвечать встречными политическими и военными шагами.

Добрая воля Парижа не иссякала даже во время русской революции, когда многие на Западе полагали, что царский режим находится на грани падения. К рубежу веков Франция стала крупнейшим и надежнейшим кредитором Петербурга, как отмечали современники, «никакие политические события в России не могли поколебать ее доверия к царскому правительству»². Собственно, именно политическая лояльность французского капитала по отношению к царизму гарантировала Парижу стратегические преимущества. В этом смысле заем 1906 года стал решающим. По мнению французского исследователя, он «позволил французскому капитализму утвердить свои позиции в России перед лицом немецкой конкуренции, при заинтересованной под-

¹ Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. С. 12.

² Вавилин И. Указ. соч. С. 27.

держке британского капитала, который, в свою очередь, уже занял прочные позиции в нефтяной индустрии Кавказа»¹.

Некоторые средства петербургское правительство получало и в Германии (в 1902 и 1905 годах). Германские займы имели ярко выраженный политический смысл — в Берлине пытались подорвать позиции Парижа. Увы, эти попытки не увенчались успехом. В Петербурге деньги брали, но от альянса с французами не отказывались.

XX век начался тяжелой промышленной депрессией, затронувшей как Запад, так и Россию. На фоне этой депрессии разворачивалась острая конкуренция капиталов. На русском инвестиционном рынке происходит жестокое столкновение французского и германского влияния. Если царское правительство давно и прочно было привязано к парижскому финансовому рынку, то в частном секторе развернулась борьба между немецкими и французскими банкирами.

Период 1900—1909 годов был временем, когда в обществе возникло ощущение, что промышленный капитал в России становится «национальным». Эту точку зрения разделял даже Покровский, ссылавшийся на общепринятую статистику, согласно которой акции предприятий, построенных на французские или бельгийские деньги, стали массово переходить в руки отечественной буржуазии. На самом деле картина была несколько сложнее. Приток иностранных инвестиций в 1900—1909 годах действительно резко сократился — сперва из-за экономического кризиса, а затем из-за политической нестабильности. Однако как только в 1909 году в России начался новый промышленный подъем, возобновился и приток капитала из-за границы, а вместе с ним начало вновь меняться и соотношение сил между иностранными и «национальными» собственниками. Даже в кризисный период 1903—1905 годов было основано 11 новых иностранных компаний с общим капиталом в 9,5 млн. рублей, а в 1906—1913 годах — уже 88 компаний с общим капиталом в 168,6 млн. рублей². Как отмечает Вавилин, «сокраще-

---

¹ Girault R. Op. cit. P. 450.

² Эти данные приводятся в книге А.Г. Донгарова «Иностранный капитал в России и СССР».

щение прилива иностранных капиталов наблюдалось далеко не везде, а вместе с прежде вложенными они продолжали занимать почти такое же господствующее положение, как и в конце XIX в. До полного высвобождения русского капитализма от иностранной зависимости было еще далеко»¹.

При этом существенно, что даже в период кризиса иностранные инвестиции в Россию не прекращались. В то время, как деньги, вложенные в промышленность, возвращались на Запад, французский капитал продолжал активно осваивать банковскую сферу.

Борьба западных капиталов за русский финансовый рынок началась еще в XIX веке и велась с переменным успехом. Соперничество с Британской империей в Средней Азии затрудняло для России доступ к британскому финансовому рынку, а быстро растущая германская промышленность поглощала так много средств, что свободных капиталов в стране почти не оставалось. К тому же Бисмарк в 1887 году по политическим соображениям вынудил берлинские банки отказаться от облигаций русского государственного долга. В итоге российские бумаги размещались почти исключительно на Парижской бирже. Но в преддверии русско-японской войны германский финансовый рынок вновь открылся для России (что вполне соответствовало тогдашнему геополитическому раскладу).

В 1898—1899 годах петербургское правительство пыталось ослабить свою зависимость от Франции, обращаясь за деньгами в Лондон и Нью-Йорк, но не достигло успеха. «Следовательно, — отмечает Ананьич, — основным и почти единственным кредитором царизма оставалась опять-таки французская буржуазия. А поскольку успех экономической программы Витте зависел от постоянного притока капиталов, постольку непосредственным результатом неудавшейся попытки царизма получить возможность делать займы на международном рынке должно было явиться и действительно явилось дальнейшее усиление зависимости России от французской биржи»².

---

¹ Вавилин И. Указ. соч. С. 90.

² Ананьич Б.В. Указ. соч. С. 49.

Революция 1905 года предоставила парижским банкам и министерству финансов новую возможность укрепить свои позиции в России. На фоне политической и военной катастрофы, потрясшей страну, правительство остро нуждалось в деньгах. Необходимые средства были найдены по всей Европе. К 1906 году был сформирован банковский пул, в котором участвовали финансисты из Англии, Голландии, Австрии, однако решающую роль сыграли опять французы. Причем частная инициатива шла рука об руку с поддержкой парижского правительства, без участия которого банкиры, пожалуй, не решились бы направлять свои деньги в сотрясаемую революцией страну. В итоге, правительству, явно утратившему доверие собственного народа, предоставили заем в 843,75 млн. рублей.

Витте характеризовал этот заем как «спасший Россию»¹. Французский исследователь Р. Жиро формулирует результат данной операции куда более прагматично: «По крайней мере на два года царское правительство лишилось финансовой независимости»².

Заем 1906 года стал своего рода политической гарантией, предоставленной Парижем Петербургу. Понятно, что за такие подарки надо расплачиваться.

«Чрезвычайно показательно, — пишет Ронин, — что инициатива по широкому привлечению французского капитала в Россию принадлежала не русским, а французским банкам. После разгрома революции 1905 года и столыпинской «стабилизации» парижские банкиры вновь обрели веру в российские возможности. С этого времени начинается организованное наступление французского финансового капитала на русское народное хозяйство»³. Если царское правительство нуждалось во французских займах для поддержания стабильности, то промышленности деньги нужны были для развития. Однако, приходя в Россию, французский банковский капитал обнаруживал, что в значительной

---

¹ Ананьич Б.В. Указ. соч. С. 171.

² Girault R. Op. cit. P. 446.

³ Ронин С. Указ. соч. С. 54.

мере место уже занято. До середины 1900-х годов здесь доминировали немецкие инвесторы. Теперь между французскими и немецкими финансистами разворачивается самая настоящая битва за Россию.

«Русские банки, — писал Вавилин, — развивались с самого своего возникновения при непосредственном участии иностранных капиталов. В 60-х и 70-х годах более десятка банков в Берлине, Гамбурге, Франкфурте, Кенигсберге и др. принимали участие в организации русских банков. Давая свои капиталы, иностранные банки вводили своих представителей в правления русских банков для непосредственного руководства делами банка. Насколько русские банки были беспомощны и нуждались в иностранцах, видно из того, что все главнейшие служебные функции исполнялись иностранцами. Своих специалистов банковского дела еще не было, приходилось приглашать опытных немцев и учиться у них. Так, первый русский банк собирал штат своих служащих по рекомендациям банкирского дома «Мендельсон и Ко» в Берлине и Ротшильда в Париже»¹.

В 6 крупнейших петербургских банках того периода иностранцам принадлежало более половины акций. В 22 крупнейших учреждениях страны — опять около половины акций, из них в 6 самых больших — более половины². Господствующее положение во всех этих учреждениях принадлежало немцам.

«Французский капитал, — отмечает Ронин, — решительно выступает на сцену лишь в конце 1907 г. В связи с наметившимся подъемом он стремится создать себе прочную опору в русской банковской системе. Так как крупнейшие банки оказались в орбите германского влияния, то французский капитал принимается за реорганизацию второстепенных столичных банков и в течение нескольких лет превращает их в первоклассные учреждения. Еще позже и в более скромных размерах начинает проявлять интерес к русскому банковскому делу английский капитал. Благодаря общим

---

¹ Вавилин И. Цит. соч. С. 46.

² Там же. С. 48—49.

усилиям Парижа, Берлина и Лондона русская банковская система оказалась накануне войны в подавляющей своей части во власти европейского финансового капитала»¹.

Соотношение сил, вначале крайне неблагоприятное для французов, неуклонно менялось в их пользу. Если в 1907—1908 годах 81,5% акций всех вновь открывшихся русских банков было размещено в Германии, а лишь 18,5% во Франции, то в 1910—1912 годах на долю германского финансового рынка пришлось всего 38,8% всех основанных банков, на долю французов — 56,8%, а англичан — 4,4%. Все это дает Покровскому основание утверждать, что к 1914 году «французский капитал явно брал верх»².

В 1912—1913 годах свои облигации на западных рынках стали размещать российские города. Москва выпустила в 1912 году облигаций на 36 млн. рублей, Николаев — на 6,5 млн., Вильно — на 4,2 млн. В 1913 году на финансовом рынке появляются петербургский и киевский заем. Из-за размещения этих займов разворачивается острая борьба между Лондонским Сити, Парижем и Берлином. В конечном счете займы были размещены в Англии, что, по мнению современников, являло собой для англичан «крупную победу»³. Однако эти успехи британцев уже не имеют самостоятельного значения. На русском рынке англичане все больше выступают в едином блоке с французскими и бельгийскими инвесторами.

В противостоянии с германскими банками французский капитал победил, поскольку обладал, по мнению исследователей, «наибольшей сплоченностью»⁴. Французские банки были тесно связаны между собой, поддерживали друг друга и избегали конкуренции между «своими». К тому же па-

---

¹ Ронин С. Указ. соч. С. 60. В описываемый период силы распределились следующим образом. Из крупнейших русских банков немецкому капиталу принадлежали Банк для внешней торговли, Международный коммерческий банк. Французам — Азовско-Донской, Русско-Азиатский, Торгово-промышленный и Частный коммерческий банк.

² Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России. С. 154.

³ Левин И.И. Указ. соч. С. 17.

⁴ Ронин С. Указ. соч. С. 121.

рижский денежный рынок одновременно оказывался источником средств как для петербургского правительства, так и для частного сектора. Рост влияния французских банков в России сказывается на политике, а политическое сближение укрепляет экономические связи.

Современники видели и «субъективные» причины успеха французов. Так, по мнению профессора Левина, опубликовавшего в 1918 году историю немецких инвестиций в России, важную роль в их неудаче сыграли культурные особенности германского бизнеса. Английские, бельгийские и французские капиталы приходили в «обезличенной» форме, тогда как из Германии приходили «не только капиталы, но и люди». Местным предпринимателям эти люди далеко не всегда были по вкусу, тем более что немецкие банки, тесно связанные с промышленностью, неизменно стремились «соединить экспорт капиталов с экспортом товаров»¹.

В России считали: «Немцы смотрят на помещение капиталов за границей, как на способ распространения своего экономического и политического влияния, доходят до крайностей в этом своем увлечении»². Опыт показал, что французские инвестиции тоже отнюдь не были политически нейтральными. Тем более нельзя этого сказать про длительную историю английского делового присутствия в России. Проблема была, разумеется, не только в противоположности культур, но и в том, что структура финансового капитала во Франции и Германии оказалась различна. Французский рантье не был обременен обязательствами перед собственной промышленностью, тогда как германская модель соединяла финансовый и промышленный капитал в единое целое. Именно это предопределило быстрый подъем экономики Германии в конце XIX столетия. Но на русском рынке эти же черты немецкого бизнеса оборачивались слабостью. Немецких инвесторов российские промышленники воспринимали как конкурентов, тогда как франко-бельгийские капиталы «растворялись» в отечественной деловой среде и воспринимались практически как «местные».

---

¹ Левин И.И. Указ. соч. С. 48.

² Там же. С. 51.

Острота соперничества между французами и немцами в России постоянно возрастала. В 10-е годы XX века Европа уже явно разделилась на два противостоящих друг другу блока: англо-французскую Антанту и германо-австрийский Союз центральных держав. Столкновение между ними было неизбежно. Капитал английского и франко-бельгийского происхождения к началу войны преобладал и в финансовом секторе, и в промышленности России. Как отмечает Вавилин, суммарно к 1914 году французских капиталов в петербургской империи «было вложено больше, чем капиталов всех других национальностей». Если же учесть состав международных коалиций, картина становится еще более ясной: «На долю стран Антанты (Франция, Англия, Бельгия, Америка, Италия) приходится 1.681.085.600 руб., т.е. 75%. На долю же германских и австрийских капиталов приходится 449.143.200 руб. и только 20%. В этом громадном превосходстве антантовских капиталов над германскими и австрийскими особенно ясно вскрывается материальная основа внешней политики царского самодержавия. В войне 1914—1917 гг. Россия неизбежно должна была оказаться на стороне Антанты»¹.

Борьба за Россию французского и немецкого капитала в начале XX века во многом напоминает англо-голландское соперничество XVII века. И в том, и в другом случае противостояние, развернувшееся на русском рынке, было лишь частью глобального конфликта. Голландцы одержали верх в России, но результаты этой победы в конечном счете были сведены на нет общим поражением Голландии в противоборстве с Англией. Победа французского капитала над немецким предопределила роль России в Первой мировой войне. Но плоды этой победы были уничтожены военными поражениями России и революцией 1917 года.

---

¹ Вавилин И. Указ. соч. С. 92.

Глава XIII

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ РАЗРЫВ

И русско-японская война 1904—1905 годов, и Первая мировая война были закономерным результатом накопившихся противоречий между ведущими мировыми и региональными державами. Соперничество между «старыми» и «новыми» империями неизбежно вело к вооруженному столкновению. Этого столкновения ждали уже начиная с 80-х годов XIX века. Германия, Япония и другие державы, опоздавшие к разделу мира, но накопившие мощный военно-промышленный потенциал, стремились исправить положение с помощью силы. «Старым» империям, к числу которых относилась теперь и Россия, надо было защищаться. Дипломатам несколько раз удавалось отсрочить войну, но предотвратить ее было не в их силах.

Между тем, для России, отстававшей в экономическом развитии от своих более динамичных соперников, но все еще сохранявшей серьезную военную силу, выгодно было именно приблизить конфликт. Агрессивное поведение русского правительства на Дальнем Востоке в 1904 году, приведшее к столкновению с Японией, а затем на Балканах в 1912 и 1914 годах, обострение отношений с Австро-Венгрией, ставшее, в конечном счете, толчком к мировой войне, — это были отнюдь не случайные ошибки царской дипломатии.

Война обернулась катастрофическими военными поражениями, потрясшими до основания не только государство, но и общество. После трех лет непрерывных военных неудач, потеряв более миллиона человек убитыми, русская

армия из силы, являвшейся традиционной опорой режима, превратилась в деморализованную массу, легко воспринимавшую революционную пропаганду. Царизм рухнул, казалось, погребя под своими обломками саму Россию. Буржуазия пережила самодержавие всего на несколько месяцев. Отсталый капитализм и царская бюрократия оказались обречены на совместную гибель: друг без друга выжить они уже не могли.

Буржуазия не смогла построить новый порядок на руинах старого, не могла предотвратить социальный, экономический, политический хаос. Короче, она так и не стала полноценным правящим классом.

Демократическая республика, возникшая на руинах царизма, не смогла продержаться и года, на смену ей пришла «республика Советов», порожденная революционной стихией в гораздо большей мере, нежели политической волей победившей большевистской партии. Другое дело, что и «республика Советов» не могла долго существовать в своей первоначальной форме, уступив место партийной диктатуре большевиков. «Власть Советов» сделалась «советской властью».

Перенос столицы из Петрограда в Москву и переезд правительства в Кремль символически подвели итог целому периоду русской истории, начавшемуся с Северной войны Петра Великого и завершившегося поражением в Первой мировой войне. Двухвековая стратегия интеграции России в капиталистическую миросистему породила, в конечном счете, революцию, направленную как против петербургской России, так и против всей миросистемы, частью которой был русский царизм.

Подводя итоги революции, Ленин писал: «Что если полная безвыходность положения, удесятерая тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах?»¹ Действительно, и сама революция, и приход к власти партии

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380.

большевиков, возглавляемой Лениным, были следствием кризиса миросистемы и краха российских элит, вписанных в эту систему.

БОЛЬШЕВИЗМ

Марксисты-большевики с их четкой организацией и верой в свою историческую миссию оказались, по существу, единственной партией, способной навести порядок в стране, переживающей распад экономической и социальной системы. Большевики, в отличие от меньшевиков, были не просто идеологически более радикальным крылом социал-демократии (идейный радикализм был свойствен и многим меньшевистским лидерам). Их сила состояла как раз в способности действовать в интересах своей социальной базы, не задумываясь о тонкостях теории. Действовать быстро, зачастую жестоко.

Социал-демократия в России с самого начала представляла как бы альтернативный вариант модернизации. Если либералы пытались опереться на относительно цивилизованную часть верхов, то марксисты находили поддержку в наиболее современной части низов — промышленных рабочих в крупных городских центрах и городской интеллигенции. Данные социальные слои, будучи порождены развитием промышленности и распространением европейских форм культуры, одновременно не были связаны, в отличие от буржуазии, со старым режимом, а следовательно, в гораздо большей мере были готовы возглавить новую модернизацию.

Это объясняет как сильные, так и слабые стороны большевистской политики. С одной стороны — решительную защиту интересов города, с другой — недоверие и враждебность к патриархальной деревне. Потребовалось около года Гражданской войны, сопровождавшейся на первых порах тяжелыми поражениями для большевистских сил, чтобы новое правительство увидело в мужике не дикаря, которого надлежит цивилизовать, если надо — с помощью пушек и пулеметов, а союзника в социальной революции. Большевики были партией города, их власть с первых же месяцев

была не столько «диктатурой пролетариата», направленной против поверженной буржуазии, сколько диктатурой города над деревней.

Приход большевиков к власти был вполне закономерен. Отсюда, однако, не следует, будто сами большевики были вполне готовы к власти. Четыре года небывало жестокой Гражданской войны, экономическая разруха и социальный хаос в стране в значительной мере дезорганизовали стан победителей. Экономическая политика партии Ленина и Троцкого в 1917—1919 годах была скорее реакцией на сложившиеся обстоятельства, нежели осуществлением какого-то заранее сформулированного и продуманного проекта.

Известный большевистский экономист Е.А. Преображенский подчеркивал, что национализация промышленности в условиях разрухи была в значительной степени вынужденной мерой. О том же писал и Покровский. В самом деле, распад рынка и стремительный рост цен на продовольствие сделали любое промышленное производство нерентабельным. Как отмечал Преображенский, «бывали случаи, когда коммерческая стоимость продукции была ниже даже зарплаты»¹. В таких условиях частная промышленность существовать не может, и производство должно было перейти к хозяину, который не просто не нуждался бы в прибылях, но мог бы работников еще и подкармливать. Таким хозяином могло быть только государство. Национализация оказывалась единственным способом сохранения национального технологического и производственного потенциала, сохранения кадров. В свою очередь, принудительное изъятие хлеба в деревне становилось единственным способом сохранения городов. Неслучайно первые проекты подобного рода были предложены еще при царском правительстве, когда стало ясно, что привычный хозяйственный механизм дезорганизован войной, а снабжение городов продовольствием под угрозой. Ни царская администрация, ни продержавшееся несколько месяцев Временное правительство на это не решились, и это в значительной мере предопредели-

---

¹ Вопросы экономики. 1988. № 9. С. 123.

ло их гибель. Власть оказалась в руках у единственной партии, которая, не испытывая ни малейших колебаний, готова была изъять продовольствие.

Позднее либеральные советские историки и публицисты не раз обрушивались на политику «военного коммунизма» 1918—1920 годов, видя в ней прообраз сталинского террора или просто порождение утопических фантазий. Между тем, работа Ленина «Очередные задачи советской власти», написанная сразу после того, как большевиками было сформировано их первое правительство, доказывает, что «военный коммунизм» вовсе не планировался заранее. В начале 1918 года Ленин все еще надеялся, что удастся навести порядок в экономике, опираясь на рыночные методы, аналогичные тем, что были применены большевиками позднее, в 20-е годы. Но эта попытка закономерно провалилась. Система денежного обращения окончательно рухнула, спрос на промышленные товары (за исключением, разумеется, оружия) упал до минимума, торговый обмен между городом и деревней стал невозможен.

«Решить задачу снабжения населения хлебом в громадной стране с худыми средствами сообщения, с разъединенным крестьянством было неимоверно трудно... — писал Ленин в апреле 1919 года. — Вспоминая все заседания Совета Народных Комиссаров, скажу: не было ни одной задачи, над которой бы так упорно работала Советская власть, как над этой задачей»¹. Характерно, что в данном случае Ленин отходит от привычных для него классовых категорий и говорит не о «пролетариате», а о «населении» вообще. Но о каком населении идет речь? Ясно, что не о крестьянах, которые сами себя хлебом обеспечивали, а о городском населении.

По сути дела, Гражданская война в 1918—1921 годах велась не только и не столько между красными и белыми, сколько между городом и деревней.

Чтобы прокормить горожан, продовольствие надо было ИЗЪЯТЬ в деревне, опираясь на военное превосходство города. В противном случае городская экономика была бы

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 63.

просто ликвидирована (как это и предсказывалось в «Крестьянской утопии» Чаянова). В свою очередь, методы, применявшиеся «современным» и «цивилизованным» городом в отношении «дикой» деревни, оказались столь грубы и жестоки, что вызвали массовый переход крестьян на сторону антибольшевистских сил, эскалацию Гражданской войны и в итоге потребность в еще более жесткой диктатуре. Иными словами, жестокость и насилие, вызванные экономической необходимостью, усугублялись некомпетентностью и предрассудками самих городских революционеров. Большевиков спасло то, что белогвардейские лидеры, не имея четкого представления о происходящих в деревне процессах и пытаясь восстановить привилегии старых правящих слоев, также оттолкнули от себя крестьян. Из двух зол деревня выбрала меньшее и к концу 1919 года в основном перешла на сторону изрядно поумневших большевиков.

Опыт катастрофических военных поражений 1918 года многому научил Ленина и его правительство. С крестьянством начинали считаться. И все же деревня оставалась для большевистских лидеров чуждой и потенциально враждебной силой, с которой можно найти общий язык, но невозможно полностью объединиться. В конечном счете, городские рабочие и интеллигенция, обеспечившие успех большевиков в Гражданской войне ценой невероятных усилий и жертв, сами оказались в положении социальных заложников военно-бюрократического аппарата. Этот аппарат, созданный для обеспечения диктатуры города над деревней, быстро обрел самостоятельные интересы, подчинил себе «передовые» городские слои, ради защиты которых он был сформирован. К началу 20-х годов разросшаяся бюрократия уже окончательно стала главной опорой и сердцевиной нового режима.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Победив в Гражданской войне, большевики перешли к новой экономической политике (нэпу), предусматривавшей сочетание централизованного управления государственной промышленностью и развитие свободного рынка, особенно

в сельском хозяйстве. В 1918—1920 годах крестьяне, получив землю, обнаружили, что не могут распоряжаться произведенной на ней продукцией — город через систему «продразверстки» принудительно забирал все необходимое. Новая экономическая политика, пришедшая на смену «военному коммунизму», началась с замены «продразверстки» продовольственным налогом. Большая часть зерна теперь оставалась в руках крестьян и поступала на рынок. Сельские хозяйства получили, наконец, то, за что боролись. И земля, и ее продукты принадлежали им.

Переход к рыночной экономике в 1921—1922 годах не только не остановил бюрократизацию режима, но, напротив, ускорил ее¹. В годы «военного коммунизма» власть большевиков на местах была деспотической, но не бюрократической. Весь аппарат местного революционного комиссара мог состоять из нескольких матросов с пулеметом; все их функции сводились к тому, чтобы отнять у мужиков зерно и доставить в голодающий город. В одном месте они зверствовали, в другом действовали крайне либерально — по настроению. Никаких бумаг и инструкций не было, а если и были, их никто не выполнял и не читал. Проблемы отчетности и деловой переписки просто не существовало. Иногда задним числом местных революционных лидеров расстреливали за самоуправство или, наоборот, с повышением переводили в центр (порой за одни и те же действия). Петроградские постановления не действовали в Москве, московские — в Киеве. На территории бывшей Российской империи установилось сразу несколько Советских республик, зачастую имевших разные политические правила². Ожесто-

---

¹ Политолог Алла Глинчикова указывает, что после революции взамен прежних министерств было создано всего 4 народных комиссариата, и, напротив, «в 20-е годы начался резкий рост управленческого аппарата» (Мир России. 2003. № 1.С. 114).

² Наиболее «либеральным» был политический режим Дальневосточной республики, где еще в 1922 году небольшевистские социалистические партии не только открыто действовали, но и участвовали в системе управления. Ленин предлагал коалицию большевиков и меньшевиков в качестве политического решения для захваченной Красной армией Грузии, но не получил поддержки в руководстве собственной партии.

ченное преследование врагов революции сопровождалось не только острыми дискуссиями внутри партии, но и легальной деятельностью некоторых групп оппозиционных социалистов: левых меньшевиков, части анархистов, коммунистов-революционеров, «боротьбистов» на Украине и т.д. Неправительственные газеты то закрывались, то снова выходили, цензуру то вводили, то снова отменяли.

С переходом к новой экономической политике (нэпу) всему этому был положен конец. Фракции в большевистской партии были запрещены, легальная оппозиция в Советах — ликвидирована. Волна репрессий против оппозиционных социалистов в 1921—1922 годах стала первым признаком «нормализации» политической жизни и появления новых задач у репрессивного аппарата. На первый план выходила уже не борьба с контрреволюцией, а подавление непоследовательных и инакомыслящих в собственном стане. Аппарат чувствовал свою власть и стремился закрепить ее.

Самостоятельные советские республики — Украина, Белоруссия, Закавказская федерация — утратили формальную независимость и в 1922 году были официально объединены в единый Советский Союз. Бесспорно, ленинский проект равноправной федерации был куда демократичнее проекта Сталина, требовавшего превратить бывшие независимые государства в автономии в составе России, полностью подчинив национальные окраины власти Москвы. Несомненно и то, что существовала естественная потребность в объединении. Рабочие и крестьяне Украины и Белоруссии, поддержавшие большевиков в ходе Гражданской войны, прекрасно отдавали себе отчет в том, что именно победа «красных» означает воссоединение с Россией. Однако формирование единого союзного аппарата было важной вехой в становлении новой бюрократической элиты.

Произошло и упорядочение партийного аппарата. В начале революции ленинцы, окончательно порвав с социал-демократией, переименовали себя из Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) в Российскую коммунистическую партию (большевиков). В 20-е годы партия переименовалась еще раз: из «российской» во «все-

союзную». Каждая перемена имени закрепляла изменение внутреннего состояния организации. Новая ВКП(б) была гораздо более жесткой структурой, чем подпольно-оппозиционная РСДРП(б) или революционная РКП(б). Складывалась организация, тесно связанная с государственным аппаратом и системой хозяйственного управления.

Создание СССР означало резкую централизацию административной власти в Москве. Аппарат управления упорядочивался и рос. Новая экономическая политика позволяла укрепить бюрократическую структуру. В отличие от времен «военного коммунизма» теперь главным было не принуждение, а «учет и контроль». А это означало формирование многочисленных ведомств. Надо было взимать налоги, следить за единым исполнением законов на всей территории страны. Все это было естественным переходом к нормальному функционированию государственного механизма, но одновременно не могло не укреплять позиции бюрократии. В этом смысле ленинский проект «рынка без демократии» создавал предпосылки для сталинской «диктатуры без рынка».

Главная историческая задача — модернизация страны — по-прежнему оставалась невыполненной. Восстановление порядка в 20-е годы позволило приблизиться к дореволюционному уровню и в некоторых отраслях даже превзойти его. Валовая продукция промышленности в 1926 году составила 11 083 млн. рублей по сравнению с 10 251 млн. рублей в 1913 году, причем в тяжелой промышленности довоенный уровень был превышен на 16,5%¹. Но следует помнить, что «достижения» царской России даже в годы промышленного подъема были весьма относительными, а 13 лет, потерянные для экономического развития, надо было как-то наверстывать.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И МИРОВОЙ РЫНОК

Парадоксальным образом революция 1917 года, исключив Россию из мировой системы, превратила ее из периферийной страны в отсталую. Представление об «отстало-

---

¹ См.: История социалистической экономики в СССР. Т. 2. М., 1976. С. 268.

сти» как корне проблем предполагает «ускорение» развития, что, в свою очередь, требует более активного вовлечения в мировую экономику и более массовой продажи ресурсов на мировом рынке. Но это, в свою очередь, лишь усиливает зависимость. Модернизация представляется ее идеологам чем-то вроде гонки, в которой, естественно, есть первые и последние. Это похоже на соревнование бегунов или забег лошадей на ипподроме. В подобном состязании всегда можно оценить, почему кто-то из участников вырвался вперед или, напротив, отстал. Однако отношения между центром и периферией строятся по совершенно иному принципу. Именно ресурсы, предоставляемые периферией, ускоряют «бег» центра. История русской черной металлургии XVIII века и зернового хозяйства в XIX веке являются наглядными примерами этого. Чем более активно периферия участвует в «соревновании», тем больше она отстает и тем более способствует «отрыву» Запада. С другой стороны, все фазы, проходимые Западом, повторяют и страны периферии, не столько с отставанием, сколько в иной форме. Иными словами, это не отношения двух самостоятельно бегущих участников гонки, а, скорее, отношения всадника и лошади. И всадник, и лошадь прибывают в одно и то же место к одной и той же цели, только в разном состоянии. Лошадь не может ни выбрать цель, ни обогнать всадника, не сбросив его с себя. Советская модернизация и была, по существу, такой попыткой сбросить всадника, продолжая бег в прежнем направлении.

Советская промышленность уже не обслуживала накопления капитала на Западе, но возникал вопрос о том, где взять собственный капитал, необходимый для того, чтобы догнать «передовые страны». Теоретики большевизма оказались поставлены перед двойным вопросом: как осуществить модернизацию, одновременно борясь за идеологическую цель партии — переход к социализму. Марксистская традиция предполагала торжество социализма в развитых индустриальных странах, практика русской революции заставляла подойти к проблеме с другого конца. Модернизация и социалистические преобразования должны были не следовать друг за другом, а происходить одновременно.

Н.И. Бухарин, быстро ставший главным идеологом партии после смерти Ленина, утверждал, хоть и с некоторыми оговорками, что социализм может быть построен в одной отдельно взятой отсталой стране, к тому же относительно безболезненно и постепенно. Главные враги революции уже побеждены, а новые социальные противоречия, возникающие в России после победы большевиков, не особенно серьезны. Ссылаясь на Ленина, Бухарин постоянно напоминал, что «конфликт рабочего класса с крестьянством вовсе не неизбежен»¹. Известный нажим на деревню надо продолжать, чтобы получить дополнительные ресурсы для индустриализации, но главным стимулом промышленного развития должен стать рыночный спрос.

Легкая промышленность, по Бухарину, должна была развиваться в первую очередь, но темпы индустриализации — зависеть от емкости внутреннего, преимущественно крестьянского рынка. Иными словами, Бухарин надеялся повторить путь, которым шло становление индустриального общества в Англии и Соединенных Штатах, причем с минимальными конфликтами. Однако Англия развивалась в условиях мировой монополии. У нее почти не было конкурентов, она на целую эпоху опережала своих соперников, оставаясь в течение почти всего XIX века «мастерской мира». Уже к концу столетия ее догнали Германия и США. Темпы развития экономики увеличились с обострением международной конкуренции, технология стала обновляться чаще. Страны, которые медленно наращивали свой промышленный потенциал, оказывались обречены на хроническое «структурное» отставание. Главную роль играло уже не количество заводов, а их «качество», применяемая на них технология.

Концентрация капитала в государственном секторе позволяла ускорить темпы роста. Британии потребовалось более столетия для создания своего экономического потенциала. Россия могла бы двигаться быстрее в два или три раза, но и этого было недостаточно в XX веке. Между тем историческая обстановка оставляла мало шансов для повторения «западного» пути.

---

¹ Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 88.

Позднее советские идеологи обосновывали необходимость высоких темпов индустриализации военной угрозой с Запада. Угроза войны была совершенно реальна, и последующие события подтвердили это. Но с точки зрения международной ситуации 20-х годов перспектива новой мировой войны все же не была неизбежной. Фашизм в Германии еще не победил, а единый фронт левых сил еще мог предотвратить приход Гитлера к власти. Однако даже если бы не было военной угрозы, темпы индустриализации надо было форсировать. Этого требовала сама социальная база большевизма.

После поражения в войне и революции, новое государство создавалось на территории России не только с новой идеологией и радикально изменившейся элитой. Большевики как политическое движение вышли из недр российского прогрессизма, видевшего цель общественного развития в «преодолении отсталости». Однако, в отличие от своих буржуазных предшественников, они отлично осознали ограниченность и неэффективность всех предыдущих попыток модернизации. Не провались эти попытки, большевики никогда не пришли бы к власти.

Социальной базой большевизма был рабочий класс и, в более широком смысле, индустриальный город, интересы которого они в 1917—1920 годах отстаивали жестко и бескомпромиссно. В результате большевистское руководство оказалось поставлено перед необходимостью продолжать индустриализацию, начатую Витте и Столыпиным, опираясь на новые отрасли, которые были созданы в начале XX века, но делать это совершенно иными методами и темпами.

ПРОБЛЕМА НАКОПЛЕНИЯ

Революция 1917 года сопровождалась исключением России из мировой экономики¹. Подобный путь отнюдь не был предусмотрен большевиками. Но сама мировая систе-

---

¹ В данном случае наиболее точно было бы применить используемый Самиром Амином термин *de-linking*. Краткое изложение взглядов Самира Амина на проблемы глобального развития можно найти в его

ма была дезорганизована мировой войной. В условиях, когда в самой России привычная хозяйственная жизнь стала невозможной, система старых отношений между городом и деревней рухнула, участие страны в международном разделении труда свелось к минимуму. Отмена большевиками царского долга разорила массу мелких французских буржуа, но финансовые рынки Парижа и Лондона прекрасно сознавали, что подобные долги все равно выплачены быть не могут. Эти долги, так или иначе, предстояло списать вместе с другими издержками войны.

Для того чтобы ускорить развитие, России требовалось пересмотреть характер своих отношений с миросистемой. Парадоксальным образом события войны облегчили эту задачу. Россия не вырывалась из мировой системы, а лишь отказалась вернуться на прежнее место в начале 20-х годов, когда система начала после войны восстанавливаться.

Большевистская революция, национализация промышленности и отмена царского долга выключили Россию из глобального процесса накопления капитала, но не из мирового рынка. Более того, именно с участием в мировом рынке связывались лидерами страны надежды на ускоренную индустриализацию. Обойтись без закупки оборудования и переноса технологий страна, вставшая на этот путь, не могла. В 20-е годы русское зерно возвращается на мировой рынок, но большевистские экономисты жалуются на «все еще ничтожные размеры экспорта»¹.

Вопреки представлениям более позднего времени, новая экономическая политика отнюдь не привела сразу к бурному подъему аграрного производства. Точнее, рост сельского хозяйства был неравномерным, ситуация резко менялась от губернии к губернии. Если на юге России и на Украине наблюдался определенный прогресс, то применительно к северным областям исследователи вынуждены писать о «натурализации сельского хозяйства в начальный период нэпа»².

статье «The new capitalist globalisation», опубликованную в № 7 и 8 австралийского журнала «Links».

¹ Лященко П. Цит. соч. С. 358.

² Самобытная Вятка. Сборник научных трудов. Киров, 2006. С. 171.

Неудивительно, что большевистское правительство вынуждено было и после 1921 года оказывать постоянный нажим на село для того, чтобы получить необходимые для внешней торговли товары.

Экспорт зерна должен был профинансировать приобретение необходимой техники. А отключение Советского Союза от мирового рынка капитала позволяло прекратить вымывание из страны ресурсов, сконцентрировать все средства на основных задачах.

Эта программа, по существу, объединяла всех лидеров партии — не только «центриста» Сталина и «правого» Бухарина, но даже и левую оппозицию Троцкого, которая не видела альтернативы выходу на мировой рынок. Разногласия были лишь в вопросе о том, как взять зерно. Если Бухарин, поддержанный на тот момент Сталиным, стремился развивать независимые крестьянские хозяйства, то Троцкий, напротив, говорил об угрозе формирования сельской буржуазии и стремился получить зерно путем «давления на кулака».

Главным экономистом «левых» был Е.А. Преображенский, выступивший с собственной теорией «первоначального социалистического накопления». По его мнению, индустриализация не может обойтись без изъятия ресурсов из деревни. По отношению к «социалистическому» городу, «мелкобуржуазная» деревня должна играть ту же роль, что периферия по отношению к центру в период первоначального накопления при капитализме. «Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, проходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства...» Иными словами, «государственное хозяйство не может обойтись без эксплуатации мелкого производства, без экспроприации части прибавочного продукта деревни и ремесла»¹.

---

¹ Вопросы экономики. 1988. №9. С. 126, 110.

Практически это «изъятие» осуществляется через железнодорожные тарифы, денежную эмиссию, кредитную политику государственных банков, а главное — через торговлю. В данном случае Преображенский опирался на уже существовавшую в нэповской России практику. Продовольственный рынок был разделен на плановый и частный. Одну часть зерна государство закупало у крестьян и коллективных предприятий по твердым ценам, другую крестьяне реализовывали самостоятельно. Легко догадаться, что государственные закупки велись по заниженным ценам, что признавалось и левой оппозицией, и сторонниками Бухарина. Естественно, занижение цен в плановом секторе экономики деревня пыталась компенсировать, повышая цены на свободном рынке, но государство и здесь имело преимущество: завышая цены на промышленные товары, оно отбирало назад часть средств, полученных крестьянами в частном секторе. Все это называлось «ножницами цен», или просто «данью», которую село должно было платить городу во имя индустриализации¹.

Преображенский подчеркивает, что политика цен в государственном секторе должна быть построена таким образом, чтобы, покупая промышленные товары, деревня субсидировала промышленность. В свою очередь, «социалистический протекционизм» должен защищать отечественные предприятия, а монополия внешней торговли позволит реа-

---

¹ Часть продовольствия изымалась за счет натурального налога, причем деревня делала все возможное, чтобы уменьшить количество сдаваемого государству зерна. «Сдавать скот было выгоднее, чем хлеб, — отмечают вятские историки. — При уплате налога один пуд ржи можно было заменить 8 фунтами говядины, баранины или 6 фунтами свинины» (Самобытная Вятка. С. 171). Поведение крестьянства вполне соответствовало логике, описанной Чаяновым: «При нехватке и дороговизне кормов крестьяне, как правило, не пытались компенсировать высокую себестоимость продуктов животноводства повышением цен на них, а, напротив, стремились поскорее избавиться от скотины, содержание которой становилось им не по карману, распродавая ее за бесценок. В случае угрозы неурожая крестьяне также довольно быстро избавлялись от «лишнего» скота, чтобы запастись хлебом и, таким образом, застраховать себя от голода» (там же).

лизовать дешевую сельскую продукцию по ценам мирового рынка и получить «добавочную прибыль». Тем самым внешняя торговля подставляет мелкое крестьянское производство «под насос социалистического накопления»¹.

Подобные формулировки вызвали возмущение Бухарина, который заявил, что называть отношения города и деревни «эксплуатацией» означает «назвать пролетариат эксплуататорским классом». Сказать такое значит «упустить все своеобразие процесса, не понимать его объективное значение, играть в аналогии», а также высказывать взгляды, грозящие «погубить рабоче-крестьянский блок»².

При этом, однако, Бухарин вовсе не высказывал каких-либо иных предложений относительно того, где взять средства для развития промышленности. Как только речь заходила о «ножницах цен» между сельскохозяйственной и промышленной продукцией, он с неожиданной легкостью соглашался с Преображенским: «Да. Это не подлежит никакому сомнению»³.

Для Бухарина проблема не в политике, а в идеологии. Делать можно, нельзя об этом говорить. Можно изымать средства, но недопустимо называть это «эксплуатацией». Можно осуществлять перераспределение ресурсов между городом и деревней, но недопустимо объявлять это государственной стратегией.

В свою очередь, Преображенский тоже не настаивает на массовой экспроприации деревни. Сделать это значило бы, по логике радикального экономиста, зарезать курицу, несущую золотые яйца. Как раз, наоборот, мелкое хозяйство надо поддерживать, чтобы можно было на протяжении длительного периода времени развивать промышленность за его счет. Сравнивая «первоначальное социалистическое накопление» с первоначальным накоплением капитала, он подчеркивает, что пролетариат по отношению к деревне (внутренней периферии) покажет себя гораздо лучше, чем буржуазия по отношению к колониям: «Задача социа-

---

¹ Вопросы экономики. 1988. №9. С. 117.

² Бухарин Н.И. Избранные произведения. С. 90, 91, 86.

³ Там же. С. 90.

листического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе и мелкого хозяйства страны»¹.

Если внимательно присмотреться к тексту Преображенского, обнаружится, что он не предлагает каких-то новых радикальных мер. По существу, он лишь обобщает и теоретически обосновывает то, что и так делалось советской властью при полном одобрении того же Бухарина. Дискуссия между «левыми» и «правыми», таким образом, касалась не столько основных принципов экономической политики, сколько ее радикализма и ее идеологического обоснования. «Правые» призывали к умеренности и осторожности, «левые», напротив, требовали проводить ту же линию более жестко. «Правые» стремились влиять на деревню уговорами и обещаниями, «левые» более склонны были ее запугивать (при этом честно и откровенно характеризуя свои действия как «эксплуатацию»). Но ни те, ни другие не видели этой политике альтернативы.

Хотя Бухарин говорил о построении «социализма в одной стране», а лидеры «левых» такую постановку вопроса категорически отрицали, оба участника дискуссии явно исходили из того, что России предстояло решать свои проблемы самостоятельно, не дожидаясь того, как мировая революция изменит природу глобальной системы. При этом, однако, очевидно, что обойтись без мирового рынка ни та, ни другая стратегия не могут. Изъятые в деревне средства должны быть реализованы и превращены в машины, оборудование, технологии, металл для промышленности. Сделать это в массовых масштабах можно только через посредство мирового рынка.

Между тем в мировой экономике в очередной раз происходили процессы, которым предстояло резко изменить российскую ситуацию. Надвигалась Великая депрессия.

---

¹ Вопросы экономики. 1988. № 9. С. 111.

ОТ АВТОРИТАРИЗМА К ТОТАЛИТАРИЗМУ

На XV съезде партии, прошедшем в декабре 1927 года, линия Бухарина явно доминировала. В резолюциях съезда говорилось, что центральной фигурой деревни стал середняк. Если буржуазное развитие деревни приводит к поляризации крестьянского населения (часть нищает и превращается в пролетариев, а другие, напротив, обуржуазиваются), то советская власть породила ситуацию, при которой бедняки, получив землю и поддержку государства, стали укреплять свои хозяйства, становясь середняками. Провозглашая целью партии в деревне борьбу с кулаком (в котором видели представителя сельской буржуазии), резолюции съезда не предусматривали никаких насильственных мер. Напротив, речь шла о постепенном развертывании кооперации среди середняков, причем лишь в перспективе речь шла о переходе «на основе технической реконструкции и объединения распыленных крестьянских хозяйств — к крупному коллективному хозяйству»¹.

Съезд постановил, что «неправильно было бы отказываться от привлечения средств из деревни к строительству индустрии», но переусердствовать в этом направлении значило бы идти на «политический разрыв с крестьянством» и поставить под угрозу развитие собственного внутреннего рынка, сырьевой базы производства².

Государству в сельском хозяйстве отводилась главным образом «планово-регулирующая роль», опирающаяся на «рост влияния социалистических элементов в самой деревне»³. При этом специально подчеркивали, что надо преодолевать техническую отсталость сельского хозяйства, из-за которой страна не может вывозить достаточное количество зерна на экспорт, являющийся «базисом импортных опера-

---

¹ XV съезд ВКП(б). Резолюции и постановления, М.: Партиздат, 1932. С. 126.

² См.: XV съезд ВКП(б). Декабрь 1927. Стенографический отчет. М., 1962.

³ XV съезд ВКП(б). Резолюции и постановления. С. 28.

ций, необходимых для быстрой индустриализации страны и дальнейшего подъема самого сельского хозяйства»¹.

Резолюции XVI партийной конференции, прошедшей в апреле 1929 года (совсем незадолго до начала Великой депрессии на Западе), были еще более умеренными. В них особо подчеркивалось, что ни о каком принудительном объединении середняцких хозяйств речь не идет. «Крупное общественное хозяйство не противопоставляется индивидуальным бедняцким и середняцким хозяйствам как враждебная им сила, а смыкается с ними как источник помощи им, как пример преимущества крупного хозяйства, как организатор содействия им в деле постепенного объединения их в крупное хозяйство»². О «помощи» государства и коллективных предприятий индивидуальному хозяйству середняка в резолюциях конференции говорится неоднократно и подробно.

Таким образом, советской власти приходилось балансировать, искать компромиссные решения, пытаясь удержать «золотую середину» между развитием промышленности и сохранением лояльности деревни. В подобной ситуации не могли не возникнуть острые противоречия в руководстве. Борьба фракций обострялась, закончившись разгромом левой оппозиции. Тем не менее ее взгляды продолжали сохранять существенное влияние в партии.

Первый пятилетний план, окончательно одобренный в апреле 1929 года, был достаточно радикален, предусматривая резкое ускорение индустриализации, но и он не предусматривал резкого преобразования деревни. Очень скоро, однако, события внесли свои коррективы в планы советского руководства. И события эти были как внутренними, так и международными. Шаткое равновесие нэповской системы рухнуло под ударами двойного кризиса.

КРИЗИС ХЛЕБОЗАГотовОК

Политика обкладывания деревни «данью» в пользу индустриализации начала давать серьезные сбои к кон-

---

¹ XV съезд ВКП(б). Резолюции и постановления. С. 113—114.

² XVI конференция ВКП(б). Резолюции. М.: Партиздат, 1932. С. 28.

цу 20-х годов. Чем больше государство снижало закупочные цены на зерно, тем труднее было проводить плановые хлебозаготовки. Крестьяне сокращали посевы зерновых, переходя к производству других, более выгодных культур. В результате возникал не только дефицит продовольствия в быстро растущих городах, но и дефицит валюты. При всей своей остроте зерновая проблема, не была бы столь болезненной для советской власти, если бы зерно не было основным экспортным товаром. Как говорил Бухарин, чтобы развивать промышленность, надо платить за импорт оборудования «сельскохозяйственной валютой»¹. В результате руководство страны не могло ни резко увеличить закупочные цены, ни допустить существенного сокращения производства пшеницы.

В 1927 году разразился кризис хлебозаготовок. На частном рынке происходит стремительный рост хлебных цен. Подобного поворота событий следовало ожидать. На протяжении 1925—1928 годов большевики регулярно снижали государственные закупочные цены на зерно, выжимая ресурсы для экспорта. В 1928 году неурожай на Северном Кавказе привел к явному недобору ржи и пшеницы. Закупочные цены повысили, но даже теперь они оставались на 4% ниже, чем в 1925—1926 годах. Разрыв между ценами планового и частного секторов составил 202%².

Позднее, анализируя кризис хлебозаготовок, экономист Андрей Колганов отметил здесь явно несчастное стечение обстоятельств, которое, однако, было закономерно подготовлено предшествующей политикой: «Может быть, все эти обстоятельства не сказались бы столь ощутимо на обстановке хлебозаготовок, если бы не два фактора. Первый — хотя сокращение планового хлебооборота и размеров планового снабжения хлебом городского населения было незначительным, это произошло в условиях быстрого роста промышленности и численности городского населения, предъявляю-

---

¹ Бухарин Н.И. Указ. соч. С. 406.

² Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917—1963). М.: Мысль, 1964. С. 119—121.

щего возрастающий спрос на продовольствие. Именно это вызвало скачок цен частного рынка. Второе — связанное с острым дефицитом ресурсов для внутреннего рынка сокращение хлебного экспорта, который в 1928/29 г. составил всего 3,27% к уровню 1926/27 г.»¹. Экспорт зерна резко упал: с 2177,7 тыс. тонн в сезон 1926—1927 гг. до 344,4 тыс. тонн в 1927—1928 годах. Хуже того, для обеспечения городов продовольствием пришлось ввезти 248,2 тыс. тонн зерна из-за границы, потратив на это 27,5 млн. рублей в валюте². Соответственно, программа импорта машин и оборудования, от которой зависел успех индустриализации, была провалена.

Кризис хлебозаготовок спровоцировал новое размежевание в партии. Бухарин признал, что случившийся провал «связан был с неправильной политикой цен, с огромным разрывом цен на зерно и на другие продукты сельского хозяйства»³. Сталинская команда, напротив, приняла аргументы левых, объявив главной проблемой «саботаж» кулаков, которые укрывают зерно.

И все же кризис хлебозаготовок сам по себе не был бы фатальным для социально-политического равновесия, сложившегося в постреволюционной России, если бы он не совпал с совершенно противоположными процессами, происходившими в мировой экономике. В то время как зерно стремительно дорожало на внутреннем рынке, оно столь же стремительно дешевело на мировом. «Ножницы» срабатывали в обратную сторону. Чем больше Запад приближался к началу большой депрессии, тем ниже оказывались мировые цены на зерно. Еще в 1926 году Кондратьев констатировал, что в период «понижательной волны» на мировом рынке «сельское хозяйство испытывает более глубокую депрессию, сельскохозяйственные товары сильнее падают в цене, и их покупательная сила относительно понижается»⁴.

¹ Колганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. М.: Экономика, 1990. С. 107.

² См.: История социалистической экономики в СССР. Т. 3. М.: Наука, 1977. С. 328.

³ Бухарин Н.И. Указ. соч. С. 404.

⁴ Кондратьев Н.Д. Цит. соч. С. 221.

Стратегия советской индустриализации была основана на том, что, вывозя зерно, государство приобретало оборудование и технологии. Падение мировых цен, сопровождавшееся ростом внутренних цен на хлеб, при одновременном сокращении экспорта в совокупности создавали критическую ситуацию. Программа индустриализации оказалась под угрозой провала.

К началу 1928 года недобор по хлебозаготовкам оказался 128 млн. пудов по сравнению с предыдущим годом. В столице не нашли иного выхода, кроме использования репрессивных мер против деревни. Сталин сформулировал проблему с присущей ему четкостью и простотой: «Лучше нажать на кулака и выжать у него хлебные излишки... чем тратить валюту, отложенную для того, чтобы ввезти оборудование для нашей промышленности»¹.

Историк Александр Шубин замечает, что многое из того, что делалось в 1929-31 годах, за несколько лет перед тем показалось бы самому Сталину авантюризмом. Но все изменила Великая депрессия. Сталин «оказался в ловушке из-за мирового кризиса»². Планы, составленные совсем недавно, в конце 1928 и в начале 1929 года, уже совершенно не соответствовали реальному положению дел. «Конъюнктура мирового рынка резко ухудшилась. Ресурсы резко подешевели. Этого не могли предугадать ни Сталин, ни советские плановики. Все расчеты, на которые опирался Сталин, рухнули. Страшные пророчества Троцкого о том, что строительство социализма обусловлено состоянием мирового рынка, оказались суровой правдой. Перед Сталиным встала простая альтернатива: либо провал, фактическая капитуляция перед правыми, либо продвижение ускоренными темпами через критическую экономическую полосу, форсирование экспорта и, следовательно, наступление на крестьян...»³

---

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. С. 92.

² Шубин А. в. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929 - 1941. М.: Вече. 2004. С. 38.

³ Шубин А.В. 10 мифов советской страны. М.: Яуза, ЭКСМО, 2007. С. 185—186.

От строительства части объектов, запланированных до начала депрессии, пришлось отказаться, но это уже ничего не меняло. Открытый провал пятилетнего плана и отказ от программы индустриализации грозили обернуться политической катастрофой не только для Сталина, но и для советского режима. Выбор был очевиден.

В январе 1928 года Политбюро ВКП(б) проголосовало за «применение чрезвычайных мер в отношении кулака в связи с трудностями хлебозаготовительной кампании»¹. Показательно, что это решение поддерживали и «правые» — Бухарин, Рыков, Томский. Они голосовали за чрезвычайные меры и на апрельском Пленуме Центрального Комитета ВКП(б). Разумеется, они подчеркивали, что подобные меры должны носить исключительно временный характер, и ни в коем случае не превращаться в систему. Но и здесь их позиция не сильно отличалась от взглядов, высказывавшихся на тот момент Сталиным.

Принятые в 1928 году «чрезвычайные меры» дали ожидаемый результат: несмотря на плохой урожай в основных хлебных районах в сезон 1928—1929 года, заготовили зерна только на 2% меньше, чем в 1926/27 году. Однако обратной стороной этой политики было то, что неустойчивый компромисс между городом и деревней, установившийся в конце Гражданской войны, был подорван: «Применение силы при заготовке зерна в 1928 году можно считать достаточно успешным, — пишет известный историк Моше Левин, — но оно предопределило неизбежные неприятности при проведении следующей кампании заготовок; и вскоре уже необходимо было вводить рационирование, чтобы справиться с «продовольственными трудностями»².

Принудительное изъятие зерна в деревне разрушало шаткое социально-политическое равновесие, на котором покоилась советская модель 20-х годов. Крестьянство утрачивало доверие к большевистскому городу, а это означало необходимость еще более жестких мер для того, чтобы сохранить контроль над ситуацией. Если в 1928 году чрез-

---

¹ Вопросы экономики. 1988. № 9. С. 97.

² Lewin M. Russia/USSR/Russia. N.Y., The New Press, 1995, P. 106.

вычайные меры все же применялись ограниченно и выборочно, то в 1929 году, на фоне уже наступившей мировой депрессии советское руководство вынуждено было прибегнуть к массовому изъятию зерна и «раскулачиванию» хозяев, работавших на частный рынок.

В итоге чрезвычайные меры, введенные в качестве временных, должны были повторяться снова и снова, превращаясь в постоянную практику. Однако невозможность такого положения была очевидна для всех. Если в условиях Гражданской войны «продразверстка» могла некоторое время достигать своей цели, то в мирное время требовалось иное решение. Именно массовое изъятие хлеба в деревне в 1918 году подогрело пожар Гражданской войны. Проводить такую политику постоянно значило рано или поздно привести страну к новой вспышке гражданского конфликта, в ходе которого советская власть вполне могла рухнуть.

Обратного хода уже не было. Новая экономическая политика потерпела крушение, не выдержав испытания Великой депрессией. Поскольку удерживать контроль над продовольственным рынком с помощью периодических конфискации было уже невозможно, рождаются новые лозунги: «Сплошная коллективизация» и «ликвидация кулачества как класса». По существу, речь идет о возможности контролировать сельское хозяйство непосредственно, изнутри, объединив всех производителей в подчиненные государству колхозы. Соответственно, появляется возможность без всяких чрезвычайных мер изымать из деревни административным методом в любой момент столько зерна, сколько нужно будет государству, минуя рынок.

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ»

У большевистских лидеров не было готового плана. Еще летом 1928 года Сталин писал, что «нельзя бороться с кулачеством путем раскулачивания», а разговоры об отмене новой экономической политики «являются контрреволюционной болтовней»¹. Однако уже осенью ситуация изменилась

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 124, 15.

кардинально. Нужно было что-то срочно придумать. И решение было найдено: «сплошная коллективизация». Подвергнуть репрессиям «кулаков», остальных недовольных объявить «подкулачниками» и отправить в ссылку вслед за кулаками, частные крестьянские хозяйства ликвидировать, инвентарь и скот отобрать и всех загнать в подконтрольные государству колхозы.

Показательно, что сторонники Троцкого и другие активисты левой оппозиции на первых порах совершенно не поверили в резкое изменение курса. В самом деле, принятые решения противоречили всему тому, что говорил и делал Сталин в предшествующие годы. «Объявленная борьба с правым уклоном и примиренческим к нему отношением, представляет из себя такую же пародию действительной борьбы, как прославленная самокритика явилась пародией критики», — писал «Бюллетень оппозиции»¹.

Оценки оппозиционеров были продиктованы не только их идеологическими установками, но и опытом 20-х годов. На протяжении этого периода Троцкий пришел к твердому выводу: «Политика сталинского руководства состоит из коротких зигзагов влево и глубоких вправо»². Оппозиционеров в 1927 году избивали на улицах за попытки выйти на юбилейную демонстрацию, посвященную десятилетию революции, с плакатами «Повернем огонь направо — против кулака, нэпмана, бюрократа»³.

Поворот сталинского большинства в партийном руководстве от курса на поддержание равновесия между городом и деревней к резкому наступлению на деревню, произошедший в 1928—1929 годах, вовсе не вытекал логически из «центристского» курса, которого придерживались Сталин и его окружение. Лишь задним числом историки с легкостью выстраивали красивые схемы: сначала расправа с левыми, потом удар по правым. На самом деле никакого заранее за-

---

¹ Бюллетень оппозиции. 1929. № 3. С. 13 (письмо Х. г. Раковского).

² Коммунистическая оппозиция в СССР. Из архива Л. Троцкого / Сост. Фельштинский Ю. Benson, Vermont: Chalidze Publications. 1988. Т. 4. С. 254.

³ Там же. С. 253.

готовленного плана не было и не могло быть, ибо Сталин и его соратники не предвидели ни кризиса хлебозаготовок, ни Великой депрессии. Потому троцкисты в своей прессе были совершенно правы, оценивая курс руководства как вынужденный. Они лишь не осознавали, насколько глубоко новые обстоятельства изменят не только курс партии, но и саму природу советского режима¹.

Решение, принятое Сталиным и его ближайшим окружением под угрозой надвигавшейся хозяйственной катастрофы, противоречило не только взглядам Бухарина и других «умеренных» лидеров, но и пятилетнему плану, решениям XV съезда партии, XVI партконференции, да и высказанным ранее позициям самого Сталина. Вождь партии вынужден был признать это. Но, заявил он, обстановка изменилась, и прежние решения надо «отложить в сторону»².

Сталин был по-своему прав. Обстановка действительно изменилась. Великая депрессия не только меняет правила игры на рынке, но и явственно предвещает крупные международные потрясения. Призрак новой мировой войны становится все более различимым. Следовательно, программу индустриализации надо форсировать, не считаясь ни с чем. Великая депрессия на Западе подтолкнула «Великий перелом» в России. Коллективизация дезорганизовала советское аграрное производство, но она же создала условия для стремительного рывка промышленности.

Проблема зерна для индустриализации была решена: «Валовые сборы хлеба все время падали, начиная с 1928 г. (если не считать урожайного 1930 г.), зато росли хлебозаготовки и экспорт. И если в 1930 г. собрали 771,6 млн. центнеров хлеба, а вывезли на экспорт 48,4 млн. центнеров, то в 1931 г., собрав всего 694,8 млн. центнеров, вывезли 51,8 млн.

---

¹ Как выразился Александр Шубин, «НЭП не «сломали». Он «сломался» сам. Ситуация 1927—1928 гг. подвела развитие НЭПа к точке невозврата» (*Шубин А.В. 10 мифов советской страны. С. 162*). См. также: *Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929—1941. М.: Вече. 2004; Шубин А.В. Вожди и заговорщики. М.: Вече, 2004.*

² *Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 181—182.*

центнеров»¹. Официальная история советской экономики констатирует, что на протяжении всего периода «Великого перелома» главным источником валютных поступлений оставался экспорт зерна. «Именно в 1929—1932 гг. советский вывоз хлеба достиг наибольших размеров за весь период до Второй мировой войны... От экспорта хлеба Советское государство выручило 444,5 млн. руб. в валюте»². Сталин призывал «бешено форсировать вывоз хлеба», напоминая, что в противном случае страна рискует остаться без новых машиностроительных и металлургических заводов³. Старый лозунг «Недоедим, но вывезем!» снова стал руководством к действию.

Но выбор в пользу экспорта одобряли далеко не все. Документы, находящиеся в Российском государственном архиве экономики, свидетельствуют, что в 1930 году некоторые хозяйственные работники доказывали, что экспорт продуктов питания необходимо сократить «в связи с продовольственными затруднениями нашей страны». Начальник управления Наркомата торговли Ф.Я. Рабинович даже обнародовал эту позицию публично на страницах «Экономики и жизни»⁴. Однако подобные взгляды были оценены как ошибочные.

Глобальный экономический кризис привел к тому, что оборот мировой торговли сократился на две трети. Одновременно упали и цены. С точки зрения Сталина, это был исторический шанс. «У Советского государства появилась реальная возможность приобрести в необходимых размерах на мировом рынке машины, оборудование, металл. Было также очевидным, что новая возможность расширения импорта не может быть продолжительной»⁵.

---

¹ Колганов А.И. Указ. соч. С. 123.

² История социалистической экономики в СССР. Т. 3. М.: Наука, 1977. С. 309.

³ Цит. по: Шубин А.В. Мир на краю бездны. С. 38.

⁴ См.: Экономика и жизнь. 1930. Октябрь.

⁵ История социалистической экономики в СССР. Т. 3. М.: Наука, 1977. С. 309.

Американская ассоциация промышленных экспортеров (American Manufacturers Export Association) в это же время отмечает: «Имеются огромные запасы новых машин, которые из-за отсутствия рынков сбыта не могут быть проданы», а потому технику можно приобрести «значительно дешевле первоначальной цены»¹. Точно так же можно было за бесценок скупить оборудование, которое было закуплено фирмами перед кризисом, а теперь оказалось излишним.

Впрочем, цены на оборудование падали неравномерно. Так строительное оборудование подешевело на 4—6%, но по некоторым типам машин снижение цен достигало 30%. Советские организации, импортировавшие технику, фиксируют, что цены на электрооборудование упали на 17,5%. А знаменитая немецкая фирма «Карл Цейс» стала брать за оптику на 10% и за измерительные приборы на 13% меньше, одновременно увеличив срок кредита².

И все же отношения с поставщиками складывались достаточно драматично. Советские представители в Германии жаловались, что местные фирмы «просят заказов, но в то же время требуют более льготных для себя условий расчета»³. С одной стороны, Советский Союз предъявлял растущий спрос на оборудование и металл, что было очень важно для западной промышленности в условиях кризиса. Но, с другой стороны, из-за нехватки валюты торговые представительства СССР пытались получать технику в кредит, что осложняло положение фирм-поставщиков, которые сами испытывали финансовые затруднения.

Цены на советский экспорт падали еще быстрее, чем цены на импортированное оборудование. Выручка валюты от экспорта составила лишь 60,5% от намеченной пятилетним планом, в то время как по физическому объему план был выполнен на 95%⁴. Уникальные «возможности» миро-

---

¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 106. Л. 24.

² См.: РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 233. Л. 6. См. также РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 242. Л. 15.

³ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 235. Л. 3.

⁴ См.: История социалистической экономики в СССР. Т. 3. С. 310—311.

вого кризиса обернулись чудовищными издержками. Это вынуждены признать и официальные советские источники. «Известно, что в период кризиса цены на сельскохозяйственные товары упали ниже, чем цены на изделия промышленности. Поэтому на экспорте в те годы Советское государство потеряло 1873 млн. руб., а на импорте сэкономило 772,6 млн. руб. Следовательно, в результате падения цен на мировом рынке наша страна потеряла 1100,4 млн. руб. в валюте»¹.

Чем дешевле было зерно, тем больше требовалось его вывозить. Главным импортером советских товаров в тот период являлась Великобритания. Общий импорт из Советского Союза после начала депрессии, несмотря на снижение цен, вырос с 21 051 633 фунтов в 1927 году до 34 245 419 фунтов в 1930 году². По данным советского торгового представительства в Лондоне, на долю СССР в 1930 году приходилось 13,3% ввозимой в страну пшеницы. А уже за первые 9 месяцев 1931 года доля СССР достигла 24,5%³. Компенсировать снижение цен приходилось не только увеличением вывоза зерна (что вело к еще большему падению цен), но и расширением номенклатуры экспортируемых товаров. Готовы были вывезти все, что только можно продать, за любые деньги, в любом количестве. Кроме зерна вывозили: нефтепродукты, лесоматериалы, железную руду, лен, пеньку, паклю, асбест, марганец, драгоценности, кустарные изделия, ковры, спички, икру, сало, свежие и сушеные фрукты, овощи и т.д. Но цены снижались практически на все виды продукции. В отчете «Союзпродэкспорта» за 1931 год говорилось, что состояние мировых цен по товарам, экспортируемым из СССР, можно изобразить «в виде кривой, непрерывно падающей»⁴.

---

¹ История социалистической экономики в СССР. Т. 3. С. 311.

² См.: РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 227. Л. 3.

³ См.: там же. Л. 6. Общий импорт Великобритании из СССР в 1930 году составил, по советским данным, 34 245 419 фунтов (см. там же). Великобритания к тому времени была основным импортером продукции из СССР. Советское представительство в Лондоне вело здесь очень тщательный мониторинг цен, что, возможно, связано и с «репрезентативностью» британского рынка с точки зрения мировой конъюнктуры.

⁴ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 203. Л. 33.

Индекс оптовых цен в Британии упал с 177,9 в 1925 году до 129,3 в 1930 году и продолжал идти вниз, достигнув 101,6 в августе 1931 года. В США он снизился с 152,3 в 1925 году до 125,1 — в 1930-м, а в августе 1931 года составлял уже всего 100,4. В Германии падение было с 130,2 до 103,8, а к августу 1931 года индекс составил 101,35¹.

За период 1929—1930 годов масло подешевело на 39,76%, а в 1931 году — еще на 11,9%². Снижение цен в 1931 году было настолько значительным, что, несмотря на увеличение вывоза масла на 10%, общая стоимость вывезенного оказалась меньше, чем в предыдущий год, на 13%³.

Яйца упали в цене на 44,27%, потом еще на 10,4%. По нефтепродуктам снижение цен составляло в среднем 4-6%, а в 1931 году произошел новый спад, уже на 10—15%. Асбест подешевел примерно на треть, затем еще раз на треть. Тобольский лисий мех упал в цене на 38,67%, потом снова на 33%. Якутский горностаи стоил в условиях депрессии на 58% дешевле, а к 1931 году потерял еще 21% цены. Бухарские ковры упали на 8,93%, затем еще на 17,5%⁴.

Но даже резко подешевевшие товары не всегда можно было продать. Латвийская газета «Сегодня» сообщала в сентябре 1931 года: «Во всех европейских гаванях лежат огромные партии советского сырья и товаров, не находящихся сбыта. Стоимость этого сырья оценивается в десятки миллионов долларов»⁵.

Но все же ничтожные цены, по которым государство приобретало продукцию у сельского хозяйства, позволяли получать прибыль за границей, несмотря на кризис. Даже если товар на мировом рынке часто приходилось продавать вообще в убыток, принципиального значения это уже не имело: нужна была наличная валюта.

---

¹ См. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 227. Л. 14.

² Там же. Л. 8—11.

³ Там же. Д. 203. Л. 37.

⁴ Там же. Д. 227. Л. 8—11.

⁵ Сегодня (Рига), 27.09.1931.

ВСЕ НА ПРОДАЖУ

«Цифры внешней торговли, — писал Троцкий в 1931 году, — все больше становятся командующими цифрами по отношению к планам и темпам социалистического строительства»¹.

Между тем, СССР находился в этот момент на грани дефолта по внешним долгам, а пятилетний план — на грани провала. Рассматривая последствия глобального капиталистического кризиса, немецкая пресса в те дни писала, что советское коммунистическое правительство «в собственных своих интересах не может в настоящее время ощущать большой радости от растущего в других странах темпа затруднений, оно вовсе не заинтересовано увеличивать в этих странах внутривполитические противоречия»².

Страшным ударом по Советскому Союзу стало падение курса английского фунта в 1931 году. В фунтах традиционно устанавливались цены на российский экспорт — хлопок, лен, зерно, нефть. В фунтах хранились и советские активы за рубежом. Между тем большая часть оборудования приобреталась за немецкие марки и доллары. Как отмечала эмигрантская пресса, «к переведенным в Америку и Германию суммам в фунтах для оплаты срочных векселей придется доплатить разницу примерно от 15 до 18 процентов»³.

На Западе были убеждены, что без кредитов, взятых в Англии, США и Германии, «пятилетний план не мог бы даже быть начат»⁴. А кредитоспособность Советской России была под вопросом. В эмигрантских газетах в сентябре 1931 года писали, что советские торговые представительства вот-вот вынуждены будут «объявить мораторий по заграничным платежам»⁵. Советский золотой запас истощался, по оценкам иностранных газет, в России «оставалось всего на 50

---

¹ Бюллетень оппозиции. 1931. № 20. С. 4.

² РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 287. Л. 137: обзор немецкой экономической прессы.

³ Сегодня (Рига). 27.09.1931.

⁴ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 287. Л. 104: обзор прессы.

⁵ Сегодня (Рига). 29.09.1931.

или 70 миллионов рублей золота»¹. В Москве к подобным заявлениям относились крайне болезненно, но драматизма ситуации не отрицали.

В Германии по договору 1926 года советские торговые представители могли использовать кредит в 300 млн. марок, из которого правительство Веймарской республики гарантировало 60%. В результате, отмечали в Москве, «мы имеем кредит не в 300 млн. марок, а только в 200 млн.»². К началу Великой депрессии задолженность СССР по этому кредиту составляла 80 миллионов марок³. В 1930—1931 годах условия кредита постоянно ухудшались, а положение Советского Союза как должника становилось все сложнее. В Москве признавали, что имела место задержка платежей, «ставшая хронической с начала 1930 года и являвшаяся предметом обсуждения в иностранной печати и в официальных переговорах с представителями правительства, широко использованная в антисоветской кампании»⁴.

К 1932 году пассивное сальдо СССР в торговле с Германией составляло примерно 300 млн. марок, иными словами, оно было примерно равно номинальной сумме предоставленного стране кредита. Неудивительно, что немецкие финансисты нервничали. Однако официальные лица в Берлине старались поддерживать в деловых кругах оптимизм. Оценивая экономическое положение в СССР, представитель немецкого министерства иностранных дел писал: «Они сделают все от них зависящее, чтобы выполнить свои обязательства, поскольку каждый неоплаченный вексель означал бы банкротство государства»⁵.

Эта оценка была верна. Долги были выплачены, а закупки оборудования за границей продолжены. Несмотря на нехватку валюты, план по ввозу в страну машин был даже перевыполнен (составив 105,6% от заданной цифры), тогда как

---

¹ Сегодня (Рига). 7.09.1931.

² РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 173. Л. 10.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Галин В. Политэкономия войны. Заговор Европы. М., Алгоритм, 2007. С. 16.

в целом по импорту его выполнили всего на 48,6% . Доля средств производства в импорте составила до 90%. «К концу пятилетки Советский Союз занимал первое место в мире по импорту машин и оборудования. В 1931 г. около 1/3, в следующем году — около 1/2 всего мирового экспорта машин было направлено в СССР»¹.

В больших количествах ввозился металл (на него шло около 20% валютных затрат). Особенно не хватало качественной стали, которую приходилось закупать за границей.

Поскольку валюты хронически недоставало, государство готово было вывозить все, что угодно — от золота, нефти и мехов до картин Эрмитажа. Для получения экспортной продукции созывались специальные совещания в союзных республиках и областях, «организовывались ударные комсомольские бригады, устраивались массовые месячники».

Добыча ресурсов для экспорта обеспечивалась сочетанием политической мобилизации, материального поощрения и репрессий. Премирование экспортных бригад и введение специальных тарифов для оплаты продукции, предназначенной на вывоз, является обычным делом. Но особенное значение придавалось агитации. Необходимо было разъяснить трудящимся, что речь идет о первостепенной государственной задаче: «Мобилизовать как колхозную, так и, в особенности, комсомольскую общественность на решительную борьбу за выполнение экспортных годовых заданий». Кроме проведения месячников и двухнедельников по заготовке экспортных товаров, создавались ячейки содействия экспортной работе. В разъяснительной кампании должны были участвовать профсоюзы, партийные органы, печать.

Вывозят древесный уголь, бекон, языковые консервы, пушнину, меховое сырье, щетину, тряпье. Список непрерывно пополняется: стекло-фарфоровые изделия, кружева, ивовый прут, корзины, табак, шерсть, поташ, парафин, цемент, промышленные отходы, апатиты, хлопок, лекарственные травы, мак, шпалы, доски, паркет, пух, перо. Разумеет-

---

¹ История социалистической экономики в СССР. Т. 3. С. 313.

ся, направляют на мировой рынок драгоценные металлы и водку. В списке экспортных товаров появляется конский волос, крахмал, канифоль, глицерин, яблоки, орехи, сушеные грибы, соленые огурцы, мороженые мясные отходы, битая птица, рыбий клей, мед, сульфигированная клубника и смородина, подсолнечное и касторовое масло, яйца.

Несовпадение между планами и реальным положением дел постоянно становится причиной неудачи в деле повышения экспорта. На Северном Кавказе вынуждены были признать, что экспортный план был сорван «по причине отсутствия в крае ресурсных возможностей»¹. Иными словами, искомым товарам на территории просто не было, во всяком случае, в тех количествах, которое было затребовано. В результате обычным делом было выполнение планов на 5—10%. В 1932 году из 23 областей, получивших экспортные задания, выполнили их лишь 8.

Однако общий результат был все же достигнут. Ценой огромных усилий, отчаянной работы на местах программа индустриализации получила необходимую валюту.

УСПЕХ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

В качестве одного из важнейших признаков тоталитаризма либеральные мыслители всегда называли «закрытую экономику». Между тем Великая депрессия стала временем, когда все страны, в том числе и наиболее либеральные, стали в экономическом отношении гораздо более закрытыми. Для Советского Союза поворот Запада к протекционизму означал серьезные проблемы и требовал ответных мер.

Решающим событием в этом смысле стал отказ Великобритании от принципов свободной торговли. На Оттавской конференции Британского содружества в 1932 году было принято решение о переходе к политике протекционизма в рамках империи. Заморские доминионы получили льготы, тогда как товары из стран, не входящих в империю, были обложены высокими пошлинами. Впоследствии определен-

---

¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 173. Л. 5.

ные уступки были сделаны скандинавским государствам и Аргентине, но, разумеется, не СССР. Англо-советский торговый договор прекратил свое действие, и экономические взаимоотношения стран резко ухудшились.

Британия, несмотря на все изменения политики, оставалась основным экспортным рынком для России. Самым неприятным было то, что именно товары из доминионов конкурировали здесь с советскими. Если канадская пшеница была теперь освобождена от пошлин, то советская обложена пошлиной в 2 шиллинга за центнер. Поставки канадской пшеницы в Британию резко выросли, превысив 40% от ее импорта, увеличились и поставки из Австралии. В 1930 году пшеница из СССР составляла 17,9 % британского ввоза, в 1931 году — уже 24,2%, а в 1932 году доля Советского Союза упала до 3,1%¹. Пострадали также поставки масла и других видов продовольствия. Советский ввоз в Англию сократился почти наполовину². После того, как в середине 1933 года англо-советская торговля достигла низшей точки, товарооборот начал несколько расти, но все равно, по оценкам торговых представителей в Лондоне, положение оставалось «крайне тяжелым»³. Единственным утешением было то, что столь же резко упали и поставки американского зерна.

До 1932 года Британия представляла собой, по оценке советских специалистов, «единственный свободный рынок». Теперь в Москве вынуждены были признать, насколько серьезной проблемой была «чрезмерная наша зависимость от английского рынка»⁴. Были предприняты отчаянные по-

---

¹ РГАЭ. Ф.413. Оп. 13. Д. 510. Л. 51. Для того чтобы как-то смягчить конкуренцию на мировом рынке зерна, в августе 1933 года в Лондоне была созвана конференция стран-экспортеров и импортеров пшеницы, в которой активную роль сыграл Советский Союз. Производители зерна обсуждали введение квот. Однако уже с середины 30-х годов на фоне углубляющегося упадка сельского хозяйства и растущего спроса, предъявляемого городами, СССР начинает сокращать свое присутствие на мировом рынке продовольствия.

² См.: РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 213. Л. 76.

³ Там же. Л. 154.

⁴ Там же. Д. 510. Л. 50.

пытки наладить торговые связи с государствами, ранее не привлекавшими к себе особого интереса. Обсуждалось расширение советских поставок в колониальные страны. Но особых успехов здесь добиться не удалось. Налажены были поставки нефти в Южную Африку. В Индию и Британскую Африку вывозили спички, мыло, консервы, керосин, носовые платки, швейные машинки, сигареты и многое другое — главным образом через английских посредников. Но протекционистская политика в рамках Британской империи делала такую торговлю затруднительной. Пытались продавать муку на остров Мальту, но это оказалось невыгодно из-за того, что там брали слишком малые партии.

Торговля с французскими колониями также развивалась плохо. Главной проблемой была нехватка товаров, пригодных к вывозу. Так, был подписан контракт с Марокко, а «после заключения контракта оказалось, что почти все товары, предусмотренные контрактом, за отсутствием их, не могут быть поставлены»¹.

Не слишком успешной была и работа советских экспортеров на рынке США. Эксперты Американской ассоциации промышленных экспортеров доказывали, что «факты не оставляют камня на камне от идей тех, кто говорит про «дэмпинг» или «продажу за бесценок»»². Главным препятствием был опять же протекционизм. Этот протекционизм ударял по самой американской промышленности, поскольку ослаблял покупательную способность СССР, превращавшегося в важнейшего клиента³.

Протекционизм, торжествовавший на Западе, вынуждал Советский Союз решать свои проблемы в одиночку.

---

¹ РГАЭ. Ф.413. Оп. 13. Д. 211. Л. 6.

² Там же. Д. 106. Л. 2.

³ Данная мысль неоднократно повторяется в документах Американской ассоциации промышленных экспортеров, копии которых мы находим в советских архивах. Экспортеры подчеркивали: «Совершенно очевидно, что повышение продаж российских продуктов в Соединенных Штатах приведет к росту покупательной способности России в Америке» (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 106. Л. 8). См. также: РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 106. Л. 2 и др.

Чем труднее было заработать валюту, тем более важной задачей становилось замещение импорта. Частично нехватку средств на закупку сырья компенсировала отечественная промышленность. Так, в Советском Союзе впервые в мире было налажено массовое производство синтетического каучука. Развитие химической промышленности позволило заменить или свести к минимуму ввоз кислот, удобрений, красителей, пластмасс, кокса, азотной продукции. Начались поиски и разработка новых месторождений полезных ископаемых.

Далеко не всегда подобные программы были предусмотрены первоначальным планом. Но чем больше ввозилось машин, тем больше Советский Союз нуждался в замещении других видов импорта. В условиях острого дефицита средств советское руководство решило, что «затрата валюты на приобретение за границей оборудования, которое может быть получено внутри страны, является совершенно недопустимой»¹. Иными словами, «отключение» советской страны от мирового рынка и создание «закрытой экономики» в значительной мере оказалось результатом процессов, происходивших в 1929—1932 годах на самом мировом рынке.

В 1931 году в ведомствах, занимавшихся импортом оборудования, царил такой же хаос, как и в других отраслях. Ответственные работники признавали, что в вопросе планирования «нет никакой ясности и возможности установить правильность выполнения планов»². Не понимали, как работать с западными компаниями, — в Наркомате внешней торговли сотрудников предупреждали: «За деятельностью представительств инофирм надо хорошо смотреть и не допускать таких вещей, чтобы они ходили у нас по учреждениям и заранее узнавали, что мы им закажем»³.

К концу 1931 года ситуация начинает несколько выправляться. Цены на экспортирующуюся из СССР продукцию начинают расти. Повышается и эффективность совет-

---

¹ РГАЭ, ф. 413, оп. 13, д. 453, л. 42.

² Там же. Д. 233. Л. 8.

³ Там же. Л. 2.

ских внешнеторговых организаций. Поскольку в условиях депрессии значительная часть продукции отпускалась в кредит (а условия кредита становились тем выгоднее, чем более тяжелым было состояние компаний), то у советских внешнеторговых организаций появляется возможность рассчитаться по долгам и сделать новые заказы.

С 1932 года импорт оборудования неуклонно сокращается, поскольку растет производство отечественного машиностроения. Уже с 1932 года СССР полностью обеспечивает себя сельскохозяйственными машинами, резко выросло собственное производство металла. Прекращен импорт газогенераторных устройств, запчастей к автомобилям, многих видов измерительных приборов и т.д.

Новая советская промышленность создается сразу на основе наиболее передовых технологий своего времени. Главным импортером советских товаров, несмотря на все политические проблемы, оставалась Великобритания. В годы депрессии она обогнала в этом качестве Германию. В 1929—1931 годах на нее приходилось 23,7% советского экспорта, тогда как в Германию уходило 21,4%¹. Напротив, в Соединенные Штаты советских товаров вывозилось крайне мало. Но именно Америка, наряду с Германией, становится главным поставщиком оборудования. В 1930 году отсюда приходит 31,2% всей ввозимой техники, а в первом квартале 1931 года уже 42,8%².

Немецкие технологии и оборудование были привычными для России. С начала 1932 года СССР занял первое место в германском экспорте, причем «явился единственной страной, в которой германский экспорт продолжал расти»³. В основном в Советский Союз ввозились машины и металл. В годы депрессии СССР получил из Германии 50% всех закупленных машин и оборудования. При этом сама немецкая промышленность в высшей степени зависела от советского рынка. «В 1932 г. Германия экспортировала в СССР поч-

---

¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 227. Л. 3.

² Там же. Д. 233. Л. 16.

³ Там же. Д. 310. Л. 106.

ти все производимые паровые и газовые турбины, прессы, краны и автомобили, 70% станков, 60% — экскаваторов, динамо-машин и металлических ферм, половину никеля, сортового железа, воздуходувок и вентиляторов»¹.

С приходом к власти в Берлине нацистов экономические отношения между двумя странами начинают ухудшаться, причем инициатива исходит от немецкой стороны. Советские представители сообщают, что экспорт в Германию падает и это «связано главным образом с торговой политикой германского правительства»². Увеличивается количество деловых споров, причем контролируемые нацистами арбитражные суды неизменно выносят решения в пользу немецких фирм. Торгпредство в Берлине констатирует, что с первых же дней после прихода к власти режим Гитлера «начинает готовиться к пересмотру основ советско-германских отношений»³.

Ухудшение отношений с Германией усиливает роль, которую в планах советской индустриализации начинает играть Америка. Московское руководство сделало выбор в пользу страны, обладавшей новейшими технологиями. К середине 20-х годов Соединенные Штаты не просто лидировали в технологическом перевооружении промышленности. Конвейерные производства и соответствующая им органи-

---

¹ Галин В. Цит. соч. С. 17.

² РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 519. Л. 91.

³ Там же. Л. 90. В 90-е годы в российской прессе появилась целая серия публикаций, где авторы со ссылками на архивные источники сообщали о широком технико-экономическом сотрудничестве между СССР и нацистской Германией в 30-е годы. В заключение авторы неизменно делали вывод, что тем самым подтверждается сходство двух тоталитаризмов. Они неизменно забывали упомянуть, что речь шла о выполнении договоренностей, достигнутых еще в Веймарской Германии, причем связи между двумя странами на протяжении 1933—1939 годов неуклонно сокращались. С другой стороны, западные демократии вплоть до начала Второй мировой войны тоже не отказывались от работы с немецкими фирмами. Совершенно иной характер приняло советско-германское сотрудничество после пакта Молотова—Риббентропа, когда стратегические поставки из СССР действительно укрепляли военный потенциал нацистской Германии.

зация труда, внедренные первоначально на заводах Генри Форда, позволяли резко повысить эффективность производства и сделать выпуск продукции по-настоящему массовым. Большинство отраслей советской промышленности, не зная предшествующей фазы, сразу создавалось на основе фордистских технологий.

Основным партнером СССР в Америке была финансово-промышленная группа Моргана. Советские представители в США старались строить отношения с местными корпорациями стратегически, стремясь «учитывать их европейские интересы, увязывая сдачу заказов в Америке с заказами в Европе»¹.

Тяжелой проблемой оставалось пассивное сальдо советско-американской торговли, составлявшее в 1930 году 107 млн., а в 1931 году — 79,969 млн. долларов². Постоянный дефицит советского торгового баланса вызывал беспокойство у самих американцев, опасавшихся, что советские заказы могут перейти к немецким или британским конкурентам. Однако развитие политических событий в Европе благоприятствовало американским корпорациям, и они оставались главными партнерами советской индустриализации.

Форсированный рост промышленности принес свои плоды во время Второй мировой войны. Сопоставляя итоги индустриализации 1928—1940 годов с промышленным ростом 1900—1913 годов, либеральные социологи Л.А. Гордон и Э.В. Клопов пришли к выводу, что сталинская модернизация была куда успешнее реформ Витте и Столыпина. «За каждым из этих равнопродолжительных периодов последовало военное столкновение нашей страны с одним и тем же внешним противником. Война выступила в качестве своего рода экзаменатора, проверяющего результаты сделанного. Причем во втором случае экзаменатор был гораздо «строже», нежели в первом. Всю Первую мировую войну Германия и ее союзники воевали на два фронта и могли выставить против России лишь меньшую часть своих армий;

---

¹ РГАЭ. Ф.413. Оп. 13. Д. 102. Л. 4.

² Там же. Д. 103. Л. 1, 3.

большая их часть оставалась на западном театре военных действий. Три года из четырех лет Великой Отечественной войны Советский Союз вел борьбу с фашистской Германией практически один на один. Не треть, как в 1914—1918 гг., а примерно 3/4 немецких вооруженных сил было сосредоточено против нас в 1941—1945 гг. Тем не менее, дореволюционная Россия не сумела добиться военного успеха, а Советский Союз сокрушил фашизм»¹.

И в том, и в другом случае индустриализация основывалась на вывозе зерна и эксплуатации деревни, хотя сталинские меры по своей жесткости и эффективности не идут ни в какое сравнение ни с фискальным нажимом Витте, ни с репрессиями Столыпина. Однако было ли это выдавливание средств из деревни главным условием успеха? Безусловно, нет. Достижения первых пятилеток предопределены были не репрессиями против крестьян, а неучастием советской России в международном процессе накопления капитала. Именно это отсоединение от миросистемы, *de-linking*, пользуясь терминологией Самира Амина, позволило сосредоточить все средства на решении главной задачи индустриализации. Именно эта независимость от мировых рынков капитала позволила советской индустрии набрать вполне приличные темпы уже к середине 20-х годов.

Напротив, сплошная коллективизация и переход к тоталитаризму в 1929—1932 годах были в значительной мере (хотя и не исключительно) результатом общемирового хозяйственного кризиса, который затронул Советскую Россию иначе, чем Германию или США, но не менее судьбоносно.

---

¹ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы. М.: Политиздат, 1989. С. 67—68.

Глава XIV

СОВЕТСКИЙ МИР

В XX веке Соединенные Штаты Америки сменили Британию в роли ведущей капиталистической силы. Принято считать, что восхождение США в качестве мировой державы началось с Первой мировой войны, в ходе которой Америка из страны-должника превратилась в страну-кредитора, а ее вооруженные силы сыграли решающую роль в победе Антанты над Германией. Однако не менее важны были для миросистемы и последствия русской революции 1917 года. На протяжении двух столетий Россия играла существенную роль в развитии европейского капитализма — в качестве поставщика сырья, рынка сбыта, импортера «свободного» капитала и страны-должника. С уходом России из буржуазной миросистемы многое изменилось. В то самое время, когда западноевропейский капитал «потерял» для себя Россию, американский капитал окончательно «освоил» Латинскую Америку. Экономика США, в отличие от английской или французской, располагала значительными сырьевыми ресурсами. Эти ресурсы были на собственной территории, а не в отдаленных колониях, их не надо было постоянно защищать. К тому же США располагали огромным внутренним рынком и «собственной» латиноамериканской периферией, находившейся совсем рядом, к югу от Рио-Гранде. С «уходом» России из миросистемы все эти преимущества Америки сделались куда более очевидными. После коллективизации Советский Союз понемногу покидает и мировой рынок зерна, оставляя и здесь США в качестве бесспорного лидера.

Американские элиты, в отличие от правящего класса Германии, не пошли по пути борьбы со «старой» мировой державой — Британией. Напротив, они выступили в качестве силы, гарантирующей до поры сохранение и неприкосновенность Британской империи. Старая держава нуждалась в этой поддержке тем больше, чем серьезнее становились внешние угрозы. В конечном счете партнеры поменялись местами. Вторая мировая война превратила США в лидера Запада. Но закрепить и оформить это лидерство Америка смогла лишь благодаря «холодной войне» с СССР¹.

— — — — —

¹ Анализируя советско-американское соперничество, Иммануил Валлерстайн в книге «После либерализма» утверждает, что СССР оставался частью миросистемы на всем протяжении советской эпохи (См.: *Wallerstein I. After Liberalism. N.Y.: New Press, 1995. P. 10—25.* Русское издание: *Валлерстайн И. После либерализма. М., УРСС, 2003*). Поскольку же, по Валлерстайну, система в целом является капиталистической, то и Советский Союз, независимо от его внутреннего устройства, следует считать частью капиталистического мира. Свою точку зрения Валлерстайн аргументирует тем, что СССР и США в своем соперничестве дополняли друг друга, совместно гарантируя устойчивость мирового порядка, сложившегося в 1945—1946 годах. Соперничество двух сверхдержав действительно обеспечило, парадоксальным образом, длительный период глобальной стабильности. Однако в данном случае Валлерстайн противоречит сам себе, поскольку он неоднократно и убедительно доказывал, что миросистема является не политическим, а экономическим образованием. Единство миросистемы обеспечено не политическим контролем и даже не торговлей, при которой страны обмениваются излишками своей продукции, а участием стран в международном разделении труда. Точно так же Валлерстайн пишет и о возможности существования одновременно нескольких миросистем или миров-империй. Советский Союз был исключен из капиталистической системы международного разделения труда вплоть до начала 70-х годов XX века, более того, СССР со странами-сателлитами пытался создать собственную, параллельную систему международного разделения труда под лозунгом «социалистической интеграции». Лишь в 1970-е годы Советский Союз начинает экономически возвращаться в буржуазную миросистему, и неудивительно, что следствием этого процесса на определенном этапе оказывается и преобразование самого «внутреннего устройства» бывших коммунистических стран, вернувшихся в зону периферийного капитализма.

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

То, что, победив Германию в 1945 году, партнеры по коалиции столкнутся друг с другом, легко было предугадать. Но то, что это противостояние развернется столь быстро, что оно примет столь острую форму, и что ее результатом станет жесткое разделение планеты на два блока, возглавляемыми двумя сверхдержавами, было совершенно неочевидно весной и летом 1945 года, когда закладывался фундамент послевоенного устройства мира.

Советский Союз не был ни нацелен на новую конфронтацию, ни готов к ней. Разрушения, нанесенные войной с Германией, были слишком велики. Сталин во время встреч в Ялте и Потсдаме не скрывал намерения удержать в сфере своего влияния восточноевропейские страны, освобожденные Красной армией. Но дальше этого амбиции Москвы на тот момент не шли. Вот почему в период 1946—1947 годов Москва демонстрирует осторожность и готовность на уступки, тогда как Соединенные Штаты ведут себя все более напористо¹.

В послевоенный период исключительным случаем на Европейском континенте стала Финляндия, оказавшаяся в значительной мере под влиянием Советского Союза, но сохранившая западные социальные, политические и экономические институты. Подобное положение стало возмож-

---

¹ Разумеется, некоторые американские историки настаивают на том, что США вынуждены были отвечать на провокационное поведение СССР. В частности Пол Бойер в истории послевоенной Америки утверждает, что президент Ф.Д. Рузвельт считал Сталина ненадежным партнером после того, как советский лидер сорвал выполнение обязательств, взятых на себя в Ялте. Конкретно речь идет о свободных выборах, которые должны были пройти в Польше после освобождения от гитлеровской оккупации. Однако Рузвельт умер еще до окончания войны. Непонятно, как могли быть проведены свободные выборы в условиях все еще продолжающихся военных действий, когда даже границы Польши и состав ее населения не были определены? См.: *Boyer P.B. Promises to Keep: The United States Since World War II.* Lexington — Toronto: D.C. Heath and Co., 1995.

но, поскольку Финляндия, в отличие от Восточной Европы, не была оккупирована. Однако если мы посмотрим на политику, проводившуюся Москвой и подконтрольными ей компартиями в «освобожденных странах», то обнаружим, что на первых порах она не сильно отличалась от того, что происходило в Финляндии.

В Болгарии коммунисты заявили, что входят в правительство, которое, если верить его декларациям, «не имело намерения устанавливать коммунистический режим»¹. В Румынии было создано Народно-демократическое правительство с участием либералов, а король остался на троне. Полиция и госбезопасность, оказавшиеся под контролем советских коллег, даже преследовали противников монархии. 8 ноября 1946 года коммунистическая газета «Era Nuoа» писала, что «народ Румынии верит своему королю»².

В Венгрии в ноябре 1945 года были проведены многопартийные выборы, на которых компартия получила всего 17% голосов. В составе правительственной коалиции ей досталось всего 4 портфеля из 15. На следующих выборах в июле 1947 года коммунисты добились несколько лучшего результата, но все равно завоевали поддержку всего 21,5% избирателей.

В Польше была сформирована в 1945 году администрация с участием сторонников Москвы и представителей эмигрантского правительства, базировавшегося во время войны в Лондоне. В Чехословакии, самой развитой из занятых Красной армией стран, политика промосковской компартии тоже была подчеркнута умеренной, несмотря на то, что влияние коммунистов являлось значительным. Было создано коалиционное правительство, включавшее либеральные силы. Декреты о национализации, поддержанные не только левыми, но и значительной частью политического центра, не затрагивали средний бизнес и торговлю. На предприятиях начали действовать рабочие советы. 26 мая

---

¹ New York Times. 22.09.1944. Цит. по: *Harman Ch. Class Struggles in Eastern Europe, 1945—1983*. L.; Chicago; Melbourne: Bookmarks, 1988. P. 24.

² *Era Nuoа*. 8.11.1946. См. также: *Harman Ch. Op. cit.* P. 25.

состоялись свободные выборы, давшие коммунистам 38% голосов.

Разумеется, восточноевропейские республики в 1945—1946 годах отнюдь не были образцовыми демократиями. Советские представители очень внимательно следили за внешней политикой своих новых союзников. Периодически начинались гонения на тех или иных деятелей, попавших в немилость у новой власти (к числу последних, кстати, нередко причислялись левые политики, требовавшие более радикального курса). Но это не шло ни в какое сравнение с тем, что началось в Восточной Европе после того, как «холодная война» развернулась в полном масштабе.

В конце 1947 года на фоне стремительного ухудшения советско-американских отношений в Восточной Европе происходит резкий перелом. Оккупированная немецкая территория разделяется на два государства. На западе возникает Федеративная Республика Германия. В ответ на «раскольническую политику западных держав и германской реакции», в советской зоне был проведен Немецкий народный конгресс, объявивший о создании 11 октября Германской Демократической Республики— «первого в германской истории государства рабочих и крестьян»¹.

Для всей Восточной Европы та осень оказывается роковой. В Чехословакии органы госбезопасности, контролируемые людьми Москвы, начали борьбу с «заговорщиками», к числу которых отнесли наиболее влиятельных оппонентов компартии. Начались чистки и перестановки в структурах власти, кульминацией которых стало в феврале 1948 года формирование нового правительства, коалиционного только по названию. То же происходит по всей советской сфере влияния. Оппозиционные партии разгоняются и запрещаются, инакомыслящие подвергаются репрессиям или изгоняются на Запад. Национализация охватывает практически все отрасли производства (исключением стало сельское хозяйство Польши, где крестьянство продолжало упорно со-

---

¹ История дипломатии. Т. V. Кн. 1. М.: Политиздат, 1974. С. 118—119.

противляться коллективизации). Формируется система централизованного управления экономикой, точно воспроизводящая советскую. В скором времени жертвами массовых репрессий становятся и коммунисты. После того, как компартия Югославии во главе с Иосипом Броз Тито проявила самостоятельность, по всей советской сфере влияния начались расправы с «титоистами». На самом деле никаких «титоистов» в этих странах не было, но представители Москвы целенаправленно истребили или сослали всех местных коммунистических лидеров, имевших авторитет в массах, тем самым нанося «превентивный удар», который не позволил бы повториться «югославскому сценарию».

Логика Москвы была проста: «холодная война» требует политической консолидации. Идеологи коммунистических партий заявляли, что жесткие меры представляют собой ответ на политику США в Западной Европе, которые пытаются «перейти в наступление на силы демократии и прогресса, возглавляемые Советским Союзом»¹.

В самом деле, и в разделении Германии на два государства, и в создании на территории Европы двух противостоящих друг другу военных блоков первые шаги были сделаны именно Соединенными Штатами. Америка первой разработала и применила против Японии ядерное оружие. Денежная реформа в западных оккупационных зонах Германии, провозглашение там федеративной республики, основание в апреле 1949 года Североатлантического альянса (НАТО), создание других военных блоков вдоль границ СССР — все это явно провоцировало Москву на ответные меры.

После создания Германской Демократической Республики началась планомерная работа по созданию советского блока, который пытался стать чем-то вроде альтернативной миросистемы. В январе 1949 года был создан Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), объединивший СССР и его новых союзников в единую торговую организацию. Впрочем, некоторые колебания относительно «германского вопроса» сохранялись в советском руководстве до середины

---

¹ Краткая история Чехословакии. М.: Наука, 1988. С. 414.

1950-х годов. Достаточно вспомнить знаменитую ноту Сталина от 10 марта 1952 года, в которой лидер СССР предлагал начать процесс объединения Германии. Как отмечают историки, получившие возможность ознакомиться с рассекреченными архивными документами, нота Сталина вызвала в руководстве ГДР «смятение», а западные дипломатические круги отмечали в Москве «готовность к проведению свободных выборов и тем самым к отказу от коммунизма в советской зоне». В обмен на это Сталин требовал лишь «нейтрализации Германии»¹.

Архивные документы, связанные с подготовкой сталинской ноты 1952 года выявляют и наличие острых разногласий в советском руководстве, причем роли распределяются совершенно не так, как можно было бы ожидать исходя из последующих событий. «Министерству иностранных дел Советского Союза пришлось иметь дело с достаточно явным сопротивлением военных кругов даже весьма ограниченным планам внести некую динамику в германский вопрос, отойдя от жесткого повторения старых лозунгов и идей. Дело доходило до самых настоящих скандалов между Сталиным и представителями того, что позднее стало называться «военно-промышленным комплексом»². Примирительную позицию Сталина поддерживал всесильный начальник госбезопасности Лаврентий Берия, а за жесткую линию выступал будущий вдохновитель «оттепели» Н.С. Хрущев.

Советская линия в «германском вопросе» окончательно определилась лишь уже после смерти Сталина, когда в июне 1953 года были подавлены массовые волнения рабочих в Берлине. С этого момента по инициативе Хрущева начинает проводиться последовательно жесткая линия, направленная на полное размежевание с Западом. Восточная Европа превращается в единый военно-политический блок, получивший оформление в 1955 году в рамках Варшавского Договора. В 1961 году размежевание между двумя частями

---

¹ Германия, июнь 1953 года: уроки прошлого для будущего. М.: Институт Европы, изд-во «Огни», 2003. С. 13, 15.

² Там же. С. 12.

континента получает физическое воплощение в виде Берлинской стены.

«Холодная война», в конечном счете, устраивала обе стороны. Советскому Союзу она позволила консолидировать свое господство в Восточной Европе. Но еще важнее ее последствия были для Америки. Ибо чем острее было противостояние, тем прочнее было «американское лидерство», тем более Западная Европа нуждалась в США экономически и зависела от них политически. Именно в условиях «холодной войны» для Соединенных Штатов стало возможно вложить деньги в восстановление своих бывших военных противников и торговых конкурентов (от Германии и Японии до Британии и Франции), не опасаясь возникновения новых вызовов с их стороны.

В свою очередь, в Советском Союзе к концу 50-х годов XX века осознали, что единственным способом ослабить соперника является сближение с Западной Европой. Пиком конфронтации двух систем стал Карибский кризис 1962 года, когда в ответ на размещение американских ракет в Турции советское руководство пыталось установить свои ракеты на Кубе, где совсем недавно произошла революция. Карибский кризис поставил мир на грань новой войны, причем позиции СССР в данном конфликте были явно слабее, чем у его «потенциального противника». После того, как кризис получил дипломатическое разрешение, в Москве сделали необходимые выводы. С одной стороны, СССР продолжал наращивать вооружения, добиваясь паритета с США (что и было достигнуто к началу 70-х), а с другой стороны, сделал ставку на политику «мирного сосуществования», которая позднее была переименована в «политику разрядки международной напряженности».

Хотя лозунги «мирного сосуществования» и «разрядки» формально были адресованы всему капиталистическому миру, на практике главным адресатом были страны Западной Европы. Другое дело, что добиться сближения с ними, не вступая в переговоры с США, было просто невозможно.

Процесс «разрядки» достиг апогея в ходе работы над Соглашением о безопасности и сотрудничестве в Европе. В июле 1973 года в финской столице Хельсинки открылось совещание, целью которого была подготовка данного документа. Этого на протяжении многих лет добивалась советская дипломатия. Наряду с европейскими странами, в нем приняли участие делегации США и Канады. В 1975 году работа совещания завершилась подписанием Заключительного акта, провозглашавшего принципы мирного сосуществования и нерушимость границ на континенте. Тот же документ, однако, упоминал и о необходимости уважать основные права и свободы граждан — начиная с этого времени диссиденты в Советском Союзе могли ссылаться на официально принятые, но не выполнявшиеся Кремлем обязательства.

Советское руководство торжественно объявило, что ныне в Европе складывается атмосфера «взаимного доверия, уверенности в свободном, независимом, мирном развитии каждой страны»¹. За этими оптимистическими оценками скрывалась надежда на то, что теперь западноевропейские страны, почувствовав себя в безопасности, начнут постепенно отделяться от США.

ПОПЫТКИ РЕФОРМ

К началу 70-х годов XX века Советский Союз, безусловно, мог бы считаться успешно развивающимся государством. По крайней мере, задачи, которые стояли перед страной в предшествовавший период, были успешно решены. Была завершена индустриализация, выиграна война, достигнут ядерный «паритет» с США, обеспечена всеобщая грамотность населения, создана, быть может, лучшая в мире система образования и передовая наука. На XX съезде Коммунистической партии Советского Союза ее новый лидер Никита Хрущев, подвергнув критике своего предшественника, породил целое поколение людей, для которых непри-

¹ История дипломатии. Т. V. Кн. 1. С. 156.

ятие сталинизма было теснейшим образом связано с верой в советскую систему, доказавшую способность исправлять свои «ошибки». Как бы ни была ограничена свобода советских людей, перемены по сравнению со сталинскими временами были совершенно реальны, система эволюционировала от тоталитаризма к авторитаризму. Хотя большая часть институтов власти и контроля, созданных в 30-е годы, оставалась на своих местах, их давление на общество явно ослабло.

И все же, несмотря на видимые успехи, Советский Союз, уже начиная с 1959 года, сталкивался с возрастающими трудностями. Темпы роста экономики, все еще достаточно впечатляющие, начали неуклонно снижаться. Пробудившийся в условиях мирного времени потребительский спрос не удавалось удовлетворить, жизненный уровень рос медленнее, чем обещала партия, а главное, идеологические основы режима все более подвергались сомнению.

Парадоксальным образом Советский Союз оказывался жертвой собственного успеха. Централизованная система и мобилизационная экономика, созданные в 30-е годы в качестве советского ответа на вызов Великой депрессии, были эффективны во времена индустриализации и войны. Теперь, когда страна уже стала индустриальной, а жизнь вошла в мирное русло, эти методы просто не работали. Политические реформы 50-х и начала 60-х годов оказались недостаточны. Они раскрепостили людей, создав условия для открытого или полукрытого обсуждения проблем, но не создали механизма для решения этих проблем на практике.

Необходимость новых реформ не отрицалась и партийной верхушкой, провозгласившей в 1964—1965 годах, уже после смещения Хрущева, курс на создание более гибкой и децентрализованной системы управления экономикой.

Леонид Брежнев и его соратники, возглавившие КПСС в 1964 году, задним числом воспринимались как группа непробиваемых консерваторов, всячески пытавшихся остановить процессы демократизации общества и не допустить перемен ни в одной из сторон жизни. Однако в первые годы своего

правление они вели себя совершенно иначе. Даже сам факт устранения Хрущева с руководящего поста в партии можно рассматривать как определенное доказательство демократизации: впервые в истории России ее лидер был снят мирным путем, а потеряв власть, не подвергся репрессиям.

Сторонники демократизации продолжали публиковаться в журнале «Новый мир». Экономическая реформа планировалась как новый, серьезный этап преобразований, ведущий не только к большей эффективности производства, но и к расширению демократии. Принято писать, что реформа 1964—1965 годов предполагала обеспечить «гармоничное» сочетание плана и рынка в экономике. Элементы рыночных отношений, однако, существовали в советской системе всегда, начиная с отмены «военного коммунизма». Основная задача реформы состояла не во внедрении рыночных элементов в советский экономический порядок, и даже не в расширении сферы действия этих рыночных отношений, а в том, чтобы использовать рыночные механизмы для децентрализации и демократизации процесса планирования. Но именно эта программа, отвечавшая интересам растущего слоя советских менеджеров среднего звена, да и трудовых коллективов в целом, была чревата ослаблением власти партийно-бюрократической элиты.

Насколько серьезными могут быть эти проблемы, стало ясно весной 1968 года, когда процесс экономических реформ, начатый по советскому образцу в Чехословакии, обернулся политическим кризисом. Общество стало стремительно меняться, приобретая черты демократического социализма, разительно отличающиеся от советской модели 30-х годов. Некоторое время руководство СССР колебалось. Однако к лету 1968 года стало окончательно ясно, что продолжение этого процесса чревато серьезными переменами во всем Восточном блоке, а затем и в Советском Союзе. Реформы в Чехословакии были подавлены военной силой, их сторонников заставили замолчать. А лидеры КПСС пришли к твердому убеждению, что любые серьезные перемены чреваты потерей политического контроля.

ЭРА СТАБИЛЬНОСТИ

Вторжение советских войск в Чехословакию в августе 1968 года продемонстрировало, насколько партийное руководство СССР боялось реформ и связанных с ними политических рисков. И все же лишь задним числом можно было говорить, что отказ от реформ был окончательным. На самом деле, в 1968—1969 годах ситуация была далеко не столь ясной. Даже в Чехословакии советские лидеры не решились силой сместить со своих постов лидеров компартии. Двусмысленное положение сохранялось на протяжении почти года, в течение которого реформаторы сохраняли свои посты, оккупационные силы оказывали на них давление, а рабочие советы на производстве и студенческое движение настаивали на продолжении и даже радикализации перемен. В Венгрии экономические реформы и либерализация режима продолжались на условии того, что политическая монополия партии не будет ими затронута. В Польше в 1970 году советские лидеры допустили свержение партийного руководства в ходе рабочих забастовок. Инициаторы стачек подвергались репрессиям, но польскому правительству пришлось оправдываться перед рабочими и менять курс¹. Внутри СССР положение тоже оставалось двусмысленным. Консервативная часть руководства, бесспорно, укрепила свои позиции, но экономическая реформа не была официально отменена. Оппозиционный журнал «Новый мир» по-прежнему выходил миллионными тиражами, хотя его редактор Александр Твардовский теперь повторял, что каждый номер выпускает как последний. Начались преследования диссидентов, но, с другой стороны, власть демонстрировала способность терпеть некоторых из них на свобо-

---

¹ Показательно, что в Польше за время «коммунистического режима» партийное руководство трижды было отстранено от власти народными волнениями: в 1956, в 1970 и в 1980 годах. При этом каждое новое поколение лидеров начинало свое правление с обещания исправить ошибки своих предшественников и, в значительной мере, эти обещания исполнялись.

де, что раньше было бы просто немыслимо. Короче, победа консерваторов была далеко не окончательной.

Отказ от реформ был закреплен политически лишь в середине 70-х годов. Именно тогда начинается в Советском Союзе эра «стабильности», или «застоя», как ее называли позднее. И торжество политики «стабильности» стало возможно именно благодаря переменам, произошедшим в мировой капиталистической экономике.

Рубежом стал 1973 год, когда во время очередной арабо-израильской войны резко подскочили цены на нефть. Арабские страны попытались воздействовать на Запад, поддерживавший Израиль, с помощью нефтяного эмбарго. В политическом смысле эта стратегия провалилась полностью. С ростом цен на нефть значение Израиля как форпоста Запада на Ближнем Востоке даже возросло. Но в экономическом отношении позиция, занятая арабскими странами осенью 1973 года, имела далеко идущие последствия.

Резкий скачок цен на нефть был не только результатом политического решения. Напротив, данное политическое решение основывалось на долгосрочных тенденциях мировой экономики, которые окончательно проявились к началу 70-х годов.

В ходе Великой депрессии и Второй мировой войны на Западе восторжествовала «фордистская модель» экономики. Это была система конвейерных технологий и массового потребления, в которой рабочие выступали не только производителями товаров, но и их покупателями. Без роста жизненного уровня трудящихся индустриальный рост рисковал захлебнуться. Государственное регулирование, перераспределение средств в пользу менее богатой части общества, программы социального обеспечения и образования для масс стали экономической необходимостью, гарантией против повторения кризисов перепроизводства, подобных тому, что потряс капитализм в 1929—1932 годах. Регулирование рынков, предложенное в конце 20-х годов выдающимся английским экономистом Дж. М. Кейнсом, стало общей доктриной большинства правительств, невзирая на идеологическую ориентацию. На место государства, выполнявшего

роль «ночного сторожа» капитализма, пришло Welfare State, «социальное государство», в котором прочные позиции заняли умеренные левые.

Однако у этой системы были очевидные ограничения. Поддерживая стабильность капитализма, она все дороже обходилась капиталистам. Буржуазная элита должна была покупать социальный мир ценой уступок трудящимся. И цена эта, по ее мнению, становилась непомерной. После того, как бывшие колониальные страны получили независимость, став «третьим миром» (противостоящим «первому миру» богатого Запада и «второму миру» коммунистических государств), положение осложнилось еще более. Вместе с очередной «реконструкцией» капитализма в середине XX века изменились и отношения между центром и периферией. Сельское хозяйство Запада модернизируется. Экспорт продовольствия понемногу перестает быть уделом «периферийных» стран, зато от них требуются все увеличивающиеся поставки промышленного сырья.

«Третий мир» пытался улучшить свое положение в миросистеме, прибегая к тем же методам регулирования, что были опробованы на Западе, а то и к революционным переворотам. Если раньше благосостояние передовых стран поддерживалось потоком дешевых ресурсов из колониального мира, то теперь взаимоотношения «центра» и «периферии» переживали кризис.

К началу 70-х годов подходит к концу очередной цикл глобального экономического подъема. Технологические возможности конвейерного производства в основном исчерпаны, рост начинает захлебываться. Сопутствующим эффектом кейнсианской модели был постоянный рост государственных расходов и усиливающаяся инфляция. Именно «слабая финансовая дисциплина» стала ахиллесовой пятой системы. Пока темпы роста производства опережали темпы инфляции, никто особенно не страдал по поводу бюджетного дефицита. Но с начала 70-х ситуация радикально меняется. Темпы роста начинают снижаться. Правительства, пытаясь поддержать рост, бросают в топку экономики все новые финансовые ресурсы. Однако этого оказывается не-

достаточно, обесцененные деньги срабатывают «вхолостую». Начинается «стагфляция» — сочетание экономической стагнации с высокой инфляцией.

Как уже говорилось, в 1973 году, в разгар очередной войны на Ближнем Востоке, арабские страны попытались использовать нефть как оружие. Мировые цены на нефть стремительно подскочили. Поток инфляционных средств, накопленных в Западной Европе и США за годы кейнсианской политики, хлынул в одном направлении.

Это привело к обогащению части «периферийных» элит. Однако, не имея ни возможности для выгодного вложения капитала у себя дома, ни механизма, который позволил бы удержать средства в собственных странах, нефтяные элиты начали активно размещать вклады в западных банках. Итогом стал кризис перенакопления.

Банки не знали, куда девать обрушившиеся на них деньги. Их надо было срочно вложить куда угодно, чтобы они работали. Для потенциальных должников возникала, казалось бы, исключительно благоприятная ситуация. Деньги могли ссудить под проценты ниже уровня инфляции. У банкиров просто не было альтернативы: при любом ином подходе «свободный» капитал просто остался бы без применения, нанося финансистам прямой убыток.

Для Советского Союза перемены, происходившие на Западе, представлялись уникальным шансом. В одно и то же время появлялась возможность получить дополнительные средства от продажи подорожавшего топлива и воспользоваться дешевыми кредитами для закупки оборудования и технологий. В свою очередь, для западных кредиторов СССР выглядел практически идеальным должником. Он имел развитую промышленность и достаточно современное общество, а потому здесь можно было запустить серьезные инвестиционные проекты, нуждавшиеся в кредитовании. Он мог успешно «абсорбировать» западные технологии. А с другой стороны, здесь была нефть. Следовательно, были все основания надеяться, что долги будут выплачены независимо от того, насколько эффективно будут освоены кредиты.

СТРАТЕГИЯ КОМПЕНСАЦИИ

«За 1970—1975 гг., — отмечали авторы официального советского исследования, — общий оборот внешней торговли СССР вырос в 2,3 раза в текущих ценах. Такого быстрого роста внешней торговли не отмечалось за все послевоенные пятилетки, включая годы, когда исходный уровень товарооборота был низким, и достижение высоких темпов прироста было намного более легкой задачей»¹. Другое дело, что рост был обеспечен главным образом за счет повышения цен на топливо, а также резким увеличением вывоза сырья и полуфабрикатов.

Структура советского экспорта очень хорошо отражает складывавшуюся специализацию страны в международном разделении труда. Если в 1970 году доля машин и оборудования в нем составляла 21,5%, то к 1987 году она сократилась до 15,5%, да и то по преимуществу это были поставки в развивающиеся и союзнические государства. В импорте, напротив, их доля возросла с 35,6% до 41,4%. Зато экспорт топлива, составлявший в 1970 году 15,6% от советского вывоза, возрос до 46,5%². Поставки сырья на Запад стали важной статьей доходов и для других стран Восточного блока, следовавших в фарватере СССР. К началу 80-х годов страны СЭВ обеспечивали 8% энергопотребления Западной Европы, почти удвоив поставки топлива на мировой рынок по сравнению с 60-ми годами. В 1979 году доля энергоресурсов в экспорте стран СЭВ на Запад достигла уже 58,8%, тогда как в 1971—1975 годах она составляла всего 14,5%. Львиная доля этого топлива, естественно, вывозилась из Советского Союза³.

---

¹ Новый этап экономического сотрудничества СССР с развитыми капиталистическими странами. М.: Наука, 1978. С. 5. Разумеется, следует учесть, что именно в это время на Западе отмечается всплеск инфляции и часть «прироста» объясняется просто изменением цен. Однако даже в неизменных ценах рост товарооборота был впечатляющим.

² См.: СССР в цифрах в 1987. М., 1988. С. 32-33.

³ См.: Экономические отношения стран СЭВ с Западом. М.: Наука, 1983. С.128—129.

Страна развивалась по принципу: если у нас есть нефть, нам не нужны никакие реформы. Между тем, резко увеличилась зависимость отечественной промышленности от импорта машин и технологий, а в некоторых случаях — и сырья. В 1971—1975 годах импорт обеспечивал потребности промышленности в новом оборудовании примерно на 15%¹. Эта цифра была бы не столь значительной для другой страны, но в Советском Союзе, долгие годы опиравшемся на собственные силы, это означало начало резких перемен. К тому же импорт играл возрастающую роль в получении страной передовых технологий — не потому, что отечественная наука не могла их сама разработать, а потому что советская экономика все чаще не могла собственные новинки успешно внедрить. Точно так же руководство страны сделало ставку на рост импорта «как фактора повышения жизненного уровня советского народа»². Тем самым оно фактически признавало неспособность отечественной экономики справиться с производством потребительских товаров и выпускать продукцию, которая удовлетворяла бы собственное население. В это же время на фоне неудачных попыток поднять сельское хозяйство неуклонно увеличивается зависимость страны от импорта продовольствия.

По официальным данным, внешняя торговля росла «заметно быстрее, чем было зафиксировано в общих направлениях планов»³. В этой сфере, в отличие от других отраслей, не практиковалось завышение отчетных данных, а потому советская статистика даже несколько занижает темпы роста внешней торговли по сравнению с экономикой в целом. Точно так же возрастало и значение западных стран в качестве партнеров Советского Союза. Если в 1970 году торговля с Западом составляла 21,3% от общего внешнеторгового оборота СССР, то в 1976-м уже — 32,9%⁴. Советские

---

¹ См.: Известия. 18.01.1976.

² Новый этап экономического сотрудничества СССР с развитыми капиталистическими странами. С. 7.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 71.

идеологи заговорили про «поворот экономики к внешнему рынку»¹.

С абстрактно-теоретической точки зрения такой поворот ничем серьезным Советскому Союзу не грозил, более того, он знаменовал начало формирования более открытой экономики и тем самым перспективу более свободного общества. Но на практике все было гораздо сложнее. Поворот к внешнему рынку был не следствием процессов демократизации в СССР, а наоборот, попыткой затормозить и «заменить» эти процессы. Точно так же сотрудничество с Западом выступало в качестве замены сорванных бюрократией экономических реформ, способом законсервировать устаревшую систему управления и власти. В таких обстоятельствах международная кооперация оказывала не столько стимулирующее, сколько разлагающее воздействие на советскую экономику и общество.

Уже в 70-е годы специалистам было ясно, что избранная «стратегия компенсации» имеет серьезные отрицательные стороны. Ведь разработка месторождений под экспорт и доставка сырья по суше на огромные расстояния стоили немало. Добыча и транспортировка топлива из СССР на Запад требовала серьезных инвестиций (куда больших, чем для получения сырья с Ближнего Востока). «Поэтому, — как признавали отечественные эксперты, — любое расширение топливно-сырьевого комплекса страны неизбежно оттягивает на себя часть средств, которые могли бы пойти на наукоемкие отрасли, обрабатывающую промышленность, демонстрирующие высокие темпы роста и производительности труда. К тому же следует учитывать непродолжительность бума цен на топливо и сырье, обеспечивающего в краткосрочной перспективе определенные выигрыши»². Однако все эти проблемы казались второстепенными. Избранная стратегия «компенсации» внутренних проблем за счет развития внешних связей просто не оставляла руководству страны иного выхода.

---

¹ Новый этап экономического сотрудничества СССР... С. 7—8.

² Баграмян И.С., Шакай А. Ф. Контракт века. М.: Политиздат, 1984. С. 76.

КОМПЕНСАЦИОННЫЕ СДЕЛКИ

Стремительный рост советского энергетического экспорта вызвал разногласия между Соединенными Штатами и странами Западной Европы.

В 1978—1979 годах между Западной Германией и СССР были подписаны соглашения, открывавшие путь к широко-масштабным поставкам советского газа в Европу на компенсационной основе. Поставки газа на Запад начались еще с 60-х годов, когда получать советское топливо начала Австрия. За ней в 1971 году последовала Финляндия. Легко заметить, что обе эти страны, принадлежавшие к капиталистическому миру, в военно-политическом отношении были нейтральны. Однако после «нефтяного шока» военно-политические соображения обеих сторон окончательно уступили место экономическим. С 1973 года поставки пошли в Федеративную Республику Германия, спустя год — в Италию, в 1976 году — во Францию. По мере обострения кризиса на Ближнем Востоке европейские страны все более интересовались подобными проектами. Советский газ мог частично заменить арабскую нефть. Он обходился дешевле, а зависимость от поставок из «предсказуемого» Советского Союза уже казалась меньшим злом, чем получение топлива из «непредсказуемых» и нестабильных регионов «третьего мира». Поставки из СССР непрерывно росли. В 1982 году Италия получала более трети, Западная Германия — 14%, Австрия — 67%, а Финляндия — 100% потребляемого газа из СССР. Франция покрывала из этого источника 14% своей потребности в газе, причем поставки стремительно росли, приближаясь к отметке одной трети¹.

Между тем источники газа неуклонно смещались на восток. Когда в 60-е годы Советский Союз начал поставлять газ в Австрию, топливо шло из Западной Украины. Затем стали использоваться месторождения на востоке Украины, потом — в Западной Сибири, наконец, на Крайнем Севере. Теперь разработка сибирских ресурсов в значительной

---

¹ Баграмян И.С., Шакай А. Ф. Контракт века. С. 21.

мере происходила на основе западных кредитов и технологий и была изначально ориентирована не на потребности собственной промышленности, а на экспорт. Между тем доставка топлива из столь отдаленных районов на огромные расстояния требовала строительства гигантских трубопроводов. Советский Союз стал брать кредиты под поставки сырья. Началась массовая закупка дорогостоящего оборудования. Топливная отрасль получала гипертрофированное развитие.

В такой ситуации особое значение приобретало сотрудничество с Западной Германией. Уже в 60-е годы Советский Союз наладил с Австрией и Западной Германией работу по принципу «компенсационных сделок». Газ поставлялся в обмен на трубы, по которым в Европу перекачивали все тот же газ. К началу 80-х практически весь экспорт газа шел на компенсационной основе. Уже в 1970 году Министерство внешней торговли СССР заключило 60 крупных контрактов, главным образом направленных на развитие добывающей промышленности.

Одним газом дело не ограничивалось. Западногерманские фирмы на компенсационной основе включились в строительство крупных химических комплексов. Япония проявила интерес к разработке нефти на Сахалинском шельфе. В процесс включилась и Франция. В обмен на газ оттуда тоже поступали трубы и оборудование, в обмен на технику для целлюлозно-бумажных комбинатов шла целлюлоза и т.д.

В том, что именно «компенсационные сделки» стали предпочтительной для советского руководства формой внешних связей, было что-то символическое, почти фрейдистское. В Москве продолжали утешать себя мыслью, что вслед за поставками сырья начнется прорыв на мировой рынок отечественной промышленности, возникнут условия «для продвижения советских машин и оборудования на экспорт»¹. Увы, это отнюдь не входило в планы запад-

---

¹ Внешнеэкономические связи Советского Союза на новом этапе / Под ред. В.А. Брыкина и Б.С. Ваганова. М.: Международные отношения, 1977. С. 125.

ных партнеров, которые проявляли интерес главным образом к сырью и полуфабрикатам. Советский Союз возвращался в систему международного разделения труда на то самое место, которое некогда занимала дореволюционная Россия. И даже основные партнеры были прежние — Германия и Франция.

В конце 70-х начались переговоры по широкомасштабному советско-германскому проекту. Западная Германия должна была получить газ в обмен на трубы и оборудование, необходимое для строительства газопровода Уренгой — Ужгород, по которому это сырье должно было поставляться. Окончательную форму соглашение приобрело к началу 1981 года. И в тот же год на встрече лидеров западных стран в Оттаве американский президент Рональд Рейган потребовал от канцлера Германии Гельмута Шмидта отказаться от проекта. Однако немецкое руководство не уступило, и «контракт века», как его называли советские пропагандисты, был подписан в декабре 1981 года.

Советские эксперты в середине 80-х годов не без удивления констатировали, что экономические связи с Западной Европой расширяются, «несмотря на ухудшение международной обстановки»¹. На самом деле, в вопросе о советских энергетических поставках на Западе сталкивались две стратегии, ни одна из которых не сулила советской системе ничего хорошего. Соединенные Штаты, особенно после прихода к власти консервативной администрации Рейгана, стремились изолировать СССР, ограничить торговлю с ним и тем самым принудить к политическим уступкам. Напротив, правящие круги Германии и Франции считали, что развитие торговой кооперации и возрастающая зависимость СССР от западной технологии и кредитов, в конечном счете, гораздо больше повлияют на политическую эволюцию восточного соседа.

Советские лидеры, со своей стороны, пытались воспользоваться разногласиями в западном лагере. «В отличие от американских компаний, зачастую выдвигающих непри-

---

¹ Баграмян И.С., Шакай А. Ф. Указ. соч. С. 3.

емлемые условия, — говорилось в официальном советском исследовании того времени, — западноевропейские партнеры выразили готовность поставлять оборудование не только для экспортных газопроводов, но и для внутренних газовых магистралей. Более благоприятными были и условия кредитования»¹.

С середины 70-х годов Восточная Европа стала важным рынком сбыта для немецких и французских компаний. Уже в 1975 году здесь реализовывалось 22% продукции западногерманского машиностроения². Наряду с Западной Германией и Францией ключевым партнером СССР оказалась Финляндия — не только в силу географической близости, но и благодаря «промежуточному» политическому статусу эта страна выступала посредником между двумя блоками, поставляя товары и технологии, которые не могли быть проданы напрямую.

С точки зрения советского руководства, компенсационные контракты должны были стать доказательством «преимуществ международного разделения труда» и примером того, как должно складываться «взаимовыгодное сотрудничество с развитыми капиталистическими странами»³.

В конечном итоге, фатальным для Советского Союза оказалось именно сочетание усиливающегося военно-политического давления со стороны США и постоянного роста экономической зависимости от Западной Европы. Чем больше становилась зависимость от поступавших из Германии, Франции, Финляндии товаров и технологий, тем более болезненными оказывались для СССР торговые ограничения, накладываемые на него США. Чем большей была вовлеченность в мировую систему, тем сильнее руководство страны испытывало комплекс неполноценности от того, что в рамках этой системы их не воспринимают как своих.

---

¹ Баграмян И.С., Шакай А. Ф. Контракт века. С. 26.

² Новый этап экономического сотрудничества СССР с развитыми капиталистическими странами. С. 72.

³ Баграмян И.С., Шакай А.Ф. Указ. соч. С. 39.

РАЗЛОЖЕНИЕ ВОСТОЧНОГО БЛОКА

Мировой кризис перенакопления 1970-х годов создал предпосылки долгового кризиса 1980-х. Цены на нефть к концу стабилизировались на новом уровне. «Свободные» капиталы были как-то размещены. Кредит начинал дорожать. В свою очередь, корпоративные элиты использовали дестабилизацию кейнсианской модели для социально-политического контрнаступления. Социальное государство (Welfare State) было объявлено непомерно дорогим, политические позиции социал-демократов пошатнулись.

В капиталистической системе назревала очередная «реконструкция». Эпоха фордизма заканчивалась. Новые технологии, попавшие в руки правящего класса, создавали возможность более гибкого контроля за рабочей силой. Благодаря новым средствам связи стало возможно переносить производство в отдаленные страны, рассредоточивать его, не теряя управляемости.

Меняющаяся мировая экономика создавала предпосылки для политических перемен, в том числе и на межгосударственном уровне. Однако глобальная система не могла стать радикально иной до тех пор, пока сохранялся Советский Союз в качестве сверхдержавы и центра альтернативной миросистемы. Между тем сам Восточный блок под влиянием происходивших перемен терял свою «монолитность».

«Стратегия компенсации», выработанная брежневским руководством СССР в качестве альтернативы внутренним реформам, начала давать сбой уже к концу 1970-х. Стабилизация мировых цен на сырье, наступившая в это время, совпала с обострением внутреннего кризиса в СССР и Восточном блоке. Темпы роста советской экономики продолжали снижаться, а рост в «братских странах» все более зависел от западных кредитов и рынков. В плановой системе царила бюрократическая энтропия — эффективность инвестиций неуклонно снижалась. Соответственно, проекты становились все более дорогими, требовалось вкладывать все больше средств, а отдача неизменно выходила хуже запланиро-

ванной. В то время как западные страны готовились к очередной «реконструкции» — прыжку в эру информационных технологий, советская страна все больше ориентировалась на производство сырья для традиционной индустрии.

«Энергетический вопрос» сыграл свою роль и в разложении Восточного блока. Страны, входившие в Совет Экономической Взаимопомощи, на первых порах оказались защищены от воздействия нефтяного кризиса. Советский Союз продолжал поставки сырья, цены на энергоносители не повышались ни в 1973, ни в 1974 году. Но уже в 1975 году Москва потребовала от своих партнеров платить больше. Пересмотр цен сопровождался тяжелым переговорным процессом и ростом разногласий между союзниками.

Кризис перенакпления в мировой экономике был в целом преодолен к началу 1980-х годов, но на место ему пришел долговой кризис. «Лишние» деньги были более или менее успешно размещены западными банками в виде кредитов странам «третьего мира» и Восточной Европы. После того, как нефтяные цены стабилизировались, инфляция в развитых капиталистических странах продолжалась по инерции. Избытка наличности, однако, уже не было. Темпы экономического роста снижались, а капитал дорожал. В условиях «стагфляции» банки начали испытывать острую потребность в свободных средствах. Соответственно, появилась необходимость вернуть капиталы, вложенные в международные кредиты. Остро встал вопрос о том, насколько эффективно были эти средства размещены. Процент, который платили должники, начал быстро расти, а условия кредитования резко ухудшились. Для Восточной Европы сочетание долгового кризиса и стабилизации нефтяных цен оказалось роковым. Советский Союз, получая меньше средств за свое топливо на Западе, начинал требовать более высокой оплаты своих поставок от партнеров по СЭВ. Запад, в свою очередь, требовал более высоких процентов за предоставленные кредиты. Как отмечает американский исследователь Уиллиам Райзингер, кризис 1980 года в Польше и других восточноевропейских странах был вызван не только неэффективностью системы, но и внешними фактора-

ми: «западная стагфляция» сделала выплату долгов крайне трудной»¹.

К началу 1980-х годов цены на топливо для стран СЭВ приблизились к мировым. В ответ на протесты «братских стран» советские эксперты напоминали, что топливно-сырьевая база Восточного блока «все же не изолирована от мирового хозяйства и тех перемен, которые в нем происходят»². На фоне стабилизирующихся мировых цен на сырье возникла угроза, что определявшиеся на основе среднесрочных соглашений цены в рамках СЭВ могут даже превзойти цены свободного рынка. Политические результаты кризиса не замедлили сказаться. Уже в 1980-м году в Польше начались рабочие волнения, в результате которых пало очередное коммунистическое правительство, на сцену вышел свободный профсоюз «Солидарность», а советское руководство колебалось между необходимостью «навести порядок» в «братской стране» и нежеланием повторять чехословацкий сценарий 1968 года. В условиях Польши, имевшей старые традиции антирусского сопротивления, подобная оккупация была чревата настоящей войной, тем более неуместной на фоне уже начавшегося военного конфликта в Афганистане. Решение было найдено, когда в декабре 1981 года польские вооруженные силы сами осуществили переворот, ввели цензуру и запретили оппозиционные профсоюзы. Однако «нормализация» в Польше отвлекла силы и внимание советского руководства от менее драматичных, но не менее важных событий, происходивших в других «братских странах». Не имея ни возможности в прежнем масштабе поддерживать экономику этих стран поставками дешевого сырья, ни способности жестко контролировать их политически, Москва вынуждена была смириться с тем, что ее партнеры все более попадали в долговую зависимость от Запада. Соответственно переориентировались их связи: поставки в Советский Союз все более выглядели обузой, мешающей решать главную задачу — продажу товаров на Запад

---

¹ *Reisinger W. Energy and the Soviet Bloc. Ithaka & London: Cornell University Press, 1992. P. 152.*

² *Баграмян И.С., Шакай А. Ф. Указ. соч. С. 41.*

для получения валюты, необходимой для расплаты с международными банкирами. Переориентировались на Запад и местные элиты. Райзингер отмечает, что парадоксальным образом распад СЭВ был вызван не политическим давлением СССР, а напротив, тем, что его партнеры пользовались избыточной экономической самостоятельностью. Однако у Москвы к началу 1980-х уже просто не было ресурсов и сил для того, чтобы проводить какую-либо иную политику.

ДОЛГИ

Рост торговли с Западом сопровождался для Советского Союза ростом внешнего долга. Казалось бы, изменение мировых цен в 1970-х годах благоприятствовало советскому экспорту. Но торговый баланс неуклонно ухудшался. Если в 1970 году отрицательное сальдо торгового баланса с развитыми капиталистическими странами, по официальным данным, составляло 0,36 млн. рублей, то в 1976-м — 3 млн. рублей¹. Дело в том, что удорожание топлива, в конечном счете, сказывалось и на ценах импортируемых машин, промышленных товаров, продовольствия. При бурном развитии международных связей валюты хронически не хватало. Недостаток валюты заставлял прибегать к компенсационным сделкам, но это не решало проблемы. Чем больше была вовлеченность СССР в мировую торговлю, тем острее сказывалась нехватка средств. Единственным выходом оставались внешние займы. В условиях, когда на Западе бушевал кризис перенакопления, процент по кредитам был дешев, а сделки казались крайне выгодными обеим сторонам. «На фоне кризиса валютной системы капитализма, — радостно писали советские авторы, — в условиях всеобщей экономической неустойчивости, кредиты и займы, предоставляемые странам — членам СЭВ, и особенно Советскому Союзу, являются для банков капиталистических стран операцией по надежному размещению своих свободных средств, поскольку

---

¹ См.: Новый этап экономического сотрудничества СССР с развитыми капиталистическими странами. С. 83.

ку социалистические страны имеют безупречную финансовую репутацию в международной практике, что признает вся буржуазная печать Запада»¹.

В Советском Союзе на первых порах были твердо уверены, что рост внешнего долга не является серьезной проблемой. Мощь советской экономики была, по мнению лидеров страны, такова, что расплатиться по кредитам не составит труда даже при самом неблагоприятном развитии событий. К тому же дефицит внешней торговли рассматривался как временное, переходное явление, связанное с очередным этапом технического перевооружения промышленности. В конечном счете, СССР уже прибегал к массовому экспорту иностранной техники в 1930-е годы, и это только укрепило его самостоятельность. «Контракт века» с Западной Германией должен был доказать эффективность избранной стратегии. «После завершения поставок газа в оплату предоставленных кредитов Советский Союз получит новый крупный источник валютных поступлений, которые будут использоваться для финансирования импорта машин, оборудования и другой продукции из капиталистических государств»².

На практике перспективы оказались не столь радужными. Поступления валюты росли, но долги и потребность в иностранном оборудовании росли еще быстрее. По мере того, как на Западе подходил к концу кризис перенакпления, дорожал и кредит. Соответственно, многочисленные инвестиционные проекты, казавшиеся коммерчески вполне оправданными в эпоху дешевого кредита, неожиданно оказались непомерно дорогими и с финансовой точки зрения неэффективными.

Долговой кризис в Восточной Европе разразился в 1980—1981 году, за несколько лет до того, как аналогичный кризис потряс Латинскую Америку. В рамках советского блока центром кризиса стала Польша, где под вопросом оказалось само выживание коммунистического режима. Но кризис затронул и другие страны.

¹ Новый этап экономического сотрудничества СССР... С. 233.

² Баграмян И.С., Шакай А.Ф. Указ. соч. С. 39—40.

К 1981 году долги Польши составили 24 млрд. долларов, Советского Союза — 12,4 млрд. долл. Восточной Германии — 12 млрд. долл., Румынии — 9,8 млрд. долл., Венгрии — 6,9 млрд. долларов.

После политической катастрофы в Польше остальные страны Восточного блока предприняли отчаянные усилия для того, чтобы сократить задолженность прежде, нежели она примет критический характер. Это отчасти удалось: к 1984 году долги СССР снизились до 4,2 млрд. долларов, Румынии — до 6,5 млрд. долларов, Восточной Германии — до 6,7 млрд. долларов, Венгрии — до 5,1 млрд. долларов. Лишь в Польше, где контроль за экономической ситуацией был совершенно потерян, долг продолжал расти, достигнув 28,1 млрд. долларов¹.

Однако эти усилия имели и обратную сторону. Во-первых, меньше средств оставалось на инвестиционные программы, экономический рост еще более замедлился, уровень жизни перестал расти, а во многих случаях и снизился. Если на промышленность и социальную сферу денег еще хватало, то на инфраструктуре произошедшее отразилось самым печальным образом. И, наконец, чем больше средств направлялось на выплату долга, тем больше была потребность в иностранной валюте. Продукция, ранее направлявшаяся на рынок СЭВ, теперь поступала на западные рынки, если там была хоть какая-то надежда на ее реализацию. В результате ослабели связи между восточноевропейскими странами, усугубился товарный голод. Напротив, зависимость всех восточноевропейских стран, включая СССР, от мирового рынка резко усилилась.

Все это самым роковым образом сказалось на развитии советской системы во второй половине 1980-х годов. На фоне стабилизовавшихся цен на нефть рост экономики неуклонно замедлялся, а внешний долг вновь начал расти. «В условиях быстро обострявшегося с начала 70-х годов структурного кризиса, — пишет известный экономист Сергей Глазьев, — нагрузка на внешнюю торговлю резко возросла. Между тем экспортная база после ее резкого рас-

---

¹ См.: *Zycie Gospodarcze*. 9.06.1985.

ширения с вводом новых нефте- и газодобывающих мощностей в дальнейшем росла медленно, поглощая все больше ресурсов. И когда в начале 80-х годов были приняты программы наращивания производства продовольствия и предметов народного потребления, нагрузка на экспорт превзошла имеющиеся возможности. Наглядным свидетельством тому стала провалившаяся программа ускорения: она разбилась об обнаружившиеся ресурсные ограничения экспортных производств. Накопление диспропорций в народном хозяйстве превысило возможности их компенсации за счет наращивания экспорта энергетического сырья»¹.

Стратегия «экспортной компенсации», лежавшая в основе брежневской политики «стабильности», обернулась не только отсрочкой кризиса, но и накоплением проблем. В тот момент, когда кризис все равно разразился, проблемы были уже настолько остры, что справиться с ними привычными методами система не могла. Перемены наступили не как результат доброй воли начальства, в головах которого внезапно произошло «просветление» (как казалось многим интеллектуалам и даже диссидентам), но как неизбежный итог предшествующей политики, направленной на то, чтобы не допустить никаких перемен.

НЕФТЯНОЙ ШОК

К середине 1980-х годов не только советская система столкнулась с кризисом, но и западный капитализм переживал не лучшие времена. Модель регулируемого рынка, восторжествовавшая (не без влияния советского опыта) после Второй мировой войны, явно исчерпала себя. Неуклонный рост производства и потребления типичный для «золотых шестидесятых» сменился нестабильностью и частыми кризисами, от которых, казалось бы, западный мир застраховал себя с помощью социальных реформ и государственного вмешательства в экономику. Парадоксальным образом кризис западного капитализма создал условия для контрна-

---

¹ Глазьев С. Экономика и политика: эпизоды борьбы. М.: Гнозис, 1994. С. 207—208.

ступления буржуазии, стремившейся если не взять назад, то, по крайней мере, ограничить социальные уступки, сделанные трудящимся в послевоенные годы. Структуры социального государства оказались под ударом сперва в Великобритании и Соединенных Штатах, где к власти пришли неолиберальные правительства Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана, а затем и в других странах.

В развернувшейся борьбе за то, на кого будут возложены издержки капиталистического кризиса, буржуазия выигрывала, а трудящиеся классы, избалованные десятилетиями «социального мира», оказались неспособными к решительному сопротивлению. Однако наступление неолибералов не ограничилось сферой внутренней политики, оно неизбежно должно было затронуть и международные отношения, приняв форму «второй холодной войны» — резкого усиления напряженности между Западом и странами Восточного блока. На этом фоне кризис, переживаемый капиталистической экономикой, отнюдь не был для советского руководства хорошей новостью. С одной стороны, западные державы возобновили гонку вооружений, которая должна была увеличить спрос и поддержать рост промышленности, а с другой стороны, стремились снизить свою зависимость от советского сырья. Руководство СССР страдало в обоих случаях: необходимые для мирного развития ресурсы приходилось отвлекать на гонку вооружений, в то время как доходы государства снижались. Падение мировых цен на нефть в подобной ситуации играло поистине роковую роль. Кризисное состояние западной экономики оборачивалось падением спроса, а американские доллары, которыми оплачивались поставки топлива, обесценивались.

Задним числом некоторые исследователи полагали, будто руководство США сознательно снижало цены на нефть, стремясь разорить СССР. Однако, как указывает Александр Шубин, международная организация экспортеров нефти (ОПЕК) сталкивалась с такими же трудностями, как и Советский Союз. «В конечном счете на решение арабов опустить цены повлияло не столько давление американцев, сколько экономические соображения. Уже при имеющейся конъюнк-

туре цен доходы Саудовской Аравии упали с 119 млрд. долларов в 1981 г. до 26 млрд. долларов в 1985 из-за потери рынков. В результате осенью 1985 года Саудовская Аравия фактически вышла из ОПЕК, что и вызвало революцию цен»¹. К 1986 году цены упали с высоты 29—31 долларов за баррель до 15—18 долларов, иными словами — почти в два раза².

Егор Гайдар, идеолог либеральных реформ 1990-х годов злорадно констатирует, что кризис СССР был спровоцирован «сокращением нефтяных доходов, крахом экономической стратегии предшествующих двух десятилетий»³. На это Александр Шубин резонно возражает, что одного только падения цен на нефть было бы недостаточно для того, чтобы рухнуло государство, выдержавшее куда более серьезные испытания. Крушение советского строя произошло по «внутренним причинам»⁴.

Беда в том, что именно падение мировых цен на нефть и общее изменение глобальной экономической ситуации оказались не только катализаторами для внутренних процессов разложения, происходивших в СССР, но и самым серьезным образом повлияли на характер начавшихся в стране реформ.

Либеральные публицисты 1990-х годов могли сколько угодно критиковать советское руководство за попытку решить проблемы страны с помощью экспорта топлива и сырья, однако, получив власть в свои руки, они не только не сократили зависимость российской экономики от экспорта, но, напротив, резко увеличили ее. Топливно-энергетический комплекс, интегрированный в структуры мирового капиталистического рынка, стал важнейшим инструментом для насаждения буржуазных порядков на территории бывшего Советского Союза и силой, наиболее заинтересованной в установлении либеральной «открытой экономики». Вопреки идеологической риторике, либеральный курс 1990-х го-

---

¹ Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1955—1985 гг. М.: Вече, 2008. С. 84.

² Там же. С. 86.

³ Экономика переходного периода. М., 1998. С. 53.

⁴ Шубин А.В. Золотая осень. С. 89.

дов оказался не отрицанием брежневской экономической политики, но ее продолжением и развитием.

ОТ «ЗАСТОЯ» К «ПЕРЕСТРОЙКЕ»

К 1980-м годам превращение одной из ведущих индустриальных держав мира в поставщика сырья и международного должника понемногу начинало восприниматься внутри страны как унижение. Советские экономисты признавали, что сложившееся положение дел «является закономерным следствием структурной стратегии развития предшествующих лет — ориентация на возможность компенсировать за счет разработки «дешевых» природных богатств страны невнимание к развитию, прежде всего, высоких технологий и потребительского комплекса»¹. Однако политика реформ, начатая на рубеже 1980-х и 1990-х годов в Советском Союзе и завершившаяся уже в «независимой» России, не только не решила проблему, но и усугубила ее.

Когда во второй половине 1980-х годов новый лидер СССР Михаил Горбачев провозгласил «перестройку», оптимисты сразу же стали проводить параллель с преобразованиями Петра Великого. Действительно, руководство страны в очередной раз повернулось лицом к западной культуре и провозгласило необходимость заимствования западного опыта. В культурном плане Горбачев во многом сталкивался с теми же проблемами, что и Петр I: и тот и другой, сломив сопротивление консервативной части правящих кругов, укрепили связь России с Европой, сделали страну более открытой для внешнего мира и отказались от традиционных ценностей. На этом, однако, сходство заканчивается. Петр Великий создал империю, Горбачев ее развалил. Петр завоевывал новые земли на Балтике, Горбачев их утратил, Петр превратил страну в могучую европейскую державу, построил флот, заставил внешний мир считаться с Россией, Горбачев превратил сверхдержаву в зависимую и разоренную территорию.

---

¹ Развитие и совершенствование внешнеэкономических связей. М.: Институт экономики АН СССР, 1989. С. 31.

В конечном счете, Горбачев сделал для разрушения «дела Петрова» больше, нежели кто-либо из российских правителей. И это вполне закономерно, поскольку на самом деле исходные принципы петровских реформ и горбачевской «перестройки» радикально отличались друг от друга. При Петре I информационная открытость и растущее взаимодействие с Западом сочеталась с жестким и даже агрессивным военно-политическим противостоянием. Независимо от объективного соотношения экономических сил цель петровских реформ состояла в том, чтобы заставить Европу принять Россию, в качестве новой политической силы. Становясь периферией капиталистической миросистемы, петербургская империя, по крайней мере, последовательно отстаивала свою особую политическую роль в ней. Напротив, правящие круги СССР в 1980-е годы стремились лишь к тому, чтобы любой ценой присоединиться к «мировой цивилизации», жертвуя и национальным суверенитетом, и экономическими интересами страны и, в конечном счете, даже самым существованием своего государства. Все это было для них не более чем неизбежной ценой, которую пришлось заплатить за то, чтобы стать частью мирового правящего класса.

Политика Горбачева была, по существу, политикой капитуляции. Еще более очевидно это стало, когда правящие круги России возглавил Борис Ельцин. Распад Советского Союза, который администрация Горбачева пыталась предотвратить, новое руководство объявило своим важнейшим достижением. На месте некогда единого государства появилось пятнадцать новых республик, изрядная часть которых вначале даже и не стремилась к независимости. Россия вернулась к границам начала XVII века с той лишь разницей, что в составе страны остался Северный Кавказ.

Экономические реформы, начатые по инициативе Горбачева, были не только медленными и непоследовательными. Что гораздо важнее, сами реформаторы не имели четкой стратегии и ясной цели. В результате сам курс перемен стал предметом борьбы различных группировок, каждая из которых вкладывала в них собственное содержание. Боль-

шинство общества вполне серьезно воспринимало лозунги «демократического социализма», «борьбы с привилегиями», экономической децентрализации и трудового самоуправления, провозглашенные перестройкой. Напротив, сама бюрократическая элита, ответственная за реализацию этих принципов, все более явно видела в них лишь некую переходную программу, которая позволила бы плавно, не теряя контроля за ситуацией и сохраняя привилегии, перейти к полноценной реставрации капитализма. В свою очередь, западные элиты с энтузиазмом поддерживали именно это направление.

Последнее советское руководство вынуждено было считаться с последствиями «политики компенсации», проводившейся предшествующим поколением вождей. По мере того, как иссякал поток нефтедолларов, страна испытывала все большие трудности. В Кремле пытались справиться со снежным комом проблем, занимая средства на Западе. Как отмечает Сергей Глазьев, последнее советское правительство за пять лет своего пребывания у власти «позаимствовало из внешних источников более 50 млрд. долларов, одновременно растратив золотовалютные резервы»¹. Затраты на обслуживание внешнего долга достигли трети доходов от экспорта. Увеличилась политическая зависимость от Запада.

Тяжелым ударом по СССР стал распад Восточного блока в 1989 году. Вместе с советской политической гегемонией в Восточной Европе рухнул и Совет Экономической Взаимопомощи. Бывшие партнеры перешли к торговле за конвертируемую валюту по ценам мирового рынка.

Чем меньше было валюты, тем меньше было товаров. К началу 1990-х годов разразился полномасштабный кризис снабжения. Магазины встречали посетителей пустыми полками. Однако этот кошмар вовсе не был неизбежным результатом советской системы как таковой. Дефицит товаров существовал на всем протяжении советской истории, но прежде положение удавалось держать под контролем, а во второй половине 1960-х годов ситуация даже улучшалась. Крушение

---

¹ Глазьев С. Указ. соч. С. 208.

потребительского рынка в 1990—1991 годах произошло в результате полного исчерпания валютных резервов, которые раньше использовались для смягчения проблемы. Это был не только крах советской распределительной системы, которая со всеми ее недостатками сумела просуществовать на протяжении семи десятилетий, но и печальный итог «стратегии компенсации», заблокировавшей внутреннее развитие.

«Косность народнохозяйственной структуры, — пишет Глазьев, — отсутствие гибких механизмов ее подстройки к изменяющимся реалиям, а также развращающее влияние потока нефтедолларов практически блокировали стимулы к экономическому развитию в условиях, когда приток «легкой» валюты начал оскудевать. Экономический рост захлебнулся в 1990—1991 годах, сменившись стремительно развращавшимся спадом практически во всех отраслях. Это сопровождалось не менее стремительным спадом экспорта как из-за ухудшения условий добычи сырья, так и из-за недоинвестирования в добывающие отрасли.

С 1989 по 1991 год экспорт уменьшился более чем на треть, вернувшись к уровню 1981 года. Наиболее чувствительный удар был нанесен падением поставок нефти, выручка от которой упала более чем в два раза. Одновременно произошло и уменьшение импорта на 43%, которое, в свою очередь, отрицательно сказалось на динамике внутреннего производства и экспорта»¹.

Именно тогда на сцену выходит Международный Валютный Фонд, уже успешно поработавший в Латинской Америке. Подход МВФ был прост и эффективен. Он помогал должникам справиться с их краткосрочными финансовыми проблемами, но за это требовал неукоснительного выполнения своих рекомендаций в области экономической и социальной политики. Фактически речь шла о том, что в обмен на реструктурирование внешнего долга страна должна была отказаться от части своего суверенитета.

Советское руководство, вступая в отношения с МВФ, все еще колебалось, отстаивало честь сверхдержавы. Но дни

¹ Глазьев С. Указ. соч. С. 208.

Горбачева и его команды уже были сочтены. На смену им шла команда Бориса Ельцина, на которую сделала ставку большая часть бюрократической элиты.

Поразительным образом советская бюрократия даже кризис и разрушение собственной системы сумела повернуть на пользу себе. Крах Советского Союза и сопровождавший это хаос создал идеальные условия для того, чтобы, конвертировав власть в собственность, примкнуть к глобальному правящему классу.

Это была программа реставрации, следовавшая той же исторической логике, что и реставрации в Англии XVII века и Франции XIX столетия. Реставрация означала не просто возвращение старых порядков, низвергнутых революцией. Ее социальный смысл состоял в том, чтобы обеспечить примирение между новыми, порожденными революцией, элитами и традиционным правящим классом, все еще господствовавшим в рамках миросистемы.

Борис Ельцин, бывший секретарь Свердловского обкома партии, за несколько месяцев превратившийся в убежденного антикоммуниста, идеально подходил для этой роли. Точно таковы же были и люди из его окружения — с безупречным партийным прошлым, зачастую в качестве идеологов. Таким же потомственным (в третьем поколении) представителем идеологической элиты был и Егор Гайдар, главный экономический стратег команды Ельцина.

Известный журналист Олег Давыдов писал, что «разговоры о «наследственности» и «генах» в отношении трех поколений Гайдаров — вовсе не пустой звук. Что-то в этом действительно есть, нечто передается»¹. И в самом деле, внук разрушал завоевания революции с той же безоглядной решимостью и безответственностью, с которой его дед Аркадий расправлялся с противниками этой революции. Поразительно, однако, что ни Гайдар, ни другие потомственные представители элиты не нашли ни слова для осуждения собственных предков, с последствиями деятельности кото-

---

¹ Российская элита. Психологические портреты. М.: Ладомир, 2000. С. 14.

рых они столь отчаянно боролись. Напротив, они продолжали гордиться своей родословной.

Это кажущееся противоречие выдает самую суть Реставрации. Ибо противоречие здесь могут увидеть только жертвы власти, попадавшие под колеса сталинской коллективизации или, наоборот, либеральной реформы 1990-х. С точки же зрения элиты, никакого противоречия здесь нет. Ибо, расправляясь с противниками советской власти, уничтожая старую элиту, приводя к подчинению крестьян и «дисциплинируя» рабочих, лидеры прошлого расчищали путь для новой элиты, которая теперь могла овладеть страной. Без Революции не было бы Реставрации. Не было бы возможности захватить и поделить собственность. Не было бы самой этой собственности, созданной потом и кровью поколений, вовлеченных в революционную драму.

Бюрократическая элита, стремительно превращавшаяся в новое предпринимательское сословие, оказалась главным победителем в итоге советского эксперимента. После семидесятилетней паузы она могла вернуть страну в миросистему, овладев богатейшими ресурсами, приватизировав и выставив на торги плоды революции. Другой вопрос, насколько эффективно трансформирующаяся и обуржуазивавшаяся элита могла распорядиться доставшимся ей богатством.

«Вероятно, это покажется странным, — писал венгерский историк Тамаш Краус, — но как возникновение, так и крах СССР имели общие причины. Появление и падение «страны Советов» находилось в органической связи не только с многовековыми историческими прецедентами, но и с интеграцией в мировую систему или как раз специфическими проблемами изолированности. «Полупериферийная модель» — именно в ходе борьбы за собственное выживание — не могла высвободиться из-под пресса всеобщих законов накопления капитала. Эта модель не случайно рухнула, как не случайно и победила»¹.

---

¹ Краус Т. Краткий очерк истории России в XX веке. Спб.: Мир и семья, 2001. С. 240.

Глава XV

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ПЕРИФЕРИЮ

В 1990-е годы российские журналисты и политики любили напоминать, что страна богата, поскольку в ее недрах находится почти вся таблица Менделеева. Однако это богатство минеральных запасов отнюдь не было известно и тем более доступно в более ранние периоды отечественной истории. Эти запасы были разведаны и разработаны именно в период советской индустриализации. Официальные российские источники признают, что «после распада СССР на разведку новых месторождений в нашей стране не было отправлено ни одной (!) геологической экспедиции»¹. Таким образом, даже эксплуатация природных ресурсов России, ставшая основой постсоветской «открытой экономики», стала возможна благодаря усилиям предшествующей эпохи.

Десятилетие реформ, начавшееся с распадом Советского Союза и приходом к власти Бориса Ельцина, а завершившееся президентством Владимира Путина, оказалось временем беспрецедентного в мирное время спада производства. Промышленное производство и валовой внутренний продукт сократились более чем наполовину. Это существенно превзошло потери, понесенные экономикой России в результате потрясений Первой мировой войны и революции и даже ущерба, нанесенного Второй мировой войной².

---

¹ Плюсы и минусы. 2003. № 12. С. 7.

² См.: Делягин М. Экономика неплатежей: как и почему мы будем жить дальше. М., 1996; Stiglitz J.E. Globalization and Discontents. N.Y.; L.: W.W. Norton & Co., 2002. P. 143.

Однако это не был просто спад производства. На фоне разрушения промышленности и падения жизненного уровня происходило перераспределение собственности и радикальное изменение экономической структуры. К середине 1990-х годов Россия уже радикально отличалась от Советского Союза. Внутренний рынок, подорванный обнищанием населения и нехваткой средств у предприятий, резко сократился. Соответственно еще больше возросло значение внешнего рынка, на который страна по-прежнему выходила главным образом как поставщик топлива и других видов сырья. Стремительно вырос внешний долг, но в отличие от советского времени он дополнился вывозом капитала, который превратился в любимый спорт новых хозяев российских предприятий.

Экономика была приватизирована почти полностью. Предприятия и недра страны ушли за бесценок (примерно по цене, составлявшей не более 1,5% от цен мирового рынка). Объясняя это «отец российской приватизации» Анатолий Чубайс писал: «Предприятие стоит столько, сколько за него готовы заплатить потенциальные покупатели в конкретный исторический момент. Это главная проблема, которую у нас многие не понимали и не понимают до сих пор»¹. Авторы программы либеральных реформ скромно умолчали о том, что и продукция предприятий, и их технологии имели спрос на мировом рынке, где стоили совершенно других денег. Именно из этого исходили новые собственники, захватывая наиболее лакомые куски отечественной экономики. Неудивительно, что капитализация значительной части кампаний за несколько лет после раздела собственности увеличилась в 80—100 раз — на фоне отсутствия новых инвестиций, снижающейся производительности труда и износа оборудования. Нередки были случаи, когда от реализации за границей одной лишь партии готовой продукции, лежавшей на складе к моменту приватизации, новые хозяева с лихвой возмещали все расходы по приобретению компании (включая взятки чиновникам). Даже продажа оборудования

---

¹ Приватизация по-русски / Под ред. А. Чубайса. М., 1999. С. 137.

на металлолом позволяла полностью окупить все издержки приватизации и получить немалую прибыль.

Результатом такой политики стало возникновение узкого слоя самодовольных богачей, получивших, с легкой руки журналистов, прозвание «новых русских». Параллельно возник и новый средний класс, вполне достойно оплачиваемый, но малочисленный и сосредоточенный почти исключительно в двух столичных городах.

И все же к концу 1990-х годов экономика России сделалась капиталистической лишь отчасти. В ней сохранялись черты «советского корпоративизма», работники во многих случаях зависели от своего предприятия в большей степени, чем от рынка труда, бюрократия оставалась самодостаточной силой, способной в случае необходимости испортить жизнь даже самым богатым гражданам, а собственность, незаконно захваченная, не могла быть и эффективно защищена законом¹.

С точки зрения либеральных идеологов, именно эта «недоделанность», «незавершенность» нового русского капитализма была причиной всех проблем. Однако попытки «доделать» и «завершить» реформу, предпринимавшиеся с поразительным упорством на протяжении десяти лет, либо проваливались, либо усугубляли те самые проблемы, которые предполагалось решить. Российское общество рубежа XX и XXI веков, при всех своих постсоветских особенностях, приобрело вполне типичные черты периферийного капитализма и жило по его логике. Зависимое положение работника, нищенская заработная плата и слабый внутренний рынок оказались конкурентными преимуществами для сырьевых монополий, работавших на мировой рынок. Финансовые проблемы страны стали неотделимы от процессов, происходящих в глобальной экономике. Коррупция оказалась естественной реакцией государственного аппарата на социальное расслоение.

---

¹ См. подробнее: Кагарлицкий Б. Управляемая демократия. М.: Ультра.Культура, 2005.

Сходство России со странами «третьего мира» усиливалось по мере проведения структурных реформ, осуществлявшихся по рецептам Международного Валютного Фонда. В начале 1990-х годов миросистема перестраивается под эгидой единственной сохранившейся сверхдержавы — США. Новая экономическая программа явно выражает интересы укрепившегося в новых условиях финансового капитала и транснациональных корпораций. Ее идеологическим обоснованием стал неолиберализм, провозглашающий возврат к ценностям свободного рынка, доминировавшим в Англии конца XVIII века. Ее политической формулой делается «Вашингтонский консенсус», поддержанный с большим или меньшим энтузиазмом почти всеми мировыми элитами, и Россия сыграла в этом не последнюю роль.

Социальная формула «Вашингтонского консенсуса» — консолидация правящего класса на транснациональном уровне под руководством Соединенных Штатов. Экономическая программа предусматривала для всех один и тот же набор мер — приватизация, дерегулирование, либерализация цен и свобода вывоза капитала. Эти рецепты предлагались западными экспертами с одинаковым рвением в любой стране, от Зимбабве до России. Неолиберальная реформа не принесла процветания жителям Африки или Латинской Америки, но Россию, безусловно, сделала более похожей на Зимбабве.

Российская экономика теперь была полностью вписана в миросистему, включена в глобальное разделение труда, отвечавшее интересам транснациональных корпораций, господствовавших в новом, изменившемся после краха СССР, мире. Мечта реформаторов об интеграции страны в мировую экономику и глобальное сообщество была реализована. Россия вновь стала источником сырья и финансовых ресурсов для Запада.

ВНЕШНИЙ ДОЛГ

На протяжении 1990-х годов обслуживание внешнего долга превратилось в важнейший приоритет правительст-

ва. Соответственно, МВФ и Всемирный банк стали главными партнерами и консультантами новой власти¹.

Вице-премьер Егор Гайдар, отвечавший в окружении Ельцина за экономическую реформу, не скрывал, что его программа полностью соответствовала рекомендациям западных экспертов. Первым документом, формулировавшим приоритеты экономической политики новой России, стал «Меморандум» 27 февраля 1992 года, адресованный не собственно населению, а руководству МВФ в Вашингтоне. Американские исследователи отмечают, что таким образом «российское правительство признавало решающую роль Запада в планировании реформы. Сформулированный Западом подход господствовал в Кремле»².

Формальным основанием для такого поведения правительства было катастрофическое состояние финансов и неспособность выплатить внешний долг. Однако сотрудничество с МВФ не принесло ожидаемого быстрого облегчения. В книге «Трагедия российских реформ» («The Tragedy of Russian Reforms») Питер Реддавей и Дмитрий Глинский пишут: «Приоритетом Гайдара было получение западной финансовой поддержки, а не одобрения в собственной стране. Но и с этой задачей он в полной мере не справился, поскольку в начале 1992 года Россия получила от МВФ список условий, которые предстояло выполнять, но, по крайней мере, не первых порах, никаких денег взамен»³.

Сколь бы острой ни была нужда правительства в деньгах, альянс Ельцина и Гайдара с МВФ обеспечивал решение еще одной, может быть, стратегически гораздо более важной задачи. Сотрудничество с Западом и выполнение его требований (кондиций) было необходимым условием

---

¹ О деятельности международных финансовых организаций и их представителей в России см. подробнее: *Wedel J. Collision and Collusion*. N.Y.: St. Martins, 1998.

² *Nelson L., Kuzes I. Radical Reform in Yeltsins Russia: Political, Economic, and Social Dimentions*. Armonk; N.Y.: M. E. Sharpe, 1995. P. 24.

³ *Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russian Reforms: Market Bolshevism Against Democracy*. Washington, DC: US Institute of Peace Press, 2001. P. 293.

присоединения меняющейся российской элиты к мировому правящему классу. Проведение приватизации было вовсе не результатом давления МВФ или Всемирного банка. Российское начальство само стремилось к захвату собственности и не нуждалось для этого в подсказках из-за океана. Однако сотрудничество с западными финансовыми институтами было необходимым условием того, что собственность, захваченная в ходе начавшейся в 1991—1994 годах вакханалии разграбления народного достояния, будет признана законной, а ее обладатели респектабельными.

С помощью МВФ эта задача была решена в значительной мере, но, как показал последующий опыт, не полностью. Как только режим Ельцина зашатался и возникла угроза его падения, в западной прессе замелькали сообщения о российской коррупции, начались попытки привлечения к уголовной ответственности в Европе и США московских деятелей, участвовавших в отмыывании денег (вершиной этого был арест в США Павла Бородина, бывшего главы президентской администрации Ельцина). Однако накал страстей на Западе стих после того, как в России воцарился президент Путин и политическая ситуация вновь приобрела видимость устойчивости.

Тем самым российские элиты получили урок, который был давно известен элитам «третьего мира»: их статус в глобальном сообществе зависит не только от количества награбленной собственности, но и от способности эффективно контролировать свою страну, поддерживая ее участие в миросистеме.

Что касается внешнего долга, то вмешательство МВФ отнюдь не принесло спасения. Как и в других «периферийных» странах, внешний долг превратился для России в долгосрочную структурную проблему. По данным заместителя министра финансов Сергея Колотухина, внешний долг России на 1 октября 2002 года достиг 120,1 млрд. долларов¹.

---

¹ Данные о внешнем долге России и отдельных корпораций размещены в Интернете на сайте компании «Татнефть» по адресу: <http://www.info.debt.ru>.

К середине 2000-х годов ситуация заметно улучшилась, но причиной тому был не успех мер по реструктурированию долгов, а выгодная для отечественной экономики конъюнктура мирового рынка.

ТОПЛИВНАЯ ЭКОНОМИКА И ВЫВОЗ КАПИТАЛА

К концу 1990-х годов нефтегазовый комплекс обеспечивал примерно 20% валового внутреннего продукта, около 45% экспорта и 60% валютных поступлений страны¹. Топливная промышленность оставалась и главным кредитором остальных секторов экономики. В условиях роста мировых цен на топливо, происходившего в начале 2000-х годов удельный вес «топливно-экспортной экономики» в России даже усилился. К этому времени доходы от добычи нефти в стране оценивались экспертами «75—89 млрд. долл. в год, из которых лишь менее одной четверти приходится на вклад труда и капитала. Остальное — природная рента, перераспределяющаяся в пользу капитала: государству, хотя оно и владеет источником ренты, достается менее 30—35 процентов»².

На протяжении всего периода неолиберальных преобразований российская экономика, и без того достаточно запущенная, страдала от хронического недостатка инвестиций. Оборудование изнашивалось и не заменялось. Инфраструктура выходила из строя. Переподготовка кадров не велась. Даже нефтяная промышленность не получала капиталовложений в достаточном для развития количестве. Ситуация лишь немного улучшилась после возобновления экономического роста в 1999 году.

Эксплуатация природных богатств страны сопровождалась массовым вывозом капитала, что вполне типично для периферийного капитализма. На протяжении 1990-х годов

---

¹ См.: Деягин М. Идеология возрождения. Как мы уйдем из нищеты и маразма. М.: Форум, 2000. С. 37.

² Смысл. 2.12.2002. С. 49.

средства в промышленность и инфраструктуру почти не инвестировались. Модернизация затрагивала лишь те части инфраструктуры, которые были необходимы для интеграции страны в мировую экономику.

Разумеется, определенные средства в экономику вкладывались, и технологическая модернизация продолжалась. Но и здесь видно, насколько развитие отечественного капитализма носило периферийный характер. К 2000 году число международных каналов связи на базе цифровых технологий увеличилось по сравнению с советским временем в 48 раз, тогда как число внутренних междугородних каналов выросло всего в 2,6 раза¹. «Таким образом, — заключает политолог Алла Глинчикова, — внешняя информационная интеграция по темпам и масштабам своего развития более чем в 18 раз опережает внутреннюю»². Заметим, что происходило это в стране, которая и в советское время страдала от недостатка телефонизации. К 1998 году в России на одну телефонную линию приходилось 6 человек, тогда как в США — 1,5. Общее количество российских телефонных линий чуть превышало 25 миллионов, тогда как в Америке их имелось 182 миллиона. Легко догадаться, что в такой ситуации и развитие Интернета оказывалось привилегией столичных городов и социальных слоев, так или иначе вовлеченных в мировую экономику либо причастных к распределению власти и собственности.

Заработная плата также оказалась качественно разной в зависимости от того, связан был работник с экспортным сектором или нет. В советское время можно было говорить о таких вещах, как «средняя зарплата по промышленности». В новой России подобные категории потеряли всякий смысл. Средняя зарплата работника газовой промышленности в конце 1990-х годов составляла 392% от средней

---

¹ См.: Информационное пространство новых независимых государств / Под ред. Ю. А. Арского и др. М.: ВИНТИ, 2000. С. 23-24.

² Мир России. 2003. № 1. С. 110.

по стране, в цветной металлургии — 192%, в науке — 82%, в легкой промышленности — 51%, в сельском хозяйстве — 46%¹. В свою очередь, ученые разделились на узкую группу получателей западных грантов и нищающее большинство исследователей, чьи работы не представляли интереса для западных институтов (либо они не имели связей с потенциальными спонсорами). На фоне отдельных «звезд», которые благодаря известности на Западе сумели обеспечить себе вполне благополучное существование и условия работы, еще более катастрофическим выглядел упадок научно-исследовательских институтов, выживавших за счет сдачи в аренду собственных помещений. Даже если значительная часть подобных структур была изначально неэффективна и нуждалась в реорганизации, их упадок болезненно ударил по всей системе подготовки научных кадров, ибо замены им не было. Выпускники университетов либо искали работу за границей, либо устраивались в более или менее благополучные компании, независимо от полученной специальности.

Точно так же, как социальное расслоение, обострилось и неравенство между регионами. Наиболее процветающие по доходам населения в десять раз обгоняли отстающих. Несложно догадаться, что к числу процветающих зон относились столичные города, а также области, где сосредоточено было экспортное производство².

В остальных секторах царил глубочайшее запустение. Оборудование изнашивалось, здания ветшали, жилищно-коммунальное хозяйство приходило в упадок. Не затрачивались деньги и на переподготовку кадров в промышленности. Когда к концу десятилетия наметился поворот к промышленному росту, предприятия обнаружили, что у них почти нет молодых работников с достаточным уровнем подготовки. В целом, научные и промышленные коллективы старели.

¹ См.: Социальное расслоение и социальная мобильность. М.: Наука, 1999. С. 27, 28.

² См.: Мир России. 2003. № 1. С. 110.

Дефицит инвестиций, однако, отнюдь не был вызван нехваткой средств. О том, что денег в стране было достаточно, свидетельствуют масштабы экспорта капитала за рубеж новыми отечественными собственниками и филиалами иностранных компаний. Оценивая отток капиталов за границу, А. Колганов пишет: «Этот отток многократно превышает все иностранные инвестиции и займы, полученные Россией за период реформ. В 90-х годах этот отток оценивался специалистами в 1,0-2,0 млрд. долларов ежемесячно, а суммарный нелегальный вывоз капитала за рубеж различные эксперты оценивают в 150—250 млрд. долларов. В период экономического роста 1999—2000 гг. утечка капитала даже несколько возросла»¹.

Эксперты оценивают масштаб бегства капиталов из России во второй половине 1990-х годов как величину порядка 30% экспорта, верхняя граница оценивается в 20—25 млрд. долларов в год. Вопреки распространенным в прессе представлениям даже капитал, вывозившийся из страны нелегально, преимущественно не имел криминального происхождения. Другое дело, что его собственники уклонялись от российских налогов. Вывозимые из России средства представляли собой «недорогой источник капитала для мировой экономики»². Значительная доля «иностранных» инвестиций в России рубежа XX и XXI веков также представляла собой возвращение части «убежавшего» капитала. Именно поэтому значительная часть средств приходила с Кипра, облюбованного российскими бизнесменами в качестве офшорной зоны. Как отмечают эксперты, «такой капитал не приносит, видимо, значительного управленческого или научно-технического опыта в Россию. Фактически это лишь способ кредитования российских предприятий из-за рубежа (при слабости банковской системы) или закрепле-

---

¹ Критический марксизм: продолжение дискуссий /Под ред. А. Бузгалина и А. Колганова. М., 2001. С. 231.

² См.: Бюллетень иностранной коммерческой информации, 12.08.2000. № 93. См. также доклад Бюро Экономического анализа от 1 февраля 2000 года (<http://www.hse.ru/ic/materials/sale.htm>).

ния контроля над российскими предприятиями его фактическими владельцами»¹.

По мнению большинства экспертов, колебания политического климата в стране и финансовый крах 1998 года не оказали видимого воздействия на вывоз капитала из России. Вообще утечка капитала отнюдь не была результатом неблагоприятных экономических условий. Как раз наоборот, в 2000 году, когда российская экономика достигла рекордных для постсоветского периода темпов роста, пропорционально увеличился и вывоз капитала.

После финансового краха 1998 года, когда рост экономики возобновился, экспортеры топлива, а позднее и металла стали получать огромную выручку, но вплоть до 2002 года это мало влияло на инвестиционный климат в стране. Разумеется, некоторое подобие «инвестиционного подъема» наблюдалось, но вывоз капитала не прекратился. Отечественные корпорации предпочитали использовать оставшиеся им с советских времен производственные мощности, а не создавать новые. «Даже наиболее консолидированные из них, такие, как «Газпром» или нефтяные кланы, — пишет Колганов, — очень вяло осуществляют производственные инвестиции. Экономический рост 1999—2000 гг., сопровождавшийся и значительным ростом инвестиций в нефтегазовой отрасли, не обеспечил даже компенсацию недоинвестирования в предшествующий период»².

Колганов делает отсюда вывод об отсутствии у олигархии интереса к серьезной модернизации отечественной экономики. Однако дело было не только в олигархии. До тех пор, пока сохранялась сложившаяся в 1990-е годы модель интеграции России в миросистему, любая серьезная попытка модернизации обречена столкнуться с непреодолимыми препятствиями.

---

¹ Григорьев Л., Косарев А. Масштабы и характер бегства капиталов. Доклад на Международной конференции «Инвестиционный климат и перспективы экономического роста в России». (<http://www.hse.ru/ic/materials/scale.htm>).

² Критический марксизм. С. 231.

Как и другие периферийные страны, Россия начала с 1990-х годов обслуживать международный процесс накопления, перераспределяя средства в пользу центра. По данным Министерства внутренних дел вывоз капитала из России в 2000 году составил около 11 млрд. 523 млн. долларов, причем до 80% этих средств были направлены в США. В то время как объем иностранных инвестиций в отечественную экономику составил 7 млрд. 888 млн. долларов. Причем большинство иностранных инвестиций поступило из офшорных зон¹.

ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

Как заметил Михаил Делягин, экономический советник правительств Евгения Примакова и Михаила Касьянова, «сырьевая ориентация в долгосрочной перспективе звучит не диагнозом, а приговором»². Такая система «бесперспективна из-за «врожденной» нестабильности сырьевых рынков, которые, в отличие от рынков товаров с высокой степенью обработки, не контролируются продавцом и в целом дестабилизируют его»³. Выход Делягин предлагал искать на путях развития высоких технологий и модернизации промышленности, обслуживающей внутренний рынок. Однако сырьевая ориентация была для российских элит к началу 2000-х годов уже не просто экономической политикой, а основой их существования и способом их интеграции в мировую систему. Соответственно, решить проблему было невозможно, не затронув ключевых интересов отечественной олигархии и не вступая в конфликт с неолиберальным миропорядком (а то и с капитализмом) в целом. Попытки стимулировать промышленность с помощью государственного регулирования, повышения покупательной способности населения и инвестиционных программ, предприня-

---

¹ Отчет о брифинге Министерства внутренних дел ([http:// rockefeller.ru/del1737.html](http://rockefeller.ru/del1737.html)).

² Делягин М. Идеология возрождения. С. 39.

³ Там же. С. 38.

тые правительством Евгения Примакова в 1998—1999 годах, принесли явственные и быстрые результаты. Но, увы, именно эти меры вызвали дружное осуждение западных «экспертов по России» и отчаянное сопротивление олигархов, обернувшись политическим поражением кабинета. Просуществовав всего 8 месяцев, правительство Примакова вынуждено было уйти, оставив после себя светлые воспоминания и недоделанную работу.

В 1990-е годы в России и других постсоветских республиках не просто закрывались предприятия, а миллионы людей, ранее работавшие в промышленности, вынуждены были искать себе новые места — мелких торговцев, охранников, прислуги у «новых русских» и т.д. Резкий переход к открытой экономике означал, что советские производители, привыкшие к совершенно другим условиям, оказались беспомощны перед лицом мирового рынка. Погибали целые отрасли экономики. Реформаторы оправдывались, напоминая, что многие из рухнувших предприятий производили некачественную продукцию и были неэффективны. Что, разумеется, верно. Однако показательно, что творцы экономических реформ вместо того, чтобы создать этим предприятиям стимулы для более эффективной работы, создали условия, при которых не выживали даже сильнейшие. На рубеже 1980-х и 1990-х годов эксперты Международного валютного фонда, преддрекавшие неизбежный спад советской промышленности в условиях «структурной перестройки», пророчили успешное развитие сельского хозяйства. На практике сельское хозяйство перенесло не менее тяжелый спад, нежели промышленность. В 1998 году производство в этом сектора экономики составило лишь 43,4% к уровню 1990 года¹.

Итоги «десяти лет российских реформ» лучше всего иллюстрируются данными о валовом внутреннем продукте (ВВП). По этому показателю позиции России в мировой экономике оказались к началу XXI века не только хуже, чем

---

¹ См.: Смысл. 19.12.2002. С. 64.

в советское время, но даже хуже, чем в 1913 году. Были утрачены не только многие завоевания послереволюционного периода, но и то, что было достигнуто при Витте и Столыпине.

Доля России в мировом ВВП

	1913	1960	1980	2000
СССР/Россия без Польши и Финляндии	9,07	14,47	11,71	3,8
Россия в границах РФ	6,8	8,94	7,08	2,1

Источник: Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет. М.: Юрист, 2003. С. 509—510.

Деиндустриализация в республиках бывшего Советского Союза качественно отличалась от того, что имело место на Западе. Если в первом случае промышленное производство сокращалось при одновременном развитии новых технологий, то в России имела место технологическая деградация. Изрядная часть рабочих мест, потерянных в промышленности, либо не была компенсирована вообще, либо была замещена работой в «неформальном секторе», где говорить о современных технологиях не приходится. Оборудование нередко разворовывалось, а там, где производство сохранилось, машины постепенно изнашивались. Сами промышленные коллективы начали стремительно стареть, поскольку прекратилось обучение кадров и набор новых сотрудников.

Деградация производства затруднила и развитие технологического потенциала страны. Большая часть передовых разработок отечественных инженеров и ученых, созданная в 1980-е годы, так и не была доведена и внедрена в производство. Значительная часть идей и технологий были просто разворованы. «Отставание России от мира в технологической сфере, — мрачно констатировал Михаил Делягин в 2000 году, — приняло необратимый характер еще в середине 90-х годов...»¹

¹ Делягин М. Идеология возрождения. С. 48.

ОЛИГАРХИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Первый этап разграбления общественной собственности породил гротескную породу «новых русских» — полуграмотных бизнесменов, зачастую с криминальным прошлым и неизменно бандитскими повадками. Однако эти анекдотические персонажи никогда не были настоящими хозяевами жизни. Реальная экономическая власть понемногу сосредоточивалась в руках новой элиты, овладевшей крупнейшими нефтегазовыми и металлургическими компаниями. Выйдя из рядов старой бюрократии, эта элита трансформировалась, пополняла себя «свежей кровью», меняла свою культуру поведения.

К середине 1990-х годов процесс перехода был в основном завершен. В стране сложились серьезные предпринимательские кланы, лидеры которых получили в прессе прозвище олигархов. Основой их капиталов был контроль за вывозом сырья и полуфабрикатов на мировой рынок. Экспорт ресурсов рос пропорционально распаду отечественной промышленности. В этом смысле кризис и спад были важнейшим условием успешного накопления капитала.

Контроль над экспортом в сочетании с катастрофическим падением курса рубля гарантировал то, что в руках у олигархов сосредоточились «настоящие» финансовые ресурсы. Обесценение рубля вело к долларизации экономики. А это, в свою очередь, означало, что господствующие позиции в стране получают компании, которым гарантирован стабильный приток западной валюты. Предпринимательские кланы, оседлавшие экспорт сырья, диктовали свои правила игры не только в экономике, но и в политике, культуре, масс-медиа.

Олигархический тип капитализма, сложившийся в России середины 1990-х, был теснейшим образом связан с периферийным характером экономики. Одно было бы невозможно без другого. Включение Российской Федерации в мироэкономическую систему в качестве поставщика сырья и рынка сбыта для транснациональных компаний, предпо-

делило формирование соответствующей олигархической элиты, власть и богатство которой базируются на паразитической эксплуатации ресурсов страны и остатков производственного потенциала, созданного советской индустриализацией. А власть олигархии делала политически и экономически невозможными попытки реализации любых иных сценариев развития.

Государство, конституционно оформленное переворотом 1993 года, когда законно избранный парламент был расстрелян из танков, не могло не быть авторитарным. Конституция 1993 года закрепляла не только непомерные амбиции Ельцина, который стремился быть самодержцем и «демократическим» президентом в одном лице. Она создавала удобную для олигархических и бюрократических элит политическую систему, в которой народ практически не имеет шансов влиять на власть, в чьих бы руках эта власть ни находилась. Новое государственное устройство смогло удачным образом соединить авторитаризм исполнительной власти, покоящийся на избирательных фальсификациях, с легальным существованием парламентской оппозиции и реальной свободой печати, совершенно не влияющих на «серьезную политику». В этом смысле российское государство уже вновь обрело черты, присущие царизму эпохи 1905—1914 годов, с той лишь разницей, что формальное восстановление монархии (неоднократно обсуждавшееся в российской элите) для этого не понадобилось. Устаревшая модель сословной монархии была заменена более «современной» олигархической республикой.

ДЕФОЛТ 1998 ГОДА

На протяжении большей части 1990-х годов российское руководство добросовестно выполняло все рекомендации Международного валютного фонда. После того, как в конце 1993 года инфляция более или менее стабилизировалась, был установлен явно завышенный курс рубля. Эта перемена странным образом совпала с завершением первого этапа приватизации, в ходе которого основные ресур-

сы страны были сосредоточены в руках новых собственников. Вслед за этим ушли в тень «новые русские» и вышли на авансцену олигархи.

Вывоз сырья теперь сочетался с поддержанием завышенного курса рубля. На первый взгляд это было нелогично, ибо олигархи жили от экспорта, а завышенный курс национальной валюты экспортерам невыгоден. Однако речь шла не о промышленности, которая от такой политики задыхалась, а об экспортерах сырья. Для них же решающим фактором бы не курс национальной валюты, а мировая цена на нефть.

Страна была наводнена дешевым импортом, отечественная промышленность задыхалась, не выдерживая конкуренции. Однако, как справедливо заметил известный американский экономист Дж. Стиглиц, завышенный курс рубля, являвшийся катастрофой для страны, оказался «благодеянием» для элиты¹. Привилегированные слои могли по выгодным ценам приобретать предметы роскоши, а также вывозить средства из страны. Крупнейшие экспортеры были одновременно владельцами основных банков, которые вкладывали деньги в финансовые операции, экспорт капитала и импорт товаров. Таким образом, завышенный курс рубля, в конечном счете, устраивал олигархию.

Еще более устраивал он транснациональные корпорации, ввозившие в обнищавшую страну товары, и финансовых спекулянтов, работавших с облигациями российского государственного долга.

«МВФ беспокоило то, что девальвация рубля вызовет новый виток инфляции, — пишет Стиглиц. — Его требование, чтобы Россия поддерживала завышенный курс рубля, и многомиллиардные кредиты, которые пошли на это, в конечном счете, привели экономику к крушению»². Несмотря на неукоснительное выполнение рекомендаций за-

---

¹ *Stiglitz J.E. Globalization and Discontents*. N.Y.; L.: W.W. Norton & Co., 2002. P. 146. Русское издание: Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. С. 178.

² *Ibid.* P. 135; в русском издании: С. 167.

падных экспертов, обещанный экономический рост не наступал. «Таким образом, во время восточно-азиатского кризиса Россия находилась в странном состоянии. Она была обильна природными ресурсами, но государство было бедным. Правительство фактически раздало ценнейшее государственное имущество, и в то же время было не в состоянии выплачивать пенсии престарелым или давать социальные пособия бедным. Правительство занимало миллиарды у МВФ, увеличивая бремя задолженности страны, в то время как олигархи, которые получили от государства такие щедрые подарки, выводили из страны многомиллиардные капиталы. С подачи МВФ правительство допустило свободное движение капиталов через границы, что должно было обеспечить приток средств. Предполагалось, что такая политика сделает страну более привлекательной для иностранных инвесторов, но на деле это была улица с односторонним движением, по которой осуществлялось бегство денег из страны»¹.

Бегство капитала и упадок промышленности оставили правительство без денег. Руководство страны, сознательно обслуживавшее олигархов (а порой и состоявшее из представителей олигархии) не видело в этом большой трагедии. Но некоторые государственные расходы все же надо было финансировать, тем более что этого требовал и сам бизнес, стремившиеся поживиться от казенных денег всякий раз, когда появлялась малейшая возможность этого. Дефицит государственных средств покрывался заимствованиями, как на внешнем, так и на внутреннем рынке. Внутренний долг России превратился в гигантскую финансовую пирамиду, крушение которой становилось только вопросом времени.

К концу 1990-х годов политика свободного рынка, проводившаяся на основе «Вашингтонского консенсуса» в глобальных масштабах, привела к закономерному результату — мировому кризису перепроизводства. Этот кризис начался со стран Восточной Азии, куда к тому времени переместилась значительная часть мировой промышленности. Сокра-

---

¹ *Stiglitz J.E. Globalization and Discontent*. P. 135; в русском издании: С. 178.

щение производства в Азии сопровождалось ростом валютной нестабильности в глобальной экономике и падением спроса на нефть. И то и другое немедленно ударило по России. Из-за своей явно завышенной цены рубль превратился в идеальный объект для международных финансовых спекулянтов, а удешевление нефти подорвало доходы государства и частных компаний. В результате на финансовом рынке давление на рубль резко усилилось, а средств для поддержания его курса стало значительно меньше.

Уже в начале 1998 года цены на нефть упали настолько, что доходы от ее продажи не покрывали издержки добычи и транспортировки. Летом кризис, начавшийся в Азии, добрался до России.

В июне 1998 года американская корпорация Goldman Sachs сняла огромный Дом Союзов, где когда-то проходили похороны Ленина и Сталина, чтобы прославить российский капитализм и отпраздновать открытие своих новых офисов. Американцы доставили на вечеринку бывшего президента США Джорджа Буша старшего, чтобы порадовать гостей. Через два месяца Россия объявила дефолт по внутреннему долгу, девальвировала свою валюту и вызвала панику на международных финансовых рынках.

После того как в августе правительство пошло на дефолт, началась цепная реакция крахов в банковском секторе. Иностранные финансовые спекулянты, работавшие с российскими ценными бумагами, погорели на миллиарды долларов. Затем кризис переместился в Латинскую Америку, где на грани краха оказалась бразильская валюта. Однако здесь, в отличие от России, девальвацию провели своевременно, и падение курса бразильского реала не приняло таких катастрофических форм, как крах рубля.

КЕЙНСИАНИЗМ ПО-РУССКИ

Крах рубля, деморализовавший олигархическую элиту, оказался благодеянием для экономики. Импорт стремительно сократился, а отечественные предприятия почувствовали себя более уверенно. Удешевление рубля резко повысило

их конкурентоспособность. В свою очередь, западные фирмы, не видя возможности ввозить в Россию продукцию, но боясь потерять рынок, начали вкладывать деньги и переносить технологии для производства на месте. Подобное стихийное замещение импорта привело к заметному оживлению промышленности.

В условиях, когда олигархия была растеряна, а население озлобленно, у президента Ельцина не оставалось иного выхода кроме как назначить правительство, способное действительно изменить экономический курс. Премьер-министром стал Евгений Примаков, а вице-премьером по экономике — Юрий Маслюков, оба являвшиеся решительными противниками неолиберального курса.

В отличие от борьбы за поддержание курса рубля новый кабинет взял курс на стимулирование производства и развитие внутреннего рынка. Огромные долги по зарплате, накопившиеся в государственном секторе, начали выплачиваться. К изумлению неолиберальных экспертов, инфляция росла гораздо медленнее, чем увеличивалась масса бумажных денег — цены на рынке были неоправданно завышены, и по мере появления у людей наличности цены даже начали снижаться, двигаясь навстречу платежеспособному спросу.

В России начался промышленный рост. Оборонная промышленность отчасти восстановила производство за счет экспорта. Иллюзия благополучия создавалась также за счет роста мировых цен на топливо, который начался в 2000 году. Оправившись от спада, экономики стран Восточной Азии предъявили новый спрос на сырье. Одновременно в Соединенных Штатах и Западной Европе накопился изрядный инфляционный потенциал.

Благодаря разгону кредитной и биржевой инфляции, развернувшейся в США на протяжении предшествовавших 15 лет, огромные средства во всем мире были изъяты из «реальной экономики» и перекочевали в сферу финансовых спекуляций. Здесь Россия находилась в первых рядах, вывозя в США огромные средства, разворованные в промышленности. Перераспределение средств из промышленности в пользу финансового капитала, происходившее в России

в форме откровенного грабежа, имело место и в западных странах, только в более «цивилизованной» форме.

Как отмечают российские исследователи, «львиная доля прироста кредитных денег шла на фондовый рынок, способствуя неоправданно быстрому его подъему. Вместо инфляции на потребительском рынке имела место инфляция финансовых активов»¹.

Эта «кредитная накачка экономики» привела к расцвету массовых спекуляций на фондовом рынке, дестабилизировав мировую систему на рубеже XX и XXI веков. Правительства, верные «Вашингтонскому консенсусу», ограничивали свои расходы, но мер для сдерживания кредитной и биржевой инфляции не предпринимал никто. На протяжении 10 лет бумажные деньги не дешевели, а спекулятивный финансовый капитал возрастал непропорционально росту производства. Обесцененные «безналичные» деньги можно до поры свободно конвертировать в полновесную наличность. Нужен был только механизм, который позволил бы это сделать.

Таким механизмом оказалось взвинчивание нефтяных цен в 2000—2001 годах. В экономике Запада возник своего рода «инфляционный навес». Теперь «лишние» деньги обрушились на нефтяной рынок. Поскольку долларовой «навес» рухнул, рубль, став «нефтяной валютой», неожиданно укрепился, а поток дешевых долларов, хлынувший в страну, поддерживал рост производства и иллюзию благополучия.

Однако этот рост, показавший впечатляющие результаты уже в 1999—2000 годах, был крайне неустойчивым. Предприятия возобновляли производство, но инвестиций почти не было. Как отмечает Делягин, возрождение промышленного производства «после кризиса было во многом «куплено» ухудшением ситуации в остальных сферах, в первую очередь падением реальных доходов населения и полным крахом финансового сектора»².

---

¹ Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы. М., 2001. С. 129.

² Делягин М. Идеология возрождения. С. 44.

В свою очередь, олигархия, оправившись от шока, пережитого в 1998 году, быстро восстановила свои позиции. Правительство Примакова со своими кейнсианскими мерами фактически спасло собственных политических противников. Как только оздоровление экономики стало очевидным, олигархия обрела уверенность в себе. Решением Ельцина правительство Примакова было отправлено в отставку. А в январе 2000 года в Кремле уже воцарился новый президент — Владимир Путин, выбранный Ельциным в качестве наследника.

ВТОРАЯ «СТАБИЛЬНОСТЬ»

Политический проект новой администрации до странности напоминал курс, избранный в начале 1970-х Леонидом Брежневым. Прекрасно отдавая себе (после краха 1998 года) отчет в слабостях отечественной экономики, правящие круги отнюдь не собирались ее преобразовывать, тем более что общество, деморализованное и растерянное переменами предшествующих лет, не представляло для них серьезной опасности.

До тех пор, пока цены на нефть оставались для России благоприятными, можно было ничего не предпринимать, одновременно убеждая народ и самих себя в том, что страна вступает в новую эру порядка и стабильности. Однако промышленный рост не был (по крайней мере, в период 1999—2003 годов) связан со сколько-нибудь серьезными инвестициями. Новые собственники продолжали использовать оборудование и технологии, доставшиеся им в наследство от советского государства. Речь шла лишь о восстановлении производства, резко сократившегося в 1990-е годы. Но даже здесь достижения были не блестящими. В 2003 году, после четырех лет роста, загрузка промышленных мощностей составила всего 55%. Лишь в топливных отраслях и металлургии, являвшихся лидерами развития, загрузка мощностей составила соответственно 79 и 70%¹.

---

¹ См.: Русский фокус. 2003. № 24. С. 69.

Своим крупным достижением российские власти считали возобновление зернового экспорта в 2002 году. Если Советский Союз регулярно импортировал зерно, то новая, постсоветская Россия, к тому же лишенная хлеботорговых областей, отошедших к независимой Украине и Казахстану, смогла выйти на мировой рынок в качестве экспортера. Это действительно выглядело бы серьезным успехом, если бы не одно обстоятельство: достигнута подобная победа была не столько за счет резкого роста производства, сколько за счет сокращения внутреннего потребления. Московская «Родная газета» констатировала: «Наше аграрное хозяйство вернулось к старозаветной модели... 1913 года. Россия вновь сбывает за границу «излишки» зерна из недоедающих губерний»¹.

В советское время основной причиной импорта была нехватка фуражного зерна для скота. поголовье скота, резко сократившееся во время коллективизации, с огромным трудом удалось восстановить лишь после Второй мировой войны. В годы неолиберальной реформы начался новый массовый забой скота, по своим масштабам превзошедший даже то, что творилось в годы коллективизации. Сократились и посевные площади. Крупные города этого не почувствовали, поскольку освободившееся место сразу же было занято импортом. Но деревня, малые города и наименее обеспеченные слои общества ощутили последствия произошедшего немедленно. «Главный санитарный врач России Геннадий Онищенко свидетельствует, что рацион россиян снизился на тысячу калорий — от искомых 3,2 тыс. в сытые 80-е. Авторитетная госкомиссия признала, что основная причина высокой смертности — недостаточное и несбалансированное питание. Попросту — недоедание»².

На протяжении 1990-х годов близкие к правительству эксперты объясняли неудачи реформ тем, что «сама струк-

---

¹ Родная газета. 2003. № 6. С. 6.

² Там же. Регулярное недоедание сказалось и на росте смертности: в 2003 году средняя продолжительность жизни в России составила 67 лет (Плюсы и минусы. 2003. № 12. С. 7).

тура производства в Советском Союзе была необыкновенно утяжелена, смещена в сторону оборонных отраслей. И в новых экономических условиях такой серьезный обвал был неизбежен»¹. Между тем, именно области, работавшие на народное потребление, понесли самый большой урон после перехода к политике открытого рынка. Напротив, производство вооружений, хотя и пострадавшее от перемен, сохранило свои позиции, поскольку уже в советское время было приучено к прямой и косвенной конкуренции на мировом рынке. Оборонный заказ в России сократился до минимума, но продолжались поставки оружия в Индию, а затем и в Китай. Парадоксальным образом оборонное производство более или менее успешно выживало на фоне снижающейся обороноспособности страны.

Специализация Советского Союза в мировой экономике начала 1980-х состояла в поставках топлива и вооружений. Точно та же специализация сохранилась и даже усилилась после реставрации капитализма. Иными словами, переход к открытому рынку не только не помог преодолеть диспропорции, типичные для поздней советской экономики, но напротив, усугубил их.

Единственным существенным отличием от советского времени был выход после дефолта на мировой рынок российской металлургии. Как и в XVIII веке, спад внутреннего спроса (сокращение до минимума оборонного заказа) привел к высвобождению свободных мощностей, а дешевизна рабочей силы сделала российский металл вполне конкурентоспособным. И здесь рост производства происходил не столько за счет его развития и модернизации, сколько за счет старых мощностей, введенных еще в советское время.

МОСКВА МЕЖДУ БЕРЛИНОМ И ВАШИНГТОНОМ

Слабость позиции России в полной мере выявилась весной 2003 года во время войны в Ираке. Этот конфликт, начинавшийся как столкновение Соединенных Штатов с

---

¹ Родная газета. 2003. № 14. С. 6.

арабским миром, завершился дипломатическим противостоянием Вашингтона с германо-французской коалицией, выступившей против развязывания войны.

Неожиданно для многих наблюдателей, и отчасти даже для самой себя, администрация Путина в Кремле жестко выступила против США, приняв сторону Германии. В первые дни иракского конфликта заявления российских чиновников и тон телевизионных передач заставили многих вспомнить антиамериканскую пропаганду советских времен. Однако эти жесткие слова звучали уже не из уст лидеров сверхдержавы, а от осторожного начальства бедной страны, которая постоянно оглядывается на влиятельных европейских соседей.

Решительность российского руководства была вызвана отнюдь не четким пониманием национальных интересов или продуманной стратегией. В течение 1990-х годов десятилетиями складывалась система, при которой Россия политически зависела от Соединенных Штатов, а экономически — от Германии. Значение Германии видно, если посмотреть на структуру иностранных инвестиций, размещенных в России к началу 200-х годов. На 1 января 2003 года они составляли, по официальным данным, 42,928 млрд. долларов. Причем на Германию приходилось 8,146 млрд., а на США, занимавшие третье место, — 5,522 млрд. Второе место (5,627 млрд. долларов) неизменно занимал Кипр, через который прокручивались уведенные от налогов российские же деньги¹. При этом существенно, что германские инвестиции направлялись преимущественно в производство, чего нельзя было сказать о работе в России американского капитала. Еще большим было значение Германии для российского сырьевого и энергетического сектора, поставлявшего туда львиную долю экспортной продукции.

Америка диктовала России политическую повестку дня, а германский капитал понемногу занимал лидирующие по-

---

¹ Данные Государственного комитета РФ по статистике (Госкомстата) отсутствуют на официальном сайте этого ведомства, но размещены в Интернете по адресу: <http://news.bbc.co.uk/hi/russian> (26 июня 2003 года).

зиции среди иностранных инвесторов и партнеров. Эта система прекрасно работала до тех пор, пока Германия старалась быть незаметной в международных делах и, по крайней мере, на словах, демонстрировала солидарность с США. Но разворачивающийся кризис миросистемы в начале нового столетия подорвал это шаткое равновесие. Ситуация обострилась с появлением на мировом рынке новой глобальной валюты — евро. Как справедливо отмечали многие исследователи, объединение европейских валют (фактически на основе немецкой марки) представляло собой нечто большее, чем попытку экспансии на мировом финансовом рынке. Есть все основания «считать введение единой европейской валюты геополитическим проектом»¹. После того, как американо-германские противоречия вышли на поверхность, московское начальство растерялось. Когда стало ясно, что Германия и Франция и без России получают большинство в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций, президент Путин поторопился выступить с решительным заявлением по Ираку, чтобы доказать свою нужность европейским партнерам.

Радикализм Кремля вызвал растерянность в самой отечественной элите, и уже к лету 2003 года Москва изо всех сил старалась дать задний ход, демонстрируя Вашингтону свою лояльность. Однако, как и в прежних мировых конфликтах, Россия была несвободна. Она оказалась зажата между противостоящими блоками. Российский рынок и ресурсы играли слишком важную роль в европейской стратегии Берлина. По мере того, как обнаруживалась политическая слабость и экономическая рыхлость европейской интеграции, все более возникала потребность консолидировать стабильное «ядро» объединенной Европы. Глобальная экономическая депрессия, начавшаяся в 2000-х годах, поставила под вопрос господствующие неолиберальные модели. Обострилась конкуренция капиталов.

Вместе с «холодной войной» уходило в прошлое и бесспорное «американское лидерство». Новое европейское объ-

---

¹ Распад мировой долларовой системы. С. 215.

единение вступило в конкуренцию с США. В свою очередь, Россия становилась сырьевой базой и геополитическим «тылом» этой коалиции. С того момента, как Соединенные Штаты, захватив иракскую нефть, поставили под контроль ближневосточные ресурсы, значение российского топлива для Западной Европы возросло многократно.

Однако надежды Кремля на формирование устойчивой коалиции с западноевропейскими партнерами оказались преувеличенными. К середине 2000-х годов сближение и сердечное взаимопонимание с лидерами Германии и Франции сменилось охлаждением, а Москва, продолжавшая выступать с критикой США, все больше оказывалась в международной изоляции. В значительной мере подобное развитие событий было предопределено грузом нерешенных проблем в отношениях между Москвой и ее европейскими партнерами, конфликтом интересов в Восточной и Центральной Европе и сменой правительств в самих западных государствах (симпатизировавшие России Герхард Шредер и Жак Ширак были смещены на своих постах Ангелой Меркель и Николя Саркози). Однако главная проблема для России состояла в положении самой Западной Европы. Интеграционный проект, опиравшийся на неолиберальные экономические реформы, испытывал возрастающие трудности, правящие круги ведущих стран чувствовали себя все менее уверенно, а противоречия между партнерами по Европейскому Союзу сводили на нет попытки выработать общий внешнеполитический курс, который мог бы составить альтернативу политике Вашингтона.

НЕДОСТРОЕННАЯ НАЦИЯ

Крушение Советского Союза сопровождалось острым «кризисом идентичности» и деморализацией общества. Все «проклятые вопросы» прежней русской истории вдруг вышли на передний план, но в гораздо более болезненной форме, ибо независимо от подхода видимых средств к их решению не было.

С точки зрения культурного самоопределения Россия XIX века явно была «недостроенной нацией». С одной сто-

роны, она являлась одной из великих европейских держав, но с другой стороны, оставалась частью периферии. В результате национальное самосознание жителей империи оказывалось исключительно противоречивым. В течение всего петербургского периода оставалось постоянной загадкой, где кончается «империя» (будь то в старом, византийском, или в новом, колониальном, смысле) и где начинается «нация» (в западном понимании слова). России приходилось быть всем сразу.

Периферийное положение русского государства вызвало потребность в национальном самоутверждении, такую же, как и в других странах периферии — от Мексики до Индии. Но существование империи накладывало свой отпечаток на русский национализм, придавая ему откровенно реакционные черты. Подавление собственных меньшинств воспринималось как необходимое условия для борьбы против «козней Запада».

Революция 1917 года, казалось, стихийно разрешила эти противоречия. С одной стороны, проблема внешней зависимости была решена не борьбой против «иноземцев», а социальным преобразованием внутри страны. С другой стороны, имперско-национальный вопрос был снят за счет создания нового государства, в котором предположительно должна была возникнуть и «новая общность людей» — советский народ.

«Сталинский термидор» скорректировал результаты революции, но не отменил их. Социальное освобождение оказалось ограничено и сведено к «равноправному» участию всех граждан в индустриальном обществе. Без политической свободы это равноправие становилось неполным и условным, а формирование новой бюрократической элиты шло полным ходом. Тем временем в советской «семье народов» все более явственно проглядывали черты старой империи.

Однако крах СССР отбросил страну назад не только по отношению к реальным достижениям советского периода, но и по отношению к временам царской России. Ибо петербургская империя, при всей ее периферийности, все же была способна играть самостоятельную роль в мировой политике. Новая Россия, возникающая на руинах советского экс-

перимента, была к этому неспособна. В известном смысле она сумела синтезировать все худшие традиции как петербургского, так и советского периода. Она унаследовала имперское сознание без империи и комплекс национальной неполноценности без пафоса социальных преобразований. В ней сложилась элита, презиращая собственную страну до такой степени, что это уже приобретало анекдотические черты. Эта элита, по крайней мере, на первых порах, была последовательно «пораженческой», в том смысле, что именно неудача Советского Союза в «холодной войне» обеспечила ей доступ к новым привилегиям и позволила интегрироваться в мировой правящий класс. Это была типичная элита эпохи реставрации — самодовольная, склонная к поиску сиюминутных наслаждений, безответственная. Однако противостояла ей оппозиция, черпавшая вдохновение в самых мрачных периодах отечественной истории и самых ретроградных идеологиях (как доморощенных, так и импортированных). Сочетание клерикализма, ностальгии по тоталитарным сторонам советского прошлого, этнического национализма, антисемитизма и исламофобии оказалось своеобразной формой идеологического компромисса, объединившего лидеров официальной оппозиции. Таким образом, политическая дискуссия свелась к спорам между элитой, неспособной модернизировать страну, и официально признанной «контрэлитой», вообще не желающей модернизации.

Такая ситуация была предельно выгодна для олигархического капитализма, восторжествовавшего в России 1990-х годов. Однако воспроизводилась она не только оттого, что была выгодна властям, но и в силу тяжелейшей психологической депрессии, в которой оказалось общество после произошедшей с ним катастрофы.

ЖИЗНЬ НЕ ПО СРЕДСТВАМ

В начале 1990-х годов научная интеллигенция воспринимала себя как потенциальную контрэлиту, которая сможет прийти на смену выдохшейся партийной бюрократии. Отдельные представители «образованного общества» дей-

ствительно достигли впечатляющих высот во власти и бизнесе, но большая часть интеллигенции катастрофически деградировала.

«Либеральный лозунг приватизации во имя прогресса, свободы и преодоления застоя, — пишет Алла Глинчикова, — одни восприняли как путь к ослаблению и ликвидации информационно-управленческого неравенства и привилегий, другие, напротив, как средство их усиления и упрочения. Обе элиты сделали ставку на экономические и технологические преобразования, ожидая позитивных для себя плодов»¹. Кто победил в 1990-х годах, было более чем очевидно. Однако оставалось неясно, насколько полной и окончательной была эта победа. Периферийная интеграция России в мировую экономику и соответствующая ей олигархическая модель социально-политической организации привели страну к столь острому кризису, к столь очевидным и неразрешимым противоречиям, что новый раунд общественной борьбы оказался неизбежен.

Для той экономики, которая возникла в России по итогам неолиберальных реформ 1990-х годов, общество оказалось слишком образованным. Несмотря на резкое снижение жизненного уровня, страна «жила не по средствам», поскольку сложившаяся общественная система не могла обеспечить населению даже минимальных условий цивилизованного существования. С другой стороны, ни государственная бюрократия, ни олигархия не могли позволить себе «довести реформы до логического предела». В начале 1990-х страна пережила социальную катастрофу, выразившуюся в резком снижении уровня жизни для большинства жителей при одновременном столь же резком росте имущественного расслоения. Спад потребления на внутреннем рынке был наиболее четким показателем произошедших перемен. В 2003 году либеральная «Новая газета» сообщала: в 1980-х годах «на одного гражданина приходилось потребительских расходов \$500 в месяц. Сегодня \$60». По данным той же газеты,

---

¹ Мир России. 2003. № 1. С. 119.

«\$1,5 трлн. рабочего капитала России сожжены «реформами». Эти ресурсы выкачаны за рубеж»¹.

В таких условиях даже вполне безответственная элита, которая находилась у власти в России к началу 2000-х годов, не могла позволить себе риска повторной катастрофы. Было ясно, что призыв «жить по средствам» означал требование окончательной ликвидации всех социальных и культурных завоеваний XX века, причем относящихся не только к советскому периоду, но и к временам Витте и Столыпина.

В результате постсоветская Россия оказалась страной с нищенским уровнем жизни большинства, который все равно мог поддерживаться только за счет государственных субсидий и дотаций. То же относилось и к имевшемуся уровню квалификации и образования работников. Борьба вокруг сохранившейся системы образования и науки приобрела затяжной и позиционный характер. Попытки преодолеть их кризис неизменно проваливались, но точно так же проваливались и усилия, направленные на окончательное «реформирование» (то есть ликвидацию) этих систем, оказавшихся явно «избыточными» для периферийной экономики. Точно таким же образом «зависла» и военная реформа.

К началу XXI века Россия снова оказалась на распутье. Впереди был либо новый рывок, направленный на преодоление периферийного положения страны в миросистеме, либо деградация, на сей раз чреватая уже окончательным разложением общества и распадом страны.

---

¹ Новая газета. 2003. № 37. С. 1.

Глава XVI

«ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СВЕРХДЕРЖАВА»

Подводя итоги своего второго президентского срока, завершавшегося весной 2008 года, Владимир Путин вполне мог считать себя одним из самых удачливых правителей России.

Официальная пресса была, как и в советские времена, полна рапортами о достигнутых успехах, а близкие к власти идеологи не уставали на разные лады повторять, что Россия поднимается с колен. Но даже если отбросить официальную пропаганду нельзя было не видеть очевидных сдвигов к лучшему, которые стали особенно заметны в 2004—2007 годах. Начиная с дефолта 1998 года, экономика неуклонно росла, демонстрируя темпы, сопоставимые с показателями быстро развивающихся стран Восточной Азии — 6—7% в год. Несмотря на некоторую заминку в 2003—2004 годах, этот рост удавалось поддерживать на протяжении всего президентского срока Путина, что, естественно, ставилось в заслугу президенту.

Жизненный уровень повысился. По утверждению властей, доходы средней российской семьи в 2007 году превысили, с учетом инфляции, уровень предкризисного 1991 года. В условиях гораздо более высокой, чем в СССР, социальной дифференциации понятие «средней семьи» представлялось несколько абстрактным¹. Однако даже низкооплачи-

---

¹ По данным Росстата за 2005 год, соотношение средней оплаты труда 10% самых высокооплачиваемых и 10% самых низкооплачиваемых работников составило почти 25 раз (см. Альтернативы, 2007, №2, с. 108).

ваемые слои общества почувствовали некоторое облегчение. «Кремль смело может утверждать, что с точки зрения уровня жизни населения ему удалось полностью ликвидировать последствия «ельцинского хаоса» 90-х», торжествовал журнал «Власть»¹.

Рубль укреплялся по отношению к иностранным валютам. Если в начале 2000-х годов за доллар давали 30 рублей, то к концу 2007 года обменный курс колебался вокруг отметки 25,2.

СТАБИЛИЗАЦИЯ

Резкий рост мировых цен на нефть позволил досрочно выплатить большую часть внешнего долга государства. Стабилизационный фонд Российской Федерации, основанный в январе 2004 года, систематически пополнялся, достигнув к августу 2007 баснословной по отечественным понятиям суммы в 127,48 млрд. долларов. К этому моменту золото-валютные резервы Центрального банка достигли рекордного уровня 417,3 млрд. долларов². Бюджеты из года в год сводили с профицитом.

Правда, сокращение государственного долга сопровождалось ростом долга частного. В качестве нефтедобывающей страны Россия хорошо смотрелась на мировых финансовых рынках, капитализация ее компаний росла день ото дня, а потому получить иностранные кредиты отечественные бизнесмены могли безо всякого труда. В результате российские корпорации задолжали западным финансовым институтам сотни миллиардов долларов, перешагнув, по при-

---

¹ Власть. 17.09.2007, № 36. С. 25.

² Данные по Стабилизационному фонде см. на сайте Министерства финансов: http://www1.minfin.ru/stabfond_rus/oststf_rus.htm, см. также http://www.ibk.ru/news/obem_stabilizatsionnogo_fonda_sostavil_127_48_mlrld-31800/. Данные о золотовалютных резервах Центрального банка приведены по: <http://www.rosinvest.com/news/314587/>. «Независимая газета» за 24 октября 2007 года оценивает золотовалютные резервы ЦБ в 424 млрд. долларов.

знанию экспертов, «опасный уровень»¹. Точные данные о масштабах внешнего долга разнились в зависимости от источников. Однако независимо от методов подсчета, общая картина выглядела пугающе. В то время как госдолг сократился к октябрю 2007 года до 40,8 млрд., задолженность финансовых учреждений достигла 130 млрд., а корпораций — 212 млрд. долларов². «Независимая газета», ссылаясь на данные Центрального банка, сообщала в октябре 2007 года, что «внешний долг России равен 384,8 млрд. долларов, из которых долг частного сектора составляет 220,4. А остальные — 164,4 млрд. — внешний долг госсектора». К государственному сектору эксперты Центрального банка относили все компании и организации, находившиеся под контролем правительства³. Легко заметить, что совокупный долг оказывался лишь немного ниже уровня золотовалютных резервов Центрального банка и в три раза превосходил размеры Стабилизационного фонда.

Однако до тех пор, пока мировая экономика продолжала расти, а финансовые показатели самих отечественных корпораций улучшались, все это не имело никакого значения.

С точки зрения политической, дела тоже шли как нельзя лучше. В отличие от Бориса Ельцина, который в 1996 году вынужден был признать поражение в войне против чеченских сепаратистов, Владимир Путин мог считать себя победителем. Второй чеченский поход, начавшийся в 1999 году с серьезных неудач, завершился тем, что все основные населенные пункты мятежной республики были оккупированы, боевики загнаны в отдаленные горные районы, а большая часть их лидеров перебита. Далось это ценой непомерных потерь на протяжении 6 лет, но требуемый результат был достигнут. Полного замирения Чечни, конечно, не произошло. Больше того, вспышки вооруженного сопротивления наблюдались почти по всей территории Северного Кавказа. Но теперь речь шла уже о проходивших с перемен-

---

¹ Аргументы недели, 6.09.2007.

² См. <http://www.vzglyad.ru/columns/2007/10/8/115494.html>.

³ Независимая газета, 24.10.2007.

ным успехом полицейских операциях. Широкомасштабных боевых действий больше не было. Вместе с артиллерийским огнем угас и интерес общества к чеченской проблеме. Поскольку численность и потери федеральных сил резко сократились, Чечня отодвинулась на периферию общественного сознания.

Политическое пространство России было «зачищено» от оппозиции не менее эффективно, чем кавказские аулы от боевиков. Либеральная оппозиция, критиковавшая авторитаризм Владимира Путина, была повержена. Несмотря на то, что либералы все еще контролировали некоторые средства массовой информации, включая влиятельное радио «Эхо Москвы», попытки вывести людей на улицы неизменно проваливались. Причиной тому было отнюдь не благодушие населения — в январе 2005 года, когда правительство провело закон о «монетизации» льгот (иными словами, отменило бесплатный проезд и другие «привилегии» для пенсионеров и еще целого ряда категорий граждан), на улицы вышло более двух миллионов человек, а власти принуждены были пойти на уступки.

Поражения либералов объяснялись не столько апатией населения, сколько низкой легитимностью самой оппозиции. Для большинства жителей России, переживших ельцинское время, ее выступления воспринимались как безответственные действия людей, которые однажды уже ввергли страну в катастрофу.

ПРОЕКТ ПУТИНА

Западные публикации о России в середине 2000-х годов единодушно сетовали, что страна «сделала существенный шаг назад в плане демократии, по сравнению с началом 1990-х годов»¹. Однако авторы подобных комментариев столь же дружно забывали упомянуть об авторитарных эксцессах ельцинского времени, расстреле парламента в 1993 и

---

¹ *Herspring D.R.*, ed. *Putin's Russia*. N.Y.: Rowman & Littlefield Publ. Inc. 2007. P. 37.

бомбежках Чечни в 1995 году. И уж тем более никто из них не видел связи между упадком гражданских свобод и укреплением капитализма в России, происходившими почему-то в одно и то же время.

Реализуемая Кремлем система «управляемой демократии» (или «суверенной демократии», как стали говорить к концу 2000-х годов) опиралась не только на полицейские меры и ограничение политической свободы, но, прежде всего, на консолидацию элит, ставшую реальным фактом к середине десятилетия. Ушли в прошлое времена Бориса Ельцина, когда соперничающие олигархические кланы беспорядочно грабили государственное достояние, одновременно грызясь друг с другом из-за добычи. Для того чтобы новые хозяева могли эффективно распорядиться захваченной собственностью, необходимы были порядок и стабильность. Эти новые задачи прекрасно понимала администрация Владимира Путина. С первых же дней своего пребывания у власти, сначала в качестве премьер-министра в 1999 году, а затем, с 2000 года в качестве президента, новый лидер не только систематически укреплял позиции бюрократии, но и приучал крупные корпорации считаться с властью и друг с другом. По отношению к олигархам власть выступила теперь в роли строгого учителя, который заботится об интересах учеников, но шалить и хулиганить не позволяет. Те, кто проявлял непослушание, не желал жить по новым правилам или пытался навязать свои собственные, подвергались жесткому наказанию, вплоть до удаления из класса.

Олигархия ворчала, но подчинялась. Жесткие дисциплинарные меры Путина превращали сборище грабительских кланов в некое подобие респектабельного буржуазного класса. В подобных условиях либеральная оппозиция, как и в России конца XIX века, могла рассчитывать на идеологические симпатии, но отнюдь не на серьезную поддержку предпринимательского класса, который, несмотря на все свои претензии к бюрократии, в целом был удовлетворен положением дел.

Развиваясь и укрепляясь, система «управляемой демократии» становилось менее демократической и более управ-

ляемой. Одновременно были нанесены удары по олигархическим кланам, противостоявшим Кремлю (прежде всего по компании «ЮКОС», лидеры которой оказались в тюрьме или за границей). Однако такая «борьба с олигархами» никак не меняла ни структуру экономики, ни характер взаимоотношений страны с миросистемой. Западные исследователи признавали, что политика Кремля представляла собой не наступление на олигархию, а попытку «дисциплинировать» тех бизнесменов, которые не желали мириться с новыми правилами¹. Российский капитализм, в лучших отечественных традициях, превращался из олигархического в бюрократический, не переставая быть отсталым и периферийным.

Политика Путина привела к увеличению присутствия государства в экономике. Усилился контроль бюрократии за оставшейся в руках правительства собственностью, а сама бюрократия, участвуя в бизнесе, все более эффективно отстаивала свои общие интересы. Однако в то время как либеральные идеологи кричали о «национализации», деловая пресса оценивала сложившееся положение куда более позитивно: «В нефтяной промышленности суммарные государственные активы стали сопоставимы с частными, а «Роснефть» является крупнейшей из компаний. Подобная ситуация не нонсенс для мировой практики, и, на наш взгляд, не изменила рыночный характер отрасли. В ней пока по-прежнему конкурируют несколько крупных вертикально интегрированных нефтяных компаний и по-прежнему есть место для структур меньшего масштаба»².

Эксперты Совета Федерации вынуждены были констатировать, что развитие государственных корпораций, не только не усиливает контроль правительства за их деятельностью, но, напротив, открывает дорогу «стихийной приватизации», поскольку имущество и капитал таких компаний «перестают быть объектом государственной собствен-

---

¹ См. Kotz. D., Weir F. *Russia's Path from Gorbachev to Putin*. London — N.Y.: Routledge — MacMillan. 2007.

² Деньги. 2007, № 36. С. 15.

ности»¹. Новая корпоративная элита, формировавшаяся в тесной связи с правительственной бюрократией, сама оказывалась способна формулировать политические приоритеты, причем не только для своего бизнеса, но и для власти.

Государственное присутствие было сильнее всего в газовой отрасли, но и здесь нет причин говорить о национализации. Правление «Газпрома» не только осознавало собственные корпоративные интересы, но и пользовалось своими связями с государством для того, чтобы направить внешнюю политику страны в выгодное для себя русло. Действуя в интересах «Газпрома» российское правительство в 2006 году втянулось в острый конфликт с Украиной, а затем испортило отношения с дружественной Белоруссией. Стремление Москвы добиться от соседей уплаты более высоких цен на топливо оказалось выше «славянской дружбы». На международном уровне правительственные чиновники, включая самого президента Путина, откровенно выступали в роли лоббистов отечественной корпорации. Руководитель компании Александр Миллер удовлетворенно констатировал: «Тот незначительный факт, что правительству принадлежит большая доля (в общем пакете акций концерна), не препятствует управлению этим бизнесом на коммерческих принципах и в интересах потребителей продукции и акционеров»².

Возможно, потребители продукции «Газпрома» в Восточной и Центральной Европе, озабоченные постоянно растущими монопольными ценами, имели по этому поводу несколько иное мнение, но акционерам жаловаться было не на что.

Компании, принадлежавшие правительству, окончательно перестраивались по капиталистическому образцу, акционировались, привлекая частных инвесторов. Не прекращалась и приватизация. В то время как «Роснефть» поглотила предприятия разгромленного «ЮКОСа», в компании «Лукойл» государственная доля была продана американской

---

¹ Коммерсантъ, 27.03.2008.

² Время новостей, 26.09.2007.

корпорации Sonoco-Philips. После того, как принадлежавший правительству концерн «Рособоронэкспорт» установил контроль над заводом «АвтоВАЗ», который оставался крупнейшим в стране производителем легковых автомобилей, было объявлено, что пакеты акций будут проданы частным фирмам, в первую очередь — иностранным партнерам компании¹. К концу путинской эпохи доля государственной собственности в промышленности оставалась примерно такой же, как и в ее начале, другое дело, что эта собственность была реструктурирована, а иностранный капитал активно проникал в акционерные общества, организованные из остатков государственного сектора.

Интересы частного сектора сыграли не последнюю роль и в выборе преемника Путина. В то время как либеральная оппозиция вела против Кремля пропагандистскую войну, доказывая, что укрепление режима ведет к реставрации советских порядков, сам Кремль искал кандидатуру преемника, которая в наибольшей степени соответствовала ожиданиям и интересам крупного бизнеса. Таким кандидатом оказался вице-премьер Дмитрий Медведев, имевший в российских деловых кругах и на Западе репутацию убежденного либерала. «Это один из тех людей в окружении президента Владимира Путина, которые придерживаются установок на создание благоприятных институциональных условий для бизнеса», — удовлетворенно комментировала деловая газета «РБК-daily»². Когда имя Медведева в качестве официального наследника было произнесено, биржа откликнулась ростом котировок акций.

НЕ ТОЛЬКО НЕФТЬ

«Россия не является нефтяным государством, — писал в 2003 году финский экономист Пекка Сутела, — она обладает множеством других ресурсов, мощной индустриальной базой, унаследованной от советского прошлого, и достаточ-

¹ См. на сайте РБК: <http://top.rbc.ru/economics/28/09/2007/120702.shtml>.

² РБК-daily, 12.12.2007.

но образованной рабочей силой. Проблема в том, сможет ли Россия при имеющихся обстоятельствах избежать превращения в нефтяное государство»¹.

Резкое подорожание нефти на мировом рынке было, безусловно, главной причиной подъема, наблюдавшегося при Путине. Но было бы неверно сводить все к ценам на топливо. Правительственные чиновники и западные эксперты единодушно напоминали, что «экономический рост поддерживается ростом обрабатывающей промышленности и потребления», в результате чего «в российской экономике происходит диверсификация»².

Рост мировой экономики сказался на целом ряде отраслей. Китай, Индия и Венесуэла, накопившие значительные финансовые ресурсы, теперь активно перевооружались, предъявляя спрос на испытанные марки советского вооружения и новые технологические разработки уцелевших за 1990-е годы конструкторских бюро. Правда, по мере того, как арсеналы Индии и Китая насыщались оружием, повышались и требования клиентов. Обнаружилось, что пострадавшая в период массового разграбления отечественная промышленность уже не всегда в состоянии им соответствовать. Росло число рекламаций и сорванных контрактов. Авианосец «Адмирал Горшков», проданный в Индию за 2,5 млрд. долларов, так и не был сдан в срок. Эксперты государственной компании «Рособоронэкспорт» жаловались: «Несмотря на благоприятную картину, складывающуюся по объемам выполненных контрактов и планов на ближайшие годы, мы сталкиваемся с колоссальными проблемами при реализации этих контрактов, мы сдерживаем подписание ряда контрактов, поскольку не понимаем, как мы их будем выполнять»³.

Экспортный бум наблюдался и в сельском хозяйстве. При Ельцине импортные тарифы на сельскохозяйственную

---

¹ *Sutela P.* The Russian Market Economy. Helsinki: Kikimora Publ., 2003. P. 227.

² The Moscow Times, 11.09.2007.

³ Новая газета, 5.08.2007.

продукцию составляли, по оценке западных экспертов, «не более половины от мирового уровня, а в некоторых случаях не превышали 10 процентов»¹. В конце 1990-х годов ситуация изменилась, были приняты меры по защите внутреннего рынка. Американские исследователи признают, что протекционизм «привел к подъему сельскохозяйственного производства»².

После провала очередных попыток создания отечественного фермерства и преобразования деревни на буржуазный лад, капитализм принял привычную для стран периферии форму латифундии. Крупные инвесторы, скупая землю, вытесняли неэффективных и спивающихся крестьян, заменяя их наемными рабочими, нередко приезжающими из города. Православная церковь тоже возродила традиции коммерческого землепользования. «Многие монастыри получили землю, — объяснял «Политическому журналу» Игумен Филипп Симонов, занимающийся в Патриархии вопросами макроэкономического анализа и финансовых отношений, — у них есть, чем эту землю обрабатывать, у них есть какие-то производственные возможности в виде станков, машин и оборудования, но не хватает рабочей силы и часто приходится прибегать к применению труда паломников»³. Увы, счастливые времена, когда монастыри могли богатеть за счет эксплуатации крепостных крестьян, ушли в прошлое!

Пропорционально повышению мировых цен на пшеницу увеличивалось и ориентированное на экспорт производство. К 2007 году Россия не только окончательно вернулась на международный рынок зерна, но и заняла на нем 5-е место (10% мирового экспорта). Как и в прежние времена, это немедленно отразилось на внутреннем рынке. Вернув себе традиционное место на мировом зерновом рынке, Россия одновременно воспроизвела и противоречия, с которыми страна сталкивалась на протяжении XIX века. В 2007 году впервые с дореволюционных времен хороший урожай обернулся заметным ростом цен на хлеб. Все шло на вывоз.

---

¹ *Herspring D.R.*, ed. *Putin's Russia*. Op. cit. P. 165.

² *Ibid.*

³ Политический журнал, 17.09.2007, № 27. С. 79.

Власть, сознавая политическое значение вопроса, запаниковала. Правительство пригрозило, что «введет заградительную экспортную пошлину на зерно, если цены на хлеб в России опять начнут расти»¹. Одновременно чиновники пригрозили «заморозить ценники на бензоколонках»². В стране, благополучие которой держалось на нефти, топливо неуклонно дорожало — как и по всему миру.

Экспортеры зерна ответили дружным негодованием. «Летний рост цен на зерно, — писал журнал «Эксперт», — плата за включение России в мировой рынок. Но это не повод ограничивать экспорт: цена на хлеб все равно не снизится, а отечественные аграрии и имидж России за рубежом пострадают»³. В свою очередь, жители провинциальных городов реагировали на рост цен в соответствии с традициями советского времени, сметая с полок магазинов все товары, поддающиеся хранению. Официальные лица и пресса жаловались, что население «постепенно поддается продовольственной панике»⁴.

Правительство, возглавлявшееся новым премьер-министром Виктором Зубковым, оказалось в двойственной ситуации, стараясь успокоить одновременно и бизнес и население. После некоторых колебаний было принято компромиссное решение. Официального государственного вмешательства на продовольственном рынке не будет, однако производители продовольствия и торговые фирмы обещали «добровольно» ограничить рост цен.

Вопреки заявлениям правящих кругов, не внутренний, а именно внешний рынок играл решающую роль в экономическом подъеме страны. Он же нередко оказывался и источником внутривнутриполитических проблем.

Приток средств из-за рубежа не мог не сказаться на внутреннем рынке. Падение рубля в 1998—2000 годах сделало отечественную промышленность более конкурентоспособной. Сохранявшиеся протекционистские барьеры выну-

---

¹ Ведомости, 7.09.2007.

² Там же.

³ Эксперт, 2007, № 34. С. 32.

⁴ Независимая газета, 24.10.2007.

ждали иностранные компании разворачивать производство на месте, а не ввозить товары из Азии или Западной Европы.

В России собирали бытовую электронику; транснациональные концерны, специализирующиеся в области пищевой промышленности, строили новые заводы, работающие на местном сырье. Но особенно бурно развивалось автомобилестроение. К 2008 году действовало более 10 соглашений о промышленной сборке иностранных автомобилей. Модели Ford, Renault, Kia, Chevrolet, BMW, Fiat, Ssang Yong и Hyundai собирали на российских предприятиях. Заводы в России строили Volkswagen (в Калужской области), Nissan, Toyota, General Motors и Suzuki (в Санкт-Петербурге). Окрестности Петербурга превратились в один из центров нового автомобилестроения. Неудивительно, что этот же регион стал и одним из центров нового рабочего движения. Успешные стачки, организованные свободными профсоюзами на «Форде», оказались своего рода переломным событием, спровоцировавшим в 2007 году волну выступлений на других предприятиях. Рабочее движение было уже не теоретической возможностью, а реальной практикой¹.

Общая численность промышленных рабочих только за период с 1999 по 2004 год выросла на 28,7% и продолжала увеличиваться. Это происходило на фоне незначительного роста заработной платы и усиливающегося разрыва между доходами трудящихся и нового среднего класса. В то время как более благополучная часть населения страны приобщалась к радостям западного потребления (именно они покупали автомобили, бытовую технику и прочие товары, производство которых свидетельствовало о возрождении промышленности), эксперты жаловались, что «по среднему размеру пенсии и зарплаты (с учетом инфляции) достичь дореформенного уровня еще не удалось»². Иными словами, процветание обошло стороной трудящихся. Неудивительно, что в стране увеличивалось число забастовок.

---

¹ Подробнее о свободных профсоюзах в России см. Кагарлицкий Б. Политология революции. М.: Алгоритм. 2007.

² Власть. 17.09.2007, № 36. С. 25.

Показателем этих перемен стали трудовые конфликты 2002—2003 годов, охватившие в первую очередь наиболее «глобализированные» и интегрированные в мировую экономику сектора (авиационный транспорт, добыча никеля и редких металлов). По признанию прессы, «в России благодаря попустительству властей и чрезмерной алчности собственников возникли условия для развития действительного профсоюзного движения. Рабочие успешных предприятий, понимая, какую прибыль они приносят своим корпорациям, показали готовность бороться за повышение своего социального статуса»¹. Среди среднего класса в «столичных» городах возникла своего рода «мода на левое»².

Психологическая депрессия 1990-х медленно начала преодолеваться лишь на рубеже нового столетия. Несколько лет экономического роста, несмотря на всю его ограниченность, не прошли даром.

Другое дело, что, несмотря на рост и успехи рабочего и профсоюзного движения, оно еще не представляло собой реальной силы, способной изменить общество. Подводя итоги стачечного движения середины 2000-х годов, левый социолог Н.Куручкин констатировал «бастовали, как правило, не крупные фабрики и заводы... а мелкие предприятия». К тому же «количество стачек пока не переходит в качество — требования, выдвигаемые рабочими, обычно носят сугубо экономический характер, не затрагивают политические вопросы вообще»³.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

В то время как западные компании ввозили капитал в Россию, отечественные его вывозили.

Приток средств на счета российских корпораций способствовал их стремительному росту. Пока иностранный капитал стремился в Россию, дабы закрепиться на расту-

¹ Смысл. 15.02.2003. С. 59.

² Родная газета. 2003. № 9. С. 1.

³ Альтернативы, 2007, №2. С. 81-82.

щем внутреннем рынке, отечественные компании предпочитали инвестировать средства за рубежом. Причина состояла, разумеется, не в недостатке патриотизма, а в самой структуре их бизнеса. Действуя преимущественно в сырьевом секторе, они не имели ни опыта, ни кадров, ни технологий для производства товаров на внутренний рынок (всем этим обладали лишь западные фирмы). Зато у них были свободные финансовые ресурсы, превращавшие их в серьезных игроков на мировом рынке капитала. Поэтому экономический рост не означал прекращения оттока капитала за рубеж. Только природа этого движения изменилась. Если в 1990-е годы разбогатевшие предприниматели бессистемно выводили деньги на офшорные счета, то к середине 2000-х годов мы видим систематическое приобретение отечественными корпорациями иностранных предприятий. Лидерами этого движения стали «Газпром», «Лукойл», «Альфа-груп» и «Норильский никель», за ними потянулись и менее заметные компании.

Московский «Политический журнал» радостно рассказывал своим читателям, что «начался процесс консолидации активов и укрупнения бизнеса, причем за счет не только отечественных, но и зарубежных компаний»¹. Лидером в этом движении выступил нефтяной концерн «Лукойл», который уже в середине 1990-х годов начал инвестировать средства в Египте и Казахстане. В 1998 году компания получила контроль над нефтеперерабатывающим комплексом «Петротел» в Румынии, затем такой же комплекс в Одессе на Украине и в болгарском Бургасе. К 2000 году в руках «Лукойла» оказалась компания Getty Petroleum Marketing, занимающаяся сбытом нефтепродуктов в США, а американская глубинка наполнилась бензоколонками, украшенными эмблемой российского концерна. Деньги вкладывались в Колумбии и Иране, Сербии и Узбекистане. Российские экономические комментаторы с гордостью писали, что западный транснациональный бизнес стал рассматривать «Лукойл» в качестве «равного себе игрока»².

---

¹ Политический журнал, 3.09.2007, № 25/26. С. 37.

² Там же. С. 38.

Не отставал и «Газпром», приобретший пакеты акций в предприятиях, поставляющих топливо потребителям в Латвии, Литве и Эстонии, Армении и Молдавии. После жесткого давления со стороны Москвы правительство Белоруссии согласилось в 2007 году приватизировать в пользу российского концерна 50% компании «Белтрансгаз». В списке приобретений «Газпрома» оказались предприятия в Болгарии, Польше, Словакии, Греции, Италии, Турции, Финляндии и Австрии. Для скупки акций на Западе была создана специальная холдинговая компания «Gazprom Germania GmbH». Перечисляя эти приобретения, «Политический журнал» удовлетворенно констатировал, что отечественная монополия «стала превращаться в полноценную энергетическую корпорацию глобального значения»¹.

Российские корпорации на глазах превращались в транснациональные. Их акции активно котируются на лондонской и нью-йоркской биржах, а менеджмент пополнялся иностранцами. Иностранные компании, занимавшиеся сбытом и переработкой российского сырья, приобретались чаще всего. Это позволяло повышать прибыль за счет исчезновения посредников, оптимизировать управление сырьевыми потоками и сбор информации о состоянии рынка. Часть средств инвестировалась в фирмы, являвшиеся партнерами отечественных корпораций. В других случаях пытались скупить конкурентов. Особый интерес для русского бизнеса представляли известные западные фирмы, приобретение которых должно было повысить престиж новых собственников. Так в 2007 году «Газпром» объявил о намерении приобрести знаменитую фирму «Dow Jones», чей биржевой индекс принято считать барометром состояния американской экономики.

Появление собственных транснациональных компаний в странах периферии и полупериферии было общей тенденцией начала XXI века. Тот же процесс наблюдался в Индии и Бразилии, не говоря уже о Китае. Однако в то время как бразильские, индийские и китайские транснациональ-

---

¹ Политический журнал, 3.09.2007, № 25/26. С. 38.

ные компании отдавали предпочтение странам «третьего мира», российский капитал устремился, прежде всего, в Европу, не упуская, впрочем, возможности закрепиться в Канаде и США.

Отчасти это было вызвано географическим фактором — близостью европейского рынка, отчасти тем, что российский капитал шел вслед за российским сырьем. Наконец, вполне естественными казались попытки захватить позиции в бывших странах Восточного блока и бывших советских республиках, где работать было легче и удобнее, нежели в далекой и непонятной Африке и Латинской Америке. Однако подобная экспансия российских корпораций неминуемо вела к столкновению с западным капиталом, который не желал уступать занятые им в 1990-е годы ключевые позиции в экономике Восточной Европы и тем более пускать русских на свою территорию.

«Аэрофлот» пытался оттеснить европейских инвесторов в борьбе за приобретения разоряющейся авиакомпании «Alitalia», в Турции и на Украине российские корпорации мобильной связи вели ожесточенную борьбу за местный рынок с западными соперниками. Столкновение интересов российского «Вымпелкома» с норвежским концерном Telenor привело к «двухлетней войне». Стороны преследовали друг друга в судах, вели пропаганду в прессе, блокировали собрания акционеров спорной украинской компании «Киевстар»¹.

Снабжение стран Европейского Союза сырьем и топливом оказывалось вопросом национальной безопасности, а потому экспансия отечественных сырьевых монополий на Запад неминуемо обречена была натолкнуться на политические препятствия. К середине 2000-х годов США и большинство стран Запада приняли законы, ограничивающие присутствие иностранного капитала в стратегических секторах экономики. За Западом следовала и Восточная Европа, ужесточающая режим допуска для иностранных инвесторов. В Москве не скрывали разочарования. Газета «Ведомо-

---

¹ См. Ведомости, 26.09.2007.

сти» прямо писала, что европейцы «испугались российско-го бизнеса»¹. Одновременно политики и руководство корпораций пытались уговорить западных партнеров изменить политику. Председатель правления «Газпрома» Александр Медведев опубликовал на страницах западной прессы открытое письмо, доказывая, что Европе «нет нужды бояться» экспансии его концерна². Журнал «Russia Profile» призывал к новым переговорам по вопросам «энергетической безопасности», «которые могут оказаться долгими и болезненными, но подтолкнут процесс интеграции России в Европу»³. Однако заградительные меры западных правительств были продиктованы отнюдь не страхом или подозрительностью европейцев, а объективным изменением ситуации в мировой экономики. Тут ни уговорами, ни лоббированием, ни даже угрозами изменить ничего было невозможно. Московские бизнесмены и чиновники, чье сознание было полностью подчинено неолиберальным теориям свободного рынка, оказывались неспособны понять эти перемены и приспособиться к ним.

Поведение российских компаний за рубежом, их готовность тратить деньги на амбициозные, но рискованные проекты, выдавала не только их растущую самоуверенность и агрессивность, но и то, что в стране явно обозначился кризис перенакопления капитала. К несчастью для российской олигархии, ее внутренний кризис перенакопления совпал с замедлением темпов роста мировой экономики и усилением протекционизма на Западе.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Приток нефтяных денег, избыток средств на счетах корпораций и государства породили бурный взрыв политических амбиций у правящего класса. Национальное унижение и публичное самобичевание 1990-х годов сменилось офи-

---

¹ Ведомости, 7.09.2007.

² Цит. по: Время новостей, 26.09.2007.

³ Russia Profile. 2007, November. V. 9, Nr. 4. P. 29.

циальным оптимизмом. Идеологи путинской России прочили стране блестящее будущее в качестве «энергетической сверхдержавы». А столкновения с западным капиталом, стремление защитить свою сферу влияния на Украине и необходимость поддерживать собственные инвестиции за рубежом вызвали поток агрессивной националистической риторики¹.

Положение Российской Федерации к концу правления Путина удивительным образом напоминало состояние петербургской империи конца XIX века. Очередной период экспансии мировой экономики сопровождался перераспределением средств в пользу России как одного из поставщиков стратегического сырья и продовольствия. Однако это благополучие было основано не на внутренних, а на внешних факторах, и потому оказывалось крайне неустойчивым. Новый экономический спад, неминуемый в условиях капиталистического рынка, неизбежно означал и новое соотношение цен на разные виды товаров, при котором поставщики сырья утрачивают свое преимущество.

За фасадом процветания до поры удавалось скрыть нерешенные проблемы и накапливавшиеся противоречия. Российские компании оставались неэффективными, крайне бюрократизированными. Власть не имела четкой стратегии развития страны, предпочитая пассивно использовать благополучную внешнюю конъюнктуру.

Симптомы кризиса наблюдались на протяжении 2000-х годов неоднократно, но каждый раз мировой экономике счастливо удавалось его избежать. И в 2001 году, когда в США случилось резкое падение цен на бирже, и в 2003 году, когда во многих странах наметилось снижение темпов роста. Кризис на рынке недвижимости в США, разразившийся в 2007 году, вызвал новую волну тревоги среди российских бизнесменов и чиновников. Начали стремительно дешеветь

---

¹ Укрепление позиций России на мировой арене отмечалось и западными исследователями. См. *Kanet E., ed. Russia: Re-Emerging Great Power*. N.Y.: Palgrave-MacMillan. 2007.

акции на московской бирже, а Стабилизационный фонд на глазах обесценивался. Но в Москве быстро успокоились, услышав из Вашингтона обещания, что американские власти «всерьез озабочены ипотечным кризисом и не допустят его эскалации»¹.

Нефтяные доходы были далеко не единственным источником роста экономики при Путине. Однако именно сверхприбыли, получаемые от продажи сырья, позволяли правящим кругам на протяжении 2000-х годов одновременно удовлетворять требования и интересы самых различных групп, зачастую находившихся в конфликте между собой. Соперничающие корпорации получали возможность укреплять свои позиции, не вступая в противоборство, аппетиты всех основных бюрократических группировок учитывались в равной мере. А заработки трудящихся повышались без ущерба для прибыли предпринимателей. Именно эта способность удовлетворить всех одновременно предопределила и стабильность политического режима Путина и его невероятную популярность в обществе. Другое дело, что подобное процветание оказывалось крайне неустойчивым и зависело от состояния дел в мировой экономике больше, чем от собственной политики государства².

Несмотря на все опасения и дурные новости, приходящие из-за рубежа, президент Путин заканчивал свой второй срок на фоне стабильности и порядка. Миссия была выпол-

---

¹ Аргументы недели, 6.09.2007.

² Не случайно, что кризис в отношениях между администрацией Путина и нефтяной компанией «ЮКОС», приведшей к аресту ее лидера Михаила Ходорковского, развернулся в 2003 году, когда на непродолжительное время наметилась тенденция к замедлению экономического роста и стабилизации мировых нефтяных цен. К счастью для Кремля, это замедление оказалось непродолжительным, а мировые цены на топливо снова пошли вверх в 2006—2007 годах. К этому времени кремлевское руководство уже полностью справилось с вызовом «ЮКОСа», закрепив свой успех активными мерами, направленными на завоевание симпатий прочих корпораций. Российский фондовый рынок реагировал на политику Кремля устойчивым ростом.

нена. Российский капитализм приобрел устойчивую форму — на политическом и экономическом уровне. Сигналы неблагополучия, раздававшиеся то там, то здесь, не шли ни в какое сравнение с весомыми и ощутимыми успехами, достигнутыми за 8 лет пребывания президента у власти. Режим Путина сумел завершить работу, начатую при Борисе Ельцине, и придать наспех возведенному зданию буржуазного общества некоторую стройность. В этом плане два президента как нельзя лучше воплощали две фазы реставрации капитализма (первый решал преимущественно задачи разрушения, второй — созидания).

Передавая весной 2008 года полномочия своему преемнику Дмитрию Медведеву, второй президент России мог считать свою миссию в Кремле успешно выполненной. Население покорно проголосовало на президентских выборах за предложенного ему кандидата. Следующему кремлевскому лидеру предстояло лишь украшать и улучшать здание русского капитализма, сооруженное его предшественниками, придавая ему, насколько возможно, черты европейской респектабельности.

Однако, вернувшись на периферию капиталистической миросистемы, Россия XXI века воспроизвела в новой форме те же противоречия, что были свойственны для империи Романовых в конце XIX века, и тем самым обрекла себя на повторение все тех же драм, которые уже неоднократно потрясали ее в ходе предшествующей истории.

Итоги путинского процветания удивительным образом напоминали результаты деятельности графа Витте: подъем промышленности, укрепление рубля и даже определенный социальный прогресс были налицо, несомненным был и рост влияния страны в мире. Только мир этот на полных парах несся к катастрофе.

Новая Россия, украсившая свои знамена царскими двуглавыми орлами, гордящаяся имперскими традициями и мечтающая о продолжении былой славы, заняла то же место на периферии глобального капитализма, что и держава Романовых.

И какие бы спасительные меры ни предпринимали политики в Вашингтоне, Берлине и Лондоне, сколько бы ресурсов ни затрачивалось на парирование очередных финансовых или биржевых кризисов, сколько бы денег ни платили журналистам, пропагандирующим успехи свободного предпринимательства, все это не отменяло фундаментальных противоречий данной системы.

Капитализм двигался к новым потрясениям, и российская элита уверенно заняла место в первых рядах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце 1980-х и в начале 1990-х пропаганда торжествующей реставрации упорно доказывала бессмысленность жертв, принесенных советским народом на протяжении XX века, и незначительность его достижений. Жертвы действительно были чудовищными и далеко не всегда необходимыми. Но они не были бессмысленными. Достижения советского периода были совершенно реальны. Это не оправдывает сталинизм, точно так же, как перемены, произошедшие в Европе под влиянием наполеоновских войн, не оправдывают в моральном плане авторитаризм и агрессию.

Трагедия в том, что реставрация несколько не исправляет последствия совершенных революционными и постреволюционными режимами преступлений и ошибок. Именно катастрофа 1990-х годов доказала «от обратного» позитивную значимость советского опыта. Но парадоксальным образом именно разрушение результатов советской модернизации в период «неолиберальных реформ» действительно ставит итоги XX века под вопрос, грозя сделать бессмысленными все принесенные жертвы. Деятельность реформаторов, таким образом, объективно оказалась не преодолением, а усугублением преступлений Сталина. Ибо воскресить погибших в концлагерях уже никак невозможно, а вот разрушить большую часть того, что было создано и оплачено этой кровавой ценой, за что заплачено было миллионами жизней и исковерканных судеб — на это реформаторы оказались вполне способны.

Русское историческое самосознание постоянно пребывало в поисках «золотого века», великого прошлого. Таким «великим прошлым» для Московского царства была Киев-

ская Русь и слившаяся с ней в едином культурном мифе Византийская империя.

Петр Великий попытался отбросить этот миф, обратившись за вдохновением к культуре Запада. Но его эпоха сама стала культурным мифом для следующих поколений. Точно так же утерянным «золотым веком» для многих в советское время представлялся императорский Петербург, а после краха СССР в категорию «великого прошлого» отошел и сам советский опыт. История превращалась в миф, который необходимо подвергнуть критике хотя бы для того, чтобы понять его действительные корни.

Между тем, даже отказавшись от мифологических преувеличений, невозможно не увидеть в русской истории поразительного трагизма. Петербургский период представлял собой двухсотлетнюю попытку отечественных элит занять достойное место в миросистеме, играя по предложенным правилам. Собственно, начинается эта попытка не с основания Петербурга, а гораздо раньше, с политики Ивана Грозного, фактически с самого момента возникновения капиталистической миросистемы. Все это завершилось катастрофой Первой мировой войны и революцией 1917 года. И крах, пережитый царской Россией, и триумф большевизма были отнюдь не случайны. Они были подготовлены не только всей предшествовавшей русской историей, но и всей историей миросистемы.

В основе советского эксперимента лежало отчасти рациональное, а отчасти и интуитивное понимание новой, постреволюционной элитой причин, приведших к крушению их предшественников. А потому, независимо от зигзагов политического курса и эволюции самой советской системы, в ней на протяжении примерно пятидесяти лет сохранялась единая динамика. Это была попытка противопоставить себя миросистеме, оторваться от нее, создать вокруг себя собственный международный порядок. По мере того, как утрачивался революционный импульс, бюрократия, присвоившая себе плоды героических усилий народа, становилась все более консервативной. Натиск масс сменился организованной работой аппарата, а демократия рабочих — бюро-

кратическим централизмом. В конечном счете, «новый мир», складывавшийся вокруг СССР, стал приобретать отчетливые черты «мира-империи». Такие миры-империи уже потерпели поражение в XVI—XVII веках, столкнувшись с возникающей буржуазной миросистемой. Та же участь постигла и советскую альтернативу.

Крушение этой системы было закономерно, но неизбежным оно стало с того момента, когда бюрократическая элита использовала поворот к миросистеме в качестве защитной реакции против «реформистской угрозы», вызревавшей внутри самого советского общества. Торговля сырьем в 1970-е годы готовила политическую самоликвидацию советской империи в 1990-е. Реставрация капитализма обернулась не просто возвращением страны в миросистему, но и возвращением на условиях, несравненно худших, чем те, на которых существовала в ней царская Россия. Та же реставрация оказалась и трагедией глобального масштаба для стран и народов мировой периферии, связывавших с Советским Союзом надежды на изменение своей роли в мире. Она обернулась и тяжелыми поражениями для западных левых, включая силы, никогда не испытывавшие иллюзий относительно сталинизма.

Как и всякая трагедия, распад СССР был закономерен. И все же, подведя итог отчаянному рывку, совершенному Россией в XX веке, капиталистическая реставрация сама по себе оказалась нестабильной и незавершенной. Эта незавершенность — родовая черта всех реставраций, наступающих после великих революций. Ибо полностью переделать общество могут только выступления самих масс. Реставрации, навязанные народам сверху, как и всякая историческая деятельность, ограниченная узким горизонтом эгоизма элит, неспособны к социальному созиданию. Без чего, собственно, невозможно создание стабильной социальной системы.

Катастрофические результаты реставрации вызывают в российском обществе устойчивую, хотя не всегда осознанную потребность к переменам, которые не могут не затронуть и положение страны в миросистеме. Однако повторение советского эксперимента невозможно уже пото-

му, что история далеко ушла от ситуации начала XX века (в том числе и благодаря самому советскому эксперименту). Результаты советских 74 лет были гораздо более впечатляющими, но и гораздо менее долговечными, нежели результаты петербургского периода. С другой стороны, плоды советского эксперимента не были уничтожены полностью, несмотря на все старания реформаторов-реставраторов.

Политическая и экономическая стабилизация, осуществленная Путиным, не сняла присущих российскому обществу противоречий, а лишь законсервировала их. Главным позитивным результатом этого периода оказалась некоторая психологическая передышка, которую получило общество, измученное катастрофами и потрясениями. Эта передышка способствовала созреванию новых, присущих капитализму, социальных классов, а вместе с ними — и социальных противоречий. Авторитарная политика власти, которая была необходимым условием стабилизации, одновременно поставила в повестку дня вопрос о демократизации общества.

Любая попытка демократических перемен в России неизбежно сталкивается с необходимостью определить отношение страны к миросистеме. Опыт русской истории показывает, что оставаться в рамках системы значит обречь себя на деградацию, а искать спасения, отделяясь от нее — на изоляцию. Но означает ли это, что Россия, как и большая часть остального мира, навечно обречена выступать в роли периферии, надеясь лишь на незначительное улучшение своей участи в рамках очередного «Кондратьевского цикла»?

России почти удалось вырваться из миросистемы. 74 года советского эксперимента при всем их трагизме оказались временем беспрецедентного исторического величия, оплаченного столь же беспрецедентными жертвами. Эта отчаянная и героическая попытка вырваться из миросистемы завершилась поражением. Однако с крушением Советского Союза борьба не закончилась — ни для России, ни для мира. Она лишь вступила в новую фазу.

В XXI веке России, как и у всего человечества, остается только один выход: изменить миросистему. Преобразо-

вать себя таким образом, чтобы одновременно изменился и внешний мир.

Насколько успешными будут подобные попытки — вопрос уже не теории, а практики. Здесь наше путешествие в глубь русской истории заканчивается. Можно сколько угодно сетовать на неудачное прошлое или мечтать о великом будущем — и то и другое остается уделом идеологических невротиков.

Что же до тех, кто выбирает действие, им необходимо помнить одну очень простую истину: судьба России неотделима от истории человечества. И бороться за лучшее будущее для себя мы способны, лишь пытаясь построить лучший мир для всех.

Впрочем, это можно сказать и о любой другой стране.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. История как политика	5
Глава I. Страна городов	48
Глава II. Упадок XIII века	83
Глава III. Москва и Новгород	107
Глава IV. «Английский царь»	139
Глава V. Кризис XVII века	175
Глава VI. Периферийная империя	203
Глава VII. Дело Петрово	237
Глава VIII. Экспансия XVIII века	260
Глава IX. Житница Европы	291
Глава X. Крымская война и миросистема	328
Глава XI. Эпоха реформ	347
Глава XII. Расцвет русского капитализма: от Витте к Столыпину	385
Глава XIII. Революционный разрыв	440
Глава XIV. Советский мир	481
Глава XV. Возвращение на периферию	518
Глава XVI. «Энергетическая сверхдержава»	549
Заключение	570

Кагарлицкий Борис Юльевич

**ПЕРИФЕРИЙНАЯ ИМПЕРИЯ
ЦИКЛЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ**

Редактор *О. В. Селин*
Художник *Б. Б. Протопопов*
Верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *Н. Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-0825

Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789

«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673

ООО «БСК»: 380-0028

Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.

Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41

Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Книги издательства «Алгоритм» можно приобрести в
интернет-магазине: <http://www.politkniga.ru>

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями
обращаться в ООО «Дип покет» E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact «Deep Pocket»
Pvt. Ltd. for their orders. foreignseller@eksmo-sale.ru

Подписано в печать 07.10.2008.

Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Бумага газ. Усл. печ. л. 30,24.

Тираж 4000 экз. Заказ № 63

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Нигде в Европе не спорят так яростно о деятелях давно минувших дней, как у нас. Оценка Ивана Грозного, Александра II или Петра I неотделима от политической позиции автора. О них говорят так, будто они только что вышли за дверь. Наша страна напоминает огромный дом с привидениями, которые незримо (а иногда и зримо) присутствуют среди участников современных событий.

Прошлое оказывается напрямую связанным с будущим, оно порой кажется участникам событий важнее настоящего. «Власть над прошлым» есть форма политического контроля. Не имея возможности подтвердить свою законность честно полученным народным мандатом, сменяющие друг друга режимы и правительства принуждены апеллировать к прошлому, к истокам.

ISBN 978-5-699-31149-1

9 785699 311491 >